КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

15

КОВЧЕГ литературно-художественный альманах 2025

АКАДЕМИЯ
РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

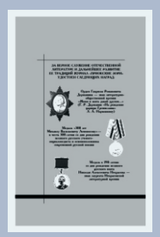

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КОВЧЕГ

2025

15

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

15-Й ВЫПУСК

Санкт-Петербург
Издательство «Центр современной литературы и книги на Васильевском»
2025

УДК 882
ББК 84 2
К 25

Альманах «Ковчег»: духовная страница, проза, к 80-летию Победы, посвящение воинам СВО, поэзия, критика и литературоведение, публицистика, родословие и произведения о детях и для детей. Выпуск 15-й.— СПб.: Изд-во «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2025.— 342 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-94422-209-1

В альманах «Ковчег», выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы, поэмы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широк и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Санкт-Петербурга, Смоленска, Минска, Бобруйска и Бреста (Белоруссия), Симферополя, Любляны (Словения), Архангельска, Сокола Вологодской обл., Брянска, Сельца и п. Нетьинка Брянской обл., Белгорода, Лебедяни Липецкой обл., Новочеркасска Ростовской обл., Москвы и Каширы Московской обл., Тулы и Алексина, Узловой, Щекино, с. Архангельского и д. Яблонево Каменского р-на и Киреевского р-на Тульской обл., Орла, п. Медвенка Курской обл., Ижевска, Нижнего Новгорода и д. Истомино Нижегородской обл., Самары и Нефтегорска и Тольятти Самарской обл., Пензы, Баку (Азербайджан), Екатеринбурга, Стерлитамака Башкирии, Семипалатинска (Казахстан), Омска, Красноярска и Рочестера шт. Нью-Йорк (США). Объединяет же всех — любовь к России, духовности, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и человечества, русского и всех российских народов, будущим наших детей.

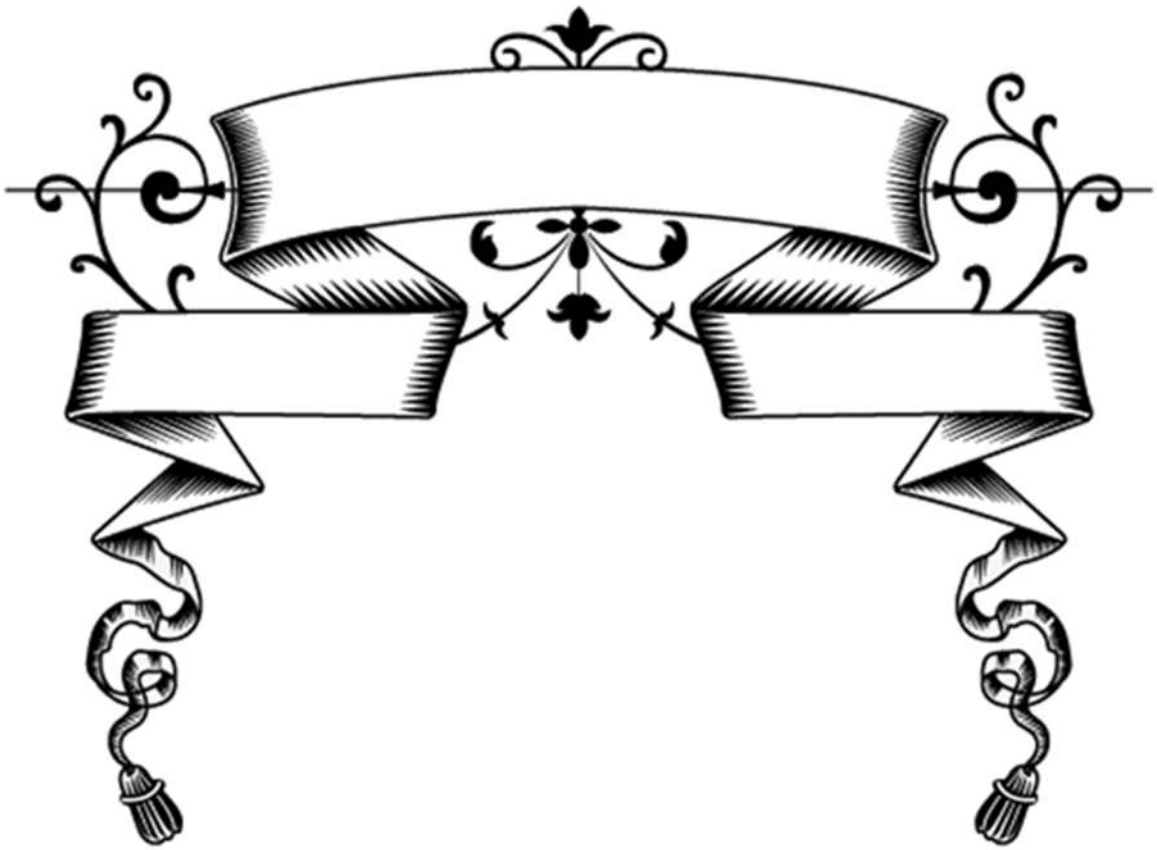
Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

Все сокращения см. на стр. 336

ISBN 978-5-94422-209-1

© Шафран Яков Наумович, идея, составление, 2025
© Авторы, 2025
© Шафран Яков Наумович, оригинал-макет, 2025
© Шафран Яков Наумович, Радько Виктория Владимировна, оформление, 2025

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ)*

Святой новомученик и исповедник Российский, архиепископ Симферопольский, Крымский

ЖИТИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История нашей страны знает множество людей, послуживших ее становлению, возвеличивая ее как святую Русь. Но где она, святая Русь? И можем ли мы назвать так современную Россию? Вопрос непростой, но ответ на него, как видится, лежит вне физических законов и исторических рамок. Святая Русь — это вневременное устроение. Это сонм святых, живших на Руси во все века и сохранявших верность Господу. <…>

И среди них мы видим величественную фигуру святителя Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого; 1877—1961) — ученого с мировым именем, профессора хирургии и топографической анатомии, одного из основателей регионарной анестезии и гнойной хирургии.

В течение многих лет Валентин Феликсович работал земским врачом в самых разных частях России — от юга родины до самых крайних точек на севере страны. В самый разгар антирелигиозной пропаганды профессор, главный врач большой больницы города Ташкента, хирург принимает священный сан. «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: “Не могу молчать!“. И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому», — вспоминает он.

В 1923 году отец Валентин (Войно-Ясенецкий) принял монашеский постриг с именем Лука и был рукоположен во епископа. В сане епископа за исповедание православной веры прошел тернистый путь лагерей, принимал участие в Великой Отечественной войне, в 1946 году возведен в сан архиепископа, награжден правом ношения бриллиантового креста на клобуке. За выдающиеся научные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях крупных суставов» был награжден Сталинской премией I степени, а за участие в Великой Отечественной войне медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Практически до последних дней святитель Лука сочетал епископское служение с хирургической практикой. В 1995 году он был причислен к лику святых Украинской Православной Церкви, в 1999 году — к лику святых Красноярской епархии. В 2000 году — к лику святых Русской Православной Церкви.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

27 апреля 1877 года в городе Керчи в семье провизора Феликса Станиславовича Войно-Ясенецкого и его жены Марии Дмитриевны родился третий сын Валентин. Всего же в семье Войно-Ясенецких было пятеро детей: Павел, Ольга, Валентин, Владимир и Виктория. Отец был благочестивым католиком и держался несколько отстраненно от остальной, воспитанной в православном духе, части семьи. Искренние молитвы родителей Валентин наблюдал с раннего детства, что, несомненно, повлияло на формирование его мировоззрения.

Сам он вспоминал об этом так: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома…», «Мать усердно молилась дома» и далее: «Если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень набожного отца. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял…». Мальчик рос в атмосфере христианской любви и послушания. С детства он отличался спокойным и твердым характером, рано проявил художественные наклонности, окончил одновременно гимназию и художественную школу и стал готовиться к экзаменам в Академию художеств.

По окончании гимназии восемнадцатилетнему Валентину был подарен Новый Завет. Вот как вспоминает об этом святитель в мемуарах: «Правильное представление о Христовом учении я… вынес из усердного чтения всего Нового Завета, который, по доброму старому обычаю, я получил от директора гимназии при

* ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский, Крымский (дано в сокращении) https://azbyka.ru/days/sv-luka-vojno-jaseneckij

вручении мне аттестата зрелости как напутствие в жизнь. Очень многие места этой Святой Книги, сохранявшейся у меня десятки лет, произвели на меня глубочайшее впечатление. Они были отмечены красным карандашом. Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: “Жатвы много, а делателей мало. Итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою” (Мф.9:37). У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: “О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!“. Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

Готовясь стать художником, Войно-Ясенецкий увлеченно занимался рисованием, но, в отличие от своих товарищей по зарисовкам, он выбирал не пейзажи окрестностей Киева и не жанровые сцены. Валентина влекла духовная сторона жизни: «В это время впервые проявилась моя религиозность. Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах. Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы не оставил живописи. Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью».

Однако во время вступительных экзаменов в Петербургскую Академию художеств юношей овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь он избирает: «Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей»,— вспоминал святитель.

Подобный выбор пути — помощь и просвещение народа — соответствовал распространенным в то время в среде русской интеллигенции народническим идеям. Часто народничество связывалось с толстовством. « <…> И хоть увлечение толстовством безвозвратно ушло, но осталось искреннее желание послужить своему народу, чтобы облегчить его страдания».

По мнению Валентина, полезной для страдающих людей была медицина, так как именно в медицинской помощи особенно нуждалась российская глубинка. Но осуществить свое решение и начать учебу на медицинском факультете Валентину Войно-Ясенецкому удается не сразу: еще год он проучился в художественной школе в Мюнхене, затем (в 1897—1898 годах) на юридическом факультете Киевского университета.

В 1898 году он поступает на медицинский факультет. Учился Валентин на одни пятерки и резко выделялся среди студентов превосходно выполненными препарациями трупов: «Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии… мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и оказались правы, хотя я и протестовал против их предсказаний». На четвертом и пятом курсах он увлекся глазными болезнями. Из массы студентов его выделяли высокие моральные требования к себе и другим, чуткость к чужому страданию и боли, открытый протест против насилия и несправедливости. Можно сказать, что первая проповедь будущего святителя была произнесена в университете на 3-м курсе. В один из дней перед лекциями Войно-Ясенецкий узнал, что в пылу спора его сокурсник ударил другого студента по лицу, и это, кроме того, было окрашено национальными красками: «…перед одной лекцией я узнал, что один из товарищей по курсу — поляк — ударил по щеке другого товарища — еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все примолкли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка. Я говорил о высших нормах нравственности, о перенесении обид, вспомнил великого Сократа, спокойно отнесшегося к тому, что его сварливая жена вылила ему на голову горшок грязной воды. Эта речь произвела столь большое впечатление, что меня единогласно избрали старостой».

После блестяще сданных выпускных экзаменов и получения диплома с отличием Валентин страшно обескуражил сокурсников заявлением, что его жизненный путь — это путь земского врача. «Как, Вы будете земским врачом? Ведь Вы ученый по призванию!» — воскликнули коллеги. Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским — мужицким врачом, помогать бедным людям»,— писал в мемуарах святитель Лука.

НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Но сразу земским врачом Войно-Ясенецкому стать не пришлось: в 1904 году в качестве добровольца он был направлен в госпиталь Красного Креста под Читу, где в лазарете на 200 коек его назначили заведующим хирургическим бараком. Уже в первые месяцы практической работы проявился его твердый, волевой характер и высокий профессионализм, об этом времени святитель вспоминал так: «…не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими…». Там же он женился на сестре милосердия Анне Ланской, которая покорила хирурга «исключительной добротой и кротостью характера».

Много жизней спас военно-полевой хирург Войно-Ясенецкий. Один из раненых офицеров в знак бла-

годарности за спасенную жизнь пригласил после войны Валентина Феликсовича с молодой женой Анной жить и работать у него на родине, в Симбирске. Приглашение было принято. Это одна из версий, почему молодой врач приехал именно в Симбирскую губернию. Но по другой версии, представленной народным врачом СССР В. С. Поросенковым, Войно-Ясенецкому посоветовали ехать именно туда ученые с мировым именем Филатовы, родом симбирские.

К моменту приезда В. Ф. Войно-Ясенецкого местная больница, по меркам того времени, относилась к разряду средних. Кроме амбулатории, у нее был стационар на тридцать пять коек. Работа земского врача мало отличалась от работы военно-полевого хирурга: четырнадцати-шестнадцатичасовой рабочий день, те же стоны и страдания измученных болезнью людей. Разница лишь в том, что единственному врачу приходилось быть и акушером, и педиатром, и терапевтом, и окулистом, и хирургом… «Я поступил врачом в Ардатовское земство Симбирской губернии. Там мне пришлось заведовать городской больницей. В трудных и неприглядных условиях я сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии»,— вспоминает Войно-Ясенецкий.

Хорошей помощницей ему была жена, Анна Васильевна. Все трудные земские годы Анна Васильевна не только вела дом, но и профессионально помогала мужу. Причиной непродолжительной деятельности в Ардатове (всего десять месяцев) стала неудовлетворенность одаренного врача от работы с неквалифицированным медицинским персоналом. Эта проблема была во всех земских больницах того времени; при сложных хирургических случаях непрофессионально выполненный общий наркоз часто приводил к смертельным исходам. Яркий случай был описан хирургом Войно-Ясенецким в истории болезни ардатовского периода в июле 1905 года. В амбулаторию ардатовской больницы обратился старик огромного роста и богатырского сложения — карбункул нижней губы. Срочная операция под наркозом была проведена успешно, но спасти больного не удалось. О выводах из подобных клинических случаев сам святитель вспоминал так: «Надо отметить, что в ардатовской больнице я сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости по возможности шире заменять его местной анестезией». Впоследствии хирург Войно-Ясенецкий значительно развил и усовершенствовал один из основных методов местной анестезии — регионарную, или проводниковую, анестезию, при которой путем укола в соответствующий нерв или нервный узел удается обезболить целую область, на которой производится оперативное вмешательство.

В наши годы в Ардатове на здании районной больницы установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь работал великий хирург <…>.

КУРСКАЯ ГУБЕРНИЯ

В ноябре 1905 года Валентин Феликсович переехал в деревню Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии, где заведовал маленькой участковой больницей на десять коек. Помимо этого молодой врач принимал участие в обсуждении целого ряда вопросов, связанных с его земством, в которое входило еще несколько сел и деревень: возвращение с воинской службы земских врачей, созыв съезда врачей, постройка заразных бараков в сельских больницах, посещение школ врачами. Ему также поручили устройство ясель в населенных пунктах и деревнях на его участке. После санитарных советов Валентин Феликсович возвращался домой только к вечеру и сразу же ехал в больницу оперировать. «…В маленькой участковой больнице на десять коек я стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон, и из других уездов Курской губернии, и соседней, Орловской»,— вспоминает свои будни святитель. В то время была широко распространена трахома глаз, лишавшая зрения тысячи людей. Валентин Феликсович возвращал им возможность видеть. В своей автобиографии он приводит по этому поводу следующий курьезный случай: «…молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

Сам святитель так подвел итог своей работы в любажской больнице: «Чрезмерная слава сделала мое положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил».

В период работы в Курской области (с 1905 по 1908 год) хирург Войно-Ясенецкий выполнил более 1500 сложнейших операций, обобщил ряд хирургических случаев и опубликовал свои первые научные статьи <…> В 1907 году Валентин Феликсович был переведен в Фатеж, где заведовал более крупной больницей на 60 коек, и проработал там недолго. Именно в Фатеже в семье родился первенец — сын Михаил. Известно, что в это время святитель посещал Глинскую Рождество-Богородицкую и Коренную общежительную пустынь <…>

Из Фатежа Войно-Ясенецкие переехали в начале 1908 года на Украину в город Золотоношу. Там в семье родился второй ребенок — дочка Елена. О работе в этом городе Войно-Ясенецкого в качестве врача в

амбулатории нет никаких сведений, но известно, что в августе 1908 года, оставив семью на Украине, Валентин Феликсович едет в Москву. Поездка туда была мотивирована научным интересом Войно-Ясенецкого: во время работы в земствах перед ним остро встала проблема операций под местным наркозом <…> И вот в сентябре 1908 года Войно-Ясенецкий поступает в экстернатуру при Московской хирургической клинике известного профессора — хирурга П. И. Дьяконова.

<…> В результате кропотливой и упорной работы появились ценные научные результаты. Но финансовые трудности заставили прервать научную работу и продолжить практическую хирургию в земствах. Семья Войно-Ясенецких отправилась в Саратовскую губернию.

В 1909 году Валентин Феликсович уехал в село Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии. Здесь он принял больницу на 25 коек. Участок Романовской волости был самым большим в губернии, соответственно этому рост числа заболеваний и госпитализированных больных был значительно выше, чем в других волостях. Молодой и энергичный главврач был единственным хирургом в больнице. На собственные средства он купил микроскоп и после операций готовил и исследовал препараты тканей. В районных больницах этим будут заниматься уже в послевоенные годы; В. Ф. Войно-Ясенецкий делал это в 1909 году.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

В 1909 году Войно-Ясенецкий становится главным врачом городской больницы в Переяславле-Залесском, где на 30 койках без электричества, водопровода, рентгеновского аппарата ему удается за год выполнить более тысячи стационарных и амбулаторных операций (такой объем работ выполняют сейчас за год бригады из шести-семи хирургов; при этом для оказания подобной широты операционной помощи понадобятся врачи не менее шести или семи хирургических специальностей). С 1913 года здесь же он начинает заведовать госпиталем для раненых, проводя самые сложные хирургические вмешательства.

В годы Первой мировой войны В.Ф. Войно-Ясенецкий оперировал не только гражданских больных, но и военных, в том числе и раненых пленных. В связи с условиями военного времени в 1914 году больница работала напряженно. «В течение года поступило 1464 больных, 74 из них умерло, 22 после хирургических операций, 52 в терапевтическом отделении. Всего 5 % летальности — это небольшой процент, учитывая военное время. Число коек в больнице увеличилось в 1914 году до 84, вследствие открытия заразного лазарета на 16 коек для раненых, поступивших с театра военных действий»,— вспоминает Валентин Феликсович. Несомненно, В. Ф. Войно-Ясенецкому в научной и практической хирургической работе помогали его поразительное чувство осязания и талант художника. <…>

Из медицинских отчетов того времени видно, что часто услугами хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого пользовались семьи священников, а также насельники переяславских монастырей и монахини Федоровского монастыря, стоящего недалеко от земской больницы.

Продолжает святитель трудиться и над разработкой нового метода местного обезболивания. В 1915 году монография «Регионарная анестезия» под фамилией В. Ф. Войно-Ясенецкого вышла в свет, а в 1916 году автор защитил ее как диссертацию на степень доктора медицины. Работа над диссертацией заняла у него всего восемь месяцев. После блестящей защиты докторской диссертации ему было присвоено звание доктора медицины и вручена награда Варшавского университета за лучшее сочинение, пролагающее новые пути в медицине. И книга, и диссертация получили высочайшие оценки. <…>

Занимаясь исследованием и внедрением в практику регионарной анестезии, Валентин Феликсович в это же время задумал изложить свой опыт работы в книге, которую решил озаглавить как «Очерки гнойной хирургии». <…>

В Переяславле-Залесском в 2001 году в память о деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого на здании переяславской больницы была открыта мемориальная доска: «Здесь, в бывшей земской больнице, в 1910—1916 гг. работал главным врачом и хирургом профессор медицины святитель Лука, архиепископ Крымский (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) 27.04.1877—11.06.1961».

ТУРКЕСТАН

Переехать в Среднюю Азию, в сухой жаркий климат, семью Войно-Ясенецких заставила болезнь Анны Васильевны. Супруга Валентина Феликсовича еще в Переяславле-Залесском заразилась туберкулезом легких. В Ташкенте ее состояние несколько улучшилось. Шел <…> семнадцатый год, Гражданская война была в самом разгаре, бушевала она и в Туркестане. В это время Ташкентская городская больница на тысячу коек, куда был назначен главным врачом Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, очень напоминала земскую: такая же бедность во всем, плохие железные кровати, забитые больными палаты и коридоры. Профессор Ошанин, коллега Валентина Феликсовича, вспоминал, что на улицах Ташкента тогда было далеко не безопасно, нередки были перестрелки. Кто, в кого, зачем стрелял, не всегда бывало понятно — но жертвы были. Раненых привозили в больницу, и Войно-Ясенецкого нередко вызывали среди ночи на

операции. При этом никто и никогда не видел его раздраженным или недовольным. Случалось, раненые поступали один за другим, и он всю ночь оперировал. По свидетельству медицинского персонала, в операционной Валентин Феликсович никогда не повышал голос, говорил спокойно, ровно. С таким хирургом было хорошо работать всем: и ассистентам, и медицинским сестрам.

В 1919 году в Ташкенте было <…> подавлено восстание против новой власти Туркменского полка <…> По ложному доносу Войно-Ясенецкий <…> провел под арестом сутки. Для многих арест закончился расстрелом. Валентина Феликсовича отпустили, но его жена пережила тяжелое нервное потрясение. Это пагубно сказалось на ее здоровье. Болезнь прогрессировала, и вскоре Анна Васильевна умерла, оставив четверых детей, из которых старшему было двенадцать лет, а младшему — шесть.

В молитве над усопшей женой Валентин Феликсович получил откровение об устроении своих детей в жизни. Вот как он сам вспоминал об этом: «Господу Богу было ведомо, какой тяжелый, тернистый путь ждет меня, и тотчас после смерти матери моих детей Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Велецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях (Пс.112:9),— я без сомнения принял как Божие указание возложить на нее заботы о моих детях и воспитании их». София Сергеевна Велецкая долго жила в семье Войно-Ясенецких, в семье младшего сына святителя Луки,— вплоть до самой своей смерти. Но, как говорил сам архиепископ Лука, «она была только второй матерью для детей, ибо Всевышнему Богу известно, что мое отношение к ней было совершенно чистым». На могиле же Анны Васильевны был поставлен крест, на котором Валентин Феликсович собственной рукой написал: «Чистая сердцем, алчущая и жаждущая правды…».

Осенью 1920 года открылся Ташкентский университет, одним из инициаторов его открытия стал Валентин Феликсович. Профессор Войно-Ясенецкий возглавил кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии. Он вспоминал об этом так: «Большинство кафедр было замещено избранными из числа ташкентских докторов медицины, и только я один был почему-то избран в Москве на кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии».

«ДОКТОР, ВАМ НАДО БЫТЬ СВЯЩЕННИКОМ…»

При всей своей загруженности главврача и практикующего хирурга Ташкентской городской больницы, заведующего кафедрой медицинского университета Валентин Феликсович проявлял себя как сознательный и активный член Церкви, болеющий душой за ее судьбы. «Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его. По одному из обсуждавшихся вопросов я выступил с довольно большой речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы. Видный протоиерей Михаил Андреев, настоятель привокзальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Я часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьезные беседы. Я, конечно, не знал, что они будут только началом моей огромной проповеднической работы в будущем»,— вспоминал святитель Лука.

На одном из епархиальных съездов Валентин Феликсович выступил с продолжительной и горячей речью. Это стало одним из решающих моментов в его жизни: «Когда кончился съезд и присутствовавшие расходились, я неожиданно столкнулся в дверях с владыкой Иннокентием. Он взял меня под руку и повел на перрон, окружавший собор. Мы обошли два раза вокруг собора, Преосвященный говорил, что моя речь произвела большое впечатление, и, неожиданно остановившись, сказал мне: «Доктор, вам надо быть священником!» …У меня никогда не было и мысли о священстве, но слова преосвященного Иннокентия принял как Божий призыв устами архиерея и, ни минуты не размышляя, ответил: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!»… Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я в сопровождении двух диаконов вышел в чужом подряснике к стоявшему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время литургии — и в сан диакона… Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием». Наряду со священническим служением отец Валентин Войно-Ясенецкий по-прежнему оперировал и преподавал на кафедре в медицинском университете. «Мне пришлось совмещать свое священническое служение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди <…> Я оставался и главным хирургом Ташкентской городской больницы, потому служил в соборе только по воскресеньям. Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: «Ваше дело не крестити, а благовестити»« (ср.: 1Кор.1:17),— вспоминал он.

Принятие сана произвело огромную сенсацию в Ташкенте, а сам Войно-Ясенецкий говорил о причинах, побудивших его к началу служения Церкви, так: «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: “Не могу молчать!”. И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому».

Промысел Божий поставил отца Валентина в это тяжелое и смутное время защитником христианства. Немой проповедью было и то, что лекции в Ташкентском университете он читал неизменно в рясе и с крестом на груди. Кроме проповеди за богослужением, он проводил беседы каждый воскресный день после вечерни в соборе, и это были, как вспоминал сам святитель, «долгие беседы на важные и трудные богословские темы, привлекавшие много слушателей, целый цикл этих бесед был посвящен критике материализма».

В 1921—1923 годах власти <…> устраивали в Ташкенте специальные диспуты с целью атеистической пропаганды. У отца Валентина Войно-Ясенецкого не было специального богословского образования, но его огромная эрудиция, искренняя вера в Бога и знание учения отцов Церкви позволяло одерживать блестящие победы в многочисленных дискуссиях и диспутах. Верующие, да и неверующие всегда были на его стороне. Он сам вспоминал об этом так: «…мне приходилось в течение двух лет часто вести публичные диспуты при множестве слушателей с отрекшимся от Бога протоиереем Ломакиным, бывшим миссионером Курской епархии, возглавлявшим антирелигиозную пропаганду в Средней Азии. Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника от веры, и верующие не давали ему прохода вопросом: “Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?”. Несчастный хулитель Бога стал бояться меня и просил устроителей диспутов избавить его от “этого философа” … Однажды, неведомо для него, железнодорожники пригласили меня в свой клуб для участия в диспуте о религии. В ожидании начала диспута я сидел на сцене при опущенном занавесе и вдруг вижу — поднимается на сцену по лестнице мой всегдашний противник. Увидев меня, крайне смутился, пробормотал: “Опять этот доктор”, поклонился и пошел вниз. Первым говорил на диспуте он, но, как всегда, мое выступление совершенно разбило все его доводы, и рабочие наградили меня громкими аплодисментами».

Отец Валентин Войно-Ясенецкий готов был мужественно отстаивать свою веру перед всеми <…> Пример этого можно найти в его автобиографии, когда он выступал в качестве защитника <…> «”Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы его видели, своего Бога?” — спрашивал чекист Петерс. “Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель,— отвечал отец Валентин.— Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил”. (Колокольчик председателя потонул в долго не смолкавшем хохоте всего зала.)».

ИСПОВЕДНИЧЕСТВО

<…> После отъезда из города правящего архиерея народ единодушно избрал отца Валентина его преемником, и 31 мая 1923 года Войно-Ясенецкий, принявший монашеский постриг с именем апостола Луки, стал епископом. Вот как вспоминал свою первую архиерейскую службу святитель Лука: «На воскресенье, 21 мая, день памяти равноапостольных Константина и Елены, я назначил свою первую архиерейскую службу. Преосвященный Иннокентий уже уехал <…> и свою первую воскресную всенощную и литургию я мог служить только с одним протоиереем Михаилом Андреевым. …На моей первой службе в алтаре присутствовал преосвященный Андрей Уфимский; он волновался, что я не сумею служить без ошибок. Но, по милости Божией, ошибок не было».

Реакция власти на появление в Туркестане правящего архиерея, который был знаменитым хирургом, профессором и ученым, не замедлила проявиться. <…> 10 июня 1923 года епископ Лука был арестован. Вот как он сам вспоминал свой первый арест: «Я спокойно отслужил вторую воскресную всенощную. Вернувшись домой, я читал правило ко Причащению Святых Тайн. В 11 часов вечера — стук в наружную дверь, обыск и первый мой арест. Я простился с детьми и Софией Сергеевной и в первый раз вошел в «черный ворон», как называли автомобиль ГПУ. Так положено было начало одиннадцати годам моих тюрем и ссылок».

В тюремной камере в Ташкенте святитель пишет завещание своей пастве, в котором предостерегает от молитвенного общения с раскольниками-обновленцами и их епископом <…>

Во время пребывания в тюрьме святитель закончил последнюю главу книги «Очерки гнойной хирургии», над которой он трудился более двадцати лет, называемую «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его». Вот что вспоминает сам святитель: «Я обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любезен, что предоставил мне право писать в его кабинете по окончании его работы. Я скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе я написал: “Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии”. Так удивительно сбылось таинственное и непонятное мне Божие предсказание об этой книге, которое я получил еще в Переяславле-Залесском несколько лет назад: “Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа”».

«Очерки гнойной хирургии» были изданы четырежды: в 1934-м, 1946-м, 1956-м и 2000 годах. В пре-

дисловии к первому изданию епископ Лука писал, что эта книга подводит итог его многолетним наблюдениям в области гнойной хирургии.

АРЕСТЫ И ССЫЛКИ

После длительного следствия мерой наказания для святителя Луки определили ссылку в город Енисейск Красноярского края. Туда его отправили в начале зимы 1923 года. В Енисейске на квартире святитель Лука и другие ссыльные священнослужители совершали по воскресеньям и другим праздничным дням всенощное бдение и литургию. Вот что вспоминает об одной такой службе святитель: «В один из праздничных дней я вошел в гостиную, чтобы начать литургию, и неожиданно увидел стоявшего у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел при виде меня и даже не поклонился. Придя в себя, он сказал, отвечая на мой вопрос, что в Красноярске народ не хочет иметь общения с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за триста к югу от Красноярска, где жил православный епископ, имени его не помню. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то неведомая сила увлекла его в Енисейск ко мне. “А почему же ты так остолбенел, увидев меня?” — спросил я его. “Как было мне не остолбенеть?! — ответил он.— Десять лет тому назад я видел сон, который как сейчас помню. Мне снилось, что я в Божием храме, и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда Вы вошли, я увидел этого архиерея!" Монах сделал мне земной поклон, и за литургией я рукоположил его во иеромонаха. Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в городе Переяславле-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был епископом. Так неисповедимы пути Господни».

В Енисейске святитель работал в городской больнице, где блестяще выполнял хирургические, гинекологические, глазные и другие операции, а также вел большой прием у себя на квартире. Сам владыка вспоминал: «Мой приезд в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими». Но возрастающая популярность ссыльного епископа сделала невыносимым его пребывание со стороны местных властей, кроме того, благодаря активной проповеднической деятельности святителя православное население Енисейска перестало посещать обновленческие церкви и окормлялось у святителя Луки. В результате из Енисейска уже местные власти переправили ссыльного в еще более глухой край — в Туруханск.

По воспоминаниям святителя, его встретили очень хорошо <…> Духовная жизнь с прибытием в Туруханск святителя заметно оживилась. Местная община подчинялась Красноярскому живоцерковному раскольническому архиерею. Владыка Лука своей проповедью о грехе раскола и неканоничности обновленческой церкви привел к покаянию всю туруханскую паству, присоединив ее к законной Православной Церкви, возглавляемой Патриархом-исповедником Тихоном. Все это послужило поводом к дальнейшей высылке святителя.

В зимнюю стужу 1924—1925 годов архиепископа Луку отправили в енисейскую глухомань за сотни километров севернее Полярного круга. <…> Условия, в которых оказался святитель, были очень тяжелые. Это была плохо отапливаемая в лютый мороз изба, с льдинами вместо окон и никогда не тающим снегом на полу, но и здесь святитель был истинным пастырем стада Христова. Вместе с немногочисленными жителями поселения он читал Евангелие, крестил их детей. Но и Плахино не стало постоянным местом ссылки — святителя возвратили в Туруханск, где он пробыл еще восемь месяцев. Срок ссылки истек в январе 1926 года, и святитель вернулся в Красноярск на санях по замерзшему Енисею. На протяжении этого длинного и трудного пути его неизменно встречали толпы народа, и он совершал богослужения в переполненных храмах, много проповедовал.

С 1927 по 1930 год епископ жил в Ташкенте как частное лицо, так как был лишен и епископской, и университетской кафедры. Он вспоминал: «Занимаясь только приемом больных у себя на дому, я, конечно, не переставал молиться в Сергиевском храме на всех богослужениях, вместе с митрополитом Арсением стоя в алтаре». При этом владыка не только лечил, но и оказывал материальную помощь неимущим пациентам. Однажды он приютил брата и сестру, отец которых умер, а мать попала в больницу. Вскоре девочка стала помогать ему во врачебных приемах. Владыка постоянно посылал ее по городу разыскивать больных бедняков. Другая девочка, которой он помог, вспоминала о беседах с епископом Лукой: «Любой разговор как-то сам собой поворачивался так, что мы стали понимать ценность человека, важность нравственной жизни».

В 1930 году его вновь арестовали. Теперь — по обвинению в выдаче «ложной справки о самоубийстве» профессора Михайловского, который находился в состоянии душевной болезни. Этот документ разрешал отпевание, но он же послужил формальным поводом к аресту святителя. Итог следствия в ОГПУ — «выслать в Северный край сроком на 3 года». Владыка Лука в автобиографии вспоминал истинные причины ареста: «23 апреля 1930 года я был вторично арестован. На допросах я скоро убедился, что от меня хотят добиться отречения от священного сана». Ссылку в Архангельск сам владыка считал весьма легкой, в городе он работал хирургом в большой амбулатории. Ссылка закончилась в ноябре 1933 года. Вернувшись в Ташкент, он не смог найти работы. Место врача в районной больнице ему дали в небольшом среднеазиатском городке

Андижан. А через год он вернулся в Ташкент, где в городской больнице заведовал гнойным отделением.

Осенью 1934 года в Медгизе вышло первое издание книги «Очерки гнойной хирургии», ставшей практическим пособием для нескольких поколений хирургов. Но не только технической стороне — постановке диагнозов и оперативным методам лечения учит святитель на страницах этой книги — подлинно человеческим отношением к больному, христианским милосердием дышат подобные строки: «Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость и тот интерес, который она может представить, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется “случаем”. Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле…». На протяжении всей книги перед читателем проходят яркие образы людей с их страданиями и немощью. В предисловии к пятому изданию «Очерков гнойной хирургии» говорится, что «по своим научным, клиническим и литературным достоинствам книга В.Ф. Войно-Ясенецкого представляется уникальной, не имеющей аналогов в мировой медицинской литературе. Скромно названная автором “очерками”, она справедливо может считаться “Энциклопедией гнойной хирургии” или “Энциклопедией пиологии”».

В 1935—1936 годах епископ работал в Ташкенте в Институте неотложной помощи, читал лекции в Институте усовершенствования врачей. Утро владыки начиналось в семь часов с молитвы в храме, где он служил и проповедовал по воскресным и праздничным дням.

В 1937 году святителя Луку обвинили в шпионаже в пользу иностранной разведки. Для сфабрикованного дела необходимы были ложные признания, их выбивали из владыки многомесячными пытками и издевательствами. Сам архиепископ говорил об этом так: «Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине извиваются змеи. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой».

Милостью Божией владыка, которому к тому времени было уже шестьдесят лет, с крайне подорванным в предыдущих ссылках здоровьем выдержал и эти мучения. Следствие, как и перед предыдущими двумя ссылками, зашло в тупик, поскольку святитель не признавал ложные обвинения. Но, несмотря на это, епископа осудили и отправили в пятилетнюю ссылку в Красноярский край. Пригнали епископа Луку в село Большая Мурта, расположенное в сто тридцати верстах к северу от Красноярска. Там в районной больнице святитель развил активную хирургическую деятельность, а из Ташкента владыке присылали много историй болезни пациентов с гнойными заболеваниями для нового издания «Очерков гнойной хирургии». Эта книга вместе с монографией «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» стала большим подспорьем в работе фронтовых хирургов в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. АРХИЕРЕЙСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В КРАСНОЯРСКЕ

С началом войны с фашистской Германией владыка из ссылки пишет телеграмму на имя Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». Его незамедлительно назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 15-15 в Красноярске. Два года он с полной отдачей сам лечил офицеров и солдат. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палатки по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами»,— вспоминал он. Приезжавший в госпиталь инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из эвакуационных госпиталей не наблюдалось подобных блестящих результатов лечения раненых, как у владыки Луки.

До 1943 года владыка был лишен возможности совершать богослужения, так как в Красноярске, городе с многотысячным населением, последнюю из множества церквей закрыли перед войной. И вот в марте 1943 года святителя назначили архиепископом Красноярским. Он писал сыну: «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским… Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий». При-

знание святителя в светских кругах росло, он вспоминал: «Почет мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают». Конечно же, владыка знал об изменении отношения государства к Церкви в связи с войной и мировым положением страны, но в то же время в одном из писем сыну есть такие строки: «В Красноярске, в “кругах” говорили обо мне: “Пусть служит, это политически необходимо”. …Я писал тебе, что дан властный приказ не преследовать меня за религиозные убеждения. Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его…» И в другом письме: «Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять».

В Красноярске началась переписка святителя с митрополитом Сергием Страгородским, которая имела немаловажное значение для подготовки Собора епископов Русской Православной Церкви 1943 года для избрания Патриарха всея Руси. Архиепископ Лука принял непосредственное участие в составлении документов Собора. Он был членом Священного Синода.

ТАМБОВСКАЯ ЕПАРХИЯ

Красноярская ссылка закончилась в конце 1943 года. Святителя сразу же назначили архиепископом Тамбовской епархии, где он в течение двух лет одновременно работал хирургом в госпиталях и служил в церкви. В управлении епархией архиепископ Лука сразу столкнулся со множеством трудностей. Тамбовский храм, долгие годы содержавший под своей кровлей рабочие общежития, доведен был до последней степени запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами. Владыка Лука без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу, которой оказалось еще больше, чем в Красноярске. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось сто пятьдесят госпиталей, от пятисот до тысячи коек в каждом. Также он консультировал хирургические отделения большой городской больницы. Владыка Лука по-прежнему был готов работать сутками, несмотря на то, что ему было уже под семьдесят. В письме сыну он писал: «Приводим церковь в благолепный вид… Работа в госпитале идет отлично… Читаю лекции врачам о гнойных артритах… Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать».

«МОЯ СЛАВА — БОЛЬШОЕ ТОРЖЕСТВО ДЛЯ ЦЕРКВИ…»

В конце 1945 года владыку и его секретаря пригласили в облисполком, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». После вручения медалей председатель сказал, что хотя труд Войно-Ясенецкого как консультанта эвакогоспиталя завершен (госпитали эти осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы (он подчеркнул это «вы», давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле» <…>

За опубликованные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» владыке присудили Сталинскую премию I степени с денежным вознаграждением. Его он пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Отечественной войне. «Множество поздравлений отовсюду,— писал владыка Лука после получения премии.— <…> Моя слава — большое торжество для Церкви, как телеграфировал Патриарх». Это и было самой большой наградой для владыки Луки — слава матери Церкви, за которую он готов был претерпеть любые мучения и даже смерть. Владыка Лука считал, что его научный труд привлечет к православию многих интеллигентов. <…>

За большие заслуги перед Русской Церковью архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука в феврале 1945 года был награжден Патриархом Алексием (Симанским) правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда. В эти же годы (1945—1947) святитель пишет богословский труд «Дух, душа и тело», который считал главным трудом своей жизни (эта книга была издана только в 1992 году). «Дух, душа и тело» является трудом апологетическим, направленным к материалистически настро-

енной интеллигенции. Поэтому взаимоотношения духа, души и тела святитель рассматривал с точки зрения науки: физики и медицины; подводил под свои выкладки философское обоснование, а выводы его зиждутся на основательной базе Священного Писания. Вместе с читателем святитель Лука проходит путь от знания к вере — в отличие от того, как воспринимает мир верующий человек, идя от веры к знаниям. Для самого святителя Луки, крупного ученого и богослова, не было разрыва веры и разума, науки и религии, и Божий мир воспринимался им как целое. Отсюда и его потребность как талантливого ученого и человека, наделенного благодатью веры, дать свое целостное видение мира и человека для следующих поколений.

В настоящее время в Тамбове открыт музей истории медицины, в основе экспозиции которого представлены фотографии святителя Луки, его документы, личные вещи, хирургические инструменты, прижизненные издания научных работ, тексты проповедей. Тамбовская городская больница носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В 1993 году больницу освятил Святейший Патриарх Алексий II. На территории больницы установлен памятник профессору медицины архиепископу Луке.

КРЫМСКАЯ ЕПАРХИЯ

В связи с назначением на Симферопольскую и Крымскую кафедру 26 мая 1946 года владыка переехал в Симферополь. <…>

В Симферополе, в отличие от других городов, святителю Луке не дали возможности заниматься лечением больных и научной деятельностью, хотя он и продолжал принимать безвозмездно больных на дому. Несколько раз владыка выступал с чтением лекций и докладов по вопросам гнойной хирургии в разных местах Крыма, но <…> на докладах святителя атеистически настроенные профессора требовали, чтобы владыка выступал в гражданской одежде. Узнав это, святитель Лука сказал: «Что им далась моя ряса, не все ли равно, как я одет и что на мне, я же не читаю врачам лекции по богословским наукам, а только по вопросам хирургии».

В результате сложившейся ситуации святитель Лука решил оставить активную медицинскую деятельность и направить все силы на управление епархией, которая после войны была в полном упадке. Несмотря на преклонный возраст и подорванное десятилетиями ссылок и тюрем здоровье (в частности, частичную потерю зрения), святитель часто сам ездил по приходам для ознакомления с приходской общиной и состоянием храмов.

Так, например, в 1947 году владыка объехал пятьдесят приходов епархии из пятидесяти восьми, повсюду служил и проповедовал. В отчете за этот год святитель писал о том, что Крымская епархия одна из самых бедных: бытовые условия многих священников плачевны и нетерпимы, их доходы менее чем нищенские. У священника ялтинской церкви сумма доходов едва покрывала скромный постный стол, а на одежду и обувь ничего не оставалось. Многие священники вследствие такого положения вынуждены были наниматься на тяжелые черные работы. Жилищные условия духовенства также были довольно тяжелыми. Среди церковных старост было много воров, расхищавших церковные доходы. По отзывам крымских старожилов, религиозность русского населения Крыма всегда была низкая, и церкви поддерживались главным образом греками и болгарами, которые во время войны были выселены из Крыма. Верующих отвлекали от Церкви запрещением учителям и школьникам ходить в храм. Над школьниками, посещавшими церкви, издевались, на родительских собраниях всячески высмеивались верующие. Плохо обстояли дела с церквами Крымской епархии. Уполномоченные по делам религии писали о том, что многие церкви в Крыму давно бы перестали существовать, если бы архиепископ Лука не поддерживал их материально, не переводил бы священников в пустующие храмы. Но положение с кадрами в епархии было катастрофическое, священников не хватало. Священников же из других епархий в Крыму не прописывали, и они вынуждены были уезжать, духовных школ в епархии не было, и богословский уровень подготовки священнослужителей оставлял желать лучшего.

С помощью указов святитель старался повысить духовный уровень священнослужителей, давая распоряжение служить ежедневно даже в сельских храмах. «Если будет знать верующий народ, что каждое утро открыт храм, что даже при невозможности ежедневно совершать в нем Божественную литургию читаются в нем часы и служится обедница, то сила Божия упрочит благочестие, привлечет в храмы все больше людей, видящих, что священник каждый день молится о них»,— писал святитель духовенству епархии.

В годы управления Крымской епархией Высокопреосвященнейший Лука произнес большую часть своих проповедей. Он начал проповедовать еще в Ташкенте, но по причине ареста и ссылки многие годы вынужден был молчать. Однако с весны 1943 года, когда в Красноярске открылся храм, и до конца жизни архиепископ Лука проповедовал неустанно: писал проповеди, произносил их, правил, рассылал листки с текстом по городам страны. «Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе»,— говорил он. По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: «Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви <…> Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога».

Проповеди святителя составляют 12 томов. В 1957 году в Московской Духовной Академии была созда-

на специальная комиссия под председательством профессора гомилетики протоиерея Александра Ветелева для изучения проповедей святителя Луки. В заключении комиссии было сказано, что проповеди архиепископа Луки, его труд «Дух, душа и тело» представляют исключительное явление в современной церковно-богословской литературе, а святитель был удостоен звания почетного члена Московской Духовной Академии. <…>

В 1958 году владыка Лука полностью ослеп. Несмотря на это, до конца жизни он продолжал архиерейскую службу, выступал с проповедями перед прихожанами и настолько точно исполнял все детали службы, что никто не мог догадаться о слепоте пастыря.

БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ БОЖИЯ

11 июня 1961 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Лука скончался. Прощаться с великим архиереем вышел весь город: люди заполнили крыши, балконы, сидели даже на деревьях. Огромная процессия в течение нескольких часов провожала своего пастыря под пение «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!» через весь город. Его похоронили на маленьком церковном кладбище при Всехсвятском храме Симферополя, куда позднее ежедневно приезжали и приходили родственники и православные странники, больные, ищущие исцеления,— и каждый получал искомое. Архипастырь и после смерти своей Святым Духом продолжал исцелять людей, о чем собраны многочисленные устные и письменные свидетельства. <…>

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен Православной Церковью к лику местночтимых святых Крыма. <…> В Симферопольской и Крымской епархии торжество прославления святителя Крымского Луки состоялось 24—25 мая 1996 года.

В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе святитель Лука (Войно-Ясенецкий) был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память ему установлена 11 июня, а также 25 января (7 февраля) — вместе со святыми новомучениками и исповедниками Российскими и 15 (28 декабря) — собор всех Крымских святых.

В Симферополе, в парке, который носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), установлен памятник святому. В архиерейском доме, где жил и трудился святитель Лука с 1946 по 1961 год, находится часовня. <…>

ЦИТАТЫ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

ПЯТНАДЦАТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ*

• Познать Бога — это значит познать всесовершенную, абсолютную любовь.

• Молитва есть важнейшее из всех дел христианина. Все прочие дела его малы и ничтожны, совершенно ничтожны по сравнению с делом и трудом молитвы.

• Стоит Христос у двери сердца каждого из вас и потихоньку, потихоньку стучит, и ждет — не отворится ли дверь, не впустят ли к себе. И стоит только отворить дверь, чтобы вошел Он и вечерю с вами сотворил.

• Совесть дана от Бога всем, но от человека зависит, слушать голос совести и следовать ему или заглушать этот голос.

• Бог близок к нам, когда имеем постоянное общение с Ним в молитве и делах любви.

• За жизнь, полную добрых дел и милосердия, воздаст Всеправедный Бог славой, честью и миром даже в этой жизни…

• Есть высшая форма молитвы — молитва без слов, вопль души к Богу, разверзающий небеса и приводящий нас в самое живое общение с Богом.

• Положите себе за правило никогда не вспоминать добрых своих дел, совсем забывайте о них. Помните всегда только о грехах, о дурных делах ваших. И тогда станете смиренными, будете считать себя грешнее всех людей, а смирение есть первая и основная добродетель христианина.

• Милостыня имеет огромную, бесконечную силу.

• Цель жизни — совершенство в любви, в праведности, а для этого надо неустанно работать над очищением сердца своего.

• Молитва, которая не творит видимых, изумляющих ум наш чудес, творит чудеса в тайне человеческих

* 15 ВЫСКАЗЫВАНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)
https://obitel-minsk.ru/chitat/den-za-dnyom/2018/15-vyskazyvanij-svyatitelya-luki-vojno-yaseneckogo

сердец.

• Милосердие наше производит великую благодарность Богу в людях, далеких от Него.

• Только непрестанная, как падение капель, молитва смягчает оледеневшие без молитвы сердца.

• Чтобы творить что-либо доброе, подлинно доброе, мы должны быть смиренными.

• Надо благодарить Бога, когда мы в немощах, в обидах, в нуждах, в притеснениях за Христа, ибо тогда мы истинно сильны.

ЦИТАТЫ ИЗ КНИГ АВТОРА*

• Нужна умеренность в наказании, по слову святителя. Нельзя наказывать детей с раздражением, со злобой, с ненавистью. Нужно наказывать спокойно, любя; тогда дети почувствуют эту любовь, они почувствуют, что заслуживают этого наказания, и тогда наказание будет с пользой и их исправит.

• Тяжкий ответ дадите вы перед Богом за всякий соблазн, который видят в вас дети ваши, за все ссоры, ругательства, пустословия, драки, которые происходят на их глазах. Если сами так поступаете, то чему научите детей ваших?

• В браке мужчина находит великое восполнение своей сущности, сокровищ духа своего из сокровищ души своей жены. Грубость мужского сердца восполняется нежностью и чистотой сердца жены, ибо сердце женщины гораздо тоньше, способнее к духовной любви.

• Осознайте обязанность, прежде всего, перед Богом, потом перед обществом и государством, возложенную на вас в брачном союзе. Вспоминайте слова о важности брака и стройте его так, чтобы он был союзом, благословленным Самим Богом, Которому слава и держава во веки веков! Аминь.

• Растение, которое не поливают, засыхает. Душа, которая не молится, не поддерживает себя молитвой, засыхает, становится мертвой. Такие люди кажутся живыми, а на самом деле они мертвы, духовно мертвы, ибо живут они только ради самоугождения, угождения плоти своей, ни о чем духовном не помышляя.

• Но только ли человек наследует бессмертие? Великое слово: — относится, конечно, не к одному человеку, а ко всему творению, ко всей твари. Мы говорили уже, что дух животных,— хотя бы и самый малый начаток его, дух жизни, не может быть смертным, ибо и он от Духа Святого. И у животных дух связан с телом, как у человека, и поэтому есть полное основание ожидать, что и их тела будут существовать в новой природе, новом мироздании после гибели нынешнего мира

• <…> Для проявления трансцендентальных способностей нашего духа, для обнаружения сверхсознания необходимо, чтобы угасло, или, по крайней мере, значительно ослабело нормальное, феноменальное сознание. Дю-Прель приводит для выражения этой мысли удачное сравнение: звезды льют свой свет беспрестанно, но при солнечном свете мы не видим света звезд. Надо, чтобы зашло солнце и наступила ночная тьма, и тогда звезды засияют для нас.

• Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей.

• Мозг, собственно,— орган внимания к жизни, приноровления к действительности.

• Мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию

• А не делать различий между ощущениями и чувствами — значит впадать в самую глубокую психологическую ошибку.

• Жизнь духа тесно переплетается с теми психическими актами, которые общи человеку и животным, т. е. с органическими ощущениями и чувственными восприятиями; эти последние, в свою очередь, неразрывно связаны с жизнью тела, особенно мозга, и исчезают со смертью тела. Поэтому примитивная душа животных смертна, как смертны и те элементы самосознания человека, которые исходят из умершего тела (органические и чувственные восприятия). Но бессмертны те элементы самосознания, которые связаны с жизнью духа. Бессмертен дух, который, как покажем ниже, может существовать без связи с телом и душой. Материалисты отрицают бессмертие души именно потому, что ничего не хотят знать о духе.

• Если бы можно было видеть через черепную коробку, и если бы место больших полушарий с повышенной возбудимостью светилось, то мы увидели бы на сознательно думающим человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно изменяющееся по форме и величине, причудливо неправильных очертаний светлое пятно…

• Живых существ четыре различных вида: одни из них бессмертны и воодушевлены,— каковы Ангелы; другие имеют ум, душу и дыхание,— каковы люди; иные имеют дыхание и душу,— каковы животные; а иные имеют только жизнь,— каковы растения. Жизнь в растениях держится и без души, и без дыхания, и без ума и бессмертия; но и прочее все без жизни быть не может. Всякая человеческая душа есть приснодвижна»

* ЦИТАТЫ ИЗ КНИГ АВТОРА «СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА КРЫМСКИЙ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ)»
https://mybook.ru/author/svyatitel-luka-krymskij-vojno-yaseneckij/citations/

(Добротолюбие, т. 1, стр. 93).

• Растения обладают бессознательным представлением и бессознательной волей. Смутное представление и стремление приписывает монадам и Лейбниц. А растение есть монада. Наше убеждение в одухотворенности растений, конечно, совершенно не противоречит мнению святого Антония Великого о недопустимости признавать в растениях душу. Вот его слова: «Против тех, кои дерзают говорить, что растения и травы имеют душу, написал я сию главу к сведению для простейших. Растения имеют жизнь физическую, но души не имеют. Человек называется разумным животным, потому что имеет ум и способен приобретать познания. Прочие же животные земные и воздушные, у которых есть голос, имеют дыхание и душу». <…>

• Пшеница, ячмень и горчица, найденные при египетских мумиях и пролежавшие три тысячи лет, если они не подвергались вредным воздействиям, при которых возможны повреждающие их ферментативные процессы, дают отличные всходы, когда их поместят в благоприятные условия влажности и тепла.

• Молекулярным движением в нервных клетках сопровождается мысль человека. Покоя нет и в смерти, которая не что иное, как смена определенных мгновенных состояний равновесия, также кратковременной продолжительности.

О СЕМЬЕ И ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ*

• Еще не должны вы забывать о том, что нельзя воспитать малого ребенка, никогда его не наказывая. Должны вы помнить о том, что величайшую ошибку делают те родители, которые влюблены в своих маленьких детей, любуются ими, все прощают, никогда не наказывают. О таких сказал премудрый Соломон: «Лелей дитя, и оно устрашит тебя» (Сир. 30, 9).

• Детей надо начинать воспитывать с самых пеленок, ибо только в самом юном возрасте они легко поддаются всякому научению. Их душа мягка, как воск, на ней отпечатывается все: и ваши дурные примеры, и благочестивые слова, и всякий светлый и чистый пример.

• И худо не только то, что вы внушаете детям противное заповедям Христовым, но и то еще, что доброе хулите, называя скромность — необразованностью, кротость — трусостью, справедливость — слабостью, смирение — раболепством, незлобие — бессилием. Вы склоняете их к таким делам, за которые Иисус Христос определил неизбежную погибель; вы об их душе как о чем-то ненужном небрежете, а о том, что действительно излишне, заботитесь, как о необходимом и важнейшем.

• … Дети воспитываются именно примером родителей своих. Всякое словесное поучение, всякое педагогическое искусство — ничто, пустота, по сравнению с тем.

• Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих. Всегда заботьтесь о них, всегда подавайте им чистые, святые примеры благочестия, и тогда Господне благословение будет от века и до века на детях ваших и на вас самих.

• Нет более важной обязанности, нет более высокой ответственности перед Богом для матери, чем доброе воспитание детей.

• Тихон Задонский: «Юные ненаказанные и в возраст пришедши суть как кони необученные и свирепеющие. Посему, христианин, люби детей своих и наказуй их. Пусть они ныне болезнуют телом, пока молоды, дабы и по себе ты не болезновал о них сердцем. Пусть они плачут от тебя, чтобы не плакал ты от них и о них. Впрочем, умеренность во всем похвальна и потребна».

• Нужно детям своим внушать презрение к деньгам, богатству, славе, высокому положению в обществе. Нужно прививать им любовь к чистоте, святости, благочестию.

• Нельзя на Бога возлагать своих собственных обязанностей, потому что вы сами должны были заботиться о детях ваших и воспитывать их, а не ждать, что за вашим нерадением за вас исполнит это Бог.

• Как часто теперь побуждением к браку бывает только похоть, плотское стремление мужчины к женщине, без всяких нравственных обязанностей, без глубокого понимания значения брака.

• Вы должны беречь детей от всего, что нечисто, дурно.

• Слово, исходя из уст наших, всегда производит действие, чрезвычайно глубокое на окружающих нас людей, даже на удаленных от нас людей. Каждое доброе, мудрое слово живет в сердцах людских и приносит благие плоды на долгие годы. Всякое злое слово — клевета, ложь, злословие — тоже живет чрезвычайно долго, много лет, вселяется в умы, в сердца…

• Скажите, разве есть что-либо другое, к чему относились бы легче, чем к слову? Удивительно, поразительно, как люди не понимают огромного, колоссального значения слова человеческого. Наша способность слова в значительной мере уподобляет нас Самому Богу. Бог словом сотворил весь мир, слово Божье имеет огромную, могущественную силу. Знаете, что пророк Илья словом воскрешал мертвых, словом своим останавливал дождь…

• Люди <…> помнят, что сказано святым апостолом Павлом: «Не понимаю, что делаю: потому что не

* Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). О семье и воспитании детей https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/o-seme-i-vospitanii-detej/

то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7, 15). Так говорит величайший верховный апостол, сознавая свое бессилье идти по пути добра, глубоко понимая, что плоть его, которая тянет вниз и не пускает сердце высоко к Богу, имеет огромную власть над ним. Он тосковал, мучился душой, что не творил того доброго, чего жаждала душа его, а творил то злое, чего не хотел. Святой Ефрем, глубоко сознавая это, молил Бога, чтобы избавил от пороков, чтобы дал силу творить добро. Силу творить добрые дела получаем только от Бога, силу избавиться от пороков получаем только от Бога.

• Гордость — антитеза смирения, злоба и ненависть — антитеза любви, богохульство — антитеза любви к Богу, самолюбие и корыстолюбие — антитеза любви к людям. Отрицательное возникает при потере положительного и неуклонно развивается. Тьма возникает при потере света, холод — при потере тепла, неподвижность и застой — при потере движения. Дух сатаны родился при потере любви к Богу. Дух Божий и дух сатаны действуют повсюду и на все живое. Живое способно к восприятию сродного ему. <…> Люди, сродные по духу сатане, воспринимают дух его, неуклонно.

• Иннервация сердца поразительно богата и сложна. Оно все оплетено сетью волокон симпатической нервной системы и через нее теснейшим образом связано с головным и спинным мозгом. От блуждающего нерва оно получает целую систему церебральных волокон, по которым передаются ему многосложные воздействия центральной нервной системы и, весьма вероятно, посылаются в мозг центростремительные чувственные импульсы сердца.

• Любовь супружеская легка, ибо она поддерживается сильным непрестанным стремлением одной плоти к другой, она укрепляется неразрывной телесной связью. Тела мужчины и женщины взаимно дополняют друг друга, и через это происходит зарождение нового человека в мир.

• Определяя выше, чем вызываются акты сознания, мы говорили о восприятиях из высшего духовного мира. При этом мы имеем в виду воздействия на дух человеческий Духа Божия и духа сатаны.

• Глубочайшую сущность существа нашего познаем мы не умом, а духом. Самосознание есть функция духа, а не ума.

• Тяжкий, тяжкий ответ даст перед Богом каждый из тех, кто не заботится о воспитании детей. <…> «Ну что же, дети малые, что с них спрашивать?» Господь спросит с них! Спросит грозно, зачем позволяли детям воровать с самого юного возраста, зачем не учили Заповедям Божиим, зачем не внушили отвращение и презрение к воровству и хулиганству?

• Неужели не видите, какой ужас происходит с вашими детьми, когда вы бросаете жен!? Неужели вы сами не видите мрачно потупленных в землю детских глаз, не видите страданий детского сердца: «Как это может быть, чтобы отец оставил мою мать!?»

• Сколько стало безжалостных мужчин, которые, чтобы удовлетворять свою похоть с другой нечистой женщиной, бросают своих жен с детьми на произвол судьбы.

• Кто же воспитывает детей в таких семьях, где и отец, и мать занимают важные общественные должности, с утра до ночи на работе и не имеют ни времени, ни сил, ни возможности заниматься детьми? В огромном большинстве случаев — никто. Хорошо, когда воспитательницей в доме бывает старая добрая няня. Но далеко не во всякой семье есть благочестивая старушка. А такая семья, в которой некому заниматься воспитанием детей, не составляет единого неразрывного духовного целого, отчего не может быть благополучия ни в обществе, ни в государстве.

• Все великое, вечное, святое всегда должно ставиться во главу угла. Поэтому необходимо, чтобы в жизни женщины эта важнейшая задача занимала первое место. Женщина ответственна за воспитание детей перед государством и перед обществом. Более того, от этой обязанности она отказаться не может и не смеет, ибо совершит тяжкий грех. Пусть она занимается науками и всеми трудными делами наравне с мужчинами, но при этом никогда не забывает своего основного призвания.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О ДУХОВНОСТИ, КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

Е. И. РЕРИХ И УЧЕНИЕ СЕРДЦА ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО*

Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной.

Н. К. Рерих

Великие Образы помогают нам пробуждать и воспитывать в сердце чистую и ничем не омраченную любовь, которая вспыхнет в сердце в назначенный срок прекрасным серебряным Лотосом и узнает сердце того, кто по космическому праву является этим самым Идеалом.

Е. И. Рерих

<…>

В России с древних времен существуют два жизненных пути развития сердца: путь монашества, или «узкий путь», и жизнь в миру, или «широкий путь». Осмысление этих путей познания с позиции единства мира выявляет сегодня третье направление очищения сердца — путь высшего синтеза. Центральным моментом, разделяющим и в то же время диалектически объединяющим эти пути, является состояние сознания человека и его отношение к культуре как форме исторического сосуществования людей в мире. Именно развитие культуры сердца и принятие ее как основы Всеединства и цельности в значительной степени опирается на духовные взгляды Преподобного Сергия Радонежского — «родоначальника духовной школы» [1, с. 131] Древней Руси, устроителя «духовно-трудовой, принципиально нестяжательной киновии» [2, с. 16]. По мысли отечественных философов и историков, именно под влиянием Образа Сергия и его духовных чад «святоотеческая литература изменила понимание духовности по сравнению с пониманием греческим и дохристианским, поставив в центре не разум, а сердце» [3, с. 245]. Об этом феномене писали многие русские историки и философы Серебряного века и тем самым ввели Образ Сергия в отечественную литературу. <…>

Из этого ряда исследователей особо следует выделить имя Елены Ивановны Рерих, провидчески воссоздавшей облик Владыки Пресветлого как духовного Водителя России, творчески раскрывшей учение Преподобного Сергия через философию Живой Этики, литературную, научную и общественную деятельность. Уже с шестилетнего возраста Прекрасный Светлый Образ Старца, явленный Елене во сне, навеял на сознание девочки необыкновенные переживания и запечатлелся в ее сердце на всю жизнь. В дневниковых записях Е. И. Рерих речь об этом факте идет от третьего лица: «...было сумрачное видение темного, бурного моря с низко нависшими над ним грозными тучами, прорезываемыми частыми молниями. Водная стихия вздымалась, и казалось, вот-вот сольется с небесами и водная стена зальет все живущее. Девочка стояла на берегу и в неописуемой тоске и жути всматривалась в эту развернувшуюся перед ней мрачную картину в надежде увидеть какую-либо светлую точку, какую-либо помощь, и вот на красно-огненном фоне туч показался вдали Старец, окруженный мягким сиянием, в светлой рясе с темнеющими на ней крестами и Сам весь светлый, с белой же бородой. Старец был высок ростом и держал посох в правой руке. Он шел спокойно по бурному морю, как бы скользя поверх валов. Девочка вся встрепенулась. Сердце подсказало ей, что Старец шел к ней на помощь, и вся жуть и тоска мгновенно оставили ее. В своем детском представлении она решила, что Сам Бог явился ей в этом чудесном Образе — Сергия Радонежского, как она узнала потом» [4, с. 46]. Нравственные, духовные деяния Святого Сергия Радонежского, как «живая связь с Миром Огненным» [5, с. 99], во многом пропитывают страницы книг Живой Этики и «Криптограммы Востока», очерков «Преподобный Сергий Радонежский» и «Три ключа», эпистолярного наследия Елены Ивановны. Ее вклад в осмысление роли Сергия для отечественной культуры, толкование основных православных идей и постулатов Его учения с

* ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА РЕРИХОВ. А. А. ЛЕБЕДЕНКО. Е. И. Рерих и учение сердца Преподобного Сергия Радонежского https://lib.icr.su/node/2329

позиции космического мировоззрения отличаются оригинальностью и простотой, доступностью («по сознанию») и исключительной глубиной: Елена Ивановна убедительно говорит о сокровенной, «не от внешней церковности, но от Духа» связи Преподобного с душой русского народа, «высоконравственно-воспитательном влиянии» его учения на сознание православного люда, на «начало собирательства и строительства Земли Русской» [6, с. 190]. В тяжкие времена монгольского ига дух русичей находился в хаотическом состоянии, но, по мысли Е. И. Рерих, Сергий Радонежский, «устанавливая суровые уставы, внося дисциплину в дикие нравы того времени, <...> творил характер народа, создавая тем мощь Государства» [6, с. 190]. Пожалуй, она первая и единственная женщина в XX в., полностью осознавшая значение земного и космического пути «инока из Радонежа», оценившая оставленные им любимой стране духовные сокровища, понявшая грандиозное значение Преподобного Сергия как создателя духовной культуры Руси, подвижника всех времен и народов, ключевой фигуры в судьбе нашей планеты и человечества. Ее слова о международном и планетарном уровне святости Преподобного близки оценке Сергия Радонежского Епифанием Премудрым, который с 1374 г. до самой кончины Старца жил под его началом в монастыре Святой Троицы. В своем «Похвальном слове» Епифаний поднял планку святости Сергия на всемирный уровень почитания: «Он — отец отцов и учитель учителей, советник вождей, пастырь пастырей, наставник игуменов, <...> учитель православию христолюбивых великих князей Руси, <...> собеседник и испытатель, душеполезный и благоразумный, архиепископов, епископов, архимандритов и других священных особ» [2, с. 37].

Сергия Радонежского Елена Ивановна называла великим Наставником и Заступником Руси [5, с. 67], напитавшим дух народа огненной благодатью и высокими идеалами, которые определили генетический код нации. «Можно сказать,— пишет Е. И. Рерих,— что подвижническая жизнь Сергия, своим личным примером введя в жизнь высокое нравственное учение, отметила Новую Эру в жизни Земли Русской» [5, с. 66]. Имя Сергия Радонежского в данном случае названо не случайно. Именно ему все Рерихи отводили исключительное место в отечественной истории. <…> Трудно в ограниченном пространстве статьи раскрыть всю глубину Сергия и сокровенность имени Преподобного для судьбы России в прошлом, настоящем и будущем, но возможно наметить одну центральную тему, которая представляется основополагающей и по которой объясняется его учение и Облик Великого Подвижника, славного архитектора Святой Руси, всего Духовного Просвещения и Монашества ее, Строителя Русского Государства, нашего Владыки и Заступника, Истинного Последователя Заветов Христа.

В образно-философской системе Е. И. Рерих есть слово, которое наиболее близко смыслу ее духовных поисков и было ключевым в учении Преподобного,— «сердце». По мысли Елены Ивановны, «сердце есть величайший магнит, притягивающий все знание, все возможности и все достижения» [8, с. 51], оно сравнимо с космической лабораторией, способной воспринимать вехи Учения и трансмутировать земные огни в космические духовные энергии. Понятие «сердце» взято Еленой Рерих из христианского духовного фонда и «сердечной» образности Сергия Радонежского, философии восточных мыслителей и подвижников Руси. Сердце — одна из важнейших тем, которую разрабатывала Е. И. Рерих и которая получила у нее глубокое философское содержание, прошла красной нитью в жизни и творчестве самой «Матери Огненной Йоги» [9, 436]. В этом отношении показательны исключительная близость и созвучие идей учения сердца Преподобного Сергия и доктрины сердца в философии Живой Этики, несмотря на временну́ю дистанцию и разные формы исторических эпох, давших учения. В своих письмах Елена Ивановна пишет: «Сокровище Его Учения не знает пределов, все вмещает, все покрывает и все огненно претворяет» [8, с. 108]. Утверждая приоритет «духовного» сердца над «физическим» в учении Преподобного, она в письме Феликсу Денисовичу Лукину отмечает: «И не благословил ли Великий Воспитатель и Покровитель Земли Русской Св. Сергий Радонежский князя Дмитрия на великий подвиг исторической битвы против татар, и не посылал ли он иноков своих на помощь Дмитрию? Воистину, не являются ли все Великие Подвижники Воителями во Благо и не слышим ли мы частые упоминания о стрелах и копиях светоносных, устремляемых ими против тьмы и полчищ адовых? Борьба против хаоса есть основа жизни Космоса» [8, с. 397]. В судьбе Сергия удивительно то, что, не имея «учителя в своей духовной жизни» [5, с. 42], он самостоятельно выходит на путь сердца и в полной мере приобщается сознанием к Высшей Благодати, «мужественно и бестрепетно» отражает «все нападения, все страшные видения единою мощью молитвы сердца» [5, с. 42]. Не этим ли путем прошли бесчисленные последователи св. Сергия, ближайшие его ученики и сама Е. И. Рерих, которая в связи с этим писала: «Когда-нибудь узнаете правдивую историю и изумитесь мужеству, проявленному всеми работающими под Стягом ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. Мы привыкли жертвовать всем и ходить по краю пропасти, ибо велико Доверие наше к Руке Водящей» [10, с. 173]. Только принятие учения сердца будет тем условием, которое приведет к пониманию жизненной миссии беззаветно отдавших себя на служение Свету и Преподобного Сергия Радонежского, и Елены Ивановны Рерих. Ибо последняя стала приемником и передатчицей Его учения жизни и «явила собою ту высокую ступень достижений человеческого духа, которая в грядущих веках намечена Эволюцией и Владыками для будущего человечества шестой расы в лице ее лучших представителей» [9, 436].

Аккумулированная Преподобным в XIV в. на Руси «общинножительская святость» ознаменовала переход средневековой кардиогносии (kardiognosia от греч. kardia — сердце и gnosis — знание) из созерцательной, интроспективной стадии в деятельную, социально-значимую и культурно-созидательную ступень эволюционного развития. С исторической точки зрения это был период «взросления» и нравственного становления русского этноса и российской государственности. Выработка нравственных ценностей, организую-

щих индивидуальную жизнь, происходила на Руси под воздействием таких великих святых подвижников, как Феодосий Печерский, Сергий Радонежский и, позднее, Серафим Саровский, духовность которых «всемирная, наднациональная, вселенская» [11, с. 410]. Один из них, Преподобный Сергий Радонежский, внес в православную культуру новые, конкретно-деятельные черты, которые дают право утверждать, что его духовное учение — это учение сердца, связывающее идеи синергического преображения тварного мира внутренним, душевно-психическим трудом, имеющим свойство кристаллизоваться и огненно накапливаться в сердце человека.

Три основополагающих правила приобщения человека к учению сердца дал Сергий: 1) жизнь для пользы или общего блага; 2) самоотверженный личный труд в постоянной сердечной молитве, исполненной радости духа; 3) нестяжательство. Е. И. Рерих пишет: «Преподобный входил во все нужды, во все будни как своих учеников, так и всех трудящихся. Каждодневность не притупляла его чувствований, и сердце его не нарушало свою отзывчивость на всякие обиходные вопросы. Его учение не отрывало от жизни и полагало труд каждого дня как возношение сердца. Учение это выше всего ставило долг человека с точки зрения общего блага» [5, с. 55]. Созданная Сергием Обитель Пресвятой Троицы стала основным центром монашеского общинножительства Московской Руси, из которого, подобно лучам от солнца, вышли ученики Преподобного и по его благословению во многих краях основали новые обители. Когда Сергий начал свой подвиг, на Руси было всего сорок монастырей, а когда он ушел из жизни — уже сто девяносто.

Сам Преподобный Сергий с юности ушел из мира и никогда не заботился о накоплении материальных благ, а учил великой терпимости и самоотречению. Он собирал только духовные сокровища, непрестанно трудился и очищал душу и при жизни стал избранным сосудом Божиим. «Преподобный учил людей своим личным примером, применением учения в жизни каждого дня. Труд в его учении играл огромную, первенствующую роль. Он знал пламенную меру труда, потому непрестанный труд ставился им как условие и средство духовного достижения. Сердцем он прозревал, что труд, во имя Светлой Иерархии, во имя ближнего, преображается в качестве своем. Так труд был возведен им в священное понятие, неотделимое от духовного самоусовершенствования»,— писала Елена Ивановна [5, с. 65].

Важно отметить, что через все учение Сергия Радонежского красной нитью проходит идея сердечной молитвы, которая объединяет в себе различные уровни этого делания. Сердечное делание Преподобного — это практическая школа благонравия, «в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были уменье отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах» [12, с. 17]. Ежедневный терпеливый труд Сергия для пользы возможен был только при участии сердца, так как восприятие духовного света есть откровенное присутствие благодати Божией в сердце верующего человека [13, с. 174]. В Живой Этике говорится, что Святой Сергий «даже не разрешал умное делание, но между тем Он имел пламенные видения. Лишь труд, как возношение сердца, допускал Он. В этом Он опередил многих духовных путников. Мы говорим о сердце, но именно Он нашел силу этого источника. Даже страхованиям Он противостоял не заклинаниями, но молитвою сердца» [14, 116].

Святой Сергий подтвердил свое учение всей жизнью и личным подвигом, поэтому, по мысли историка В. О. Ключевского, для Руси оно стало практической заповедью и идеалом, а сам Преподобный — ее вечным спутником и путеводителем [12, с. 11]. Таким образом, в эпоху ассимиляции восточного православия национальной культурой сердце стало пониматься как деятельная, облагораживающая мир и человека духовная сила, и в этом учении Древней Руси великая заслуга Преподобного Сергия Радонежского — Земного Ангела и Небесного Человека [5, с. 72], связавшего трудами сердечными мир земной с миром Небесным, мирского человека с Иерархией Света.

С этого времени русичам стало понятно, что только на основе дающего сердца возможно объединение народа как соборного тела и духовной общности. Феномен русской души сложился именно в эпоху св. Сергия, задав направление духовному развитию нации на последующие века. Куликовское сражение решило судьбу Москвы, а с ней и всего народа. Мудрого старца знала вся земля московская, от Дмитрия Донского до последнего крестьянина,— народ верил ему и тем смягчал нрав свой; устремляя помыслы к Общему Благу, закалял волю и воспитывал сердце в духе Учителя Христа. В связи с этим Е. И. Рерих писала: «Именно Преподобный Сергий, приобщавшийся и приобщенный Огню и Огненному крещению, знал и знает Природу Божественного Начала. <...> Вся жизнь Его была Подвигом Подражания Христу в Его самоотверженном Служении Родине и Миру. <...> Преклоним главу нашу в смирении перед Тайною Великого Божественного Начала, проявляющегося для нас, смертных, в великолепии всего Созданного, Видимого и Невидимого нам. Почтим это Божественное Начало чистотою жизни и побуждений, принесем на Служение Миру сердце, горящее Любовью и преданностью к Свет Нам Открывшему. “Отче Сергий, Дивный, с Тобою Идем, с Тобою Победим!”» [15, с. 371]. Сердечная вера московского народа своему игумену из Радонежа решала сокровенные исторические страницы будущего России. Сергий, несмотря на то, что находился в уединении и вдалеке от городов, вращал вокруг себя сознание народа Руси. Уединение и изолированность внешняя не означала отсутствие деятельности Его сердечной энергии, скорее наоборот — сознание Преподобного утверждало Твердыню сердца как цель устремления и крепость духа, Свет сердца, равновесие и спокойствие которого не в силах нарушить ничто. Сергий-Строитель Древнюю Твердыню русского народа созидал всю жизнь.

Становление учения сердца Сергия как духовно-философской доктрины Руси прошло несколько важ-

нейших этапов — от знания о сердце в византийском исихазме, средневековой кардиогносии (сердцеведения или «сердечного знания») и до собственно философского учения. Важнейшими фигурами в этом процессе были Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич и, в определенной мере, И. В. Киреевский и А. С. Хомяков с их философско-антропологическими знаниями о сердце.

<…> В широкой панораме отечественной мысли сердце представлено и обосновано как средоточие души и сущности человека. Русская духовно-философская традиция в понимании сущности и познавательных функций сердца раскрывает следующие постулаты: сердечное познание генетически опережает интеллектуальное, но в функциональном плане для гармонизации ума и сердца человека требуются психо-волевые усилия нравственного порядка. Через сердце происходит очищение всего человека и собирание его в целостную светоносную личность.

Сердце в отечественной мысли выступает носителем глубинных духовно-психических качеств личности и органом «разумения», так как: во-первых, сердечное познание является первичным для Богопознания, самопознания и познания других человеческих «я»; во-вторых, в нравственном познании сердце обладает собственным разумом, превосходящим логику интеллекта. В русской философии соотношение мозга и сердца есть фактически соотношение материи и духа, где первая дает познание и овладение миром вещественным, физическим, а второй открывает путь к познанию и овладению мирами Высшими — более тонкими.

Сегодня философия сердца России, страны, синтезирующей в себе экспериментальную науку Запада и метазнания Востока и обладающей, в силу сложившихся исторических условий, огромным духовным потенциалом, содержит в себе элементы космистского мышления, сформировавшегося в ее энергетическом пространстве. Эволюционное понимание этого исторического процесса идет через наши души и сердца. Мы находимся в точке планетарной бифуркации, когда зарождается новая система познания, объединяющая науку и метанауку, косную материю и тонкую, Землю и Космос. Только духовный синтез сердца откроет перед экспериментальной наукой новые горизонты и неожиданные для нее пути прекрасного будущего.

Задачей эволюции человека на Земле является его совершенствование в единстве духовно-нравственных, познавательных и творческих способностей. Соответственно, высшей ценностью и благом является все, способствующее совершенствованию, а негативным полюсом выступает то, что невежественно искажает основу Бытия и задерживает совершенствование. Центральный познавательный, духовно-творящий и нравственный орган, который обеспечивает гармоничное преображение человека и человечества на современном этапе эволюции,— это его сердце, ответственное за высшую способность сознания — созидательную любовь к Творцу и Бытию, в его вечном устремлении к усовершенствованию, к знанию и красоте.

Философия сердца сегодня развивается как особое направление научного философского знания, являясь открытой, живой системой знаний, насущно необходимых в наступившей Новой эпохе. Кульминация знаний о сердце, или, говоря языком П. А. Флоренского, синархия мировой мудрости сердца, в XX в. собрана и явлена космическим творчеством духовной Иерархии в философии Живой Этики, апеллирующей и к логическому умозрению, и к сердечной интуиции, и к индивидуальному опыту жизни, и к личностному переживанию. В науке, как и во всех сферах жизни, Живая Этика проясняет и обосновывает истину, «испытанную огнем сердца» [16, 433].

Обращаясь к теме сердца, следует особо отметить уникальную серию книг «Живая Этика», в частности книгу «Сердце», в которой орган духовного познания назван обителью сознания, «зданием огненным», «домом Духа» [17; 354, 358, 99]. Только через этот уникальный энергетический центр человека и происходит энергообмен с мирами иных измерений, сферами более высоких состояний материи. Познавательная сила духовного сердца человека, связь с Космическим Магнитом, с Высшими мирами дают синтез научным знаниям, способствуют целостному осмыслению бытия, приводят к становлению и воспитанию космического мышления.

Появлением этих бесценных книг человечество обязано Елене Ивановне Рерих. Они — дело всей ее жизни, самоотверженный творческий труд «во имя продвижения человечества на следующую ступень эволюции духа» [9, 436]. Но сама Елена Ивановна не считала возможным назвать себя автором этого уникального труда. «Она утвердила Йогу Огня жизнью своею и оставила человечеству бесценные сокровища опытных накоплений, тщательно и подробно запечатленные в оставленных Ею записях» [9, 436]. Об этом неоднократно упоминает ее Учитель, Великий Владыка, назвавший при этом Урусвати не только Матерью Агни Йоги, явившей человечеству «великую школу духа» [18, 76], но и Своей Наместницей [15, с. 62], которой было доверено «все очищение Учений» [15, с. 336], видимо-невидимо руководить многими созидательными делами в разных частях света через духовно-культурные центры многочисленных обществ, носивших имя Николая Константиновича Рериха (а в 1920—1940-е гг. таковые действовали в 30 странах мира), и всюду проводить волю Иерархии Света. Спустя столетия мы, люди XXI в., становимся свидетелями метанаучного умозаключения ученых, допускающих, что учение Преподобного Сергия Радонежского было энергетической причиной Духовной революции в России, давшей миру XX в. явление Матери Агни Йоги, Тары Сердца, озарившей мир любовью и явлением Красоты, связавшей человека с Твердыней Братства [18, 196; 18, 206].

Закономерно, что учение сердца зародилось на русской земле, цементировалось трудовыми общинами Преподобного Сергия в средние века и кульминировало в XX в. в философии Живой Этики. Закономерность эта в том, что исторически русский народ, преемственно приняв идею сердца Галилейского Учителя в чистом виде, дал ей творческое развитие в религиозной культуре, отечественной духовно-философской мысли

и общественно-государственной жизни, что приносило, приносит и будет приносить свои благодатные плоды всему человечеству. Будущая культура духа, безусловно, основана на познании сердцем тех непосредственных и глубоких переживаний любви и дружбы, которые зарождаются в его недрах и целительно изливаются в мир. Только силой преданности сердца и устремлением его к служению Великой Иерархии Света утверждается спасительная серебряная нить связи с Твердыней Духа. «Нам, русским,— пишет Е. И. Рерих,— уготовано спасение под Знаменем нашего Высокого Покровителя и Заступника Пр[еподобного] Сергия Радонежского, о Нем поется в Акафисте — “От Бога данный России Воевода”» [15, с. 313]. Павел Флоренский в связи с этим отметил: «Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному» [19, с. 164].

Из наставлений св. Сергия-Строителя, данных Еленой Ивановной в «Криптограммах Востока»

• «Иже успеет услышать своего духа голос, над бездною вознесется». Так говорил Сергий.

• «И ушедший в леса не сможет слышать речь людскую. И на ложе уснувший не услышит птичек, солнца возвестников. И чуду явленному молчащий откажется от глаза. И молчащий на брата помощь занозу из ноги своей не вынет». Так говорил Сергий.

• К Сергию пришел Святитель Алексей с вопросом — что делать? Сергий ответил: «Помоги земле Русской». Когда Сергия спросили крестьяне — что делать? — он ответил: «Помогите земле Русской».

• Когда Минин обратился к Сергию, тогда пришел ответ: «Помоги земле Русской!» [20, с. 74].

Литература:

1. Преподобный Сергий Радонежский. М.: Панорама, 1992.— 272 с.
2. Косоруков А. А. Строитель вечного пути России Сергий Радонежский. М.: НПЦТ «Беловодье», 2004.— 576 с.
3. Бердяев Н. А.Дух и реальность / Вступ. ст. и сост. В. Н.Калюжного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003.— 679 с.
4. Рерих Е. И. У порога Нового мира. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2000.— 464 с.
5. Яровская Н. Преподобный Сергий Радонежский / Сост. Е. И. Рерих. Рига: Латвийское общество Рериха, 1990.— 128 с.
6. Рерих Е. И. Письма. Т. 4. М: МЦР; Благотворительный Фонд им. Е. И.Рерих; Мастер-Банк, 2002.— 512 с.
7. Шапошникова Л. В. Град светлый. М.: МЦР; Мастер-Банк, 1999.— 192 с.
8. Рерих Е. И. Письма. Т. 1. М: МЦР; Благотворительный Фонд им. Е. И.Рерих; Мастер-Банк, 1999.— 432 с.
9. Грани Агни Йоги. 1965 г. Новосибирск: Алгим, 1995.— 288 с.
10. Рерих Е. И. Письма. Т. 3. М: МЦР; Благотворительный Фонд им. Е. И. Рерих; Мастер-Банк, 2001.— 768 с.
11. Кологривов И. Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961.— 413 с.
12. Ключевский О. Ю. Благодатный воспитатель русского народного духа // Знамя преподобного Сергия Радонежского / Сост. Е. И. Рерих. Рига: Латвийское общество Рериха, 1990.— 128 с.
13. Слова Симеона Нового Богослова. М., 1982.
14. Живая Этика. Мир Огненный. Ч. II.
15. Рерих Е. И. Письма. Т. 2. М.: МЦР; Благотворительный Фонд им. Е. И. Рерих; Мастер-Банк, 2000.— 576 с.
16. Живая Этика. Мир Огненный. Ч. I.
17. Живая Этика. Сердце.
18. Живая Этика. Беспредельность.
19. Флоренский П.А. Оправдание космоса. СПб., 1994.— 217 с.
20. Криптограммы Востока. Рига: Угунс, 1992.— 144 с.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В НАСЛЕДИИ И ЖИЗНЕННОМ ПУТИ НИКОЛАЯ И СВЯТОСЛАВА РЕРИХОВ*

Николай Константинович Рерих (1874—1947) и его младший сын — Святослав Николаевич (1904—1993) известны как выдающиеся художники и ученые, оригинальные философы-космисты и общественные деятели мирового масштаба. Также хорошо известен их глубокий интерес к истории и культуре Востока, который они изучали, непосредственно находясь в его древнем и живом пространстве. После Центрально-Азиатской экспедиции (1924—1928), организованной и проведенной Николаем Константиновичем, семья Рерихов поселилась в индийской долине Куллу (Западные Гималаи), так как необходимо было продолжить и значительно развить ту научную работу, которая была начата в данной экспедиции, а также систематизировать богатейший научный материал, собранный на ее маршруте. В частности, именно в Куллу Рерихами был создан уникальный Гималайский Институт научных исследований «Урусвати», осуществлявший в последующем широкое международное сотрудничество со многими научными учреждениями целого ряда стран. Кроме того, проживание в данной местности было связано с решением ряда художественных задач. Поэтому многие годы семья Рерихов прожила в Индии, при этом, что важно подчеркнуть, надеясь вернуться на Родину, которую они очень любили. <…>

Мировоззрение Рерихов было очень широким: будучи крупными учеными и мыслителями, они изучали и сравнивали некоторые философские и религиозные системы, находя в них важные созвучия (в частности, между христианством, буддизмом и конфуцианством), что само по себе очень актуально, особенно во времена человеческого разъединения, достигшего, например, в первой половине XX в. немалых масштабов. <…>

Необходимо сказать, что Рерихи с большим уважением относились ко всем религиозным системам, содержащим высокие знания, понимая, что источник этих знаний един и каждый находит близкую ему грань истины. Об этом свидетельствуют их научно-философские, литературные и художественные работы, в которых ярко воплощены образы великих основателей мировых религий, выдающихся героев и подвижников всех времен, формировавших эволюционное направление развития сознания человечества на протяжении тысячелетий культурно-исторического процесса. Елена Ивановна Рерих, жена Николая Константиновича, выдающийся ученый и мыслитель, большой знаток ряда философских и религиозных систем, писала: «…Мы можем любить и даже предпочитать обрядность нашей Православной Церкви, но мы никогда не позволим себе умалить Святыню ближнего другой национальности и другого вероисповедания, ибо нет предела Божественному выражению Мысли» [Рерих Е. И., 2001, с. 162].

Также в книгах созданной Е. И. Рерих многотомной философской системы Живой Этики указывается, что знание приходит к человечеству из одного Источника. В основе снятия всех кажущихся противоречий и различий в религиозных и философских учениях, заповеданных их великими основателями, лежит расширение сознания человека. Это совершенствование сознания неотделимо от развития внутренней культуры человека (см.: [Соколов, 2012]), на что, в сущности, и направлены философские и религиозные учения всех времен. Без этой культуры человечество не сможет стать на путь мирного сосуществования, именно поэтому в тех или иных учениях этическим основам придавалось первостепенное значение. <…> Возможно ли допустить, что великие основатели мировоззренческих систем давали людям заведомо взаимоисключающие положения, ведущие к упрочению разъединений и всевозможным конфликтам? Разумеется, нет. Даже из этого простого рассуждения понятно, что источник этих негативных проявлений — лишь в сознании масс.

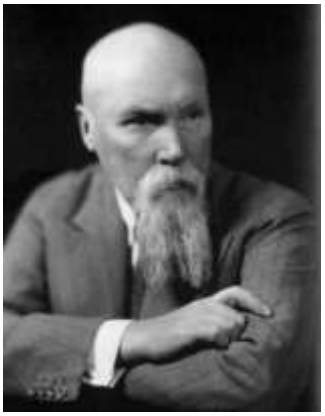
Если же говорить конкретно о христианстве, то необходимо прояснить, что понимать под христианскими ценностями. По сути, в основе их лежат мысли и заветы Иисуса Христа, напитавшие всю христианскую культуру (речь здесь именно о культуре, а не о тех явлениях, которые, прикрываясь высокими истинами, сами собой выступали лишь антиподами последних). Исполнение и развитие данных заветов будет единственной точкой отсчета, когда мы говорим об отношении человека к христианскому учению. Другой меры мировой опыт не знает.

Мастер

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что христианские святые и подвижники в семье Рерихов почитались с особенной теплотой; поддерживались и контакты с церковными иерархами того времени, имело место духовное водительство со стороны «славных служителей Христовых», как называл их Николай Рерих. Велик вклад самого Николая Константиновича в христианское направление в живописи, которое явилось инте-

* Вестник культурологии, 2022. Соколов В. Г., Соколова Б. Ю. «ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В НАСЛЕДИИ И ЖИЗНЕННОМ ПУТИ НИКОЛАЯ И СВЯТОСЛАВА РЕРИХОВ» (дано в сокращении).

реснейшей областью творчества и мысли мастера. В этом оригинальном разделе его многогранного наследия присутствует некая особая притягательность и ценность творческих находок. На примере христианской тематики в живописи Н. К. Рериха ясно видно, что художник пронес через свое высокоидейное творчество те нравственные ориентиры, которые испокон веков питали всю христианскую традицию и способствовали сердечному объединению народов и взаимопроникновению культур.

Николай Рерих*

«Каменная летопись Руси». Монументально-декоративное искусство. Еще в студенческие годы взор Николая Рериха, тогда еще молодого мастера, притягивала храмовая архитектура. В 1899 г. он пишет этюд новгородского храма Спаса на Нередице (XII в.). Через несколько лет, в 1903—1904 гг., художник уже вместе со своей женой, Еленой Ивановной Рерих, совершил масштабную поездку по сорока русским городам, которую он назвал «большим паломничеством» по «древним городам от Казани до границы литовской» [Знамя Мира, 1995, с. 133] с целью «ознакомления с фресками старых соборов и с чудесною иконописью» [Рерих Н.К., 1990, с. 57], а также для изучения глубинных корней русской культуры. Засверкали яркими красками белокаменные храмы и купола церквей на полотнах молодого художника.

«Помню, как владыка Антоний, смотря на мою картину “Ростов Великий”, проникновенно сказал: “Молитва Земли Небу”,— вспоминал Николай Константинович.— Драгоценно и радостно было встречаться с владыкой на путях церковного художества и видеть, как глубоко Он чувствовал священное благолепие русской иконы» [Рерих Н. К., 1995 б, с. 45].

Результатом двухлетнего путешествия явились более ста картин и этюдов, на которых отобразились уникальные памятники древнерусского зодчества. Николай Рерих назвал эту серию «Каменной летописью Руси». В поездках по русским городам Николай Константинович и Елена Ивановна работали в монастырях и храмах: трудились во спасение древних икон, осваивали летописи, монашескую литературу, патристику.

У супругов ясно вызревала мысль о необходимости сбережения культурных памятников, созданных творческим гением человека. Речь идет обо всех культурных сокровищах, вне зависимости от их принадлежности к той или иной традиции, этносу. Ибо культура как таковая не знает разделений, но всегда выступает мощным фактором объединения; в своих универсальных основах она близка и понятна всем народам. Имея свои запечатления в тех или иных формах, она оказывает через памятники свое благотворное воздействие на всю ту область, где размещаются данные объекты, причем это воздействие распространяется далеко во времени, содействуя формированию лучших основ будущего развития региона. Все это прекрасно понимал Н. К. Рерих, потому он столь упорно продвигал документальное оформление и конкретное воплощение своей идеи об охране ценностей культуры.

Лишь через тридцать лет после первых размышлений идея охранения культурного достояния человечества воплотилась в одном из самых значительных деяний всей жизни Николая Константиновича — Международном «Договоре об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакте Рериха)». <…> Охранным символом Пакта Рериха стал особый флаг — Знамя Мира, названный Красным Крестом Культуры. На белом фоне Знамени — три амарантовых круга в окружности: знак бесконечной преемственности культуры прошлого, настоящего и будущего, той преемственности, на основе которой необходимо строить настоящее, чтобы двигаться в будущее. <…>

Илл. 2. Н.К. Рерих. Знамя Мира Pax Cultura. 1931

Символ Знамени Мира отобразился в культурных артефактах многих народов в разные исторические эпохи. Его можно встретить и на христианских святынях, например на клеймах икон XVI в. с изображениями преподобного Сергия и преподобного Кирилла; на изображениях Бориса и Глеба (XIV в.); на иконе «Покрова» (XV в.); на златнике и сребнике с изображением святого равноапостольного князя Киевского Владимира, крестившего Русь; на изображении Страсбургской Мадонны; на картинах знаменитых художников, писавших Христа и Архангела Михаила, и т. д. «Прислана копия с древней иконы Святого Николая Чудотворца, <...> утвержденная к печатанию митрополитом Антонием,— писал Н. К. Рерих.— Из других мест прислан снимок с издания типографии Киево-Печерской Лавры шестидесятого года — служба Преподобному Сергию, игумену Радонежскому Чудотворцу. Из Испании посылается снимок с изображения Святого Доминго из “Силоса” (археологический музей Мадрида). Также из Испании посылается изображение Святого Михаила, работы Бартоломео Вермехо (1440). На всех изображениях можно видеть знак Знамени Пакта, что для многих будет

* Источник: URL: https://пакт-рериха.рф/2021/06/18/18-06-2021-vystavka-puti-blagosloveniya-k-85-letiyu-podpisaniya-pakta-reriha/

полезно запомнить» [Знамя Мира, 1995, с. 121]. Е. И. Рерих в одном из своих писем указывала, откуда Николаем Константиновичем был взят знак Знамени Мира: «Именно с иконы, хранившейся в Свято-Сергиевской Лавре, изображающей Св[ятую] Троицу в виде трех Ангелов» [Рерих Е.И., 2000, с. 457].

Отобразившись на многих артефактах, в том числе христианских святынях прошлого, знак Знамени Мира выступил щитом культуры, включая христианские храмы, в настоящем. <…>

Образ храма широко и многопланово проходит в творчестве художника: с одной стороны, как архитектурный исторический памятник псковско-новгородского региона XII—XVI вв., с другой — как выразитель высшего, духовного искания и соответствующих устремлений человека к собственному преображению. Такое глубоко символическое изображение храма можно встретить на картинах «Святой Николай» (1920), «Ранние звоны (Русская Пасха)» (1924), «Святой Сергий» (1930-е годы), «Странник Светлого Града» (1933), «Земля славянская» (1943) и др.

Н.К. Рерих. Странник Светлого Града. 1933

В 1906 г. Н. К. Рерих выполнил эскизы мозаик для церкви Св. апостолов Петра и Павла на пороховых заводах (архитектор В. А. Покровский) в поселке Морозовка близ Шлиссельбурга. К сожалению, церковь и мозаики Н. К. Рериха не сохранились, так как были разрушены во время Великой Отечественной войны. Наружные стены храма несли величественные образы, запечатленные художником на четырех мозаичных панно. «На стене у входа находилась мозаика “Спас и святые”, три других панно помещались в полуовальных кокошниках — “Борис и Глеб”, “Апостолы” и “Архистратиг Михаил”,— пишет Л. В. Короткина.— Борис и Глеб, любимые Рерихом святые, воплощали идею миролюбия, единения и братской любви. В изображении Рериха они проносятся над землей, над городами и морями, как символические вестники мира. Архистратиг Михаил — полководец “небесного воинства”, победитель зла, также олицетворяет доброе начало» [Короткина, 2002, с. 246].

В том же 1906 г. Н. К. Рерих пишет двенадцать эскизов мозаик и росписей для интерьера и экстерьера церкви Покрова Пресвятой Богородицы (архитектор В. А. Покровский) в с. Пархомовка Володарского района Киевской области (Украина). Ансамбль самой церкви возводился в 1903—1907 гг. Для нее же художник разрабатывает эскиз надпортальной мозаики «Покрова Пресвятой Богородицы». <…> И еще одна удивительная мозаика украшает Покровскую церковь — это «Спас Нерукотворный». К этому величественному образу Н. К. Рерих возвращался не раз, и не только в своем художественном, но и литературном творчестве. «Спас — Милостивый, Спас — Кроткий, Спас — Всеведущий, Спас — Всемогущий, Спас — Грозный, Спас — Всеисцеляющий, все тот же Великий Лик, полный бездонной мощи, к которому извечно приходят люди со всеми радостями, горями, болестями и причитаниями»,— писал мастер [Рерих Н.К., 1992, с. 203].

Покровская церковь в Пархомовке.
Надпортальная мозаика «Покрова Пресвятой Богородицы»

Необходимо упомянуть также прекрасную работу Николая Рериха «Спас и князья святые» (1910) — мозаику над южным порталом построенного в 1906—1908 гг. по проекту архитектора А. В. Щусева Троицкого собора Почаевской лавры в Тернопольской области (Украина). В одном из писем к художнику в ноябре 1906 г. Щусев писал по поводу эскизов мозаик для Троицкого собора: «Дорогой Николай Константинович. Пишу Вам о свидании с архиепископом Антонием, которого я застал дома и, разложив Ваши вещи на стульях на свету, показал ему. Он отнесся одобрительно, спросил, на каких основах построена композиция; я сказал, что на византийских и новгородских XII века» [цит. по: Короткина, 2002, с. 246].

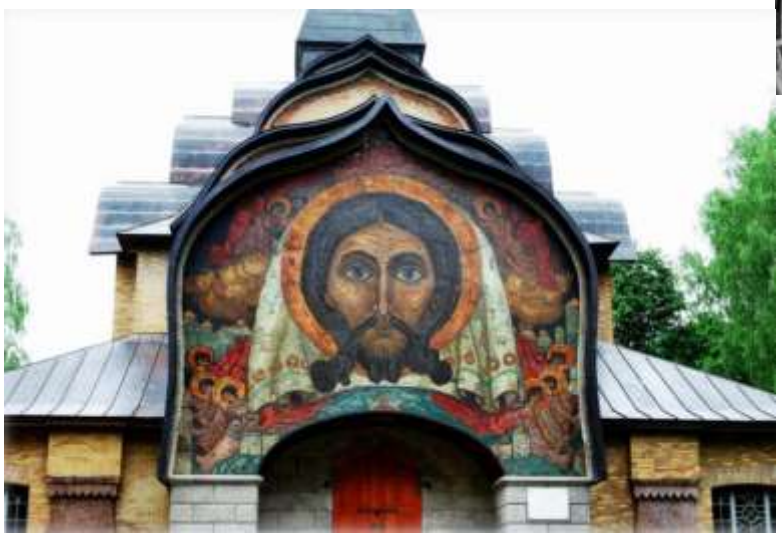
Огромное мозаичное изображение Нерукотворного Спаса, выполненное по эскизу Н. К. Рериха, сохранилось также и на портале храма Святого Духа (архитектор В. В. Суслов; храм построен по рисункам С. В. Малютина), расположенного на хуторе Фленово рядом с поселком Талашкино в Смоленской области. Главной композицией росписи внутри храма Святого Духа была «Царица Небесная над рекой Жизни», изображение которой художник планировал для Покровской церкви, но не осуществил. Работа Н. К. Рериха над эскизами мозаик и росписей, а также самими росписями в храме Святого Духа проходила в период с 1911 по 1914 г. Росписи не сохранились, мы можем их видеть лишь на фотографиях тех лет. Сохранилась только смальтовая мозаика «Спас Нерукотворный», размещенная над входом в храм в 1912 г.

Мозаика «Спас и князья святые» в Троицком соборе Почаевской лавры

Н. К. Рерих с сыновьями за росписью церкви в храме Св. Духа в Талашкине. 1912 г.

Мозаика «Спас Нерукотворный» в Храме Святого Духа в Талашкине

Для росписи часовни Святой Анастасии (архитектор А. В. Щусев) во Пскове, построенной в традициях древнего псковского зодчества, Н. К. Рерих написал четыре эскиза. Располагаясь на берегу реки Великой, Анастасиевская часовня была известна с древности, новая же часовня была возведена приблизительно на месте утраченной. В 1913 г. иконописец-реставратор Г. О. Чириков расписал три стены и свод потолка часовни по эскизам Н. К. Рериха. Стены украшают фрески «Спас нерукотворный и святые князья», «Богоматерь», «Святой Николай», а свод — фреска «Святой Дух»; над входом парят ангелы, которые держат образ Спаса Нерукотворного.

В 1907 г. Н. К. Рерих спроектировал иконостас для церкви Казанской Божьей Матери Успенского женского монастыря г. Перми, который сейчас хранится в фондах Пермской галереи. В этой работе художника, как и в других, воплощен дух древнерусской иконописи, а также глубокие знания византийской культуры и итальянского Ренессанса. «Иконостас удивительно соразмерен самой церкви, небольшой, уютной, где все должно было настраивать на молитву,— пишет директор Пермской художественной галереи Ю. Б. Тавризян.— Здесь нет простого стилизаторства, все органично переплавлено: псковская архитектура XII—XIII веков, “Благовещенье” Симоне Мартини, декоративное узорочье строгановской школы…» И далее отмечает такой важный момент: Рерих в работе над Пермским иконостасом выступал «не только как художник-творец, но как художник-ученый, археолог и искусствовед: это проявляется в иконографических схемах, в манере письма, в цветовой разработке, в показе облачений и многочисленных украшений. Не случайно перед началом работы над Пермским иконостасом Рерих совершил длительные экспедиции по святым местам Древней Руси, изучая и зарисовывая памятники архитектуры и живописи» [Тавризян …]. В составе иконостаса — тринадцать икон, посвященных, в частности, Архангелам Михаилу и Гавриилу, Великомученицам, Евангелилистам, а также Спасу Нерукокотворному и Тайной вечере.

Роспись северной стены часовни Святой Анастасии по эскизу Н.К. Рериха. 1913 г.

Пермский иконостас на выставке в Нижегородском государственном художественном музее. 2017

В 1914 г. по заказу Л. С. Лившица Н. К. Рерих исполнил тринадцать сюжетных панно и декоративный фриз для молельни в Ницце. Всего в период с 1906 по 1914 г. художник написал более тридцати эскизов для пяти церквей.

Расписывая церкви, Н. К. Рерих действовал не канонически. Исследователи отмечают живую мощь и торжественность изображаемых мастером обликов. «Он создает сильные, спокойные духом, непоколебимые, торжественные и величественные образы святых. Никто не приблизился ближе него к пониманию древних икон и всей живописи»,— подчеркивает искусствовед и краевед В. Г. Киркевич [Киркевич, 1999, с. 93]. Запечатлевая малознакомые, но значительные вехи, мастер как бы расширял своим творчеством общеизвестные исторические рамки. Николай Константинович углублялся в смысл христианских ценностей, в том числе благодаря археологической работе, изучению архитектуры и живописи древних мастеров, размышлению над текстами (например, Рерихами был изучен обширный сборник писаний святых Отцов Церкви «Добротолюбие»), общению с видными православными деятелями. Такая широта охвата и углубленность в подходе к самому творческому процессу позволила мастеру быть столь оригинальным. Прекрасно зная канон, Н. К. Рерих, как отмечают исследователи, смог переосмыслить древнюю иконопись, работая над созданием нового стиля в иконописно-мозаичном искусстве. Он имел на это право, ибо подобно древним мастерам Рерих был художником-духовидцем, могущим проникать не только в глубины прошлого, но и за границу видимой очевидности, перенося добытые знания и впечатления на полотно.

Святые земли русской. Особая страница творчества Н. К. Рериха, где художник также предстает глубоким исследователем, это — облики христианских святых. На полотнах мастера предстают величественные фигуры католических подвижников — святого Франциска Ассизского, святой Женевьевы, святой Жанны д'Арк. Проникнуты любовью и картины, посвященные Христу («Христос», «Путник», «Исса и голова великанова», «Искушение Христа», «Сошествие в ад»).

Знание русской истории и древних преданий помогали мастеру в создании замечательных образов русских подвижников — Прокопия Праведного, Бориса и Глеба, Меркурия Смоленского, Пантелеймона-целителя, святого Николая, святой Ольги, Александра Невского и других. Еще в начале 1920-х годов, будучи в Америке, Н. К. Рерих создает серию «Санкта» («Святые»). Облик Христа, а также чистая и многотрудная жизнь подвижников Руси предстали тогда перед изумленным взором американского зрителя, который впервые познакомился с такого рода сюжетами.

Н. К. Рерих. Христос. 1933

Особо следует сказать о великом облике Святителя земли русской — Сергии Радонежском, духовном водителе всей семьи Рерихов, к образу которого Николай Константинович будет возвращаться неоднократно в своем художественном и литературном творчестве. Немало теплых и возвышенных строк посвятил художник преподобному Сергию в своих историко-философских очерках. «Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной»,— писал мастер [Рерих Н. К., 1995 г., с. 46].

На одной из картин художника Сергий Радонежский держит в руках храм как символ духовного возрождения русского народа, которое осуществляется

Н. К. Рерих. И мы видим. (Из серии «Санкта»). 1922

через знания, подкрепленные любовью к ближнему, красотой и подвигом. Ставший в очень трудное время во главе возрождения родины, святой Сергий держит в руках самое сокровенное — духовное богатство народа, его непреходящие ценности, культуру и красоту. Причем этот светлый Образ вдохновляет, придает новые духовные силы в последующие века, наполненные не менее сложными испытаниями для родины Сергия. Об этом свидетельствует надпись, сделанная Н. К. Рерихом на одном из вариантов картин, посвященных Преподобному. Всегда, даже в дальних азиатских странствиях, великие Облики Иисуса Христа и Сергия Радонежского будут озарять мысль и творчество художника. Участник Китайско-Маньчжурской экспедиции Н. К. Рериха (1934—1935) Н. Грамматчиков вспоминал: «...Н. К. [Рерих. — С. В., С. Б.], как всегда, тихо и ровно говорит о том, как надо любить Иисуса Христа и Преподобного, как проникнуться любовью к Ним, чтобы при одном имени Их, самим ли произнесенном, или услышанном, на сердце становилось трепетно тепло. И чувствует слушающий, что от этих слов светлых, произнесенных с такой силой, у него самого затрепетало теплой радостью сердце» [цит. по: Лавренова, 1999, с. 77—78]. В 1934 г. в Париже был опубликован замечательный очерк «Преподобный Сергий Радонежский», написанный Е. И. Рерих и вышедший под псевдонимом Н. Яровская. Здесь также можно отметить, что икона с изображением преподобного Сергия Радонежского стояла в мастерской С. Н. Рериха в Индии.

Н. К. Рерих. Святой Сергий Радонежский. 1930-е гг.

Все вышесказанное свидетельствует о глубоком проникновении Н. К. Рериха в суть христианской нравственной традиции, знании ее ценностных основ. Картины мастера отображают основные заповеди, такие как любовь к ближнему, самоотвержение, защита Родины, постоянный духовный подвиг, связанный с трудом на общее благо, устремлением к высшему, молитвой, несломимой верой в победу Света. Можно сказать, что Николай Константинович запечатлел в художественной форме истинную христианскую мораль и сделал это широко, красиво и оригинально.

Н. К. Рерих очень любил икону и глубоко изучал ее. В свое время, руководя Императорским обществом поощрения художеств, он, наряду с другими художественно-промышленными мастерскими, в 1909 г. создал при данном обществе иконописную мастерскую. В одном из своих очерков Николай Константинович вспоминал, что иконы, написанные трудившимися в этой мастерской как учащимися школы Общества, так и инвалидами Первой мировой войны, «широко расходились по Руси и за границей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов». И далее мастер отмечал: «Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской, некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и подвизаются и ныне в монастырях» [Рерих Н. К., 1995 б, с. 45]. О великом значении русской православной иконы Н. К. Рерих писал в своих историко-философских очерках неоднократно. Так в статье «Спас» он отмечал, что «никакие разрушения и потрясения не нарушают прекрасный угол, где собраны Чудотворные Лики. Лик Христа не покинул дома сего, и Лики всего Священного Христова Воинства и освещают, и укрепляют, и бодрят народное сознание» [Рерих Н. К., 1992, с. 204].

«Воеводы духа». Еще одной важной стороной проникновения Н. К. Рериха в глубину христианской традиции выступили его непосредственные встречи с церковными иерархами того времени. Вообще в семье Рерихов очень ценились и сохранялись прочные контакты со многими представителями христианства. Николай Константинович упоминает в своих очерках о незабываемых встречах с митрополитом Киевским Флавианом, который в эскизах Н. К. Рериха для церквей под Киевом отмечал особенно ценимый им «строгий византийский характер фресковой живописи» [Рерих Н. К., 1995 б, с. 45]; с блаженнейшим митрополитом Антонием, с которым осуществлялась работа по украшению Почаевской лавры и который совместно с митрополитом Евлогием посетил иконописную мастерскую при школе Императорского общества поощрения художеств. Приведем также следующее свидетельство Николая Константиновича: «Одним из последних благословений на храмостроительство было трогательное благословение покойного митрополита Платона нашей часовни в Нью-Йорке. <...> Священную хоругвь владыка освятил сам. Моя бытность в Париже одухотворялась еще близостью славного служителя Христова о. Георгия Спасского, одного из последних духовников моих» [там же].

Такое упоминание о встречах Н. К. Рериха с «воеводами духа» и «строителями жизни» было бы далеко не полным, если не сказать еще об одном замечательном подвижнике — св. отце Иоанне Кронштадтском, который был знаменит своей прозорливостью и широтой мысли и о котором Николай Константинович пронес через всю жизнь трогательные воспоминания. «Такие истинные светильники нашего недавнего времени, как отец Иоанн Кронштадтский, своею огненной ревностью о Христианском Православии оставили неизгладимый благотворный след,— писал мастер.— Как всякое плодоносное семя, их посевы встают нерушимо, и никакими злыми силами не удастся противостоять духовному грядущему расцвету» [Рерих Н. К., 1992, с. 204].

Отец Иоанн был духовником матери Николая Рериха, частым гостем в семье Рерихов и знал Николая Константиновича с очень раннего детства. Именно о. Иоанн благословил Н. К. Рериха на постижение тех двух областей знания, в которых он в последующем проявил уникальный талант — «на изучение истории и

художества» [Рерих Н. К., 1995 б, с. 44], о чем сам мастер всегда с теплотой вспоминал. Историческая наука и художество, помимо накопленных знаний в каждой из этих областей и их оригинального обогащения новыми подходами (например, об исторической концепции Н. К. Рериха см.: [Шапошникова, 1996; Шапошникова, 1998; Шапошникова, 2006]), во внутреннем мире Николая Константиновича зачастую представали в плодотворном синтезе. Этот синтез дал ему возможность развивать указанные области порой в неожиданном, однако всегда в глубоко верном направлении, истинность которого подтверждалась исследователями десятилетия спустя.

Иоанн Кронштадтский был знаком и с семьей Шапошниковых, где росла будущая жена Николая Рериха — Елена Ивановна Шапошникова. Например, ее отец, И. И. Шапошников, как пишет Рерих, «пользовался трогательным благорасположением о. Иоанна» [Рерих Н. К., 1995 б, с. 44]. Кроме того, с Иоанном Кронштадтским был знаком князь П. А. Путятин — владелец имения в Бологом, где в 1899 г. произошла первая, ставшая знаменательной, встреча Николая Константиновича и Елены Ивановны. Судя по всему, о. Иоанн был также благорасположен к князю и его жене, Евдокии Васильевне Голенищевой-Кутузовой — сестре матери Е. И. Рерих. Как мы видим, судьба распорядилась так, что счастье общения с таким великим православным подвижником, как о. Иоанн, имела как семья, где рос Н. К. Рерих, так и представители обширной семьи, где воспитывалась Е. И. Шапошникова. Духовный взор великого служителя Христова словно прозревал в будущую судьбоносную встречу Николая Константиновича и Елены Ивановны, в ту большую совместную работу, которую им надлежало проделать.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Святому отцу Иоанну Кронштадтскому молится теперь вся православная церковь, канонизировавшая его в 1990 г. Именно этот великий пастырь благословил Николая Рериха на великое служение Родине. Полученное напутствие мастер исполнил: где бы он ни был, в каких бы странах ни путешествовал, он всегда работал во имя горячо любимой Родины и человечества в целом. Он погружался в мудрость и величие прошлого, чтобы через настоящее перебросить мост в будущее. И одной из прочнейших основ на этом пути выступили духовные традиции и нравственные заветы христианских подвижников.

Сын мастера

О жизни Святослава Николаевича Рериха, великого художника, просветителя и ученого, о его индийском творчестве и портретной живописи написано немало книг и статей. Но было бы полезно вспомнить и проанализировать факты его жизни, свидетельствующие о том, что он не просто с уважением и почтением относился к христианству, но и жил заветами Великого Учителя Христа. Во многих свидетельствах людей, знавших Святослава Николаевича, можно встретить одно и то же: «Он был православным христианином».

Святослав Рерих

Еще в детстве и юности С. Н. Рериха возникла и укрепилась живая связь будущего художника с заветами Иисуса Христа и святых подвижников. Воспитывая своих сыновей, Елена Ивановна Рерих читала им или давала читать только лучшую литературу по мировой истории, культуре, искусству. Среди книг, с которыми знакомились юные Рерихи, Юрий и Святослав, были в том числе Библия, Евангелия, жития святых и подвижников. Замечательным воспоминанием отрочества Святослава Рериха стало событие, которое оставило неизгладимый след в его душе на всю жизнь. Когда мальчику было двенадцать лет, его отец, Н. К. Рерих, серьезно заболел и, чтобы сменить климат, был вынужден покинуть Петербург, переехав с семьей по совету врачей в Карелию. И однажды в этих удивительных древних краях Святослав стал свидетелем торжественного богослужения, проходившего на острове Валаам и посвященного памяти валаамских чудотворцев — преподобных Сергия и Германа. Спустя немало лет С. Н. Рерих вспоминал: « <…> Это было богослужение памяти двух великих русских святых в подземном склепе, проводимое со всеми отшельниками и анахоретами, которые вышли для этого из мест своего уединения. Там, в этом склепе, вокруг гранитного саркофага стояли отрешившиеся от мира старцы в своих торжественных одеяниях. <…> Что может быть значительнее, чем то состояние, когда находишься среди святых и можешь присоединиться к их молитве во время богослужения! <…> Это воспоминание никогда не забыва-

ется, не тускнеет и вечно излучает на меня свою благодать» [Рерих С.Н., 1993, с. 63].

В 1935 г. Елена Ивановна писала брату Н. К. Рериха, Владимиру Константиновичу: «…Оба мои сына глубоко религиозны… Так, Светик постоянно читает книги “Добротолюбия”, Евангелие и все прочие Религии и Учения, находя во всех Единый Великий Источник Любви, проявленной во всей Красоте в Великих Носителях Света!» [Рерих Е. И., 2001, с. 304]. <…> Разумеется, речь идет о той внутренней религиозности, которая не имеет ничего общего с чисто внешним выражением почитания <…> Уже будучи известным художником и живя в Индии, Святослав Николаевич по приезде в родной Петербург любил посещать храмы: Исаакиевский собор, Троицкий собор Александро-Невской лавры, бывал на всенощной. В 1960 и 1975 гг. С. Н. Рерих ходил в исполком Ленсовета и хлопотал о том, чтобы из Казанского собора убрали Атеистический музей и восстановили значение этого храма как Пантеона Отечественной войны 1812 г. <…>

Христианская тема прочно вошла и в художественное творчество С. Н. Рериха. Этой теме посвящены его картины: «Как в былые дни» (1939), «Яков с Ангелом» (1940), «Добрый самаритянин» (1943), «Ангелы снова будут петь» (1976), «Розы сердца. (Княгиня Ольга)» (1923) и другие. Об одной из самых загадочных своих картин «Ангелы снова будут петь» Святослав Рерих как-то сказал: «Придет время, когда мы услышим сонмы ангелов».

С. Н. Рерих. Ангелы снова будут петь. 1976 г.

В своей живописи Святослав Николаевич не раз обращался к героической жизни Иисуса Христа: Его Великий Облик запечатлели картины «Я был человеком» (1966), «Христос с учениками» (конец 1930-х — начало 1940-х), «Христос у моря Галилейского» (эскиз), «Христос в пустыне» (1936) и другие. <..> Одной из таких картин является полотно С. Н. Рериха «Предупреждение человечеству» (1962). Город объят языками пламени, и на его фоне возвышается огромная фигура Архангела, опирающегося на меч. Меч Архангела еще не задействован, однако его конец непрочно уперся в самый край башни. Он предупредил, и это — последнее предупреждение обезумевшему человечеству, стоящему на краю пропасти. Так же, как на этой картине мастера-провидца, в ноябре того же 1962 г. человечество находилось на краю ядерной катастрофы во время Карибского кризиса.

С. Н. Рерих. Христос с учениками. Конец 1930-х — начало 1940-х гг.

С. Н. Рерих. Предупреждение человечеству. 1962 г.

Любимым святым С. Н. Рериха был Серафим Саровский. <…> Святослав Николаевич жил по его заветам. <…> Он говорил: «…Важен не догмат, не теория, а живое устремление к чему-то более прекрасному, важна внутренняя энергия, которая поднимала бы на следующую ступень. В сущности, это же имел в виду Серафим Саровский, когда на вопрос, зачем нужны пост и молитва, сказал: для нисхождения святого духа. …» [Рерих С. Н., 1993, с. 97]. Святослав Николаевич размышлял, как сделать мир лучше и возвышеннее <…> И он вывел формулу — простую и в то же время сложную, которую повторял из выступления в выступление: «Будем всегда стремиться к Прекрасному», подразумевая под этим Прекрасным и героизм, и красоту, и любовь к ближнему, и общее благо. Святослав Николаевич понимал, что именно устремление к Прекрасному приведет человечество к высшему, к более совершенной жизни. <…> Красота очищает и возвышает сердце человеческое, а только «чистые сердцем <…> Бога узрят» (Мф. 5:8). «Наше внутреннее стремление к чему-то более совершенному, более пре-

красному,— говорил С. Н. Рерих,— является той великой внутренней силой, которая изменяет нас и изменяет также и нашу жизнь. Без этого внутреннего пламени человек не может разбудить в себе скрытые энергии и не может подняться на более высокий уровень знания и опыта» [Рерих С.Н., 1993, с. 62]. <…>

Для всех почитателей и последователей истинного христианства и православия Святослав Николаевич Рерих всегда будет примером человека, воплотившего в жизнь великие нравственные принципы и заветы Учения Иисуса Христа. Пронеся свой светильник духа неугасимым, он осветил и освещает ныне путь всем, кто прикасается к его жизненному и творческому подвигу. Он творил Красоту, чтобы был Свет и «тьма не объяла его» (Ин. 1:5).

Список литературы:

1. Беликов П. Ф. Святослав Рерих: Жизнь и творчество.— Москва: Международный Центр Рерихов, 2004.— 328 с.
2. Знамя Мира: сборник / ред.-сост. О. Н. Звонарева.— Москва: Международный Центр Рерихов, 1995.— 384 с.
3. Ильин В. И. Преподобный Серафим Саровский.— Москва : Международный Центр Рерихов, 1996.— 206 с.
4. Короткина Л. В. Монументально-декоративное искусство Н. К. Рериха // Культура и время.— 2002.— № 1/2.— С. 238—254.
5. Лавренова О. А. Маньчжурская экспедиция Н. К. Рериха // Новая Эпоха.— 1999.— № 4 (23).— С. 71—80.
6. Рерих Е. И. Письма: в 9 т.— Москва: Международный Центр Рерихов, 2000.— Т. 2: 1934.— 576 с.
7. Рерих Е. И. Письма: в 9 т.— Москва: Международный Центр Рерихов, 2001.— Т. 3: 1935.— 768 с.
8. Рерих Н. К. Держава Света. Священный дозор.— Рига: Виеда, 1992.— 285 с.
9. Рерих Н. К. Душа народов.— Москва: Международный Центр Рерихов, 1995 г.— 104 с.
10. Рерих Н. К. Зажигайте сердца. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 192 с.
11. Рерих Н. К. Листы дневника: в 3 т.— Москва: Международный Центр Рерихов, 1995 б.— Т. 1: 1931—1935.— 672 с.
12. Рерих С. Н. Стремиться к прекрасному.— Москва: Международный Центр Рерихов, 1993.— 120 с.
13. Соколов В. Г. Культура и космическая эволюция человека.— Москва: Международный Центр Рерихов, 2012.— 186 с.
14. Тавризян Ю. Б. Пермский иконостас Николая Рериха // Пермская художественная галерея: [сайт].— URL: https://permartmuseum.ru/article/42
15. Тютюгина Н. В. Православная Русь в живописи Н. К. Рериха: автореф. дис. … канд. искусствоведения: 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура».— Екатеринбург, 2005.— 28 с.
16. Шапошникова Л. В. «Великое путешествие», «Земное творчество космической эволюции», «Исторический процесс как космическое явление», «Мудрость веков: сборник статей», «Метаисторическая живопись Н. К. Рериха», «Ученый, мыслитель, художник».— Москва: Международный Центр Рерихов, 1996—2013 гг.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУБЕТТО

СЛОВО О РУССКОМ НАРОДЕ И РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ*

НООСФЕРНАЯ МИССИЯ РУССКОГО НАРОДА, РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

<…> Итак, что есть русский народ и русский человек?

Первое. Это вся история народа славян-русов и России, начиная от истоков зарождения «русского слова» в его глубинном значении, как русского языка. А зародилось это «русское слово» в глубокой древности, более глубокой, чем та древность, которая зафиксирована памятниками древнего Египта или древней Греции. Пример — остатки градостроительной культуры Аркаим на Южном Урале. Да и Волга носила название «Ра» в первом тысячелетии нашей эры не случайно, да и Черное море называлось Русским в те времена тоже неслучайно. А главное, эта древность закодирована в самом русском языке, как в свернутой исторической памяти смыслов бытия поколений людей, говоривших на этом великом языке.

Второе. Это великая русская культура, с ее ноосферно-космической философией, породившей в последнее 300-летие целую Эпоху Русского Возрождения, которая не закончилась, несмотря на исторический реванш глобального империализма в конце XX века, наоборот, начинает по-новому проявляться как эпоха-предтеча становящегося Ноосферного Прорыва в XXI веке. Русская философия, Русский Космизм, космическая наука К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, С. П. Королева, А. Л. Чижевского и других, перешедшая в реальную космонавтику XX века,— все это моменты развития Эпохи Русского Возрождения, а вместе с этим и моменты развития и проявления в историческом масштабе Русского Духа, как духа единения ради Общего Дела, творящего Мир Любви, Творческого Дерзания, Всечеловечности и Гармонии.

Третье. Это вся советская эпоха, вся советская цивилизация, весь феномен советского человека как вершины проявления гуманистической линии всемирной истории человечества, как Правда Истории XX века.

Четвертое. Это народ-объединитель, народ-альтруист и соответственно и человек-альтруист созидатель-творец.

Есть ли еще на Земле народ и человек такого высочайшего уровня альтруизма и такой готовности пожертвовать собой ради торжества Правды и Любви на Земле, каковым являются русский народ и русский человек? Я думаю — нет.

Но сам императив выживаемости человечества в XXI веке, как императив выхода из первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, требует, чтобы все народы, все этносы, все люди на Земле стали такими альтруистами!

Я <…> поставил проблему становления «планетарной кооперации этносов, которая в свою очередь подразумевает мир без войн, мир, существующий на основе ценностей социальной справедливости и дружбы народов, принципа глобальной взаимопомощи, запрет на сверхобогащение и сверхпотребление ради сохранения жизни на Земле»,** как ведущую проблему XXI века.

Исследования автора «Слова», по основаниям становления Ноосферизма как научно-мировоззренческой системы и одновременно программы ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке, показали, что единственной формой выживания человечества и соответственного его будущего устойчивого развития является <…> необходимое условие управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества (а это и есть единственная модель устойчивого развития человечества).

Итак, ведущий принцип Будущего Бытия человечества, если оно состоится и человечество сумеет избежать экологической гибели,— это принцип управления социоприродной эволюцией, или, если снова обратиться к понятию ноосферы,— управление Ноосферой, т. е. эволюцией того единства, которое образуется соединением Биосферы с коллективным человеческим Разумом — общественным интеллектом. Можно это «управление» назвать и управлением ноосферной эволюцией, или ноосферным управлением.

---

* Александр Иванович Субетто »Слово о русском народе и русском человеке».— СПб.: «Астерион», 2013.— 265 с. http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/1292-sub.pdf

** Субетто А.И. Планетарная кооперация этносов — основа гармоничного развития человечества в XXI веке.— СПб.: Астерион, 2012, с. 5, 6, 261

По моим взглядам, вне реализации этого «принципа управления» (его можно назвать «принципом управляемости»), т. е. на основаниях стихийной, рыночно-капиталистической истории, у человечества нет будущего. Более того,— велика опасность, что «точка невозврата» в продолжающихся процессах первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы «не за горами», исторически — совсем близко, в интервале времени между 2020 — 2050 гг. А. А. Федотов указывает как на «точку» двойного коллапса — социально-глобального и глобально-социоприродного — на 2025±5 год. Имеются близкие оценки и у других отечественных ученых, например у В. А. Зубакова. Мною в 2011 году было написано научное эссе-предупреждение «Исповедь последнего человека»,* в котором был проигран один из сценариев гибели человечества — это сценарий его гибели в 2037 году от «вируса-убийцы», созданного иммунным механизмом Биосферы (как суперорганизма), с помощью которого она избавилась от человечества, как своей «раковой опухоли» (вследствие чрезмерного антропогенного давления человечества на живое вещество Биосферы, создавшего опасную угрозу ее гомеостатическим механизмам). От имени своего героя, русского человека Ивана Александровича Муромцева, который остался единственным человеком на Земле, и этот случай или эта Судьба дали ему написать «Исповедь» от имени всего человечества как единого исторического «человека-рода», автор «Слова» писал:

«Я снова обращаюсь с вопросом в “Космическое пространство”, которое, иногда мне кажется, является моим единственным собеседником.— Что же стало причиной экологической гибели человечества? — и отвечаю:

Конкуренция, как конкуренция между людьми на рынке, так и конкуренция между странами и народами за геополитическое доминирование и контроль как можно над большим количеством природных ресурсов, а если возможно — над ресурсами всего мира.

Конкуренция, возведенная в ранг закона бытия капитализма и института частной капиталистической собственности, которая требовала принципа “человек человеку — волк”, что осознал на “заре” становления английского капитализма Гоббс, которая служила оружием духовно-нравственного разложения людей и народов на Земле и, в конце концов, убила человечество. Почему? Да потому, что ее абсолютизация по отношению к истории человечества, как делал социал-дарвинизм, была Онтологической ложью, которая может оказаться в центре бытия, но только на короткое время по меркам истории, и будет, в конце концов, отвергнута Бытием, Онтологической Правдой. Что и произошло.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кареев Н. Н. О духе русской науки //Русская идея/ Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин.— М.: Республика, 1992.— 496с.; с. 172 — 184; с. 181
2. Там же, с. 182
3. Вернадский Г. В. Начертание русской истории.— М.: Айрис Пресс. 2002.— 368с.; с. 36
4. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине// Русская идея.— М.: Республика, 1992, с. 130 — 146; с. 132, 216
5. Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке.— СПб.: Астерион, 2010.— 554с. (Изд. при поддержке РГНФ).
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд. Шестое.— СПб.: Изд-во «Глаголъ», Изд. С.-Петербургского университета, 1995, с. 154, 217
7. Гумилев Л. Н. От Руси до России.— СПб.: ЮНА, 1992.— 272 с.; с. 255
8. Там же
9. Субетто А. И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие.— М.: Исследоват. центр, 1994.— 168 с., 218 с.
10. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории.— СПб.: НОНА, 1992 — 272с.; с. 255, 256.
11. Вернадский Г. В. Начертание русской истории/ Предисл. С. Б. Лаврова, А. С. Лаврова.— М.: Айрис Пресс. 2002.— 368 с.; с. 297, 219.
12. Субетто А. И. Планетарная кооперации этносов — основа гармоничного развития человечества в XXI веке (научный доклад).— СПб.: Астерион, 2012.— 12 с.
13. Гумилев Л. Н. От Руси до России…— СПб., 1992, с. 221.
14. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории.— СПб.: ЮНА, 1992.— 272с.; с. 215.
15. Бердяев Н. А. Душа России // «Русская идея» / Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин.— М.: Республика, 1992.— 496 с.; с. 296 — 312 с.; с. 299.
16. Зайцев Б. К. Слово о Родине // Русская идея / Сост. и авт. вступ. ст. Маслин.— М.: Республика 1992.— 496с.; с. 375 — 378; с. 376

* Субетто А. И. Исповедь последнего человека (предупреждение из Будущего). Избранное (за 2011 год).— СПб.: Астерион, Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.— 354 с.

Михаил Николаевич ЗАГОСКИН*

• Рославлев: в этой войне середины быть не может: они должны или превратить Россию в обширное кладбище, или все должны погибнуть («Рославлев, или Русские в 1812 году»).

• Все молодые любят настоящее, все старики хвалят прошедшее, а на поверку-то выходит, что мы любим не век, а то время собственной своей жизни, когда мы были молоды, здоровы, веселы и когда будущее, теперь весьма для нас ограниченное, казалось нам почти бесконечным («Москва и москвичи»).

• Всякая частная любовь должна умолкнуть перед этой общей и священной любовью к Отечеству! («Рославлев, или Русские в 1812 году»).

• — ... Ну-ка, братцы, хватим по чарке за всех приказных пройдох, за канцелярских молодцев, за удалых подьячих с приписью, чтоб им весь век чернила пить, а бумагой закусывать, чтоб они почаще умирали да пореже каялись! — Что ты, что ты? — проговорил батюшка, задыхаясь со смеху.— Да этак у нас все суды опустеют... («Вечер на Хопре»).

• Все народы имеют свои национальные слабости; и если говорить правду, то подчас наша скромность, право, не лучше французского самохвальства. Они потеряют сражение, и каждый из них будет стараться уверить и других и самого себя, что оно не проиграно; нам удастся разбить неприятеля, и тот же час найдутся охотники доказывать, что мы или не остались победителями, или, по крайней мере, победа наша весьма сомнительна («Рославлев, или Русские в 1812 году»).

• Не весело, боярин, правой рукой отсекать себе левую; не радостно русскому восставать противу русского («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»).

• ... Между описанием какого-нибудь предмета и самим предметом бывает иногда неизъяснимая разница («Москва и москвичи»).

• Уж, видно, человек так создан: с улучшением его положения всегда умножаются его требования, и то, что вчера казалось ему благодеянием, становится завтра естественною обязанностию, за выполнение которой он даже и благодарить не должен («Москва и москвичи»).

• Нет, любовь к Отечеству не земное чувство! Оно слабый, но верный отголосок непреодолимой любви к тому безвестному отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скорбим и тоскуем почти со дня рождения нашего! («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»).

• Русский человек на том стоит: где бедовое дело, тут-то удаль свою и показать («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»).

• Быть может, ты поймешь тогда, что присяга, вынужденная обманом и силою, ничтожна пред Господом и что умереть за веру православную и святую Русь честнее, чем жить под ярмом иноверца и носить позорное имя раба иноплеменных («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»).

• Ты сейчас говорил, что для поляков нет ничего заветного, то есть: у них в обычае брать чужое, не спросясь хозяина... а мы, русские,— хлебосолы, любим потчевать: у всякого свой обычай. («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»).

• Хорошо идти за веком тому, кому нет надобности ходить за сохой («Москва и москвичи»).

• — Скажи мне, страшно ли умирать? — Да, точно так же, как страшно слепому от рождения взглянуть впервые на светлое солнце и ясные небеса. («Вечер на Хопре» (сборник)).

• Слава Богу! мы догадались наконец, что у нас есть Отечество и свой собственный язык! («Рославлев, или Русские в 1812 году»).

• ... На иного Господь пошлет смертельную болезнь, на другого — искусного медика... («Москва и москвичи»).

• Мы все любим предаваться надежде, верим слепо ее обещаниям, и почти всегда в ту самую минуту, когда она готова превратиться в существенность, боязнь и сомнение отравляют нашу радость. («Рославлев, или Русские в 1812 году»).

• ... Точно так же, как тело без души, всякий инструмент, без содействия художника, который влагает в него душу, мертв и не может или, по крайней мере, не должен сам собою обнаруживать этой способности... («Концерт бесов»).

• — Известное дело, все новое лучше старого, братец. — А вот и неправда,— сказал я шутя,— и старое вино лучше нового, и старый друг («Москва и москвичи»).

• Вообще дураков можно разделить на три разряда: дураки — просто дураки, дураки с претензиями и дураки ученые. С господами первого разряда жить еще можно; с теми, которые принадлежат ко второму

* Цитаты из книг — Михаил Загоскин. livelib.ru: https://www.livelib.ru/author/159032/quotes

разряду, можно только жить по крайней необходимости, однако ж все-таки хоть с трудом, да можно; а не приведи вас господи не только жить, но иметь какое-нибудь дело с ученым глупцом («Москва и москвичи»).

• Самая большая часть людей относительно ума — как бы вам сказать… ни то ни се: в них есть довольно здравого смысла, чтоб не делать пошлых глупостей, но нет довольно ума, чтоб по собственному побуждению решиться на что-нибудь новое или необыкновенное («Москва и москвичи»).

• Кто отступается от души своей, тот отдает не жизнь, не тысячу жизней, а всю свою бесконечную вечность («Вечер на Хопре» (сборник)).

• Слава царя всегда становится собственностью его народа... («Аскольдова могила»).

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ*

• Тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга! («Князь Серебряный» (сборник)).

• Ничто на свете не пропадает, и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как древо; и многое доброе и злое, что как загадочное явление существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего («Князь Серебряный» (сборник)).

• Бежать от соблазна волен и должен всякий. Но бойся прельститься на лесть врага рода человеческого («Князь Серебряный» (сборник)).

• Когда любовь Есть ложь, то все понятия и чувства, Которые она в себе вмещает: Честь, совесть, состраданье, дружба, верность, Религия, законов уваженье, Привязанность к отечеству — все ложь! («Дон Жуан»).

• Чудны задушевные русские песни! Слова бывают ничтожны; они лишь предлог; не словами, а только звуками выражаются глубокие, необъятные чувства («Князь Серебряный»).

• Правду сказать недолго, да говорить-то надо умеючи. («Князь Серебряный»).

• Счастье наше не от мира сего, и мы не должны ему предаваться вполне, но бдеть и молиться, дабы враг не раскинул нам сетей в самую минуту упоения («Амена»).

• Велика злоба князя мира сего, он, подобно льву рыкающему, ходит вокруг, ищуще пожрати мя, и даже в синклите моем находит усердных слуг себе («Князь Серебряный»).

• Драгоценное чувство, которое среди скорби и бед, как неотъемлемое сокровище, живет в сердце честного человека и пред которым все блага мира, все, что составляет цель людских стремлений,— есть прах и ничто! («Князь Серебряный»).

• ...На то на свете живем, чтоб помогать друг другу! («Князь Серебряный»).

• Хотел хотеть иное, чем хотел (Избранное).

• В голове моей ты волен, но в чести моей не волен никто! («Князь Серебряный»).

• Когда земля, по долгом неустройстве, / В порядок быть должна приведена, / Болезненно свершается целенье старинных ран («Царь Федор Иоаннович» (сборник).

• Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння («Мысли и афоризмы»).

• Чувствительный человек подобен сосульке; пригрей его, он растает («Мысли и афоризмы»).

• Много разных бывает на свете чудес! / Я не знаю, что значит какой-то прогресс, / Но до здравого русского веча / Вам еще, государи, далече! («Поток-богатырь»).

• Один бесчестный платит за хлеб-соль обманом, один трус бежит от смерти! («Князь Серебряный»).

* Цитаты из книг — Алексей Толстой livelib.ru: https://www.livelib.ru/author/1203/quotes-aleksej-tolstoj

Михаил Александрович ШОЛОХОВ*

• Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались («Судьба человека» (сборник)).

• Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы… Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина («Судьба человека» (сборник)).

• Помните одно: хочешь живым быть, из смертного боя целым выйтить — надо человечью правду блюсть («Тихий Дон»)

• И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагам всегда мы носим на кончиках штыков («Наука ненависти»).

• Да, был культ... Но была и личность! (о И. В. Сталине)

• Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли! («Судьба человека»).

• Дорога-то у нас одна, да едут все по-разному... («Тихий Дон»).

• Побеждает только тот, кто твердо знает, за что он сражается, и верит в свое дело («Тихий Дон»).

• Если напакостил, то сначала надо за собой почистить, а потом уже говорить об уходе («Поднятая целина»).

• Свои неписанные законы диктует людям жизнь («Тихий Дон»).

• Сделанного не воротишь, уроненной слезы не поднимешь... («Тихий Дон»).

• Война — это вроде подъема на крутую гору: победа там, на вершине, вот и идут, не рассуждая попустому о неизбежных трудностях пути, не мудрствуя лукаво. Собственные переживания у них на заднем плане, главное — добраться до вершины, добраться во что бы то ни стало! Скользят, обрываются, падают, но снова подымаются и идут… («Они сражались за Родину»).

• Тянулась жизнь — как и у всех, кто живет,— богатая длинными горестями и бедная короткими радостями («Поднятая целина»).

• Неподвластная ей злая воля направляла слова ее и поступки («Тихий Дон»).

• Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера («Они сражались за Родину»).

• В войне главное дело, за какое в бой идешь... («Тихий Дон»).

• Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей («Они сражались за Родину»).

• Рыдало в груди невыплаканное слово («Чужая кровь»).

• Со своими ли работаешь аль с чужими — одинаково тяжело, ежели работа не в совесть «Тихий Дон»).

• Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза... («Судьба человека»).

• Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься. Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти... («Судьба человека»).

• Много ли человеку на войне надо? Отойти чуть подальше обычного от смерти, отдохнуть, выспаться, плотно поесть, получить из дому письмишко, не спеша покурить с приятелем — вот и готова скороспелая солдатская радость («Они сражались за Родину»).

• Было что-то величественное и трогательное в медленном движении разбитого полка, в мерной поступи людей, измученных боями, жарой, бессонными ночами и долгими переходами, но готовых снова, в любую минуту, развернуться и снова принять бой («Они сражались за Родину»).

• Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В

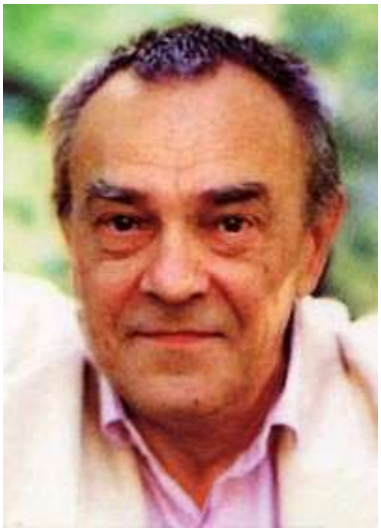
* Цитаты из книг автора «Михаил Шолохов» https://mybook.ru/author/mihail-sholohov/citations/ https://www.livelib.ru/author/12566/quotes-mihail-sholohov

одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»,— а вот у нас они впряжены и здорово тянут! («Наука ненависти»).

• Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу («Наука ненависти»).

• По двум путям-дороженькам не ходят, сынок! Выпала нам одна, по ней и иди, не виляя, до смерти («Донские рассказы»)

Валентин Саввич ПИКУЛЬ*

• — А где вы успели нажить себе так много врагов? — Для этого не надо быть гением. Делай свое дело, говори правду, не подхалимствуй — и этого вполне достаточно, чтобы любая шавка облаяла тебя из-под каждого забора («Честь имею»).

• Кто дорожит жизнью мысли, тот знает очень хорошо, что настоящее образование есть только самообразование и что оно начинается только с той минуты, когда человек, распростившись со всеми школами, делается полным хозяином своего времени и своих занятий («Честь имею»).

• История любит жестоко мстить всем тем, кто забывает историю («Три возраста Окини-сан»).

• Россия — это такая страна, которой можно нанести поражение, но которую нельзя победить! («Моонзунд»).

• Иногда самые ничтожные поводы приводят к серьезным последствиям («Три возраста Окини-сан»).

• Крестьянин, выходя весной в поле, всегда надеется, что осенью соберет урожай. Армия, вступая в войну, обязана верить, что в конце ее будет победа. И пахарь и солдат одинаково терпят лишения ради конечного результата («Честь имею»).

• Чтобы проверить качества человека, мало брать у него денег взаймы или ходить с ним в разведку. Лучшая из проверок — дать человеку власть, и вот тут он раскроется до конца. «О себе». («Псы господни. Из неизданного»).

• Будущее имеют страны, у которых есть прошлое. Прошлое — это ведь тоже богатство, почти материальное, и оно переходит к потомкам вроде фамильного наследства... («Богатство»).

• Долг, честь, присяга — это ведь не пустые слова! Нельзя их закидывать под лавку… («Моонзунд»).

• Я знаю секрет вечной молодости. Секрет очень прост: никогда не прекращайте учиться и останетесь молодыми. «О себе» («Псы господни. Из неизданного»).

• Когда человек проявляет героизм при свидетелях — это одно. Когда человек знает, что его подвиг останется неизвестен, и все-таки он совершает подвиг,— это другое («Три возраста Окини-сан»).

• Прочитав одну книгу, считаешь себя мудрецом, десять книг — ты ученый, а когда постигнешь целую библиотеку, то — невежда. И это понятно: шире круг вопросов, на которые в книгах нет ответов. «О себе» («Псы господни. Из неизданного»).

• Какая бы ни была власть, Россия всегда останется Россией, а русские люди останутся русскими… («Богатство»).

• Больше быть, чем казаться, много делать, но мало выделяться… («Честь имею»).

• Но удивительная нация эти русские! Почему-то они всегда дают противнику вначале как следует отколотить себя. А потом, уже побитые, они — словно их сбрызнули живою водой! — намертво убивают врага… («Пером и шпагой»).

• Писать надо — как пишут предсметрное завещение: честно, открыто, без похвал себе и другим. «О себе» («Псы господни. Из неизданного»).

• Человек, не знающий истории, как трава без почвы, без корней. «О себе» («Псы господни. Из неизданного»).

• Портить отношения с русскими я не желаю, и потомкам своим завещаю: бейтесь насмерть с кем угодно — только не дразните русского медведя в его берлоге! («Пером и шпагой»).

• Главное в искусстве — ликвидация зависимости от какого бы то ни было авторитета. «О себе» («Псы господни. Из неизданного»).

• Умирать-то на войне русские хорошо научились. Вот только жить хорошо никак не научатся. Уж больно много воровать стали. И кто богаче, тот и крадет больше. Признак опасный! Недаром в древнем Ки-

* Цитаты из книг — Валентин Пикуль https://www.livelib.ru/author/298/quotes

тае мудрецы говорили: государство разрушается изнутри, а внешние силы лишь завершают его поражение... («Крейсера»).

• Легко проявить мужество, когда твоя эскадра идет к победе, но двойное мужество нужно, когда эскадра идет навстречу верной гибели («Мальчики с бантиками»).

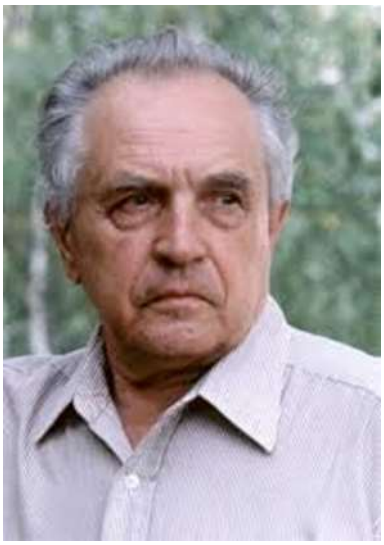
• Русской армии можно нанести отдельное поражение, но победить ее нельзя («Честь имею»).

• Еще не родилась коалиция, способная стереть Россию с лица земли, как неудачную формулу с грифельной доски («Битва железных канцлеров»).

• Фридрих вполголоса обронил фразу, ставшую знаменитой: — Я вижу только мертвых русских, но я не вижу побежденных русских! («Пером и шпагой»).

• Без ошибок правительства революция невозможна, в каждой революции кроется вина правительства… (Горчаков) («Битва железных канцлеров»).

Александр Александрович ЗИНОВЬЕВ*

• Лучше учиться понимать, чем копить знания. Знать надо необходимый минимум, понимать же надо максимально много. Знание пассивно. Понимание активно. Знание — то, что добыто другими. Понимание — то, что ты добываешь сам. Знание есть обладание, понимание — созидание. Понимание есть способность приобретать знания… («Иди на Голгофу»).

• Вероятность того, что в этих спорах родится истина, столь же велика, как вероятность рождения слона от общения фокстерьера с мотоциклом. Истина теряется в споре («Зияющие высоты»).

• Глупости надо обучаться так же, как уму. Очень высокой степени глупости люди достигают лишь в течение длительной жизни и большого числа тренировок. Современно аналогично обстоит дело с такими качествами, как цинизм, подлость, хитрость, изворотливость, склочность и т. п. («Зияющие высоты»).

• Понимание вообще не приходит без усилия. Без усилия приходят только заблуждения («Коммунизм как реальность»).

• Когда человек перестает учиться, он вступает в стадию старения («Исповедь отщепенца»).

• Готовься к смерти и потому живи полноценной жизнью. Жизнь есть миг, и потому живи с установкой на вечность. Будь готов умереть в любую минуту, и потому считай, что никакая минута жизни не есть последняя. Будь терпим, потому сопротивляйся всякому насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. («Иди на Голгофу»).

• Если можно обойтись без компьютера, своим природным умом, обойдись без компьютера. Трудность реализации этой замечательной идеи состоит в том, что люди со своим умом почти исчезли... («Глобальный человейник»).

• Русские писатели-сатирики прошлого жесточайшим образом критиковали свою социальную среду. Но никто из них только на этом основании от Родины, да и от этой среды не отказывался («Я мечтаю о новом человеке»).

• Боль ощущается не так остро, если имеешь твердое решение выстоять («Исповедь отщепенца»).

• Нельзя стать злодеем по принуждению или по неведению. Нельзя стать порядочным человеком за плату. Если человек негодяй, он хотел стать таким и приложил к тому усилия. Человек сам несет полную ответственность за свою нравственность («Зияющие высоты»).

• Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь свое «я» в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолетная и кратковременная иллюзия счастья.… («Иди на Голгофу»).

• Люди страдают не только от голода, но и от обжорства, не только от чрезмерного труда, но и от безделья. Любое благо порождает зло, становясь массовым и преступая меру («Запад. Феномен западнизма»).

• Назову характерные черты западоидов или, точнее, западоидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму… («Запад»).

• Компьютерное мышление убило живую ткань познания и творчества. В искусственный интеллект человечества загрузили огромную массу глупости, невежества, мракобесия. В понимании своего общества,

* Цитаты из книг — Александр Зиновьев https://www.livelib.ru/author/964/quotes

своей жизни и самих себя мы оказались на уровне наших первобытных предков («Глобальный человейник»).

• Теперь западные страны покоряют планету не поодиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удержать свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом («Запад. Феномен западнизма»).

• К сожалению, достоинства коммунизма не замечаются, когда живешь с ними постоянно. Они становятся ощутимыми лишь после того, как на своей шкуре испытаешь все прелести капитализма («Планируемая история»).

• Абсолютный свидетель твоей жизни и высший судья всего связанного с тобою должен быть в тебе самом («Русская судьба, исповедь отщепенца»).

• Люди стремятся официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становятся на самом деле («Зияющие высоты»).

• Тело съедают незримые бактерии. Душу съедают мелкие заботы и переживания. Не допускай, чтобы мелочи жизни овладели твоей душой («Русская судьба, исповедь отщепенца»).

• Заметил, что люди вообще больше страдают не столько от своих пороков, сколько оттого, что им мешают предаваться им. Порок есть падение, добродетель — карабканье вверх. Падать легче. И какое-то время приятнее. Падение некоторое время ощущается как полет («Живи»).

• О каком мировом единстве может идти речь, если за последнее столетие не было ни минуты без войн?! Если на какое-то время и возникает единство, то главным образом для уничтожения излишнего населения. По самым скромным подсчетам, за сто лет искусственными «мирными» средствами было уничтожено до четырех миллиардов человек («Глобальный человейник»).

• Запад — это не рай на земле, а лишь другая сторона ада Запад («Феномен западнизма»).

• Печальное, а еще больше мерзкое зрелище — видеть, как болото засасывает в безысходную трясину того, кто клевету на родину сделал профессией («Журнал «Роман-газета».2013 №18»).

• А сверхчеловек в каких-то отношениях есть деградация человека. Никакой прогресс не дается даром («Глобальный человейник»).

• Пройдут века, и потомки будут с изумлением, с восхищением изучать это время, поражаться, как за удивительно короткий срок в стране, жившей в кошмарно трудных условиях, было сделано так много. Да, было и много плохого <…> Но все равно это была величайшая эпоха в истории России («Планируемая история»).

• Считается, что самое мощное средство массового уничтожения людей и разрушения — это ядерное оружие. Однако это убеждение уже превратилось в заблуждение. Существует средство неизмеримо более мощное. Это средство — западнизация («Идеология будущего»).

• … Главным был механизм разрушения, направленный на нас со стороны Запада. Внутренние факторы лишь ослабляют сопротивляемость социального организма. А гибель несут силы внешние («Русский эксперимент»).

• Нас бомбой атомной страшат напрасно. Другое более опасно. Теряют мужество мужчины («Мой дом — моя чужбина»).

• Но кто тогда понимал, что наши недостатки были продолжением наших достоинств?! («Русская трагедия»).

• Благие намерения не оправдывают плохих последствий твоих действий, хорошие последствия не оправдывают дурных намерений («Иди на Голгофу»).

• Высокая эффективность западного общества зависит не только от чисто экономических факторов. Тут свой вклад вносят и факторы иного рода, например — использование ресурсов всей планеты, использование полурабских форм труда (иностранные рабочие), использование военного и политического давления на другие страны и т. д. («Запад. Феномен западнизма»).

• Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Сумей устоять против этой эпидемии, и ты поймешь, в чем состоит истинное наслаждение жизнью — в самом факте жизни («Русская судьба, исповедь отщепенца»).

• Я отвергаю стремление к материальному благополучию, но я не настаиваю на отказе от него. Современное общество в изобилии рождает соблазны. Но оно одновременно создает возможности довольствоваться малым («Русская судьба, исповедь отщепенца»).

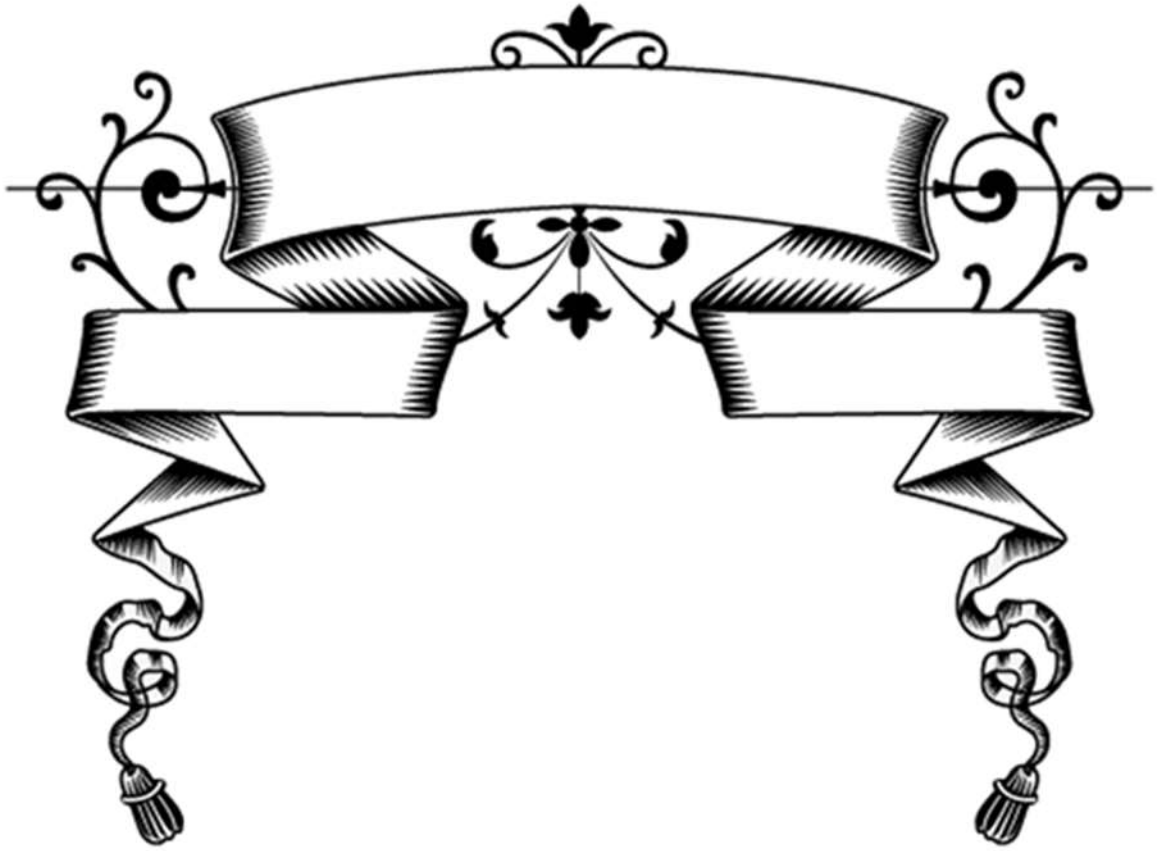
• Истина одна, а ложь многообразна. За счет истины не проживешь, а за счет лжи кормятся легионы бездарностей, невежд, жуликов («Глобальный человейник»).

• Мы с упоением верим в ложь и с остервенением опровергаем очевидные истины («Иди на Голгофу»).

• <...> Человек всегда остается один, если вздумает стать человеком («Зияющие высоты»).

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ИРИНА МАЦНЕВА
ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
ЯКОВ ШАФРАН
ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ
ОЛЬГА ДЕВЯТКА

ТАИСИЯ СОЛОЖЕНЦЕВА
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ВАЛЕРИЙ СУХОВ
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Ирина Алексеевна Мацнева — руководитель ТО «Каменка» с 1995 г. (темы: краеведение, музыкально-песенное, литературное и художест-венное творчество), член Русского географического общества. Имеет награды за поддержку творчества земляков. Педагог дополнительного образования. Наш постоянный автор.

ГЕРОИ КАМЕНСКОГО РАЙОНА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Григорьев Александр Иванович

уроженец села Богословка
(9 августа 1923 — 21 мая 2013)

Лейтенант Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1944). Родился 9 августа 1923 года в селе Богословка в крестьянской семье. Окончил семь классов школы, работал в колхозе, был прицепщиком, помощником тракториста. В сентябре 1941 года Григорьев был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Окончил сержантскую школу, первоначально служил в 6-й отдельной лыжной бригаде, но вскоре был переведен в разведку. С декабря 1942 года — на фронтах Великой Отечественной войны. Своего первого «языка» взял в районе Северского Донца был ранен. В ноябре 1943 года Григорьев был во второй раз ранен.

В 1944 году окончил краткосрочные курсы младших лейтенантов и вновь вернулся на фронт. Командовал взводом 158-го гвардейского стрелкового полка 51-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Отличился во время освобождения Витебской области Белорусской ССР. 22 июня 1944 года принял активное участие в прорыве немецкой обороны в районе деревни Сиротино. Наступающие советские войска вышли к восточному берегу Западной Двины. Отступающие немецкие войска взорвали все мосты через реку, кроме одного. Командование приказало взводу Григорьева захватить этот мост. Ранним утром 25 июня 1944 года взвод вплавь перебрался через реку около деревни Балбечье Бешенковичского района. Григорьев обнаружил заряд и перерезал провод, ведущий к заряду. Затем взвод вступил в бой с охранением моста. Когда взвод залег под вражеским огнем, Григорьев поднял его в атаку и захватил первую траншею противника, а затем в течение восьми часов отражал контратаку превосходящим сил немецких войск. В бою Григорьев получил тяжелое ранение.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество

и героизм» гвардии младший лейтенант Александр Григорьев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 4388.

Был также награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, а также рядом медалей.

В 1946 году в звании лейтенанта был уволен в запас. Работал начальником цеха 5-й Московской картонажной фабрики. Жил в Москве.

Умер 21 мая 2013 года, похоронен на Преображенском кладбище Москвы.

Почетный гражданин района Гольяново города Москвы.

Кудрявцев Николай Гаврилович

уроженец деревни Верхний Изрог
(19 ноября 1922 — 22 декабря 1991)

Советский офицер, майор авиации, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1945). Родился 19 ноября 1922 года в деревне Верхний Изрог Ефремовского уезда (ныне Каменского района Тульской области) в семье крестьянина. Уехал в Сталиногорск, где окончил Сталиногорский химический техникум и аэроклуб.

С 1940 года в рядах РККА, добившись направления в Ворошиловградскую военную авиационную школу пилотов. Обучался на У-2. Окончил школу в 1943 году. Участник Великой Отечественной войны с февраля 1944 года: с 11 февраля на 1-м Украинском, а с 5 августа — на 4-м Украинском фронтах.

К маю 1945 года командир звена Ил-2 637-го штурмового авиационного полка (227-я штурмовая авиационная дивизия 8-го штурмового авиационного корпуса 8-я воздушная армия, 4-й Украинский фронт) лейтенант Н. С. Кудрявцев совершил 170 боевых вылетов на штурмовку объектов противника в тылу и на переднем крае, уничтожив 35 танков, 112 автомашин, 21 точку зенитной артиллерии, 12 артиллерийских орудий, 8 поездов, 4 блиндажа, 3 самолета на аэродроме, один ангар, а также 500 солдат и офицеров противника. Провел 15 воздушных боев, сбив 2 самолета противника. Последний за войну боевой вылет выполнил в небе над Прагой 8 мая 1945 года. Всего же на счету командира звена лейтенанта Н. Г. Кудрявцева около 200 боевых вылетов.

18 августа 1945 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования, мужество, отвагу и геройство, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны продолжал службу в ВВС.

В 1952 году окончил среднюю школу, в 1953 году — Краснодарскую высшую офицерскую авиационную школу штурманов ВВС.

С 1960 года майор Н. С. Кудрявцев — в запасе.

Жил и работал в городе Луцк Волынской области на одном из авиационных ремонтных заводов.

Косарев Григорий Иванович

уроженец деревни Грязная Сухотинка
(1904 — 12.06.1958)

Командир отделения стрелкового взвода 1111-го стрелкового полка (330-я стрелковая Могилевская Краснознаменная ордена Суворова дивизия, 70-й стрелковый корпус, 49-я армия, 2-й Белорусский фронт), сержант, участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы трех степеней, что приравнивается к званию Герой Советского Союза.

Родился в 1904 году в деревне Грязная Сухотинка (ныне не существует, территория урочища Красная Заря) Каменского района Тульской области, в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. С 1930 года трудился в колхозе бригадиром, затем — председателем правления.

В августе 1941 года был призван в Красную армию Каменским райвоенкоматом. Зачислен в формирующуюся в Туле 330-ю стрелковую дивизию. В составе 1111-го стрелкового полка этой дивизии прошел весь боевой путь, был ездовым, пулеметчиком, командиром стрелкового отделения. Участвовал в обо-

роне Тулы, затем в Тульской, Калужской, Ржевско-Сычевской наступательных операциях. Член ВКП(б)/КПСС с 1943 года. В июле 1943 года награжден медалью «За боевые заслуги».

К лету 1944 года имел два легких ранения. В боях за освобождение Белоруссии летом 1944 года ефрейтор Косарев сражался первым номером расчета станкового пулемета. 19 июля 1944 года в бою за населенный пункт Колбаски (Белостокская область, ныне — Гродненский район Гродненской области Белоруссии) ефрейтор Косарев, при отражении контратаки противника, пулеметным огнем уничтожил свыше 10 солдат. На следующий день в бою был ранен, после выздоровления вернулся в полк. Приказом по частям 330-й стрелковой дивизии от 8 августа 1944 года (№ 75/н) ефрейтор Косарев Григорий Иванович награжден орденом Славы 3-й степени.

В боях Висло-Одерской наступательной операции сержант Косарев командовал стрелковым отделением. 15 февраля части дивизии освободили город Кониц (ныне — Хойнице, Польша) и несколько дней держали оборону на окраинах города. 18 февраля 1945 года в районе станции Дойч-Бризен при отражении контратаки противника сержант Косарев из личного оружия уничтожил 5 гитлеровцев, был ранен, но не покинул поле боя, пока не подошло подкрепление. Был представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Приказом по войскам 70-й армии от 28 марта 1945 г. (№ 108/н) сержант Косарев (в приказе — Косырев) Григорий Иванович награжден орденом Славы 2-й степени. К этому времени 330-й стрелковая дивизия вела бои в составе 70-й армии, затем 49-й армий и орден оставался не врученным до 1947 года.

Ловягин Петр Ермолаевич

уроженец села Архангельского
(4 сентября 1897 года, с. Архангельское, ныне Каменский район,
Тульская область — 13 марта 1971 года, Москва)

Петр Ермолаевич Ловягин советский военный деятель, Генерал-лейтенант (1944 год) родился 4 сентября 1897 года, с. Архангельское Ефремовского уезда — ныне Каменский район, Тульская область.

Первая мировая и гражданская войны. В мае 1916 года был призван в ряды Русской императорской армии и направлен в 253-й пехотный полк, дислоцированный в Гороховце, где служил рядовым и младшим унтер-офицером. В феврале 1917 года был направлен на учебу в 4-ю Московскую школу прапорщиков, после окончания которой в июне того же года был назначен на должность младшего офицера роты 190-го запасного пехотного полка, дислоцированного в Клязьме. В декабре был демобилизован из рядов армии в чине прапорщика.

В январе 1919 года был призван в ряды РККА и назначен на должность помощника командира роты 1-го запасного полка, дислоцированного в Вятке. С мая того же года служил в 1-м Белорецком социалистическом полку (30-я стрелковая дивизия) на должностях помощника командира и командира роты, командира батальона, помощника командира полка.

Дивизия вела боевые действия против войск под командованием адмирала А. В. Колчака, принимая участие в ходе Пермской, Петропавловской, Омской, Новониколаевской и Красноярской операций и в боевых действиях на иркутском направлении. Осенью 1920 года дивизия участвовала в боях против войск под командованием генерала П. Н. Врангеля на территории Крыма.

В 1920 году за личное мужество в боях Петр Ермолаевич Ловягин был награжден орденом Красного Знамени.

В январе 1922 года был назначен на должность командира батальона (256-й учебно-кадровый полк), а в июле — на должность командира батальона 90-го Уральского полка. В апреле 1923 года был направлен на учебу на Харьковские высшие повторные курсы старшего комсостава РККА, после окончания которых с 1924 года служил в 89-м Чонгарском стрелковом полку на должностях командира батальона и начальника штаба полка. В августе 1926 года был направлен на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе, после окончания которой в июне 1929 года был назначен на должность начальника оперативной части штаба 8-го стрелкового корпуса. С января 1931 года служил в Военной академии имени М. В. Фрунзе на должностях адъюнкта, руководителя кафедры общей тактики, начальника 1-го сектора учебного отдела, начальника и комиссара 2-го курса основного факультета.

Приказом РВС СССР № 13 от 1934 года Ловягин награжден золотыми часами. В мае 1936 года был назначен на должность начальника штаба 43-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Великих Луках, в июле 1937 года — на должность начальника Минского военного училища, а в ноябре того же года — на должность начальника Военной академии химической защиты имени К. Е. Ворошилова (ныне Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко — государственное многоуровневое высшее военное образовательное учреждение, расположенное в Костроме).

Великая Отечественная война. С началом войны находился на прежней должности. В декабре 1941 го-

да был назначен на должность командира 102-й стрелковой дивизии, ведшей оборонительные боевые действия под Лисичанском, в мае 1942 года — на должность начальника штаба 24-й армии, после чего принимал участие в ходе оборонительных боевых действий в районе Миллерово и на рубеже рек Северский Донец и Дон. В августе был назначен на должность начальника штаба 9-й армии, в сентябре — на должность заместителя командира 10-го гвардейского стрелкового корпуса, участвовавшего в битве за Кавказ и ведшего оборонительные и наступательные боевые действия на рубеже Терек.

В октябре был назначен на должность командира 10-го стрелкового корпуса, который после завершения формирования вел оборонительные боевые действия на орджоникидзевском направлении, в ходе которых корпус был вынужден отступить с занимаемых позиций, за что Ловягин в начале ноября был отстранен от должности. За невыполнение боевой задачи по приговору Военного трибунала Северной группы войск Закавказского фронта от 28 декабря 1942 года был приговорен к 10 годам ИТЛ, но определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 апреля 1943 года действие приговора было приостановлено и дело из-за отсутствия состава преступления прекращено.

С мая 1943 года исполнял должность заместителя командира 31-го гвардейского стрелкового корпуса, а в июне был назначен на должность командира 55-го стрелкового корпуса, который принимал участие в ходе Донбасской и Миусской наступательных операций, а также в освобождении городов Снежное, Чистяково, Горловка.

За умелое командование корпусом в этих операциях Ловягин был награжден орденом Кутузова 2 степени. Вскоре корпус принимал участие в ходе Мелитопольской и Крымской наступательных операций, а также в освобождении Севастополя, после чего корпус выполнял задачи по охране побережья.

В марте 1945 года был назначен на должность командира 88-го стрелкового корпуса (Дальневосточный фронт), который в августе того же года принял участие в ходе Харбино-Гиринской наступательной операции, во время которой захватил коммуникации войск противника из портов Северной Кореи в Центральную и Восточную Маньчжурию. Вскоре корпус во взаимодействии с Тихоокеанским флотом принимал участие в ходе освобождения городов и портов восточного побережья Северной Кореи.

За успешные боевые действия по освобождению Северной Кореи генерал-лейтенант П. Е. Ловягин был награжден орденом Суворова 2 степени.

После окончания войны находился на прежней должности. В августе 1946 года был назначен на должность командира 65-го стрелкового корпуса (Приморский военный округ).

После окончания Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова в апреле 1949 года был назначен на должность начальника Управления боевой и физической подготовки Московского военного округа. С декабря 1953 года Ловягин состоял в распоряжении Главного управления кадров Министерства обороны СССР и в феврале 1954 года был назначен на должность старшего военного советника командующего войсками военного округа НОАК.

С декабря 1957 года генерал-лейтенант Петр Ермолаевич Ловягин состоял в распоряжении главнокомандующего Сухопутными войсками и в октябре 1958 года вышел в запас.

Умер 13 марта 1971 года в Москве. Похоронен на Введенском кладбище (29 уч.).

Внесен в списки героев — уроженцев Каменского района благодаря исследованиям Валерия Павловича Калмыкова.

Татурин Иван Федорович

уроженец поселка Молчаново

(1913 год, п. Молчаново, Каменский район, Тульская область)

Дата рождения: 1913 г. Место рождения: Тульская обл., Каменский р-н, п. Молчаново. Место призыва: Каменский РВК, Тульская обл., Каменский р-н. Дата призыва: 13.11.1942 г.

Воинское звание: гв. красноармеец; гв. рядовой; гв. ефрейтор; гв. ст. сержант. Воинская часть: 5 гвардейский стрелковый полк 3 гвардейской стрелковой дивизии, 138 гвардейский артиллерийский полк 67 гвардейской стрелковой дивизии.

Награды: орден Славы II степени, орден Славы III степени (2), медаль «За боевые заслуги», медаль «За отвагу», орден Отечественной войны I степени, медаль «За оборону Сталинграда», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», медаль «За взятие Кенигсберга».

Матюхин Михаил Абрамович

(1919 год, уроженец д. Рыбалки Каменского района Тульской области)

Место призыва: Каменский РВК, Тульская обл., Каменский р-н.

Танкист, воинское звание: ст. сержант. Воинская часть: 340 стрелковый полк 46 стрелковой дивизии. Награды: орден Отечественной войны II степени, ор-

ден Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени, Медаль «За оборону Ленинграда».

Сапронов Николай Иванович

(1918 год, с. Закопы, Каменский район, Тульская область — 31.12.1941 года, под Ленинградом)

Сержант, 1078 стрелковый полк 314 стрелковой дивизии.

Среди наших земляков, ушедших на фронт в 1941 году и не вернувшихся с войны, есть человек, который своим героическим поступком заставил восхищаться не только нынешнее, но и будущие поколения благодарных потомков.

В семье его было пять братьев. Как личность, он сформировался еще в тридцатые годы. Окончив семилетнюю школу, он поступил на учительские курсы, получил педагогическое образование (по тому времени) — учитель по ликвидации неграмотности. Ему дали направление на работу в отдаленную деревню, но работать учителем ему не пришлось, так как не было никаких средств жить отдельно от семьи.

В 1938 году Николай Иванович Сапронов был призван в армию на действительную службу, отслужил и вернулся домой. По возвращении он сразу же стал работать заведующим нефтебазой Петровской МТС (машинотракторной станции). Но не прошло и года, как началась Великая Отечественная война. Не дожидаясь повестки, двадцатидвухлетний Николай Сапронов в августе 1941 года при содействии райкома комсомола добровольцем ушел на войну. Он попал воевать в Ленинградском направлении в то время, когда вражеская группировка «Север» в декабре 1941 года вышла на подступы к Ленинграду, сжимая кольцо блокады города. 16 декабря 8-я стрелковая рота 1078 стрелкового полка 7-ой отдельной армии получила приказ провести разведку боем на участке фронта, занятом вражескими войсками.

Операция шла успешно до того момента, пока подразделение не напоролось на огонь пулемета, который шквальным огнем не давал бойцам подняться в атаку. Командир отделения подполз очень близко к огневой точке и одним решительным броском своим телом закрыл пулемет, откуда велся непрерывный вражеский огонь, давая своим бойцам секундную передышку.

Этого хватило, чтобы уничтожить огневую точку. Тем героем, который ценой своей жизни выполнил приказ, был наш земляк Николай Иванович Сапронов из села Закопы. Посмертно его наградили орденом Красного Знамени. Своим подвигом в 1941 году он предварил широко известный подвиг Александра Матросова, совершенный в 1943-м, многократно повторенный самоотверженными героями.

Гладкова Елена Стефановна

уроженка села Долгие Лески

Елена Стефановна Коновалова (Гладкова) родилась в 1924 году в селе Долгие Лески. Училась в местной школе, родители прививали ей азы сельскохозяйственного труда, и девочка мечтала после окончания семилетки пойти по этому трудовому пути. Но все планы спутала война...

Немецкие оккупанты значительно продвинулись вглубь нашей страны. Война пришла и на территорию Тульской области, и в том числе и Каменского района. Все, кто мог держать лом или лопату, кирку или носилки, укрепляли оборонительные рубежи. Среди них была и Елена. Она рыла траншеи в районе села Языково, чистила дороги от снега, строила ДОТы и ДЗОТы в районе Плавска, Одоева и в других местах на дальних и ближних подступах к городу Туле.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и Тулой в 1942 году девушку призвали в армию и направили в 27-й отдельный прожекторный батальон, который располагался на территории Калининской области. Молодая девушка начала осваивать сложную военную профессию связиста. За короткое время она стала опытной телефонисткой и все время обеспечивала надежную связь командованию батальона с вышестоящим руководством и расчетами прожекторных установок. Как правило, приходилось работать ночью и указывать воздушные цели для зенитной артиллерии и ночных истребителей. Затем Елена успешно освоила еще одну немаловажную военную специальность — радиста.

Военные пути-дороги ее прошли по многострадальной Белоруссии. Девушка участвовала в составе 3-го Белорусского фронта в освобождении Литвы, сражалась на территории Польши и Восточной Пруссии. За бои на территории Белоруссии командование наградило Е. С. Коновалову нагрудным знаком «Отличный свя-

зист». В дальнейшем на ее груди засияла медаль «За Отвагу» и другие награды.

Пришел долгожданный день Победы. Фашистская Германия капитулировала. Настали мирные трудовые будни. В августе 1945 года Елена Стефановна демобилизовалась из рядов Советской Армии и вернулась в родные края. Тяжело было в послевоенное время. Разрушенное войной хозяйство оказалось в запущенном состоянии, не хватало рабочих рук, и бывшая фронтовичка не раздумывая приступает к работе в колхозе. Много труда она вложила в развитие сельскохозяйственного производства, за что односельчане были ей благодарны.

Елена Коновалова выходит замуж за ветерана Великой Отечественной войны Коновалова Дмитрия Александровича и поступает работать в районную больницу. Почти 20 лет посвятила она благородному делу укрепления здоровья жителей района.

Елена Стефановна и Дмитрий Александрович воспитали шестерых детей.

Супруги Хромоножкины

село Архангельское

Хромоножкин Григорий Иванович, 1917 г. р. Старшина. Встретил войну 22 июня 1941 года на западной границе нашей Родины.

Уже перед войной школа НКВД из Олеска на р. Соже была переброшена в г. Лески, где был сформирован 93 пограничный отряд, в состав которого входила 9 застава, замполитом которой был назначен Григорий Иванович.

Вскоре 93 погранотряд влился в 283 стрелковую дивизию под командованием Василия Андреевича Коновалова, которая вошла в 3-ю армию. В составе этой дивизии Григорию Ивановичу пришлось оборонять подступы города Тулы. Бои велись в Плавске, Ефремовском районе на участках Уродовка, Скороваровка, Закопы, Варваровка, дошли до берегов Оки.

Нелегок был путь от р. Сожа до Днепра. Позади Минск, Могилев, Бобруйск, Белосток. Освобождение Киева и, наконец, Пруссия. Свой боевой путь Григорий Иванович закончил в ноябре 1945 года.

Награды: 2 ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, орден Славы III степени, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», юбилейные.

Александра Антоновна родом из Саратовской области, родилась в 1922 году. По окончанию школы в 1939 году она поступила, а затем окончила медицинское училище. А когда грянула война, добровольцем ушла на фронт. Сколько тягот и трудностей легло на плечи молодой девушки, сейчас не знает никто. 1941 год — война — фронт.

Молодая медсестра сразу же была направлена в полевой госпиталь. Это уже позже о них юных, сильных, стройных, красивых слагались такие строки:

«...закружила вьюга фронтовая.
Фронтовой санбат, у лесных дорог,
был пропитан болью и тоскою,
но сказал солдат, что лежал без ног,
мы с тобой, сестра, еще станцуем...»

Александра Антоновна начала свой военный путь с берегов Волги, а закончила в Берлине. Победу в Великой Отечественной войне она встретила в звании старшего сержанта медицинской службы в Чехословакии. Эти тяжелейшие годы испытаний были отмечены боевыми наградами, в том числе и орденом «Отечественной войны». После окончания войны жила и работала в Казахстане, а в 1965 году переехала на постоянное местожительство в Каменский район Тульской области. С тех пор она никогда не покидала надолго Каменку.

Как медицинский работник Каменской ЦРБ Александра Антоновна пользовалась глубоким уважением, любовью за свой профессионализм, неспокойный, кипучий характер. Энергичная, подвижная, в тоже время сдержанная и спокойная в критических ситуациях, она всегда была поддержкой и опорой как для врача, так и для больного человека. Двадцать один год Александра Антоновна проработала в Каменской центральной районной больнице. За это время не было ни одного случая, чтобы она нарушила клятву Гиппократа, что-

бы она, как сестра милосердия, не помогла страждущему.

За свой труд она была не раз отмечена благодарностями администрации, являясь ударником коммунистического труда, награждена юбилейными медалями и значком «Отличник санитарной службы». Александра Антоновна одна из первых была занесена в «Книгу почета» Каменской ЦРБ.

Калмыков Павел Ефимович

военрук, основатель первого в Каменском районе школьного музея Боевой Славы

Родился 12 июля 1925 года в селе Милино Лаптевского района (ныне Ясногорского района) Тульской области в семье кадрового офицера Калмыкова Ефима Васильевича, 1904 г.р., капитана, с 1939 года в РККА (рабоче-крестьянской Красной Армии).

С Каменским районом Ефим Васильевич был связан по долгу службы — долгое время он проработал начальником УМГБ и милиции Каменского района. До того он служил в органах МГБ и милиции в городах: Плавск, Богородицк, Щекино Тульской области.

Ефим Васильевич Калмыков воевал в «Смерш» (сокращение от «Смерть шпионам!») — это ряд независимых друг от друга контрразведывательных организаций в СССР в годы Великой Отечественной войны. В начале 1950-х годов — начальник отделения МГБ, с 1953 года — начальник милиции Каменского района.

Павел Ефимович Калмыков. Звание: старшина. Должность: помощник командира взвода автоматчиков 2-го мотострелкового батальона 47 механизированной Духовщинской Краснознаменной бригады. В РККА с 1942 года. Призыв: Аткарский РВК, Саратовская обл., Аткарский р-н. Воевал на фронтах: 1-м Белорусском, 1-м Прибалтийском, 2-м Белорусском. Ранен: 17.01.1944 в боях за рекой Виша у хутора Крюковичи Калинковичского района Гомельской области.

Отличник Народного просвещения, работал в Архангельской средней школе учителем физкультуры и начальной военной подготовки.

Ефим Васильевич Калмыков. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени и медали: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», 4 юбилейные медали.

Павел Ефимович Калмыков. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, 10 юбилейных медалей, 4 почетных знака ДОСААФ (особая честь, мало кто в Тульской области удостоен был 4-х знаков ДОСААФ).

Окончил 7 классов, Аткарское ФЗУ, в ту пору ему было 14 лет. Учился в школе снайперов, в 1942—1945 гг. воевал снайпером на различных фронтах. Был ранен в ногу, лечился, и снова ушел на фронт. Воевал в Восточной Пруссии. Упомянут в книге Александра Глухова «Ты помнишь, товарищ…» — повести-хронике в документах и воспоминаниях, посвященной воинам-морякам 64-й отдельной морской стрелковой бригады Тихоокеанского флота, воинам 82-й Краснознаменной Ярцевской ордена Суворова и Кутузова 2 степени стрелковой дивизии, в том числе выпускникам 5-й и 6-й Окружных школ снайперов Приволжского военного округа. Кроме того, автором собственноручно сделана запись, при дарении книги потомкам героя и Нине Васильевне Калмыковой — жене Калмыкова Павла Ефимовича.

Автор вспоминает: «бывшего комсорга 3-й роты 5-й Пугачевской школы снайперов, который щедро раздавал взыскания комсомольцам этой роты, в том числе и автору книги, за уход в самоволку. Но это лишь смешной эпизод, а вообще Павел был хорошим парнем.

Затем он был помощником командира стрелкового взвода лейтенанта Айтжанова 3-го стрелкового батальона 210-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии. Я видел его в боях с 15-го по 18-е января 1944 года. Не прятался за других. 18 января 1944-го в боях за расширение плацдарма за рекой Виша у хутора Крюковичи Калинковичского района Гомельской области был ранен и выбыл в госпиталь. Его фамилия увековечена на страницах 107, 131 этой книги». Подпись. Дата: 9 мая 1991 года.

На стр. 107: «В стрелковой роте лейтенанта Айтжанова в Туле среди помощников командиров взводов и командиров отделений находился и Калмыков П. Е. По десять часов в сутки продолжалась боевая и политическая подготовка вновь прибывших в дивизию воинов. И почти ежедневно после занятий, хотя ломила усталость и хотелось спать, мы с нескрываемым интересом слушали рассказы тех, кто уже прошел в этой дивизии какой-то боевой путь, и узнавали всю ее историю». На стр. 130—131: «Мы подошли к сидевшим у дороги солдатам, и я сразу же увидел множество ребят из нашей 3-й роты. Обрадовавшись встрече, мы, перебивая друг друга, делились впечатлениями о пребывании на фронте. Они еще не участвовали в боях и расспрашивали меня о своих земляках и друзьях, воевавших в нашем полку. Я рассказал о тех, кто еще воюет. Упомянул выбывших по ранению, в том числе Калмыкова П. Е. Через час началось форсирование реки Виши».

В боях в Восточной Пруссии отличился, как бесстрашный, находчивый, волевой в выполнении приказов командования во время уличных боев в г. Эльбинг 27—28.01.1945 и при выходе из окружения, находясь на охране командования и штаба лично сам уничтожил 8 гитлеровцев и взял в плен 13 немецких солдат.

Таков боевой путь военрука и основателя школьного музея Боевой Славы в селе Архангельском. После войны учился в Саратовском танковом училище с 1945 по 1946 гг. С 1946 года служил на острове Сахалин в городе Поронайске в танковых войсках. Там же познакомился со своей будущей женой, с которой они прошли по жизни рука об руку вместе до конца своих дней. Учился в Иркутском техникуме физкультуры в 1954—57 гг.

Офицер Советской Армии, ветеран Великой Отечественной войны — являлся примером для школьников во всем! Форма, выправка, безукоризненное поведение, доброжелательное общение, знание своего предмета на «отлично»! Его любимое занятие — работа с детьми, организация различных кружков и проведение соревнований.

Имел несколько спортивных разрядов по разным видам спорта, в том числе по лыжному спорту и стрельбе. Первый поисковик Каменского района, который начал собирать материалы периода ВОВ 1941—1945гг. на территории Каменки, которые и послужили основанием для создания комнаты Боевой Славы, а затем и школьного музея.

Павел Ефимович явился организатором первых мотопоходов по местам боевой славы 356 стрелковой дивизии, освобождавшей Каменский район. Организованный им в декабре 1965 года мотокружок насчитывал 11 машин: «ИЖ-49», «ИЖ-56», «Ковровец» и даже красавица «Ява» — мечта любого мотолюбителя.

Сдав экзамены и получив права, ученики отправились в мотопоход: на Куликово Поле, по городам Липецкой области, в Калугу — на родину К. Э. Циолковского. Затем были организованы походы по городам-героям. Так за мотопоход 1972 года в город-герой Волгоград журнал «За рулем» присудил мотокружковцам Архангельской средней школы Каменского района Тульской области первое место во Всесоюзном соревновании на лучшее авто-мото-путешествие. Учитывались такие критерии, как сложность маршрута, используемая техника, состав участников.

Умер 26 декабря 1986 года. Похоронен на старом кладбище села Архангельского (за Ливенским лесом).

Степанов Михаил Яковлевич

(19 ноября 1925, деревня Будки, Курская губерния — 7 октября 1989)

Работал в селе Архангельском в райисполкоме и РК КПСС.

Наводчик САУ (самоходно-артиллерийская установка) 1892-го самоходного артиллерийского полка, младший сержант — на момент последнего представления к награждению орденом Славы.

В 1940 году окончил среднюю школу, стал работать в колхозе. С началом Великой Отечественной войны в армию не призывался по возрасту, а затем оказался в оккупации. В сентябре 1943 года, после прихода Красной Армии, пришел в военкомат. На этот раз, несмотря на возраст, Михаил Степанов был призван в армию и направлен в 24-й запасной танковый полк. Здесь получил специальность наводчика самоходной артиллерийской установки. С января 1944 года участвовал в боях с захватчиками в составе 1892-го самоходного артиллерийского полка на 2-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. В составе этого полка прошел до Победы. В августе 1944 в боях за овладение предместьем города Варшавы — Прагой — самоходная установка, в которой наводчиком был ефрейтор Степанов, была подбита огнем вражеского орудия. Противники попытались захватить экипаж самоходки. Степанов, открыв огонь, обратил их в бегство, уничтожил при этом более 20 солдат. В следующих боях ефрейтор Степанов поразил штурмовое орудие, 5 противотанковых пушек, свыше 20 огневых точек, 6 дзотов, 2 автомашины и большое количество живой силы противника. Был представлен к награждению орденом Красной Звезды, но командованием 47-й армии статус награды был изменен на орден Славы 3-й степени. Пока по инстанциям ходили наградные документы, ефрейтор Степанов вновь отличился. В октябре 1944 года в боях за высоту 95,8 ефрейтор Степанов в составе экипажа уничтожил танк, 14 огневых точек, 4 орудия и до 30 пехотинцев противника. Так как приказа по предыдущему представлению еще не было, 30 октября был представлен к награждению орденом Славы 3-й степени. В результате с интервалом в 4 дня было подписано сразу два приказа на одну и ту же награду.

Приказом по войскам 47-й армии от 16 ноября 1944 года ефрейтор Степанов Михаил Яковлевич награжден орденом Славы 3 степени. Приказом по частям 60-й стрелковой дивизии от 20 ноября 1944 года ефрейтор Степанов Михаил Яковлевич награжден орденом Славы 3 степени.

В январе 1945 года младший сержант Степанов в бою севернее города Варшавы заменил погибшего командира установки и, уничтожая врага прямой наводкой, поддержал переправу стрелков на левый берег реки Висла. Огнем САУ было поражено 7 огневых точек и свыше 15 противников. Приказом по войскам 47-й армии от 19 февраля 1945 года младший сержант Степанов Михаил Яковлевич награжден орденом Славы 2-й степени.

После войны продолжал службу в армии. В 1950 году уволен в запас. Приехал в Тульскую область. Работал инструктором в РК КПСС, затем в отделе гражданской обороны райисполкома Каменского района Тульской области. Член КПСС с 1954 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1958 года в порядке перенаграждения Степанов Михаил Яковлевич награжден орденом Славы 1-й степени. Стал полным кавалером ордена Славы. Награжден орденом Отечественной войны I-й степени,

В 1969 году переехал из Каменского района Тульской области в город Калугу. Работал начальником штаба гражданской обороны завода радиооборудования в производственном объединении «Полиграфист».

Скончался 7 октября 1989 года.

Шаховцев (Шаховцов) Михаил Андреевич

(26 октября (8 ноября — по новому стилю) 1913 года в селе Дмитриевское-Семенек Ефремовского уезда Тульской губернии (ныне Липецкая область, Становлянский район, село Семенек) —1944 г.)

Имя героя мы забыть не вправе, так как его предки по отцовской линии на протяжении 300 лет жили в деревне Пушкарская Ефремовского уезда Тульской губернии, ныне — Каменского района Тульской области.

Гвардии майор, Герой Советского Союза (1944, посмертно), участник Великой Отечественной войны, заместитель командира 140-го гвардейского стрелкового полка 47-й Гвардейской Нижнеднепровской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии.

Родился шестым ребенком в семье русского православного священнослужителя, будущего протоиерея и благочинного Березовского округа Одесской епархии Андрея Александровича Шаховцева. Был назван Михаилом «в честь Архистратига Михаила».

Окончил Саратовский институт механизации сельского хозяйства. Работал в Барнауле главным инженером областного управления сельского хозяйства.

В Красной Армии с сентября 1940 года. Окончил в 1941 году Ташкентское военное пехотное училище. На фронте в Великую Отечественную войну с конца 1941 года. В 1942 году окончил Курсы усовершенствования командного состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе и был направлен на фронт адъютантом старшим батальона 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях под Козельском (Калужская область), за которые в октябре 1942 года дивизия была преобразована в 47-ю гвардейскую, а полк получил наименование 140-го гвардейского стрелкового полка. Затем дивизия в составе 5-й танковой армии была передислоцирована на Юго-Западный фронт и участвовала в Сталинградской битве.

В ноябре 1942 года в боях за хутора Большой и Блиновский (ныне — Серафимовичский район Волгоградской области) возглавил роту и лично уничтожил 20 солдат и двух офицеров врага, в районе населенного пункта Старосенюткин захватил минометную батарею противника, а под хутором Пичугин истребил двух офицеров и 15 вражеских солдат. За эти бои гвардии старший лейтенант Шаховцев награжден орденом Красной Звезды.

После Сталинградской битвы был назначен командиром батальона и участвовал в наступлении на донбасском направлении и боях на реке Миус. За форсирование реки Северский Донец был награжден орденом Александра Невского. В сентябре-октябре 1943 года М. А. Шаховцев участвовал в форсировании Днепра в районе села Войсковое (Солонянский район Днепропетровской области) и боях на плацдарме.

В ноябре 1943 года 47-я гвардейская стрелковая дивизия вошла в состав 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта и вела наступление на криворожском направлении, затем уничтожала никопольскую группировку противника, освобождала юг Украины в ходе Березнеговато-Снигиревской и Одесской операций. В апреле 1944 года во время боев под хутором Подыдар Днепропетровской области М. А. Шаховцев получил третье ранение[4]. В июне 1944 года дивизия была включена в состав 1-го Белорусского фронта и выдвинута на ковельское направление.

18—20 июля 1944 года при прорыве обороны противника в районе деревни Ольшанка (ныне — Любомльский район Волынской области) в ходе Люблин-Брестской операции заместитель командира полка по строевой части гвардии майор Шаховцев, находясь в боевых порядках штурмового батальона, успешно выполнил поставленную задачу. В ходе наступления вышел на окраину города Любомль, уничтожив при этом около двух батальонов врага, захватил шесть пушек и семь минометов, за что был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

В дальнейшем, возглавляя ударную группу полка, организовал преследование противника. 18 июля 1944 года во взаимодействии с другими частями дивизии полк освободил город Любомль, с ходу форсировал реку Западный Буг, а затем Вислу восточнее села Магнушев (Польша). С 10 по 14 августа участвовал в отражении вражеских контратак на плацдарме. 14 августа в критический момент боя Шаховцев поднял автоматную роту в атаку на превосходящего противника и отбросил его. Потери гитлеровцев при этом составили около 200 солдат

и офицеров, две самоходные артиллерийские установки и два пулемета. В этом бою М. А. Шаховцев погиб.

Был первоначально похоронен на городском кладбище в городе Ласкажев, Варшавское воеводство, Польша. В послевоенное время в период с 1 сентября 1949 года по 30 июня 1952 года его останки были перезахоронены из города Ласкажев на воинское захоронение в город Гарволин.

В настоящее время гвардии майор Шаховцев М. А. увековечен как майор Шаховцов М. А. на братском воинском кладбище в городе Гарволин, улица Костюшки (Мазовецкое воеводство, Республика Польша). Последняя инвентаризация данного захоронения была произведена в августе 2012 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии майору Шаховцеву Михаилу Андреевичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден: орденами Ленина (24.03.1945), Александра Невского (05.10.1943), Отечественной войны I-й степени (31.07.1944) и Красной Звезды (20.12.1942).

Маркеева Мария Филипповна

жительница деревни Яблонево

(29.07.1922 Украина, Полтавская область, хутор Закранцы — 12.08.2013 Тульская область, Каменский район, село Закопы

Маркеева (Закранец) Мария Филипповна родилась 29 июля в 1922 году на Украине в Полтавской области, хутор Закранцы. Ее отец был солдатом Первой Мировой. В 1938 году закончила школу — 7 классов и поступила в Полтавское Медицинское училище (техникум), после окончания которого добровольцем ушла на фронт. Она прошла всю Великую Отечественную войну, включая советско-японскую.

В 1941 году была распределена в Ставропольский край в военный госпиталь санитаркой, спасла много жизней и до конца своих дней хранила «треугольнички» с благодарностью от спасенных ею бойцов.

На войне была приписана к 56-й Армии. Оказывала помощь раненым с военных поездов. В составе 56-й армии была до января 1943 года. После того как контузило, лежала в госпитале 3 месяца в Махачкале. После госпиталя была приписана в 6-ю танковую армию второго Украинского фронта. Освобождала Кубань, Украину, Молдавию дошла до города Бальцы на границе с Румынией. Там получила медаль «За Отвагу», медаль «За взятие Бухареста», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За взятие Праги», «За победу над Германией». День Победы встретила в Праге. Там и осталась до 06.07.1945 года. Откуда перебросили в Монголию. 6 августа — тревога — война с Японией. Освобождала Мугдеи, Чань-Чунь, Харбин, Пекин. Дошла до Желтого моря, где Япония капитулировала. Имеет награду «За победу над Японией».

Из Вооруженных сил демобилизовалась в декабре 1945 года. В дни Победы вышла замуж, уехала с мужем на его малую Родину — в Орловскую область. Родила дочь и сына, воспитала троих внуков. Работала медиком, акушеркой. Затем — заведующей детским садом. В 1970-х годах переехала жить в деревню Яблонево Каменского района Тульской области. Вела активную работу по патриотическому воспитанию молодежи. До конца жизни оставалась оптимисткой, сильным человеком с активной жизненной позицией.

Умерла 12 августа 2013 года, на 92-м году жизни. Похоронена на кладбище села Закопы.

Операции: Корсунь-Шевченковская фронтовая наступательная операция, Бухарестско-Арадская наступательная операция.

Награды: орден Отечественной войны I степени, медаль «За отвагу», медаль «За освобождение Белграда», медаль «За освобождение Варшавы», медаль «За освобождение Праги», медаль «За взятие Будапешта», медаль «За взятие Вены», медаль «За победу над Японией», медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другие юбилейные медали.

Таисия СОЛОЖЕНЦЕВА

д. Яблонево Каменского района Тульской области

(23.02.1946 — 27.09.2011)

Таисия Ермолаевна Соложенцева. В 90-х годах XX века талант ее был замечен сотрудниками редакции газеты «Сельская Новь» Каменского р-на Тульской обл. В своих статьях она щедро дарила любовь людям, сама оставаясь неприметной. Потому они сразу полюбились читателям.

«ЗЕЛЕНЫЙ» ХЛЕБ АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ

Судьбы людские... Сколько людей на земле — столько и судеб. И нет на свете хотя бы двух, похожих одна на другую. У каждого человека своя судьба, единственная, отмеренная, наверное, еще до его рождения. Что предназначено ему — то и будет, и ничего уж тут не поделаешь. Лишь в одном они схожи, судьбы людей старшего поколения. Всех их единой метой пометила жестокая война. Всем она принесла слезы, голод, нищету и великие утраты.

Вот и еще одна судьба среди миллионов соотечественников, исковерканная жестокой войной, Александры Ивановны Сидоровой, уроженки Орловской области, ныне проживающей в деревне Яблонево.

16 июня 1941-го года она получила справку об окончании средней школы. В политике уже давно пахло грозой, и было не до аттестатов зрелости. Сказали, что выдадут позже.

С какими трудностями ей пришлось столкнуться во время учебы, одному Богу известно. Даже по тому времени, когда в каждом доме было полно народу, их семья считалась многодетной. Ее мать, выйдя замуж в шестнадцать лет, родила одиннадцать детей и умерла тридцати восьми лет от роду, оставив детей на произвол судьбы. Ей в свои неполные сорок пришлось пережить смерть матери, отца и пятерых детей.

Недаром говорят, что без матери дети сироты. Так и было. Отец долгое время не мог подыскать себе подходящую женщину. На пятерых детей идти побаивались. Но нашлась одна очень бедная женщина. У нее была своя взрослая дочь. С приходом мачехи стало еще хуже. Она и бедная была потому, что очень ленивая была.

Всю горечь сиротства может понять лишь тот, кто испытал это на себе.

Знаете ли вы, уважаемый читатель, что такое «зеленый» хлеб?

Мало кто сможет ответить на этот вопрос. А вот Александра Ивановна вдоволь его наелась. С горечью вспоминает она, как с младшими сестрами мешками носили с луга конский щавель, резали его, обваривали, добавляли чуточку муки. Вот и получался «зеленый» хлебушко, от которого болели животы. Или еще из картофеля выпекали, настоящего-то не видели.

И до чего же бездушной была женщина, решившая придти в чужую семью. Ей неродные дети были совсем не нужны. Никогда она не спешила встать утром пораньше и покормить бедных сирот перед уходом в школу. Поедят «зеленого» хлебушка с солью да запьют водицей, с тем и уходили из дома в школу. А летом уходили на подножный корм, питались травами. Чем только живы были? При таком житье учиться было очень трудно. Самая старшая сестра не стала ходить в школу. Чтобы хоть чем-то облегчить жизнь младшим, пошла работать. Самая младшая тяжело заболела и стала глухонемой.

Но Александра оказалась выносливее и способнее других. Изо всех сил она старалась учиться, закончила семилетку, а после сдачи экзаменов поступила в восьмой класс и успешно окончила среднюю школу.

Ей шел девятнадцатый год. Планов было много, как у всех молодых. Но всего одна неделя от светлой мечты юности до тяжких испытаний и горя, которым захлебнулась вся страна. Помнит Александра, как черным грузом свалилось на плечи людей это страшное горе, как рыдали женщины, провожая на фронт мужей и братьев. Отца на фронт не взяли из-за преклонного возраста. Темная ночь нависла над деревней. Жили тревожным ожиданием беды.

Будучи комсомолкой, Александра однажды летом, в первый год войны, получила повестку: явиться в военкомат, чтобы ехать на оборонные работы.

На сборном пункте ее поразило огромное скопление людей, целая армия. Всех посадили в поезд, довезли до Брянска, а потом двое суток пешком вели в Монастырский район Смоленской области. В этих местах они целую неделю копали противотанковые рвы. Работами руководили военные. Копали с раннего утра до позднего вечера. Питались пайком, спали в сосновом лесу под открытым небом. Александра с подругами не ожидала, что копать будет так трудно. Страшно уставали. Почва была глинистая, тяжелая, и норму выполнить было очень трудно.

Оборонные работы велись длиной несколько десятков километров. Впоследствии в этих местах шли

жестокие бои советских войск с танковыми частями Гудериана.

Домой возвращались тем же путем. Шли двое суток до железнодорожной станции, но уже без пайка. Заходили группами в деревни, просили поесть. От станции Ельня они доехали до станции Хомутово и вернулись домой. По дороге натерпелись всякого, попадали под обстрел, отдыхали голодные.

Все мужское население из деревни ушло на фронт.

Женщины, дети да подростки стали главной рабочей силой. Первое же военное лето вышли в поле косить крюковыми косами хлеба, вязали снопы, складывали их в копны, затем возили в скирды, а осенью молотили.

В родной деревне с каждым днем прибавлялось слез и горя. Похоронки приносили в каждый дом, люди становились все мрачнее. А осенью пожаловали фашисты. Зверствовали, отбирали оставшийся скот. Отец в это время угнал с односельчанами скот на восток, чтобы не достался немцам. Молодежь деревенская, опасаясь плена и насилия, пряталась на отдаленных хуторах. Убежала и спряталась у тетки на хуторе в лесу и Александра. Сюда враги не совались, боялись каждого куста.

А однажды ночью, в декабре 1941 года, они увидели со стороны деревни зарево пожаров. Немцы поспешно отступали и подожгли деревню.

Ярко полыхали в ночи соломенные крыши и деревянные дома. Не боясь убегающих врагов, люди бросились спасать жилища, и некоторые смогли спасти потолки. Но пламя пожаров, суматоха и слезы не страшили. Может, души уже заледенели от ужаса и горя. Зимовали в сгоревших домах без крыш и в подвалах.

Весной жить стало еще тяжелее. Люди изо всех сил крепились, поддерживали друг друга. Немцев уже не было на Орловщине, но кровоточащие раны и следы тяжелых боев еще долго не могла залечить родная земля.

Вручную засевали кое-как вспаханные поля, бороновали на домашних коровушках землю, работали до изнеможения, но лучше не становилось.

С великой печалью вспоминает Александра Ивановна о своих земляках, не вернувшихся с войны. Возвратилась домой самая малость людей, да и те были израненные, искалеченные.

Колосившиеся в прошлом поля зарастали березовой порослью, дичали. Теперь на месте бывших полей выросли молодые березовые леса.

Военные начали строить дорогу до Новосиля. В деревне, где жила Александра, рядом со школой стояла церковь. Ее взорвали, а строительный материал возили на машинах и укладывали на шоссейной дороге. Александре с односельчанами пришлось много потрудиться, нагружая грузовики кирпичом.

Ее самостоятельный жизненный путь начался летом 1942 года, когда ей предложили работать в школе учителем начальных классов. Она с радостью приняла предложение, потому что с самого детства ей нравилась эта профессия. Время было тяжелое, вместе с учениками переживала все трудности, жила их жизнью. У многих ее первых воспитанников не вернулись с фронта домой отцы, братья, были и сироты. Каждому, надо было сказать теплое материнское слово, приласкать.

Школа была обезображена немцами, сломаны парты, выбиты стекла. Все это восстанавливалось с большим трудом. Однажды заведующий школой послал Александру и еще одну девушку, ее подругу, в Брянск за стеклом, чтобы застеклить к зиме рамы. Александра Ивановна и сейчас с удивлением вспоминает, какие они в молодости были бесстрашные да бедовые.

Приехали в город, купили на рынке недалеко от вокзала ящик стекла, с трудом дотащили его до поезда. Состав, который шел в их строну, был военным. Солдаты помогли затащить ящик в тамбур, а девушек не пустили в вагон, и пришлось им лезть на крышу вагона вместе с другими «пассажирами». Они ехали темной ночью, раздетые, в одних платьицах, лежа на крыше, уцепившись за трубу и дрожа от страха и холода. Но доехали благополучно, только очень замерзли, но даже не заболели. А окна все-таки застеклили, сразу стало уютнее и теплее.

До 1946 года Александра Ивановна работала в своей родной школе и жила с отцом и мачехой. Но первая мачеха не ужилась в большой семье и ушла с дочерью от них. Отцу на старости лет вздумалось жениться в третий раз. Александра была против, просила отца жить с ними и обещала заботиться о нем. Но он не послушался и привел в дом новую жену, строптивую и злую. Через год обстановка в семье стала невыносимой, и дочери одна за другой стали покидать родительский лом.

Старшая сестра в 1945 году по вербовке уехала в Ленинград на стройку, а потом устроилась на завод и живет там до сих пор. Средняя укатила с подругами в Челябинск на машзавод. И только младшая — инвалид жила с отцом и мачехой до их смерти, потом сестры определили ее в дом инвалидов...

Александра Ивановна, не желая более терпеть колкости и издевательства мачехи, попросила в РОНО, чтобы ее перевели в самую отдаленную школу.

Не дрогнуло у отца сердце, очерствевшего и огрубевшего, когда дочери со слезами одна за другой навсегда покидали родной дом.

Александра Ивановна устроилась в школе за десять километров от дома, обосновалась, вышла замуж и жила там до старости. Но счастья в замужестве она не нашла. Муж оказался пьющим, плохим семьянином и ненадежной опорой.

Ее счастье было только в работе и в ее детях. Вырастила и выучила троих детей. Все получили специ-

альное образование, честные и добрые. После смерти мужа решила переехать поближе к сыну Владимиру в Яблонево. сегодня ее самая большая радость — четверо внуков. Она купила домик — небольшой, но очень уютный и чистый, и тихо живет, экономя силы и здоровье.

Слишком трудной была жизнь, слишком много сил и здоровья отнято войной и разрухой, слишком много пережито и оплакано.

Однако через все невзгоды она пронесла по жизни тепло своей души.

Этого тепла хватило не только ее семье, но и ее ученикам, чьи доверчивые, милые глаза, как ясные звездочки, светили и светят ей всю жизнь.

ОДИН ЗА ВСЕХ

Дед Яков вышел на опушку леса с полным лукошком грибов и, стоя на краю поля, любовался озимыми хлебами. Хлеба колосились. Колос был тяжелым и крупным. В этот год в Остриково ожидали отменный урожай, какого давно уже не было. Радостно было на душе старого крестьянина. Представил он, как со всей своей большой семьей, вместе с другими такими же колхозниками, выйдет в поле убирать озимые.

У него было четверо взрослых сыновей. Трое из них были женаты. Жили они отдельно от отца, но были очень дружны. И все трудные дела делали вместе.

Яков Артамонович Дробышев был богатым дедом. Старший сын Николай имел двоих детей, второй, Петр — пятерых, средний, Иван — троих. Самый младший, Афанасий, был еще не женат и жил в городе Туле, работал на оружейном заводе. Перед самой войной его направили по путевке комсомола в Житомирское военное училище.

В эти благодатные летние дни в колхозе имени Тельмана усиленно готовились к уборке. Ладили конные жатки, отбивали косы, готовили склады для хранения зерна. Крестьяне спешили закончить сенокос, чтобы с легкой душой приступить к уборке хлебов. И каждый задавал себе вопрос: как она пойдет, уборка-то? Какая погода будет? Как сложатся обстоятельства?

Но радость людей и их неутомимые хлопоты оказались напрасными.

Именно в это чудесное, безмятежное утро, 22 июня 1941 года, война перечеркнула крест-накрест судьбу семьи деда Якова, стоявшего на краю поля и с улыбкой смотревшего на родные поля.

Перечеркнула она судьбы его земляков и всех советских людей.

Приехавшие с рынка односельчане привезли с собой страшную весть: началась война, фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз.

Погасла людская радость, перестал звучать детский смех. Дома потонули в слезах и горе.

Почернел от горя дед Яков, потому что лучше других понимал, что такое война. В гражданскую от нее натерпелся — не приведи Бог. Кровью истекало его отцовское сердце. Ведь у него было четыре взрослых сына — четыре солдата.

Младшего, Афанасия, недоучившегося, сразу из училища отправили на фронт. Он погиб в первом тяжелом бою, защищая Житомир, в самом расцвете лет.

Но отец узнает о гибели младшего потом, спустя два года. А пока он с великой печалью в глазах провожал на войну одного за другим старших своих сыновей. Похоронки не заставили себя долго ждать. Старший Николай участвовал в боях за Москву и геройски погиб в сражении. Яков Артамонович старался как можно меньше находиться дома. Не мог он видеть, как голосят, убиваются женщины — мать и жена Николая. Ребятишки тоже ревмя ревели, глядя на них.

А мужское дело — молча переносить горе — еще труднее. Представит старый отец последние минуты жизни своего первенца, его предсмертные мучения — и зайдется от горя сердце, закаменеет. Боль в груди так и не проходила.

А через полтора года, когда гнали врага по Белоруссии, под далеким городом Ельня, на чужой стороне, погиб Петр, оставив старому отцу пятерых внуков. Расти, как хочешь. Горе, одно другого тяжелее, сваливалось на плечи Якова Артамоновича. В соседних домах было не лучше. Люди почернели от горя, оплакивали погибших мужей, отцов, братьев.

Среднему сыну деда Якова выпала иная доля. В конце второго года войны с ним случилось такое, что можно назвать невероятным. В редком случае можно было надеяться остаться живым, попав в такую ситуацию.

Иван был на фронте шофером. Проехал он на своем ЗИСе не одну тысячу километров, выполняя труднейшие задания и подвергаясь постоянной опасности. В одном из тяжелых боев его машина была разбита, а он получил тяжелое ранение и попал в плен к фашистам. Долго валялся Иван по грязным баракам, прощаясь с жизнью.

Нет ничего горше — умереть в плену у врага.

Но немцы не стали его убивать. Видно, приглянулся «рус Иван» своим богатырским ростом и красотой. А когда немного поправился, заставили его работать шофером на немецком разбитом грузовике. Своих-то жаль было посылать на передовую под пули, так они нашли выход — стали посылать в пекло русского пленного, правда, под неусыпным надзором. К нему был приставлен немец с оружием, который везде сопро-

вождал его и все время поторапливал:

— Пан, шнель, шнель.

И стал возить Иван на передовую снаряды для немецких орудий. Едет, а у самого сердце кровью обливается:

— Ведь все эти снаряды полетят в нашу сторону, и от них будут погибать мои братья, будут гореть дома и моя родная земля.

И с первого дня, находясь в плену, стал вынашивать наш Иван и лелеять мечту о побеге.

— Все равно мне суждено погибнуть. Не может быть, чтобы в плену у немцев я остался жив.

А время шло. Иван оказался «примерным» пленным, вел себя тихо. Был молчалив и послушен, хотя в груди клокотала ненависть к врагу.

Приставленный к нему солдат совсем с ним подружился, стал доверять «гут Иван». И однажды отпустил его одного на передовую с грузом. Иван долго ждал этого момента. Он решился: «Больше такого случая не будет никогда».

Он гнал машину с огромной скоростью мимо вражеских укреплений по рытвинам и канавам, не обращая внимания на отвратительную дорогу. Ему казалось, что он летит на крыльях. Осторожничать было некогда. Фашисты поняли свою оплошность, открыли стрельбу, но было поздно.

Иван был уже далеко, и вражеский огонь не мог его догнать. Потом и вовсе скрылся в лесу, а когда выехал по другую сторону его, то оказался на советской территории.

Теперь наши части, увидев мчавшуюся немецкую машину, открыли по ней огонь. А у Ивана все пело внутри: «Лучше тысячу раз погибнуть от рук своих братьев, на своей земле, чем от фашистской нечисти». Он был счастлив.

Судьба его хранила. Советские снаряды летели мимо. Потом в окопах решили, что кто-то прорвался к своим, и прекратили огонь. Иван благополучно доехал до своих, заодно прихватив целый грузовик боеприпасов, в которых так остро нуждались наши части.

Храбрецу не пришлось долго объясняться. Все было и так ясно. Иван неожиданно стал героем, еще не веря в свое спасение и в то, что остался жив, вырвавшись из фашистского плена. О нем долго говорили в части.

Командование предоставило ему десятидневный отпуск, и приехал он домой, в свое село Остриково. Настоящий герой!

Земляки — и стар, и мал — спешили увидеть его, поговорить, расспросить, как там, на войне? Не встречал ли где своих, хотя вряд ли в таком аду можно было на что-то надеяться. Восхищались геройским поступком своего земляка Ивана Яковлевича Дробышева. Его жена и двое детей были счастливы увидеть своего дорогого мужа и отца. Но десять дней пролетели как во сне. Солдату надо было возвращаться на войну. Попрощался с родителями, женой, детьми, земляками, родными полями и лесами, и уехал.

А тем временем, пока Иван был в отпуске, его представили к награде. Узнал он об этом, когда вернулся в свою часть. Его наградили высшим орденом военного времени — орденом Красной Звезды. Только теперь он стал ясно осознавать, что с ним произошло. Он вернулся оттуда, где считал себя заживо похороненным и давно распрощался с жизнью, со своими родными. Слишком мало кто смог вернуться из фашистского плена, навеки сгинув замученным, безвестным, по вине гитлеровской коричневой чумы. Будь она проклята.

Иван до конца своих дней помнил тех, кто был в те страшные дни рядом с ним, и кому не удалось вырваться на волю, как ему. Судьба его товарищей по несчастью была известной. Никто не остался жив. Они погибли в немецких концлагерях.

Во сне и наяву к нему часто приходили их скорбные образы, и он разговаривал с ними, как с живыми. И всех помнил. И жил один за всех. Обо всем этом он очень часто рассказывал своим детям, односельчанам, когда вернулся с войны, и делился с ними своими переживаниями и горькими воспоминаниями.

Вернувшись в часть, Иван продолжал водить машину, только теперь — легковую. Возил командира части. С ним военными дорогами доехал до самого фашистского логова, закончил войну в Берлине. Там и встретил долгожданную Победу.

Много друзей-однополчан похоронил он вдоль этой длинной и долгой дороги. Слишком густо посеяны русские косточки на советской земле. Ими выстлан весь этот невероятно трудный путь к освобождению родной земли от вероломного, жестокого врага.

После демобилизации герой-фронтовик спешил вновь на Родину, в родное Остриково, теперь уже навсегда. Здесь ждали его большие, неотложные дела. Семья заждалась героя. Родные с нетерпением ждали встречи, считали эти невыносимо длинные дни и часы.

Но все задуманное Иван переделать не успел. Тяжелые ранения, страдания в фашистской неволе сделали свое дело. Он прожил недолго после войны…

И остался дед Яков один на один с десятью внуками — и за себя, деда, и за троих отцов, и за одного дядю. Все его четыре сына погибли в жестокой войне, так и не вкусив сполна простого земного счастья.

ДЕВУШКА В ВОЕННОЙ ФОРМЕ…

С фотографии пятидесятилетней давности смотрят прекрасные молодые глаза. Спокойный открытый взгляд, белозубая улыбка, темные волнистые волосы уложены в красивую прическу. Такой была Любовь Ивановна Быкова пятьдесят лет назад. Очень к лицу ей военная форма, в которой она была сфотографирована. Красивое, мужественное лицо, опаленное огнем войны.

У нас все знают ее, пожилую скромную женщину, живущую в деревне Яблонево. Родилась она 29 мая 1923 года. В 2003 году ей исполняется 80 лет. Живет тихо, незаметно. Только при встрече, пожалуй, мало кого оставляют равнодушными страдальческие невыплаканные глаза. Кто много видел, тот мало плачет. А повидать пришлось, ой, как много за четыре года, проведенных на войне, когда смерть смотрела в глаза ее боевым подругам и товарищам, с которыми вместе переносили они испытания войны.

И сегодня мы низко кланяемся ей, простой деревенской девушке, уроженке деревни Люговичи Донского района Тульской области, которая в тот страшный 1941 год решила идти на войну. Как, когда пришло к ней это решение? А было все просто.

Ей шел девятнадцатый год, когда заполыхала и наполнилась страданиями родная земля. Она тогда работала трактористкой в колхозе, любила технику, отличалась прямым и смелым характером.

Однажды в райцентре ей повстречалась девушка в военной форме. И тогда твердо пришло решение: «Пойду на фронт!» Написала заявление и отнесла в военкомат тайком от матери и родных.

В один из дней августа, работая на своем тракторе в поле, вдруг увидела ту самую девушку в военной форме, которая спешила к ней с повесткой. Были уговоры, слезы матери, но решение было непреклонно. Она ушла на войну.

В составе группы таких же молоденьких девчат стала обучаться на ускоренных курсах шоферскому делу в городе Туле, а через три недели, едва ознакомившись с правилами вождения, они были зачислены в батальон авиационного обслуживания при аэродроме в городе Воронеже. Вся дальнейшая ее служба была связана со Вторым Белорусским фронтом и Пятой Воздушной Армией.

Служба ее на фронте заключалась в обслуживании самолетов. Вначале подвозила к самолетам горючее для заправки, затем с помощью специальной установки помогала заводить моторы самолетов. Через год получила сквозное ранение в ногу, лежала в госпитале, но, не долечившись и даже не заехав повидать родных, вернулась на фронт.

На вопрос: «Страшно ли на войне?», Любовь Ивановна отвечала:

— Я в детстве была не из пугливого десятка, и на войне никогда не было страха, хотя трудности встречались на каждом шагу. И была еще ненависть к врагу, стремление как можно скорее одолеть его. Трудности были, в основном, из-за отсутствия знаний по устройству машины. Что мог знать трехнедельный, как она сама выразилась, шофер? Бывало, сломается, заглохнет машина, хоть плачь. А бывалые дядьки любили подшутить, взявшись помогать, устраивали над ними всякие шуточки, вроде того, что заставляли продувать шланги, когда этого вовсе не требовалось.

Так и двигались на Запад вместе с самолетами. Аэродром передислоцировался на новое место, сюда же прибывали автозаправщики.

В конце 1944 года, будучи уже в Германии, на Одере, их автоколонна, стоявшая на отдыхе, попала под бомбежку.

Девчата, намаявшись по трудным и долгим дорогам, в одном местечке сделали привал, нашли баньку, истопили и решили только искупаться, как объявили воздушную тревогу.

Потрепали их в тот раз основательно. Бежали в укрытие в чем попало, многих недосчитались после бомбежки. И свою «полуторку» Любовь Ивановна нашла в кювете кверху колесами, изуродованную до неузнаваемости и непригодную к эксплуатации. Дальнейший свой путь к Победе она проехала на легковой автомашине, так как ей поручили возить командира полка.

На войне, как и в мирное время, профессии бывают разные, а рядовая Любовь Ивановна Быкова защищала Отчизну, работая водителем на фронте. Работала добросовестно, вкладывая в работу всю ненависть к врагу, о чем говорят многочисленные медали, которыми она была награждена на фронте.

После войны жизнь сложилась не очень удачно. Были лишения, неприятности. Не будь этой проклятой войны, может быть, все было бы совсем по-другому. И все-таки у нее нет сожаления о том, что в ее жизни все было именно так.

И пусть нет на груди Золотой Звезды Героя, нам всегда будет дорог этот замечательный образ девушки в военной форме, нашей односельчанки.

ФРОНТОВАЯ СЕСТРА

Среди ветеранов Великой Отечественной войны есть немало женщин. Но если невыносимо тяжело было на фронте мужчинам, то какой мерой можно измерить все страдания, которые довелось вынести им, нежным, хрупким, беззащитным? Они служили во всех родах войск, но больше всего было среди них меди-

ков — врачей, медсестер, санитарок.

Довелось эту горькую чашу испытаний военного лихолетья выпить до дна и бывшей фронтовой медсестре, ныне офицеру запаса медицинской службы Марии Филипповне Маркеевой, жительнице села Закопы.

В несколько тысяч километров обозначен на карте, висящей в ее комнате на стене, боевой путь, пройденный дорогами войны — сначала с востока на запад, затем с запада на восток через всю нашу огромную страну…

Мария Филипповна — очень волевой человек, с твердыми моральными принципами, требовательная к себе и другим, не терпящая лицемерия, предательства, лжи. В свои семьдесят с лишним лет, перенесшая две тяжелейшие операции и две контузии, она старается держаться изо всех сил, никогда не жалуется, стараясь молча переносить страдания, боль, горечь утрат. Кто много видел, тот мало плачет. В самом расцвете молодости, за пять лет войны, она видела очень много. И нервы сдали.

После всего увиденного любое напоминание о прошедших сражениях и лишениях отдается в груди тяжелой душевной болью. Кошмарные сны до сих пор преследуют ее по ночам. «Тигры» и «пантеры», вой немецких самолетов, разрывы бомб, зарево пожарищ, окровавленные тела солдат…

Она училась на третьем курсе медучилища, когда началась война. Не доучившись, молоденькая девочка в городе Армавире попала в самое пекло войны, где и получила боевое крещение. Там шли ожесточенные бои за Кубань во время отступления советских войск. Отошли до города Туапсе, шесть месяцев стояли в обороне. Под Новый 1943 год началось наступление. После трехдневных боев была первая контузия. За время, пока находилась в госпитале, Северо-Кавказский фронт был расформирован, образовался Второй Украинский. После госпиталя сразу вернулась на фронт, в Шестую танковую армию. Служила в ремонтно-восстановительном батальоне медсестрой. С тяжелыми боями шли на запад, освободили Северный Кавказ, Кубань, Украину.

Сейчас нам, не видевшим войны, трудно представить, как можно было все это выдержать, в такие юные годы, насмотревшись ужасов, смертей и горя. Сколько лишений, испытаний за это время.

— Самое страшное для меня на войне,— говорит Мария Филипповна,— было терять дорогих людей, которые умирали у меня на руках. Сколько их похоронено на всем пути к Победе. Из того состава медицинского персонала, в котором мы начинали войну, дошли до конца только двое — я и врач Порядкова Татьяна Алексеевна.

Невыразимо больно было получить известие о гибели любимого брата. И возросло желание бороться с ненавистным врагом, освободить поскорее родную землю.

Когда освобождали свою территорию от немецких оккупантов, видели страшные разрушения, зверские издевательства над мирным населением.

Был в ее жизни и в жизни ее товарищей по оружию один счастливый, незабываемый до смертного часа день, когда они дошли до границы.

Каждый из них целовал священную землю, которую они защищали, щедро поливая ее своей кровью и любя умирая за нее.

Позади была разрушенная, истерзанная, но все-таки свободная, Родина. Но война продолжалась, теперь уже в Румынии. На подступах к Бухаресту медсестра вынесла из боя шестьдесят четыре раненых бойца за два дня тяжелых боев. Здесь ей было присвоено звание офицера медицинской службы.

Грудь бывшей фронтовой медсестры — ветерана Великой Отечественной войны, вся увешана наградами. Очень памятна медаль «За освобождение Праги».

— Благодарные чехи встречали нас цветами, хлебом-солью,— вспоминает Мария Филипповна.

Очень долог и труден путь, пройденный солдатами войны. Надо было пройти тысячи километров, перетерпеть жестокие потери и страдания, чтобы, наконец, пришел этот долгожданный день.

Весть о Победе застала ее в Чехословакии. Невозможно представить радость и ликование многих тысяч людей. Совсем незнакомые люди обнимались, целовались, плакали.

Здесь, вдали от дома, на чужбине, она вместе с друзьями отпраздновала свадьбу, соединив свою судьбу с летчиком Николаем Маркеевым.

Началась демобилизация войск, но офицерский состав оставался еще на местах. Для офицера медицинской службы война продолжалась.

В середине июня 1945 года их часть на самолетах с редкими пересадками была переброшена в Монголию для участия в боях с японцами. Немало дорог довелось пройти мужественной женщине по монгольской и китайской земле, освобождая от японских захватчиков.

Здесь, на востоке, она видела те же самые зверства фашизма, что и на западе. Работала в медсанбате, облегчала страдания раненых. И сама была не раз на краю гибели.

Однажды, озверевшие самураи окружили госпиталь и сняли часовых. Мария Филипповна чудом осталась жива. Спряталась во дворе в мусорном ящике и уже приставила пистолет к виску, чтобы не даться живой в руки врага. Во время перестрелки один японский солдат хотел перепрыгнуть через стену во двор госпиталя, но его подстрелили, и он повис как раз в том месте, где сидела затаившаяся женщина, и прямо на нее хлестала вражеская кровь. Подоспевшие наши бойцы отогнали врага.

Военными дорогами офицер Маркеева дошла до Желтого моря, принося людям освобождение. И толь-

ко третьего сентября 1945 года для Марии Филипповны, как и для всех ее однополчан, пришла настоящая, окончательная Победа.

В свои двадцать три года молодая женщина испытала и перенесла эту долгую и страшную войну, геройски выдержав все лишения и трудности того тяжелого и страшного времени.

Вернулась с войны контуженная, больная, но сильная духом, возмужавшая.

В поселке Шатилово Орловской области, на родине мужа, началась ее мирная трудовая жизнь.

Работала фельдшером-акушеркой, в любую минуту была готова помочь людям. И здесь, спустя много лет, ее продолжали находить боевые награды, которые, как известно, за просто так не даются.

Несмотря на преклонный возраст, Мария Филипповна — активная общественница. Ей есть о чем рассказать людям, поделиться воспоминаниями. Она постоянно с народом, каждый год выступает на митингах, посвященных Дню Победы.

Двадцать пять лет из всей трудовой деятельности она проработала заведующей детским садом, ежегодно получая за труд Почетные грамоты, дипломы, благодарности.

В личной жизни Мария Филипповна не менее счастлива. Она вырастила двоих замечательных детей — дочь Евгению, работающую преподавателем в Закопской средней школе, и сына Петра, обладающего большим музыкальным талантом и работающего художественным руководителем Яблоневского Дома культуры.

Кроме того, она еще и добрая, мудрая бабушка, имеющая троих внуков, которые очень ее любят. Они уже взрослые, ее дорогие птенцы. Мария Филипповна воспитала их патриотами, настоящими людьми.

Дом, где живет бывшая фронтовая сестра, с ранней весны до поздней осени утопает в цветах. Это пристрастие не случайно.

— Цветы — символ мира и дружбы. Особенно люблю гвоздики. Это дань Памяти всем солдатам и друзьям, которые не дожили до Победы. Когда видела родную землю, сожженную, поруганную, в пепелищах, я мечтала, что если останусь жива, и победим, всю жизнь буду разводить и выращивать цветы. Мечтаю о том, чтобы любимая Родина была вся в садах и цветах.

Когда она приезжает в Шатилово, земляки несут ей цветы в знак уважения, а она несет их на братскую могилу, где лежат ее фронтовые братья.

Скоро на ее замечательных клумбах зацветут тюльпаны, которые она выращивает специально ко Дню Победы. В этот день она принесет их к Обелиску, стоящему около Закопской средней школы, и с поклоном положит их к подножию Памятника погибшим воинам.

9 мая для нее — особенный день. Она вся уходит в прошлое, вспоминает, грустит…

Члены семьи, понимая ее состояние, стараются ей не мешать, угадывая каждое ее желание. И, конечно, как и для всех, этот день в семье Маркеевых — особый, праздничный.

— Всем ветеранам Великой Отечественной войны я желаю крепкого здоровья и чистого неба над головой,— говорит Мария Филипповна.

МАТЬ И ДОЧЬ — СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Горечи военного лихолетья Анастасия Григорьевна отведала еще в 1939-м, когда муж ее Михаил Григорьевич Марков ушел на финскую войну.

Тревожные дни и ночи ожидания и страха за его жизнь. И не без оснований: в одном из первых боев — тяжелое ранение. Санитары подобрали и отправили в госпиталь, даже не сообщив об этом в часть.

Долгое время от Михаила Настя не получала никаких вестей, зато однажды пришло сразу два письма от Михаила. Немного успокоилась: хоть жив, слава Богу. А муж продолжал воевать, только уже в другой части.

Сентябрьским днем 1940 года, уставший, угрюмый, переступил он порог своего дома. Но недолгим было семейное счастье. Памятью о короткой супружеской жизни был сынишка Вася. Надвигалась новая гроза, страшная, неотвратимая. В мае 41-го ушел на переподготовку, а в июне...

Часть формировалась в Ефремове, и Настя, узнав об этом, вместе с подружками пешком пришла на вокзал. В сутолоке, в многоголосой толпе с трудом отыскала своего Михаила. Это были их последняя встреча и расставание. Слез не было. В оцепенении тупо глядела на происходящее, старалась запомнить лицо мужа. А он, обычно подвижный и веселый, отрешенно наблюдал за пляшущими односельчанами и, недоумевая, с горечью повторял: «Чему радуются? Они же ее, войну, не видели».

С тяжелым сердцем возвращалась Настя домой, проводив взглядом удаляющийся поезд. Вот так, разом, судьба немилостиво обошлась с ней, отняв счастье и, как казалось, все лучшие надежды.

В первые тяжелые дни войны единственной опорой была мать — Елизавета Иосифовна Пешкова, женщина смелая, честная и волевая. Лишения и тяготы не в силах были подавить в ней бодрость духа и уравновешенность. Может быть, именно это обстоятельство и послужило предпосылкой подвигу, совершенному впоследствии этими двумя женщинами. Стараясь заглушить душевную боль, Настя всю себя отдавала работе. Всей деревней рыли окопы, строили укрепления.

В ноябре враг ступил на нашу каменскую землю. Однажды утром завязался бой в Яблоневе.

Сад Анастасии был местом расположения нашего пулеметного расчета, отбивавшего яростные атаки фашистов. А к вечеру огневая точка была подавлена, замолчал пулемет. Ближе к ночи наступило затишье. Настя вздрогнула, услышав вдруг слабый стук в дверь. Когда отворила, увидела троих израненных, окровавленных пулеметчиков.

Вместе с матерью быстренько затащили солдат в дом, сняли окровавленное белье, промыли раны, наложили повязки со столетником. На удачу, в бинтах нехватки не было: в поспешном отступлении, санчасть оставила целую упаковку. Все оставшееся в доме из мужского белья пришлось кстати. Переодели, накормили бойцов, а через час-полтора нашли и принесли еще одного — четвертого, с тяжелым ранением.

Чужая речь, гул моторов и выстрелы поутру возвестили о приходе немцев. Соседний дом облюбовали для своего штаба. Явились и к Анастасии. Увидели раненых, аккуратно перебинтованных, чисто одетых. На вопрос «кто такие?», вместо ответа Елизавета Иосифовна стала перед образами, перекрестилась, а потом обернулась к офицеру: «В Бога веруешь? Это ваши, ваши санитары принесли и бросили, а мы вот с ними тут мучаемся. Коммунисты все ушли».

Неизвестно было, поверил ли офицер женщине, только в тот момент ничего не предпринял, удалился, и остальные с ним. Коварный оказался фашист.

Рядом стоял полуразрушенный дом без крыши — склад боеприпасов, который наши оставили при отступлении. Немцы обнаружили это, подпалили его вместе с Настиным домом. Расчет, как очевидно, был прост: и дом, и раненые — все взлетит на воздух.

Настя бросилась тушить огонь, посылая вслед исчезнувшим тут же фашистам отчаянные проклятья.

Напуганные соседи усмиряли ее: «Настя, замолчи — пристрелят!»

Один из немцев, действительно, выстрелил, но пуля попала в привязанного к изгороди козла, которого немцы в момент «оприходовали», отправив на кухню. Так козел отпущения спас жизнь своей дерзкой хозяйке.

Дом Насти хотя и прогорел основательно, но на воздух, к счастью, не взлетел. Забыв о страхе, задыхаясь в дыму, превозмогая боль от ожогов, женщины перетащили раненых в погреб, а четвертого, «тяжелого», вытащили во двор на перине и укрыли в куче хвороста. Отдышавшись и немного отдохнув, Настя обратилась к бойцам: «Пойду по соседям. Может, у кого дом уцелел — к себе возьмут? Где ж вам тут на холоде, да больным?»

Но солдаты, как один, наотрез отказались: если что, уж лучше вместе умрем, как и дрались. Так и остались в горевшем, но сразу ставшем для них родным доме.

Потянулись тяжелые дни оккупации. Немцы бесчинствовали, грабили население. По вечерам горланили пьяные песни на деревенской улице.

Не узнать теперь было чернобровой красавицы Насти. Из дома выходила, наглухо повязавшись дырявым платком, вымазав лицо сажей. Раненые бойцы чувствовали ее материнскую заботу, а ведь ей не было и двадцати пяти. В обогревшем доме кое-как залатали с младшим братом потолок, заколотили досками окна и снова перенесли сюда своих подопечных. Поровну делили с ними последний кусок, а Настя ходила на мельницу, выпрашивала горсть муки, чтобы как-нибудь продержаться. Однажды мельник, узнав, в чем дело, вознаградил Настю за мужество целым мешком муки, зная, что и сам рискует жизнью.

Тем временем кончились бинты, даже уже застиранные. Тогда Настя пустила в дело последние простыни, а Елизавета Иосифовна постоянно следила, чтобы не допустить гангрены: у двух бойцов раны были ужасные.

И раненые всеми силами старались держаться. Велика была роль женщин, их желание вселить в души бойцов веру в скорейшее выздоровление.

Однажды Настя побежала на речку, к проруби, полоскать бинты. И здесь ей неожиданно встретился незнакомец — в кожаной летной куртке. Он подошел сзади, когда Настя нагнулась к воде: «Видишь, сколько бинтов! С мертвых, что ли, сдираешь?» В голосе — нескрываемая злость. «Да ты что! — возмутилась Настя,— у меня полна изба раненых наших». Тогда человек, смягчившись, подробно расспросил ее обо всем, а потом, стараясь быть незамеченным, стал пробираться к обгоревшей избе. Когда Настя вернулась, летчик уже тихо разговаривал с ранеными. Ночевать он не остался, сказал на прощание: «Если меня обнаружат — сразу всех перестреляют. Как проберусь к своим, обязательно помогу вам, сообщу кому надо».

Настя завернула ему на дорогу немного еды и отдала свое последнее одеяло.

Спустя некоторое время Настя узнала, что человек этот долго скитался по лесам, страшно исхудал, так и не добравшись к своим. Немцы его схватили и расстреляли.

Зима была снежной, с жестокими морозами. Отдавая все силы уходу за ранеными, Настя не щадила себя и в конце концов не уберегласъ от простуды — свалилась в тяжелом бреду. Металась на печи, видя в потолочной щели небо, кричала: «Спасайтесь! Опять горим!» Теперь уже бойцам приходилось искать ласковые, успокаивающие слова. А матери, Елизавете Иосифовне, лег на плечи еще более тяжкий душевный и физический груз. Но дочь на ноги поставила и в беде солдат не оставила.

Односельчане знали тайну Настиного с матерью дома, свято ее хранили, помогали, чем могли. Видели пример мужества и самопожертвования, уважали и почти преклонялись.

Семен Локут — имя раненого командира пулеметного расчета. Он тайно наблюдал за обстановкой в деревне и однажды сказал: «А ведь фрицы собираются отступать». И он оказался прав. Немцы зашевелись, с особой злостью шастали по домам, отнимали последнее, что было, чего не успели отнять.

14 декабря снова завязались бой. В саду у дома взорвался снаряд, выворотил с корнем яблоню, до сих пор оставив на этом месте такую память.

Немцы отступали.

Пожары охватили Яблонево. Второй раз дом Анастасии был облит бензином и подожжен. Но Настя, наученная горьким опытом, накануне запаслась водой из колодца на случай, если из дома выйти будет нельзя, огонь удалось быстро затушить. А немцы уже бежали под натиском наших, бросая орудия, технику, раненых.

14 декабря в деревню пришли наши. Настя поспешила сообщить о своих подопечных. А через день прилетел санитарный самолет и приземлился на месте теперешнего Закопского карьера. Пришел врач, осмотрел раненых, остался доволен: помощь женщин оказалась грамотной, оперативной.

Перед посадкой в самолет, спасенные бойцы со слезами на глазах трогательно прощались с Елизаветой Иосифовной и Анастасией. От советского командования мужественные женщины получили благодарность.

А в марте 1951 года Каменский райисполком постановил назначить Елизавете Иосифовне Пешковой пожизненную пенсию за спасение раненых в период оккупации.

Но самой большой наградой сестрам милосердия были письма с разных фронтов, куда разбросала война дорогих ребят после госпиталя. Приходят письма и теперь, где первой строчкой слова: «Дорогая наша мама»...

По причине старости женщины не могут им теперь ответить (Елизавете Иосифовне — 95, а Анастасии Григорьевне — 70 лет), но известна судьба тех ребят. Дмитрий учительствует в Харькове. Семен — сибиряк, работает в совхозе. Александр на пенсии и проживает в Курске, а Николай до сих пор работает на заводе в Рязани.

Прошло ровно 45 лет с тех памятных дней, когда во всем благородном величии проявился характер этих простых русских женщин. Дела давно минувших дней.

Но как поладить с памятью?

Забыть ли беды и лишения, излечить ли боль утрат?

Любое напоминание о войне холодит душу, сжимает сердце. «Не дай Бог, повториться такому»,— говорит Анастасия Григорьевна.

Я ПОМНЮ ЭТОТ ДЕНЬ

Некогда сильная и работящая, она сейчас была похожа на слабую, больную птицу. Боль порою подступала как пытка, и тогда она терпеливо сносила ее, только глаза лихорадочно блестели да болезненный румянец пробивался слабо на впалых щеках.

Александра вот уже несколько лет была прикована к постели.

Ноги отказывались повиноваться, но голова ясно работала и не лишала ее последней связи с жизнью, четко реагировала на окружающее, а мысли все чаще и чаще уходили вглубь прошлого.

Сегодня в ее памяти всплыл один из самых ярких, запоминающихся на всю жизнь дней — тот незабываемый, жестокой болью отметившийся в ее жизни и в жизни всех людей день — День Победы 9 мая!

Исстрадавшиеся, истерзанные, голодные, все ждали окончания войны. Наши войска уже давно воевали с врагом по ту сторону границы. Долгожданная эта весточка дошла до их деревни в тот же день и час, когда и вся страна узнала о Великой Победе.

Справила по дому привычные дела — истопила печку, сварила картошку, подмела пол, вымыла посуду и, оставив с сестрой четырехлетнего сынишку, Александра поспешила в сельсовет, где работала уборщицей.

День выдался холодный. Люди со всех концов деревни стекались на выгон. Там была устроена трибуна, и обычно проходили сходы.

На лицах — нескрываемое волнение, радость, слезы. Председатель сельсовета Воронов подозвал Александру и сказал:

— Иди в соседнюю деревню, зови всех на митинг.

Вторая бригада находилась от усадьбы колхоза в двух километрах, и она поспешила туда.

На людях было как-то терпимо. Но, оставшись наедине со своими мыслями, Александра вспомнила двух младших братьев, которых отняла у нее война: Ивана, служившего танкистом и сгоревшего заживо в танке в одном из тяжелых боев под Орлом, и второго, Никанора, страшно изуродованного разрывом гранаты, скончавшегося в госпитале, с перебитыми челюстями.

В памяти встала вся ее горькая жизнь во время войны. Ей пришлось за это время похоронить своих дорогих родителей.

Отец после раскулачивания так и не оправился от огорчения, все переживал по отобранным лошадям, корове, инвентарю, кузнице. Несколько лет ходил хмурый, старался меньше разговаривать, хотя в колхозе работал прилежно. Потом и вовсе слег и в самом начале войны умер.

Мать недолго его пережила. Ее парализовало, и Александра ходила за ней, как за маленьким ребенком. Но пришлось и ее похоронить, распрощавшись с последней опорой и поддержкой, с маленьким ребенком на руках. Последние ее слова были: «Береги сына, доченька!»

Непутевого своего мужа, избежавшего фронта из-за хромоты, Александра выгнала из дома, узнав, что у него были любовницы.

… Не выдержав более нахлынувшего на нее чувства скорби, боли и жалости, она закричала на все поле, забилась в слезах.

Накричавшись до хрипоты, Александра побрела дальше, потом, придя в себя, прибавила шагу, вспомнив, что в деревне собираются на митинг.

В доме, где помещалась контора второй бригады, она застала одних седых стариков, которые вели неторопливый разговор о деревенских делах, о военных событиях в Германии, о скором окончании войны.

Александра прошла в комнату, поздоровалась, охрипшим голосом тихонько сказала:

— Ну, дорогие старички, война кончилась. Пойдемте на митинг.

И все они, эти седоволосые, умудренные жизнью люди, кто облокотившись на стол, кто на колени, закрывали лицо руками, наклонив голову. Кто-то заплакал, не сумев справиться с подкатившим к горлу комом. Не одну из их семей не обошла похоронка, и поэтому боль так и просилась наружу. Вытирая слезы и кряхтя, стали подниматься и засобирались в дорогу.

А Александра поспешила на дальнее поле. Женщины и подростки пахали на быках и коровах, успевшую позеленеть от сорняков землю. Она бегом, запыхавшись, спешила к ним. Заметив ее, уставшие пахари потянулись к ней со всех сторон, догадываясь, что появилась Александра здесь неспроста, а с какой-то весточкой.

— Скорей собирайтесь, подруги, на митинг пойдем. Война кончилась!

Женщины остановились, как вкопанные, видимо, не сразу дошел до них смысл услышанных слов. Потом их словно прорвало. Закричали, заголосили, стали обниматься. Не верилось в такое. А Анюта, заломив за голову руки, страшным голосом закричала на все поле, и грачи, ходившие по свежевспаханной земле, спугнутые этим криком, черной стаей поднялись над толпой, как бы стремясь защитить этих людей от слез и горя. Она неделю назад получила похоронку на мужа, и свежая рана кровоточила в ее сердце. В избе остались четверо — мал, мала меньше. Почерневшая от горя, с растрепанными волосами, она была похожа на безумную.

Рядом упала и забилась в истерике старая тетка Марья. Ей уже не дождаться с войны своего Мити, голубоглазого, доброго богатыря, единственного сына…

Не было ни одной из них, к которой не ворвалась бы черной бедой проклятая война. Стон стоял над пашней.

Быки понуро опустили головы, насторожили уши, а коровы принялись мычать, будто тоже заплакали.

Ребятня зашмыгала носами, размазывая кулаками по лицу слезы. А Васька и Колька, вспомнив убитого батьку, заревели во весь голос, видя, как убивается мать.

Кое-как оправившись от слез, люди гурьбой направились в деревню на митинг. Весенний день, но хмурый и суровый, будто разделял с ними их печаль, а серая, еще не наезженная, дорога длинным холстом ложилась под ноги. По обеим ее сторонам серым покрывалом лежала печальная земля, словно тоже оплакивая погибших своих сыновей. Ей уж их не дождаться, уж больше не будут сильные и добрые мужские руки пахать и лелеять ее, поливая потом и отдавая ей свою силу…

Родимая Мать-земля!

Как обильно ты полита солдатской кровью и слезами матерей.

Во все времена верные сыновья твои, не жалея жизни, грудью вставали на защиту твою и, любя, погибали за тебя, но никогда не отдавали врагу.

Многие завоеватели тешили себя мечтой — поцарствовать на русской земле, однако каждый раз их дерзкие планы разбивались о неприступную твердыню русского солдата.

РУССКАЯ ДУША

Наше общество волею судьбы разделено на две части. Если людям, родившимся после войны, пришлось перенести все последствия ее — разруху, голод, безотцовщину, то люди довоенного времени испытали на себе весь ужас, боль и страдания — пережили войну. А война есть война.

Ветеран войны и труда, житель села Закопы Алексей Дмитриевич Клыков родился в 1925 году. Когда началась война, ему было шестнадцать лет, и он уже был способен сознательно понимать и видеть все происходящее.

Объявили войну. Алексей видел, как, буквально на глазах, чернели лица знакомых деревенских мужиков, как голосили по домам женщины, предчувствуя неотвратимую беду.

Началась мобилизация. Очень многие односельчане ушли из родных домов навсегда, простившись навеки. Мало кто вернулся назад, целый и невредимый. До сих пор помнит он те суровые, первые дни войны, когда одна за другой шли по селу машины, увозившие односельчан на войну, как бежали за машинами женщины и дети, плакали, кричали. Еще больше было слез, когда в село одна за другой стали приходить похоронки, и в каждой значилось: «Погиб смертью храбрых».

А потом пришли немцы. Считали себя «хозяевами»: отбирали скот, птицу, продукты, заставляли готовить им еду, горланили пьяные песни. Оставшиеся в селе подростки сжимали от ненависти кулаки, рвались отомстить врагу. И только уговоры и слезы матерей останавливали их. А матери прятали сыновей подальше

от вражеских глаз, спасая от фашистского плена и верной гибели.

Сжимал кулаки и Алексей. Он мечтал сбежать на фронт, но боялся одного: не знал, куда идти, боялся заблудиться.

Видел парнишка, как убегали враги, обозленные и испуганные, и радовался вместе со всеми. А потом полыхали Черкассы, и особенно страшно было ночью смотреть на зарева пожарищ.

Природа наградила Алексея богатырским ростом и силой, несмотря на то, что детство его прошло в ужасающей бедности. В свои шестнадцать лет он выглядел богатырем, светловолосым красавцем. Девушки не обделяли его вниманием, и вскоре он женился. Взял себе под стать красавицу Марию. В то время они были очень молоды, совсем юные.

Шел 1943-й год. Отгремели жестокие бои под Москвой, и советские войска теснили врага все дальше, на запад. На фронте требовалось пополнение, и едва Алексею исполнилось восемнадцать, как через месяц его призвали в армию.

И началась его военная дорога. Его мечта сбылась, он ушел на войну. Не терпелось мстить врагу за разруху, кровь, за погибших односельчан. Молодой солдат проходил ускоренный курс военной подготовки под Москвой. И он в первый раз столкнулся с войной.

Новобранцы жили в разрушенной казарме, кормили их очень плохо. Кругом война! Через три месяца часть, в которой служил Алексей, уже участвовала в боях под Орлом. В жестоких боях с врагом принял он боевое крещение и с победой шел по родной земле, освобождая ее от коричневой чумы.

Под Брянском бои шли не менее ожесточенные. Много наших солдат гибло от меткой пули снайперов. В одном городке они засели на колокольне церкви, и их пули находили солдат одного за другим. Алексей с несколькими товарищами выследили убийц и обезвредили огневую точку, а заодно захватили обнаруженный там же радиопередатчик. И немцы, и аппарат были доставлены в часть.

За эту дерзкую вылазку Алексей и его товарищи были представлены к награде — ордену Красной Звезды.

Но главная военная награда до сих пор не нашла героя. Алексей Дмитриевич так и не получил заслуженную награду — затерялась где-то.

Он был храбрым солдатом, а молодость придавала еще больше бесстрашия, и геройских поступков на его счету было немало.

Однажды шел тяжелый бой. Не один час гремели выстрелы, рвались снаряды, лилась кровь. Повсюду лежали раненые и убитые бойцы. Слышались крики о помощи.

Молоденькая медсестра перевязала не один десяток раненых, металась под огнем от одного к другому. Наконец, пуля нашла и ее. Девушку ранило в живот. Она лежала под кустом и корчилась от боли. Алексей бросился спасать умирающую медсестру. Снял с себя шинель, положил на нее раненую, волоком дотащил под огнем до санчасти и тем самым спас ей жизнь. А сам снова бросился в бой.

После представления к награде Алексей служил при командире полка. Но в одном из самых тяжелых боев, когда его часть отстаивала участок железной дороги, вражеская пуля прошила руку. Замолчал его пулемет, из которого он поливал огнем бегущих немцев. Была раздроблена кость в локте. Выходит, он отвоевался.

Санитары доставили раненого Алексея в полевой госпиталь. Недолго думая, хирург вынес скоропалительное решение — ампутировать руку. Для солдата это было равносильно смерти, и он сказал:

— Лучше пристрелите меня сразу, чем буду мучиться всю жизнь без руки, если лечить не хотите.

«Несговорчивого» бойца отправили в тульский военный госпиталь Там он пробыл полгода. Рука все-таки была сохранена, хоть и осталась изувеченной.

К концу 1943 года Алексей вернулся домой. Рука болела, и долго еще, время от времени, из раны выходили раздробленные косточки. Но спустя несколько лет, после прохождения медкомиссии бывший солдат даже инвалидности не получил, хотя увечье налицо и поныне. «Тыловые крысы», как называл таких «врачей» Алексей Дмитриевич, признали его трудоспособным.

И только всего несколько лет назад в соответствии с указом бывшего Президента СССР М. С. Горбачева, ветерану войны определили вторую группу инвалидности, за что и вспоминает его солдат добрым словом.

По возвращении домой из госпиталя Алексей нашел в селе разруху. Война сделала свое подлое дело. Бедность, нищета и слезы царили вокруг. Однако молодая его жена Мария встретила с радостью долгожданного мужа. Ей завидовали многие — живой вернулся! И ему предстояло жить и работать за многих односельчан, не вернувшихся с войны.

И он работал. Понемногу восстанавливались силы после госпиталя. Работал на совесть. Сам про себя он сказал:

— Везде передом ходил. Косить в лугах первым в ряд становился.

Скирдовать — лучше его никто скирды не заправлял. И сеял, и пахал. Силушку свою богатырскую родной земле-матушке отдавал и сделал для нее немало за свои семьдесят три года. Вырастил восьмерых детей, а ведь это было так трудно.

Алексей Дмитриевич — очень интересный человек. У него в жизни было много увлечений. С раннего детства и поныне он, можно сказать, профессиональный пчеловод. Пчелки в его хозяйстве никогда не переводились. И сейчас в его саду стоят ульи, сделанные его собственными руками. В жизни, по призванию, он

— отличный плотник. В хозяйстве весь инвентарь, постройки, деревянный дом — все сделано им самим, добротно, надолго.

А уж как любит животных — редко теперь встретишь таких людей. Кроме коровы, свиней, птицы в его хозяйстве обязательно есть лошадь — ухоженная, упитанная.

Уже и трудновато в его годы управляться с таким хозяйством, да не может он без лошади. Конь — его первый и верный друг. И следует заметить, лошадка-то одна на все село осталась. Одна «пашет» за целый колхозный табун. Начинается сезон, посадки — перепашки картофеля, пора сенокосная, у Дмитрича от «просителей» отбоя нет. Очередь устанавливается. Но кое-кому не дает, знает каждого, кто и как к животным относится. Чуть задержится где его «работничек», сам идет проверять, в чем дело.

Летом его часто можно видеть вместе с конем на сенокосе. Хозяин косит, а лошадка питается, отдыхает, сил набирается. И никогда он не гонит своего четвероногого друга вскачь, галопом, жалеет. Все-то у них выходит важно, степенно. А со стороны посмотреть — уж очень красивая картина получается.

Алексей Дмитриевич всегда славился на селе своей необыкновенной силой. Однажды в поселке Заречье, что расположен по другую сторону Красивой Мечи, возник пожар. Увидев горящий дом, он бросился на помощь. Но из колодца впопыхах воды много не вытянешь, речка не близко. Тогда Алексей Дмитриевич привязал за карниз веревку и один, без посторонней помощи, стащил горящую крышу. А дом остался цел и невредим. Подоспевшей пожарной команде оставалось только затушить на земле горящую крышу. На селе долго удивлялись этому случаю. А хозяйка сгоревшего дома от души благодарила отважного односельчанина за помощь.

И еще одно увлечение есть у нашего ветерана. Он смолоду был страстным охотником. Баловал Алексей Дмитриевич свою большую семью и сохатинкой, и мясом дикого кабана, и зайчатинкой.

Но упаси Бог, раньше положенного срока поднять ружье на зверя. Правила охоты для него священны, и он всегда их строго выполнял. И часто болит душа старого охотника, когда слышит выстрелы в неурочное время. До сих пор ведь водятся браконьеры и в лесу, и на реке.

— Попадись они мне, ох, и не поздоровится же им. Своими руками голову оторву.

Вот такой он, Алексей Дмитриевич Клыков, ветеран войны и труда — строгий и добрый, мужественный и сильный, настоящий русский человек.

С праздником, уважаемый Алексей Дмитриевич! Здоровья Вам и счастья!

Валерий САВОСТЬЯНОВ

г. Тула

Савостьянов Валерий Николаевич (род. 2. 09. 1949, д. Сергиевское Болоховского, ныне Киреевского, р-на Тульской области), поэт, эссеист, публицист, член СПР (1997). Окончил Тульский политехнический институт: сегодня это ТулГУ (1971). Ветеран труда. Стихи пишет с детства. Член правления Тульского РО СПР, член совета тульского клуба православных писателей «Родник» редколлегии журнала «Приокские зори» и альманаха «Тула», руководитель семинаров поэзии совещаний молодых писателей. Он автор многих книг и многих публикаций. Награжден многими Почетными грамотами, Благодарностями и литературными медалями. Имя Валерия Николаевича Савостьянова занесено в Тульский биографический словарь, в энциклопедический словарь-справочник «Новая Россия: мир литературы». Дипломант и лауреат многих известных международных, всероссийских и тульских литературных премий, конкурсов, фестивалей и форумов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВЕЛИКИЙ МАЙ

Тебе за семьдесят, солдат,
И отдохнуть пора бы вроде,
А ты еще сажаешь сад,
Еще копаешь в огороде.
И твой топор еще плясать
Не устает — все дело ищет,
Узором радуя фасад
Теперь вот нового жилища.
Ведь отчий дом, где вся семья
Не знала голода и жажды,
Делить решили сыновья —
И развалился он однажды.
А внуки — чуть ли не бомжи
По алчной глупости отцовской —
Приходят, просят: расскажи
Про время доблести бойцовской,
Про то, как строили одну
Их предки, прадеды и деды
Обетованную страну,
Что стала символом Победы!
Не терпит праздности пчела:
Зовут разбуженные ульи,
Но отложи свои дела —
В глазах вопросы, словно угли.

Гостей веди ты в новый дом
И, привечая их, поведай
О дне обычном, не святом,
Что вслед приходит за Победой.
О дне, где нужно корчевать,
Пахать, лелеять урожаи,
А не на лаврах почивать
И требовать, чтоб уважали.
Была Победа! А теперь
Победы хрупкая надежда
У них — ровесников потерь:
Чернобыля и Беловежья.
И ты сумей,
И ты примерь
К себе
Их боль, унынье, робость —
Последний, может быть, пример
Величья, канувшего в пропасть.
Ты вместе с ними
Поднимай
Страну, что в гибельном провале,
Великий Дед, Великий Май —
Не время думать о привале!

РАБОЧИЙ ПОЛК

Светлой памяти Николая Константиновича Дружинина, Почетного гражданина городов Тулы и Могилева, писателя-фронтовика, автора книги «Тульский рубеж»

Для чего нужны знамена?
Чтоб напомнили шелка
Гибель тульских батальонов,
Кровь Рабочего полка,
Тот октябрь, тот холод зверский
В ожидании атак,
Перекопский* Пионерский —
Так тогда он звался — парк.
На шоссе и у обочин,
В телогреечки одет,
Лег здесь Тулы цвет рабочий,
Лег учитель и студент.
В башмаках почти что летних —
Не пускала, видно, мать —
Лег поэт-белобилетник,
Не умеющий стрелять.
У рогожинских* околиц —
Так уж путает война —
И чулковский* комсомолец,
И мясновская* шпана.
И в овраге возле парка,
Стать мечтавшая врачом,
Лютик, лилия, фиалка —
Из Заречья* санитарка —
Бинт вдавила в грязь плечом.
А еще в бинокль с церквушки
Комполка увидел сам,
Как в бурьяне на опушке
Пал Агеев, комиссар,
Как несут его ребята
За деревья на руках,
И горит огонь заката
На стволах и на штыках.
Победили страшной кровью,
Ярой волею одной!..
Я сегодня взглядом рою
Пионерский парк родной,
Я читаю, как рентгеном,
Путь извилистый траншей,
Ощущаю каждым геном:
Враг у русских рубежей.
Гаснут красные знамена:
Перечеркнут алый шелк.
Но за мной побатальонно
Рать святых — Рабочий полк.
Посмотри в стальные очи
Ждущих правды, Президент:
Вот он, Тулы цвет рабочий,
Вот учитель и студент.
В башмаках почти что летних —
Не пускала, видно, мать —
Здесь поэт-белобилетник,
Научившийся стрелять.
И с рогожинских околиц —
Так вот «путает» война —
Здесь разведчик-комсомолец,
Снайпер — бывшая шпана.
И сестра их здесь, конечно,—
Камышинкой из ручья
Встав, чтоб жить на свете вечно,—
Санитарка из Заречья
С опытом военврача.
А еще, светясь в аллеях,
В блеске листьев и штыков,
Комиссар идет Агеев,
Командир идет Горшков.
Ради Тулы, внуков ради
Тех, что выстоять смогли,
Не сдадут они ни пяди,
Ставшей кровью их — земли!..
И шагает полк Рабочий,
Рать верховных полномочий,
Чтоб не гас во тьме веков,
Как тогда, в те дни и ночи,
Красной Площади флажочек —
Тульский Красный Перекоп.

* Перекоп (Красный Перекоп), Рогожинский поселок, Чулково, Мясново, Заречье — районы г. Тулы

Валерий ХОДУЛИН
(1937 — 2022)

ОСЕНЬ. 1941

Морозом схваченная грязь
Хрустит под сапогами.
Уходит вдаль шоссе, змеясь,
Кишмя кишит врагами.
Моторы яростно рычат,
Карабкаясь на взгорок.
Вдыхает вражьих танков чад
Рогожинский поселок.
Оставив сзади прах и пыль,
Слез реки, трупов горы,
Уже фашисты видят шпиль
Всехсвятского собора.
Уже кружится голова
В предчувствии разгула,
Ведь там — рукой подать — Москва.
Но не сдается Тула.
Фашист голодный, словно волк,
За танковой бронею.
Встал на пути рабочий полк.
А что это такое?
Когда щетинились штыки,
От Дона до Урала
Всегда рабочие полки
Россия собирала.
Взгляни за дальние века —
Там, в зареве суровом,
Хоругвь рабочего полка
Над полем Куликовым.
Сыны Кузнецкой слободы,
Рабочие Чулкова,
Вы снова сдвинули ряды,
Оружье взяли снова.
И впереди, равняя строй
Спецовок, телогреек,
Шел — наша гордость, наш герой,
Наш комиссар Агеев.

ВОЕННЫЙ ТРАМВАЙ

И раненых возили на трамвае
До госпиталя с той передовой.
Была недалеко передовая,
И было слышно, как грохочет бой.
Трамвай гремел вдоль опустевших улиц,
Стремительно летел через мосты,
И следом рельсы ржавые тянулись,
Как старые засохшие бинты.
А над трамваем «юнкерсы» гудели,
И грохали зенитки на углу.
И отрешенно вверх бойцы глядели,
Лежавшие в трамвае на полу.
В бреду метались и ругались матом,
Солдаты, опаленные войной.
И слезы лил вожатый — с автоматом
И с толстою косою за спиной.

Яков ШАФРАН
г. Тула

ТРИ ШТЫКА

Штыки стоят
на площади Победы.
Меж ними пламя
Вечного Огня.
Они — мемориал отцам и дедам
И славный символ памятного дня.
Три поколенья по призыву встали
Тогда в суровый сорок первый год.
Нас долго били, но прочнее стали
Стал несломлЕнный ворогом народ.
Три поколенья, позабыв обиды
И стиснув зубы, поднялись как штык.
И были долго и жестоко биты
Дивизии незванных к нам «владык».
Штыки стоят на площади Победы.
Меж ними пламя Вечного Огня.
Они — мемориал отцам и дедам
И славный символ памятного дня.
В походе где-то проглядели веху.
В трёх поколениях теперь разброд —
Кто снизу вверх глядит, а кто-то сверху
На три штыка, что выстроил народ.
В походе лишь один маршрут победы.
Три поколения должны поднять
На штык разброд, безверие и беды,
Победу чтоб никто не смог отнять!
2010 — 2024 гг.

Валерий СУХОВ
г. Пенза

Валерий Алексеевич Сухов родился 22. 12.1958 г. в с. Архангельское Городищенского р-на Пензенской области. Окончил Пензенский пединститут и аспирантуру при Московском педуниверситете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе и преподавателем в университете. Член СПР, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор семи поэтических сборников и публикаций в «Литературной газете», во многих журналах и альманахах. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова, Международной премии имени С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами…», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, Всероссийской премии им. Бориса Корнилова «На встречу дня!». Постоянный автор нашего альманаха.

НЕТ ВЫШЕ ОБЕЛИСКА С СОЛДАТСКОЮ ЗВЕЗДОЙ

НАГРАДА

Пора бы по парадам
Маршировать солдатам.
Печатать по брусчатке
Свой шаг: мол, все в порядке.
Увы, война — не праздник.
И им — плестись по грязи
Дорожной — под обстрелом
В худой шинельке серой,
Подбитой только ветром
Зимой, весной и летом
И осенью дождливой
И верить — будем живы.
И что там — право слово —
Без курева хреново.
Махорки б две затяжки…
И пусть грехи их тяжки,
Но доведет до Бога
Солдатская дорога!
И будет им награда –
Кисеты самосада.

МАХОРКА

Взвалилась на закорки
Разлучница-война...
Махорка с дымом горьким –
Солдатская жена.
Пусть тяжко жить на свете
В окопах под огнем.
В подаренном кисете
Махра всегда при нем.
Солдат цигарку склеит
Шершавым языком.
Ядреная согреет
Таким родным дымком.
И чтоб забыл печали,
Вся вспыхнув — не горюй —
Оставит на прощанье
Горячий поцелуй.

САПОГИ

А он мечтал людей лечить
В очках интеллигент.
Надел впервые кирзачи,
Солдатом став, студент.
До крови сразу ноги сбил —
К портянкам не привык.
Но сапоги он полюбил.
Без них бойцам — кирдык.
В окопах — по колено грязь,
Ну как тут без сапог.
В землянке спал, успев их снять,
Своих не чуя ног...
Пусть две культи в бинтах тугих
Фантомной болью жгут!
В строю остались сапоги.
И в бой — они пойдут!

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

«Бери шинель, пошли домой!»
Б. Окуджава

Колючие шинели
Из грубого сукна
Простым покроем грели.
Их модельер — война.
На вид пусть неказисты,
Солдаты – не соврут,
Шинели в поле чистом
От холода спасут.
Пройдя войны обкатку,
Боец стирает пот,
Но в переходе скатку
В зной на себе несет.
Одежкою солдатской
Сурово дорожит...
Лежит в могиле братской –
Шинелкою накрыт.

ПИЛОТКА

Есть на войне — святое,

Чтоб душу сохранить,
«Земелю» после боя —
В земле похоронить.
И лег в могилу воин
Навечно — в двадцать лет.
В степи — травы раздолье.
Деревьев рядом нет.
И другу-одногодку
Поставить лишь смогли
Солдатскую пилотку
На холмике земли.
Гром артналета близко.
И снова — в «вечный бой»!..
Нет выше обелиска
С солдатскою звездой.

ФРОНТОВЫЕ СТО ГРАММ

Лейтенант налил сам.
Пили и обжигались
О свинцовых сто грамм
Тех, кто в поле остались.
Хоронить тех бойцов
Доверяли метели.
Всех запомнить в лицо
Даже и не успели.
Потому взводный сам
Долг исполнил свой тяжкий.
Фронтовые сто грамм
Добавлял он из фляжки.
Надо всех помянуть,
На морозе согреться.
С высоты сковырнуть
Наконец надо немца!

ДВА ДНЯ

«Я убит подо Ржевом…»
А. Твардовский

Пушек жадные жерла,
Жертв вам мало, как будто...
«Я убит подо Ржевом».
Я убит под Бахмутом.
Мало пролили крови.
Не закончились беды.
И длиннее День Скорби
Дня Великой Победы.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ

г. Санкт-Петербург

Любовь Сергеевна Сердечная — член СПР. Автор одиннадцати книг поэзии. Печатается в поэтических альманахах России, ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат национальной премии «Поэт года» за 2017 г. в номинации «Песни». Лауреат и член жюри многочисленных фестивалей и конкурсов поэзии и авторской песни. Руководитель Смоленского обл. ЛитО «Родник» им. Юрия Пашкова (2013—2021 гг.). Редактор и составитель ежегодного альманаха за 2015—2020 гг. и антологии «Родника». Награждена Почетной грамотой СПР с объявлением благодарности (2023 г.). В 2024 г. стала победителем межрегионального конкурса «Донбасс. Песни с передовой» в номинации «Песенные тексты». В составе литературного десанта СПР многократно выезжала в ДНР и ЛНР. Выступала в военных частях СВО и госпиталях, в казачьих бригадах «Енисей» и «Терек» и др. Наш постоянный автор.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» — В СТРОЮ!

Поэма-реквием

«И Молодая гвардия в строю...»
Виктор Плескун

1. НА ТЕРРИКОНЕ

… А с террикона видно все на свете:
Вот солнце светит, вот играют дети,
Вот шахта, вот речушка, вот сады…
И кажется, что не было беды.
Но обелиск, врываясь в небеса,
Нам правду о героях рассказал.
На терриконе не стихает ветер…
Они же были дети, просто дети.
Хотели жить, мечтать, любить хотели…
Но на податливом и нежном теле
Фашисты детям звезды вырезали,
Ломали кости, в шурф живьем бросали…
На терриконе в зной — мороз по коже.
Кто описать злодейства эти сможет!
Четырнадцать, шестнадцать… Жить, да жить:
Любить, учиться, Родине служить.

Служили. Служат! «Гвардия» в строю!
Пусть молодогвардейцев воспоют.
И террикона красная порода,
И обелиск... Пусть в памяти народа
Хранится вечно подвиг краснодонцев!
О них расскажут и дожди, и солнце.
О них поют, не умолкая, птицы:
Знать! Помнить! Верить! Не забыть! Гордиться!

2. ФАШИСТЫ ПРИШЛИ

Блеск антрацита. Блеск антрацита.
Звездный, манящий блеск.
Треск мотоциклов. Треск мотоциклов.
Грозный... грозящий треск.
Звук самолетов. Звук самолетов.
Злобный, гудящий звук.
Стук пулеметов. Стук пулеметов.
Дробный, разящий стук.
Взгляд исподлобья. Взгляд исподлобья.
Дерзкий, сверлЯщий взгляд.
Гад преисподней. Гад преисподней.
Мерзкий, смердящий гад.
Рык вместо речи. Рык вместо речи.
Гадкий, утробный рык.
Штык для увечий. Штык для увечий.
Гладкий, удобный штык ...
Гром раскатился. Гром раскатился.
Жуткий, смертельный гром.
Дом задымился. Дом задымился.
Фашисты пришли в Краснодон.

3. НОВЫЙ ПОРЯДОК

Вода в колонке — для хозяев, не для русских!
За неповиновение — расстрел!
Не собираться в переулках узких.
За неповиновение — расстрел!
Без промедления стать на учет на бирже.
За неповиновение — расстрел!
Порядок новый — к совершенству ближе:
«За неповиновение — расстрел!»

4. РЕШЕНИЕ

Наши бати ушли на фронт.
Старшие братья — тоже.
Мы защитим Краснодон!
Мы, комсомольцы! Мы сможем!

5. ТАНЦЫ

— Любка, родная, ну же!
Ну же! Пляши! Этот фон
Нужен нам, очень нужен!
Громче играй, патефон!
Гряньте, девчонки, песню
Так, чтобы стеклам — звенеть!
И не беда, что тесно,
Главное — больше шуметь!
Любка, пляши, родная!
Бей каблучками! Бей!
Вести с советского края
Уже принимает Сергей!
Мы уже пишем листовки.
К ночи должны успеть.
Витька, он смелый, ловкий…
Не прекращайте петь!
Эй! Веселее пение!
Дробь рассыпай, каблук!
Наши идут в наступление!
Скоро фашистам — каюк!

6. СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

Холодно. Сыро. И страшно.
Седьмое. Ноябрь уже.
Где задержались наши?
Где? На каком рубеже?
Хочется быть отважным.
Ой, как лютует фриц,—
Кто там на башне машет? —
Не получился Блиц!
Снова, слыхал, расстреляли
Кого-то вчера в лесу…
Думали, нас испугали?!
Мечтали, хлеб-соль поднесут?!
Мы же советские люди!
Не будет угля для врагов!
Шахта работать не будет!
Да, что ж там среди облаков?
Седьмое! Священная дата!
Да, что ж там трепещет так?
Это же флаг, ребята!
Красный советский флаг!

7. ПОЖАР

— Слышал я, комендатуру
Ночью сегодня сожгли…
— Слышали, комендатуру
Ночью сегодня сожгли?..
— Слышали, комендатуру…
— Нет. Не нашли. Потом…
— Витька! Алешка! Шура!
Ну-ка, стрелою — в дом!
Весть разлеталась быстро:
Маленький городок.
— Был, говорят, с канистрой
Рыженький паренек…
— Нет. Это дюжий детина,
Одетый, как полицай…
— Да… Непонятна картина…
— Не знаешь, так не болтай!..
— Слышали, списки сгорели?
— Кто ж это сделать смог?
Вести, как ветер летели:
Маленький городок…

8. В ЗАСТЕНКАХ

Мне умереть не страшно.

Страшно не умирать.
Важно, мне очень важно
Под пытками не заорать...
Это не люди — звери.
Люди не могут пытать.
Не верю. Не верю. Не верю.
Витька не мог предать...
Силы все тают, тают.
Вот палачи идут.
Знаю, я твердо знаю:
Наши не подведут.
Фашисты и полицаи
Будут гореть в огне!
Мамочка, я скучаю.
Мамочка, больно мне...
Важно, мне очень важно
Под пытками не заорать...
Мне умереть не страшно,
Страшно не умирать...

9. РАССТРЕЛ

«Смерти смотреть в глаза!» —
Так Кошевой сказал.
И ни один из нас
Не опустил глаз!

10. ПРАЗДНИК

Дней через пять после казни
Наши пришли в Краснодон.
Праздник! Какой же был праздник!
Он заглянул в каждый дом!
Каждому, каждому, каждому
Он посмотрел в глаза!
В них притаилось страшное,
О чем и сказать нельзя…
Но распрямлялись спины,
Стало свободно дышать…
— Сына! Найдите сына! —
В ноги бросалась мать.
— Дайте нам,— матери выли,—
Рядом с детьми умереть! –
Разве у праздника были
Силы на это смотреть!
Праздник, похожий на море,
Что не объять, не смирить,
Замер. Разбился о горе,
Не в силах его победить…

11. ИХ ОТЫСКАЛИ

Их отыскали мертвыми. Растерзаны,
Изранены, измучены, изрезаны …
Одни расстреляны в февральской роще,
С другими поступили проще:
В шурф шахты их, полуживых, толкали…
И, видно веря, что они из стали,
Гранаты сверху на тела бросали…
Но матери детей своих узнали
По ленточкам, по пуговкам, очкам,
По порванной одежде, по клочкам…
И нет ни слов, ни силы описать,
Как голосит по мертвым детям мать…

12. В СТРОЮ!

Их хоронили в первый день весны.
Пусть снятся им счастливейшие сны.
Они, своею смертью смерть поправ,
Нам доказали: только смелый прав!
И «Молодая гвардия» — в строю!
Пусть молодогвардейцев воспоют
Ветра и солнце, облака и птицы:
Знать! Помнить! Верить! Не забыть! Гордиться!

Сергей ЛЕБЕДЕВ

г. Тольятти Самарской области

Сергей Александрович Лебедев родился в 1949 г. в Рязанской обл. Лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2012, г. Тула), лауреат конкурса одного стихотворения альманаха «Новый енисейский литератор» (2016, г. Красноярск). Дипломант (II степени) XIV всероссийского конкурса патриотической поэзии им. А. Т Твардовского (2020, г. Калуга). Дипломант Международного литературного конкурса им. С. А. Есенина «Страна березового ситца» в номинации «Проза» (2018, г. Рязань). Член Российского союза писателей, член РСПЛ (Самарская региональная организация). Стипендиат министерства культуры РФ (2017). Наш постоянный автор.

НЕЗАЖИВШАЯ РАНА ВОЙНЫ…

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Посвящается памяти моего дяди, старшины Красной Армии Соловьева Ивана Михайловича, погибшего 22 июня 1941 года в 6 часов утра при первом налёте немецких самолётов на г. Барановичи.

Я погиб в карауле,
На июньской заре.

Жарко чмокали пули
По сосновой коре.
Мне б в речную прохладу,
На Ветлугу, домой!
Чтоб от боли и ада
Прыгнуть вниз головой!
В роднике бы умыться,
Утром маму обнять.
Только сердцу не биться,
И меня не поднять.
Я запахан за Брестом,
В белорусской стерне.
Не найти это место,
Все сгорело в огне.
Выл, зверея, «лаптежник»,
Пыль от смерти столбом.
В городке, как заложник,
Был оставлен мой дом.
Хриплый голос главкома
Мне команды не даст.
Лишь воронка от дома,
Все разрушил фугас.
Я запахан за Брестом,
Ни креста, ни звезды.
Много нас, что без вести
На краю борозды.
Нас засыпало плугом
Той военной страды.
И обнявши друг друга,
Мы сомкнули ряды.
Наши строгие лица
Лишь на запад глядят.
И врагу не пробиться
Сквозь застывших солдат.
Здесь ни званий, ни старших,
Вы же, память храня,
Не забудьте всех павших!
Не забудьте меня.

БАЛЛАДА О ТЕЛОГРЕЙКЕ

Иванов телогрейку поправил,
Затянул ее крепко ремнем,
По солдатскому кодексу правил
Вещмешок и винтовка при нем.
На снегу догорала ракета,
И в атаку пошел Иванов,
Он не видел разрыва и света -
Темнота через десять шагов.
Высота безымянная взята,
За шаги — из фанеры звезда.
Старшиной телогрейка изъята,
А причина изъятья — проста:
Телогрейки, шинели и обувь
Зашивали, чинили в тылу,
Так, в боях поврежденную робу,
Возвращали опять на войну.
Телогрейки с пробитою ватой
Привезли в ярославский Ростов.
Из него в сорок первом когда-то
Призывался на фронт Иванов.
Средь работниц — вдова его Клава
Зашивала разрывы иглой,
В телогрейке отверстие справа
Залатала умелой рукой.
И когда тот распоротый ватник,
Был починен и к бою готов,
Прочитала она на подкладке:
«Третий взвод» и «Сергей Иванов».
Ниже адрес, фамилию, имя
Видит словно в тумане — свои,
И как будто дыханье сдавило
От нахлынувшей боли в груди.
Она гладила ватник руками,
Рукава, воротник, каждый шов,
От нее, ожидавшей ночами —
Навсегда уходил Иванов.

ДЯДЯ ВАНЯ

Светлой памяти моего дяди
Ивана Ивановича Шумилова.

Исхлестанный веником в бане,
Омытый холодной водой,
Сидел на крыльце дядя Ваня,
Курил самосад листовой.
Простой он пастух деревенский,
Крестьянских колен и не счесть,
Увидеть порядок немецкий,
Ему все же выпала честь.
Но только не любит об этом
Он в мыслях своих вспоминать:
Дахау, собак и кастеты,
Баланду и нары-кровать.
Три долгих мучительных года
Провел на чужбине пастух,
Пытали и «слуги народа»,
Но взгляд у него не потух.
Он знал, что его испытанья –
Не сон, не горячка в бреду,
К награде, пускай, не представлен —
Присяге был верен в аду!
Когда его дело закрыли,
Ушел в пастухи навсегда:
Здесь мысли, как облако плыли,
Да — лес, да — Ветлуги вода.
Война, как открытая рана,
Хоть время — повязкой тугой…
Сидел на крыльце дядя Ваня,
Курил самосад листовой.

БАЛЛАДА О РОТНОМ

По Украине шли поротно,
Резерв кидают снова в бой.
В строю нам вольно и вольготно —
В деревне нет передовой.
Вдруг пулемет из крайней хаты
Ударил точно в первый взвод,
Мы с флангов, бросили гранаты,
И взяли немца в оборот.

Троих живьем. Ведем пинками.
Навстречу ротный, бледен, зол,
Он встретил пленных матюгами:
«За двух убитых — в горло кол!»
Потом сильнее разозлился,
Когда в них русских он узнал,
Ведь капитан с семьей простился —
Жену и дочек потерял.
Мы видим — подленькие души
Затрепетали. Он спросил:
«Присягу как посмел нарушить?
Ну, отвечай мне, сукин сын!»
Но вместо честного ответа,
«Прости»,— дрожа, тот прошептал,
В лицо ему из пистолета —
«Прощаю»,— капитан сказал.
Упали двое на колени,
И лица подняли, как мел,
Он им в ответ: «Не будет прений»,
И выстрелив два раза, сел.
Своих ребят мы на закате
Похоронили, взвод палил.
А ротный наш… Да просто — батя,
Молчал всю ночь и водку пил.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕТИ ВОЙНЫ

Посвящается воспитателям
и воспитанникам детского дома
г. Ветлуги, Нижегородской области.

Бесконечные дали России:
Города, перелески, поля,
Где война своей смертью косила —
Почернела от горя земля.
Нет страшнее беды той на свете,
Будто в сердце стоит ледостав —
Оставались сиротами дети,
Лихолетье войны испытав.
Вместо песен — разрыв от снаряда,
И баюкает их метроном,
Слово первое в жизни — блокада,
И бадаевской сладости ком.
А умершим не стелется пухом
Пискаревский разорванный грунт,
Ленинград замерзает и глухо
Детский смех обрывается вдруг.
В январе, наконец, разрешили
Вывозить из блокады людей,
Корабли, самолеты, машины
Повезли, первым делом, детей.
Нас везли в вековые деревни
По республикам нашей страны,
Так попали мы в край этот древний,
В край далекой лесной тишины.
Чем могли, нам в пути помогали,
Отдавали последний сухарь,
Волны Ладоги нас укрывали,
Защищала туманная хмарь.
Женским плачем встречала Ветлуга:
Ленинградские дети худы,
Походили мы все друг на друга,
Как скелеты, как капли воды.
И согрели нас русские печи
И тепло этих женских сердец,
Ведь легла им забота на плечи —
Стал родным ленинградский малец.
Отступили болезни и слабость,
Страшный голод лишь в памяти снов,
Жизнь вернула нам самую малость —
Детский смех, словно радости зов!
Отгремела война, и в Берлине
Месть настигла фашистскую мразь.
За Победу погибших и ныне
Не забыта душевная связь.
Детский дом, опаленное детство —
Незажившая рана войны,
Память шлет похоронки и вести
По широким просторам страны.
Мы всегда благодарность хранили
Всем, кто спас ленинградских детей,
Низко головы в память склонили
У Ветлуги за этих людей!

БАЛЛАДА О РАНЕНИИ

Светлой памяти моего дяди
Павла Михайловича Соловьева

Он в голову почувствовал удар,
Горячей крови струйка побежала,
И он подумал, кровь рукой зажав:
«Ведь не для смерти мать меня рожала!»
И подхватив на плечи пулемет,
Он взвод догнал, его перевязали.
И сквозь огонь рванулись все вперед,
Солдаты с ним на выстрелы бежали.
На третий день явился в медсанбат,
Хирург ругал последними словами:
«Еще бы день, ты умер бы, солдат,
Осколок этот мы бы не достали!»
Работал врач зубилом с молотком,
В кости он продолбил большую яму,
Осколок вытащив, сказал потом:
«Живи, солдат, какой ты черт упрямый!»
Когда я в гости к дяде приезжал,
Он вспоминал: — «Европу видел, страны»,
И мои пальцы осторожно клал
На голову, в ту выемку от раны.

У ОБЕЛИСКА

Солнце бьет в обелиск, а осколки
Пофамильно на плитах горят,
Алексеи, Петры… Вон их сколько
Не пришедших из боя солдат.
Из дворов средневолжской глубинки,
Молча два батальона ушли,
Постелила война им перинки
По широким просторам земли.
Отгремели в Берлине раскаты,
Эшелоны пошли на восток,

Лишь одним батальоном солдаты
На родимый вернулись мосток.
Имена всех погибших на плитах,
Сосчитаешь — лежит батальон,
В круговерти военной убит он,
Наш покой этой кровью спасен.
Рядом высятся стройные ели,
Как бессменный стоит караул,
Охраняя в жару и метели
Тех, кто Родине славу вернул.
Солнце бьет в обелиск, а осколки
Пофамильно на плитах горят,
Алексеи, Петры… Вон их сколько
Не пришедших из боя солдат.

Ольга ДЕВЯТКА

г. Сельцо Брянской области

Ольга Николаевна Девятка родилась в п. Сельцо Брянской обл. Член МСПМИ. Активный участник литобъединения «Парус» г. Сельцо. Публиковалась в газетах «Сельцовский вестник», «Брянский рабочий», в альманахах «Белые паруса», «Зеленый Свет. Молодая брянская поэзия», «Литературный Брянск», «Живой Родник» и др.

МОЙ ДЕД

Мой дед не любил говорить о войне.
Лишь боль причиняет все это —
Как избы горят на родимой земле,
С кровавым встречаясь рассветом.
Как хочется жить, а вокруг только смерть,
И рвет она судьбы на части.
Как тяжко и горько в глаза ей смотреть,
Так страшно, ведь все в ее власти.
Как девушке он не признался в любви,
Слова где-то в горле застряли…
А в ночь, когда пели в лесу соловьи,
Деревню ее расстреляли.
Как друг, с кем делил фронтовые сто грамм,
Горбушку засохшего хлеба,
Израненный он все стрелял по врагам,
Два дня не дожив до Победы.
И как сослуживцы приходят во сне,
Пусть память о них будет вечной!
Мой дед не любил говорить о войне
Жестокой и бесчеловечной.

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Светлой памяти моих свекров, Веры Филипповны и Василия Васильевича Алтуниных

Память о войне… Она крепко живет в душе российского человека. Почему? Наверное, потому, что нет почти ни одной семьи, которой не коснулась Великая Отечественная. Память о ней у русского человека — генная память, не дающая покоя нам, родившимся спустя годы после того, как отгремели победные салюты.

Не дает покоя она и мне настолько, что кажется, будто я сама прошла войну. Видимо, это связано с тем, что выросла в семье, где отец, тетя, мои дяди и другие близкие и дальние родственники воевали — более двух десятков воинов в роду. А мама часто рассказывала, как молоденькие сибирячки — солдатки, проводившие на фронт мужей и одни оставшиеся с малолетними детьми, трудились, не покладая рук, от рассвета дотемна. И это был тяжелый, неженский труд: все для фронта, все для победы! — было главным для всех и в глубоком сибирском тылу, где оставались только женщины, старики да дети. Но и они, по всей строгости

военного времени, стойко и мужественно несли свою трудовую вахту — ковали победу в тылу. Мне, как журналисту с более чем сорокалетним стажем, часто приходилось писать о фронтовиках, слышать жестокую правду о войне из первых уст. Мной написаны о них и книги.

…Одна из моих внучек попросила составить ей список родственников — участников Великой Отечественной войны. Такое задание к 75-летию Победы им дала их школьная учительница. Я села и написала такой список, вспомнив всех воевавших, и сама удивилась. Список этот составил более десятка человек! И это — только самые близкие родственники, мужчины и женщины, половина из них погибли на войне. В списке — трое внучкиных прадедушек и прабабушка по отцовской и материнской линиям; моя тетя и тетя мужа; четверо родных моих дядей-сибиряков, не вернувшихся с фронта. А ведь и среди несколько отдаленной родни — тоже немало фронтовиков. Как выяснилось, всего воевавших среди нашей родни, со стороны матери и отца — более двух десятков. Кому-то посчастливилось вернуться живыми-здоровыми, даже дойдя до Берлина; кто-то навечно остался на поле сражения в первые годы войны.

…Четверо моих дядей-сибиряков сражались на разных фронтах и погибли, вернее, считаются пропавшими без вести,— три брата мамы, Сидор, Дмитрий и Павел Григорьевичи Леонтьевы, и младший брат отца Василий Алексеевич Егуеков, чье имя высечено на обелиске в парке Победы, в городе Горно-Алтайск — столице нынешней Республики Алтай, откуда они все и призывались на фронт. В общей сложности у них осталось девять малолетних детей. И только самый младший Павел, 1923 г. р., не успел обзавестись детьми, женившись накануне войны. Он тоже считался без вести пропавшим, и только недавно в Интернете, на сайте «Память народа», из наградных листов и других документов, выложенных ЦАМО в банке электронных данных, узнали, что он геройски воевал в составе легендарной Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232-й стрелковой дивизии. В битвах за Воронеж в 1942 году, длившихся более 220 дней и ночей, он, восемнадцатилетний сержант-артиллерист, командир орудия, совершил подвиг и был награжден медалью «За Отвагу». Погиб, вернее, умер от ран, в сорок третьем, в дивизионном госпитале на Курской дуге. Захоронен в братской могиле, в Белгородской области.

Более подробно о своих воинах-сибиряках с Горного Алтая, откуда родом и сама, написала в сборнике очерков и статей «Найти свои корни», изданном клубом родословия г. Дзержинский Московской обл. в Москве, в 2018 году (являюсь заочным членом этого клуба), поэтому не стану повторяться. Скажу лишь вот о чем. Родные всю жизнь их ждали и все время вспоминали о том, какими они были, как жили. Вот в атмосфере этих воспоминаний о фронтовиках нашей семьи, трепетных ожиданий их возвращения и надежд, так и не сбывшихся, я и выросла, поэтому слово «война» для меня — не пустой звук, а неизбывная боль невосполнимых утрат; неизвестность того, что стало с дорогими, самыми любимыми людьми, где сгинули они в пекле войны и где их могилы. Жаль, что так и ушли в мир иной их родители, братья и сестры, ничего не узнав о своих любимых воинах. Война для меня — это генная память рода, глубоко живущая во мне и не дающая покоя, наверное, поэтому и пишу о войне. Как журналист много встречалась с ветеранами ВОВ; брала у них интервью; готовила статьи о них для СМИ и спецвыпуски о Великой Отечественной войне и ее воинах вузовской многотиражки, которую возглавляла долгое время, а потом и книги стала писать на эту тему.

…Так уж сложилось, что война опалила не только мой сибирский род. Я и замуж вышла в семью фронтовиков. Мои свекры, родители мужа, Вячеслава Алтунина, Василий Васильевич и Вера Филипповна Алтунины, о которых хочу рассказать, ушли на фронт добровольно. Вера Филипповна Алтунина (в девичестве Кутьина, как и значится в военных документах), уроженка тульщины, в восемнадцать лет от рытья оборонительных рвов под Москвой, от стен древнего приокского города Белева, что в Тульской области, дошла до Берлина в звании сержанта и комсорга госпиталя. Награждена медалями «За боевые заслуги», «Жукова» и другими. Свекор, Василий Васильевич Алтунин, тоже родом с тульщины (оба — из Белевского района: он — из д. Песковатое, она — из д. Игнатьево) — ушел добровольно, будучи студентом иняза Тульского пединститута, сначала на Финскую войну, а потом — на Отечественную; был в концлагере «Маутхаузен», попав в плен в бою на Украине.

К великому сожалению, немногое знаю об их фронтовой биографии да и, вообще, последовательно уже не смогу рассказать, как и где они конкретно, в каких селах Белевского района Тульской области, жили и работали после войны, хотя свекровь нередко рассказывала об этом, называя и села, и школы, где ей довелось учительствовать, но я ничего не записала, а память далеко не все удержала. Поистине, «сапожник без сапог»: о многих ветеранах писала, подробно расспрашивая их о фронтовой судьбе и о послевоенной жизни. Но вот о своих близких ничего не записывала, все думалось: успеется еще: они же — рядом... Точно знаю одно: более полвека, до последних дней своих, они жили и работали в когда-то процветающем крупном плодоводческо-перерабатывающем совхозе-заводе «Большевик» Арсеньевского района Тульской области (железнодорожная станция «Манаенки» на юго-западном направлении Тула—Белев). Оба — ветераны труда.

Ныне это поселок Центральный, но без прежнего процветания, да и станция та давно уже заглохла, поскольку поезда перестали ходить.

Свекровь учительствовала в местной средней школе, свекор много лет работал в составе руководства совхоза «Большевик».

Садово-плодоводческий совхоз-завод «Большевик» был богатым до провальных 90-х годов. Бескрай-

ние яблоневые сады простирались, казалось, до самого горизонта. Ягодные плантации: клубника, смородина, малина, ирга, черноплодная рябина — все было ухожено, все давало хороший урожай. И все не только вывозилось для сдачи государству и продажи на рынках на громадных рефрижераторах, которые в своем хозяйстве имел совхоз, за его пределы и хранилось для своих нужд в совхозных складах, но главное — все перерабатывалось на плодовоперерабатывающем заводе, который был построен на территории совхоза в середине 70-х годов прошлого столетия.

Помню, с каким удовольствием и гордостью свекор, главный экономист этого совхоза-завода, водил меня по новому заводу, готовящемуся к сдаче в эксплуатацию, когда я впервые, будучи невестой их старшего сына, приехала к ним в конце сентября 1974 года. Все показывал и рассказывал, какое у них завезено прекрасное итальянское оборудование из нержавеющей стали, благодаря которому будут производить не только вино, но и варенье, и повидло, и джемы, и соки. Так оно и было, но в 90-е годы и позднее, в начале двухтысячных, завод и его ценное оборудование, можно сказать, растащили (или продали неизвестные новые хозяева, явившиеся неоткуда). Сады, где выращивались чудные громадные, сладкие яблоки разных сортов и груши, пришли в запустение. Было хорошо развито и полеводство, зерновое хозяйство и животноводство. Все тоже заглохло. Совхозные коровы, телята и лошади исчезли, скотоводческая и свиноводческая фермы опустели и сейчас, заросшие бурьяном да высоченным ядовитым борщевиком, сиротливо стоят полуразрушенные. А, помнится, мы с моими малолетними детьми любили, особенно зимой, заходить в теплый, уютный телятник и смотреть на маленьких пестреньких теляток в их чистых, выбеленных известью клетках-яселька, наполненных для подстилки душистым сеном; смотреть, как телятницы обихаживают их и поят парным коровьим молоком.

Был обширный парк добротной сельскохозяйственной техники — комбайны, тракторы, даже гусеничные, косилки, грузовые и легковые машины, рефрижераторы,— большая мехмастерская, столярка, конюшня.

Совхоз-завод отличался и хорошо развитой инфраструктурой: современная средняя общеобразовательная школа, прекрасный детский сад с отличным питанием: вдоволь для совхозных ребятишек всего: мясо, молоко, овощи, фрукты и ягоды, варенье, джемы и соки — из собственного хозяйства. Дом культуры с творческими коллективами, вечерами отдыха, концертами; библиотека, большой стадион, фельдшерский пункт, магазин и торговая палатка, почта, сберкасса; просторная, выложенная кафелем баня с парилкой и бассейном; не только одноэтажные дома квартирного типа, но и двух-четырехэтажные благоустроенные дома. Всех сотрудников и молодых специалистов, в т. ч. учителей, приехавших сюда после окончания вуза по распределению, обеспечивали благоустроенным жильем.

На уборку урожая съезжалась молодежь со всего бывшего Союза, в том числе и тульские студенты. За студентами факультета кибернетики бывшего Тульского политехнического института (ныне Тульский госуниверситет) был закреплен именно этот совхоз. И они ежегодно вместе со своими преподавателями-кураторами приезжали сюда на уборку яблок, как в дом родной. Заодно и отдыхали на воздухе, подкрепляясь витаминами — свежими фруктами, ягодами и овощами. Студентов, как и всех, приезжавших на уборку урожая и из южных регионов страны, обеспечивали прекрасным общежитием, отличным питанием с богатым мясным рационом, благо, все свое — совхозные коровы и свиньи.

«Большевик» процветал и был известен не только в своем, Арсеньевском, районе, но и за его пределами, в области и даже в Москве. Не случайно позднее директора этого преуспевающего совхоза-завода Моисеева пригласили работать в Москву. Кстати, незадолго до того он даже успел проложить бетонную дорогу длинною почти в шесть километров от совхоза до д. Пронино, что на автотрассе Тула—Белев, за что местные жители до сих вспоминают его добрым словом. Все ведь годы на этой, ранее грунтовой, дороге в распутицу и в дожди люди и техника утопали в глубокой, липкой, глинистой грязи. Моисеева заменил на директорском посту главный инженер совхоза Коршунов. Свекор продолжал работать в той же должности. Безусловно, огромная была личная заслуга директора в высоких достижениях вверенного ему хозяйства, но, думаю, немалая заслуга в том и всех специалистов совхоза, и рабочих, в т.ч. и моего свекра, отдавшего этому совхозу полвека и много лет проработавшего там в должности главного экономиста, а потом еще и юриста-консультанта. Ветеран труда, он, без преувеличения, по всему району слыл толковым высококвалифицированным специалистом и в Тульском областном управлении сельского хозяйства его хорошо знали и ценили как грамотного специалиста. Не одно поколение молодых специалистов, прибывавших в совхоз по распределению после вузов, прошло под его руководством этапы профессионального становления. Эти бывшие молодые специалисты, теперь уже и сами имеющие большой профессиональный опыт, с благодарностью вспоминают свекра, его заботливый, деликатный патронаж над ними. Бывало, едешь в поезде Тула—Белев к свекрам, до их станции Манаенки, что в Арсеньевском районе, разговоришься с попутчиками; узнают, куда и к кому еду, радостно воскликнут: «Алтунины! Как же! Знаем, знаем! Хорошие люди и специалисты. И совхоз их знатный». Земля, как говорится, слухами полнится, особенно в русской провинции.

Василий Васильевич был честнейший и добрейшей души человек; о таких говорят: «Мухи не обидит». Доброта и милосердие, видимо, передались ему генетически, от родителей. Его мать, Анну Петровну Алтунину, в их родовом, приокском селе Песковатое Белевского района звали «Душка» за ее душевный, доброжелательный характер, за незлобивость, сострадательность и участливость к людям. Отец, Василий Федорович Алтунин, портной, имевший собственную швейную машинку «Зингер», что по тем временам бы-

ло великой редкостью и считалось чуть ли ни богатством, обшивал всю округу, переходя со своей машинкой из дома в дом. Шил и бедным за копейки или вообще за «спасибо».

Их единственный из шести детей сын смолоду хотел стать учителем, волею судьбы стал экономистом, получив соответствующее образование. Скорректировала направление война, куда он добровольно ушел со студенческой скамьи иняза Тульского пединститута им. Л. Н. Толстого, сначала на Финскую войну, а потом — на Великую Отечественную. Он со всеми также был доброжелателен, внимателен; всем, обращавшимся к нему с какими-то просьбами или вопросами, старался помочь. Будучи в крупном процветающем хозяйстве, по сути, вторым лицом после директора, он никогда не злоупотреблял своим положением. Совхоз был изобильным, всего вдоволь, но он не был «несуном». На селе каждый на виду: все все друг о друге знают и, конечно же, кто «несун», кто нет,— этого не скроешь. Наравне с рабочими совхоза-завода выписывал за свои деньги в своем же хозяйстве молоко, мясо, яблоки и прочее. Когда кто-то говорил ему, что, мол, он работает на таком «доходном» месте, мог бы что-то и для себя поиметь бесплатно, отвечал: «Мне хватает зарплаты». Он никогда не подписал ни одного сомнительного документа даже под давлением, твердо отвечал: «Я хочу спать спокойно, с чистой совестью, а не вздрагивать от каждого стука в дверь».

…Василий Васильевич Алтунин родился 30 марта 1920 года в с. Песковатое Белевского района Тульской области. Дивные там места: высокий зеленый берег Оки, голубые дали, курганы, березовые рощи, по весне звон в ушах от соловьиных трелей и лягушачьих концертов.

В с. Песковатое много семей носило фамилию «Алтунины», и все они между собой были родственниками. На местном древнем кладбище ныне немало надгробий с такой фамилией. По семейному преданию, род Алтуниных происходит от пленного турка Алтуна (алтын в переводе с тюркского языка, значит, золотой; простолюдин не мог иметь такого имени), привезенного сюда в годы русско-турецкой войны 1768 — 1774 годов. Это вполне может быть реальностью, поскольку у всех Алтуниных на носу — небольшая горбинка, что характерно для турецкой крови. Кстати, ныне на турецком Кипре (Турецкая Республика Северного Кипра) есть улица Altun-Sokak (Алтун-зокак — Золотая улица), усеянная сетью магазинчиков, торгующих золотыми украшениями. Один из десяти лучших отелей тоже носит имя «Altun TabyaVintage». И потом, в те же годы в приокские места были привезены две пленные сестры-турчанки, одна из которых Сальха (в православном крещении Елизавета) — мать знаменитого русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Бывшее имение Мишенское барина А. И. Бунина, отца поэта, где жила Сальха, находится рядом с городом Белевом, малой родиной Алтуниных. Ныне в Мишенском — музей В. А. Жуковского. У села Мишенское на высокой, живописной смотровой площадке, с которой открываются бескрайние среднерусские зеленые дали, установлен бюст поэта. Так что история с пленными турками — не легенда.

Родовой дом, в котором родился и вырос свекор, построенный из кирпича, собственноручно изготовленного его родителями из местной глины, до сих пор стоит, правда, полуразрушенный уже. Сохранился даже след — углубление в земле от ямы-печи, в которой обжигали кирпичи. В семье было шестеро детей: пять девочек и только один мальчик — Вася. С долгожданного сыночка родители пылинки сдували, даже на Оку, что — рядом, купаться не отпускали, чтобы не утонул. А спать он любил с маленьким поросенком, которого брал к себе в постель и который бегал за ним повсюду, как собачка. Окончив среднюю школу, Вася поступил в Тульский пединститут на факультет иностранных языков, осваивал немецкий. С третьего курса вместе с другом добровольно ушел воевать на Финскую войну, а вскоре началась и Великая Отечественная. Он также добровольцем сразу же ушел на фронт и попал в самое пекло, на Украину.

— Под деревней Борщовка летом сорок первого из нас фрицы и сделали борщи,— неразбериха, все перемешано, разгромлено, небо не видать. Оно черное от дыма, гари. Орудия разбиты, ни снарядов, ни патронов нет; и сам, как очумелый, оглушенный: не поймешь, то ли живой, то ли уже умер и где свои, где чужие; громадные человеческие потери: кругом убитые, много раненых и контуженных; со всех сторон крики, стоны — кромешный ад. Даже не поняли, как попали в окружение и плен. Некоторые офицеры срывали знаки различия, коммунисты зарывали в землю партбилеты (коммунистов и комиссаров фашисты расстреливали на месте),— рассказал однажды свекор. Он тоже был коммунистом, но однополчане не выдали его в плену, когда фрицы приказывали коммунистам и комиссарам выйти вперед и в упор расстреливали тех, кто выходил из общего строя. «Не выдали, потому что человеком был и к рядовым относился по-человечески и за их спинами не прятался»,— коротко объяснил этот факт Василий Васильевич.

Та крупномасштабная Киевская стратегическая оборонительная операция — оборона Киева в 41-м, в которой Юго-Западный фронт под общим руководством Маршала Советского Союза С. М. Буденного, потерпел катастрофическое поражение, в военной истории получила название «Киевский котел». В нем были окружены фашистами и попали в плен тысячи солдат и офицеров Красной Армии.

О войне свекор вообще не любил вспоминать, сердился даже, когда мы его спрашивали: «Нашли о чем говорить! Нечего там вспоминать! Доброе бы чего, а там — кровь, смерть, грязь, голод, вши. Хорошее надо вспоминать». Про нацистский концлагерь, в котором он оказался, без слез вообще не мог говорить, но иногда все-таки, когда грамм сто принимал на грудь, кое-что рассказывал, сильно расстраиваясь и нервничая. И, не находя в себе моральных сил продолжать слишком тяжелый для него разговор, вытирая повлажневшие от подступивших слез глаза, раздосадовано обрывал на полуслове свои воспоминания: «Опять разбередили всю мою душу. И зачем вам это только надо?! Ну как вы не понимаете: это же незаживающие раны!» Вот и при-

поминаю кое-что из тех, редких, коротких, отрывочных, его рассказов.

Он, как и многие его однополчане, с которыми до последнего патрона вместе сражались, оказался в Австрии, в концлагере «Маутхаузен», что в переводе на русский язык звучит издевательски — «Мышинный дом»: не люди в нем — мыши. Полуголодные военнопленные выполняли тяжелейшую работу в каменоломне: на себе носили громадные глыбы камней, только и слышали: «Шнель, шнель!» (быстрей) и получали тычки автоматами в спину. Упавших и не поднявшихся на счет «десять» пристреливали. У свекра вены на ногах выступали, как тугие синие жгуты,— сказалась фашистская каменоломня. Кормили их впроголодь жидкой похлебкой из немытой брюквы или тухлой капусты, иногда в похлебке плавали голые рыбьи хвосты. Все время хотелось есть и спать. В бараках было душно, тесно, темно, вонь; зимой холодно, спать приходилось по двое человек на одних голых нарах, прикрываясь рваньем, донимали вши.

Однажды я спросила у свекра о глубокой вмятине у него на челюсти. Оказалось, в лагере был немецкий офицер, высокий, худощавый, холеный, с надменно-презрительным прищуром злых глаз, всегда в черном кожаном плаще, как и все гитлеровское офицерство. Иначе, как «руссишшвайн» («русская свинья»), к русским военнопленным и не обращался. Он развлекался тем, что на утреннем построении пленных бил каждого четвертого сильным ударом кулака в челюсть, а под черной кожаной перчаткой, туго обтягивающей кисть, у него всегда был кастет. Это у него называлось «утренняя профилактика», чтобы пленных «взбодрить» и настроить на «ударный труд». От удара и без того ослабленный пленный падал, сильно стукаясь затылком о твердую землю, и нередко терял сознание. Фашист, держа руку на кобуре с револьвером, замерев на месте, в упор свирепо-презрительно глядя на упавшего, отчетливо и громко считал: «айнц, цвай, драй, фир, фюнф…», если на счет десять пленный не поднимался, он его пристреливал. Вот и свекор попадал в число четвертого в строю; едва поднялся только на счет «девять», остался жив.

Пленные десятками гибли ежедневно и от голода, от непосильной работы, и от болезней, особенно кишечных. Летом умерших сбрасывали в общую яму, засыпали хлоркой и зарывали; зимой окоченевшие трупы складывали высокими штабелями, как поленницу дров, чтобы зарыть в яму по весне, когда мерзлая земля оттает. Складывали в штабеля и хоронили своих товарищей сами же пленные. И каждый всякий раз думал о том, что, может, завтра в числе умерших будет и он. Находить в себе силы как-то держаться и жить в таких нечеловеческих условиях помогала неиссякаемая вера в то, что русские обязательно победят врага.

В этом же концлагере среди пленных оказался и генерал-лейтенант инженерных войск, видный советский ученый, доктор военных наук, профессор Военной академии Генерального штаба РККА Дмитрий Михайлович Карбышев, отказавшийся от сотрудничества с гитлеровцами, невзирая на жестокие истязания. Тогда изверги выволокли его в февральский лютый мороз на улицу и стали из шланга обливать ледяной водой, но мужественный генерал все вытерпел, не издавая стонов. Он, истерзанный пытками, так и умер под ледяными струями, не проронив ни звука, а было ему уже шестьдесят четыре года — не молод, но нашел в себе силы держаться исключительно мужественно. На это нечеловеческое издевательство над русским генералом выгнали смотреть всех пленных, среди которых был и свекор. Та зверская картина расправы над Карбышевым долго стояла перед его глазами даже в мирное время и снилась ему. Однако, как говорил свекор, не запугала пленных,— именно на это рассчитывали нацисты, выгоняя их смотреть на истязания русского генерала,— а, наоборот, отчетливо показала мужество и стойкость русского человека, которого ничем невозможно сломить, добавив пленным уверенности в победе над врагом, что так укрепляло их силу духа.

Свекор говорил, что выжить ему помогло еще и то, что он знал немецкий язык. До войны изучал этот язык в пединституте и работал некоторое время учителем немецкого языка в одной из сельских школ на своей малой родине, а надзирателем над ними в лагере оказался немец, тоже бывший учитель, который преподавал в немецкой школе и знал русский язык. Он сочувствовал пленным, конечно, не афишируя этого. Свекру украдкой удавалось перебросится парой слов с этим надзирателем и даже рассказать о том, что он — учитель немецкого языка. Надзиратель тайком приносил свекру кусочек хлеба или картофелину, подкрепляя его.

Военнопленным немцы предлагали сотрудничать с ними, обещая за это «райскую» жизнь, но среди русских и белорусов, в отличие от поляков и украинцев, согласных на такое, не нашлось, поэтому свекор очень ценил белорусов и говорил, что «они — стоящие люди».

Освободили пленных американские войска, которые вошли в концлагерь 6 мая 1945 года, вскоре лагерь был передан в советскую зону оккупации (в то время это слово имело совершенно иное значение, чем ныне), но далеко не все уцелели и в этом нацистском лагере, как и во всех других фашистских лагерях. Как гласит википедия, узниками Маутхаузена было 335 тысяч человек; казнено свыше 122 тысяч человек (больше всех — свыше 32 тысяч — советских граждан). Ежегодно памятную церемонию в Маутхаузене посещают тысячи человек, среди которых родные и близкие погибших там.

Свекор рассказывал, что американцы предлагали освобожденным пленным поехать в Америку; на Родине, как говорили они, пленных ждут советские лагеря и даже расстрел. Некоторые решили по этой причине не возвращаться в СССР, но свекор пошел пешком в сторону родных мест. Он нам говорил: «Я предпочел лучше на своей Родине отсидеть в лагере или быть расстрелянным, чем бежать за границу». Он шел по деревням. Сельские жители дали ему одежду; зарабатывал на еду тем, что нанимался в работники: что велят, то и делал по хозяйству за кусок хлеба. Один пожилой немец даже отдал ему свой велосипед, на котором све-

кор продолжил путь в сторону родной страны.

При освобождении из концлагеря он, мужчина в возрасте двадцати пяти лет, весил меньше сорока килограммов. «Кожа да кости. Ветром шатало, еле ноги передвигал»,— говорил он, но упорно шел к своим, на свою Родину, пока не встретил советских особистов. Его долго допрашивали и проверяли, но, видно, ничего такого не нашли и не сослали в советский лагерь. Однако по возвращении на малую родину, учителем в школе работать ему запретили, поскольку был в плену, да и, вообще, его, когда, наконец, он вернулся в родные края, нигде не брали на работу, узнав, что он — бывший военнопленный. Не раз из соответствующих органов приезжали проверять его на благонадежность. И только в 1952 году его взяли в колхоз учетчиком и то поначалу относились настороженно, а КГБ еще не раз проверял его и следил за ним.

Василий Васильевич рассказывал, что многие военнопленные погибли уже после освобождения. Изголодавшись, они не удержались и наелись досыта лагерной брюквенной похлебки из чанов и тушенки, которую раздавали американцы: вкусный запах ее сводил с ума. Изголодавшиеся пленные, наевшись этой аппетитной, но жирной тушенки, тут же, хватаясь за живот, в муках умирали. После длительного постоянного недоедания и скудной, постной, лагерной пищи организм не выдерживал.

— Сам не знаю, как удержался, когда мне американец дал в руки открытую банку тушенки. От одного ее запаха я чуть сознание не потерял: в глазах потемнело, голова закружилась, а потом сильно затошнило. Видно, подступившая тошнота и удержала от еды. Я только нюхал тушенку, едва удерживая банку в трясущихся, слабых руках, да один раз лизнул. Уж потом, спустя время, чуть-чуть стал есть, каждый день прибавляя понемногу съеденного и, наверное, только недели две спустя, а может, и больше, стал есть нормально, но не перегружая желудок.

Зато, спустя годы, свекор всегда заботился о качественной пище и ел аккуратно, неспешно; любил красиво, с салфетками, накрывать стол. Искусно готовил хрен и горчицу, обладавшие невероятной крепостью. Он всегда все делал неспешно, аккуратно, обстоятельно, также и одевался, и следил за собой. По утрам, перед выходом на работу, подолгу проводил у зеркала: тщательно брился, одеколонился, повязывал галстук, зачесывал прядями оставшихся волос лысину. Свекровь всегда все ему наутюживала. Рубашки менял ежедневно, на брюках — ровные, острые стрелки; в кармане пиджака — неизменно чистый, тщательно отутюженный носовой платок, сбрызнутый одеколоном, обувь начищена до блеска. Мы над ним беззлобно подтрунивали: «Ну и дед у нас! Аристократ!». Но внутри у него, наверное, так и остался страх голода. За обедом всегда спрашивал: «А что мы будем есть на ужин?» На что свекровь ему нередко отвечала: «Да погоди, Вася, еще не отобедали, а ты уж об ужине заботишься; приготовлю что-нибудь, голодными не оставлю». И готовила, и как прекрасно готовила! Стол у нее зачастую ломился от изобилия: разные соленья, маринады, морсы, варенья, компоты; тушеная гусятина, индюшатина; домашняя лапша с курятиной, утка в яблоках, жареная свинина с картошкой и луком, яичница с ломтиками жареного сала, соленая свинина с чесноком и перцем — чего только нет! И непременно — горяченькая отварная картошка и салаты. И все собственноручно выращено, выкормлено, заготовлено. Видно, старалась и она восполнить военный голод и мужа, и свой,— ей ведь тоже приходилось жить впроголодь,— да повкусней накормить сыновей и внуков, но никто в семье не переедал и толстых, ожиревших не было.

Наголодавшись в плену, свекор всю жизнь все измерял буханками хлеба и никогда не выбрасывал ни кусочка, даже хлебные крошки со стола. Что-нибудь купишь и назовешь цену, он сразу же, прикинув в уме, скажет, к примеру: «Это ж будет двадцать пять буханок хлеба».

Василий Васильевич был весьма образованным и начитанным человеком и нередко, видя в наших руках какие-нибудь современные книжки, говорил: «Что вы читаете эту белиберду?! Читайте стоящие, вечные книги — Гоголя, Салтыкова-Щедрина. У них вся суть человеческая, вся жизнь изложена. Мало что с тех пор изменилось в людях и обществе…»

Запросы о В. В. Алтунине в ЦАМО мы не делали, как и о В. Ф. Алтуниной (Кутьиной). На сайте «Память народа» удалось найти только информацию о его награждении орденом «Отечественной войны» II степени.

В конце статьи помещен документ из ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны), свидетельствующий о награждении В. В. Алтунина этим орденом.

Есть короткая информация о воине Василии Васильевиче Алтунине и в Центральном парке культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот», что находится в Одинцовском районе Московской обл. Она указывает даты его жизни: 1920—1999, место службы: 81 отд. бат. НКВД, рядовой.

…Вера Филипповна Алтунина, в девичестве, просто Вера Кутьина,— под этой фамилией она и фронт прошла, и в военных документах значится,— родилась в селе Игнатьево Белевского района Тульской области 3 марта 1923 года. Войну встретила восемнадцатилетней. Она успешно окончила среднюю школу и стремилась осуществить свою заветную мечту — стать учительницей. Ей всегда хотелось учить детей и каждому как можно больше уделять внимания, потому что сама, с четырех лет выросшая без матери, в детстве недополучила в семье ни тепла, ни внимания, ни ласки и поэтому так тянулась к учителям в школе, которые учили ее и других детей уму-разуму, замечали их успехи, хвалили и иногда дарили книжки — самый дорогой в ту пору подарок. Ведь для деревенских детей книжка была роскошью, и дома у них такой роскоши не водилось, да и на то, как учится ребенок, чем он занимается, взрослые не больно-то обращали внимание,

вечно погруженные в тяжелую хозяйственную работу по дому в большой семье и в колхозе, в заботы о хлебе насущном. Можно сказать, что при живом отце росла девочка Вера круглой сиротой. Когда, родив двойняшек, от родовой горячки умерла ее мама, на руках у отца осталось пятеро малолетних детей — три сына и две дочки. Младшенькой Вере было всего четыре годика. Новорожденные, конечно же, без матери не выжили. Тихий, спокойный по натуре, отец привел в дом женщину, крикливую, сварливую, неласковую, властную,— сразу же взявшую верх над мужем и нередко громко бранившую его за что-нибудь. В доме только и слышались ее брань, крики, чертыхания. Детьми она интересовалась мало. Прохладная отчужденность и грубость мачехи, конечно же, отталкивали от нее детей. Свекровь рассказывала:

— Росли мы, как в поле травинки,— сами по себе и в бедноте. Картошка, капуста да хлеб — вот основная наша еда. Мачеха наварит в русской печи большой чугун картошки в мундире; недовольно, с бранью, навязались, мол, громыхнет ее на стол прямо в горячем этом чугуне. Мы, ребятишки, похватаем по картофелине да по куску черного хлеба и — на печку. Потом онучи намотаем, лапти лыком подвяжем и побежим на ледянках с горки кататься. У меня не было даже штанишек. Летишь с высокой горки на ледянке, ветер подол старенького пальтишка раздувает и обжигает голые ноги до самой голой попки. Намерзнешься, прибежишь домой, кипяточку глотнешь и — на горячую печку, за занавеску, под старенький теплый тулупчик — вот и вся благодать. Печка была спасением для деревенских жителей, в том числе и для ребятишек.

А еще свекровь нередко вспоминала из детства такой эпизод. Ей, первокласснице, за хорошую учебу перед Новым Годом торжественно, на школьной линейке, подарили букварь. Тогда у них, деревенских ребятишек, букварь был один на весь класс, а тут ей вручили ее собственный букварь! «Радости моей,— говорила она,— предела не было. И-и-х, такой красивый букварь! Новенький, блестящий, с красивыми яркими картинками. Я бежала домой, прижимая его к груди, ног под собой не чуяла. Мне ведь никто, никогда ничего не дарил, а тут — такой подарок! Прибежала домой, а дома только отец да мачеха. Я — прыг на печку рассматривать картинки в букваре. От радости дух захватывает. Так хотелось этой радостью с родными поделиться. Выглянула из-за занавески, показываю букварь и восторженно говорю: “Посмотрите, посмотрите, какой красивый букварь мне в школе подарили!” Отец только равнодушно голову приподнял: “А-а, м-да”. Мачеха рукой махнула, даже не взглянув: отвяжись, мол, не до твоего букваря. У меня от обиды даже слезы навернулись; зарылась я в тулуп, плачу и думаю: “Вырасту большой, выйду замуж и всю себя семье и своим детям отдам, и не только своим, но и чужим — тоже.” Поэтому и решила стать учительницей». Она сполна осуществила свою мечту, отдав всю себя семье, детям, своим и чужим, полвека учительствуя в сельских школах. Бывшие ученики до сих пор с благодарностью вспоминают ее.

И, надо сказать, еще один весомый побудительный мотив, говоря официальным языком, подтолкнул ее стать учительницей…

Один из братьев Веры Филипповны, Николай Филиппович Кутьин, с которым они были очень дружны, и которого она очень любила, поскольку он заменял ей и мать, и отца, жалел ее и опекал, окончил Ленинградское высшее мореходное училище, а потом и Военно-морскую академию. Он обещал сестренке забрать ее к себе, когда она окончит школу, чтобы Вера училась в Ленинграде, в педагогическом вузе. Он считал, что быть учителем очень благородное и нужное дело и для страны, и для воспитания своих и других детей. Но случилось страшное несчастье. В день выпуска после окончания академии он трагически погиб — попал под машину, перебегая дорогу. Вот юная Вера и решила, что непременно осуществит не только свою мечту, но и желание дорогого брата — видеть ее учительницей, а портрет его всю жизнь был рядом с ней. Вера, глядя на него, нередко мысленно беседовала и советовалась с ним, обещая, что непременно добьется своего, чего бы ей это ни стоило. Не зря же брат так верил, что его любимая, младшая, любознательная сестренка непременно «выйдет в люди», и он ей в этом поможет.

Да, свекровь стала учительницей, даже два педагогических вуза окончила: Калужский учительский институт и географический факультет Московского педагогического института имени Н. К. Крупской, чтобы вести в школе разные предметы. И вела химию, биологию, анатомию и географию, а еще и классное руководство, и на пришкольном участке со школьниками возилась. Сама-то ведь замечательной была хозяйкой. Все у нее хорошо росло в собственном огороде, богатые заготовки всего на зиму делала. Ветеран труда, она любимой школе и ученикам отдала более полвека. И до сих пор ее ученики, сами уж теперь бабушки и дедушки, добрым словом вспоминают свою любимую учительницу. Мне нередко доводилось слышать: «Вера Филипповна — самая хорошая была учительница и, вообще, славный человек редкой души». Она никогда ни на кого голоса не повысила, а ребятишек из неблагополучных семей, как теперь сказали бы, старалась окружить особым вниманием. После уроков помогала им делать домашнее задание, непонятное объяснять, поддержать добрым словом, участием, если в доме у них было неблагополучно. Ученики ее любили и всегда со всеми обидами, проблемами, даже, если что-то дома произошло нехорошее, делились с ней и получали не только внимание, сочувствие, советы, но и деловое ее участие. Учила детей дружбе, взаимопомощи, быть честными и справедливыми. Но все это было потом, потом… А сначала была война… И маленький промежуток времени между войной и окончанием школы с первыми шагами к осуществлению мечты.

…Юная Вера со своей подругой приехала в июне сорок первого года в Тулу поступать в пединститут. Поначалу с ними даже случился маленький казус. Провожая их в большой город, деревенская соседка наказала: «Вы, девочки, там, в городе-то, здоровайтесь со всеми, а то люди скажут: “Во, сразу видно,— деревен-

ские, некультурные, даже не здороваются”». Девчата эту шутку приняли всерьез и, едва выйдя на вокзальную площадь, шли и, крутя головами направо и налево, со всеми здоровались: «Здрасьте, здрасьте…». Одна сердобольная тулячка, наконец, им сказала: «Девочки, вы, похоже, из деревни приехали. Там все друг друга знают, поэтому со всеми и здороваются, а в большом городе со всеми здороваться — язык отвалится. Не делайте этого». Остановились будущие абитуриентки у родственницы Веры, надеясь потом получить места в общежитии. Квартирка у ее тети была небольшая, уложили их спать на полу. Утомленные дорогой и новыми впечатлениями, в предвкушении завтрашнего знакомства с вузом, девчата быстро заснули, а рано утром их разбудил встревоженный голос тети, которая сквозь слезы сказала: «Девочки, вставайте скорей и — на вокзал! Езжайте назад, домой. Война началась!».

Девушки приехали на вокзал, а там народу — тьма, суета, неразбериха. Купить билеты на вечерний поезд (он ходил до Белева раз в сутки) маловероятно. А вскоре появились военные люди, которые собрали молодежь и сказали, что всех срочно отправляют на рытье оборонительных рвов под Москвой. Так Вера оказалась вместо родной деревни Игнатьево под Москвой. Рыли рвы с раннего утра до ночи. Здесь же, во рвах, и ночевали; спали мало, вповалку, прямо на земле, подстелив кой-какую одежонку, солому или сено — сухую траву, которую тут же и рвали, и она быстро высыхала на жарком июньском солнце. Питались скудно, но все были бодры, оптимистично настроены, дружны между собой, поддерживали друг друга.

Стали налетать вражеские самолеты.

— Сначала мы с любопытством смотрели на немецкие самолеты, задрав головы,— раньше-то не видели же их, даже советских,— не верилось, что кто-то будет бомбить беззащитных людей,— рассказывала свекровь.— Рыли рвы-то в основном женщины да девчата, да подростки — почти дети,— да пожилые мужчины, не мобилизованные на фронт по возрасту. Но после того, как на низком бреющем полете немцы стали расстреливать людей, все кинулись врассыпную: кто в кусты, кто здесь же падал на землю, прикрывая голову руками. После, как только издали слышали гул приближающихся бомбардировщиков, разбегались в разные стороны, прятались, падая на землю. Были и убитые, и раненые. Так мы и поняли, что пришла настоящая, страшная война, когда погибают люди, и враг не щадит никого.

А спустя некоторое время, Вера добровольно записалась на фронт и ушла воевать из-под стен родного своего старинного, приокского города Белева — ровесника Москвы в составе 61-й армии.

Вместе с 61-й армией войну Вера Кутьина прошла до Победы, дойдя до Берлина, говорила, что расписывалась на рейхстаге. «А что ты написала, бабушка?» — спрашивали внуки. — «Мы — из Белева». Работала в хирургическом отделении госпиталя и заведовала складом. Была сержантом, комсоргом лазарета. Награждена на фронте медалью «За боевые заслуги». В конце статьи привожу документ из ЦАМО, свидетельствующий об этом.

Уже в мирное время была награждена, как и большинство фронтовиков, орденом Отечественной войны II степени и медалью «Жукова», юбилейными медалями ко Дню Победы, благодарностями и поощрениями.

А вот что сообщает о ней наградной лист (медаль «За боевые заслуги», от 28 мая 1945 года) — «Краткое конкретное изложение боевого подвига или заслуг»: «Тов. Кутьина В. Ф., начав службу в АВЛ красноармейцем, уборщиком хирургического отделения, показала себя честной, грамотной, преданной Социалистической Родине, дисциплинированной и требовательной к себе. Политически грамотна, работает комсоргом лазарета. За честную и безупречную службу была выдвинута к назначению заведующей складом. Складское хозяйство держит в отличном состоянии, не имела за период работы на складе ни растрат, ни случаев хищения имущества, доводя положенную норму до бойца полностью».

Документ подписан начальником лазарета № 435 61 армии (61 А), в котором В. Ф. Кутьина несла службу.

С самого начала войны, с периода своего формирования 15 ноября 1941 года 61-я армия (сухопутные войска с включением кавалерийского корпуса) всегда была на главном направлении, воюя в составе: Юго-Западного, Брянского, Западного, Центрального, 1-го Белорусского, Третьего и Первого Прибалтийских фронтов. Она прошла долгий славный путь, участвуя в крупнейших боевых операциях Курско-Орловской битвы; на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Польше, Чехословакии; участвовала в грандиозной Берлинской наступательной операции, закончив свой тяжелый, но победоносный путь в Германии. Расформирована была после Победы, в августе 1945 года. За этот период ею командовали генералы: Ф. И. Кузнецов, М. М. Попов и П. А. Белов (с июня 1942 года — до конца войны). Это тот самый геройский генерал Павел Алексеевич Белов, возглавлявший лихой 1-й Гвардейский кавалерийский корпус, наводивший страх на врагов. Кавалеристы сыграли громадную роль в разгроме фашистских полчищ в сорок первом на тульском направлении и под Москвой; в освобождении городов Белев и Одоев — райцентров в Тульской области. Именно его отважные конногвардейцы вместе с воинами 50-й армии генерал-лейтенанта И. В. Болдина, чье имя носит одна из центральных улиц в Туле (в Могилеве тоже есть улица, носящая его имя, поскольку в освобождении этого белорусского города летом 1944 года участвовала 50-я армия под его командованием), освобождали от фашистских оккупантов в ноябре-декабре 1941 года на тульской земле древний русский городок Одоев (с 1959 г. — поселок городского типа, ныне — райцентр), расположенный на левобережье реки Упы, известный с четырнадцатого века и принадлежавший когда-то княжеству Черниговскому, а потом русскому княжескому роду Одоевских.

Отважному русскому генералу П. А. Белову на въезде в Одоев со стороны Тулы установлен памятник внушительных размеров: генерал Белов — в белоснежной бурке, с саблей наголо, на своем боевом исполинском коне — среди живописной природы и высоких стройных сосен. Всякий раз, проезжая мимо этого памятника, я мысленно кланяюсь гвардейскому кавалеристу. Ведь моя свекровь служила в лазарете, обслуживающем именно его кавалеристов и их боевых коней.

С Одоевским районом соседствует Белевский район, откуда юная Вера Кутьина ушла воевать — это ведь ее малая родина. Там до сей поры стоит в деревне Игнатьево дом, в котором она родилась и выросла, и в котором до самой своей смерти в преклонных летах жил ее старший брат Петр Филиппович Кутьин, а рядом жила сестра Анна (Нюра, как звали родные). Свекровь, а вместе с ней и я с детьми, ее внуками, не раз гостили у них. В Игнатьеве похоронены ее брат и сестра, и их родители. Один из ее братьев, Дмитрий Филиппович Кутьин, учился в вузе, жил и работал на судостроительном заводе в Риге, где и похоронен. В Риге живут его дети и внуки.

…Когда мои дети — ее внуки — просили бабушку Веру рассказать про войну и вспомнить что-нибудь особенно страшное, она делала это неохотно: говорила, что война и есть страшное. Помнится, она с горечью рассказывала, как ее подруга из Белевского же района,— к сожалению, я забыла имя и фамилию, которые называла свекровь,— под сильными вражескими обстрелами, присаживалась на корточки, обхватывала голову руками и причитала: «Ой, убьют, убьют! А как же мама с тятей?! Кто их в старости будет докармливать? Ой, отобьют мою бедную головушку, а кто же будет носить платки, которые мама в сундуке в приданное мне заготовила?». А когда заканчивалась канонада, она поднималась, стряхивала с себя пыль и говорила с улыбкой: «Видно, поживу еще, авось, жива останусь и поношу еще платки. Ой, какие они красивые, Вера, глаз не оторвать! Сама увидишь на моей свадьбе». У нее на фронте был жених, с которым они договорились пожениться после войны. Но до свадьбы девушка не дожила. Погибла, подорвавшись на мине.

— Вот, видно, судьба такая,— вздыхала свекровь.— Я той же самой тропинкой пробежала и — ничего: жива осталась. Она побежала после меня — и подорвалась. Как мне жалко ее было, как я тосковала по ней и словами не передать, но война надолго закручиниться не дает. Такое творилось, что и сам себя забудешь, но взаимопомощь была исключительная, и никто не различал никого ни по национальности, ни по другим признакам; были, как одна семья: и горе, и радости делили вместе.

— Бабушка,— приставали внуки,— а ты стреляла из винтовки?

— А как же! И стрелять приходилось, и в снегу ночевать с мокрыми ногами, но вот что интересно: на фронте никто не болел простудными заболеваниями, да и вообще никто не болел. Только вот ранения… Мне и раненых перевязывать и с поля боя на плащ-палатке тянуть доводилось, а я ж была худенькая, росточком — с ноготок; тяжело, думаешь,— не дотащу, но откуда-то силы брались… Всякого лиха хлебнули, но не болели, видно, на духе своем держались — только победить!

Тяжело было не только на фронте, но и в тылу, особенно в местах, находившихся под фашистской оккупацией, а в родных селах свекров — Песковатое и Игнатьево — тоже «немец стоял», как выражаются старожилы, и все разорил, порушив и дома. Многим жить приходилось в землянках, как и моим свекрам, вернувшимся с войны и вскоре после нее поженившимся. В послевоенных деревнях, как и в городах, разоренных врагами, люди жили впроголодь. Когда свекровь вернулась с фронта в сорок пятом, ей игнатьевские родственники поставили на стол постные, прокисшие, жидкие щи. Голодно жил народ в первое послевоенное время. Привезенный свекровью сухпаек с тушенкой, который выдавали на дорогу фронтовикам, ее родным показался немыслимой роскошью. А в фильмах нередко показывают, как встречают вернувшихся с фронта изобильными столами, ломящимися от разных блюд. Может, и такое было, но, думаю, скорее, как исключение, ибо послевоенная страна, вставшая из руин, залечивающая раны, еще не могла быть повсеместно изобильной.

…Свекровь была крепкая здоровьем и сильная духом,— «семижильная», говорят о таких в народе. Великая труженица! Настоящая русская женщина с русской душой и характером — россейка, как в Сибири называют выходцев из Центральной России: стойкая, выносливая, преданная семье, мужу, долгу и делу. Как-то один ветеран, давая мне интервью, подметил, что особым мужеством, твердостью характера, стойкостью и физической выносливостью отличались на фронте именно люди, рожденные в 1923 году, как и Вера Филипповна. Об этом же я слышала и от одного моего родственника — фронтовика, и от других ветеранов войны. Интересный факт, подмеченный фронтовиками; может, это сама матушка-природа создала такую породу людей, зная, какие испытания выпадут на их долю. «Гвозди бы делать из этих людей, прочные бы получились»,— это про них.

Сколько всего переделали руки моей свекрови за восемьдесят с лишним лет ее жизни, начиная с раннего детства — и не перечислить! Очень терпеливая, сдержанная и тактичная была. Не только в школе на учеников, но и дома никогда ни на кого не повышала голос; не скандалила, не читала нотаций, не суетилась, не нервничала, не жаловалась и не ныла, как бы тяжело ей ни было. Бывало, что-то случится нехорошее, она присядет на стул, задумавшись на минуту, сложа на коленях натруженные руки, потом глубоко вздохнет, вскинет голову, будто сама себе твердо скажет: «Да! Ничего не поделаешь, а жить надо! Слезами горю не поможешь. Сиди — не сиди, горюй — не горюй, а дело делать надо…» Еще и добавляла нередко: «Не хочется, а делай! Не можешь, а надо!» Шла и делала и, казалось, устали не знала: со всем управлялась с радостью

и охотой.

До глубокой старости держала большое хозяйство: птица всех видов, поросята, большой огород, даже когда осталась одна, похоронив мужа в 1999 году. Мы ей говорили: «Мама, зачем тебе огород? Зачем тебе все это хозяйство в преклонном возрасте? Неужели же не привезем картошки, мяса и все необходимые продукты?! Ликвидируй все это и лучше побольше отдыхай».

— А без дела-то старость да болезни быстрее одолеют. По мне, труд и есть отдых. Не могу сидеть, сложа руки. Не представляю даже, как это жить в деревне без огорода и своего хозяйства, без заботы о ком-то…

Брала тяпку и в восемьдесят с хвостиком лет упрямо шла в огород, где у нее был просто идеальный порядок: ни травинки, ни соринки и всегда — богатый урожай.

И еще она говорила: «Мало ли, что мне хочется? А нельзя! Мало ли, чего мне не хочется? А надо!» «Надо!» — вообще было ее любимым словом и принципом жизни. И она всю свою жизнь подчинила этому принципу, и все всегда говорила людям в глаза, спокойно, твердо, уверенно,— вот отличительные черты характера фронтовички!

Вот такой неугомонный и славный это был человек — моя свекровь, Вера Филипповна, которую я с первого дня своего замужества стала называть мамой. Она мне и впрямь заменила родную маму, которая умерла, когда я была еще студенткой-второкурсницей, накануне моего замужества, да и внешне походила на мою маму. На моей сибирской свадьбе гости ее принимали за родную сестру моей мамы — так они были похожи. Когда мой отец приехал с Горного Алтая в гости к ним, в совхоз «Большевик», и ближе узнал моих свекров, он тоже говорил, чтобы я ценила то, что попала в славную семью, а свекровь, наказывал, береги особо: «Она, как наша мама: не только внешне, но и по сути, по делам своим на нее похожа».

Замечательные мои свекры вырастили двоих сыновей, которые окончили университеты, получили высшее образование. Старший Вячеслав — журналист, поэт и прозаик, член Союза писателей России и Союза журналистов России, неоднократный лауреат всероссийских литературных конкурсов; младший Александр — юрист, федеральный судья, долгое время был председателем районного суда в одном из больших российских городов. И сын его пошел по стопам отца — тоже федеральный судья. Свекры помогали растить и внуков, которые очень любили своих бабушку Веру и дедушку Васю. Все лето проводили у них в деревне. Одна из внучек, младшая моя дочь Вероника, так и говорит: «Бабушка занимает особое место в моем сердце, и никто, и ничто не сможет ни на йоту ее вытеснить, заменить, хотя теперь у меня самой четверо детей. Так душевно хорошо, спокойно, уютно, тепло и надежно, как с бабушкой, мне не было ни с кем. Она могла и ободрить, и сомнения, и тревоги, и грусть развеять, и замечание какое-то сделать — и все тихо, тактично, без нервозности, грубости, нравоучений, с большой любовью. Редко в ком такое встретишь. Мне ее очень не хватает…»

…После смерти отца один из сыновей забрал мать в свою семью. И хоть жилось ей вольготно и спокойно в большом его двухэтажном коттедже, с отведенной для нее светлой, просторной комнатой, она очень скучала по своему дому, который надолго никогда не покидала и очень была привязана и к нему, и к родным своим местам. И, перезимовав у сына в тоске, едва дождавшись весны, с радостью вернулась в свои пенаты. Сделала ремонт, все освежила, провела газ и твердо сказала: «Больше я никуда не двинусь со своего насиженного места; что бы ни случилось, умирать буду в родных стенах». Так оно и сталось…

Вера Филипповна Алтунина умерла 30 июля 2009 года.

Василий Васильевич Алтунин умер 26 сентября 1999 года. Они покоятся под сенью берез, на высоком, живописном берегу Оки, близ родной деревни Песковатое Белевского района Тульской области, где родились и их дети. Это старинное большое сельское кладбище — место упокоения целого рода Алтуниных. Здесь, в одной большой ограде, могилы и их родителей, и других близких родственников. На этой, белевской, земле все они родились. Здесь нашла место своего упокоения и немалая часть их рода.

Сестра свекра Анна Васильевна Ульяхина (по мужу), жившая в с. Иваново Белевского района, учитель-филолог местной средней школы, как и ее муж, много лет возглавляющий эту школу, сыновья и снохи, — целая учительская династия Ульяхиных, отдавшая в общей сложности школе более трехсот лет, очень верно, с большим смыслом сказала, когда собрались на кладбище родные:

— Не надо плакать по брату Василию, надо порадоваться за него. Он прожил долгую, хорошую жизнь. И это великое счастье, пройдя такие военные испытания, лагерь, остаться в живых и найти место своего упокоения на родной земле, на красивом этом, высоком, берегу с видом на Оку, у ног родителей, рядом со своими родными, а ведь подумать страшно, сколько воинов остались неизвестными на поле брани и даже непогребенными. И родные даже не знают места их гибели…

Марфа Васильевна Алтунина (в замуж. Позднякова), старшая сестра свекра, родившаяся и всю свою жизнь прожившая в с. Песковатое, где и похоронена,— тоже фронтовичка. Когда фашисты оккупировали ее родное село, она была молодой и красивой; старалась не попадаться немцам на глаза и изображала из себя старушку, кутаясь в старенькую шаль, управлялась по хозяйству и на скотном дворе, помогая пожилым родителям.

Фашисты расстреляли соседскую семью, заподозрив в связи с партизанами. Однажды недалеко от их села, над лесом, разгорелся воздушный бой. Наш самолет был подбит и, оставляя длинный черный шлейф дыма, скрылся где-то за лесом. Марфуша, с раннего детства прекрасно знавшая здешние места, ходившая в

лес по грибы и за малиной, пошла искать сбитый самолет. И нашла. Двое летчиков были живы, но тяжело ранены. Она перевязала их, оторвав ткань от подола нижней своей рубашки. Стояла поздняя осень, и выпал снег. Она волоком на суконном одеяле притащила их ночью домой, спрятала на сеновале, в сене. А чуть стало светать, выгнала корову, теленка и овец будто бы на водопой к незамерзшей еще Оке, чтобы они затоптали след от волокуши с ранеными летчиками.

Марфуша ухаживала за летчиками, кормила и лечила их. Едва они поправились, переправила их к партизанам, в лес.

Бои на белевской земле шли жестокие. Вода в Оке была целую неделю красная от людской крови; а река вся загромождена раздувшимися до неузнаваемости трупами фашистов и наших воинов, как рассказывала тетя Марфуша. Песковатовские жители, в основном женщины да старики, и она — среди них, баграми их вылавливали и сваливали в общую, глубокую яму на окраине леса — и своих, и врагов. Разобрать, где свои, где чужие, было крайне трудно, почти невозможно, да и не до того было: главное — захоронить и реку очистить, пока не пошла от трупов зараза и не вспыхнула какая-нибудь эпидемия.

«Видя все это, я поняла, что война идет лютая и больше не могла сидеть дома: ушла к партизанам, а от них — на фронт,— рассказывала тетя Марфуша.— Пекла хлеб для фронтовой кухни; была санитаркой в полевом госпитале, стирала окровавленные бинты, солдатские гимнастерки и ухаживала за ранеными бойцами».

…Вячеслав Алтунин, мой муж, посвятил стихи своим дорогим родным, покинувшим этот мир, философски глубинно отразив суть человеческого бытия на земле и ухода в вечность.

ИМЕНА

Тетя Вера. Бабка Маня.
Тетя Марфа. Дядя Ваня.
Вы в родимом Песковатом,
Небольшом и небогатом.
Тетя Нюра.
Дядя Леша.
Шелестит, шуршит пороша…
Вновь я к вам приехал в гости.
Только где ж вы? На погосте.
Птиц возня да ветра вздохи,
А дома — в чертополохе.

И как тихое рыданье —
Тетка Марфа,
Дядя Ваня.
Над Окою, в далях синих —
Бабка Анна.
Дед Василий…

КОРНИ

Что-то хочет сказать мне трава у Оки.
В лепетанье листвы слышен смысл человечий.
Достучаться до сердца хотят родники
Откровеньем прозрачной — пророческой — речи.
Это предки мои, обращаясь ко мне,
Из безмолвья и тьмы прорываются в душу.
В заповедной лесной, полевой тишине
Сокровенное слово выходит наружу.
Мне они говорят: «Мы не сгинули, нет.
Пусть забыли о нас, распрощалися с нами, —
Через темень веков мы выходим на свет
Родниками, травой, деревами, кустами.
Наши души — вот в этом осеннем дожде,
В этом ветре, гудящем в холодных просторах.
И захочешь уйти, а не сможешь: везде
Мы в тебе, мы с тобой. День и ночь, тишь и шорох,
Гул больших городов — мы и в нем. Ты — от нас.
Нет столетий для нас. Мы лишь Богу покорны.

Перемешано все: день и век, год и час.
Неизменно одно лишь: мы корни, мы — корни».

Ноябрь 2011 г.

…В общем-то судьбы моих свекров — это типичная судьба русского человека — трудолюбивого сельчанина, уверенно стоящего на своей родной земле и любящего ее всем своим сердцем. И их фронтовые судьбы — это тоже судьбы миллионов советских юношей и девушек, наравне с мужчинами и кадровыми военными сражавшимися с врагом на всех фронтах Великой Отечественной и мужественно переносившими все тяготы войны, добывая Победу.

История, в том числе и военная, делается не сама по себе. Ее делают люди — народ. Но народ-то составляют конкретные личности — от рядовых до генералов: каждая отдельная личность со своими надеждами, болями и радостями; со всей своей, порой кажется, такой простой, бесхитростной жизнью; та самая единица, то звено, без которого круг не сомкнется.

Мои свекры, Василий Васильевич и Вера Филипповна Алтунины, как и все наши родственники-фронтовики, — уроженцы и Центральной России, и Сибири, Горного Алтая,— те самые единицы в числе миллионов советских людей, которые и завоевали Великую Победу — все ее рядовые.

Среди фронтовиков много,— можно сказать, подавляющее большинство,— как среди солдат, так и среди офицеров, включая полковников, генералов и даже маршалов, выходцев из простых семей, из сельской глубинки, из крестьянства, как и мои свекры. Яркий пример тому — сам Маршал Победы, как окрестил его народ,— Г. К. Жуков. И сегодня, когда определенные силы стремятся умалить роль Советского Союза в Великой Отечественной войне, в завоевании Великой Победы, перекроить военную историю под себя, свои интересы и даже, что вообще кощунственно по отношению к миллионам павших, выставить наш народ не освободителем мира от фашизма, а завоевателем-агрессором; когда возродился неофашизм даже в бывших наших союзных республиках и в странах бывшего соцлагеря и сносятся памятники тем, кто погиб за их независимость, говорить, писать, рассказывать о Великой Отечественной войне надо как можно больше, не обходя стороной каждую личность, каждого фронтовика. Особенно необходимо это делать сегодня, когда неонацизм поднял голову, и вновь русским людям приходится с ним сражаться, теперь уже на территории братской Украины,— кто бы мог подумать об этом тогда, в победном сорок пятом?! — дабы доблесть, мужество и величие духа воинов-предков могли служить вдохновляющим примером.

К великому сожалению, Великая Отечественная война с ее героическими и трагическими страницами для многих современных молодых — и не только молодых — людей становится далеким прошлым, почти легендой. «Прошло семьдесят пять лет, за давностью война становится абстракцией, мифом»,— сказал в одном телевизионном ток-шоу украинский представитель. Доходит ведь до кошмарного абсурда: в год 75-летия Победы появилась украинская компьютерная игра на восьми языках, в которой Гитлер принимает парад в Москве, на Красной площади. И это — небезобидные штучки, не просто игра, как хотят некоторые это представить. Это — способ оболванивания умов: заведомое, убийственное искажение правды о войне. Эту глумливую ересь смотрят миллионы людей и прежде всего молодежь и даже дети, наверное, не подозревая даже, что заглатывают смертоносный идеологический вирус, который приведет к мерзостному заболеванию коричневой чумой, от которой, казалось, навсегда избавили человечество советские воины в сорок пятом, но, увы, вновь пришлось сражаться с возродившимся фашизмом, поднявшим голову. Формируется не просто искаженная точка зрения на военную историю, происходит страшное — закладываются фашистские идеи, фальсифицируются истинные человеческие ценности, а также цена и итоги Великой Победы. Приведенный пример — это лишь один, весьма красноречивый, факт, но подобных жутких примеров можно привести множество. В этом ряду, повторюсь,— и осквернение и уничтожение памятников советским воинам — освободителям, их захоронений; попытки представить Красную Армию не освободительницей народов от фашистского порабощения, а агрессором и т. п. И только подумать! Это делают и наши братья-славяне на Украине, в Чехии, Польше… Коротка же людская память! И прошедшие ад войны, ценой колоссальных потерь победившие фашизм — настоящие герои, уже не привлекают определенную часть молодежи так, как нас, семидесятников, и не только не служат для них примером, а, наоборот, нередко — поводом для глумления. У них — другие ценности и кумиры, чаще из заграничных боевиков и блокбастеров, что особенно больно и страшно…

Вот почему так важно помнить! Помнить и рассказывать о тех, кто воевал, и о тех, кто сегодня поддерживает и возрождает эту историческую память, ратуя за правду и справедливость. Сегодня сохранять историческую память равносильно присяге на верность Родине. Девиз «Никто не забыт! Ничто не забыто!» ныне должен стать реальным воплощением в жизнь. Пришло время говорить не только и не столько о массовом героизме нашего народа, — и это, конечно же, не должно сходить с повестки дня,— сколько о каждом участнике войны, даже если и кажется его вклад в Победу незначительным. Но ведь и большие реки стекаются из малых ручейков, а без таких вот Вер, Вась и Марфуш, о которых вкратце рассказано мной, не было бы и Великой Победы.

Документы из Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО),

свидетельствующие о награждениях моих свекров и М.В. Алтуниной боевыми наградами:

АЛТУНИН Василий Васильевич
Документ в юбилейной картотеке
Дата рождения: __.__.1920
Место рождения: Тульская обл., Белевский р-н, д. Песковатое
Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени
Картотека: Юбилейная картотека награждений
Номер документа: 68
Дата документа: 25.04.1991
Автор документа: Министр обороны СССР
Информация об архиве
Архив: ЦАМО
Расположение документа: шкаф 1, ящик 31

КУТЬИНА Вера Филипповна сержант администр. службы
Дата рождения — 1923
Место призыва: Белевский РВК, Тульская обл., Белевский р-н
Воинская часть: ПВЛ 435 61 А (61 А)
Дата поступления на службу: 03.1943
Наименование награды: Медаль «За боевые заслуги»
Фонд ист. Информации: 33
Опись ист. Информации: 687572
Дело ист. Информации: 2195
Архив: ЦАМО

АЛТУНИНА Марфа Васильевна
Орден Отечественной войны II степени
Документ в юбилейной картотеке
Дата рождения: __.__.1914
Место рождения: Тульская обл., Белевский р-н, д. Песковатое
Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени
Номер документа: 46
Дата документа: 01.08.1986
Автор документа: Министр обороны СССР
Информация об архиве —
Архив: ЦАМО
Картотека: Юбилейная картотека награждений
Расположение документа: шкаф 1, ящик 31

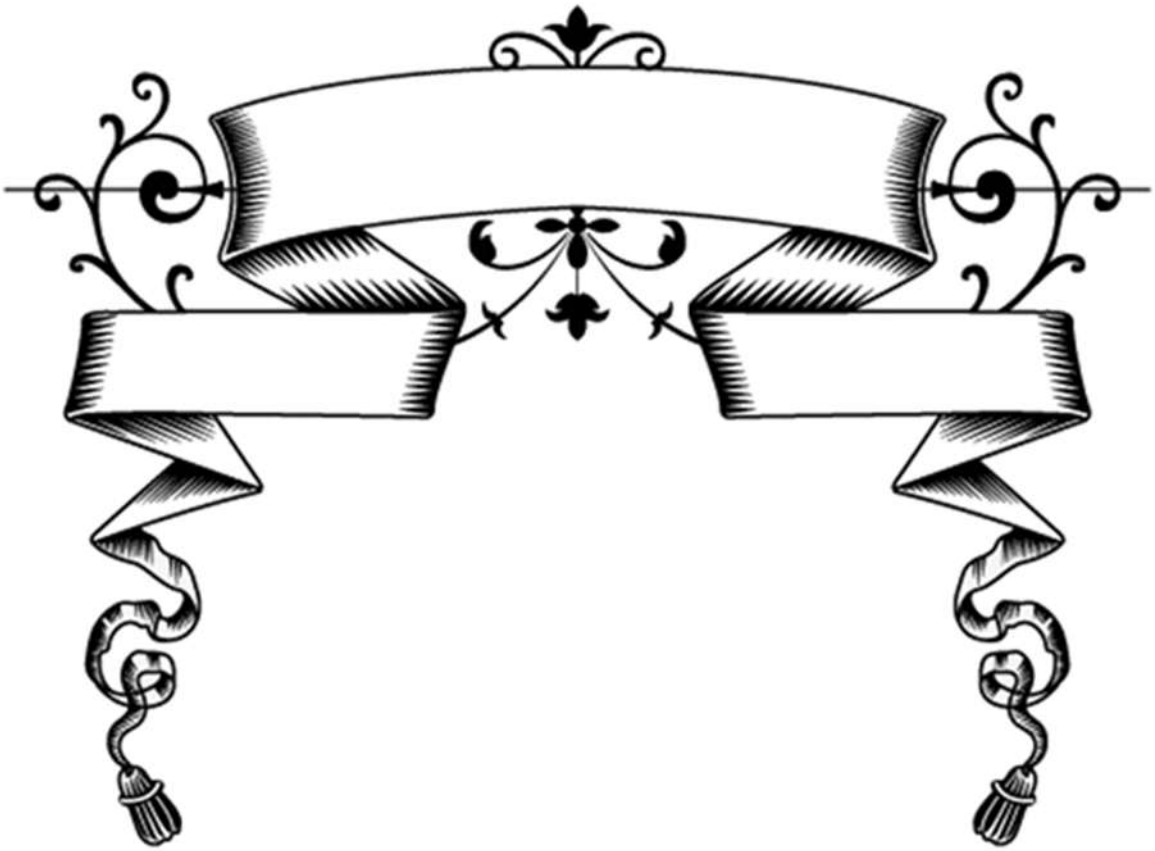
Список книг, где говорится, в частности, и о моих родственниках-фронтовиках, и о свекрах:

1. Алтунина Л. Д. Без вести пропавшие. В сб.: Найти свои корни. М.: Старая Басманная, 2018.— С.198. — С. 165—181.

2. Алтунина Л. Д. Солдат войны полковник Кутепов. Историко-биографический очерк.— М.: Изд-во «Спутник +», 2021. С. 422.

ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ!

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОИНАМ СВО

ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
ПЕТР ЛЮБЕСТОВСКИЙ
МИХАИЛ ДЬЯКОНОВ
ОКСАНА ТЮБЕЕВА
ЯКОВ ШАФРАН
ЕЛЕНА БАРАХОВА
ОЛЬГА ДЕВЯТКА
НИНА ГАВРИКОВА
ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА

ЛЮДМИЛА ПОПОВА
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ОЛЬГА МОРОЗОВА
НАДЕЖДА КУБЕНСКАЯ
ВАДИМИР ТРУСОВ
ЮЛИЯ ЗИМИНА-КОНДАКОВА
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ТАМАРА ТЯБОКИНА
ВИТАЛИЙ КУЗНЕЦОВ

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

Родилась 8 ноября 1949 г. в п. Дубровка Брянской обл. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор шести книг. Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2014 г.). Член СПР, член Международной общественной организации «МСПМИ», член СП Союзного государства. Постоянный автор нашего альманаха

МОИ ПАМЯТКИ

Из документальной повести «Цветы для мамы». По страницам личного дневника

ПЕСНИ

... Сказала мать: «Бывает все, сынок...
Быть может, ты устанешь от дорог.
Когда придешь домой в конце пути,
Свои ладони в воду опусти...»

Ах, эти песни! Возможно ли говорить о них? И как? Конечно, очень сложно словами передать волны чувств, которые живут в песнях и питают жизнь сердца и души. Песни, конечно, бывают разные. Есть веселые, задорные, плясовые, частушечные. В нашем доме прижились лирические. Жизнь русских людей никогда не бывала легкой. Она проходила в постоянных, часто непосильных, трудах, в заботах, держалась на великом терпении. Лирические народные песни, которые пришли к нам из далеких времен, донесли до нас надежды человека на лучшую долю, его мечты о счастье и добре, желание справедливости… Стихия высоких чувств прорывается в русской песне сквозь страдание, боль души, сердечную печаль. Вот почему наша песня всегда с грустью. Эта особенность перешла в лучшие советские лирические песни. Мне кажется, что и понятны они только нашему человеку, живущему одной судьбой со своим народом на родной земле.

Если бы я снимала фильм о русской песне, я начала бы его с картины: в кадре — необозримое поле, колосится густая рожь. Ветер шевелит спелые колосья, волной пробегает по бескрайней ниве, и теплом полнится сердце: богатый будет урожай, накормит поле тех, кто вложил свой труд в эту красоту. А потом видится мне лес, зеленый страж безмерного богатства земли. И в ясном небе, в бесконечной голубой выси — белые облака… Такой знакомый-презнакомый пейзаж среднерусской равнины. Нет простору конца и края. Раскинул крылья парящий под облаками орел, обозревая с высоты свои владения… И летит вдаль песня, вбирает в себя мелодия шум ветра, шелест берез, перекличку вольных птиц… И нет таких слов, чтобы описать красоту и силу звуков, сливающихся с музыкой земли… И не найдется такой души, которая не отозвалась бы этой песне…

Природа наделила всех в нашей семье и любовью к песне, и голосами. Бабушка до глубокой старости много пела. От нее мы узнали и застольные, и народные лирические. Она понятия не имела о музыкальной грамоте, но чувствовала мелодию в тончайших нюансах, ее слух улавливал мельчайшие звуковые оттенки. Бабушка учила нас: «Петь — это не рубить топором. Заводите тоненько, протяжно. Учитесь тон понимать. Вот как»… И сама показывала, как нужно. Чистым, красивым, трепетным голосом заводила: «Ничто в полюшке не колышется, только грустный напев где-то слышится…» Можно было заслушаться…

Мама унаследовала бабушкин певческий талант. Как пела мама в молодости, я, конечно, не слышала. Знаю только, что именно ее пение тронуло сердце молодого паренька из соседней деревни, моего будущего отца; через песню он распознал в скромной, бедной девушке родственную душу и потянулся к ней.

Был случай, когда мама потеряла голос. Как-то деревенская молодежь шла после вечеринки из Долгого к себе в Узкое. Дело было зимой, задувал ветер, наметало поземку. Мама, как всегда, запевала, другие подтягивали. Вот и напелись. Утром мама совсем не смогла говорить. Через некоторое время голос вернулся, но высокие звуки ей уже никогда не давались. Зато она прекрасно подбирала вторые партии, и когда мы пели на два голоса, это было что-то особенное… Я подпевала, потому что знала все мамины и бабушкины пес-

ни. У меня был слабый голос, но, как выяснилось, отличный слух и красивый тембр. Мы частенько пели втроем (бабушка, мама и я), объединившись в одном настроении, в одной любви к природе, к жизни…

Пели дома вечерами. С песней шли из леса с полными корзинками грибов. Пели за работой в огороде и в саду. Конечно, в праздники. У нас были любимые:

Сквозь полудрему и сон
Слышу малиновый звон.
Это рассвета гонцы —
В травах звенят бубенцы…

В горе песня помогала маме оправиться от болезни, утешала в невысказанной грусти. Пение было для нее откровением сердца. Если мама тихо напевала — значит, ей было не весело. А когда приходила радость, она мне говорила: «Давай споем вместе»… И всегда — песня… Она сопровождала ее, а потом и меня, по жизни. Помню, как мама пела в ансамбле учителей нашей, Дубровской, школы. Там ее голос сливался с другими, но я все равно слышала маму, ее глубокий, красиво оттеняющий сопрано распев, в котором было, как мне казалось, помимо мелодии, что-то еще, что шло от жизни, от сердца, из самой души… Мы и любили именно такие песни, без фальши, искусственного надрыва, голосовых эффектов…

Когда сегодня я слышу современных исполнителей, которые стремятся петь «на разрыв», изображая надуманные страсти, такие далекие от искреннего человеческого чувства, я опять вспоминаю прекрасное лицо мамы, когда она пела свои песни. Она внутренне преображалась, как будто становилась моложе, как будто возвращалась в далекую юность… Для этого не нужно было петь громко. Тихая, нежная мелодия проникновеннее и задушевнее…

В последний год жизни мама очень любила «Берега». Это было в начале двухтысячных, точнее, в две тысячи седьмом году. Сама песня появилась, конечно, раньше, но мама «услышала» ее именно тогда.

Памятка

Помню, как я приехала в Дубровку из Брянска в выходной день, не успела еще отойти от порога, как мама сообщает: «Какую я песню услышала! Как будто про меня». И запела эти «Берега»:

Берега, берега — берег этот и тот,
Между ними река моей жизни…

Очень жалею, что не поддержала тогда мамино чувство, не поняла ее, отнеслась прохладно и к словам, и к мелодии. Это теперь они обжигают душу воспоминанием. Помню, что мама тогда огорчилась, хоть старалась не подать вида.… Сейчас я бы сразу запомнила слова, и мы спели бы вместе… Но вернуться в прошлое уже не получится. Есть то, что исправить нельзя.

Были у нас и другие песни.

После Великой Отечественной войны мамины братья, Егор и Митя, уехали из своей деревни на Украину, как говорится, искать счастья. Уехали от бедности, чтобы помочь и нам. Украина представлялась тогда сказочно богатым краем. Так и было на самом деле.

Братья стали шахтерами на Донбассе, прижились там, нашли свои семьи. Шахтеры в то время получали большую зарплату. Действительно они помогали бабушке, маме и мне. Их посылки приходили к нам в Дубровку, мы ждали их, как праздника. Однажды приехали мы с бабушкой в гости к братьям в этот сказочный край. Богатые продуктами и разными товарами магазины. Нарядные женщины, чистые улицы, аккуратные дома. И люди — веселые, дружные, с заметным достоинством в походке и выражении лиц. Одним словом — Украина. Побывали у Мити, собрались все в доме у Егора. Его красавица-жена с косой по-украински вокруг головы хлопотала за столом; угощали нас как самых дорогих гостей. Сбылась бабушкина мечта — посмотреть своими глазами, как живут сыновья.

Побывали у Мити на даче, в его зеленом раю. Ели там его оригинальный суп — куриный бульон, густо приправленный свежей зеленью. До сих пор помню тот чудесный аромат зеленого супа. Конечно, звучали за столом наши песни, которые Митя и Егор, оказывается, никогда не забывали. «При лужке, лужке, лужке, при знакомом поле, возле дома да моего конь гулял на воле!..» Разносилась песня по райскому саду, и стирались границы между людьми, живущими далеко друг от друга. Что за чудо — песня матери и сыновей! Вот тогда я хорошо поняла, что все мы — одна семья. Не разлучат нас расстояния, куда бы ни забросила каждого судьба. Песни — наши скрепы на дорогах жизни.

Мы уезжали, нагруженные подарками, с радостным настроением на долгое время вперед…

Но своя земля, как говорится, тянет. Как только Митя и Егор получали отпуск, они ехали к нам, в Дубровку. Встречи с сыновьями были материнским счастьем бабушки. Ей было чем гордиться. Оба добрые, трудолюбивые, честные. Веселые. Труд шахтера неимоверно тяжел. Работа под землей на износ, в духоте, на

пределе сил. Не говоря уже об опасности. Они не один раз оказывались в завалах при взрыве метана. Их спасали. Заработали болезни: были «запыленниками», как большинство шахтеров. Каждый жил своей жизнью, но держались друг за друга, по опыту знали, как важна взаимопомощь, поддержка друзей и родных. В трудных условиях лучше понимаешь, как это дорого — жить дружно.

Егор и Митя много рассказывали о своей работе. Разговоры велись без конца. Маме и бабушке все было интересно. Дни, пока братья гостили у нас, летели стремительно. Нужно было побывать у озера, порыбачить; навестить грибные места в лесу. А сколько дел переделать! Бабушка старалась повкуснее накормить сыновей; наши трапезы были праздничными. А вот в конце дня, когда дела завершены и некуда торопиться, начинались песни.

Теперь к нам присоединялись братья, создавая полноценный семейный хор.

У Егора был прекрасный баритон. Он пел ровно, спокойно, широко, а у Мити с голосом происходило что-то особенное. Кто не слышал цыганское пение? Вот так пел Митя. Он выводил мелодию с какими-то руладами, эмоциональными перехлестами, с мелизмами. В нашем многоголосом хоре он вел свою партию по-своему и в то же время не выбивался из общего звучания, а лишь добавлял особенные краски, особенную волну чувства, и мы сами настраивались на его волну. Кстати, он и говорил как-то по-особенному, нараспев и внешне очень отличался от брата. Егор высокий, стройный, широкоплечий, чуб волной, как говорится, весь в отца. Митя — небольшенького роста, темные волосы, жгучие черные глаза. Больше взял от матери, но загадочно передалось ему, наверное, что-то от давнего родства, которое уже никто не помнил. В детстве его так и звали Митька-цыган. Кстати, у него тоже была привычка все время напевать, когда он что-то делал. Косит траву — напевает, ремонтирует забор — напевает… Без слов, а так — мелодию. И опять же как-то по-цыгански… Таборных песен я от него не слышала, что не удивительно. Ведь узнала я маминых братьев, когда они уже поселились далеко от нас.

Митя и Егор привозили песни с Украины. Они почему-то сразу запоминались. Песни были и веселые, и грустные. Нам нравился напевный язык, а пелось о том, что и нам было близко и дорого: о любви, о родной природе, о матери…

Рідна мати моя, ти ночей не доспала,
Ти водила мене у поля край села,
І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала,
І рушник вишиваний на щастя дала…

В мелодиях было то, что нас объединяло и радовало. Слова, близкие, добрые, пелись сердцем и оставались там навсегда. Украинские песни сокращали расстояние между нами. Далекая Горловка, где жили Егор, Митя и другие русские люди, казалась ближе. Как будто до нее — только рукой подать…

Время! Вот уже полвека прошло, и песни эти редко теперь поются, а я все еще помню:

Ніч яка мисячна, зоряна ясная,
Видно, хоч голки збирай…
Вийди, коханая, працею зморена,
Хоч на хвилиночку в гай!

Нужен ли перевод?

Украинские песни прилетали из другого мира, но в нем тоже царили любовь и добро. Когда Митя и Егор уезжали, мы пели эти песни всегда, как бы продолжая общение, преодолевая огромное расстояние между нами…

Сегодня они не поются. Потому что напоминают о том, о чем тяжело думать. Митя и Егор давно похоронены на шахтерском кладбище недалеко от Горловки. Мы были там с мамой еще задолго до страшных событий. На скромных памятниках — имена и фамилии тех, кто посвятил свою жизнь шахтерской профессии. Здесь нигде не указано, кто русский, кто украинец. Все равны. Все одна семья. Всем равно платится за труд уважением и памятью. Все они — на одном берегу.

Что теперь с этим кладбищем? Что будет с многострадальной Горловкой? Удивительно, но, выдерживая смертельные обстрелы, она еще жива, а, значит, еще есть и там кому хранить память о дружбе. Мы храним. В коротких телевизионных репортажах оттуда я пытаюсь разглядеть среди разрушений очертания знакомого дома, зеленого дачного Митиного рая, улицу… Вглядываюсь в лица — не мелькнет ли вдруг среди других знакомое, того, с кем потеряна связь. Пока не увидела, не узнала… Это дает надежду.

Как могло случиться, что нашлись люди, которые отказались от своего исторического родства? Откуда проникли в их души ростки неприязни, чуждые нашим народам? Почему забыли они то, о чем сами придумали песни?.. Конечно, мы знаем ответ. Но хочется верить, что это не навсегда.

… Парит орел над золотой нивой. Он видит сверху больше, дальше, чем мы. Летит не суетливо, широко, вольно… Значит, нет ему преград, не боится он ничего… И уносится вдаль песня на крыльях ветра, отзываясь в сердцах людей. Может, и затихнет на время, вот, как сейчас, но обязательно возродится вновь. Пото-

му что добро — вечно.

... Я візьму той рушник, простелю наче долю,
В тихім шелесті трав, в щебетанні дібров.
І на тім рушничкові оживе все знайоме до болю —
І дитинство, й розлука, й твоя материнська любов...

Давно нет наших семейных песенных посиделок. Мой сын поет в академическом хоре. Это уже другие песни, и поют их другие люди. Но когда вдруг где-то зазвучит «наша», вздрогнет сердце, потревоженное воспоминанием. «В этот вьюжный, неласковый вечер, когда снежная мгла вдоль дорог, ты накинь, дорогая, на плечи оренбургский пуховый платок…»

Все-таки великим даром дается человеку память. Поэтому прошлое всегда с нами, как наше богатство, каким бы оно ни было. И можно этим богатством поделиться с другими. Вот я и поделилась.

Людмила ПОПОВА

г. Москва

Попова Людмила Александровна — член АРЛ, СРП, редколлегии Международного журнала «Новые витражи». Сотрудник Минвнешторга и МИД России. Диплом с отличием ВГУ, факультет РГФ; курсы Академии Минвнешторга, курсы Литературного института им. М. Горького. Автор шести книг. Печаталась в «Роман газете» (2016 г.). Дипломант Международного конкурса «Созвездие духовности» (2017 и 2019 гг.) Наш постоянный автор.

ОСТАП И МИКОЛА

Очнулся Остап, вокруг никого. Видно, ребята приняли его за убитого и ушли. А может, он один в живых остался? Прислушался: только ветер в кронах деревьев стонет. Никого не слышно: ни людей, ни птиц. И сумерки надвигаются. Попробовал встать, но движение вызвало резкую боль в животе. Он упал на спину и забылся. Когда очнулся снова, разглядел наклонившегося над ним человека.

— Ну, чего браток, не могешь идти? Я подсоблю.

Слава Богу, свой, не враг. Остап глубоко вздохнул и опять содрогнулся от жуткой боли.

— Щас, браток, потерпи малость, щас,— тихо успокаивал его голос.

Говорил по-русски. Москаль стянул с себя гимнастерку, потом рубаху. Рубаху разорвал на две части и перевязал Остапу рану на животе, отчего тот застонал сквозь зубы и потерял сознание. Когда пришел в себя, почувствовал, что ползет спиной по земле. Кто-то волок его на подстилке, сделанной из палок и солдатской гимнастерки. Тот, кто тащил, видно выбился из сил и склонился над Остапом.

— Жив, браток? Ну, держись. Ты, видать, крепкий малый. Я тебя до деревни дотащу. Недалече деревня есть. Там люди нам помогут.

Он растянулся рядом с Остапом, и тот, повернув голову, заметил черное от крови плечо.

— Ты тоже ранен,— пробормотал он. Боль в животе мешала говорить.

— Ах, ерунда по сравнению с твоей раной. Ногу жаль тоже ранило, идти быстрее не дает. Ну, да все равно доберемся, так же? Ты потерпи, ладно? Как звать-то тебя?

— Остап.

— А меня Николай. В деревне меня кликали Микола.

— Спасыбо тоби, Мыкола…

— Да не за что. Ты разве не поступил бы так же? Щас отдохну маленько, и дальше двинемся. Не больно тебе, когда волоку?

— Трошки…

Так они долго пробирались по лесу. Микола тащил братка до изнеможения, потом отдыхал, и снова в путь. Один раз он ушел, как показалось Остапу, надолго. «Кинув мене, тяжко тягти»,— подумал Остап, но Микола появился с кружкой воды.

— Тут родник есть, попей, сил прибавится. Говорят, это святой источник. Вроде как кровь земная, целебная. Мы ведь дети ее, землицы нашей… Попил? Еще принести? Кружку я возле родника нашел. Добрый человек для странников оставил. Для нас с тобой тоже. Теперь уже деревня почти рядом. Вернее не деревня, а хутор. Несколько семей живут. Поскорей бы до них добраться…

Они оба задремали на сухих листьях, которые сгреб в кучу Микола. Проснулись от солнечных лучей, гуляющих по лицу и векам. Где-то в ветвях громко и радостно чирикала птичка. Весна. Сквозь сухие листья пробивались к солнцу синие пролески. Такая благодать вокруг, словно никакой войны и в помине! Но вдруг раздался выстрел, и птичка смолкла, будто ее подстрелили. Послышался лай собак. Все ближе, ближе. Так брешут не глуповатые и добродушные деревенские псы, но обученные, яростные.

Микола поспешно вскочил и стал закидывать Остапа ветками и сухими листьями.

— Шо ты робиш? — удивился и испугался Остап.

— Ты еще совсем молодой, чтобы помирать. А я уже пожил…

Засыпав Остапа, Микола упал сверху на кучу. А фашисты с собаками уже совсем рядом. Увидели раненого полураздетого солдата на куче хвороста, выпустили очередь ему в спину и поспешили куда-то дальше, увлекая за собой собак.

Остап долго лежал, боясь пошевелиться. Когда собачий лай совсем утих, раздвинул ворох веток и листьев, кряхтя и стеная от боли, отпихнул в сторону лежащего на нем Миколу и нащупал пульс на его руке: живой…

Теперь они поменялись ролями: Микола лежал на подстилке, а Остап, лежа на спине, продвигался вперед и тащил, тащил, рыча от боли, останавливаясь, когда ускользало сознание. Желание спасти друга удвоило ему силы…

Шаги совсем рядом, шорох веток. Остап так и застыл от ужаса: неужто снова фашисты? Детская головка показалась из-за ствола дерева. Испуганные, любопытные глазенки.

— Дяденька, ты хто? Партизан?

И головка снова спряталась за дерево.

— Та, свой я, свой, хлопчик, не страшись! Поможи нам! Зо мной друг раненый. Позови мамку или ще кого!

— Ладно,— ответил мальчишка.— Оставайтесь здесь. Я мигом... Я бегом...

Говорят же, что ждать и догонять труднее всего. Долго не возвращался хлопчик. Остап совсем извелся, прислушиваясь, не идет ли кто. Не так за себя, как за Миколу переживал.

— Слухай, друже, не помирай, Христом Богом тебе прошу! Я тебе бильше брата ридного полюбив. Не помирай, браток! Щас приде подмога…

Наконец, появились две женщины и старик с ручной тележкой. Погрузили Остапа на тележку. Взялись было за Миколу да и остановились: а он мертвый, друг твой. Еще бы, вся спина изрешечена…

— Нет, вскричал Остап,— не може того буть!

И заплакал, как дитя малое. Стал просить, чтоб и Миколу положили рядом с ним в тележку. Ему говорят, за Миколой потом придут, а он ни в какую, положите рядом со мной, твердит. Положили их вдвоем. Одна женщина со стариком впереди тянут за жерди, а вторая сзади подпихивает. Везут их в деревню, а Остап все плачет, не успокоится никак: ты мене спас, собою закрыв, а я тебе не убериг...

Открыл Остап глаза, вытер слезы, огляделся. Вокруг бойцы батальона храпят. Рано он проснулся, но спать больше не хочется. Встал и вышел из палатки. В который раз переворошил в памяти события прошлой недели. Микола, которого он каждую ночь видит во сне, это же тот самый парень...

Пару недель назад остановили они с хлопцами на дороге фуру с москалячьими номерами. Водителей двое. Один покладистый, все готов сделать, что прикажут, а второй строптивым оказался.

— Что вы, как бандиты, орудуете! Нам поручено доставить груз в целости и сохранности. Не имеете права останавливать! У нас все документы в порядке. Не смейте открывать! Не трогайте ничего!

Одним словом, достал всех. Ну и врезали ему по полной. Избили до полусмерти. Второй, покладистый, еле затащил напарника в кабину. Никто ему не мешал, но и помогать не стали. Уехали москали порожняком. Весь груз из фуры вытащили: ящики с продуктами и напитками. Что съели, а что разбросали на обочине дороги. Кто-то из братвы потом паспорт нашел на имя Николая Петровича Воробьева...

С той поры по ночам снился Остапу этот москаль Николай. Сон повторялся до мельчайших подробностей, вот только во сне не дрались они с москалем, а спасали друг друга. И каждый раз просыпался он с промокшим от слез лицом.

Да что же это такое?! Доколе ему так мучиться?! Кто-то присоветовал к знахарю пойти, колдуну, говорили, что помогает.

Отправился Остап. А что делать? Приходит к колдуну. Тот усадил его за стол, сам сел напротив. Какую-то черную бурду по тарелке размазал, долго ее разглядывал и что-то бормотал. А потом и говорит:

— Узнал я все. Твой дед, который в войну с фашистами воевал, приходит к тебе во сне и по другу погибшему твоими слезами плачет…

— Ну и шо мене зараз робить?

— От деда тебе надо отделаться.

— Так вин вже давно на тому свити.

— Его нет, а память осталась. Могу память о нем у тебя вытравить, будто бы его никогда не было.

Чуть было не согласился Остап. Потом одумался и отвечает:

— Не хочу я память о диди вытравлять. Вин гарный був. Я з ним и на рыбалку, и в лис по грибы ходив... Вин мене жалував. Не хочу я его забувати!

— Тогда,— пожал плечами колдун,— не знаю, что с тобой делать.

Мир не без добрых людей. Кто-то еще совет дал Остапу:

— А ты в церковь к батюшке не ходил? Ну, так сходи! Он поможет лучше колдуна.

Разыскал Остап церквушку. Стекла выбиты, стены осколками выщерблены, стоит, как израненный солдат после боя.

Вошел, а внутри и того хуже: все будто выпотрошено. Остановился, головой водит, изумляется. И не заметил, как старый священник появился. Смотрит на Остапа печально и говорит:

— Ничего здесь не осталось, нечем тебе поживиться. Все разбили и растащили…

— Я за помогой прийшов,— пробормотал Остап, боясь, что прогонят.

Рассказал он святому старцу свою историю. Тот выслушал внимательно и отвечает:

— Неспроста тебе сон такой снится: Микола, водитель фуры, которого вы недавно безжалостно избили на дороге, внуком доводится тому, кто жизнь за твоего деда отдал в войну с фашистами.

— И шо мене зараз робити, навчи, святий отче?! Немае кинця моим мукам.

— Вот,— говорит старец,— остался у меня обломок свечи. Держи в руке, пока догорит, и про деда вспоминай. Он тебе подскажет.

Зажег батюшка кусочек свечи и подал Остапу…

С той поры пропал куда-то Остап. Сгинул. Никто из приятелей его больше не видел. Кто говорит, что он в родную деревню вернулся, где дед похоронен, кто доказывает, что он к москалям подался. Кто-то даже рассказывал, что среди защитников Донецка видел парня один к одному похожего на Остапа. А точно никто не знает. Точная судьба Остапа только деду да Богу известна...

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

г. Сельцо Брянской области.

Петр Петрович Любестовский родился в 1947 г. на Смоленщине, в селе Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Тверской госуниверситет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работал учителем в школе, преподавателем в колледже. Публиковался во многих еженедельниках и журналах. Автор четырнадцати книг прозы. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов. Победитель Международного литературного конкурса им. К. Симонова (2019, 2023), Международного литературного конкурса им. А. Жаренова «Живой Родник» (2019, 2022). Лауреат Международного литературного музыкально-поэтического конкурса им. М. В. Исаковского «Связь поколений» (2022). Финалист Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2013), Международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце» (2021, 2022). Член СПР и СЖР. Руководитель ЛИТО «Парус». Наш постоянный автор.

ДОБРОВОЛЕЦ

Рассказ

Сергею Хохлову посвящается

«Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной…»

Владимир Высоцкий

В ту осеннюю ночь Андрей Акулов долго не мог уснуть. Забылся только под утро коротким тревожным сном, когда по оконному стеклу ударили первые капли дождя, подхваченные неистовым ветром.

Андрею снился сон из боевого прошлого.

Кругом горы, поросшие мелколесьем. Вдали виднеется ущелье. Он во главе отделения разведки пробирается сквозь чащобу: десантникам поручено проверить «зеленку» у селения Шали. Командование получило секретные сведения, что на село ближайшей ночью готовится нападение «духов».

Под покровом сумерек разведчики выдвинулись на исходные позиции, изучили местность. У входа в

ущелье одному из бойцов удалось обнаружить противопехотную мину, которую он тут же обезвредил. Командир дал задание основательно обследовать это место. В ходе поисков разведчики обнаружили хорошо замаскированный бункер с оружием. Акулов собрал подчиненных, поставил перед каждым из них задачу: затаиться и вести наблюдение — боевики должны появиться здесь, вблизи бункера.

Несколько часов бойцы лежали неподвижно. Только в полночь боевики вышли к бункеру. Это была небольшая группа, по численности не превосходившая десантников. Акулов распорядился не поднимать шума, и как только «духи» попытаются завладеть оружием, напасть на них и провести операцию без единого выстрела. По сигналу командира десантники бросились в рукопашную. Бойцы не подвели — сработали безупречно, не дав опомниться боевикам.

Не теряя времени, командир приказал десантникам замести следы, сменить позицию, затаиться и ждать подхода основных сил противника. Боевики подошли тихо, по-звериному неслышно, словно чувствуя опасность. Разведчики взяли их в полукольцо, и Акулов условным сигналом дал команду открыть огонь на поражение.

Ближе к полудню усталые десантники возвращаются на базу. Акулов несет на плечах раненого бойца. Душно, невыносимо жарко под палящим южным солнцем. Соленый пот застилает глаза, ручейками катится по спине. Ужасно хочется пить. Акулову кажется, что в густых зарослях, у подножия нависшей скалы, журчит ручей. Он дает подчиненным команду: «Спуститься вниз, умыться, напиться…»

Андрей просыпается, открывает глаза, вытирает со лба пот и слышит, как за окном хлещет дождь. Вздыхает с облегчением:

«Надо же, прошло уже более четверти века, а все еще снятся события, связанные со службой на Кавказе, те жестокие схватки с боевиками, ранение, полученное во время одной из операций, госпиталь, излечение, возвращение в строй и новые боевые операции. Картины тех лет прочно врезались в память и наложили свой отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь и, похоже, будут преследовать меня до конца дней. Хотя и дальше жизнь не баловала...»

После увольнения в запас Андрей поделился с матерью:

— Мам, только не волнуйся — у меня есть задумка рвануть на Север. Там живет мой армейский друг Юрка Суздальцев, которого я вынес тяжело раненным из горного ущелья и спас ему жизнь. Недавно я получил от него письмо. Юрка устроился работать на шахту и меня зовет: «Брат, приезжай в наш суровый край. Здесь крепкие, надежные ребята очень нужны».

— Сынок, дорогой, в шахте надо иметь стальное здоровье. Да и опасность там подстерегает на каждом шагу. Зачем тебе бросаться из огня да в полымя? — с горечью выдохнула мать.— Лучше отдохни и устраивайся здесь, на родине, живи в отчем доме, заводи семью. Пока у нас с отцом есть здоровье — поможем тебе встать на ноги.

— Мам, здесь я гол, как сокол. А там жилье обещают, зарплата хорошая. Обживусь, тогда можно и о семье подумать. Здесь же я буду жить от получки до получки, да еще с вас тянуть копейки, а это последнее дело. А когда дети пойдут — траты возрастут. И как их поднимать, живя в постоянной нужде?! Здоровье пока не подводит, а риск для меня — дело привычное. Отец меня, надеюсь, поймет.

— Сынок, мы тебя два года не видели, ждали, дни считали, молили Бога, чтобы ты вернулся живой и здоровый, а ты не успел приехать — решил покинуть нас, чтобы мы опять не знали покоя. Сердце мое изболелось за эти тревожные годы.

— Мам, я ведь уеду не навсегда. Как только окрепну материально, вернусь на малую родину, буду помогать вам на старости лет, а вы внуков своих поможете присмотреть. А пока сестра Наташа о вас позаботится.

Андрей уехал, устроился шахтером. «Работа в забое тяжелая, но на трудности не жалуюсь — с детства приучен к труду,— писал он родителям.— Пройдя горнило военных испытаний, я получил очень хорошую закалку. Это помогло мне быстро влиться в шахтерский коллектив и давать ежедневную норму выработки угля».

Начальник смены заметил крепкого, смекалистого парня, не робкого десятка и порекомендовал его в горные спасатели. Андрей дал согласие и после прохождения курсов специальной подготовки пополнил отряд горноспасателей на родной шахте.

Работа горноспасателя связана с большим риском. Акулову не раз приходилось выручать своих ребят из огня, завалов и затоплений, работать в загазованной среде, когда кислород в аппарате был на исходе, и Андрей сам, случалось, был на грани гибели. Но ему удавалось выполнить главную задачу — спасти шахтеров, которым грозила верная смерть.

Спустя годы Акулов вернулся на малую родину с сыном-студентом. Андрею было уже под пятьдесят. Он был льготный пенсионер.

— А жена где? Почему Ира не приехала,— поинтересовалась у сына мать.

— Мам, Ирина осталось на Севере, чтобы доработать пенсионный стаж, а мы с Игорем пока будем обустраиваться здесь, поближе к вам.

Андрей поселился в отчем доме, стал помогать престарелым родителям по хозяйству. Но ему хотелось самостоятельно встать на ноги: построить на родной земле большой дом, заложить сад, развести живность.

В эту пору шли тяжелые бои на Донбассе. Фашизм поднял голову. Враг денно и нощно бомбил непокорные шахтерские города и поселки, в которых гибли ни в чем не повинные женщины, старики, дети. Не получая должного отпора противник вплотную подобрался к нашим границам. На помощь бесстрашным защитникам Донбасса, нашим братьям-славянам пришли российские войска. В стране была объявлена частичная мобилизация для проведения специальной военной операции по освобождению территорий и населения Донецкой и Луганской народных республик от нацистов.

Андрей не мог оставаться равнодушным к событиям в соседней стране, некогда входившей в состав общего с Россией государства. Там проживали его родственники и боевые друзья, с которыми он бок о бок сражался на Кавказе. Бойцы не раз выручали друг друга в неравном бою, вынося на себе истекающих кровью собратьев, делились друг с другом последней краюхой хлеба и последним глотком воды.

Решение созрело в считанные дни. Андрей сказал отцу:

— Надо отправляться туда, где идут жестокие бои, где на передовой сражаются вчерашние мальчишки, студенты, курсанты военных училищ и донецкие шахтеры, взявшие в руки оружие, чтобы отстоять свою землю и свой народ от врага. Пусть мой возраст не призывной, но я пойду добровольцем. Уверен, мой опыт будет востребован. Отсиживаться за чужой спиной не в моих правилах. Но как объяснить матери, у которой больное сердце? Придется пойти на хитрость, иначе она не переживет…

Улучив подходящий момент, Андрей обратился к матери:

— Мам, не хотел тебя огорчать, но лучше сказать все начистоту. Ты должна меня понять. Вчера вызывали в военкомат — вручили повестку. Обстановка на фронте сложная. Враг у наших дверей, и он никого не щадит, ни детей, ни стариков. Дали неделю на сборы.

— Сынок, милый,— заплакала мать.— Как же так? Я слышала, что мужчин призывают только до сорока пяти лет.

— Военком сказал, что тех, кто уже имеет боевой опыт, призывают до пятидесяти. Такие бойцы и командиры — наш золотой запас,— заметил он.— И мы выбираем из них самых крепких и надежных. Ты служил десантником да еще в разведке — на таких спецов у нас сейчас особый спрос.

— Сынок, у тебя же со здоровьем много проблем,— напомнила мать.— Двадцать лет работы на шахте даром не проходят. Надо было объяснить, что имел ранение во время службы на Кавказе, что на шахте получил травму...

— Мам, в военкомате имеется мое личное дело, которое там хорошо изучили, и знают про ранение и про травму. Более того, перед вручением повестки мне назначили врачебную комиссию, которую я прошел без каких-либо ограничений.

— Сыночек, родной, я не переживу новой разлуки — буду постоянно думать о том, как тебе там тяжело приходится в схватке с этими злодеями, не попал ли в плен, не настигла ли шальная пуля.

— Мам, не переживай. Я опытный и везучий. Со мной ничего не случится — вернусь живым и здоровым,— успокоил он мать.

Акулов заключил контракт на три месяца и отправился на Кавказ, в город Гудермес, где в Российском университете спецназа (РУС) проходят подготовку добровольцы СВО со всей России. Там в течение недели под руководством опытных инструкторов Андрей освоил новые виды армейского вооружения, участвовал в стрельбах, изучал основы тактики ведения боя.

По истечении срока подготовки Акулов получил направление в Луганскую народную республику, под Лисичанск, который был в ту пору прифронтовым городом.

Сводки из зоны боев были тревожными. Родители волновались, знали, как тяжело приходится сыну на передовой. Изредка он выходил на связь — сообщал отцу:

— Все идет нормально. Воюем. Ребята в роте — настоящие братья. Делятся последним. Каждый готов броситься на выручку в любую минуту. Питание в норме. Снабжение хорошее, с боеприпасами, обмундированием и экипировкой проблем нет.

— Береги себя, сынок,— напутствовал отец.— Не бросайся в пекло с горячей головой. Бери врага хитростью. Ты же знаешь, что у матери больное сердце. Она не спит ночами, молится за тебя, переживает, ждет весточки от тебя, считает дни и часы, когда ты вернешься домой.

Прошло более трех месяцев, когда Андрей перестал выходить на связь. Что только не передумали за это время родители! Отец написал запрос в министерство обороны, и оттуда пришел ответ, что сын жив, проходит лечение в госпитале после ранения.

А вскоре позвонил Андрей, сообщил:

— Я нахожусь в госпитале. Будучи в разведке, попали с ребятами под обстрел. Получил небольшое ранение в руку. Прооперировали, извлекли осколок. Не волнуйтесь, мои дорогие. Опасность уже позади. Рана заживает. Иду на поправку. Скоро встретимся.

После госпиталя Андрей прибыл домой.

Была ранняя осень. День выдался теплым, солнечным, благодатным. Березы у родного дома отсвечивали золотом. В палисаднике цвели яркие, душистые цветы. А на высоком голубом небосводе виднелись кочующие островки белых пушистых облаков. Увидев близкую, волнующую до боли сердце картину, Андрей почувствовал, как резко запершило в горле, как затуманились глаза…

Радости встречи не было предела.

— Дождались, слава Богу! — уронила слезу мать, прислонив голову к груди сына.— С рукой-то как, Андрюша, хоть немного работает?

— Все в порядке, мам, видишь, как крепко обнял тебя обеими руками,— улыбнулся Андрей.— Врачи сказали — восстановится, надо только поработать.

— Куда тебе работать? Отдохни хотя бы теперь, после такой передряги,— вскинулась мать.— Сынок твой, Игорек, нам хорошо помогает — огород весной вместе сажали, теперь вместе убираем урожай. Грибами и ягодами снабдил. Каждый день на велосипеде в лес мотается и приезжает с полным рюкзаком.

После обеда Андрей с отцом уединились в саду.

— Да, богатый нынче год,— заметил Андрей,— и яблоки, и сливы, и вишни, и груши уродились. Всего хватает. Только бы жить да жить в мире. Но кому-то это не по нраву. Завидуют России-матушке, все норовят ее ослабить, раскромсать, сделать так, чтобы мы жили под их диктовку. Но этот их номер не пройдет. Не знают они истории, не знают, через какие испытания довелось пройти нашему народу на своем веку, не знают, что из любых испытаний мы выходили еще более сильными, еще более окрепшими. И на этот раз не подкачаем. С таким народом нас никогда не победить. Я видел там, на передовой, как сражаются наши бойцы, как жертвуют собой, чтобы Родина жила и процветала…

— Туго там приходилось, сынок? — поинтересовался отец.— Хотя и так понятно — вся западная фашистская свора против нас поднялась. Выходит, что зря спасли мы их тогда от коричневой чумы. А вот сдюжим ли теперь?

— Сдюжим, отец, непременно сдюжим. У нас иного выбора нет. Только победа. Только тогда нас снова начнут уважать. Уважают только сильных. А мы сейчас крепнем день ото дня. На фронт идут новые боевые машины, новые самолеты, корабли, новое вооружение. А, главное, народ полон решимости довести начатое дело до конца. И помогает каждый, кто чем может. Разве мы имеем право подорвать веру людей в нашу победу?! Да, победа дается нелегко. Но мы продвигаемся потихоньку к заветной цели. Четыре месяца не было продвижения на нашем участке. Но настало время изгнать врага из Луганской народной республики, из нашей исконной земли. Я служил в мотострелковой бригаде «Черных гусар». Нам поступил приказ разведать путь к опорному пункту на территории врага, чтобы затем направить вперед штурмовой отряд. Когда путь был проложен, штурмовики бросились в бой, но встретили ожесточенное сопротивление врага. Из окопов слышна была английская, французская, немецкая, польская речь. Опорный пункт несколько раз переходил из рук в руки. В итоге командир роты решил не продолжать штурм в лоб, а совершить обходной маневр. Задумка удалась. Враг не ожидал такого хода и менее чем за двое суток мы взяли несколько опорников и отбросили противника на расстояние более десятка километров. Ребята не покидали своих позиций даже будучи ранеными. Вот так отец,— подвел итог Андрей.— Если бы меня не зацепило, я бы продлил контракт. Ребята уж больно толковые подобрались. Все думаю о них, о своих гусарах…

— Неужели намерен опять отправиться добровольцем? — спросил отец.

— Есть такая мысль. Приведу в порядок руку — и на передок. Только ты матери ничего не говори. Если что, Игоря пока не пускайте на фронт. Придет и его время, если спецоперация затянется. Но лучше будет, если мы сами справимся, и до сыновей дело не дойдет.

КАВАЛЕР ОРДЕНА МУЖЕСТВА

«Безумству храбрых поем мы славу!»

Максим Горький

Теплый летний вечер. Над городом ясное голубое небо. В Семейном сквере отдыхают пожилые пары. Со стороны ДК доносится легкая музыка. Рядом на площади дети кормят голубей, веселятся — слышны их радостные крики. По аллеям сквера гуляют с колясками молодые мамы. Обычная беспечная жизнь. А где-то у наших границ второй год идет специальная военная операция, звучат выстрелы, разрывы снарядов, залпы реактивных установок, героически сражаются воины России, льется кровь за эту мирную жизнь, за покой на родной земле, за чистое небо над головой.

Мы сидим на лавочке в сквере с участником специальной военной операции — нашим земляком Андреем Чернышовым. На встречу, которая откладывалась в силу разных обстоятельств, он пришел не один — с ним его семья: жена и дочурка-малютка. Сегодня они приехали из Брянска навестить бабушку Андрея Валентину Федоровну Чернышову и дедушку Виктора Федоровича Носырева. У Андрея небольшой отпуск. Его жена уроженка Брянска. Там он недавно приобрел квартиру.

До этой встречи я видел Андрея только на фото, но, когда он появился на дорожке в Семейном сквере, без колебаний угадал в нем земляка-десантника, кавалера ордена Мужества. Рослый, статный, в футболке и шортах, коротко подстрижен, сильные ноги, крепкий торс. Его вполне можно принять и за профессионального спортсмена, и за кадрового военного — армейская походка, уверенный взгляд, волевое лицо.

Мы познакомились, обменялись рукопожатием и уединились. Я уже немало знал о нем, но мне хоте-

лось узнать больше: как он в двадцать три года (сейчас Андрею двадцать четыре) смог героически проявить себя, где учился, тренировался, как попал в спецназ ВДВ, кто воспитал его таким сильным духом, мужественным парнем, настоящим патриотом Родины?

Андрей сдержанно, немного смущаясь, рассказывает:

— Я был еще шестилетним мальчишкой, когда отца не стало. В памяти только детские воспоминания о нем и его фото. Мой отец, Чернышов Андрей Николаевич, был морским офицером. Окончил Калининградское высшее военно-морское училище, служил на Дальнем Востоке, дослужился до капитан-лейтенанта. Так случилось, что его часть в сложные двухтысячные годы расформировали, и он вынужден был уйти на гражданку. Вернулся в Сельцо, купил здесь квартиру, но так и не смог найти для себя дело по душе. Это его тяготило, и отец ушел в иной мир в неполные тридцать пять лет. Воспитание мое полностью легло на плечи бабушки. И школа дала немало. Учился во второй, имени Героя России Михаила Мясникова. Это обязывало проявлять усердие в учебе, спорте, основательно готовиться к армии, а после призыва служить на совесть. Мне повезло на учителей. Всем им от меня огромное спасибо за обучение и воспитание. Отдельное спасибо классному руководителю Ирине Витальевне Мартыновой и преподавателю ОБЖ Валерию Михайловичу Котлярову. В составе отделения юных патриотов я изучал основы военного дела, получил хорошие практические навыки, участвовал в областных конкурсах, в которых не раз выходил победителем.

— Андрей, ты кандидат в мастера спорта по самбо? — поинтересовался я.

— Да, в школьные годы занимался в секции самбо у мастера спорта международного класса Александра Валентиновича Прилепова. Тренеру тоже признателен за успехи в спорте и в жизни.

— В воздушно-десантные войска сам попросился?

— Нет, с этим проблем не было. Прошел медкомиссию, по физическим данным подходил и мандатная комиссия определила в ВДВ, куда я и стремился. Попасть служить мог куда угодно. А мне хотелось туда, где служили наши ребята. Помог друг и земляк Андрей Желтов, с которым занимались когда-то самбо и рукопашным боем. Ради меня, Андрей приехал в областной военкомат в качестве «покупателя» и увез меня в Подмосковье, в Кубинку, в знаменитую бригаду ВДВ, где проходил службу в должности инструктора, а в настоящее время — принимает участие в спецоперации.

— Как служба? Медом не показалась? — пошутил я.

— Все складывалось так, как я и предполагал,— серьезно ответил Андрей.— Тренировались, прыгали с парашютом, занимались стрельбой и физической подготовкой, изучали технику и тактику ведения боя. Не сочтите за нескромность, но мне служба не была в тягость. Все нормативы сдавал успешно и через полгода предложили подписать контракт. Я дал согласие, а еще через полгода оказался… в Сирии, в должности… пулеметчика.

— Вот как? — удивился я.— Сколько времени был там? Довелось ли участвовать в боевых действиях?

— Три месяца находился в Сирийской Арабской республике — охранял важный стратегический объект. Участвовал в одном из боев. Командование отметило меня за сирийскую операцию — представило к награждению медалью Жукова. Медаль пока не получил — долгая процедура, но ветераном боевых действий стал,— показал мне удостоверение Андрей.— Теперь пожизненно доплата к денежному довольствию и к будущей пенсии.

— А как оказался участником СВО? — задал я главный вопрос.

— В ночь на 24 февраля прошлого года нашу часть подняли по тревоге, перебросили в один из южных городов, а оттуда вертушками доставили на аэродром Гостомель, что в двадцати пяти километрах от Киева. Детали операции рассказывать не буду. Скажу только, что в ней участвовало немало вертолетов со спецназом ВДВ. Противник встретил огнем, но десантники сражались отчаянно, и вскоре аэродром был уже в наших руках. Была поставлена задача удерживать аэродром на протяжении сорока восьми часов, пока подойдет основная колонна наших сухопутных войск. Эта задача была не из легких. Противник подключил артиллерию, авиацию и бил непрерывно из всех видов оружия, но мы со своей задачей справились. Меня ранило спустя трое суток, а ребята героически стояли там более месяца, до приказа покинуть аэродром и вернуться обратно.

— Ранение было тяжелое? Операция потребовалась? — уточнил я.

— Да, и не одна. Меня и других раненых эвакуировали в Беларусь, а оттуда в Центральный военный клинический госпиталь. Там опытные хирурги сделали мне несколько операций, извлекли из тела осколки. Лечение длилось более двух месяцев — раны долго не заживали. В госпитале нас навестили высокие гости во главе с министром обороны России и вручили награды воинам, отличившимся при штурме аэродрома в Гостомеле. Министр обороны лично вручил мне орден Мужества, поблагодарил за успешное выполнение воинского долга, крепко пожал руку, пожелал скорейшего выздоровления и возвращения в строй. Не скрою, эта награда придала мне физические и духовные силы, и я быстро пошел на поправку. После выписки, мне предоставили месячный отпуск для реабилитации, половину которого я должен был провести в своей части, а другую половину — на малой родине. За это время встретился с родными, друзьями, тренерами, побывал в родной школе, поблагодарил учителей, побеседовал с учениками.

— Как дальше складывается служба? Пошел на повышение?

— Служу в своей части, хожу в наряды. Вырос до командира отделения, получил воинское звание млад-

ший сержант. Есть намерения продлить контракт еще на пять лет. Если Родина прикажет — готов опять отправиться на Украину, участвовать в спецоперации, воевать до победы.

— Андрей, твой подвиг так впечатлил меня, что я посвятил тебе один из своих рассказов о герое СВО. Это художественное произведение, образ героя там собирательный, но кое-что списал с тебя. Когда выйдет книга, в которую я включил этот рассказ, подарю ее тебе. А еще я выложил на сайте «Одноклассники» фото, на котором министр обороны России вручает тебе орден Мужества. Ты видел, сколько неравнодушных людей отозвалось?

— Да, видел. Спасибо вам, что поместили в сети фото из госпиталя, спасибо знакомым и совершенно незнакомым людям, отметившим меня, спасибо всем за добрые пожелания в комментариях к фотографии. Признаться не ожидал, что так много людей откликнется на полученную мной боевую награду.

— А баннер со своей фотографией на одной из улиц города Брянска встречал, на котором начертано — «Слава Героям России! Чернышов Андрей — гвардии младший сержант, награжден орденом Мужества»?

— Да, встречал. Спасибо руководителям города Брянска и области, что отслеживают успехи своих воинов-земляков.

— Спасибо тебе, Андрей, от всех нас, твоих земляков, что проявил себя настоящим воином — защитником Отечества, что не дрогнул в час суровых испытаний. Мы гордимся тобой и желаем тебе крепкого здоровья, дальнейшего продвижения по службе, семейного благополучия и мира. Пусть тебе и дальше сопутствует по жизни успех.

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Галина Алексеевна Солонова родилась 8 марта 1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. в учительской семье. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член МСПМИ. Наш постоянный автор.

ГЕРОИ СВО

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
Рассказ

Вторая половина сентября две тысячи двадцать второго года. Опять я в дороге, опять в пути. Шагаю по платформе железнодорожного вокзала: спешу в гости к моим любимым внучкам.

Неожиданно из-за поворота показалась колонна военных и направилась к открытым дверям последнего вагона электропоезда. Душа наполнилась тревогой: «Добровольцы специальной военной операции! Направляются на войну с украинскими нацистами». Я замерла на месте в пяти метрах от слаженно двигающейся колонны и всматривалась, всматривалась в суровые лица солдат. Все они были в новеньких военных формах. И вдруг среди них один был в простой темной майке. «Что это? — забились в тревоге мои мысли.— Не оказалось формы его размера? Фигура его крепенькая». Моя правая рука поднялась сама собой и осенила его Божьим православным крестом. Доброволец этот заметил мой тревожный недоуменный взгляд. Встав на первую ступеньку входной двери, он повернул голову в мою сторону, улыбнулся и подмигнул. А я все осеняла и осеняла православным крестом ребят, отправляющихся на войну и, не сдерживая слез, шептала: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй этих воинов, оставь их всех живыми и здоровыми»…

Июнь 2023 г.

АНДРЕЙ
Рассказ

Стояли теплые сентябрьские дни, похожие на те, что радуют в разгар лета. Я медленно иду по пешеходной асфальтированной дорожке, что ведет вдоль автомобильной трассы к продуктовому магазину. Любуясь яркими осенними красками пышных деревьев, стоящих по обочинам дороги, изредка поглядываю на шедших навстречу немногочисленных пешеходов.

Неожиданно мой взгляд остановился на мужчине лет тридцати пяти. Он был в военной форме без знаков отличия. Туго повязанный до бровей платок темного цвета крепился тугим узлом на затылке. Его строгий

взгляд был устремлен под ноги. Вещь-мешок на плече придерживал рукой. Грудь украшала награда. Что-то дрогнуло во мне, и я уже сосредоточенно вглядывалась в необычного, идущего навстречу пешехода. Наверно, он почувствовал на себе мой пристальный взгляд. Подняв голову, не отрывая глаз, тоже смотрел на меня. Метров через пять-шесть мы поравнялись. Остановились, глядя друг на друга.

— Я, мать, с войны иду, — сказал он будто своей старой знакомой.

— Надолго? — спросила я тихо, пропуская вперед двух парнишек, шедших вслед за солдатом.

— В отпуск. На неделю. После госпиталя.

Не отрывая глаз от Ордена Мужества, поинтересовалась:

— Дома ждет кто-то?

— Мама. Примерно такого же возраста, как и вы.

Я смотрела на него, а в мыслях моих возникали вопросы. Наверно, он почувствовал это. Слегка улыбнувшись, сказал:

— Нет. Не женат. И детей у меня нет. Не сложилось как-то.

— Прости, солдат. Как звать тебя?

— Андрей,— коротко ответил он.

— Не до моих тебе, Андрей, сейчас вопросов. И не место для разговоров.

Я молча протянула ему визитку с номером телефона. (Последнее время ношу свои визитки с собой на всякий случай). Он внимательно прочитал и вопросительно посмотрел на меня.

— Хочу написать о тебе,— ответила я, рассматривая награду.

— Зачем?

— Чтобы знали, помнили и гордились такими, как ты, мальчишки, которые только что прошли мимо нас.

Его улыбка была не просто улыбкой, а знаком одобрения. Он протянул мне руку с сжатыми в кулак пальцами. Я последовала примеру, коснувшись крепкого кулака патриота.

— Я — за вас,— сказал он на прощанье.

— А я — за тебя и таких, как ты!..

Октябрь 2023 г.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЗЫВНОЙ

Рассказ добровольца СВО

Посвящается Сергею М.

Пятое апреля две тысячи двадцать третьего года. Курский полигон. Взвод морской пехоты состоял из самарских мобилизованных. Среди них был я — единственный доброволец, уроженец маленького городка Брянской области.

Машины «Урал» стоят наготове, чтобы отправить нас в Запорожье. Сели, плотно прижавшись друг к другу. Лица суровые, автоматы, выданные нам накануне, крепко держим в руках. Но почему-то задуманный нашим руководством план не сложился. Восемнадцать часов «Урал» сотрясал нас на территории ЛНР и ДНР. Наконец остановились на широком поле. Встретила нас команда военных инструкторов — бывших вагнеровцев.

— Без подготовки на линию боевого соприкосновения мобилизованные и добровольцы не направляются,— сказал их командир.— Не волнуйтесь, ребята, сделаем из вас настоящих воинов СВО.

Две недели муштровали нас высококвалифицированные инструкторы — участники СВО с самого начала операции, имеющие реальный боевой опыт и высокий уровень подготовки. В учении было трудно. Мы осознавали, что получили серьезную военную, физическую и медицинскую подготовку. Освоили тактику ведения ближнего боя, где нужны смелость, скорость, холодная голова. Не жалели мы слов благодарности нашим учителям.

— Может, хотите служить у нас? — предлагали инструкторы.

У командира нашего взвода была другая задача и цель. Мы знали, куда отправляемся и для чего. Опять, тесно прижавшись друг к дружке, сидим в машине «Урал».

— Держитесь, бойцы! Не выпускайте из рук автоматы! Со скоростью света будем лететь! — громко распорядился водитель.

Под свистом пуль неслись мы в деревню Просковеевку. Остановились. Огляделись. Стоят добротные частные дома, а местных жителей не видно. Нам объяснили, что мирные жители в целях своей безопасности покинули деревню. На дверях домов и примыкающих к ним заборах были крупные надписи: «Вагнер», «Волк». Представитель Минобороны сообщил:

— Вас встретили бойцы штурмовой бригады «Черные Волки». В этой бригаде на благо Родины вы и будете служить. Временно селитесь в домах с названием «Волк». Подумайте о своих позывных. Ваш путь к конечному месту назначения еще не закончен.

Двое молодых мобилизованных, двадцати двух и двадцати трех лет, еще с момента нашей встречи в Курске старались быть со мной рядом. Чем я приглянулся им? Наверно, видели во мне отца. Вошли мы в дом. Чистый, добротный, уютный. Было немного жутковато: будто без приглашения вторглись в чужие пенаты. Я присел на двуспальную кровать. Мои пацаны расположились на широком диване. Накопившаяся усталость свалила нас мгновенно.

Проснулись от громыхания орудий. Схватили автоматы и выбежали на крыльцо. Где-то в стороне от деревни шел бой. Мысль моя вернулась в нужное русло:

— Спокойно, ребята. Предупреждали нас: воюют здесь только вагнеровцы. В их распоряжении артиллерия. А мы — проходящие мимо.

В деревне пробыли два дня. «Волки» проверили нас на боевую готовность, укомплектовали боевым снаряжением, вещевым имуществом, полным комплектом необходимой одежды и снаряжения.

В минуты отдыха я лежал на хозяйской мягкой постели и размышлял, какой позывной мне придумать. Вспомнилась бабушка Аня. В детстве она часто меня и моего друга гладила по головке и приговаривала: «Один серый, другой белый — два веселых гуся». «Ну, конечно,— встрепенулась моя мысль, словно птичка.— Мой дружок был темноволосый, а я — так, блондин. Значит, мой позывной с этой минуты… (Сергей лукаво улыбнулся)…

Четвертое мая — второй день пребывания в деревне. Под отдаленное громыханье орудий собрались бойцы из нашего взвода — поздравлять меня пришли с Днем рождения. Разменял я свой сорок девятый год жизни. Шоколадные пайки мне дарили и свои позывные называли. Нет теперь у нас имен. Все мы — братья, готовые прийти на помощь друг другу. «Дай, браток, закурить»,— обращается ко мне сослуживец. «Возьми, брат»,— подаю я ему последнюю сигаретку…

Дальше предстояли окрестности Соледара.

— Отправляемся в путь, на конечный пункт нашей службы,— сказал командир взвода.— Собирайтесь. Пойдем пешком ночью: так безопаснее. Не расстраивайтесь: всего-то четыре километра.

Пешком, ночью, с поклажей в руках и за спиной — тяжеловато. Четыре километра на деле превратились в двенадцать. Жалоб, возмущений и стонов не было, шагали бодрячком. Пришли к лесополосе и плюхнулись на землю, кто как мог.

Чуть обозначился рассвет, все были на ногах. Лесополосу обследовали вдоль и поперек. У ее переднего края нашему взору открылся красивый зеленый луг метров сто пятьдесят шириной. «Вот бы прогуляться с дочкой и женой по такому красавцу-лужку и лесочку»,— осенила меня нечаянная мысль.

— За этим лугом видите тоже лесополосу. Там затаился враг,— прошептал командир взвода и тут же добавил.— Берем лопаты.

Окопы копали, не щадя сил, с мыслью о том, что они в любой критический момент могут стать нашим спасением. Так что лесополоса покрылась окопами и траншеями. В лесу обнаружили спиленные деревья, бревна и доски. Значит, позаботилось наше командование. Блиндажи строили из этих материалов. Спальные места обустраивали в два яруса.

Наша лесополоса оказалась с трех сторон под наблюдением противника. «Волки» сдерживали контрнаступление ВСУ в районе Балаклеи и обеспечивали прикрытие на ведущих к Изюму дорогах.

Шесть позиций было в нашей лесополосе. Полками мы их называли. Самая дальняя — это шестая полка. Я со своими братьями находился на первой — самой близкой к вражеской лесополосе. На всех полках установлены пулеметные точки и радиостанции (радийками мы их называем). Все на определенном расстоянии и подальше от блиндажей. По очереди, и днем, и ночью дежурим мы на боевых точках. Через каждые десять — пятнадцать минут выглядываем в окошечко: все ли вокруг в порядке, не подползает ли враг-одиночка или диверсионная группа? Каждые полчаса идет доклад. Доклад ведется не прямым текстом, а на «птичьем» языке: «птичка летит», «пятно появилось», «большая кошка работает», «пила по нам отработала», «чья точка?», «тепло» и так далее…

Во время своего дежурства у пулеметной точки со мной рядом находится мой автомат. По техническим данным в рожок вставляется тридцать патронов. Я вставлял в автомат тридцать первый для надежности стрельбы. Меня это во время дежурства выручало. Случай был: работает по нашей полке вражеский пулемет, я отвечаю. И вдруг наш пулемет заклинило (морозы начались). Разбираться некогда. Вот тут и выручил меня мой автомат…

Первый накат противника на нас был в начале мая. Слева от нашей лесополосы шла широкая дорога Соледар — Бахмут. Загремела вражеская артиллерия. Танк и четыре БМП противника двинулись по дороге к нашим позициям. Из машин высадилась вражья пехота — человек шестьдесят — и открыла огонь. Пехоту мы встретили шквальным огнем. Танк вел стрельбу и стремительно приближался к углу лесополосы. Мы напряглись, приготовились к бою. Неожиданный взрыв огласил всю окрестность. Это танк подорвался на мине и загорелся: наши минеры заранее заминировали дорогу на подступах к нашим позициям. Экипаж танка выскочил и бросился бежать назад. Развернулись боевые вражеские машины, вслед драпанули остатки пехоты. Атака врага была отбита. Мы ликовали.

Дальше все было сложнее. На следующий день две БМП противника подкатили по зеленому полю близко к нашей позиции, высадили своих вояк, которые вторглись в нашу лесополосу. Началось первое прямое столкновение — это было для нас боевое крещение. Мы видели физиономии чужеземцев: поляки, немцы и украинские нацисты. Да, было страшно. Были раненые, отступили на какое-то время на полполосы. «Куда?! Вперед, братья, вперед! Гоните эту сволочь вспять!» — кричал я во все горло. Не знаю, слышали меня мои братья, но какая-то сила вдруг вселилась в нас. Погнали мы поганцев из нашей лесополосы, вновь встали на свои позиции. Помнили, выполняли боевой приказ: «Ни на шаг не отступать». Мы удержали дорогу и фланги…

За лето подобных накатов из противоположной лесополосы было восемь. Бои были разные, одинаковых не бывает. Получало вражье племя по заслугам. Около трехсот вражеских тел остались лежать рядом с нашей полкой и в самой полке. Первое время старались «укропы» забирать своих раненых и убитых, но потом им было не до этого. А мы хорошую боевую школу прошли у инструкторов — и этим все сказано. Жалко было зеленого луга, испоганила его вражина. Бедным зверюшкам, ютившимся в лесных полосах, деваться было некуда: в поисках своего спасения носились они по изуродованному зеленому полю. То заяц в страхе проскочит, то лиса своим скудным летним хвостом хитро вильнет, то кабанчик в ужасе хрюкнет…

Выполняя приказ «Ни на шаг не отступать от своих позиций», много трудностей мы испытали на себе и многому научились. Успешно справлялись с различными видами квадрокоптеров, дронами. Трудно, когда бьет вражеская артиллерия. ПТУР — это противотанковая артиллерия, а бьет по пехоте. Не слышно, как летят «Польки», что поставляют поляки украинцам. Не слышно ни их шума, ни свиста. Слышно всего две секунды, когда «Полька» падает, и надо в эти секунды успеть лечь на землю. В критических ситуациях успевали прыгать в окопы, а там раненого противника увидишь. Не щадишь его: выхода нет другого. Дальше, вперед продвигаешься. Ну, а если увидишь своего раненого — аптечка при себе. Перевязываем, бинтуем, не поднимая своей головы, это важно. За нами через какое-то время идет группа эвакуации, которая собирает и увозит наших раненых и погибших…

Невыносимо больно терять своих братишек. Случилось как-то редкое затишье. Я только что пришел с дежурства у пулеметной точки. Тишина. Погода солнечная — душа радовалась. Ребята с позывными «Ч…» и «Б…» решили порадовать братьев — картошку (гуманитарная помощь здорово поддерживает нас) начали жарить возле блиндажа… Я зашел в блиндаж. Смотрю: зверек, лесная ласка, приютилась на столе, хлеб решила съесть. «Иди-ка, отсюда,— говорю,— найди себе другое пропитание. Хлеб нам и самим нужен». А самому жалко: ведь живая тварь, для нас безобидная. Из блиндажа вышел — запах жареной картошки дом напомнил. «Нет, нельзя расслабляться, на СВО мы!»,— пронзила голову суровая мысль. Отошел немного, чтобы оглядеть позиции. Внезапно вражеский снаряд недалеко упал и разорвался. Присыпало меня землей. Минут пятнадцать прошло. Очухался, вылез, понял, что небольшую контузию получил. Встать на ноги сразу не смог. Пополз к блиндажу на четвереньках. Сердце защемило: «Б…» стонет лежа на животе: спина его вся посечена осколками. На мой отчаянный крик трое братьев среагировали быстро. Уложили «Б…» на маскировочную плетеную сеть (носилки у нас теперь такие) и понесли. «А «Ч…» где!? — пронзила меня тревожная мысль. Стон услышал рядом в окопе. У «Ч…» пальцы на руках оторвало и грудь окровавлена. За плечи схватил его, пытаюсь поднять, а сам кричу: «Ноги целы, хватайся как-нибудь за меня, приподнимайся! Из окопа надо выбираться!» «Не жилец я. Осколки, кажется, в сердце попали. Оставь меня»,— шепчет он. «Не имеешь права! — вытащил, наконец, раненого «Ч…» из окопа.— Мать живым тебя ждет! А девушка, есть?» «Да. Голубоглазая». «Рассказывай! Рассказывай!» — заставляю его говорить, чтобы он не терял сознание. Где волоком, где на себе тащу «Ч…» под вражеским огнем, а сам про себя прошу Всевышнего: «Господи, помоги нам, пожалуйста! Защити!» Наконец добираемся до того места, куда обычно подходит машина, чтобы забрать раненых наших братьев. Одно успокаивает: лечатся они сейчас в российском госпитале…

Война войной, а есть и пить живым бойцам необходимо. Приходилось за едой и водой отправляться пешком на шестую полку. Туда доставляли нам питание. По две пятилитровые бутыли с водой в руках, за спиной тяжеленная коробка, а иногда и две, с пайками, да еще бронежилет (иногда я сбрасывал его). Стараешься зайцем прыгать от полки к полке. Особенно трудно было передвигаться с третьей на вторую полку: расстояние между ними сто восемьдесят метров.

Однажды вражеский квадрокоптер «Ведьма» надо мной завис. Это — страшная вешь. Ревет, как бензопила, снизу у него пластина, из автомата его не уничтожишь. Хорошо, что высокая трава была рядом, прилег в нее со всем своим грузом, притаился. В голове стучит: «Кинет, не кинет смертельную гранату?» Не кинул, дальше полетел. Встал я, до своей полки благополучно добрался. Еда была отменная всегда. Позднее, комбат «К…» (на гражданке он был предпринимателем, головастый мужик!) организовал удобную доставку питания от полки к полке. Стало легче…

Восемь месяцев мы охраняем свои позиции, не даем врагу шансов сдвинуть нас с места. Даже американские танки и БМП не помогают «укропам». Время от времени старший по нашей лесополосе «В…» объявляет список братьев, которые идут «на танцы» — по-нашему значит — в отпуск. В конце декабря в этом списке была и моя фамилия. Около четырех километров группой отпускников шли пешком до точки под названием «Ленин», машиной добрались до Соледара. Преодолевая воронки и траншеи, какое-то время ютились в подвале разрушенного пятиэтажного дома…

Наконец в моих объятьях дочь, жена, мама, сестра и племянники. Отпуск пролетает быстро. В последние его дни я с тревогой думаю о братьях, что остались там: на нашей лесной позиции. Скоро снова буду в боевом строю защищать интересы любимой Родины.

Даже маленькая победа достается нам нелегко. Дерутся украинцы также отчаянно, как и мы. Потому что они тоже славяне. Жалко их заблудшие умы и души.

***

В праздничный День Восьмого марта Министерство обороны вручило Сергею две награды: орден «За храбрость» и медали за Бахмут и Соледар.

Будем ждать наших героев с победой живыми и здоровыми!

Февраль — март 2024г.

Михаил ДЬЯКОНОВ*

ТОЛЬКО ПОЗЫВНЫЕ

Они пришли с утра к воротам храма,
Был чуть растерян их солдатский взгляд:
— Прости, отец! Мы спросим тебя прямо,
Возможно ль без имен отпеть ребят?
Мы не успели их в бою узнать...
Но, стали эти пятеро — родные!
Пусть примет Бог в свою святую рать,
Но, знаем мы лишь только позывные...
И старший их записку протянул,
Священник старый к ним сошел с амвона
И молча ту записку развернул,
Сказал: «Я не нарушу здесь канона!
В истории есть множество святых,
Чьи имена забыты родовые,
Но прозвища в веках мы помним их,
Что есть по сути те же позывные!
Я совершу, конечно же, обряд!
Такие вновь настали времена!
Кто против бесов становились в ряд,
Господь наш знает все их имена!»
Под тихий перезвон колоколов,
Под искреннюю батюшки молитву,
Шли в небо, не жалевшие голов,
Вступившие с врагом России в битву...
Дорога их лежала в небеса
И шли по ней уверенно, без страха!
Девчонка-фельдшер, позывной Оса,
Испанец, Кум, Железный Гусь и Птаха!
И сам апостол Петр их встречал,
И шире распахнул он в рай ворота,
И выпрямился, будто честь отдал!
Входила в Рай российская пехота ...

Ольга МОРОЗОВА

г. Тула

***

Из надежды, веры
и терпения
Соткана невидимая
нить...
Попрошу у Бога вдохновения
Лихолетье это пережить.
Сил для помощи, любви, для сострадания,
Стойкости и мужества для всех,
Кто вставал, встаёт и позже встанет
На защиту Родины от бед.
Уберечь великую державу,
Сохранить, продолжить на века
Ради чести, жизни и во славу
Победивших страшного врага.
Словом, делом, чувством и молитвой
Каждому дано помочь в бою
Воинам, готовящимся к битве
За Отчизну мирную свою.

* Михаил Дьяконов, Ольга Морозова и Оксана Тюбеева — участники акции «Сражающееся Слово!» (организатор — Владимир Алешин, г. Тула https://vk.com/alyoshin46)

Оксана ТЮБЕЕВА
г. Стерлитамак

КОГДА НАСТУПИТ ТИШИНА…

Привет… Ты спишь, а я с задания…
На пару часиков прилёг.
Сейчас не то, что было ранее,
По нам прицельно бьёт укроп.
Спасибо, что не забываешь
И в церковь ходишь по утрам.
Сорокоуст оберегает,
Вернусь, пойдём с тобою в храм.
Я за друзей свечу поставлю,
Геройски павших, молодых,
Никто из них не скажет: «Мама,
Вернулся я к тебе живым».
Ты спи, родная, утро скоро,
И снова бой, зима, война..
Я напишу, хотя бы слово,
Когда наступит тишина...

Яков ШАФРАН
г. Тула

УДАР ПО СЕРДЦУ

Вероломство врага
никогда
Не имело предела.
Для России не но́ва беда
Получать вражьи
стрелы.
Но под Курском безжалостный бой
Стал ударом по сердцу.
Ведь десятки уж лет как войной
К нам не шли иноземцы.
И хоть это не вермахт идёт,
Да и речь их родная,
Не берём то сегодня мы в счёт,
Их дела отмечая.
А они и коварны, и злы,
По-фашистски жестоки,
То плоды геноцидной войны,
То нацизма дороги.
Там по жителям мирным стрельба,
Везде зверства, насилье.
Наших жён, малых деток мольба
Не слышна бандерилье*.
Там расстрелы и пытки парней,
Повсеместно глумленье.
Что же лучше для «русских свиней»,
Как не их истребленье?
Но с Россией извечно Господь,
С русским воином предки.
Мы за землю — российскую плоть
Бить врага будем крепко!

Надежда КУБЕНСКАЯ
г. Архангельск

Надежда Кубенская — член СП Крыма, АРЛ, член правления Международного союза писателей им. святых Кирилла и Мефодия. Является лауреатом российских и международных конкурсов, включая «Славянское слово» (2019, 2021, 2022, 2024 гг.), «Народы мира» («Славянская лира», от ассоциации литераторов России, Сербии и Болгарии, 2020), «Седьмое небо», 2020, Крым. Гран-при III международного конкурс-фестиваля писателей и художников «Образ Крыма», 2019. Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», 2022 г. в номинации «Музыкальная», а также в 2024 г. в номинации «Литературные переводы».

ЕВА — ДОЧЬ ПОЛКА

В Луганской области маленькая Ева три раза в неделю встречает российских саперов у ворот своего дома. Она больше недели провела в подвале, пока наши солдаты не освободили ее. Михаил, боец спецназа, стал ее названным братом.

Как пичуга малая королек
выскочит внезапно из-под куста
и прильнет, болезная, слышь, дружок,
обоймет ручонками, как Христа…
как Христа-спасителя — не унять!

будто от чумазого, да в пыли,
изойдет вдруг Божия благодать.
А глаза вдруг солнцем мне обожгли...
Домик серый, маленький, чуть живой,
и стоит девчоночка у ворот,
а соседи плачутся за спиной:
«Ждет она, родименький, не уйдет».
«Все мои любимые,— говорит,—
а вот этот, Миша, мне словно брат».
Вот теперь, душа за нее болит:
наша Ева милая — дочь полка.
За нее теперь Бога я молю…
Ты уж, Господи, ее сбереги:
Как родную я сироту люблю,
Ты вернуться к ней помоги.

ПЕРЕДЫШКА

Содрогнулась планета от боли:
Слишком много потерь на войне.
По какой-то злокозненной воле
«Хаймерс» бьет по славянской земле.
В Волновахе простреляна трасса,
По Донецку палили не раз...
И напуганы дети Донбасса
От свистящих осколков сейчас!
Чуть затихнет, и рваную землю
Снова солнце целует взахлеб,
Воздух полнится терпкой сиренью
Вместе с порохом, дымом вразлет...
Воробьишка худющий, голодный
Скачет, милый, по голой земле.
И так хочется хлеба немного
Раскрошить на поникшей траве…
Вспоминается дом, мирный город
Звездопад в благодатной ночи.
И страна под приглядом у Бога,
Там на Пасху пекут куличи...
Вот закончится все, и поеду
Я к любимой невесте своей.
Пир закатим за нашу Победу
И поднимем бокал за друзей!

Вадимир ТРУСОВ

г. Санкт-Петербург

Вадимир Вадимович Трусов — поэт, автор-исполнитель, публицист, прозаик, критик, член СПР. Зав. отделом критики и литературоведения литературно-художественного журнала «Приокские зори». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017 г.) и премии Губернатора Мурманской области «За особый вклад в развитие культуры и искусства (2021 г.). Лауреат международных и всероссийских конкурсов авторской и патриотической песни. Автор восьми книг стихов и прозы. Постоянный автор журналов «Приокские зори», «Север» и альманаха «Ковчег»

«И НИКАК ИНАЧЕ…»

Меркнет сердце и гаснет речь,
А в душе пустота и мрак.
Я не смог бы всех уберечь,
Не сумел бы и все, никак.
И острее, чем острый нож,
Полоснет онемевший крик:
Убиенных не возвернешь,
Хоть и сам сотню раз умри!
Вот и снятся цветные сны,
Где я счастлив наверняка
За мгновение до войны,
Где никто не убит пока,
Где веселая детвора,
Где я ветру и солнцу рад…
Это словно еще вчера,
Но вчера десять лет назад.
А сегодня и наяву,
(Да не сгинут впустую дни!)
Лишь поэтому и живу,
Что прикрыли меня они,
Те, в заоблачной вышине,
Воплощение чистоты.
Вот на них и равняться мне.
И не будет иной мечты,
Кроме как извести врага,
Ничего ему не простив.
Ну, а если уйдет в бега,
Пусть бы там у себя затих,
Чтобы к нам появиться вновь
Даже в мыслях не мог посметь.
Только есть еще кровь за кровь,
Только есть еще смерть за смерть.
Оттого-то последний вздох
Не сотрет мою память, нет.
И за слезы сирот и вдов
Вражьей своре держать ответ,
Срокам давности вопреки,
Неминуемо. Мстить для нас
Не по сердцу и не с руки,
Но возмездие в самый раз!

Елена БАРАХОВА
г. Тула

Барахова Елена Александровна родилась и живет в г. Туле, работает ведущим инженером-исследователем. В процессе обучения в ТулГУ окончила курсы журналистики под руководством Алтуниной Людмилы Дмитриевны и три года сотрудничала с университетской газетой «За инженерные кадры». В это же время стала членом областного ЛитО «Голос» под руководством Адрианова Леонида Борисовича. Писала стихи и прозу. Печаталась в газете «За инженерные кадры». В 2002 г. вышла совместная с отцом, Игнатовым Александром Михайловичем, книга «В период просветления». С 2023 г. член областного МЛитО «Муза» при Доме-музее им. В. В. Вересаева. Номинант на соискание национальных литературных премий «Поэт года» за 2023 и 2024 гг. Имеет публикации в газете «За прогресс», альманахе «Антология русской поэзии 2023», альманахе «Ковчег» и альманахе «Наследие 2024». Награждена медалями «Михаил Лермонтов 210 лет» и «Александр Пушкин 225 лет». Постоянный автор нашего альманаха.

ПИСЬМО ЗАЩИТНИКУ

Ведь не смогу защитить я в бою,
Ты мне никто, я — тебе.
Я не подмога стоящим в строю
Наперекор и врагам, и судьбе...
Я не смогу напоить и согреть,
И уберечь от злых пуль...
Только стихами к тебе долететь,
Только мечтой про июль.
Мы не знакомы пока и тебя
Не обещала я ждать...
Только стихами коснулась, любя,
Так лишь могу поддержать!
Помни, когда сил не станет в пути
Или опасность вокруг...
С верой молюсь я: «Господь, защити!».
И Он спасет тебя, друг.
03—04.12.2023г.

«РОЗА ДОНБАССА»*

Одиноко и строго встречает гостей
Красоты вечной — черная роза:
Из металла снарядов, летящих в людей,
Безобразных — как страх и угроза.
Но стальные шипы не пугают теперь —
Лепестки ее больше не губят...
И стоит роза там, где ласкают детей,
Где есть мир и по-прежнему любят.
Да увидит весь мир: пробуждение зла,
Смерть несущее (кто же забудет...).
Безопасно цветет в нашем ВДНХ,
И беды от него здесь не будет!
26—28.02.2024г.

***«Роза Донбасса» выкована из металла НАТОвских снарядов, которые каждый день падают на головы мирных жителей Донецка. Находилась в то время в павильоне «Россия» на выставке в ВДНХ.*

РЕШЕНЬЕ ПРИНЯТО

Герою России (посмертно)
Михаилу Торгашеву посвящается

Кровавый бой, усилился обстрел...
Решенье принято — спасать солдат.
Тех раненных, уйти кто не сумел
От пули-дуры, вражеских гранат...
За руль скорей, хоть пятерых спасти.
Подальше б только этот яркий ад!
Не время, не случилось увезти...
Летящий дрон, несущий смерть — снаряд.
Подбитый танк, но траки защитят!
Решенье принято — спасти солдат.
Он спрятал между траками ребят,
Сам встретил дрона — вражеский снаряд!
Лицом к врагу, закрыв собой проход...
Обмен себя на пятерых солдат...
Такой Героя искренний подход:
Решенье принято — он спас ребят! 17.04.2024г.

Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА
г. Тула

Юлия Александровна Кондакова родилась в г. Туле. В ТулГУ получила высшее техническое образование. Работает инженером-конструктором. Лауреат конкурса молодых поэтов г. Тулы (1998 г.), участник конкурса литературного альманаха «Тула» в номинации «Поэ-

зия» (2022 г.). Автор сборников стихов: «Рецепта переделать меня нет» (1996 г.) и «Вальс "Ожидание"» (2025 г.). Публиковалась в альманахах и периодических изданиях г. Тулы. В последние годы имеет публикации в книгах серии «Библиотека современной поэзии», газете «За прогресс». Награждена медалями «Александр Пушкин 225 лет» и «Михаил Лермонтов 210 лет». Член областного МЛитО «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева г. Тулы, руководитель — В. Ю.Ткач (член СРП). Наш постоянный автор.

НА ДОНБАССЕ ЗИМА

На Донбассе зима: мокрый снег, мелкий дождь —
Беспрерывная слякоть,
У Земли от бомбежек неистовых дрожь,
Небу хочется плакать...
Среди пуль роковых сыплет снег все сильней
На кровавую слякоть...
И сражаются парни, теряют друзей,
Но им некогда плакать...
Мы помолимся Господу Богу за них
И напишем им строки,
Чтоб бойцам ощутить в дни ветров ледяных
Светлой веры потоки...
И помогут ребятам простые слова
В боевой круговерти —
В них надежда на встречу с родными жива
И спасает от смерти...
На Донбассе зима, и сражаются там
Парни русские стойко,
О победе, о мире их греет мечта...
Подождать нужно только...

ПАМЯТИ ВРАЧА

Посвящается талантливому хирургу из Костромы, зав. хирургического отделения в Горловке Сергею Догадайло, который скончался после трех суток непрерывного дежурства, спасая раненых бойцов в октябре 2023 года...

Военный врач он был талантливый —
Толково людям помогал...
Под хирургическими лампами
Свой долг нелегкий выполнял
Не в мирном и спокойном городе,
Что дремлет ночью в тишине,
Работал он в кипящей Горловке...
И мог ли думать там о сне?
Спешил помочь ребятам раненым —
Хотел от смерти их спасти...
Что время? Поздно было, рано ли —
Он вахту продолжал нести...
Что может организм не выдержать,
Подумать даже не успел,
В последние минуты вытащить
Осколок парню он сумел...
За много жизней, им подаренных,
Он заплатил своей, одной...
Взлетела над военным заревом
Душа, чтоб слиться с вышиной...

Ольга ДЕВЯТКА

г. Сельцо Брянской области

Ольга Николаевна Девятка член МСПМИ. Член ЛитО «Парус» г. Сельцо. Публиковалась в местных газетах, в альманахах «Белые паруса», «Зеленый Свет. Молодая брянская поэзия», «Литературный Брянск», «Живой Родник» и других

НАШ ГЕРОЙ

Погиб солдат! И на душе так больно.
Он мог бы дальше жить, любить, мечтать…
Погиб герой! И он погиб достойно,
Рыдает горько на могиле мать.
Как в этот миг войну я ненавижу,
И слезы душат — как ей жить теперь?…
Нам не вернуть тепла ушедших ближних,
Сердца не излечить нам от потерь.
Уходят в небо славные ребята,
Уходят те, кто дорог и любим,
Под звуки беспощадной канонады,
И в дымке журавлиный тает клин.
Зачем, война, ты забираешь лучших?
Победа — с нами! Но какой ценой?
Он в памяти останется живущих
Несломленный, бессмертный наш герой!

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

Алтунин Вячеслав Васильевич родился в 1951 г. в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл., в семье сельских учителей. В Белеве окончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского ГУ, после окончания которого работал в р-ных и обл-х газетах Тульской обл., отдав журналистике более сорока лет, будучи одним из ведущих журналистов. Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор и соавтор более десятка книг поэзии и прозы; публикуется во многих литературных альманахах и сборниках, активно участвует в коллективных творческих проектах, проводит авторские творческие встречи в Туле и обл. Подготовил к печати несколько новых книг поэзии и прозы. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России», победитель литературного конкурса «Золотое перо — 2020» (Тула). Член СПР и СЖР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РОССИЯ В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Россия в огненном кольце!
Вокруг нее пылают войны.
Земля и небо не спокойны —
Гремят, как будто при конце.
Россия в огненном кольце!
И как ей вырваться оттуда?
Что ей поможет? Разве чудо?
Россия в огненном кольце.
Невыносимые мгновенья!
Орудий гром в кромешной тьме.
И маска смерти на лице…
Где выход? В чем найти спасенье?
Россия в огненном кольце.
Опять сражается она
С осатаневшим, чуждым миром,
Печатною строкой, эфиром
Оболгана… Одна! Одна!
И что не сделали враги,
То делают свои, разрушив
Дотла больные наши души.
И тьма, и пустота все глуше.
И нас уж взяли на прицел.
Россия в роковом кольце!
Но все ж живет молитва в сердце.
И нам еще в победу верится.
И нас зовет святая цель.
Россия в роковом кольце!

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол Вологодской области

Нина Павловна Гаврикова родилась в г. Сокол. На пенсии по инвалидности, пишет стихи и прозу. Член АРЛ, ЛитО «Сокол» и МСТС «Озарение». Награждена медалью за заслуги перед МСТС «Озарение». Руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона». Публикуется в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет три авторских сборника стихов и рассказов. Постоянный автор нашего альманаха.

ZA РОССИЮ!

Опрокинулось в речку небо,
В берега расплескало брызги,
Как давно я в деревне не был
И не видел родных и близких.
Там тропиночки, будто жилы,
Суетливо бегут, устало.
И родители еще живы,
Хоть годков им уже немало!
Веселится июльский ветер,
Теребит старый стяг и души.
За Россию мы все в ответе —
Не позволим ее разрушить!..

Тамара ТЯБОКИНА

г. Сельцо Брянской области

Тамара Ивановна Тябокина родилась в г. Жигулевске Самарской обл. 5. 10. 1957 г. В возрасте четырех лет переехала с семьей в поселок

Сельцо. Поэзия для нее — это способ выразить свое видение жизни, красоту нашей природы и любви. Публиковалась в брянских газетах и альманахах. Автор книги «Космеи нежный свет». Член МСПМИ.

ВЕЛИКОЙ ОТЧИЗНЫ РОДНЫЕ СЫНЫ

Великой Отчизны родные сыны,
Вам трудная выпала доля:
На плечи взвалить ужас новой войны —
На это была Божья воля.
У дедов пришлось эстафету принять —
Вновь подняли Красное знамя.
А мужество, стойкость у вас не отнять,
Победа вновь будет за вами!

Татьяна СКВОРЦОВА

п. Нетьинка Брянского района Брянской области

Татьяна Ивановна Скворцова (Лескова) родилась в п. Нетьинка Брянского р-на. Окончила Трубчевское педучилище. Работала учителем, воспитателем в детском саду, инспектором ВУС. Поэзией увлекается с юности. Автор пяти сборников стихов. Публиковалась во многих периодических изданиях и альманахах. Победитель и призер литературных конкурсов. Член МСПМИ. Постоянный автор нашего альманаха.

БОГАТЫРСКАЯ РУСЬ

Богатырская Русь,
Русь великая,
Справедливая ты, многоликая.
О народе душа твоя молится,
Звучат песни в устах твоих горлицей.
С колоколен церквей звон доносится —
На молебен зовет, в сердце просится,
Зазывает людей на бой праведный,
Открывает нам, грешным, путь правильный.
В старину разоряли Русь вороги,
Измывались над теми, кто дороги.
На защиту земли встали воины —
Незабвенности, славы достойные.
Илья Муромец наш, да Добрынюшка,
Да Алеша Попович, в них силушка.
Сберегли, отстояли Русь славную,
Непокорную да православную.
Встанем, люди, на бой с черной силою,
Богатырская кровь в нас — былинная,
Чтобы помнили вороги клятые —
Мы героев потомки внучатые!

Виталий КУЗНЕЦОВ

г. Новочеркасск Ростовской области

Виталий Владимирович Кузнецов родился 24.02.1955 г. в г. Таганроге Ростовской обл. По отцу — донской казак. Отец из станицы Вешенской — родины М. А. Шолохова. По матери — туляк. Образование: Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Долгие годы работал по оборонной и космической тематике в ОКТБ «Орбита» (г. Новочеркасск). С начала 21-го века работал в области электросвязи в филиале компании «Ростелеком». Стихи начал писать поздно — в зрелые годы. Печатался в нескольких сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске, Гомеле, Северо-Муйске. В 2013 г. в Новочеркасске вышел сборник стихов «Прощание с миром». В 2014 г. вышло повторное и расширенное издание. Наш постоянный автор

.

ЗАКОНЧЕН БОЙ

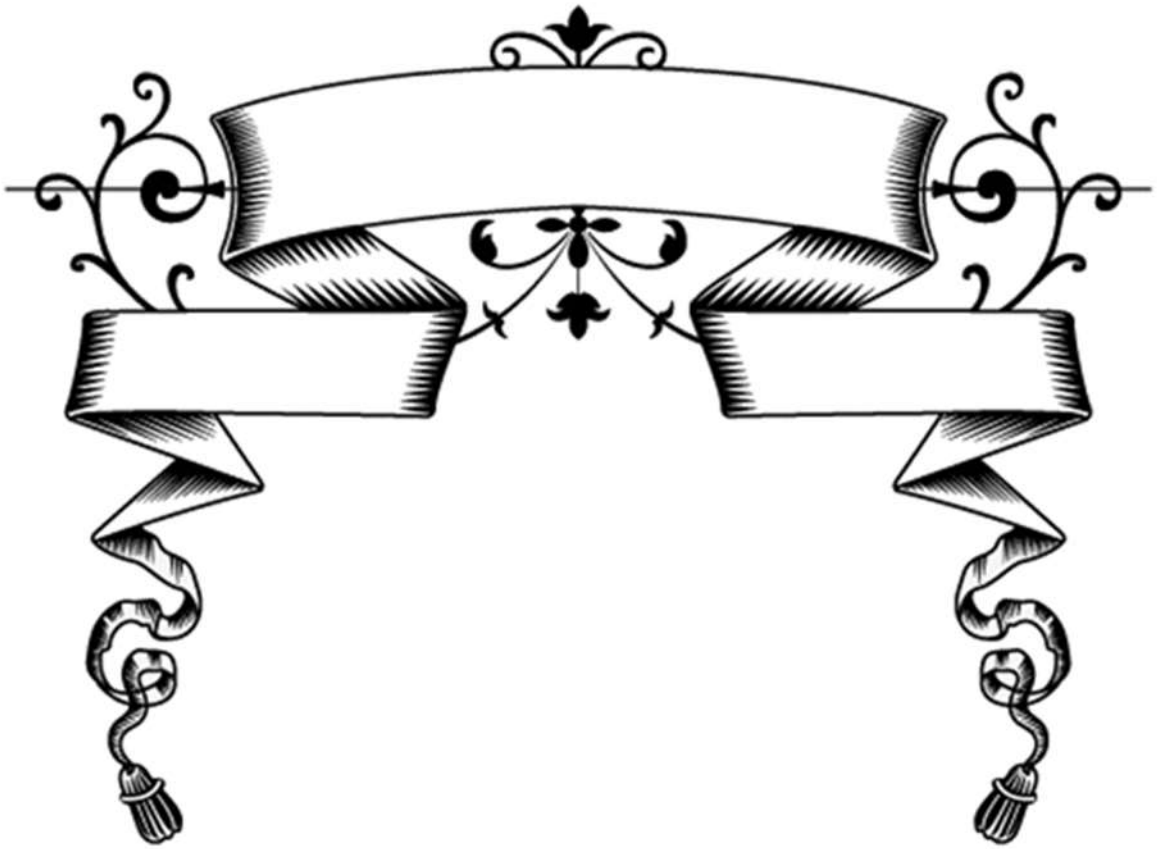
Не пришедшим с войны посвящается

Наташенька, идет дождь?!
Наташенька, идет снег?
Какая-то в ногах дрожь —
Как будто бы пришла смерть.
А, впрочем, почему смерть?
Я чую, я лечу, я жив!
Я чувствую земли твердь.
Все вижу, чуть глаза смежив.
…Я вспомнил — ведь закончен бой,
И вот разрывы не слышны.
Пора проститься нам с тобой —
Я больше не приду с войны.

Спасите
людей
Донбасса!

ПРОЗА

ГАЛИНА МАМЫКО
НИКОЛАЙ МАКАРОВ
АНАТОЛИЙ АГЕЕНКО
ЛЯМАН БАГИРОВА
ЯКОВ ШАФРАН
МАГДАЛИНА ГРОСС
ЕВГЕНИЙ ТАТАРНИКОВ
ЮРИЙ СЫЧЕВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
ЛЮДМИЛА БРАГИНА
ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ

ЛЮДМИЛА ПОПОВА
ТАМАРА ХАРИТОНОВА
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
АНДРЕЙ ВОЛКОВ
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН
ВЛАДИСЛАВА ВАСИЛЬЕВА
РАГИМ МУСАЕВ
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ
ВИКТОР БОРИСОВ

Галина МАМЫКО

г. Симферополь, Крым

Галина Леонидовна Мамыко — прозаик, член РОО «Союз писателей Крыма». Выпускница Калининградского госуниверситета. Работала в Крыму — учителем, журналистом, пресс-секретарем Председателя Верховного Совета Крыма (1998—2002 гг.), помощником народного депутата Украины (2002—2010 гг.). В 2003 г. по совместительству — пресс-секретарь митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря. Автор рассказов, повестей, романов, публицистических очерков, статей, а также автор стихов и сказок для детей. Публиковалась во многих российских литературных журналах и альманахах. Лауреат газеты СПР «Российский писатель» за 2022 г. (рассказ «Послушание»). Дипломант Международных литературных конкурсов «Молитва» (2021), «Хижицы» (2021), «Гранатовый браслет» (2022) и др. Лонг-лист Горьковской литературной премии — сборник сказок «Мармеладный домик» (2017). Персональный писательский сайт http://eko-men.ru/proza/. Наш постоянный автор.

НИКЧЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

По пятницам он говорил себе: «Хватит. Я брошу эту проклятую работу. Я брошу жену. Я брошу все». Он выходил из старинного здания театра с диковинными маскаронами и, не оглядываясь, шел неторопливо по проспекту в ту сторону, куда обычно в этот день его вели ноги. Он знал этот маршрут как самый лучший. Еще бы. Возле витрины картинной галереи он обычно замедлял шаг, чтобы взглянуть на ту, третью справа. Это была его любимая картина. Портрет. Красивая, бледная женщина, у нее были черные волосы, темные глаза и длинное, до пола, красное бархатное платье. Она сидела на стуле, посреди белой комнаты, возле ее ног валялся букет белых роз. Босой ногой она наступила на него и, кажется, была этим довольна. Она в упор смотрела на Непалова, и ему каждый раз казалось, требовала от него поднять для нее эти цветы. Он засматривался, замедлял шаг, и снова шел дальше, туда, где ступеньки вели вниз, в тусклое помещение, с запахами вина и веселыми голосами.

Серый, как всегда, говорил о политике, пока на правах владельца заведения по-хозяйски наливал ему холодное пиво, раскладывал на столе всякую ерунду.

— Нет, ты подумай, они опять…— Серый не мог успокоиться.

— Ты всегда недоволен,— говорил Непалов.

Серый увлекался просмотром политических сайтов, знал фамилии модных экспертов, смотрел их стримы в интернете и гордился своей осведомленностью. Непалову было все равно.

— Я знаю, тебе плевать, но скоро ты сам поймешь, что почем, увидишь, кто прав,— предупреждал Серый.

— Сегодня все умные,— говорил Непалов.— Гаджеты заменили людям мозги. Все все знают.

В баре уже было многолюдно. Обычное дело по пятницам. Популярное место на проспекте. Тут бывали художники, журналисты. Заходили врачи из клиники. Врачи держались особняком, будто все остальные для них были прокаженными. Их можно понять, пандемия испортила отношения между людьми, да, их можно понять, говорил Непалов, и Серый с ним соглашался. И рассказывал какую-нибудь сногсшибательную новость.

— Представляешь, тут на днях,— Серый замолчал, выпил до дна, обтер губы ладонью и продолжил.— В больнице по документам перепутали живого с мертвым, ну, и выдали родственникам. Те говорят: «Наш умирать как бы и не собирался, да и не похож этот на нашего». Ну, им: «После смерти всякое случается, изменился, дескать». А после похорон звонит, понимаешь ли, «усопший» домой, здрасте вам: «Когда приедете-то ко мне?»

Серый взглянул на Непалова. Тот пил пиво и не отвечал.

— Чего молчишь?

— Неправдоподобно. Не верю.

— Я тоже,— кивнул Серый.— Но в городе обсуждают.

Уж кому на эту тему говорить, так это мне, подумал Непалов.

Домой он, как всегда, пришел поздно. Сиделка, увидев его, заулыбалась. Она была еще молодой и, как видно, впечатлительной. Неплохая внешность, фигура. Вполне приличная особа для возможного романа. Они оба одинаково думали об одном и том же, когда их глаза встречались. Но у него дальше мыслей не шло. Он спешил отвернуться и забыть. Она разочарованно смотрела красиво подведенными глазами в его спину и шла в прихожую. Ему становилось стыдно перед ней, за то, что разочаровал своим, как он понимал, с ее точки зрения, неправильным поведением. Молодость, эх, молодость, верит, влюбляется, надеется — и все тогда,

когда этого нельзя делать. Ну, ладно, он в возрасте. Он давно поставил крест на желаниях. Но эта девочка, ведь она младше его лет на тридцать. Зачем он ей? Развлечься, а потом забыть. Как глупо, однако, все в этой жизни.

Он входил в комнату к жене. Здесь стоял знакомый запах всего того неприятного, тяжелого, что сопровождает лежачих. Жанна застыла в обычной позе, без движения, с привычным для него лицом покойницы. Когда он глядел на нее, то ничего, кроме ненависти, не чувствовал.

Он говорил ей обычное вечернее приветствие, она оживала и своим тихим голосом отвечала теми же дежурными словами, он уходил, чтобы наутро заново зайти, поздороваться и расстаться до вечера. Это длилось три года. И он по-прежнему ненавидел ее с такой же яркостью, четкостью, как это случилось в самый первый раз. В тот день, с которого началась история его ненависти.

Они поженились вскоре после выпускного вечера, в школе ходили в один класс и любили друг друга сильно, страстно и, конечно, навечно, так оба считали. Подолгу целовались в чужих подъездах, на переменах уходили в укромные места в школьный парк и в густой тени древних каштанов снова и снова целовались и возвращались в класс с пылающими щеками. В ту пору они верили в нерушимость взаимных чувств.

Родители их после свадьбы подружились, ходили в гости, и все шло гладко. Он и не желал ничего иного. Вместе они поступили в театральное училище, вместе окончили, и затем стали работать в одном театре. Она родила ему двух сыновей-погодок. Он оказался заботливым отцом, и посвятил малышам всего себя. Он не был успешным в актерской деятельности, больше был занят в эпизодических ролях, в массовках, а потом и вовсе перешел на работу суфлером. Он радовался ее успехам, она стала звездой, и даже, поговаривали, кто-то наверху вроде бы рекомендовал забрать ее в столицу. Так шли годы, обещания попасть на большую сцену где-то растворились, но не растворилась красота Жанны. Ходили слухи, она неверна мужу. Впрочем, тут и гадать не надо было. Она действительно изменяла Непалову.

Когда до него докатились, словно раскаты грома, эти самые слухи, он, разумеется, не поверил. Но насторожился. И хотел того или не хотел, но взял жену на подозрение. Его поведение, как это случается в таких ситуациях, не было оригинальным: он стал внезапно появляться дома в те часы, когда его никто не ждал, приглядываться, кому на работе Жанна улыбается, на кого смотрит, и кто одаривает ее ответными взглядами.

Он стал задумываться, а не проследить ли, куда она ходит, и действительно стал красться за ней по шумным городским улицам, среди белого дня или, напротив, темного вечера, туда, куда летели ее легкие ступни, куда несли ее стройные бедра. Его взгляд бежал за ней с такой жадностью, с такой ненасытностью, будто впервые узнал ее. Порою ее заслоняли равнодушные прохожие, из тех, кто не знает толка ни в любви, ни в ревности, они не понимали, что в такие пылкие минуты нельзя быть на пути у человека, ведущего слежку за изменницей. Он в гневе расталкивал людей, тянул голову, чтобы быстрее вновь разглядеть ту, за которой крался. Порою она запрыгивала в уже отходящий автобус, а он хватал за рукав скучающего на стоянке таксиста, и они неслись по следам беглянки. Случалось, Непалову не везло, он терял след, и тогда он много курил, много думал и возвращался домой тихо, будто его побили, проверял, как сыновья делают уроки, кормил их.

Обеды, ужины, завтраки в их семье готовил он сам. Он же варил варенья, компоты, закатывал на зиму соленья, у него получались вкусные хрустящие огурчики... Жанне было некогда. Да она и не любила возиться с этим всем. Разве это интересно — кухня. Дело всей ее жизни, как она считала,— блистать в обществе, на сцене, быть в центре внимания восхищенной публики. Она много времени проводила на репетициях, ее ждали поклонники, с цветами, с признаниями в любви, в ожидании автографа и фоточек. Понятное дело, тут не до кулинарии. И Непалов это понимал. Он все понимал. Но только не измену.

Но когда изменой буквально запахло в воздухе, и этот проклятый дух чуждого, ненужного вторжения в их семью, уже витал вокруг Непалова, он окончательно потерял покой. Бегать за ней тайком по городу казалось ему уже недостаточным, да и хлопотным. Он хотел знать наверняка: верна или нет, любит или притворяется. Как это бывает у любящих, ему казалось, что она его так же любит и, конечно, верна, и он заставлял себя думать, что она ему верна. Но с подозрениями, когда те точат сердце как сладкий, гнусный червь, справиться было в одиночку невозможно. С этим можно было покончить раз и навсегда лишь с помощью самой Жанны.

Однажды он решился и с тяжелым сердцем спросил об измене. И с облегчением услышал ответ, которого желал. Она открыла невинные глаза, заглянула прямо ему в душу, сказала своим серебряным голосом такое прекрасное, такое чудное, что он растаял, забыл о плохом, успокоился.

Он думал, подозрения не вернутся. Вернулись, проклятые. И он вновь ее подозревал. Ему чудилось, от нее пахнет чужим мужчиной, чужой любовью, а сама она ему представлялась в такие минуты недоверия домашней актрисой, изображающей супружескую верность. Она не отталкивала его, показывала ему свое желание, и после всего, что между ними в эти хорошие минуты уединения происходило, он уже и не знал, как быть, что думать. Но жизнь вскоре сама подсказала, что думать.

Однажды в театре к нему подошел молодой человек, с длинными светлыми волосами по плечам, с голубыми глазами, он был хорош собой. На его шее был завязан небрежным узлом пышный цветной шарф. Парень явно изображал из себя баловня судьбы. Или таким образом пытался демонстрировать всем вокруг

свою принадлежность к кругу избранных мастеров искусства. Непалов не обратил бы внимания на эти детали, какое ему дело до мужской внешности случайного франта, но прозвучало имя его супруги. Молодой человек пожелал написать портрет Жанны, но хотел заручиться согласием мужа актрисы.

— Леонид Семилетов,— представился художник.— Мои картины вы можете увидеть на выставке в Доме творчества. Так вы разрешите писать портрет Жанны?

Непалов хотел отказать, дурное предчувствие коснулось его сердца, но он решил рискнуть и дал согласие. Пусть история с написанием портрета станет экзаменом для нее, подумал он, и успокоился. Он сказал себе: если Жанна провалит экзамен, то это будет означать: слухи об ее изменах — правда, и она обыкновенная… Он хотел, но не посмел даже в мыслях произнести о ней просившееся на язык плохое слово.

Но плохое слово произнести пришлось, и даже не про себя, а вслух. Это случилось в ту самую минуту, когда Непалов застал Семилетова с Жанной. Адрес, по которому можно найти любовников, вовремя подсказал Непалову по телефону неожиданный некто. Он радостным голосом заверил, что говорит правду, и назвал свою фамилию, но Непалов и без этого ему поверил. Хотел, правда, спросить, чему тот радуется, но раздумал, какой-то холод обреченности и предчувствие беды уже коснулись его сердца с такой отчетливостью, что ему показалось, он умирает.

Хозяйка дома, щуплая старуха с короткой рыжей стрижкой, в длинном махровом ярко-синем халате, глядела на Непалова с интересом, она покачивала головой и держала руки в широких карманах. После объяснений Непалова она хрипло прокашлялась и попросила угостить сигаретой. Услышав, что Непалов бросил курить, она снова стала кашлять, и после паузы наконец сказала, что у нее туго со слухом. Он прокричал ей в лицо недовольным голосом, чтобы пропустила на мансарду к художнику. Она показала дулю. Непалов в порыве искреннего гнева отдал ей то, что нашлось в бумажнике, и был пропущен. И вот тут-то, на пороге мансарды, при открывшемся ему зрелище, он и произнес то самое нехорошее слово в адрес своей супруги.

Что произошло далее, уже для него было неважно.

Главное свершилось — у Алексея Павловича Непалова открылись глаза. С этой минуты Жанна из объекта горячей любви превратилась в предмет такой же горячей ненависти.

Ему было все равно, будет ли она продолжать жить с ним, или нет.

Ради сыновей оба решили оставить все, как есть. Жанна время от времени поднимала разговоры с извинениями, называла его «мой Сесик», коверкая имя, а он злился и говорил ей, что он терпеть не может этого ее «Сесика».

— А-лек-сей, иначе меня не называй,— говорил он злым голосом и уходил в ванную делать массаж десен.

Она шла за ним, картинно вздыхала и говорила притворно ласково. И это притворство для него стало явью, поскольку он теперь жил с открытыми глазами. О, гнилая душа, думал он о Жанне, и каждый день как бы заново вычеркивал ее из своей жизни.

С годами, когда сыновья закончили вузы, получили приличную работу и обзавелись семьями, когда редко, по самым большим праздникам, они вместе с улыбающимися женами привозили угощения и подарки, и в квартире давно отвыкших от радостной домашней суеты Непаловых тогда звучали голоса внуков, постаревшая Жанна Андреевна и молчаливый Алексей Павлович Непаловы профессионально играли, со знанием всех актерских тонкостей, роли хороших супругов. Можно было подумать, они живут душа в душу.

Но так могли думать все, в том числе и ничего не знавшие о многолетнем разладе между родителями сыновья, только не чета Непаловых. Впрочем, сыновья что-то подозревали, о чем-то догадывались, но вникать в семейную тайну родительских отношений им не хотелось. Оба сына предпочитали не верить тому, что им казалось и что их могло наводить на тягостные подозрения.

Но кому, как ни обоим супругам Непаловым, было известно о той ненависти, что буквально витала в их квартире уже много-много лет, эта ненависть будто слой пыли покрывала все в их жилище, не позволяла свободно дышать ни ему, ни ей. Если Жанна еще и пыталась что-то иногда сказать ему, то не он. Он ходил в ее присутствии с плотно сжатыми губами, его лицо оставалось каменным, словно не много лет назад, а только что увидел сцену измены.

Его отношение к ней не изменилось и тогда, когда покривился и застыл в немом изумлении ее открытый рот, застыла в неестественной позе вся она и лежала неподвижно на полу до приезда «скорой».

Медики, а также двое полицейских, а потом еще и пришедшие с любопытными лицами старики-соседи — все дружно засвидетельствовали кончину знаменитой актрисы, а ему оставалось начать хлопоты о похоронах.

К вечеру заглянул в квартиру хмельной репортер, вместе с ним притащились два таких же нетрезвых пожилых актера, знакомых Непалову по работе. Один из них похлопал фамильярно Алексея Павловича по плечу и сочувственно улыбнулся. Репортер попросил включить освещение и пощелкал фотоаппаратом. Гости постояли над усопшей, спросили, где будут поминки, и ушли.

Похоронная бригада так и не приехала. Он перезвонил, но вместо ранее обещанного «скоро» сослались на занятость. «Разве что завтра»,— сказали тихо, из глубокой тишины, с противной паузой.

— Вы что, из гроба там вещаете? — сказал Непалов с раздражением и тут же извинился.— Я не хотел.

— Да, понимаю, ничего, сойдет,— ответили снова тихо-тихо, ну, точно из гроба.

— Ну, блин, точно из гроба,— снова не сдержался Непалов, но больше извиняться не стал, бросил трубку.

В комнату к Жанне после ухода посетителей он больше не заходил.

Сделал на ужин яичницу на сале, выпил стакан кефира, вычистил зубы. Он занимался домашними делами как всегда, как все минувшие десятилетия, когда вычеркнул Жанну из своей жизни.

На следующий день, когда уже в окна вовсю светило солнце, приехали те, кто был ему нужен. Прям богатыри, хоть всех в театр, подумал Непалов, он разглядывал не без интереса этих широкоплечих, высоких, красномордых и вроде даже веселых. И как это у них получается на такой работе вообще, я б не смог, подумал лениво Непалов и забыл о своих мыслях, оно это все ему было не нужно, как не нужна была и сама покойница, скорее бы уж забрали. Мысль о скором исчезновении Жанны из квартиры его согревала.

Богатыри прошли, весело переговариваясь о своем, уверенно в зал. Один из мужиков с большущей бородой, громко зевнув, спросил через плечо, где тело. Зашагали дальше.

Непалов сел на край дивана в почти радостном ожидании. «Надо по такому случаю пирожное, что ли, сходить, купить»,— подумал он, ему захотелось сказать что-то ласковое красномордым гостям. «Может, и им по пирожному купить. А что, вместе в кофейню и пойдем, Серого надо пригласить». Однако из комнаты, где лежала покойница, никого не вынесли.

Ему сказали, что он морочит им голову, ибо мертвеца нет.

Мужики вопросительно смотрели на Непалова. Пьют беспробудно, подумал он, и нехотя пошел к покойнице.

Жанна взглянула на Непалова, моргнула и будто виновато покривила рот в подобии улыбки.

Гости предложили дать им бутылку водки. Бутылка водки нашлась, распили ее на кухне под соленые огурцы в компании с хозяином квартиры.

Непалов набрал по очереди сыновей, сразил каждого своей просьбой отменить скорбную поездку на предполагаемые похороны в связи с внезапным возвращением с того света их матушки. Затем стал названивать куда только можно — в «скорую», в поликлинику, в полицию, старикам-соседям, зачем-то побеспокоил бухгалтерию театра. Напоследок вспомнил Серого.

— Говоришь, воскресла? — сказал тот.— Тогда соболезную.

***

С течением времени, когда Жанну Андреевну Непалову выписали из больницы и на руках у ее супруга появился перечень необходимых для больной лекарств, что-то в ее организме потихоньку стало восстанавливаться. Непалов без особого интереса узнал подробности о ее посмертном опыте. Она сказала, что видела тот свет и много всего, о чем невозможно и сказать, нет таких слов, и теперь она точно знает, что после смерти каждого ждет возмездие. Но самое главное, это Голос, который велел ей вернуться к мужу и ждать, пока тот не простит ее. Лишь когда простит, ее заберут уже навсегда.

Алексей Павлович на всякий случай сказал жене, что простил. А вдруг и правда сработает, подумал он. Но та объявила ему, что он простил ее формально, не по-настоящему, а потому ей велено жить до тех пор, пока он не перестанет носить в сердце на нее обиду.

Ему пришлось по ее докучливым просьбам пойти в церковь и купить иконы Спасителя и Богородицы, потом она стала выпрашивать купить образ Николая Угодника, еще чуть позже он ходил в церковь за иконами других святых, и стена в ее спальне превратилась в иконостас.

По воле умирающей в квартиру зачастили священники, их Непалов привозил из церкви рано утром на такси ради ее христианской кончины. Скоро он уже знал священников по именам и научился брать у них благословение, складывая лодочкой руки и склоняя голову. Слава Богу, говорила Жанна. Она смотрела с надеждой на каменное лицо мужа в ожидании, когда тот простит ее.

Время для них обоих будто остановилось.

Три года он говорил ей, что простил, простил же, что еще надо?! Но нет. Высшие силы по-прежнему не пропускали Жанну в иной мир по причине неискренности ее супруга.

— У тебя камень за пазухой,— уточняла жена и с любопытством поглядывала на него.

Он мрачнел и уходил из дома, все равно куда, лишь бы не видеть ее этих любопытствующих глаз и не ощущать смрада лежачего человека. Он шел по городским раскаленным улицам как бы сквозь все и вся, не видя и не слыша ничего, он говорил себе с удивлением, что ведь простил, почему ему не верят?

Кто-то Иной, пожалуй, лучше знал его сердце, умел что-то разглядеть в его душе, и этот Иной, не исключено, и был Тот Самый, кто действительно все знал. От этой мысли у Непалова шли мурашки по коже, и он шел пить пиво со своим товарищем.

Однажды по пути в бар он по привычке остановился перед зданием картинной галереи, но вместо портрета красавицы в красном платье за витринным стеклом обнаружил полотна с натюрмортами. Он забеспокоился и, постояв в размышлениях, пошел к массивной двери с позолоченной старинной ручкой. Дверь была закрыта.

На следующий день он пришел в то время, когда все работало, и стал искать «свою картину». Интеллигентного вида престарелая служащая с шалью на плечах охотно сообщила о долгожданном обновлении антуража и без паузы, как бы боясь, что ее не дослушают, принялась рассказывать о работах местных само-

родков-живописцев.

— Меня интересует «Дама в красном». Автор — Семилетов,— все же перебил ее Непалов и нетерпеливо оглянулся на пустой вестибюль с малиновой ковровой дорожкой.

В вестибюле было прохладно.

— Вам холодно, понимаю. У нас кондиционер мощный. Мне тоже зябко. А вы в Дом творчества заходили? — служащая по-своему растолковала взгляд посетителя на благолепный, украшенный величественными мраморными статуями, вестибюль и с почтением в голосе затеяла повествование о каком-то великом благотворителе-коммерсанте, и говорят, потомственном дворянине, господине Чугунове, оплатившем дорогостоящий ремонт, благоустройство и даже ковровые покрытия для картинной галереи.

Про ковры она сказала с особым удовольствием.

— В нашем возрасте, сами понимаете, ноги стынут. А так, с коврами, уютнее.

Непалов взглянул в выцветшие глаза служащей. «Совсем, как у моей Жанны»,— он вспомнил, как жена надоедливо жалуется на зябнущие ноги и просит вернуть ей то и дело сползающий на пол плед. Ему захотелось сказать напоследок что-то доброе, но он опасался продолжения томившего его разговора. Он завершил беседу стремительно и, по его мнению, уместно для такого заведения, поцеловав руку старушке. В эту минуту он себе понравился.

Его дальнейшее путешествие в поисках своей «Дамы» было довольно утомительно, но он хотел разом с этим покончить и не переносить на другие дни то, что в нем словно зудело. Он не понимал, зачем затеял все это. В конце концов, если я больше ее не увижу, то и что с того. Но что-то щемило в сердце, и он не знал, что это. Ни в Доме творчества, ни в художественном музее «Даму в красном» он не увидел.

— Или кто-то купил ее, или она у Семилетова,— сказала ему в художественном музее такая же, как и в картинной галерее, немолодая служащая с аккуратно собранными в седой пучок волосами.

Она так же благородно выглядела, как и другие ее коллеги, и в суконном темном пиджаке с удлиненной юбкой имела внешность учительницы-пенсионерки.

В музее было пустынно, как и в картинной галерее, прохладно, работали кондиционеры, паркетный пол устилали такие же малиновые ковровые покрытия. Опять же мраморные статуи в вестибюле.

— Уж не господин ли Чугунов ремонт оплачивал? — сказал с улыбкой Непалов о неизвестном ему меценате и в ту же минуту вспомнил, где уже слышал эту фамилию.

Ну, конечно, тот, таинственный некто, который много лет назад радостным голосом сообщил по телефону адрес нахождения любовников, он назвался Чугуновым. В совпадения Непалов не верил. Но и не мог понять, причем тут какой-то знаменитый меценат и его, Непалова, личная жизнь.

— Правда, яркая личность? Полгорода облагодетельствовал,— обрадовалась вопросу служащая.

И тут же приступила к перечислению добрых дел потомственного аристократа Чугунова.

— Знаете, говорят, он из древнего купеческого или княжеского, рода. Точно не могу сказать.

Непалов улыбнулся, поцеловал старушке руку и с извинительным полупоклоном, не слушая уже, что она говорит, ушел.

Идти к Семилетову? Эта мысль показалась дикой, но после недолгих колебаний он, приготовив деньги, отправился к художнику в тот самый дом, где когда-то было сказано им нехорошее слово в адрес жены. Он вспомнил ту старуху-хозяйку в махровом ярком халате, как она просила сигарету, как показала дулю, и как он тогда ненавидел эту старуху, словно она была во всем виновата. Конечно, там уже жили другие люди, старуха-хозяйка давно умерла, завещав внуку жилье, и никто ничего о Семилетове сказать не мог.

Непалов дошаркал до ближайшего сквера, устало опустился на нагретую жарким солнцем скамью. Другие скамьи находились в тени деревьев и были заняты людьми. Многие из них сидели со смартфонами в руках и ничего, кроме смартфонов, будто и не видели, ни этих, сверкающих в солнечных лучах, струй фонтана, ни попрошаек-голубей под ногами, ни синего неба с рябью облаков. И только каменный Пушкин, засиженный птицами, с букетом увядших роз у каменных ног, не имел смартфона, и только он имел счастье наблюдать жизнь живых людей. Непалову стало весело. Он вспомнил об интернете и посмеялся над своей глупостью. Старею, однако, подумал он. В такой век живем, а я…

В соцсетях в считанные минуты он нашел Семилетова. За портрет «Дамы в красном» тот запросил несусветную сумму, но после коротких препирательств согласился продать за одну тысячу рублей. Такая сговорчивость показалась Непалову плохим признаком. Пьет, это однозначно, решил он, и оказался прав.

Семилетов от пьянства опух, и узнать его было просто невозможно. Из подтянутого красавца-ловеласа он превратился в обрюзгшего заросшего мужичка из подворотни, от него несло перегаром. Он взял дрожащими пальцами обещанную ему тысячу и только тогда впустил Непалова в свое жилище, сказав с уважением в голосе:

— Прошу вас.

Его однокомнатная, практически без мебели, квартира была заставлена пустыми бутылками и напоминала склад вино-водочного магазина. Единственным признаком того, что здесь жил художник, были сваленные на полу вдоль пустых стен картины в монументальных позолоченных рамах, что наводило на мысль об их путешествиях по выставкам. Непалов нашел среди них свою любимую, повеселел и, пока Семилетов не передумал, хотел было с ним расстаться, но художник взял его за руку.

— Не уходите, будьте так любезны,— сказал Семилетов и, смутившись, отпустил руку Непалова.

Непалов тяжело вздохнул и покрепче прижал к животу тяжелую картину.

— Пусть пока у стены постоит, а то неудобно так, на весу,— сказал Семилетов.

Взглянув на помрачневшее лицо Непалова, добавил:

— Я не передумаю, в любом случае отдам ее вам. И цену не подниму.

Непалов улыбнулся.

— У вас какой-то вопрос ко мне?

— Конечно. Не каждый день вот так, ради картин, ко мне. Да что там, вы первый. И почему именно «Дама в красном»? Эта работа, кстати, у меня на особом месте. Она действительно удалась. У вас глаз — алмаз. Кто знает, может быть, это единственно стоящая вещь из всего, что я написал за свою жизнь. Пройдем, однако, хотя бы на кухню, присядем, что ли, у меня где-то еще осталась бутылка пива.

Непалов снова тяжело вздохнул, с тоскливым чувством оторвал пальцы от картины и придвинул ее к задрызганной стене в прихожей. Пыль взметнулась с задетой им напольной вешалки-стойки, и шапки, шарфы посыпались на его голову, а следом повалилась и вешалка с зимней одеждой. Вдвоем они принялись восстанавливать нарушенный порядок, а потом на кухне, за найденной под шатающимся столом, среди мелкого мусора, бутылкой пива, разговорились.

Семилетов рассказал о своем, много лет назад, недолгом увлечении знаменитой актрисой, как писал с нее этот самый портрет «Дама в красном» и как однажды жена предъявила ему собранный на него Чугуновым компромат, после чего они развелись и она ушла к Чугунову.

— Чугунов? — переспросил Непалов.

Вспомнил, как в картинной галерее и в музее ему с восхищением рассказывали опять же про Чугунова.

— Да, именно.

— Тот самый коммерсант-меценат?

— Тот самый.

И с воодушевлением Семилетов принялся описывать приключения своей жизни. Все, что он говорил, было похоже на бульварный роман или на мыльную оперу, и слушать эти явные, был уверен Непалов, уж слишком складные, как в кино, басни ему не хотелось. Но глядя на этого человека, понимая глубину его несчастной жизни, Непалов не мог вот так взять и прервать его речь. Пусть выговорится, даже если и врет, пусть, думал он, может, ему станет легче, и хоть этим своим вниманием к нему я помогу ему, а может, и самому себе.

— Она сказала, что и так бы от меня ушла, но я не верю, это она со зла так сказала,— говорил Семилетов, по его щекам текли слезы.— В училище мы дружили втроем. Чугунов, я и Света. Мы были обычными студентами. Единственная разница: преподаватели находили во мне талант, а в нем — нет, да и в ней ничего такого не видели, разве что способности. Мне же прочили блестящее будущее, я считался гордостью художественного училища. Мои картины стали приобретать известность, меня приглашали участвовать в выставках, начались зарубежные поездки, а вместе со всем этим и моя звездная болезнь. А дальше — все банально, а знаете, почему? Потому, что человек слаб. Не каждый может выдержать бремя славы. Но это я сейчас так говорю, сейчас, а тогда… От славы у меня буквально крышу сорвало. Мне казалось, я всемогущий, я верил в свою исключительность, в свою гениальность, о чем мне твердили вокруг. Оставалось жениться, и пазлы сошлись. Света не обделяла вниманием ни меня, ни Чугунова, трудно было понять, к кому лежит ее сердце. Но я уже был известен, богат. Чугунов — нет. И Света выбрала меня… Так что вот так. А в конечном итоге… Звездная болезнь продолжалась, жизнь представлялась сплошным праздником, лично для меня предназначенным. Я откладывал рождение детей, хотелось пожить для себя, так я говорил жене...

Запиликал домофон. Семилетов не обращал внимания.

— К вам кто-то пришел, слышите? — сказал Непалов.

Он надеялся, что сейчас получится улизнуть.

Семилетов отмахнулся. Он наморщил лоб, отчего выражение лица его казалось страдальческим, и сказал, как показалось Непалову, фальшивым голосом:

— Она родила ему сына.

Тут Семилетов взглянул на Непалова странным, как опять тому показалось, лживым взглядом, и повторил торжественно, будто на праздничном банкете:

— Она родила ему сына! Слышите. Вот так.

Поет, как по нотам, тоже мне, солист, подумал по-прежнему без симпатии к собеседнику Непалов. Ему было неловко за свои мысли, но иначе думать не хотелось.

— А ведь я мог быть отцом ребенка, а не Чугунов, я мог быть отцом, понимаете,— пел Семилетов.— И я все потерял. Как глупо. Ах-ха, ах-ах. Она не просто ушла, она унесла из моей жизни то вдохновение, тот смысл, что были, и что исчезли с ее уходом!

Он говорил с надрывом в голосе. И это еще больше раздражало Непалова.

— Я потерял свое счастье не без помощи Чугунова! Он держал на контроле мою жизнь, а в нужный момент нажал нужную кнопку!

— Послушайте, о каком счастье вы говорите,— сказал сердито Непалов.

Он хотел было обличить художника, что говорит тот вычурно, витиевато, пафосно, а значит, фальшиво, ну, совсем как когда-то его жена-артистка, но подумав так, он сумел сдержаться и вслух сказал другое, но тоже злое.

— Ведь она любила не вас. И ушла к тому, кого любила. И не надо винить Чугунова. При чем здесь он. Если хотите, я бы тоже мог сказать, что этот человек сломал и мне жизнь. Но я этого не скажу. Кстати, меня зовут Алексей. Фамилия Непалов.

— Она любила меня, а не Чугунова,— повторил упрямо Семилетов, будто не слыша, что ему говорят.— Она хотела родить детей мне, а не ему. Кто знает, не будь этого портрета…

Семилетов качнул головой в сторону прихожей.

— Не будь той истории, может, она и осталась бы со мной. А то, что вы Непалов, я и сам уже догадался. Да и кому еще мог понадобится портрет Жанны Непаловой, кроме ее мужа. Но что это вы сейчас сказали про Чугунова? Он и вам сломал жизнь?

— Нет, я такого не говорил,— сказал Семилетов.

— Не будь той истории, может, Света и осталась бы со мной,— снова повторил Семилетов.— Я стал бы еще более известным и еще более богатым, я не стал бы пить, и она бы тогда родила детей мне, а не Чугунову, и мы были бы счастливы. Я не верю, что она его любит. Не верю!

«Если бы, да кабы, в гробу выросли б грибы»,— подумал он и, взглянув на мокрое от слез лицо Семилетова, сказал в это вопрошающее его о чем-то лицо:

— Если бы, да кабы, в гробу выросли б грибы.

Он поднялся и, с силой стукнув кулаком по плечу плачущего художника, ушел.

В прихожей он забрал портрет своей жены, хотел было дать художнику еще тысячу, но решил, что тот все равно пропьет.

Художник его окликнул, когда он уже спустился на первый этаж.

— Подождите, я провожу вас.

Назойливый тип, подумал Непалов, но как ни старался уйти поскорее, ноша в руках делала его неповоротливым.

— А теперь я скажу вам главное,— продолжил во дворе Семилетов.

Его разрисованная всеми цветами футболка выглядела нелепо, как сейчас только заметил это Непалов, и он сказал об этом художнику.

— Нелепо, да,— согласился тот.— Но ведь я сам нелепый. Вы разве не видите.

Они остановились возле детской площадки. Непалов решил здесь распрощаться с провожатым.

— Хорошо-хорошо, я дальше не пойду,— согласился тот.— Лишь пару слов напоследок. Я вам все наврал. Ну, почти все.

— Хм. Примерно так я и подумал,— Непалов рассмеялся.— И что именно вы придумали?

Ему стало как будто легче, он не мог понять, отчего, но точно, ему стало легче после услышанного, и он смотрел на художника оттого уже без прежней неприязни.

— Дело в том, что я на самом деле еще более никчемный человек, чем вы могли обо мне подумать. Чугунов был в моей жизни, да, и Света была, но с той разницей, что ни тот, ни другой не имеют отношения к моей разбитой жизни. Они поженились вскоре после окончания училища. А мне оставалось только завидовать. Я никогда не был ни богат, ни знаменит, ни тем более женат. Картины мои не получали наград, а были в числе заурядных работ, таких же, как я, заурядных мастеров. Да, участвовал порою в выставках, не более. Что касается вашей жены, то, действительно, я увлекся ею, но так, мимоходом. И кстати, Чугунов вам не звонил. О времени и месте свидания Жанны со мною вас предупредил тогда никто иной, как я сам, я назвался Чугуновым. Хе-хе.

— Зачем?

— Ну-у…— Семилетов вздохнул.

— Авантюрист.

— Может, и так…

— Вы хотели разбить мою семью?

— Типа того.

— Зачем?

— План был таков: вы бросите изменницу, а я смогу на ней жениться, и смогу забыть все, что терзало меня. Клин клином. И начну новую жизнь. Стану новым человеком. Но вы с Жанной так и не развелись. Это меня страшно удивило.

— В итоге вы стали пить.

— Не-а. Пить я стал гораздо раньше. Со студенческой скамьи, хе-хе.

— В вас, кажется, умер не только художник. С вашей фантазией романы бульварные бы писать. И мыльные оперы ставить. Впрочем, я вас не осуждаю.

Он помолчал, и сказал:

— Знаете, я ведь тоже никчемный человек. Так что…

Они обнялись с теплым чувством людей, понявших друг друга.

***

По дороге домой Непалов думал о своей жене. Он вспомнил, как после того, когда жена очнулась после своей то ли мнимой, то ли настоящей смерти, она помимо других, тягостных для обманутого мужа, признаний поведала ему некие подробности о своем увлечении Семилетовым.

— А ведь я бы не пошла ни за что на ту встречу, если бы знала, как Семилетов меня подставил,— сказала Жанна.— Это ведь именно он тебе позвонил и предупредил о нашем с ним свидании. И назвался чужой фамилией. Он хотел разрушить нашу семью. Тогда он казался мне сволочью.

— А теперь? — спросил Непалов без интереса.

— А теперь… Чего уж. Теперь одно знаю. Сволочь — это я сама. И больше никто.

Тоже мне, актриса, подумал он.

— Жанна, если ты забыла, то я напомню: я уже давно не верю ни одному твоему слову.

Но она все же говорила правду, думал сейчас Непалов и поглядывал на ее портрет. Он хотел показать ей этот портрет. Быть может, она будет рада увидеть себя на этом полотне, такой молодой и такой красивой, думал он, и делал вид, что это не его мысли, и он вовсе так и не думает.

Подходя к своему дому, он вспомнил о Семилетове, как тот плакал, вспомнил его вранье, и подумал, что этот опустившийся человек попытался рассказать свою жизнь с наилучшей стороны, он хотел показаться лучше, чем могли о нем подумать. Но не смог. И признался в своем вранье. Почему? Да и вообще непонятно, точно ли именно в этом он приврал, или гораздо в большем, нежели признался, а может, и наоборот? Словом, совсем мужик потерялся… Неужели и в таких людях есть душевные терзания, подумал он с привычным презрением, какое испытывал к подобным несчастным, но что-то скребло в его душе.

Он удивлялся, почему сказал Семилетову о себе, что он тоже никчемный. Но чем больше он размышлял, тем очевиднее для него становилось, что он сказал правду. Он действительно никчемный человек.

Непалов вспомнил всю свою жизнь, как любил жену и как было все у них до поры до времени хорошо.

Перед его глазами появилось последнее из воспоминаний — ее виноватая улыбка после того, как она, то ли умершая, то ли уснувшая, вдруг пришла в себя, ее виноватый взгляд.

Его грудь сжало, и слезы, будь они неладны, потекли по его щекам так же, как недавно это он видел у Семилетова. «Этого еще не хватало»,— сердито подумал он и хотел сделать вид, что не плачет, но у него не получилось, и он плакал.

Позвонил телефон. Он опустил картину, вынул из кармана смартфон. Звонок от сиделки. С ней у Непалова была строгая договоренность, что звонить ему она сможет лишь однажды — в самом крайнем случае. Том самом случае. Этого звонка он ждал уже три года. Но только не сейчас. Он тупо смотрел на экран смартфона. Почему «не сейчас», он не знал, но знал точно — только не сейчас!

Он не стал отвечать, и, пробормотав, не слыша себя, что-то ругательное, ускорил шаг, а потом побежал как можно быстрее, но у него выходило медленно. Ему было тяжело держать на весу громоздкий портрет, он запыхался и продолжал путь семенящим шагом с короткими перебежками.

Оставив дверь открытой, с ключом в замке, он в уличной обуви побежал в спальню к жене с ее портретом в руках. Споткнувшись, упал вместе с портретом и уткнулся носом в красивые глаза дамы в красном.

Ноябрь, 2024 г.

Людмила ПОПОВА

г. Москва

РАССКАЗ

Пролог

Пожилая грузная женщина понуро ожидала в коридоре на диванчике.

Наверное, где-то поблизости находилась кухня или столовая: доходили запахи супа и молочной каши. Она так торопилась, что ничего не перекусила дома, даже чаю не попила. Но есть не хотелось, только пить. А попросить здесь даже воды принципиально не хотела. Никаких с ними отношений, забрать свое и уйти, чтобы больше никогда…

Наконец-то появилась та, которую она заждалась: директорша.

— Это вы пришли забрать детей

Женщина подняла голову и ответила резко:

— Да! Им здесь не место!

— Ну, вас не поймешь,—директорша явно сердилась.— Одна привезла, заявила, что не нужны. Другая примчалась, чтобы забрать. Вам дети что, игрушки? С котятами и то так

не поступают. Хорошенько подумайте, потом придете! — И она, отвернувшись, быстро зашагала прочь.

— Никуда я без них не уйду. Дочь, не посоветовавшись со мной, такую дурь отмочила! Я, как узнала, всю ночь не сомкнула глаз… Утром сюда приехала, у вас еще все было закрыто… Мне сказали: директор будет после обеда… Я прождала весь день…

Директорша оглянулась. Женщина, едва поспевавшая за ней следом, задыхалась, по-рыбьи хватая воздух ртом. Одутловатое лицо ее от волнения покрылось красными пятнами, глаза блестели от проступивших слез:

— У меня сердце разрывается, что они сюда попали… Пока я жива, никому их не отдам!

— Хорошо,— директорша вдруг сменила гнев на милость.— Пойдемте со мной!

Она усадила бабушку в своем кабинете и распорядилась привести детей, оставленных накануне матерью.

Мальчишки вошли в сопровождении воспитательницы. Не белые и не черные — метисы. Кудри, как смоль. Первому — пять, второму — три с половиной года. Вовочка и Саша. У них были другие имена, которые дал им отец, африканец. Но бабушка упрямо называла их по-своему.

Она ожидала, что ребятишки обрадуются и кинутся к ней. Но они взглянули на нее, как на чужую, и тотчас опустили глаза. Не решаясь подойти, понуро глядели себе под ноги, будто уже смирились с судьбой. Откуда она могла знать, что их память еще хранила вопли матери: «Отцу вы не нужны, почему я одна должна с вами мучиться?! Как я устала! Ни одного светлого дня! Не могу больше! Не могууу!»

Они мало что поняли из этих слов, просто почувствовали, что им не рады, что без них маме лучше.

Тогда бабушка подошла сама, кое-как опустилась на непослушные колени, чтобы заглянуть ребятишкам в глаза:

— Ну, чего носы повесили? Забыли, что у вас бабушка есть? Я забираю вас к себе. Как же я без вас-то? И покуда я жива, ни-ког-да и ни-ко-му вас не отдам. Слышите? Ни-ког-да и ни-ко-му! Я вам это обещаю.

За свою маленькую жизнь ребятишки смогли уяснить, что бабушка, хоть и не такая родная как мама, но все равно человек надежный, которому можно довериться. Все также не поднимая головы, старший мальчишка приник к бабушкиному плечу. Вслед за ним младший потянулся вперед и обнял бабушку за шею. Она обхватила их руками. Долго они стояли так, крепко прижавшись, как будто заново прирастали друг к другу. Бабушка по очереди целовала ребятишек, и плечи ее вздрагивали. Директорша и воспитательница замерли, боясь проронить хоть слово. Потом помогли бабушке подняться, подхватив под мышки…

Они шагали, обходя весенние лужи, к воротам детского дома, крепко держась за руки: бабушка посередине и ребятишки по бокам. Шли решительно, как на сражение. С жизнью. Двое курносых рядовых и за старшину — рыхлая болезненная бабушка.

— Куда ей поднять малых детей, уже немолода и к тому же нездорова! — покачала головой воспитательница, наблюдавшая из окна.— Намучается с ними, и опять ребятки в детдом вернутся.

— Справится! — возразила директорша.— Она сильная. Видала ее лицо?! А мать — кукушка…

Кукушка

Аня уронила на снег тяжелые пакеты. Четыре. По два в каждой руке: картошка, моркошка, лук, мандарины, бананы, молоко, мясо, оливковое масло, фанта, кола… Фу, всего не перечесть! Немного передохнув, снова подхватила ношу и потащила дальше. До дома еще метров 200—300. Ручки одного пакета оборвались, приходилось удерживать за края, которые так и норовили выскользнуть.

Их только двое: муж да жена, грудной ребенок не в счет. А сколько же потребляют! Ей с двумя детьми с лихвой хватило бы этих пожитков на месяц-полтора, а им такой роскоши — на несколько дней.

Дверь открыла хозяйка. Совсем молоденькая, лет восемнадцать. Мужу — тридцать пять. Это новая жена, старая осталась дома, в Африке. У них, мусульман, разрешается брать до четырех жен.

Может и ее муженек новой семьей обзавелся у себя на родине? Укатил домой и позабыл все, что было раньше.

С этими перестройками и реформами ничего не поймешь. Одно ясно — что ни день, то труднее. А тут еще мальцы без конца болеют. Как сговорятся, один за другим или оба сразу. Поэтому и не любят сотрудниц с малыми детьми: или не берут совсем, или стараются побыстрее отделаться. Сколько работ уже пришлось сменить!

От родителей помощи все меньше. Отец скован инсультом. Мама, в прошлом — ведущий специалист НИИ, теперь того и гляди попадет под сокращение. И без конца попрекает дочь: почему к мужу в Африку не отправилась.

Да вот, в Москве за африканца замуж пойти не побоялась, а поехать за ним следом в Африку не хватило куражу. Знакомые девчонки, которые в Африке уже побывали, рассказывали, что там жизнь — не позавидуешь: дома без полов, окна без стекол. Про ванную и туалет забудь навсегда. Все удобства — во дворе. Благо — всегда тепло. Еду готовят на костре или на примусе. Электричество даже в столице — три часа в сутки. Могут и вообще отключить на целый месяц безо всякого предупреждения. В деревнях об электричестве и не мечтают.

Днем — жара, ночью — духота. Полчища комаров. Малярия. Нехватка лекарств и вообще всего… От-

сюда дороговизна. Непривычные нравы и обычаи, пренебрежительное отношение к женщинам. Муж в доме — король. Ненависть и месть местных женщин: «белая» увела их мужика. Со всеми вытекающими последствиями. Одна украинка, от которой вдобавок ко всему отреклись родители (за черного вышла — ты нам больше не дочь), от отчаяния повесилась…

Как представишь, что ты там совсем одна, ни друзей, ни родных… А билет до Москвы стоит уйму денег. Где столько найти? И отпустит ли муж?

Вот сколько аргументов — против. А мама! Ведь дня не провела в Африке, а готова родную дочь спровадить…

На кухне гора грязной посуды: тарелки, кастрюли, сковороды… Плита стонет под толстым слоем пригоревшего жира. Мусорное ведро полнехонько, рядом — пакет с памперсами, которые уже забродили и запели. Хотя мусоропровод в паре шагов от квартиры, хозяева не шевелятся до прихода домработницы.

Тараканы замерли над раковиной, шевелят усами, поглядывают на Аню. Их тут целая ферма! Чем прогнать? Спрей — ерунда. У кого бы спросить? У мамы… Она, наверняка, знает сильное средство. Только бы домой их не занести!

— Мороз — хорошо!

Это подошел Мусса, хозяин дома, упитанный щеголеватый африканец, щедро облитый французской туалетной водой. Он показывает на Анины щеки: красивая!

Она разрумянилась не столько от мороза, сколько от тяжелой ноши.

— Мусса, надо такси. Много покупок — тяжело! Деньги давай на такси!

— У Мусса нет денег.

— На покупки есть, вон сколько всего заказал! Список — две страницы. А на такси нет?! Аня не лошадь.

Мусса развеселился: Аня — лошадь! Зачем такси? Аня — лошадь!

Он живо расправляется с покупками, запихивая, что в шкаф, что в холодильник. По чекам проверяет стоимость, сдачу, чтобы не своровала…

В ванной собрали белье на стирку. Стиральной машины нет. Говорят — купят, но когда — неизвестно. Приходится все стирать руками, даже постельное белье. Потом перегладить…

Кроме того требуют каждый день пылесосить мягкую мебель и ковры. Мусульмане любят ковры, молятся на них, стоя на коленях. Ежедневно — влажная уборка. Строго следят, чтобы ничего не пропустила. И за все — двести долларов в месяц.

Несколько месяцев назад она решилась пойти в посольство той страны, откуда родом муж. Может, чем-то помогут или мужа заставят платить на детей.

Шла решительно, уже и речь приготовила. А переступила порог и оробела от стыда и страха.

Хотя чего бояться?! За детей пришла просить.

Пока нескладно объясняла послу, старому африканцу с круглым, как чугунная сковорода, лицом, что нуждается в помощи: муж уехал на родину год назад и за все время не прислал ни копейки, тот беззастенчиво ощупывал ее взглядом. Спросил домашний телефон. Она насторожилась и ответила, что телефона нет. Явно, она пришлась по вкусу. Не такая уж красавица, но молодая бабенка все лучше, чем старая жена. Про телефон наслышалась: будут названивать и напрашиваться в гости. Понятно зачем. Угораздило же проболтаться, что живет отдельно от родителей.

Помочь отказались.

Волей-неволей пришлось еще наведаться в это посольство. За справкой, что отец постоянно проживает за границей и о детях не заботится. Собес платил бы ей ежемесячное пособие. Отказали даже в справке. Видимо, в наказание за упрямое целомудрие.

Она уж совсем расстроилась. И тут атташе посольства Мусса неожиданно предложил ей работу. У него дома. Горничной. Она, не раздумывая, согласилась, хотя никогда в жизни горничной не служила. Даже обрадовалась: земляк мужа уж точно не обидит.

Зарплата, двести долларов, быстро растекалась, словно вода из пригоршни, как ни старалась экономить! Для детей покупала, что получше. Для себя только самое необходимое и дешевое. Бросовое барахло на рынке. Еще совсем молодая, она одевалась, по словам матери, хуже нищей старухи. Попросить же прибавку к заработку не решалась. Причина на то имелась.

Мусса так и норовил облапать в укромном углу. Не пропускал ни одного удобного случая. Это при юной-то красавице жене! Видать, сказывалась мусульманская кровь: одной бабы мало. Возможно, он мог бы приплачивать за интимные услуги… Однажды она зазевалась и чуть не поддалась. Вернувшись домой, не жалея мыла, смывала ненавистные поцелуи. Разве же сравнить похоть с ласками любимого мужчины! И ребятишки весь вечер пытливо заглядывали ей в глаза, будто обо всем догадались.

С тех пор она стала остерегаться хозяина, а тот в свою очередь начал мстить: досаждал придирками, прибавлял работы.

Покупать стиральную машину не торопился, а надумал отдавать ей в стирку еще и свои костюмы: брюки с пиджаками.

— Костюмы лучше сдать в химчистку,— попыталась объяснить Аня.— Там и пятна выведут и отгладят…

Куда там! Мусса ощетинился и процедил сквозь зубы, чтобы она не спорила, а делала все, что прикажут.

Молоденькая жена, показавшаяся сначала милой и улыбчивой, очень быстро превратилась в безжалостную надзирательницу. То ли муж научил, то ли самой нравилось понукать. Стоило хоть на минуту присесть,— хозяйка тут же давала новое поручение. Даже перекусывать приходилось украдкой.

Частенько набегали земляки и приятели. Вальяжные гости наперебой отдавали приказания. Чтобы всем угодить, приходилось вертеться юлой, впопыхах натыкаясь на двери и стулья. От окриков даже после работы звенело в ушах:

— Принеси!

— Отнеси!

— Еще стакан!

— Еще чашку!

— Разлили — вытри!

— Разбили — собери!

— Сбегай, купи еще сока и печенья! Да побыстрее!

При возвращении сердито указывали на часы: почему так долго?!

А дома несмышленая ребятня тормошила, чтобы поиграла в прятки или почитала книжку. Аня сама любила читать и играть с сыновьями, но язык заплетался, а глаза закрывались от усталости.

Да сколько, в конце концов, можно батрачить?! Набравшись решительности, она позвонила Муссе и объявила, что больше к нему не придет.

И опять поиски работы. Многочисленные газетные объявления — хитро расставленные сети. Сулят золотые горы, а платят крохи. За целый месяц телефонной агитации на компьютерной фирме заплатили двадцать пять рублей. Хватит на шоколадку. А на что жить целый месяц с двумя детьми?

Берут без трудовой книжки. Адреса разные, а суть одна. Ни стажа, ни гарантии.

Однажды разрыдалась у входа в метро. Подошла женщина, похожая на маму, стала успокаивать. Предложила пойти к ней в помощницы на фирму, торгующую косметикой. Сетевой маркетинг. Совсем нетрудно, но очень выгодно. Настали другие времена, появилась возможность разбогатеть. К примеру, хочешь машину купить? — Реально. Да что там машину — пароход!

Аня и не помышляла о пароходе, просто поверила приветливой человеческой улыбке.

На деле вышло совсем не так великолепно, как обещали. Приходилось скупать мешками кремы, шампуни, лаки и прочую муру, а потом скитаться по Москве в поисках клиентов. Сбагривать «товар для красоты» удавалось в основном родне и знакомым. С утра до вечера — марафон с набитыми сумками, а доходов — с гулькин нос. Нина Степановна, «сердобольная женщина», похоже, ловила для своего бизнеса отчаявшихся неудачников, потерявших и работу, и всякую надежду. Теперь она контролировала Аню и требовала не только продавать, но и вербовать других продавцов, сколачивать группу, с которой Нине Степановне, как директору, будут идти пенки, то есть проценты. У «золотых» и «бриллиантовых» директоров таких групп набиралось целыми гирляндами. Они уже не продавали, а только руководили продавцами и жили на проценты от их продаж.

В этом бизнесе особенно процветали цыгане. Одна из них, по имени Стелла, проворная, как огонь, не сходила с рекламных проспектов то на фоне живописного курорта, то подле красивого авто-презента за особые успехи в коммерции. Нерешительная и немногословная Аня совсем не умела вербовать. А робкий и бесхитростный взгляд сразу выдавал, что с таким компаньоном скорее последнее потеряешь, чем разбогатеешь. Нина Степановна поначалу старалась подталкивать и вдохновлять Аню, даже жениха ей нашла из своей родни. Потом махнула рукой: недотепа!

Единственное, что удалось Ане в этом бизнесе — это набить свою и родительскую квартиры всевозможными бутылочками, банками и склянками, которые так и не удалось никому всучить. Мальчуганы охотно подставляли головы под шампуни без слез, пахнущие шоколадом и карамелью. А на самое необходимое денег постоянно не хватало.

В обед ели макароны, слегка сдобренные маслом. Старшенький, Ворими, попросил мяса.

— Ешь, что дали! — строго осадила Аня. Мясо будет в другой раз.

Она напускала на себя строгость, чтобы не разреветься. Нельзя перед мальчишками раскисать, чтобы не выросли плаксами. Пусть у них будет сильный характер, как у отца: приехал из Африки, не досыпал, не доедал, мучился от холода, но не бросил учебу. Не в пример ей, которая жила в Москве под родительским крылышком, ни в чем не нуждалась, а учиться не захотела — слишком трудно.

Характер-то у него есть, а вот сердца нет: уехал и забыл. Письма и те шлет раз в полгода. Видно, врал, что любит. Так и написала ему в последнем письме.

— А я не хочу мяса,— успокоил мать Салех, младший сынишка. Помолчал и добавил: я мармелада хочу. Славик вчера ел во дворе... Такой вкусный! Похож на кусочки апельсина… И апельсин хочу. И машину заводную…

— Апельсины будут у бабушки. Про машину вообще забудь! Хотя… посмотрю на поведение.

Так и знала: мальчишки разом оживились. Придется выкраивать на подарок. Ладно, не впервой.

Пока Аня мыкалась по городу в поисках заработка, дети оставались с бабушкой, которая, похоронив мужа и потеряв работу, теперь сидела дома. Для внучат у нее всегда находился вкусный гостинец.

С матерью Аня не ладила. Они все меньше понимали друг друга и все больше расходились в разные стороны, как дороги от перекрестка. Странно. В детстве мать понимала ее с полуслова, скорее, вообще без слов, была ее лучшей подругой. Теперь же они стали чужими, почти врагами.

Вот и сегодня разразился скандал.

Вечером Аня привезла детей к бабушке: завтра рано утром ей ехать на новую работу.

Они чаевничают на кухне, где пахнет солеными огурчиками, куриными котлетками, мятным чаем и домашним печеньем. Сколько себя помнит Аня, здесь у матери всегда жарились и парились всякие вкусности и царили соблазнительные ароматы.

Насытившиеся ребятишки смотрят мультики в соседней комнате.

Аня с нескрываемым раздражением поглядывает на мать: перед кем наряжается?! К чему этот атласный халат, вышитые тапочки? Другие женщины в таком возрасте обходятся одеждой из простой фланели. А уж до чего суетливая: и грибы какие-то выращивает, и шапочки вяжет, и индийские ожерелья собирает, и соседским детям по математике помогает…

Как раз сейчас рядом с ней коробка с разноцветными бусинами. Едва допив чай, мать принялась проворно нанизывать на леску попеременно алые кораллы и черный бисер.

Дочь совсем не похожа на мать ни характером, ни внешностью: темная юбка, блеклый свитер, по виду на все четыре размера больше положенного. Дешевые чулки. Кое-как сколоты на макушке волнистые русые пряди. Красивые волосы унаследовала от отца. Другая гордилась бы такой шевелюрой. Только не Аня.

— Ты совсем перестала за собой следить с тех пор, как муж уехал,— выговаривает мать, отложив в сторону готовое ожерелье и принимаясь за новое.— Посмотри на себя,— на кого стала похожа?! Почему не надеваешь кофточку, что я купила?.. Измучилась она! А почему к мужу не отправилась, когда билеты прислал!

— Чего к мужу не полетела? Ты никак забыла, что он прислал билеты только для детей?!

— Опять за свое! Сколько у нас родни, друзей! Всегда можно собрать денег, было бы желание.

— Ну, приеду к нему и что дальше? Может у него там уже другая жена. Или несколько. Мусульмане имеют право на четырех жен. Да его африканские бабы меня там загрызут! Тебе легко рассуждать, сидя в Москве…

— Не оправдывайся! Он же написал, что денег не хватило. Такой человек, как Умар, не способен на дурное. Ты ведь сама его выбрала!

Аня припомнила, как долго боялась показать родителям своего друга-африканца, с которым познакомилась в университете, где работала лаборанткой.

Вдруг предки не одобрят ее выбор? Но родителям пришелся по душе темнокожий юноша: приветливый, спокойный, рассудительный. Особо подкупало почтительное отношение к старшим.

— Сколько мы с отцом старались найти ему работу в Москве! — вздохнула мать.— Ничего не вышло. Квартиру вам отдельную сделали, а с работой не получилось. Не берут у нас никуда иностранцев. Остается только одно — тебе к нему отправляться.

Мать замирает, задумчиво глядя на бусины в коробке, будто ожидая от них мудрого совета. Снова вскидывает голову:

— Ты должна жить с мужем! И детям лучше, когда они в полной семье, с матерью и отцом.

— Да пойми, наконец,— все больше раздражается Аня,— там условия жизни тяжелые. Он сам говорил. Я не выдержу.

— Он — твой муж, и ты должна с ним все делить. Трудности тоже. Разве я от мужа, твоего отца, когда-нибудь отказывалась? Ты — жена и твой долг…

— Что ты все заладила: муж, жена, долг… Ничего я никому не должна! Если мы ему нужны, пусть сам приезжает! Ты прямо-таки жаждешь от меня с детьми отделаться. Надоело, что сидим на твоей шее, да? Ты в Африке когда-нибудь жила? А меня готова хоть в пекло послать. Не мать, а злая мачеха! Никому я не нужна! Никому! Ни мужу, этому прохвосту, ни матери родной!

И она убежала, хлопнув дверью.

Мать невольно вздрогнула от грохота и горестно задумалась. Сами мы, наверное, с отцом виноваты: слишком оберегали, под каждый шаг соломку стелили. И от работы берегли, и учиться не заставляли. Избаловали, изнежили. Вот и ждет, когда на блюдечке все поднесут… Мачеха! Пожила бы ты с мачехой!

На лестничной площадке Аня нажала кнопку лифта и, не дождавшись, побежала вниз по лестнице, глотая соленые слезы.

Всех она сейчас ненавидела. Всех. А особенного того, кого совсем недавно любила. Не зря говорят: от любви до ненависти короче воробьиного носа.

— Ненавижу! Ненавижу! — раздавалось в такт топающим сапогам.— Обольститель! Изменник! Эгоист проклятый! Живет там в свое удовольствие, а я тут мучиться должна! Чтоб тебе никогда добра не видать! Чтоб ты там подох со всеми своими женами!

Именно в тот вечер и закралась в ее воспаленную голову крамольная мысль, которая показалась панацеей ото всех бед и местью всем и за все.

Обольститель

Высокий и тощий, в светлом льняном костюме, какие носят африканские служащие: просторные брюки и пиджак с короткими рукавами, в сандалиях на босу ногу, вышагивал Умар по песчаной тропке : раз-два, раз-два в такт песни, радуясь близкому счастью…

Полгода прошли в поисках работы. Долгих тягостных шесть месяцев. Получив в Москве диплом экономиста, надеялся, что на родине его, образованного специалиста, завалят приглашениями. Зря надеялся! Умар обежал все фирмы и фирмешки, предложил свои знания всем министерствам в столице. Везде — отказ. Вот чудеса: грамотных не хватает, как воды в пустыне, а на работу не берут. Из столицы отправился на периферию. Но и здесь ничто не светило. В пору было отчаяться…

Силы ему прибавляли три дорогих существа, оставшиеся в Москве: любимая женщина Аня, ставшая его женой, и два пацаненка. Знают ли они, чувствуют ли там далеко, как они ему дороги?! До знакомства с Аней он и думать не мог, что бывают на свете такие чистые и добрые женщины. Да еще, что такая согласится стать его женой. А ребятишки… Какой же отец не любит своих сыновей и не желает им добра?! Ради них он скитался по стране в поисках работы, под нещадно палящим солнцем, от которого плавится подобно шоколаду асфальт, и под тропическими ливнями, что льют, не переставая, по нескольку суток, превращая проселочные дороги в непроходимые болота. Мерил километры пешком или, оседлав старый мопед, взятый напрокат у соседа. Повидавший виды, насквозь проржавевший агрегат жалобно дребезжал, грозя в любой момент развалиться. Или на терпеливом железном «верблюде», попутном грузовике, взгромоздившись на гору мешков и узлов, среди прочих рисковых путешественников, не боящихся на повороте свалиться под колеса. Видела бы его Аня на таком африканском «автобусе»! То-то бы посмеялась! А может, ужаснулась …

Везде принимали на работу по знакомству, по блату или за мани. У него сейчас, к сожалению, никого за спиной, кто бы смог подтолкнуть. А мани нет и подавно.

Уехать в Россию на учебу помог кум, который в ту пору имел связи в министерстве образования. Вернувшись из Москвы, Умар сразу навестил этого кума. Но за прошедшие годы в стране произошло много перемен. Несколько раз поменялось правительство. Другие кумовья теперь имели «руку» во власти. Увы!

Наконец, подвернулся случай. Влиятельный господин, занявший по знакомству пост главбуха в крупной государственной компании и имевший понятия о бухгалтерии не больше, чем верблюд о спряжении русских глаголов, взял его к себе в помощники. Надо было приходить в конце месяца на несколько дней, чтобы сводить дебет с кредитом, то есть составлять отчет. За пять долларов в день. Он согласился. Даже обрадовался. Выходило пятнадцать-двадцать долларов в месяц. Оценив трудолюбие и знания нового помощника, «главбух» порекомендовал его друзьям, таким же «грамотеям», как и сам. Вся эта братва бессовестно обкрадывала Умара при выплате зарплаты, но все-таки уже имелся какой-никакой заработок, и он даже умудрялся откладывать кое-что для Ани и детей.

Откладывать приходилось не так много, как хотелось. Дело в том, что он жил с матерью и Калтумой, женой старшего брата, умершего три года назад от укуса скорпиона.

В тот год лето выпало особенно жаркое и засушливое. Как известно, в такую пору во всю лютуют скорпионы: по ночам лучше не ходить босяком. А брат выскочил среди ночи во двор по нужде без обуви… На руках вдовы осталось пятеро ребятишек. По существующим обычаям Умар должен жениться на вдове брата, чтобы заменить кормильца. Жениться он отказался, так как уже имел семью в Москве, а заботиться считал своим долгом. Да и как иначе? Ведь столько времени, пока искал работу, он сидел на шее у матери и вдовы, которая зарабатывала мелкой уличной торговлей. Его кормили и поили, ни разу ни в чем не попрекнув. Теперь настал его черед давать женщинам денег на хозяйственные нужды.

Потребовался преподаватель математики в лицее. Пошел преподавать. Сначала в лицее, потом в университете. Смог теперь платить за учебу племянников в школе, ремонтировать и благоустраивать «родовую усадьбу» и откладывать гораздо больше, чем раньше. Работал без отдыха, без выходных, повторяя, как молитву, имена жены и детей и считая каждую копейку, чтобы хватило и на эту семью, и на ту.

Наконец, накопилась необходимая сумма. В предвкушении счастья, он отправился покупать авиабилеты. Но пока росли его доходы, цены, оказывается, тоже не дремали. Денег хватало только на один билет взрослый или на два детских. Что делать? Решил, что все-таки лучше купить два билета, чем один. Два билета на детей, а Аня, она же умница, все поймет. Если захочет, наскребет на билет и прилетит к нему с ребятишками. Если скучает, так же как он,— обязательно прилетит. Непременно. Так ждал и надеялся! Ее приезд стал бы наградой за беспросветные дни.

Но Аня не прилетела. Мало того, прислала очень сердитое письмо. Сплошные упреки. Может, нашла другого мужчину? Почему бы нет. Они уже столько времени врозь. Пока он жил в мечтах, она — реальной жизнью. Разве можно ее винить?!

Некоторое время Умар пребывал в унынии. А потом с удвоенным рвением кинулся на заработки. Решил: если Аня не хочет приехать, то сам отправится в Москву. Надо копить деньги на билеты, на подарки. Опять хватался за любую работу, не зная ни сна, ни покоя. Из экономии ел только раз в день, мог вообще по три дня обходиться только водой. Совсем отощал. Но не обращал на такие пустяки внимания. И только подгонял себя: скорее, скорее, потому что Аня не сможет долго ждать! Считай, два года уже потеряны.

И вот с деньгами в кармане в приподнятом настроении снова отправился в авиакомпанию Эр-Африк покупать билет до Москвы. Никакого личного транспорта не приобрел, до общественного страна не доросла, поэтому шагал, насвистывая веселую песенку, по пешеходной тропке вдоль автодороги, благо весь город, как один московский квартал.

Ни малейшего ветерка, раскаленный воздух, резкий запах разогретого на солнце гудрона. По обе стороны дороги — вразброску одно- и двухэтажные частные дома, мелкие бутики, кое-где деревья, впереди — небольшой вещевой рынок.

Высокий и тощий, в светлом льняном костюме, какие носят африканские служащие: просторные брюки и пиджак с короткими рукавами, в сандалиях на босу ногу, вышагивал Умар по песчаной тропке: раз-два, раз-два в такт песни, радуясь близкому счастью.

И не заметил притаившийся в переулке под густым манговым деревом раздолбанный джип с двумя свирепыми жандармами в железном брюхе.

— Эй, ты! — рявкнул блюститель порядка в приоткрытую дверь машины, приглядев Умара.

Того вмиг съежило, как от лютого московского мороза. Ну и простофиля! Нашел когда свистеть! Совсем позабыл, что в стране объявлен тридцатидневный траур по случаю кончины первой жены Президента. Вот влип! Ведь известно, что пуще всего надо остерегаться стражей: обчистят до нитки, не помилуют.

Он прикинулся глухонемым и продолжал топать по инерции, лихорадочно прикидывая, куда бы спрятать деньги. Голова распухала от напряжения, но ни одна спасительная мысль не приходила.

Зловещий джип тем временем разворачивался за ним следом.

И тут Умар совершил вторую роковую ошибку: он кинулся бежать. В сторону рынка с надеждой затеряться среди мельтешившего там народа. У жандармов появился несомненный козырь для преследования: убегает — значит виновен.

Ну, хоть бы кто-нибудь подвернулся сейчас из родни или друзей! Хоть бы одна родная душа пришла на выручку! Как назло, никого.

А джип уже рядом.

Умар остановился, пытаясь исправить положение. Может еще все обойдется? Может зря так перепугался?

Оглянулся на жандармов, улыбнулся, сверкая белыми, как первый московский снег, зубами, поздоровался.

— Это вы ко мне обращаетесь? А я не понял сразу… Прошу прощения. Спешу по делам. Извините. До свидания.

— Садись в машину, пес! — грубо отрубил блюститель порядка.

Драное и грязное нутро джипа скорее походило на бродяжий притон, чем на служебную машину. Кондиционер едва разгонял ядреный букет солярки, пота, пива и блевотины.

Сидевший на заднем сиденье страж обыскал Умара и отобрал деньги.

— А теперь пошел вон, ворюга!

— Мои деньги! Отдайте мои деньги! Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

— В тюрьму захотел? На днях одну коммерсантку обворовали, и она дала твои приметы,— сказал жандарм, сидевший за рулем.

— Мою жену,— уточнил второй.— Так что убирайся, пока цел!

Умар посмотрел на их увесистые кулаки, бульдожьи скулы и кованные железом ботинки.

— Убирайся! — прорычал жандарм, и глаза его налились кровью.

Дрожа от возмущения и бессилия, он вылез из машины. Что было делать? Пожаловаться начальнику жандармерии? Но чтобы приняли жалобу, придется дать на лапу. Можно, конечно, отнести то, что приберег на подарки. Деньги-то возьмут, никто не откажется. А дальше что? Вероятнее всего шеф заступится за своих подчиненных. Ему ничего не вернут, да еще изобьют за клевету на должностных лиц и запрут в тюрьму недели на две. А может и на больший срок, смотря, как повернется дело…

Он возвращался, не видя дороги от слез.

Придя домой, отдал оставшиеся сбережения Калтуме: «на всякий случай».

Всю ночь его трясла лихорадка. Мать и Калтума по очереди смачивали ему водой запекшиеся губы. Рано утром Калтума привела доктора. Потом поспешила в аптеку за лекарством.

То ли лекарство оказалось слабым, то ли болезнь слишком коварной. Умар пролежал пять дней, ни с кем не разговаривая, ничего не принимая кроме лекарства и воды. На шестой день утром Култума, поднеся ему по обычаю лекарство и стакан с водой, вдруг громко закричала. Он был мертв.

Разбирая документы покойного, Калтума наткнулась на конверт с фотографиями. Эти фото она никогда прежде не видела и теперь с любопытством разглядывала каждое: почти на всех — светящееся от счастья лицо молоденькой белой женщины. Вот она в фате и длинном платье рядом с Умаром — свадьба. Маленькая женская рука в белой перчатке держит бокал с шампанским. У Умара — галстук бабочка. Целуются. Умар держит младенца, своего первенца. Наклонился над детской коляской возле высотного дома.

Калтума поглядела на свои заскорузлые руки с черными, как у шахтера, пальцами, никогда не знавшие нарядных перчаток, потом бережно уложила фотографии обратно в конверт. Она попыталась представить,

как исказится от боли и слез красивое лицо белой женщины, когда та узнает о кончине Умара, и горестно вздохнула.

Через несколько дней конверт с фотографиями ушел по почте в далекую незнакомую Москву вместе с письмом, в котором сосед, знающий русский язык, написал по просьбе Калтумы, что Умара больше нет среди живых.

Эпилог

Во дворе дома женщина, в черной одежде, сидит на скамейке под старой яблоней, что возле детской площадки. Жильцы близлежащих домов уже привыкли к ней.

Зимой в ее одежду набивается снег, осенью ветер метет ей под ноги сухие листья, а по весне — бело-розовый яблоневый цвет. Но она и в стужу, и в зной, ничего не замечая, неустанно следит за заветными окнами и подъездом…

Это Аня.

Узнав о смерти мужа, она решила, что убила его своими проклятьями, и теперь не может обрести покоя ее душа. Пошла в монахини, отмаливает грехи, ухаживает за тяжелобольными. Говорят, что она хорошая сиделка.

Если заведутся какие деньги, относит их матери и сыновьям. Деньги они принимают, а вот ее присутствие переносят с трудом. Она это чувствует всем своим нутром. Чужая. Лишняя. Поэтому заходит в дом лишь изредка, а чаще всего садится на эту скамейку и ждет. Ждет, когда ее мальчики случайно выйдут из подъезда.

Тогда встает и идет вслед за ними, стараясь держаться незаметно поодаль, до остановки автобуса. Иногда садится в тот же автобус… Ей очень хочется услышать, о чем они говорят, но боится подойти поближе.

Ее ребята — уже студенты. Оба поступили в МГУ, старший — на физфак, младший — на юридический. Оба высокие, в отца. А старшенький — точная копия Умара. Бывает же такое сходство!

Оба спортсмены. Один — в сборной России по волейболу, второй — по баскетболу. Все прошедшие годы неугомонная бабка, не только строго следила за домашними заданиями, но еще не ленилась возить внучат в детскую спортивную школу. Каждую неделю. В другой конец города.

Как ребята любят бабушку, как трепетно о ней заботятся! А родную мать не признают.

Аня живет надеждой, что наступит день, когда и мать, и сыновья все-таки простят ее. Обнимут и простят. И тогда она выплачет все слезы, что накопились внутри невидимым студеным озером, холодящим душу. Выплачет до последней капли…

Сыновья выходят на остановке, приветствуют подошедших друзей. Все вместе куда-то идут, оживленно беседуя.

А Аня едет дальше.

— Нет, не простят. И никогда не будут любить. И никогда не обнимут. И на похоронах не пожалеют о ней. Если придут… Никогда,— шепчет она, глядя им вслед.

Глаза ее остаются сухими, только в груди, в потаенном озере, прибавляется ледяной влаги…

Сейчас она зайдет в пропахшую лекарствами палату. Больные наверняка уже заждались. Примутся наперебой звать: принести судно, сменить постель, перевернуть на бок… Молодых сестричек не дозовешься: брезгуют или ленятся, а монахиня всегда безотказна и приветлива.

«Хорошо быть добренькой, когда все в жизни — гладь да божья благодать,— с неприязнью поглядывая в ее сторону, судачат сестрички.— Попробовала бы хлебнуть из нашей горькой чаши, святоша безмятежная,— сразу бы остервенела!»

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Николай Алексеевич Макаров — гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член СПР, Российского Союза ветеранов Афганистана, Тульского общества православных врачей, редколлегии журнала «Приокские зори». Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, литературной премии Правительства Тульской обл. им. Л. Н. Толстого и премии им. С. И. Мосина (дважды). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ТУЛЯКИ 345-го ОТДЕЛЬНОГО

ГВАРДЕЙСКОГО ПАРАШЮТНО-ДЕСАНТНОГО ПОЛКА

30 декабря 2024 года — 80 лет со дня создания полка.

Спецпропагандист

Бурцев Владимир Ефимович, родился 25.08.1955 во Львове.

В моем представлении военная профессия спецпропагандиста ассоциировалась с эпизодом из кинофильма «В зоне особого внимания», когда в усмерть уставшим, голодным, промокшим до нитки десантникам через мощные «матюгальники» предлагают всевозможные «какаво с кофием» и другие блага цивилизации взамен на статус «Павликов Морозовых» или, что, практически, одно и тоже, на статус «Мальчишей-Плохишей».

Бурцев смеется.

Авторское отступление.

Владимир Бурцев, гвардии подполковник в отставке — мой давнишний, если и не близкий приятель, то давнишний хороший знакомый Володька Бурцев, с которым неоднократно участвовали во всевозможных мероприятиях и переделках — в 1979 окончил Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище. С августа 1979 года по 1983 год — начальник клуба в отдельном полку связи, что в Медвежьих Озерах. С 1983 года по январь 1988 года, с сентября 1989 по январь 1999 года и с 2000 года по 13 апреля 2001 года (дата увольнения из рядов Российской Армии) проходил службу на различных должностях в частях 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

За год и три месяца пребывания в Афганистане Бурцев награжден орденом Красной Звезды и орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. Вот тебе — и спецпропаганда, вот тебе — и спецпропагандист 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.

— Награды за мою,— Владимир на секунду задумывается, подбирая нужные слова,— за мою работу, вернее, за мой труд, военный труд.

Я бы еще добавил — за тяжелый, на грани фола, запредельный труд военного спецпропагандиста. Из рассказов Бурцева я быстро уяснил, что его профессия очень и даже слишком очень отличается от моего представления, полученного после просмотра вышеуказанного кинофильма.

Представьте себе, что нашим войскам для выполнения боевой задачи нужно совершить рейд по территории, контролируемой вроде бы нейтральными моджахедами. Да, сегодня они проявляют якобы лояльность к советским войскам, а завтра? А завтра (восток-то — дело тонкое, Петруха, не зря говаривал товарищ Сухов) от этих самых «духов» можно ждать любую подлянку.

И, чтобы не случилось этой самой подлянки, спецпропагандист Бурцев накануне операции встречался со старейшинами селений, с командирами отрядов, договариваясь о временном перемирии, о нейтралитете. Все семь раз — каждый случай Владимир помнит до мельчайших подробностей — подобных «мероприятий», когда нашим войскам Бурцев обеспечивал «зеленую улицу», ни одной осечки, ни одного «экса» не происходило.

— Другие войска,— Бурцев под «другими» войсками подразумевает не десантуру,— не пользовались таким авторитетом у противника и, порой, попадали в переделки. На наши условия на таких встречах старейшины и командиры соглашались не задумываясь — знали не понаслышке, что десант всегда держит слово.

Кроме этих семи, можно сказать масштабных переговоров, он бессчетное количество раз участвовал в переговорах, как сам отмечает, «не отходя от КПП», в близлежащей «зеленке», получая нужную информацию от «засланных казачков». В той самой «зеленке», в которой двоих солдат — среди врагов не разевай «дувало» — захватили в плен «духи».

— Через трое суток вернули в целости и сохранности,— поясняет Бурцев.— Вернули, естественно, не задаром — пришлось немало поработать с местным населением и в конечном итоге выставить «на кон» семь мешков гречки и ящик ручных гранат. А куда денешься-то — жизнь наших солдат дороже.

Авторское отступление.

На задания Бурцев обычно ходил с переводчиком, хотя до Афганистана целый год в специальном учебном заведении до умопомрачения денно и нощно изучал, учил, зубрил (как кому нравится) язык дари. Попутно штудируя военно-политическую географию, религию, обычаи, экономику и т. д., и т. п. Афганистана и сопредельных стран. А переводчик был нужен для того, чтобы помогал разобраться в местных диалектах и других нюансах чужого языка.

В феврале 1989 года 345-й полк вывели в Кировабад, а в апреле полк в составе других сил был срочно переброшен для тушения «пожара» в Тбилиси.

— Чего только не наговаривали на нас эти «храбрые портняжки из Тбилисо».— Бурцев ехидно улыбается.— Надо же, «солдат-десантник гнался с саперной лопаткой за старушкой три километра». Это заявление равносильно, а может даже и круче, жеванию галстука известным лицом. С самого начала я был с солдатами в самой гуще событий — да, дай нам команду «Фас!», и никого бы рядом не стояло без всяких там лопаток.

Своим третьим орденом — орденом «За личное мужество» — Бурцев был награжден за участие в миротворческой миссии в Северной Осетии в конце 1993 года. Занимая должность то ли психолога, то ли еще какую-то по работе с личным составом в 51-ом полку, он спешно был вызван заместителем командира дивизии гвардии полковником Савиловым в штаб дивизии (как будто в штабе не было своих «политработников» — пруд пруди) для усиления группы управления сводным полком, убывающим на Северный Кавказ.

— С Чечней тогда еще не было конфликта, но однажды на границе Ингушетии и Чечни дудаевцы захватили нашего офицера и группу солдат. Не дожидаясь приказа — в этом подразделении я был старший политработник (так еще нас тогда называли) — я побежал с полотенцем, вроде как с белым флагом парламентария в расположение дудаевцев. Надо сказать, что их командира я прекрасно знал — наши подразделения стояли по обе стороны границы, и мы часто с ним переговаривались «за жизнь». Подхожу к нему с полотенцем на плече и с глубоко засунутыми в карманы брюк руками и выпаливаю: «Только не тронь моих рук — в них гранаты с выдернутой чекой». Он ошалело уставился на меня и произносит: «Ты, мол, что — дурак?». Так и просидел четыре часа с руками в карманах с ним за столом, пока не привели захваченных. Всех отдали, но автоматы присвоили себе. И на том — спасибо. Но руки затекли ужасно — как раки вареные стали. Да, после этого моего самоуправства я от Савилова — Царство ему Небесное — получил жутчайший нагоняй. Тем не менее, он и подписывал мне наградной лист.

Четвертый орден — орден Мужества — за Чечню, за первую Чеченскую войну в начале 1995 года.

— За Югославию еще имеется НАТОвская медаль.— Подводит черту нашему разговору мой давнишний приятель Володька Бурцев.— Ну, само собой разумеющееся, всякие юбилейные и все три «песочные» медали.

ИЗ БАГРАМА ЛЕТАЛИ В САМОВОЛКУ

Земсков Сергей Михайлович,
родился 19.04.1956 в Подмосковье.

В 1977 году, после окончания Рязанского училища связи, отучившись в нем четыре года, лейтенант Земсков принял взвод в батальоне связи Ферганской десантной дивизии, которую через два без малого года наши «стратеги» из Генерального штаба бездарно (или специально — надеюсь, история когда-нибудь все же приоткроет завесу этой тайны) расформировали. А к известным событиям семьдесят девятого от воздушно-десантной дивизии остался один только полк: 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк. И 27 декабря 1979 года…

— Нет,— вносит ясность гвардии майор запаса Земсков,— наш полк на самолетах был доставлен в Кабульский аэропорт 25 декабря, откуда мы своим ходом перебазировались в Баграм, а 26 декабря меня откомандировали, как оказалось, на три недели обратно в Кабул командовать сводной ротой для обеспечения связью оперативной группы ВДВ. Еще раньше, точно не помню: или в июне, или в июле в Кабул был переброшен из моего взвода один экипаж вместе с радийной машиной. Что сейчас говорить о приоритете: кто первым пересек границу с Афганистаном.

Война войной, а обед по распорядку — банальнейшая, избитая вдоль и поперек истина. Поэтому с первых дней и занялись десантники обустройством своего временного — растянувшегося более чем на девять лет (кто ж тогда ожидал подобное?) — места дислокации. Все шло, будем надеяться, согласно утвержденному плану: в ежедневный быт разнообразие вносили бесшабашные поездки в Кабул и обратно на радийной машине за секретными документами и шифрами-ключами. Эта бесшабашность разом прекратилась: сразу же после первого обстрела. После этого машину загоняли в самолет, самолет доставлял свой груз в Кабул, там выгружались и ехали в штаб 40-й армии, получали необходимую документацию, и вся операция повторялась в обратном направлении. Хотя самолет «духи» элементарно могли и подбить, но…

— Ты знаешь,— продолжает вспоминать Сергей,— однажды, когда сыну исполнилось пять месяцев (март 1980 года — прим. автора), я на три дня летал в Рязань в самоволку — ни одна душа об этом не знала, тебе первому рассказываю. Мог бы, конечно, остаться и на большее время. Но кто знал, что на обратном пути в Ташкенте целую неделю будет стоять нелетная погода.

Посмотрев сына, пересчитав жену с тещей, Земсков до июня 1981 года продолжает со своими радистами обеспечивать связь в 345-м полку, продолжает не вылезать с боевых, а вернувшись по замене в Союз, открыв двери родного дома, он первым делом спросил подросшего сына о том, где его папа.

— Мы все смеялись, когда я взял сына на руки и он, теребя на кителе медаль «За отвагу», уверенно показал на мою фотографию, стоящую на шкафу.

Краткая биографическая справка:

После Афганистана — нелегкий путь от старшего лейтенанта до майора, от заместителя командира роты батальона связи до старшего помощника начальника связи 106-й гвардейской воздушно-десантной

Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

Девять раз подряд — командир учебной роты в «карантине»: девять раз оценка — «отлично».

Баку, Чечня, Югославия.

Кроме медали за Афганистан награжден орденами «За мужество», «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалью «За боевые заслуги», другими медалями.

Уволен из рядов Российской Армии в 2002 году.

НАШ ДЕСАНТНЫЙ ИЛЬИЧ

Иванов Владимир Ильич,
родился 19.04.1949.

Собеседник моложе меня почти на полтора года. Но и сейчас, и годы, десятилетия назад, проходя службу вместе с ним в 51-м парашютно-десантном полку и в штабе 106-й воздушно-десантной дивизии, не только я, но и большинство сослуживцев обращались и обращаются к нему коротко. По отчеству.

— Ильич!

Такой он солидный и обстоятельный, высокий, стройный, с огромной внутренней силой и невероятным душевным обаянием, настоящий б о м б а р д и р времен Петра Первого, что просто по имени к нему обращаться как-то и не уместно; по имени-отчеству — вроде ровесники, в одном, считай, звании. Под стать мужу и его жена, представившаяся мне с манерами аристократки-дворянки не в первом поколении:

— Людмила Ивановна!

Они знакомы с пятнадцати лет. Оба — Питерские. Поженились после пяти лет знакомства, на третьем курсе его обучения, в день рождения, тогда еще не Ильича, а просто — Володьки Иванова. И девятнадцатого апреля девятого года (Светлый христианский праздник! — какое невероятное совпадение) — подумать только! — сорокалетие их свадьбы.

— Ильич,— задаю ему первый вопрос, — почему именно — артиллерийское училище? В Питере много, как сейчас говорят, более крутых военных учебных заведений.

— Первая причина: училище в десяти минутах ходьбы от дома; вторая — друг на год раньше поступил в это училище…

— И пропиарил его Ильичу,— смеется жена.— Третья причина: маршрут его возвращения со свиданий опять же проходил мимо этого училища.

— И скрытая, и прямая реклама — на лицо,— заканчивает ответ на мой первый вопрос гвардии подполковник запаса Владимир Ильич Иванов.

Тринадцать лет, после окончания училища, от лейтенанта — командира взвода до майора — начальника штаба гаубичного дивизиона, Иванов прослужил в 1182-м гвардейском артиллерийском полку в Ефремове, районном центре на юге Тульской области.

— Была, конечно, возможность сразу и лейтенантом остаться в Туле. Двое моих однокашников так и поступили — им предложили, как и мне, должность командира взвода СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет.— Примеч. автора.). Но я отказался — несерьезно артиллеристу командовать такой малой «артиллерией».

— В Тулу мы все же попали,— добавляет Людмила Ивановна,— в восемьдесят третьем году, в 51-й полк.

— Через четыре года,— продолжает Ильич,— я улетел в Афганистан, в Баграм, в 345-й полк командиром гаубичного дивизиона.

— И первая твоя награда — орден Красной Звезды?

— Проходила крупная армейская операция. Вертолеты высаживают десант. С трех вершин десант обстреливают «духи». Командир десанта по радио просит поддержки артиллерии и называет координаты. Громов — я тогда с ним первый раз встретился — приказывает нанести артиллерийский удар. А я вижу по карте, что координаты, которые назвал командир десанта, соответствуют координатам самого десанта (летчики-то перед этим доложили о месте высадки десанта) и докладываю об этом командарму. На его вопрос о дальнейших действиях помощи десанту и, главное, чтобы не накрыть своих огнем артиллерии, принимаю простое решение. По координатам, которые дал командир десанта, произвожу один выстрел дымовым снарядом, который разорвался недалеко от командира десанта, а по радио прошу трассерами из ДШК показать направление на господствующие высоты, где засели «духи». Остальное — дело техники.

Как у него все просто получается: «дело техники». Хотя, он же учился всему этому: законам математики, законам физики, законам баллистики, законам чего там еще, что нужно для меткой стрельбы «богам войны»?

— Орден Красного Знамени тоже — за стрельбу? За отличную стрельбу?

— За что — еще? И таких орденов у меня — два: один — наш, второй — афганский. Помнишь про девятую роту? Проводилась масштабная операция «Магистраль». В районе Хоста одному батальону ночью срочно надо было спускаться с гор. «Грачи» вешают осветительные люстры — не в том месте. Вешают по-

вторно — опять не в том месте. «Духи» наседают на наших, а наши не видят, куда надо спускаться. Запрашиваю координаты батальона и делаю выстрел осветительным снарядом, который разорвался точно над целью и осветил местность там, где было нужно. Потом и «Грачи» стали вешать свои люстры там же. И еще случай в окрестностях Хоста. На пути наших войск в одном кишлаке засели басмачи, но авиация никак не могла точно накрыть противника: ориентиров нет — сплошная зеленка. Тогда двумя дымовыми снарядами показываю края кишлака.

— Остальное — дело техники,— мы оба смеемся.

— Из Афганистана мы с командиром полка Героем Советского Союза Вострotиным (кстати, на Героя его представляли три раза) выходили последними 11 февраля — наш 345-й полк прикрывал перевал Саланг, обеспечивая выход остальных войск.

— А знаменитые кадры перехода границы по мосту через Речку 15-го февраля?

— Парад, он и есть — парад,— лаконично комментирует он.

— Ильич,— допекаю его вопросами,— у тебя же и еще есть орден: «За личное мужество»?

— Орден мне вручили, когда я был начальником разведки артиллерии дивизии.— Он тяжело вздыхает.— За участие в наведении «конституционного порядка» на Северном Кавказе в девяносто втором — девяносто третьем годах.— Он опять тяжело вздыхает.— Тогда в Южной Осетии погибли два полковника. Ты должен помнить.

— Конечно: твой непосредственный начальник полковник Фролов — начальник артиллерии дивизии и полковник Алексеенко из штаба ВДВ. Поподробнее расскажи об их гибели.

— Не знаю: то ли боевого опыта у них не хватало, то ли не ожидали они столь решительных действий от мятежников. Находясь на своем КП и видя выдвигающиеся «Грады» противника на огневую позицию, они не смогли принять правильного решения, дать команду вертолетчикам, которые только этого и ждали, барражируя над ними. В результате залп «Градов» и… И результат ты сам знаешь какой. Хотя, это сейчас, за рюмкой чая, можно обо всем спокойно рассуждать и анализировать. В боевой обстановке, сам об этом не понаслышке прекрасно знаю, отсчет идет на мгновенья плюс ответственность за жизнь подчиненных давит неимоверным грузом.

Мы помолчали минуту. Стоя — третий тост. И крайние слова Ильича.

— Что меня больше всего поразило и там, в Афгане, и на Кавказе — восемнадцатилетние пацаны, а как они переживали за страну, за предательство наших, так сказать, «верхов». И нынешнее поколение восемнадцатилетних не все испорчено. Будет, будет и на нашей улице…

— Будет, Ильич, будет, кто бы сомневался.

Две Красные Звезды

Киласония Олег Евгеньевич,
родился 13.11.1952.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого века о нем, если и не легенды, то молва шла по всем Воздушно-десантным войскам. Окончив Минское суворовское, затем Рязанское десантное училище, молодой, стройный, симпатичный гвардии лейтенант Олег Киласония начал службу командиром взвода в Тульском 51-ом гвардейском парашютно-десантном полку. Перспектив для служебного роста немерено.

— Я был самым старым лейтенантом,— сегодня он с иронией вспоминает свою молодость,— во всех Вооруженных Силах страны (естественно, по словам политработников из Москвы), который за пять с лишним лет службы умудрился получить три (!!!) строгих партийных выговора с занесением в личную карточку. И не только не был исключен из партии, что автоматически приравнивалось к увольнению из Армии, но между вторым и третьим выговором получил не младшего, как двое моих «товарищей» по несчастью, а старшего лейтенанта.

Да, «похождения» его гремели, как говорили, «со страшной силой». Припоминаю два эпизода из его «послужного» списка (автор на три года раньше начал службу батальонным врачом в этом полку).

…Олег, вальяжно облокотившись на трибуну, в тени смакует импортную сигарету; по периметру части солдаты его роты (5-ой парашютно-десантной роты, где он командовал нештатным батальонным взводом разведки) с полной выкладкой в летний зной отмеряют нормативные километры; исполняющий обязанности начальника физической подготовки полка, видя такое «безобразие», немедленно выполняет «прогиб» перед командиром полка.

— Обнаглел, понимаешь, совсем этот лейтенант. Солдаты бегают, а он, понимаешь, курит вразвалочку.— И преданно уставился в глаза командиру, предвкушая разнос строптивого лейтенанта.

— Другие не курят! — следует ответ командира.— Но у них и солдаты не бегают, а прячутся по всяким «подворотням».

— Да,— смеется Олег,— «прогиб» начфиза был «не зафиксирован».

…Строевой смотр полка в зимней форме одежды; новый командир полка обходит строй офицеров и замечает у какого-то лейтенанта неуставной шарф (неуставного была только крупная нить в вязке шарфа,

который Киласония, как и многие другие офицеры, купил в Московском военторге на Парадной площадке); следует диалог:

— Товарищ лейтенант, я приказываю вам выбросить этот шарф!

Выбросить, так выбросить: лейтенант снимает шарф и засовывает его в карман шинели.

— Я приказал выбросить! А не засовывать шарф в карман! — Страсти между командиром полка и командиром взвода (полковником и лейтенантом) накалялись с каждым мгновеньем. Из-за пустяка, из-за ничего.

— Я дурацкие приказы не выполняю! — Олега тоже понесло.

— Да, я, да, тебя!..— И пошло, и поехало. Могло и до рукопашной дойти. Перед строем всего полка.

Вмешалось московское начальство, переведя лейтенанта Киласонию в Прибалтику, в школу прапорщиков — «Золотой фонд» Советской Армии, на капитанскую должность. Что-то, вроде, главного кадровика этой школы.

— Но до чего же подлый народ бывает,— рассказывает Олег,— до этого приказа, пока я был простым «Ванькой» взводным, со мной ни начальник отдела кадров полка (сам недавний взводный), ни, тем более, исполняющий обязанности начфиза меня игнорировали. А теперь, пожалуйста, первыми руку тянут…

Оттуда, из этой школы прапорщиков, и прибыл для дальнейшего прохождения службы гвардии капитан Киласония 3 января 1987 года в 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк. В Баграм. В Афганистан.

— Первую Красную Звезду получил через полгода, в июне восемьдесят седьмого. Почти двое суток шли бои с «духами» у крепости Алихейль, в пяти километрах от пакистанской границы. Я выполнял обязанности начальника штаба полка передового командного пункта. Дали мы тогда «духам» прикурить по полной программе. «Духи-то» «духами», но среди их убитых часть были неграми, часть белыми из американских «зеленых беретов». Хотя и у нас были потери — семнадцать человек.— Олег тяжело вздохнул.— Но когда после окончания операции командир полка построил личный состав и спросил о потерях «зеленоберетчиков», получил что-то неразборчивое в ответ. То ли два, то ли три человека.

— Что так? — задаю Олегу вопрос.

— Дело в том, что на операцию личный состав уходил в форменной обувке, а на строевом смотре после боевых действий около ста человек стояли в американских кроссовках. Командир все понял об истинных потерях супостата, но вникать в подробности не стал.

— Мародерствовали?

— Нет! Это были законные военные трофеи военного времени. Брали не для продажи, брали себе, чтобы удобнее было воевать, чтобы больше иметь шансов остаться в живых. Мародерство — это когда пленных «духов» расстреливают, особенно караванщиков, а все золотишко, все камешки, всю «зелень» американскую присваивают себе.— Олег горестно вздыхает.— И эти же люди с особой яростью допрашивали своих солдат после боя, видя на их руках импортные часы. А ты говоришь — мародерство.

Через месяц после того боя Киласония получает звание — «майор».

— Вторую Красную Звезду,— продолжает вспоминать Олег,— я получил в сентябре восемьдесят восьмого. К тому времени «духи» стали более ожесточенно обстреливать Кабул американскими ракетами «земля-земля» с радиусом действия до тридцати километров. Вот и пришлось этих «стрелков» отодвигать минными полями до сорока километров. И обстрел резко сократился.

Сказано всего четырьмя фразами, а сколько дорог, сколько троп исхожено в горах вокруг Кабула (справедливости ради надо отметить, что дорог, даже троп в прямом понимании этого смысла фактически и не было). Горное бездорожье, плюс в любой момент засады душманов, плюс смертоносный груз в руках саперов. Но задание командования по ликвидации массированного обстрела Кабула было выполнено на «хорошо и отлично».

Перед выходом Советских войск из Афганистана гвардии майор Олег Киласония был награжден афганским орденом «Звезда». По заслугам. Это — перед выходом, а после выхода?.. После выхода все «афганцы» рвались к мирной жизни, рвались к своим семьям. Но… но человек предполагает, а, нет — какой там Бог, а бездарное руководство страны располагает и кромсает человеческое мясо в свое удовольствие.

Так Киласония со своим 345-м полком, не успев толком расквартироваться на новом месте в Кировабаде, оказался в гуще апрельских событий 89-го года в Тбилиси.

— Ты же сам был в то время в Тбилиси,— обращается ко мне Олег (да, пришлось и мне побывать там: наша Тульская 106 гвардейская воздушно-десантная дивизия на третий день беспорядков была переброшена в Тбилиси),— и знаешь эти спекуляции о саперных лопатках в руках десантников — сплошной маразм и чьято целенаправленная клевета и заказуха. Лопатки, лопатки,— мы оба возмущаемся под стук коньячных рюмок,— команды «фас» не было — мы бы голыми руками утихомирили этот грузинский сброд.

Отгуляв отпуск, Олег решил увольняться из рядов разваливающейся Советской Армии разваливающейся когда-то великой Державы. Даже от предложения командующего 14-ой армией генерал-лейтенанта Лебедя занять должность заместителя начальника разведки армии, с перспективой через месяц-второй стать начальником разведки, он отказался. Съездил в Приднестровье, огляделся: как в Кировабаде, так и здесь — ни жилья для семьи, ни работы для жены, ни учебы для детей (сын и дочь у него).

И зажил гражданской жизнью гвардии подполковник запаса Олег Киласония в Туле с октября 1989 года — откуда начинал свою военную стезю.

— Третий тост! — Мы встаем, молча опорожняем рюмки и дуэтом.— За тех, кто не вернулся! Кто остался за Речкой!..

Всегда надежная связь

Лежепеков Александр Акимович,
родился 08.02.1954 — умер 30.04.2007 в Туле.

Краткая биографическая справка:

В 1975 году окончил Рязанское высшее военное училище связи имени маршала С. С. Захарова.

В 1975—1982 годах — служба в 38-м отдельном полку связи ВДВ; в 1982—1984 годах — начальник связи 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка; в 1984—1987 годах — учеба в Академии связи; в 1987—1999 годах — командир 731-го отдельного гвардейского батальона связи 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями.

Из воспоминаний гвардии подполковника запаса Олега Синицкого:

«…На боевые операции Лежепеков, когда полком командовал Павел Сергеевич Грачев, всегда брал пять-шесть запасных телефонных трубок для командира полка. Грачев, если что-то происходило в войсках не по плану или если был ранен, или, паче чаяния, убит кто-то из его подчиненных, получив известие по радиотелефонной связи, в ярости разбивал телефонную трубку о броню, сопровождая свои действия великим, могучим русским матом — так переживал командир за своих, давая выход запредельным страданиям. Но ни сам начальник связи полка, ни его подчиненные никогда за все время службы, ни в одной боевой операции не давали повода своему командиру для выплеска отрицательных эмоций.

Проводилась операция в Ургунском ущелье, рядом с пакистанской границей. Вдвоем с Лежепековым мы на господствующих высотах выставляли свои посты с авиационными и артиллерийскими корректировщиками для обеспечения меткости стрельбы и авиаударов по «духам», засевших буквально в метрах от границы. И, не дай Бог, попадания снаряда или бомбы на территорию Пакистана — сразу нота протеста со всеми вытекающими отсюда выводами и «поощрениями».

Другой случай: проводилась крупномасштабная армейская операция — впереди всех саперы и связисты 345-го: и Лежепеков в такой боевой обстановке не только обеспечил связью командира полка с летунами, с артиллерией, с командованием 40-й армией, но даже и с Командующим ВДВ, умудряясь еще и помогать армейским связистам поддерживать устойчивую связь с войсками…»

Тамара ХАРИТОНОВА

г. Брянск

Тамара Алексеевна Харитонова (Макарченко) родилась в Брянске в 1956 г. В 1979 г. окончила Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), биофак. Осталась работать при кафедре, в научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, особенно историческую. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СЕВАСТОПОЛЬ, СЕВАСТОПОЛЬ…

Севастополис — означает «город, достойный поклонения»

Это был мирный 2013 год.

Последнее воскресенье июля — День военно-морского флота России, и где же еще его праздновать, как не в Севастополе!

Билеты на автобус мы купили накануне, потому что в этот день в Севастополь едет весь Крым, а помимо Крыма туда же едет и половина РФ, но это уже нас не касалось — тем летом мы с друзьями отдыхали в Ялте — так что эта половина ехала совсем с другой стороны. Плохо то, что мы не подумали, как мы будем выбираться обратно, хотя и имели опыт возвращения из того же города в тот же день, несколько лет тому

назад. Выехать мы тогда смогли только поздним вечером, стоя на одной ноге в переполненном транспорте, а вторую поставить было некуда.

Тогда мы были беспечными туристами, наблюдавшими празднование как бы со стороны. Мы, никуда не спеша, бродили по улицам, по набережной, отдыхали под тентами кафешек, любуясь сверкающей гладью Севастопольской бухты. Любовались видом на город с высокой горы — места упокоения и почитания четырех адмиралов.

Город нам очень нравился. Было в нем какое-то несуетное, гордое достоинство. Торжественность без помпезности старинной набережной и скромный уют невысоких домов, нешироких улочек на склонах холмов, окружающих бухту. Этот густой, концентрированный настой истории, событийности места, освоенного еще тысячелетия назад эллинскими колонистами.

Более поздние наслоения нашей отечественной истории, памятные знаки которой здесь на каждом шагу. Славная история российского флота, героическая оборона города от врагов, воспетая классиком.

Грозные военные корабли, все в праздничных гирляндах флагов. Величественный флагман «Москва», возглавляющий парад!

Уже тогда «вышитые» супер-выпер — патриоты вовсю трубили о незалежности, и как мы веселились, увидев на стене растяжку, где крупными буквами — «Да здравствует Севастополь, город славы российского флота!».

Мы ехали собственно не на праздник, но атмосфера торжественности, радости и, как говорил Задорнов, гордости за наших, ненавязчиво захватила нас, и даже позднее некомфортабельное возвращение не испортило впечатления…

В мирном 2013-м и город, и праздник ничуть не утратили своего очарования, но наше участие в нем было совсем другим. Мы с подругой оказались не вольными туристками, а заложницами торжеств, в роли группы поддержки ярого фаната военно-морского флота. Данный фанат имел к флоту вполне косвенное отношение. В миру он был известным, вполне успешным и всеми уважаемым врачом-хирургом. Но дело было в том, что во дни своей солдатской молодости он провел два дня на подводной лодке в качестве… Не суть важно, в качестве кого, но с тех пор при знакомстве с людьми он представлялся: «Моряк — подводник».

День военно-морского флота он всегда воспринимал как личный праздник, величайший праздник в году, и в этот день солидный врач превращался в подростка, играющего в солдатики — матросики со всем пылом своего горячего сердца. Может, здесь играла роль неосуществленная мечта — кто знает… да и ладно, но добро бы праздновал сам по себе, в свое удовольствие. Но ему нужны были люди, всецело разделяющие с ним его торжество. Таковых находилось весьма мало в его личном окружении, только преданная сестра соглашалась сопровождать братишку, не столько разделяя его праздничные переживания, сколько присматривая за ним. Именно по этой причине и погрузила нас нелегкая в самую пучину народного гулянья.

День, как по заказу, выдался жаркий и солнечный. А какой еще день может быть в Крыму в середине лета, да еще в праздник? Город был до краев переполнен праздничной, нарядной толпой, отрядами моряков Севастопольского гарнизона, отрядами моряков непонятно каких гарнизонов, объединившихся под водительством Андреевских флагов, стройными колоннами военных оркестров и энтузиастами-одиночками, размахивавших такими же флагами и прочими символами праздника.

Толпа зрителей плавно стекала в сторону набережной, вернее, по нескольким направлениям — к Севастопольской и Южной бухтам. Некоторые, наоборот, забирались на окрестные холмы, откуда панорама праздника — как на ладони.

Как только мы вышли из автобуса, наш фанат-энтузиаст картинным жестом извлечения меча из ножен выдернул из чехла собственный экземпляр Андреевского флага и понесся вперед, подобно богине победы Нике.

На бегу он громко приветствовал встреченных единомышленников и страстно обнимался с особо рьяными, отвечающими состоянию его души.

С нами, старающимися догнать его или хотя бы не потерять в толпе, он не общался и, кажется, вообще о нас забыл.

Поскольку главное праздничное действо должно было развернуться на фоне центральной набережной, то над ней же, амфитеатром, располагались и почетные зрительские места, разумеется, заранее распределенные между привилегированными особами местного управления и высокими гостями города. Остальные устраивались кто как мог.

Из разговоров в толпе нам стало ясно, что на трибуны нас все равно не пустят, но это не страшно, потому что все участники парада будут выходить из Южной бухты. И там-то и надо занять места, пока не поздно. Наш фанат, между тем, с достойным упорством собирался отвоевать себе место под праздничным солнцем именно на заповедной территории.

Мы с трудом нагнали его и попытались объяснить, что против судьбы не пойдешь и надо довольствоваться малым. Безрезультатно.

Тогда мы умолили его не таскать нас за собой в пекло, а позволить прикорнуть где-нибудь в тенистом уголке набережной Южной бухты, пока мы не расплавились в лучах солнца и эмоций фанатов праздника. А он пускай идет фанатеть куда хочет, только потом нас заберет и покормит по возможности в ближайшем ка-

фе. Это нам было милостиво дозволено. Есть уже хотелось после марш-броска по праздничным улицам, а пить — тем более.

И вот прошли мы вслед за толпой сквозь ослепительно белый античный портик с дорической колоннадой и надписью на фронтоне: «1846» и со вздохом величайшего облегчения приютились в тени лиственницы на каменном парапете лестницы, неспешно спускавшейся к водам бухты.

Там и провели мы несколько праздничных часов и действительно имели возможность наблюдать за тем, как выдвигались справа, из глубины бухты, один за другим все участники скорее не парада, а театрализованного действа, повествующего о зарождении и развитии российского военно-морского флота.

Мы сильно сомневались, а отыщет ли нас наш вожатый.

Отыскал.

В таком накаленном состоянии, что его срочно требовалось окунуть в море — может, охладится и придет в себя.

«Хрустальный» пляж был забит до отказа толпой купальщиков всех видов и степени веселости по причине праздника. Но даже на этом фоне наш спутник отличился особо, своей общительностью широкой русской души, желанием наставлять неразумную молодежь, а также залихватскими прыжками с парапета, стилем «морской котик». По-видимому, главная отличительная особенность стиля состояла в том, чтобы произвести как можно больше брызг при ударе о воду.

Наш герой разгонялся, оттесняя толпу и пугая купальщиков предупреждающими криками, и обрушивался с парапета плашмя, пузом, боком, только что не спиной. Поверхность бухты взрывалась с пушечным грохотом, как если бы в воду упал раскаленный метеорит. Набережную лизала раскачавшаяся волна. Каждый раз мы боялись, что удар был слишком силен и «морской котик» камешком пойдет на дно. Но раз за разом он выныривал, являя толпе очень румяное лицо и сосредоточенно-невидящие глаза. По-видимому, море на нашего героя вовсе не действовало отрезвляющим образом, а, кажется, наоборот. Таких прыжков не демонстрировала и местная ребятня, кувыркавшаяся с горячих гранитных плит колобком.

Мы, как и более респектабельная часть пляжников, спускались к морю по лесенкам. К ним надо было выстаивать очередь из желающих залезть в воду или вылезти из нее. Все эти неудобства полностью окупались блаженством погружения в действительно хрустально-прозрачную морскую воду, у самого парапета декорированную внушительными каменными валунами, обросшими ярко-зелеными, бурыми и золотыми водорослями.

Когда-то, ребенком, впервые увидев эту бухту, глядя на эти спуски, валуны, водоросли, я думала, что никогда не полезла бы купаться здесь — жуть брала, ведь сразу у берега здесь взрослому человеку «с головой». А мне нравились свободные пологие песчаные спуски, и никаких камней, водорослей и по возможности другой живности тоже не надо — ну там крабов, акул, не говоря уж о медузах!

О, Крымская земля, родная с детства, где в достатке всего: пологих пляжей и крутых спусков, жаркого солнца и щедрой земли, добрых людей и бесконечного, густого, как мед, времени. Чего же не хватало в этой незалежности? Получалось как у нашего земляка-шутника — «порядка только нет»…

Недаром, видимо, местные в задушевных «пляжных» разговорах упрекали: «Ну, вы, россияне, заелись (в оригинале было сказано круче)! Что вы критикуете свое правительство — то не так, это не так. Если бы у нас был такой президент…».

Но вот довелось — за счастье окунуться, проплыть над этими камнями, повисеть, отдыхая, в этой упругой, бережно поддерживающей тебя чистой соленой воде. И особенным удовольствием было вылезать из моря, ступая босой ногой сначала на мокрые, прохладные, затем на сухие горячие плиты пляжа, и быстро перебегать по ним в тень навеса, потому что долго стоять на раскаленном камне невозможно!

Придя в себя после нескольких заплывов, мы упустили из поля зрения нашего протеже — фаната и напрочь потеряли его в мешанине обнаженных тел, раздевалок, очередей к раздевалкам, очередей к лесенкам, топчанов, оставленных на парапете шлепок и продолжающих развеваться флагов. Мы добросовестно стали его искать.

Нашли.

В окружении нескольких молодых абреков, под руки ведущих его с пляжа под аккомпанемент истории о том, как все его бросили и остался он один на белом свете, в Севастополе, без провожатых, без еды и без денег. Мы подошли к абрекам и сказали, что все это фантастика, потому что мы — вот они. Абреки, собиравшиеся за свой счет выпроваживать размякшего фаната из праздничного города, обрадовано вручили нам сироту. На прощание наш герой коротенько, минут на сорок, прочитал им еще одну лекцию о жизни, и мы пошли в кафе. Тут же на набережной.

И зачем нам понадобилось извлекать нашего спутника из рук доброжелательных абреков, непонятно! Ибо вот тут-то началось настоящее празднование. Потому что в этом кафе не оказалось какого-то особенного сорта вина, уж не помню, какого именно. Другие были, а этого не было. Кафе он все-таки разносить не стал, но поволок нас далее, голодных, по жаре, искать более кошерное кафе. С нужным вином. Доводы рассудка не действовали, и вообще непонятно было, зачем ему именно этот сорт вина после столь обильных возлияний, когда все вкусовые ощущения сходят на нет. Оказывается, это была забота о нас. Мы должны были пить только это вино. Не сравнимое ни с каким другим.

Таким образом, полет победоносной Ники продолжался, с тем же реянием Андреевского флага, но теперь это был полет по кабакам в поисках несравненного вина. Не помню, в каком по счету кабаке я сломалась. На очередное заявление, что и здесь нет искомого эликсира, я проскандировала прямо в одухотворенное заботой о ближних лицо фаната: «Я есть хочу!!!». Точная формулировка ответа от жары и эмоций испарилась из памяти. Пользуясь отлучкой фаната к барной стойке за очередным зарядом алкоголя, я ретировалась.

На автовокзале, купив билет на вечерний автобус, я понеслась в ближайшую забегаловку, схватила первую попавшуюся собачью радость и слопала ее. С огромным удовольствием. Оставшихся денег хватило на бутылку минералки.

Далее мне показалось скучным ждать вечернего транспорта, и я постаралась разведать, а нельзя ли вернуться раньше? Как и утром, образ действий подсказала толпа. Оказывается, уже сейчас на Ялту пойдет автобус, билеты на который были проданы еще утром, но это не страшно, потому что он остановится вот за тем поворотом, у рынка, и там подберет всех желающих за отдельную плату. Побежали за угол, к рынку, автобус остановился, а желающих оказалось так много, что отдельную плату, как я поняла, водителю передали не все. Я, во всяком случае, не стала этого делать — и по причине того, что один билет у меня уже имелся, и попросту потому, что налички больше не осталось.

Дорога, вьющаяся по крутому берегу моря, дальние морские горизонты, сочная зелень обрывов, свобода и независимость — все это привело меня в прекрасное настроение, досада улетучилась. Предвкушение домашнего обеда наводило на приятные размышления о смысле жизни.

Дома еды было в достатке. Сытый человек — спокойный и уравновешенный человек, здраво рассуждающий о жизни. Я здраво рассудила, что рано или поздно мои спутники вернутся, и села с книгой и чаем у окошка ждать дальнейших событий.

Дождалась.

Подруга вернулась в полночь. Одна. Вернулась совершенно тем же способом, что и я, так как в вечернюю пору билетов в кассе уже не было никаких. Брата она потеряла в процессе сошествия его с одного из кораблей, на котором он лихо отплясывал «Яблочко», размахивая флагом. По флагу она его и отыскивала в толпе в процессе погони за ним, ничуть не уступавшей по степени сюрреализма знаменитой погоне Ванечки Бездомного за известной троицей шутников.

Так вот, на корабль фанат взошел с флагом, а спустился с него без флага, и таким образом исчез с радаров сестры. Сестра была очень встревожена, я успокаивала ее в том смысле, что никуда он не денется, и вообще он уже давно большой мальчик. Сели за чаем у окошка ждать фаната вдвоем.

Дождались.

Живой и рьяный, фанат возвестил о своем прибытии гулкими ударами в дверь. Ворвавшись в дом, он без промедления, и не отвечая на вопросы сестры, рванул в спальню, как оказалось, надеясь отыскать там именно меня, на месте преступления — спящей. Найдя меня сидящей без зазрения совести за столом с чайной чашкой, фанат взорвался окончательно. На мою голову полились обвинения в предательстве, антипатриотизме, неуважении к Андреевскому флагу (кстати, а куда вы его девали!!!), наплевательстве на священную память героических предков и т. д., и т. п. Затем фанат с замечательно выраженным чувством продекламировал: «Надо было просто пережить этот день, а потом — счастье!». После чего грохнулся на кровать и затих.

Видимо, порядок в государстве воистину начинается с порядка в головах…

Севастополь, Севастополь, город русских моряков…

Этим же летом, во время планового визита в Киев, к сестре я, как обычно, попросила у племянницы книжку из украинской истории, на украинском же языке. Украинский, тот же общеславянский, читался легко и радовал сочностью, яркостью, мелодикой. Особенно мне нравились исторические увражи Володимера Малика, но сейчас речь не о них. Мне была выдана повесть некоего автора, кому вполне подошел бы псевдоним «Лесь Украинец», под названием «Мотря». Прочитав первые главы, я пришла в ужас. Книга восхваляла кондовый патриотизм небезызвестного Мазепы, а русские были изображены так, что я с недоумением спросила племянницу — в чем причина? В таком виде мы показывали немцев в книгах и фильмах только в первые годы Великой Отечественной, когда сильна была ненависть к захватчикам, а судьба страны висела на волоске народного мужества. Волосок оказался стальным канатом, и потому впоследствии образ бывшего врага более очеловечился…

— Между нами война? — спросила я. Ответа не дождалась.

А потом наступил 2014 год.

Анатолий АГЕЕНКО

г. Омск

Агеенко Анатлий Андреевич родился на Сахалине. Окончил Иркутский государственный университет. Около 120 публикаций в центральной печати по вопросам экологии, экономики и статистики. Член Союза российских писателей, член Русского географического общества. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ОТСТРЕЛЯЛСЯ
Рассказ

Из жизни уходят по-разному, и память об отошедших в вечность тоже остается неодинаковая. Наверное, многие задумываются, что останется после них. Это всегда последний страх: буду забыт, забыт навсегда,— который оставляет в душе глубокое впечатление. Кому не хочется, чтобы память о нем оставалась на века. Стоит только пройтись по кладбищу, чтобы убедиться, насколько крепка память людская. Тут и там станут вам попадаться заросшие травой, с покосившимися крестами, а то и вовсе уже без надгробий, заброшенные могилы. Забыт! забыт! — вопят они. Кое-кому приходит в голову: вот и со мной будет так. Мало найдется тех, кто скажет: мне ничьего сочувствия не нужно.

Казалось бы, какое дело до того, будут помнить или не будут? Ан нет, многие так не считают. Я тоже отношу себя к этим «многим». Хотя, если довериться известным утверждениям, что душа человека вечная, никуда не исчезает, меняет только тела от жизни к жизни, приходят на ум иного свойства мысли. Вот и получается по этой теории, что оставил человек свое тело вместе с той жизнью, которой жило оно, как поношенное платье… и забыл. Скажите, кто помнит о своей заношенной одежде, выброшенной на помойку? Никто. Тогда чего задумываться, находясь еще в одряхлевшем теле, готовясь избавиться, наконец, от него навсегда, что скажут о тебе и будут ли помнить?

Но на деле, по нашей жизни, все не так. Нам хочется, чтобы о нас помнили и думали хорошо. О нас скверных и гадких ,— а мы ведь и такими бывали,— ой как не хочется, чтобы вспоминали. Но при жизни мы мало задумываемся о безупречности памяти о нас, хотим, чтобы нас любили и помнили такими безукоризненными, какими, как нам кажется, бывали всегда. Тут так и хочется сказать: такова философия жизни. Ох, уж эта философия! Однако без нее никуда. Мы даже гадких и скверных в себе стараемся выгородить и оправдать. Совершив что-то такое дрянненькое, спешим себя успокоить: да забудется, забудется! скроется со временем за покровами забвения. Так и память о нас, о всяких, добрых и недобрых, покроется временем, как покрывалом забвения. Надежды наши на блаженную вечность разлетаются будто опавшие сухие листья. Такова философия жизни.

Выносить накопившийся мусор на помойку — моя привилегия. Раньше выносили ведро, теперь жизнь переменилась, придумали пакеты для мусора. Что ж, очень даже удобно. Сначала экономили на пакетах, один и тот же использовали не один раз. Теперь не экономят. Да много на чем не экономят, даже на памяти о людях.

Кто-то скажет: выискал тему для разговора, начал с вопроса о вечном, сошел до помойки. А вот вы сейчас увидите, какие это не пустяки. Помойка, на мой взгляд, прелюбопытное место, так сказать, социальное, а если точнее выразиться — социометрическое. Мне кажется, статистика опрометчиво выпускает из виду наблюдение за помойками, могущие стать, по крайней мере, в наше время беспристрастным мерилом благосостояния. Чего только не увидишь и чему только не подивишься. Одежда, посуда, мебель, бытовые приборы… да много чего такого вполне добротного стали сносить на помойку. В восьмидесятые годы прошлого столетия такое видеть просто было невозможно. Вышедшая из употребления вещь в одном домохозяйстве с благодарностью принималась и продолжала служить в другом.

Мне всегда грустно, когда на помойке оказываются кипы книг. Многим перестали дорожить люди.

Безжалостнее всего со старыми вещами расстается молодежь. Эта небрежность, быстро проросшая на почве отжившего социализма,— явление нового века. Только умерли родители, как они спешат снести на помойку милые покойникам вещи. А начавшийся стремительный век требует от них все новой и новой жертвы для помойки.

Однако через помойку и вышла та историйка, о которой я хочу рассказать. Случай этот может вам показать, что на помойку выбрасываются не только вещи, но и память о людях.

Однажды довелось мне гостить у моей милой сестрицы, она младше меня всего на год. Давно не виделись. Новая рыночная экономика сильно разъединила людей, принудила их сидеть в своих местах, в каких они остались при социализме. Благо, если полсуток поездом, можно и в общем вагоне помаяться, а как, если

трое, четверо суток — тут многое в расчет приходится принимать: и здоровье, и деньги, да и решимость нужна отчаянная. Я все это преодолел, и наконец мы с сестрой свиделись. Два дня наговориться не могли, насмотреться друг на друга. Сначала украдкой поглядывали: ах, ах, как постарели,— потом попривыкли за разговорами, угадав в себе прежних. Говорили, говорили, вспомнили детство, родителей своих почивших, мужа сестры, давно умершего тоже вспомнили, фотографии раза три пересмотрели — они-то всякий раз и вызывали из души все новые и новые воспоминания. Мы на них счастливые, улыбчивые, будто никаких забот. И, глядя на эти фотографии, мы и сами им улыбались. Ведь никто же с хмурым лицом не стоит перед объективом, стараются принять выражение повеселее.

Сестра моя в малюсеньком городишке жила, в котором дома были двух-трехэтажные или одноэтажные на двух хозяев с приусадебными участками. Уютненько устроенный тихий городок наскочившая рыночная экономика быстро обглодала: дома обшарпались, улицы не прибраны, не метены, дороги приуныли, покрывшись ямами-язвами. И как везде, на всех столбах и щитах висят дорогие цветные плакаты с холеными лицами, взывающими избрать их в депутаты, и они-де знают, как все исправить. Жизнь, однако, неумолимо убеждает, что, добившись власти, эти избранники не находят в себе этих сокровенных знаний, стараются как можно скорее позабыть о своих обещаниях… и все остается, как было.

Так вот на четвертый день я по обыкновению домашней повинности вызвался снести мусор на помойку. Взял пакет, сестра мне сказала, что так и так пойдешь и найдешь. Я пошел. Помойка изумила меня: нигде еще не видывал я такого изобилия выброшенных вещей. Тут стояло мягкое кресло, деревянная кровать с матрацем, огромный ламповый телевизор, стопка оконного стекла, ящик с болтами и гайками, немало других предметов обихода. Я прямо оторопел от такого богатства, предоставленного помойке. Бросил пакет в мусорный бак и пошел было, ухмыляясь на такое диво и покачивая головой: «Ну и ну!», но тут мне в глаза бросился дипломат. В мое время, то есть семидесятые годы, ходить в университет с дипломатом было шиком. Потому, надо полагать, он и привлек мое внимание.

Дипломат находился в довольно приличном состоянии, лежал прямо на земле и был приоткрыт, что указывало, что он чем-то набит до отказа. Рыться на помойке, согласитесь, не каждому по силам, эту привилегию присвоили себе бомжи. Они запросто и по-хозяйски занимаются этим делом. Но я-то не бомж. Однако ж на то, что находилось в этом дипломате, очень мне захотелось взглянуть, и я превозмог в себе известные предубеждения. Будучи у себя дома, находясь под прицелами окон девятиэтажек, я бы не посмел взять на себя роль бомжа. А тут кругом меня никого. Я и подумал: я приезжий, кто тут меня знает? Если кто и увидит, так мне что, переморщусь как-нибудь, не уронив достоинства.

Присел. Приоткрыл дипломат. Там оказалось несколько папок, одна из них самая пухлая, в ней находились фотографии, в основном черно-белые, из восьмидесятых годов. Не успел я удивиться, как гораздо большее изумление поглотило первое впечатление: моему взору предстали документы — дипломы об образовании, профсоюзный билет, пропуск, трудовая книжка, наградное удостоверение к медали и удостоверение ударника коммунистического труда. В другой папке лежали почетные грамоты. Только я взял пухлую папку, как из нее посыпались фотографии. Я принялся их собирать, бросая короткие взгляды, чего церемониться — люди мне чужие да и обстановка не та. Но и этих взоров было достаточно, чтобы уразуметь запечатленные душевные свойства людей. На всех снимках мужчины и женщины с приветливыми улыбающимися лицами. Довольство и уверенность в жизни так и светится из них. Ничто им не предвещает, что с годами сиими отпечатками будет дорожить только помойка.

Вдруг я услышал за своей спиной:

— Отстрелялся Петр Анисимович.

Я вздрогнул от неожиданности. Выпрямился и повернулся в сторону говорившего. Мне предстал человек выше среднего роста, лет семидесяти пяти, в кепке, клетчатой рубашке и черных брюках.

— Что вы сказали? — переспросил я.

— Я говорю: отстрелялся Петр Анисимович.

Я поднял профсоюзный билет, посмотрел кому выдано, в самом деле: Храмов Петр Анисимович.

— Вы что, знали этого человека?

— Да как вам сказать, раза два общались. Петр Анисимович не сильно-то был охоч до общений. Если не хочет человек, так чего лезть ему в душу. Спроси тут кого, так никто не скажет, откуда он взялся. Он мало-мало с Верой Игнатьевной общался, той самой уж за восемьдесят, но крепенькая старушка, до сих пор дачу держит, не бросает. У ней тут дачка неподалеку. Еще шести нет, а Игнатьевна уж на дачу бодреньким шагом держит путь. Так Анисимович немного помогал ей, пока ноги были покрепче. А потом ноги сдали, он только по дому да раз в неделю выйдет до магазина. Игнатьевна набивалась ему помогать, сварить кой-когда, постирать… отказался, во как! Странный был мужик. В его положении надо бы пить, как пьют многие мужики, а Петр Анисимович ни-ни, не употреблял. Удивительно мне прямо, как он справлялся с жизнью. Что-то все писал, сидя за столиком.

— Так как же вот это все…— сказал я, жестами показывая на дипломат,— это же…— и споткнулся, не зная, как выразить не то возмущение, не то недоумение.

— Не по-человечески, хотите сказать. Ну… да, не по-человечески. А куда?.. Вот то-то и оно. Игнатьевна тоже думала, что с этим делать. Вы вот хотите — возьмите.

— Зачем мне? Я совсем не знаю человека. Неужели у него никого нет?

— Выходит, что никого. Спасибо Игнатьевне, что не забыла про него. Дом, в котором жил покойничек, на две семьи, был под снос, одна семья выселилась, а Петр Анисимович ни в какую, уперся, сказал: умру, тогда и делайте, что хотите. Игнатьевна мне рассказывала, что ночью во сне так явственно услышала, как позвал ее Петр Анисимович: «Вера». Она проснулась, смотрит, не он ли стоит рядом. Утром пошла к нему, а он готов, отстрелялся, значит. Игнатьевне телефончик оставили, ну те, что занимались сносом строения. Так мигом приехали.

— Надо было документы, фотографии хоть ему положить… рядом с телом, все как-никак разумнее было.

— Оно, может, и разумнее, так кто об этом думал? Привезли гроб, положили туда Петра Анисимовича, в чем был, и быстренько увезли. Никто с ним не поехал… а кто мог поехать?.. никто. Никто и не знает, где его похоронили. Игнатьевне потом принесли этот дипломатик и целый ящик исписанной бумаги. Дом потом мигом сломали. Это вот кресло и кровать тоже его, никто не берет, месяца два уж тут стоят. На этой кровати он и помер. А дипломатик Игнатьевна, наверно, вчера вынесла. Не видел я его тут. А вы что же интересуетесь?

— Да странным как-то показалось, вижу дипломат… тут же вся память о человеке. Лучше бы я не любопытствовал. Прямо настроение себе испортил. В жизнь мою еще не видывал, чтобы выбрасывали на помойку память о человеке.

— Да Петр Анисимович спасибо должен сказать с того света, что его самого не забыли, по-человечески прибрали. А вы не хотите взять, так и не берите. Кто-нибудь еще посмотрит… Вообще-то я скажу вам так: кому чужая память нужна — все думают, как бы свою сохранить.

— Вы сказали, что он что-то писал…

— Так то Игнатьевна пустила на растопку… чай, уж извела. Да что я говорю, извела, само собой. Позавчера вечерком к ней заходил, она как раз печь затапливала и последние листочки закладывала. Я еще полюбопытствовал, как вот вы портфельчиком заинтересовались, говорю: дай-ка мне, Игнатьевна, посмотреть. Она мне и дала листочек, с обеих сторон исписанный. Смотрел-смотрел — ничего не разобрать. Да и говорю Игнатьевне: на, жги, мелко сильно, не по моим глазам.

— Может, что-то стоящее было, а вы…

— Что стоящее? Листочек что ли тот? Так говорю, мелковато было…

— Я имею в виду, может, человек придумал что-то такое, как, например, Россию спасти.— И улыбнулся в тон прозвучавшей иронии.

— Да это ж каким человеком надо быть, чтобы такое придумать? А это был всего лишь Петр Анисимович, чего он мог придумать из своего темного угла. Вон… Ленин — какой был человек! Революцию сделал, а долго революция стояла?.. Чего-то недодумал, а говорят, большого ума был человек. Мозг у него, слышал, был самый тяжелый. По мне так лучше поменьше бы находились охотники спасать Россию, она бы покрепче тогда была, а то все шарахаемся из стороны в сторону, как на пьяных ногах. И воровали бы побожески, а то совсем всякий стыд потеряли. Да и то, пусть бы воруют, страну бы не предавали, вот и было бы то благополучие в жизни для всех. Я скажу так, по-простому: не надо ничего придумывать — в самой России заложено понятие, как не погибнуть, я имею ввиду — в народе россиянском.

— У вас, значит, такая философия жизни? Интересная философия!

— Да чего тут интересного. Я говорю, как есть, люди не слушают этого звона из телевизоров. Болтают и болтают, будто бы всем остается только погибнуть. Лучше жили бы спокойненько и другим не мешали, а то болтают и болтают. А чего болтать? Народ знает, как спасаться без их болтовни. А записочки Петра Анисимовича и портфельчик этот чего жалеть? Жил Петр Анисимович как захотел, разве кто мешал ему жить иначе? Я знаю, женщина одна на него поглядывала, имела желание вмешаться в его жизнь, так он отшил ее. Наверно, боялся, что будет она мешать ему писательством заниматься. Ох, уж это усердие служить самому себе… своей идее. Я так думаю, он премного любил свою независимость. Ну, на то имелась отвага жизнь так свою прожить. Не знаю, знавал ли Петр Анисимович тоску сердца, так, поди ж, писательством подавлял. А вы сами-то кто будете? Что-то я не видел вас, я тут давно живу.

— Да я из приезжих, к сестре приехал погостить, вот уж через пару дней и обратно.

— Ну тогда вам что этот Петр Анисимович…— Смолк и пристально поглядел мне в глаза.— Уж не Анна Андреевна сестра вам?

Я улыбнулся справедливости его догадки и спрашиваю:

— Почему вы так решили?

— Да глаза ваши… смотрите и улыбаетесь, как она. Замечательной души Анна Андреевна человек…— Собеседник мой смутился.

— Отчего вы смутились?

— Так Анна Андреевна и была та женщина, от которой отказался этот Петр Анисимович, Царство ему Небесное.

Теперь смутился я и потупил голову, меня слегка покоробило, что этот Петр Анисимович имел какое-то отношение к моей сестре и пренебрег ею. Я при этом, однако, ничего не сказал, кашлянул только по неловкости.

— Ну, я пойду,— сказал я затем.— Сестрица, должно быть, потеряла меня. Скажет, вышел на минуту, а потерялся на полдня.

— Портфельчик, может, снесете ей. Глядишь, интересно ей будет… побережет.

Я молча закрыл дипломат, секунду-другую помедлил в нерешительности, отступать назад мне показалось стыдным, коль проявил столько сожаления по поводу выброшенной на помойку памяти о человеке.

— Ладно… возьму. Ну, до свидания.— И пошел, про себя с досадой думая: «Сходил, называется, выбросить мусор, добившись головной боли. Вдруг сестре не понравится? Осталась, поди, заноза в сердце, а тут я с портфельчиком…»

— Ты где пропал? — встретила меня сестра с беспокойством на лице.— И что с твоим лицом? Ты что на помойке его оставил? — засмеялась она.— Что это у тебя в руке?

— Да вот, понимаешь, такая оказия вышла. Смотрю, лежит вот этот дипломат…

— На помойке, что ли?

— Ну да! На помойке.

— Ну, брат мой, как тебе не стыдно рыться на помойке…— И смотрит на меня строго и весело.— Скажут мне: видели твоего братца, как помойкой интересовался.

— Да нет, Аннушка, постой. Не рылся я, вышло как-то, само собой. Он не в мусорном баке был. Смотрю, лежит в сторонке. Вот я и решил полюбопытствовать, а там, представляешь, документы, фотографии. Только я начал рассматривать, как тут подошел один человек…

— Какой человек? Ты прямо меня удивляешь.

— Да не представился он мне, а я что-то не спросил. Ну, вот мне он и начал рассказывать, что это дипломат Храмова Петра Анисимовича… он умер… ты знала его?

Сестра моя внезапно переменилась в лице, что мне сделалось прямо не по себе. «Осталась заноза, значит. Зря я дипломатик-то припер».

— Умер?.. Откуда ты знаешь?

— Ну, этот человек мне и сказал, что он… умер. Я так понял, что месяца уж… как два умер… ты не знала?

— Ну… умер и умер,— насильственно равнодушно возразила сестра,— мне-то что… зачем ты его принес! Унеси немедленно с моих глаз,— жестко и с сильным чувством неприязни произнесла она.

— Ты только не расстраивайся. Я сейчас быстренько, туда и обратно.

Выскочил я из дому с дрожью на сердце и скорым шагом до помойки. Как же глупо получилось, превратился в глазах сестры в какого-то дурачка. Слава Богу, никого не было и давешнего моего собеседника тоже не видно было. Я положил дипломат, как он и лежал до того, как я его увидел, и поспешил поскорее убраться с помойки.

Прибежал домой. Сестра в чувствах, даже дверь не закрыла за мной, задумавшись, сидела в комнате, о чем-то, видимо, размышляла, покачивала головой. Она не сразу меня заметила, а мне сделалось уныло на душе и жалко сестры. Наконец она очнулась и поглядела на меня своими кроткими глазами с рассеянной усмешкой.

— Ты меня извини, что я невольно растеребил твою рану,— сказал я с досадой, присаживаясь рядом.— Как-то не по себе сделалось, когда стал смотреть на светлые лица… ну на тех фотографиях, что лежали в дипломате. Не хотел бы я такой смерти, когда последнюю память о человеке и ту спровадили на помойку. Так вот тот человек, с которым я говорил…

— Ты, наверно, с Иваном Степановичем говорил,— отходчиво проговорила сестра.— Ему всегда есть до всего дело. Кто-то бы прошел мимо, а этот… нет, сунет свой нос.

— Я уж не рад, что на горе свое с ним разговорился. Он говорил, что этот Петр Анисимович что-то писал, а Вера Игнатьевна пустила на растопку его труды. Ты знаешь эту Игнатьевну?

— Кто ее не знает.

— Человек писал, писал, надеялся, надо думать, на что-то, а оно вон как вышло. О, черт, залез мне в голову этот Петр Анисимович, никак его не выпихнешь. Я чувствую, дорогая сестрица, обидел тебя этот Анисимович?

— Да нет… не обидел, с чего ты взял,— с задумчивостью возразила сестра.— Это было бы уж слишком жестоко. Он честен был со мной. Но я вот что скажу: дураки вы, мужики.

— Ко мне, Аннушка, это не относится. Я не из тех, кто имеет привычку жить бобылем. А вот ты могла бы поискать себе… кого, разве на этом Анисимовиче сошелся свет клином.

Сестра моя была очень недурна собой, живого и кроткого нрава, да и по сей день сохранила приятный вид светлой личности.

— Говоришь, истопила его записи Игнатьевна?

— Ты знала, о чем он писал?

— Когда бы я ни приходила к нему, он всегда сидел за столом и писал. Сам он никогда не рассказывал. Прятал, когда я входила. Конечно, я интересовалась, поусмехаюсь, глядя на него, и скажу: «Все пишешь…» Он виновато так улыбнется, однако посмотрит на меня, как на глупую, и скажет: «Пишу».— «И о чем же ты пишешь?» Однажды проговорился, хорошо запомнила, как он сказал, я, как-никак, юрист по образованию. «Перманентный кодекс я пишу, свод законов на все времена. Такой кодекс, чтобы не было повадно его менять и

переделывать кому вздумается». Я хохотнула и говорю: «Как ты можешь о чем-то писать, когда у тебя нет ни одной книги? До тебя уже все придумано и написано!» Он изменился в лице, но снизошел ответить мне: «Мне книги не нужны. У меня, говорит, все в голове. Пока это наброски. Потом соединю воедино и пошлю…» Я спрашивала его, кому он собирается послать, но он отмахивался, говорил, что это неважно, он еще не думал об этом. Главное, говорил, написать. Я ему как-то сказала, что за своей работой он самого себя забывает. А он ответил, что ему и не нужно, чтобы кто-то о нем заботился и помнил. Посмотрел на меня и добавил: «Извини, Анна, повенчан я с этим моим делом до самой моей смерти и не хочу ничего менять в моей жизни». Как плеткой хлестнул меня по щекам этими словами. «Ну и оставайся один,— сказала я ему в негодовании,— умрешь и похоронить тебя будет некому!» — «Плевать мне, что будет с моим телом. Тело тленно, а то, чем я захвачен, нетленно. Мне не жалко положить жизнь на то, чем я занимаюсь — это стоит того!» Тогда я говорю: «Что ж, Петр Анисимович, помрешь и не вспомнят ни о тебе самом, ни о твоих трудах».— И ушла.

Больше мы с ним никогда не встречались, да я и слышать ничего о нем не хотела.

Сестра моя опять задумалась, потом лицо ее приняло странное выражение, подняв брови, она усмехнулась.

— Умер, значит, Петр Анисимович, да так, что никто не услышал в нашем маленьком городке. А я смотрю, дом его снесли, думала, повезло ему, переехал на новое жилье, а он, значит, вон как.

— Аннушка, может, забудем об этом Петре Анисимовиче? Я уж сам не рад, что притащил в твой дом память о нем, да вижу, тяжелая эта память.

— Никакая и не тяжелая,— сказала сестра.— Принес и унес. Кто хочет, чтобы о нем помнили, что-то делает для того. А его при жизни никто не интересовал… ни сам он — никто. Вот и пусть так будет.

— А трудов тебе его не жалко? как ими Игнатьевна распорядилась?

— Не жалко. Сердце не ноет во мне. Он что, думал, что в своих трудах будет вечным? и это заменит ему всю радость жизни? Как бы не так! Чтобы что-то дошло до людей надо, чтобы хоть одна-единственная душа стояла рядом, радовалась и дорожила тем, что он делал, помимо него самого. Вот что, дорогой мой братик, ты приехал ко мне, а не о Петре Анисимовиче сожалеть, пойдем на кухню пить чай. У меня пирог давно готов.

Мы встали и пошли пить чай, и мало-помалу наши живые дела вытеснили из души Петра Анисимовича.

На следующий день, улучив момент, я быстренько сбегал до помойки, и дипломата на том месте, где я его оставил, уже не было. Я воровато, быстренько внимательно посмотрел во все стороны и даже в баки мусорные не преминул заглянуть. Кресло и кровать стояли, а дипломата не было. Стало быть, польстился кто-то на него. Мне почему-то сделалось стыдно от унылости своей и пустомыслия, что я тайком от сестры продолжаю интересоваться судьбой Петра Анисимовича, рыщу, как последний бомж, на помойке. Какое мне дело до него? Что скажут люди? Ну и брат приехал к Анне Андреевне!

Уже в поезде я снова вспомнил Петра Анисимовича. «Кодекс пишет»,— пришли мне на ум слова сестры. «Придумал же человек себе заботу на всю свою жизнь,— задумался я.— А Игнатьевна потом его трудами печь растапливала. Интересно написал?.. Да нет, где ему! Это ж надо, как Богу, увидеть всю жизнь людскую нараспашку, чтобы составить перманентный свод законов. Да и что придумывать — лукавство все это, Бог и так продумал все за человека — дал Заповеди. По-хорошему, больше ничего не надо. Соблюдать бы только. А вдруг Игнатьевна не все сожгла?.. черновики только? Эх, надо было мне познакомиться с этой Игнатьевной. А вдруг… написал и послал? кто-нибудь теперь изучает?»

Мне ехать далеко было, и я полегоньку отвлекся на жизнь, мелькавшую за окном.

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

МОИ ПАМЯТКИ
Из документальной повести
«Цветы для мамы»
По страницам личного дневника

ПУШКИН

Ах, какой сегодня ветер! Что ж — начало зимы. В нашей городской квартире всегда тепло, не то, что бывало в материнском доме. В такие дни спасала только печка. А теперь, когда мы с мужем переселились в город, проблемы нет. У нас даже пол теплый!

Я не могу уснуть, потому что… Не знаю почему. Уже глубокая ночь. В мое окно видно, как раскачивает

ветер верхушки деревьев. Наблюдаю удивительную картину. Пошел снег, крупные хлопья роятся и сияют в свете уличного фонаря. Как будто кто-то рассыпает звезды щедрой рукой, а они подчиняются движению ветра. То их несет горизонтально, то вдруг образуется круговорот. Вот прямо сейчас они летят снизу вверх. Минута — и срываются вниз. Интересно. Пытаюсь найти в этом непредсказуемом движении какую-то закономерность. Не получается. Рисунок еще ни разу не повторился. Боюсь пропустить что-нибудь особенное и пытаюсь запомнить эту фантастическую красоту. Она уже пробудила в моей душе что-то высокое, подобное мечте. Хочется думать о хорошем. И приходят воспоминания о нашем доме, о маме, о детских радостях…

Памятка

Я — восьмиклассница.

Учитель физкультуры сказал, чтобы мы надевали лыжи,— поедем на дальнюю дистанцию через ельник, что за поселком. Погода как по заказу, и все должны сдать норматив.

Лыжи мне не давались; я всегда отставала, пропускала всех вперед и приходила последней, потому что была худенькой, маленькой и слабой. Наследство послевоенного времени! Я родилась всего лишь через четыре года после Великой Победы. И было много таких детей. Нам нужно было время, чтобы окрепнуть. «Читать надо меньше,— говорила наша соседка,— а больше бывать на воздухе». Но я любила книжки. Они прибавляли сил и закаляли характер — теперь понимаю это.

Укрепив лыжи, я начала движение не спеша, а одноклассники сразу ушли вперед. Погода и впрямь выдалась на редкость. Вчера была метель, в поселке намело огромные сугробы, а в поле снег лежал ровно, как будто его разгладили невидимые мастерицы. Слепило солнце, легкий морозец не давал снегу приняться, и я не торопилась. Любовалась белоснежной далью, ловила варежками блестки мелькающих в воздухе снежинок, разглядывала узоры птичьих следов. Какая красота кругом! Как в стихотворении: «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит…»

Вдруг лыжи заскользили по небольшому спуску, на скорости вынесли меня на поляну между высокими елками и как будто специально остановились. Сколько раз мы ходили сюда за грибами! Но то было летом, осенью, а сейчас лес впустил меня в зимнее царство. Так вот оно какое! Высятся вкруг поляны зеленые красавицы в снежных нарядах. Как будто сошлись гости дорогие на великом торжестве, красуются обновами: белоснежными шубами, шапками, шалями узорчатыми — и все в сверкающих самоцветах! А вот маленькое деревце показывается из-под снега. Точно Снегурочка в алмазном венце. Кажется, вот-вот оживет. Постоять немного, и произойдет чудо! Стою и вспоминаю: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, на мутном небе мгла носилась… а нынче…»

Впереди закричали, я услышала свое имя. Меня звали. Нужно догонять лыжников. Вынырнув из лесной сказки, я устремилась вперед, ускоряя движение в ритме строчек: «Скользя по утреннему снегу, друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня…» Далеко в поле и в самом деле бежала лошадка, запряженная в сани. Все по Пушкину!

Лыжи скользили легко, быстро, сил как будто даже прибавлялось, и я скоро догнала идущих впереди.

Потом я удивлялась, почему из всех известных мне стихотворений вспоминались тогда именно пушкинские строчки? Я ведь любила и знала наизусть стихи Тютчева, Некрасова, Есенина. А еще удивительнее то, что и теперь, спустя много-много лет, когда зимним днем вдруг выглянет из-за тучи солнце и засверкает снежное убранство земли под его лучами, на ум обязательно придет: «Мороз и солнце; день чудесный!..» Почему — Пушкин? Почему?

В поисках ответа ворошу свою память. И в который раз нахожу хранящийся там сюжет из моего далекого детства.

Мне было около шести лет. Мы жили в только что построенном доме, и отец был еще жив. Никаких денежных запасов у моих родителей не было, на стройку уходило все. Кому-то покажется странным, что у учителей почти не было книг. Да, не было! Это сейчас у нас огромная библиотека. А тогда… В зале, в углу нашего нового дома, стояла старая этажерка, привезенная из деревни, и на нижней полке были сложены книги. Школьные учебники, необходимые отцу и матери в работе. К ним прикасаться мне не разрешалось.

К шести годам я уже хорошо читала. Как-то раз, когда родителей не было дома, любопытство подвело меня к заветной полке. Осторожно перебирая книги, я обнаружила среди них несколько старых, потрепанных детских сказок, прочитанных еще в деревне. Их перевезли от бабушки. Мои книжки. Оказывается, их берегли. А вот незнакомая мне книга. Вижу ее впервые. Совершенно старая, без обложек, в некоторых местах порванная, как говорят, «зачитанная до дыр». Почему-то она тоже хранится.

Поиски автора ни к чему не привели. В книге не было ни начала, ни конца. «Но это не учебник, точно,— решила я,— потому что написана какими-то стихами. Если мама и папа почему-то берегут эту книжку, не выбросили ее, значит, она хорошая. Попробую почитать. Конечно, она не для детей. Так это еще интересней. Смогу ли я понять, что нравится родителям?»

Первые страницы оказались не для моего ума. Я ничего не поняла. Но так как упорство всегда было в моем характере, твердо решила: буду читать медленно, не пропущу ни словечка, даже если ничего не пойму. Зато буду знать, что дорого папе и маме.

Началось медленное, по нескольку страниц в день, чтение загадочной книжки. Какие-то места в ней,

конечно, были понятными. О природе, например. Про осень, зиму, весну. Но все остальное…

Я все же осилила эту книгу, хотя родителям не призналась. Это осталось моей тайной — первая взрослая прочитанная мной книга.

Прошло очень много времени. Полку перебрали, на ней появились новые книги, но эта все оставалась. Теперь она еще больше выделялась среди красивых обложек своим неприглядным видом. Не помню, когда она опять оказалась в моих руках. Кажется, когда я уже училась в старших классах. Конечно, узнала! Ну, конечно, «Евгений Онегин» Пушкина! Теперь хвалюсь своим внукам, что в шесть лет прочитала роман. При этом честно признаюсь, что ничего в нем не поняла. Почти. Зато поняла своих родителей.

Читатель, конечно, подумал, что я написала о себе. Нет. Это о них.

И всегда в нашем доме хранилось не то, что было модно, престижно. Берегли то, что дорого сердцу. Выходит, что самой ценной книгой в нашем доме был роман Александра Сергеевича Пушкина.

Странно. За всю жизнь у нас с мамой не нашлось времени, чтобы поговорить о Пушкине. О «Евгении Онегине». Очень жалею об этом. Вечное наше «некогда».

Теперь думаю: может быть, маме полюбился этот роман за то, что жизнью души она была чем-то похожа на Татьяну Ларину: любовью к русской природе, привязанностью к родной деревне, простым людям и, конечно, верностью любимому человеку — моему отцу. Даже тогда, когда его не стало.

Отношение к Пушкину — это наследство, доставшееся мне от родителей. Наверное, поэтому я с особенным чувством еще в детстве всегда открывала книги этого писателя. И, конечно, много позже поняла, что Пушкин близок нам своим уважением к простым, честным и добрым людям. Еще тем, что знал то, без чего трудно жить: прекрасное, к которому мы стремимся и которое хотим разгадать, и есть эта самая жизнь. С ее печалями и радостями, потерями и находками, разочарованиями и взлетами души, с ее безостановочным движением, беспрерывной сменой настроений, картин, времен года, бегущим временем и ожиданием радостных перемен… Есть и еще. Может быть, самое важное. Оно — в признании самого Пушкина: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал»… Вот это уже послание нам, писателям. И мне не хочется, чтобы Пушкин уходил из нашей жизни.

Он и не уходит. Свою дочь мы назвали Татьяной, а с внуками читаем вслух «Евгений Онегин». Почти семейная наша традиция. Конечно, это уже новая книга, в красивой обложке, с иллюстрациями, с удобным шрифтом. Но также мало понятная юному современному читателю. Все равно читаем.

Памятка

Как раз прошлым летом мы с внуком-восьмиклассником осваивали список программных произведений по литературе. «Онегина» я предложила почитать вместе, зная, что для школьника будет много мест непонятных, незнакомых слов (язык-то у детей уже другой!), и он будет пропускать текст, как делают многие дети. Заодно перечитаю и сама.

Читаем. С остановками, объяснениями, иногда и с размышлениями. По десять страниц в день, иногда больше. «Легкие» строфы отдаю ему, посложнее — беру на себя. Добираемся до последних. Читаю: «А мне, Онегин, пышность эта, Постылой жизни мишура, Мои успехи в высшем свете, Мой модный дом и вечера, Что в них? Сейчас отдать я рада…» На глаза накатывают слезы, я замолкаю... Потому что невольно вспоминаю маму. В ней была такая же искренность, правдивость, неспособность к предательству. Передаю книжку внуку. Так хорошо читает, как будто с Пушкиным давно на «ты». Точка. Закрыли книжку. Отложили. Делаю вывод про себя: «Нервы совсем…» При этом не могу отделаться от какого-то нового впечатления, пытаюсь его осмыслить. Говорю внуку, который уже сел за компьютер: «Представляешь, вот дочитали, и мне почему-то вообще расхотелось читать другие книги. Совсем. Как будто в этот роман вместилось все, что есть и в жизни, и в литературе. Абсолютно все, чем живет человек. А другие книжки — только повторение». И уже говорю для себя: «Прав Григорьев. Пушкин — наше все». Зависает тишина. Жду, что мне скажут: «Бабушка, ты смешная. Что ты плачешь?» Или что-то в этом роде. И вдруг слышу: «Да. Это точно». Мой внук согласился со мной! Впечатление от этих слов сильнее всего. Оно незабываемое.

Не зря читали.

Думаю обо всем этом и наблюдаю, как меняется за окном картина. Уже не танец снежинок, а сплошная снежная пелена застилает обозримое пространство. Разгулялась метель, совсем как у Пушкина… Вот — опять Пушкин. «Метель». Свет фонаря еле пробивается сквозь мутную завесу, кажется бледным пятном… Завтра наметет огромные сугробы, и детишек радостный народ будет весело протаптывать дорожки…

И я еще не знаю, даже не подозреваю, что завтра меня ждет огромная радость. Мой младший внук, которому сейчас четыре с половиной года, играя возле меня с машинками, вдруг скажет: «Бабушка, я знаю стихотворение! Мы с мамой выучили». И станет рассказывать, путая некоторые буквы и не выговаривая звук «р», но очень красиво:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит…

Тут он запнется, а я ему подскажу. Потом напомню ему, что придумал это стихотворение Александр Сергеевич Пушкин, большой фантазер и веселый человек. И еще мы немножко поговорим о добре и зле в сказках, кто там, у лукоморья, защищает добро, а кто — на стороне зла. Обязательно поговорим. Может быть, расскажу ему о своей маме, которая всю жизнь хранила в доме книжку Пушкина. Но это как получится. Всему свое время. И оно придет. Потому что добро не исчезает бесследно. Оно передается от одного человека к другому. Даже через книжку.

Написала это и подумала: из всех потерь, которые сопровождали меня по жизни, теперь особенно жалею ту, несохранившуюся, зачитанную до дыр книгу без переплета, первых и последних страниц. Не понятую мной сначала и полюбившуюся потом навсегда. Об Онегине и Ленском, Ольге и Татьяне Лариной… Мамину книгу. Очень жалею об этой потере.

А строчки Пушкина у меня всегда вызывают ассоциации: мама, отец, родина, детство, наш дом…

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Багирова Ляман Сархадовна родилась 06.08.1969 г. в Баку. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Член СП Азербайджана и РСП. Издано четыре книги рассказов. Публикуется в журналах, альманахах и газетах. Лауреат, дипломант и финалист ряда известных конкурсов. Наш постоянный автор.

ДИАЛЕКТИКА!

Михаил Кромин, семейный психолог со стажем, исповедовал в жизни принцип триединства. По его мнению, все в жизни должно было делиться на три, и в этом был залог успеха. Когда его просили объясниться более понятно, он терпеливо, как говорят с маленькими детьми, начинал вещать. Процесс этот явно доставлял ему удовольствие. Во всяком случае, выглядел он при этом как кот, предвкушающий обильную трапезу.

— Вы понимаете,— и легкие пушистые усы его победно вздергивались,— что мы имеем в начале любого дела?

Пауза. Полукивок, полупоклон в сторону собеседника и… острый пытливый взгляд вонзался тому в лицо.

Собеседнику требовалось обратиться в слух.

— А мы имеем речь и противоречие! Правду и… еще одну правду. Тезис и антитезис. Все просто как в античной трагедии. Итого исходных — два! Нам требуется найти истину, то есть привести третий аргумент. И в этом решение всех вопросов. Вы понимаете? Только в третьем — решение и гармония всех проблем! Нет, вы ни черта не понимаете!

При этих словах собеседнику требовалось обратиться в прах и познать всю глубину своего ничтожества.

Но Кромину этого было мало. Насладившись видом поверженного и несообразительного визави, он сменял гнев на милость, и в его цвета зеленой стали глазах зажигались задумчивые огоньки.

— Ко мне обращались сотни пар на грани не то что развода и разбега, а разгрыза ни на жизнь, а на смерть. И — горжусь — большую часть из них я спас. Живут себе припеваючи, а все потому, что из их тезисов-антитезисов я умел выводить синтез! А он как спасательный круг в океане направлял их к берегу.

Обратившийся в прах, но еще не вполне испепеленный стыдом собеседник, смутно припоминал, что где-то и когда-то он уже слышал эти слова: «тезис, синтез, антитезис». Когда-то очень давно, возможно, уже совсем в другой жизни, на лекциях по философии. Знать бы, что прочно забытое вдруг снова явится в образе такого вот пушистоусого психолога.

— Да, а вы что думали?! — победный хитроватый взгляд сверлил собеседника.— Вот они, все мои дела в картотеке. На них я учился, все их помню.— И узловатая породистая рука с неожиданно маленькими, почти женскими пальцами тянулась к большому выдвижному ящику книжного шкафа. Там, в пластиковых коробках-контейнерах лежали тугие пласты бумаг, больших и маленьких, застегнутых скрепками и свернутых в трубочку.

— В первую очередь надо человека выслушать, потом сравнить и проанализировать. Триада должна быть во всем.— Кормин растекался по древу, как былинный Боян.— Она основа ясной головы и разумных решений. Чаю хотите? Кофе?

Трепещущий собеседник (иного новоявленный Боян и не потерпел бы!) смущенно качал головой.

— И зря! Я намерен рассказать вам презанимательную историю. Запаситесь терпением, и… чаем или кофе! Понадобятся!

Щелк! Движение изящных пальцев, еле слышный щелчок, и бесшумно растворялась белая деревянная дверь. Так же бесшумно в нее вплывала женщина неопределенных лет, неопределенной наружности и с таким белым лицом, что казалось: встань она около двери — и видны будут только полосатое платье, венчик туго свернутых темных волос и провалы рта, глаз и ноздрей. Все остальное сольется с дверью. Женщина ставила перед собеседниками маленький металлический поднос с двумя чашками чаю, лимоном, сухарницей и двумя крошечными рюмками коньяка. И безмолвно исчезала. Кромин был эстетом и зорко следил, чтобы нарезанный полукружиями лимон был уложен на блюдце не как-нибудь, а в форме цветка, чтобы сама розетка располагалась на подносе строго между чашками, чтобы сухарница была наполнена доверху, а рюмки налиты коньяком лишь до верхней золотистой кромки, и ничуть не выше. И чтобы и поднос, и сухарница, и чашки, и рюмки являли собой предметы одного сервиза, никак не иначе.

***

— Во всем должен быть порядок и гармония, это упорядочивает мысли и предостерегает от неблагоразумных мыслей и поступков. И — можете мне поверить! — этому научила меня одна из моих первых клиенток в то время, когда я еще не помышлял о работе психолога. В сущности, она даже не была моей клиенткой…

Он почти с головой погрузился в ящик и вынырнул из него с победной улыбкой:

— Нашел! Вот она! — Перед собеседником лег пожелтевший и толстый свиток, оказавшийся свернутыми в трубку и густо исписанными листами.

— Вам что-нибудь говорит имя Леонида Чимары?

— Нет,— пожал плечами собеседник.— К стыду своему, не знаю.

— Неудивительно. У ярких звезд есть особенность — они сгорают так же быстро как загораются. Но лет сорок назад это имя было довольно известно и принадлежало одному талантливому поэту. Он был молод, амбициозен и на первых порах удачлив. Издал несколько хороших поэтических сборников, стал лауреатом множества конкурсов, его заметили, стали приглашать на творческие вечера. Некоторые издательства, даже довольно крупные, заключили с ним договоры на публикации книг. О нем писали в газетах, в общем, все складывалось как нельзя лучше.

Потом стали говорить реже и тише, потом и вовсе перестали. Я в те годы только окончил интернатуру по психиатрии, уже работал в больнице и время от времени печатался в местном журнале. Там любили мои маленькие забавные истории из врачебной практики. А-ля, Антоша Чехонте. Только в отличие от Антоши Чехонте, писал только ради собственного удовольствия, а не от нужды.

Как-то принес в редакцию несколько новых миниатюр, а редактор встречает меня с каким-то странным выражением лица: одновременно веселым и озабоченным.

— Рассказы, конечно, мы напечатаем, это однозначно, но тут вот какое дело. Через два месяца юбилей нашего земляка — поэта Леонида Чимары. Его, конечно, уже мало кто помнит, но, оказывается, жива его вдова. Ей больше семидесяти. Вот бы взять у нее интервью, а? У вас это получится замечательно, статью сможете сделать, я уверен, и живой, и яркой.

Одним словом, был я откомандирован к этой самой вдове по адресу ее проживания. Но, я вам скажу, уж и дама оказалась! При мне редактор позвонил ей, и я слышал их разговор. Знаете, меня сразу заинтересовала манера ее общения: голос нежный, звонкий, словно у молодой девушки, а слова произносит твердо, четко и ни разу не сбилась на долгие «м-м-м-м», «э-э-э-э-э», что у людей ее возраста встречается нечасто. И сразу отказала!

— Нет,— говорит,— простите меня великодушно, но не хочу никаких интервью.

Редактор и так, и эдак, и ужом вился, и мелкой пташечкой рассыпался, мол, это наш известный земляк, да, вы сделаете честь нашему журналу, да вам читатели наши будут благодарны. И все в таком же духе четверть часа! Наконец, уломал!

— Только,— говорит,— с одним условием. Могу уделить два часа. Ваш репортер будет записывать то, что я говорю, а вопросы пусть оставит при себе. Я от вопросов путаюсь. А вы потом сами из того, что я расскажу, сделаете и напечатаете, что вам нужно.

Редактору это не очень понравилось, но он согласился:

— Конечно, конечно, как вам будет удобно.— А сам мне кулак сжатый показывает, мол, кремень старушка и лучше ей не перечить.

Я никогда не видел, чтобы старые люди жили в таком аскетизме. Обычно с возрастом они обрастают милыми сердцу безделушками, старыми вещами, всем тем хламом, который давно пора выбросить, потому что толку от него никакого и в нем запутываешься как в собственных склеротических ногах, когда они отказываются тебе служить. Но в том-то и дело, что людям в возрасте легче расстаться с жизнью, чем с привычным старьем.

Ничего подобного в квартире вдовы не было. Узкая белая кровать, пустые светлые стены, только два морских пейзажа с летящими чайками висят друг против друга. Круглый стол, четыре стула, платяной шкаф. Больше ничего не помню. Книг, цветов, кошечек, собачек тоже не заметил,— ничего, что делает жизнь и дом

уютнее. Вот в такой аскетичной обстановке обитала женщина, в обществе которой мне предстояло провести два часа.

И вновь меня словно оглушили. Настолько не соответствовала обстановка облику хозяйки. Маленькая, кругленькая, лицо как румяный блин, платье темных тонов и свободного покроя, седые волосы закреплены на затылке синей кружевной наколкой. Глаза добрые, грустные и голос нежный, воркующий, чуть с придыханием. Ласковая бабушка, ни дать ни взять. А речь четкая, строгая, суровая даже. Вот вам и первое мое столкновение с тезисом и антитезисом! Единство и борьба противоположностей, так сказать!

Кромин улыбнулся чему-то далекому внутри себя. И продолжил через минуту:

— Сижу я напротив нее и не знаю с чего начать. А она тоже молчит, потом ребром ладошки провела по столу и говорит:

— Сначала скажите, что вы хотите услышать? Правду, или то, что вам надо для журнала?

И усмехается одними глазами.

Я пожал плечами. Какое-то странное чувство вызывала во мне эта женщина: теплое, светлое, но одновременно резкое, как лезвие ножа. Словно включили лампу, от которой и светло, и тепло, но свет ее направлен так, что нестерпимо больно от него.

— Давайте так, как я сказала. Я буду говорить, а вы записывать за мной. А дальше сами все сделаете. Только отметите, что с моих слов все записано.

— Познакомились мы с Чимарой, когда мне и двадцати еще не исполнилось, а ему было полных двадцать шесть. Мне он понравился сразу: стройный, высокий, с вдохновенными светлыми кудрями, зелеными как море глазами. Что нужно для счастья романтичной молодой девушке, которая и жизни толком не знала, единственным ребенком была у родителей? До замужества не помню, чтобы без мамы из дома выходила, не потому что боялась или немощная была, а потому что так принято было: девушка из хорошей семьи должна вести себя тише воды, ниже травы, всякий ее обидеть может, поэтому необходимо, чтобы рядом был кто-то из старших сопровождающих. В школу, институт — папочка или мамочка сопровождали. Я не о том сейчас, правильно или неправильно это, а о том, что так было принято. Добропорядочная девица должна была дома своей судьбы дожидаться: она не успеет оглянуться, как старшие все за нее решат — и сосватают, и помолвка уже состоится, а она толком своего суженого и не знает. Как и он ее, впрочем. Но, как ни странно, при этом разводов было меньше.

Чимара был ярким, звонкоголосым и любезным. Мог привлечь к себе внимание. Я влюбилась в него без памяти. И мамочка тоже его привечала: ей нравилась его обходительность и немногословность. Папа, правда, сомневался. Говорил, ну, что за профессия — поэт, как он, мол, будет семью содержать? И еще побаивался: не охотник ли этот поэт до моего приданого, я все-таки была девушкой небедной: отец давал за мной небольшой земельный участок с домом и кое-какие сбережения. Чимара на момент знакомства со мной учился на архитектора, на вечернем отделении, и работал в какой-то чертежной конторе. Папе его специальность нравилась куда больше поэтических упражнений. Он хотел, чтобы зять защитил диссертацию и получил доцентуру. «Стихи стихами,— говорил он,— а профессию надо иметь такую, чтобы кормила не только тебя, но и семью. И кормила нормально. А приданое жены — это на черный день, как неприкосновенный запас, на него зариться не по-мужски».

Но мамочка его уговорила, что дочь, мол, влюблена не на шутку, что парень подает большие надежды, что молодость и очарование сделают свое дело, а все остальное — наживное.

Поженились мы. Папа сделал ремонт в дачном доме и все обговаривал со мной заранее, какого цвета хочу стены, какую мебель. Ну, а я во всем советовалась с Чимарой, потому что его решение было моим. Получились три большие комнаты: гостиная цвета пыльной розы, как поэтически обозначил мой жених, небесно-лазурная спальня, а третья комната — бархатно-зеленая: то ли будущая детская, то ли кабинет.

Бедная моя мамочка всю свадьбу и плакала, и улыбалась. У Чимары родителей не было, его с малолетства тетка растила. Так эта тетка на свадьбе все в уголке стояла, молилась, и глаз восхищенных с племянника не сводила. А Чимара сиял как солнце в полдень. Ему, видно, и самому не верилось, что будет жить в красивом доме с садом, что жена и теща в нем души не чают и все в его жизни складывается хорошо.

И с этого времени действительно все его дела пошли в гору. Мамочка говорила, что впрок ему пошла женитьба. Победил он на нескольких конкурсах, стали его печатать, приглашать на встречи с важными людьми. И уж не знаю, что ему они там в уши напели, только с тех пор он стал как одержимый. Стал бредить какой-то исторической поэмой, какую непременно должен написать. Из института ушел. Никакие уговоры не помогли. Тетка его плакала, я просила, мамочка моя тоже уговаривала, он ни в какую. Наконец, папа строго так решился сказать, что, мол, неплохо высшее образование иметь, оно еще никому не помешало. Так Чимара прямо взвился:

— Хочу вам всем сказать, что мне в моей судьбе все ясно. Инженерство, архитектура — это все не мое. Только чужое место занимать буду. Я решил посвятить себя литературе.

Взмахнул рукой, будто саблей, и вышел из комнаты.

Пусть Бог меня простит, но хорошо, что Он нам детей не дал! Вначале как-то не до них было, все мысли были о будущей славе и больших гонорарах Чимары. А потом, я уже не хотела… Потому что потом Чимару как подменили. Зеленая бархатная комната, что мы под детскую мечтали в будущем отдать, оконча-

тельно его кабинетом стала. И если он там заседал, то есть предавался творческим раздумьям, так все должны были на цыпочках ходить, чтобы не потревожить.

Но вот что я вам скажу. Чем больше он помыкал мной, тем больше это меня обезоруживало. Видно так мы, женщины, устроены: нам надо непременно заботиться о ком-то, нежить, холить. Нам кажется, что человек больше принадлежит нам, если мы привязываем его к себе своей заботой. Мне нравилось ходить за ним, как за малым ребенком, готовить ему бульоны, морсы, менять белье, когда чуть прихворнет, держать весь дом в полумраке и тишине, когда он спит. И я не заметила, как это стало моей потребностью, даже жаждой служения. А когда поняла, было уже поздно.

— Понимаете, друг мой,— голос Кромина становился все глуше и задумчивее,— чем дольше она говорила, тем больше голос ее становился крепче и отчетливее. И такую смертельную обиду я увидел в ее добрых и ласковых глазах, что мне стало жутко. Сильного человека можно обижать сколько угодно, его сила выше обид, они для него как комариный укус, но бойтесь обидеть слабого и тихого. Вот они в тлеющей боли своей не простят никогда. И, заметьте, ни разу в своей речи она не назвала мужа по имени. Только по фамилии или «мой муж».

И еще я с тоской думал, что мне представить редактору. Ведь дураку было ясно, что интервью, или — скорее — исповедь вдовы, ни для какой хвалебно-памятной статьи не годится. А вдова все говорила, ей, кажется, безразлично было для чего я здесь.

— Из своей чертежной конторы он тоже ушел. Сказал, что его гонораров и каких-то отчислений с продажи книг и творческих встреч нам хватит. Это было, конечно, глупостью. Иногда, действительно, в доме появлялись деньги, и немалые. Но это было все ненадежно. Они исчезали так же быстро, как появлялись. О том, чтобы я устроилась на работу, не могло быть и речи. Чимара почему-то считал, что жене художника (таковым он себя величал) надо быть музой, хозяйкой литературного салона, мило улыбаться гостям, разливать чай, поддерживать светскую беседу, а работа, приносящая деньги — фи, как это неизящно… Иногда мне казалось, что я ненавижу его… Но — все же проклятая бабья жалость — когда я видела его обезоруживающую улыбку и слышала вот это: «Мунечка, а у нас есть что пожевать?», я готова была шить ночи напролет, чтобы принести в дом лишнюю копейку, или отдать все отцовские сбережения, чтобы Чимара не отказывал себе ни в чем. Что? Да, я неплохо шила, у меня даже появились заказы, но я скрывала это от Чимары: муза не должна заниматься тяжким трудом!

К нам зачастили его друзья. Тоже литераторы, творческие люди, так сказать. Один из них,— я бы назвала его Прислушивающимся,— все время как бы к чему-то прислушивался, то ли внутри себя, то ли вовне. Прислушиваясь, ел за троих, и все равно был вечно худ и голоден. И ходил чуть ли не в последнем тряпье: линялой мятой рубашке, драных брюках, дырявых носках, лохматый, небритый. Не знаю, был ли действительно не от мира сего, или старательно изображал из себя такого, но смотреть на него было неприятно. Однажды я предложила Чимаре купить ему одежду, так муж мой потом со мной полдня не разговаривал: «Ах! До чего же ты приземленная и меркантильная. Неужели ты думаешь, что он возьмет наши подачки? Это его оскорбит!» Ну, и все в таком же духе на десять минут речи. Я промолчала, но почему-то мне кажется, что всю нашу новую одежду он принял бы с бо-о-ольшой радостью.

Второй мне нравился больше. Тоже был худой, одевался без лоска, но при этом не выглядел неряшливым, скорее — неприкаянным. Всегда вежливый, предупредительный, бросался ко мне, чтобы помочь, если я с подносом в комнату входила. А мой муж его отличал больше других. Ему первому декламировал части из будущей поэмы, которая должна была быть вершиной его творчества. А поэма все не двигалась. Месяц за месяцем, год за годом. Какие-то стихи писал, публиковал, его хвалили, но вот поэма — «сердце мое», как он говорил, не двигалась. Я по наивности, думала, что сердце его — это я.

А однажды этот второй — Неприкаянный — улучил минутку, когда мой вышел из комнаты и шепнул мне:

— Постарайтесь убедить его, чтобы он оставил эту затею с поэмой. Или пусть поменяет в ней все. Вообще все: структуру, тему, сюжет.

— Вам что-то не нравится? — спросила я его.

— Не в этом дело,— замялся он.— Понимаете, ваш муж очень талантливый, но для того, чтобы создать поэму, какую он задумал, одного таланта мало. Нужно еще что-то, сам не знаю, но чувствую — надо еще что-то. Может быть чувство меры.

Странный он был, Неприкаянный. Но глаза у него были хорошие. Печальные. Такие глаза бывают у людей, которые чувствуют боль другого человека и не знают, как помочь.

Третий был балагур и пьяница. Если с Прислушивающимся было непонятно, делает ли он вид, или на самом деле такой «неотмирасегойный», то этого я трезвым не видела никогда. Но меру свою знал, во злость никогда не напивался. Всегда веселый, песни пел, стихи на ходу сочинял, шутил без конца. Его так и называли «Экспромтщик». Были еще и другие, но их я не запомнила. Все на одно лицо — тоже творцы…

А потом появилась Она. Как я потом узнала, была бывшей подружкой Экспромтщика, он и познакомил Чимару с ней. Яркая, броская, ничего не скажешь. И тело богатое: пышногрудая, узкобедрая, высокая, с кошачьей грацией. Уж что греха таить, я — женщина, и то любовалась ею.

Мой пропал из дома на месяц, а потом вернулся как нашкодивший кот, стал просить прощения, и го-

ворить, что я должна его понять и простить, потому что ему необходимо были новые впечатления, что он художник слова и ему для вдохновения, для работы над поэмой нужны страсти.

Я слушала его внимательно, и — честно — ничто не шевельнулось во мне, кроме жалости. «Э-э,— думаю,— видно не ладится у тебя с поэмой, и ты это очень хорошо чувствуешь, поэтому и пытаешься спрятаться за какие-то демонические страсти, впечатления, вдохновения. Все это самообман. То ли ты выдохся, друг мой милый, то ли взялся за гуж, который тебе не под силу, но не получается у тебя создать то, на что замахнулся. А человек ты самолюбивый, слабый, горячий и не без искры Божьей, поэтому и тяжело самому себе признаться в бессилии».

Думаю так, а сама спокойно отвечаю: «Хорошо, будем делать вид перед людьми, что ничего не произошло, но жить с тобой отныне как жена не буду. У нас есть разные комнаты, вот и разойдемся по ним тихо и мирно. Но разбазаривать тебе наше имущество, а вернее то, что оставил мне в наследство отец,— не позволю. Буду выдавать тебе определенную сумму на расходы, но не более. И постоялый двор из нашего дома делать больше не дам».

Сказала, и сама удивилась своему безразличию. Спросите, зачем нужно было жить с ним так долго, а не развестись сразу же, как он начал выкрутасничать? Не знаю… Слаб человек, и много в нем всего намешано, подчас самого противоречивого. И я не исключение…

При этих словах Кромин победно взглянул на собеседника, мол, не забывай трех китов моей философии: тезис, антитезис и синтез! Все в мире держится на единстве и борьбе противоречий!

— Вы бы слышали, какая филиппика обрушилась на меня. Девятый вал гнева и ярости! Я и корова бесчувственная, и мышление у меня торгашеское, и мозги у меня куриные, и что ему вообще от меня ничего не надо, что он лучше умрет на паперти как нищий, но гордый художник. И слюной брызгал, и по столу колотил, и за волосы хватался. Потом демонстративно хлопнул дверью в зеленую комнату и всю ночь там что-то делал, ходил, стучал, рвал бумагу. Наутро, бледный и всклокоченный, промчался мимо меня и ушел из дома. Я позавтракала и заглянула в зеленую комнату. На полу повсюду валялись клочки бумаги. То ли поэму изорвал, то ли еще что… Я подмела, прибрала все, чтобы чисто было к его возвращению. В том, что он вернется, я не сомневалась.

И он вернулся через десять дней. Тихий и какой-то прилизанный. Спросил, есть ли обед. Это было излишне, он знал, что свежий обед в нашем доме есть всегда. Мы сидели вместе за столом в гостиной, и он говорил мне, что многое понял и пересмотрел в своей жизни и отказался от мысли писать поэму, которая вымотала из него все жилы. И что теперь его мечта — жить со мною в нашем доме и радоваться каждому дню, сколько хватит жизни. Я верила ему, но знала, что это неправда. Я слишком хорошо знала своего мужа: таким, как он, легче отказаться от жизни, чем от упрямой мечты.

Знаете, есть мечты как небесный свод, они возвышают человека и делают его жизнь прекрасней. Есть злые мечты, они бывают у злых людей. А есть такие, как у моего мужа — они как рак вгрызаются в сознание и мучают его, но человек не может от них отказаться, как бы ему этого ни хотелось.

Поэму он и вправду забросил. Стихи, правда, продолжал писать, но о поэме не было ни слова. И друзья его больше к нам не приходили. Передал ли он им мои слова, или они сами как-то от него отпали — не знаю, но только в доме у нас стало тихо и как-то очень чисто и светло. Особенно в зеленой комнате: она прямо-таки светилась чистотой, не то что раньше.

Потом уже мне сказали: человек перед уходом прибирается. Наводит, так сказать, порядок в душе своей и в доме. Не знаю, может быть и так. Но Чимара никогда не был таким просветленным и чистым, как в последние дни. Даже глаза его… словно их изнутри промыли, мерцали, как изумруды.

Это был теплый день. Я дремала на тахте, а он вышел ненадолго прогуляться. Потом мне позвонили и сказали, что нашли его сидящим на скамейке в парке. Он улыбался, будто уснул с улыбкой на лице.

В день прощания в ритуальный зал пришли его друзья. Все, кто когда-то был у нас. Прислушивающийся был еще более косматым, чем всегда, Экспромтщик… даже не знаю, как сказать. Мне кажется, что, если бы не серьезность момента, он бы и тут отпустил какую-нибудь остроту. У него выражение лица менялось как картинки в калейдоскопе. А Неприкаянный плакал как ребенок.

А я ругала себя. До чего же стала бесчувственная, меня ничего не трогало. Я понимала, что вижу мужа в последний раз, что никогда больше не услышу его голоса, и все-таки ничего не могла с собой поделать.

А потом кто-то тихо заиграл 20-й ноктюрн Шопена. И это было так прекрасно и высоко, что слезы сами нахлынули и растопили меня. В этот момент я простила Чимаре все: и его выкрутасы, и дерзости, и измены, и его нелепые мечты — словом, все. Простила и отпустила.

В конце концов, может, не такая жена нужна была для творческого человека. Я как-то прочла стихотворение одного известного турецкого поэта (хорошо, что Чимара до этого не дожил. Он считал, что его жена должна читать и восторгаться только стихами своего мужа). Стихи были о каком-то голубоглазом великане, который полюбил маленькую простую женщину. И эта женщина мечтала о маленьком простом счастье. А великану стало тесно в ее мечте, и ушел в большой мир. Может, Чимаре было тесно со мной. Кто знает… Но я старалась дать ему то, на что способен простой маленький человек.

Потом я поставила ему маленький памятник. На зеленой мраморной плите высечена чайка в полете, лист бумаги и перо. Бумага и перо — понятно — атрибуты пишущего человека. А чайка — символ мечты,

которой он так и не смог достичь.

Она умолкла. Я поразился, как точно она смогла уместить весь свой рассказ в два часа. Я окончил писать, она посмотрела на мои записи равнодушно и сказала:

— Правьте в журнал, как сочтете нужным. Мне больше нечего добавить.

— Вам принести экземпляр журнала со статьей? — спросил я и тут же понял, что сморозил глупость.

Она посмотрела на меня жалостливо, как на умственно отсталого.

— Нет,— голос прозвучал тихо, нежно, но также твердо.— Мне не нужно.

Я вышел на улицу и вдохнул свежего воздуха. Так глубоко, насколько позволяли легкие. Мне стало легче. Я знал, что больше не вернусь в этот чистый пустой дом, в котором живы лишь воспоминания.

Всю ночь я переписывал для редактора ее исповедь. В моей версии Леонид Чимара предстал возвышенным, благородным талантливым поэтом, безмерно чтящим свою семью. Редактор остался очень доволен. В номер статья пошла под названием: «Навсегда в нашей памяти: Леонид Чимара». А подзаголовок: «Воспоминания вдовы поэта».

— А ее исповедь — вот она.— Кромин похлопал по увесистому пожелтевшему свитку.— Храню как самое дорогое. С нее и началась моя практика психолога. Именно она открыла мне истину: все существует только в противоречии, только в полярности. В любви и ненависти. Но только самое сильное противоречие может породить настоящую гармонию. Вы понимаете меня?

— Нет!

— Что и требовалось доказать! Мой тезис, ваш антитезис! Но есть надежда, что когда-нибудь придем к гармоничному синтезу!

Примечание:

Когда-то еще в школьные годы, в Москве, я прослушала радио-спектакль, не помню какого автора, кто играл и как назывался, но сама идея меня восхитила, и я написала рассказ в память об этом спектакле.

Одним словом: с огромной благодарностью ко всем авторам безымянного радио-спектакля, который я, к великому своему сожалению, удосужилась слушать с середины.

Андрей ВОЛКОВ

г. Тула

Андрей Алексеевич Волков родился в Туле 23.06.1987 г. В 2004 г. окончил МОУСОШ № 56. В старших классах проходил обучение в Межшкольном учебном комбинате №5 на столяра. В 2004 — 2009 гг. учился на факультете русской филологии и документоведения ТГПУ им. Л. Н. Толстого по специальностям «русский язык и литература» и «культурология». Также учился (но не окончил) в ТГМК им. Н. Демидова на специальности «Литейное производство черных и цветных металлов». В 2011 — 2012 гг. в Тульском институте экономики и информатики прошел профессиональную переподготовку по программе «Web-дизайн и программирование». Прозу пишет с детства. В юности написал постмодернистский роман «Час Зверя», но в дальнейшем перешел на повести и рассказы. Проза публиковалась в личном блоге на сайте «КЛУБ-КРИК», в интернет-журналах «Luterra» и «Новая литература». Есть страница на портале «Проза.ру». С 2022 года член клуба православных писателей «Родник». С 2013 года трудится на производстве. В 2013 — 2016 гг. работал слесарем-ремонтником и гранулятором на АО «Тулачермет». С 2016 года и до настоящего времени трудится термистом в инструментальном цеху оборонного предприятия «Сплав». Главным увлечением с раннего детства является кино. В настоящее время регулярно сотрудничает со следующими интернет-СМИ — «Film.ru», «Нож», «Кинотексты», «Darker», «RussoRosso» и «25-й кадр», где также является членом редакции. Изредка пишет о рок-музыке. Наш постоянный автор.

УЧИТЕЛЬ

С благодарностью посвящает автор сюжет этого произведения памяти своего учителя В. С. Харитонова[*].

Жизнь не заканчивается смертью,

[*] В. С. Харитонов (1956 — 2023) — кандидат филологических наук, доцент кафедры туризма и индустрии гостеприимства ТулГУ. Старший товарищ и литературный наставник автора в ранние годы творчества

как и рассказ не имеет финала,
ибо всегда продолжается в воображении читателя

Когда кто-то спросил его: «Как ты думаешь, что из себя представляет подземное царство?»,
Демонакт[*] ответил: «Подожди немного, и я тебе напишу оттуда»

Похороны

Николай не любил ходить на похороны. И так от своей жизни на душе тоскливо, а тут еще чужое горе. Люди плачут, со скорбью смотрят на покойника, а тому-то как хорошо! Лежит себе в гробу умиротворенный, сознанием в другой месте уже. Конечно, не все ныне верят в жизнь загробную, но Николай был убежден, что только смертью дело не ограничивается. Люди не исчезают без следа, в вихре времени, а становятся частью мироздания, совершая круговорот «из жизни в смерть и обратно». Есть Бог или нет Николай, конечно, не ведал. Да и не думал об этом, по правде сказать. Главное, что существует жизнь, которую мы удивительно мало ценим.

На эти похороны Николай не мог не пойти. Умер дорогой ему человек, его гимназический учитель русского языка и литературы Аркадий Павлович. Не стар он был, шестьдесят шесть лет едва исполнилось. Мог бы еще лет десять преподавать, да призвали высшие силы. Семьи у него не было, жил только работой. Хотя постойте, как это семьи не было? А благодарные ученики? Вот как он, например. Николай специально из Москвы приехал, где работал редактором в бизнес-журнале, хотя отпроситься было непросто. Ведь на работе завал, статей куча, каждый редактор на счету.

Конечно, Николай и прозу писал, не забрасывал. Славы и почета на литературном поприще пока не стяжал, но ведь он не за тем же сочинял, чтобы ему миллионы отовсюду сыпались. Он полагал, что творчество — это осмысление мира, который и сам есть акт творения. Когда-то на одном из уроков именно такими словами объяснил смысл художественной литературы Аркадий Павлович. Николай во взрослые годы убедился в его правоте. Автор произведения действительно подобен Создателю. Возможно, в желании сотворить собственный мир, живущий по тобой придуманным законам, и кроется подлинная магия искусства. Николай, например, обращался к творчеству именно тогда, когда особенно остро чувствовал себя марионеткой, движимой невидимой рукой кукловода.

Вдруг крышка гроба распахнулась, и его взору предстал лик дорогого учителя. Глаза открыты, козлиная борода всклокочена. Покойник недоуменно головой крутит, словно не понимает, где находится.

— Ну-ка, Коля, помоги выбраться.— Аркадий Павлович перекинул одну ногу через бортик гроба, а второй за обивку зацепился, вытащить не может.— Эх, стар уже. Правда, помирать пора, даже из гроба вылезти не могу.

Николай вытаращил глаза. Вот те на! Не ожидал такого поворота. Непредсказуемые похороны нынче пошли. Только придешь проститься с покойником, а он на самом деле не умирал. Лежит себе в гробу, да смеется, что разыграл всех хорошо. Конечно, Николай знал, что Аркадий Павлович на выдумки горазд, но, чтобы вот так, у всех на глазах из гроба вылезать! Вот так шутник его старый учитель! Хотя почему у всех на глазах? Остальные как будто не замечают. Могильщики спокойно крышку гроба закрыли, а седой священник помахал над гробом кадилом. Неужели только Николай видит, что Аркадий Павлович жив?

— Да, только ты меня видишь,— не стал скрывать его учитель.— Не мог же я отправиться в дальний путь и с тобой не повидаться. Пойдем в кафе какое-нибудь, за жизнь потолкуем. Ты только заплати за меня, будь добр, а то в костюм хороший меня нарядили, а вот денег не положили в дорогу. Ну, оно и верно. Деньги тут, в этом мире важны, а там другой мерой меряют.

— А чего же вас не видит никто? — не стал скрывать своего удивления Николай.

Похороны, между тем, спокойно продолжались без покойника. Гроб опустили в вырытую яму, и двое рабочих лопатами землю стали забрасывать. Седой священник передал диакону кадило и чинно произносил привычную проповедь о бессмертии человеческой души.

— Они видят только то, что хотят видеть,— прямо ответил Аркадий Павлович.— В их реальности покойники не вылезают из гробов, вот и не замечают ничего. Смотри, Полинка рыдает. Хорошая девушка, сейчас бизнес-леди, а старого учителя оплакивает. Помнишь, она нравилась тебе в старших классах? Кстати, слышал, развелась недавно.— Учитель подмигнул и похлопал Николая по плечу.— Ладно, в кафе пойдем. Не на кладбище же разговаривать! Я тебе не говорил, что я кладбищ боюсь? Целое поле мертвецами усеяно. Не дай бог восстанут, вот как я. И что тогда? Зомби-апокалипсис!

Николай невольно улыбнулся, а учитель резонно заметил:

— Вот это мне нравится. Нечего горевать. Жизни радоваться надо. Всему, что здесь есть и чего не будет на том свете. Что здоров, что еда вкусная, что работа неплохая и женщина есть рядом. Эх, мне бы женщину сейчас, молодость вспомнить, да времени мало. На один разговор с тобой только отпустили.

— Кто же?

---

[*] Демонакт — греческий философ-киник, живший во II веке.

— Да известно кто. Высшие начальники. Ну-с, куда пойдем? О, вспомнил! Тут недалеко кафе открыли. «Последнее пристанище» называется. Хозяин справедливо решил, что после похода на кладбище душа так и тянется к земным удовольствиям. Вот туда и направимся.

Кафе

Аркадий Павлович был прав. В кафе народа как в общественном транспорте по утрам. Люди разговаривают, смеются, едой хрустят. Официанты едва успевают всех обслуживать. С трудом, но нашли свободный столик. Молодая официантка приветливо улыбнулась и подала меню.

— Ох, хороша девчушка! — смерил ее формы Аркадий Павлович и довольно цокнул языком.— Когда жил, все о работе думал, на женщин не глядел, а как помер, так сразу потянуло. Ну-с, рассказывай, как в Москве дела? Что хорошего на работе? И, самое главное, что сейчас пишешь? Давно ничего не читал, а хочу. Жаль поздно свиделись, времени нет ознакомиться.

— Это моя вина,— с грустью сказал Николай.— Все дела, работа, а надо было позвонить, хоть е-мэйл ваш узнать. По почте бы связь поддерживали.

— Публикации уже есть?

— Да. Не считая статей всяких, рассказы мои в паре-тройке мест выходили.

— Отзывы какие были?

— Да всякие. В одном журнале, например, какая-то бабенка написала, что ей метафор не хватает. Якобы художественности мало. Хотя она там такие слащавые произведения одобряет, что жуть просто.

— Женщины такие существа, что и с ними невозможно, и без них тоже,— поведал истину Аркадий Павлович.— Это не моя мысль — кто-то из умных сказал.

— Но это ладно,— махнул рукой Николай.— Не в этом суть моих тревог. Главное, что меня волнует — это время. Жизнь проходит, а впереди лишь старость и болезни. Когда же все идеи реализовать? А ведь жизнь нам не просто так дается. И смыслом ее вряд ли работа служит, необходимая лишь для получения денег. Во всяком случае, мне моя работа мало нравится. Только ради денег и терплю.

— Понимаю,— посочувствовал Аркадий Павлович.— Я тоже всякой фигней занимался. Отчеты бюрократические писал. Ведь учителей выше крыши бумажной работой завалили. Так что я совсем позабросил исследования Ивана Тургенева. Хотел диссертацию о его поздних романах защищать, да на полпути остановился и с тех пор так и лежит у меня в столе. Наверно, выкинул племянник уже. Когда я был жив, так ни слуху, ни духу, а как помер, сразу нарисовался. Вот люди, да? Полежать в гробу спокойно не дадут. А плачет, как будто любил меня. Ты сам видел спектакль на кладбище. Хотя, может, и не спектакль. Грустит, наверно, что деньги ему не достались. Я успел в благотворительный фонд их отправить. Не очень много, конечно, пара миллионов всего, но сколько скопил. С учительской зарплаты много не накопишь, сам знаешь.

— До сих пор не верю, что вы рядом,— сказал Николай.— Все думаю — сон ли это или с ума схожу.

В этот момент подошла официантка, приняла заказ. Николай затребовал суп с грибами, вишневый пирог и мятный чай, а Аркадий Павлович — борщ, жареные пельмени и кофе.

— Хотел пивка выпить, да ангел строго мне сказал — чтобы выпимши не появлялся в раю,— объяснил Аркадий Павлович выбор напитка.— Приказ апостола Петра*. И объяснение этому есть. Недавно священник один умер. При жизни святой был, хотели канонизировать даже, а как в рай попал, так давай там куролесить. Высший начальник в Аид обращался — не заберут ли пьянчужку к себе. А там ему ответили — в Аиде своих алкашей немало, не знают, что делать с ними. Управляющий Аида даже в небесную канцелярию возмущенное письмо отправил — зачем такие души создаете, которые и на земле пакостничают, и на том свете житья от них нет. Вместо того чтобы в котлах спокойно вариться, всех чертей споили и с рогатыми песни поют, да баб требуют.

— Неужели правда? — не поверил Николай.

— А ты думал, я тебе врать буду? — обиделся его учитель.— Ты не забывай, что я покойник, а мертвые всегда правду говорят.

Вот только Николай заметил, что аппетит у мертвого Аркадия Павловича лучше, чем у живого. За пять минут весь борщ выхлебал и за пельмени принялся.

— Ты давай рассказывай о своей жизни, не стесняйся,— с набитым ртом сказал его учитель, так что Николай едва понял, что он говорит.

— Да нечего особенно рассказывать. Писателем я не стал пока, журнал редактирую. Из-за этого и времени нет на творчество. Но, как я уже сказал, идей полно.

— Это самое главное,— закусывая пельменем, сказал Аркадий Павлович.— Жизнь скучна без творчества. А писатель — это не профессия, а состояние души. И никто кроме тебя не может знать, хорошо ты написал или плохо. Ты сам должен это чувствовать. Поэтому я считаю, что все эти Союзы писателей совершенно бессмысленны. Только хвастаются люди там, бронзовеют. Пишут так, как будто в XIX веке до сих пор живем. Назидательные, оторванные от реальной жизни произведения. Без всякого эксперимента, смелой

* По католическому преданию, ключи от рая находятся у апостола Петра, первого Папы римского.

мысли, темного угла. Нет, не такие писатели в XXI веке нужны.

— Я пишу авангардную прозу, реальности и у меня мало.

— Реальность — это то, что внутри тебя,— принялся философствовать Аркадий Павлович.— Объективную реальность, то есть мир, лежащий за пределом нашего восприятия, мы не знаем. Вот кто бы мог подумать, что у покойников отпуска бывают? Я бы сам не поверил, если бы мне сказали, а теперь я мертв и по-другому мир вижу.

— Это как?

— А вот так. Недавно Викентий Вересаев* отпускником стал. В свой дом хотел попасть, ну, где музей теперь, так не пустили. Консьержка как выставила пузо, подбоченясь — куда прешь, говорит, без билета. Пришлось квартиру снимать. А отпуск у него большой — вечность в раю скучно коротать, поэтому на целый год отпустили. И знаешь что, пошел преподавать наш Вересаев. На филологическом факультете ТГПУ им. Л. Н. Толстого работает. Ты, должно быть, помнишь профессора Романова**?

— Конечно. Он у нашего курса фонетику преподавал.

— Так вот, он теперь снова кафедрой заведует и с радостью Вересаева взял на работу. Говорит, давно не мог найти толкового знатока по краеведению. Писателей в Туле много, а вот литературоведов днем с огнем не сыщешь. Так что Вересаев теперь про творчество Вересаева, Глеба Успенского и других тульских писателей студентам рассказывает. И даже, как я слышал, диссертацию у профессора Романова пишет по речевым характеристикам героев своей драмы «В священном лесу».

— Так, значит, и вас в отпуск отпустят? — приободрился я.

— Само собой. Но не сразу. Время должно пройти. Но это не беда. Как раз с Тургеневым в раю пообщаюсь. Хочу диссертацию дописать, наконец.

«Не сон ли? — вновь подумал Николай, слушая своего учителя.— Не может же все это быть правдой. Вот напишу очерк об этом, так литературный редактор не поверит. Скажет — наврал половину. Бред, абсурд и все такое».

— Ну, пора собираться,— сказал Аркадий Павлович, посмотрев на наручные часы.

— Уже? — удивился Николай.— Мы же толком не поговорили.

— Ты мне адрес свой скажи в Москве, я тебя найду, как в отпуск пустят. Много нового расскажу. Мы там, наверху, все видим, что тут делается. Только повлиять ни на что не можем. Мы же духи.

Николай подозвал официантку и расплатился. Аркадий Павлович еще раз смерил взглядом ее фигуру. Хороша, девка, но никаких романов. Ангелы строго следят за целомудрием прибывших душ.

Прощание

Когда Николай и Аркадий Павлович пришли к свежей могиле, похороны уже завершились. Все разошлись и разъехались. Могила была аккуратно закопана, вся в россыпи цветов и с венком по центру. «От коллектива гимназии», прочитал Николай и едва не прослезился. Тяжело расставаться с учителем.

— Как же вы в рай-то попадете? Гроб закопали. Неужто откапывать придется?

— Это не проблема.— Аркадий Павлович подошел к простому деревянному кресту у изголовья холмика и руки на его верхушку положил. К кресту была прикреплена табличка с именем умершего и годами жизни.— Был рад тебя увидеть, Коля. Спасибо, что старого учителя проводить пришел. Еще свидимся, надеюсь. И на лекцию к Вересаеву сходи. Кажется, у него псевдоним Смидович. Под настоящим именем нельзя работать — прославился слишком человек. Мне в раю рассказали, что студентки шепчутся меж собой, что их преподаватель на Вересаева похож. Эх, глупые, это он и есть!

Николай и Аркадий Павлович обнялись, после чего старый учитель растаял, как сон. Николай в задумчивости побрел к своей машине. Целый день у ворот простояла. Повезло, что не угнал никто. Не просто же так объявление на столбе висит — «осторожно, кладбищенские воры». А рядом еще одно — «Голосуй, или проиграешь». И фото того, за кого надо голосовать.

Николай не понял, что было с ним на кладбище. Правда это или вымысел? Видение или реальность? Хотя не все ли равно! Главное, что он поговорил с Аркадием Павловичем, даже если этот разговор ему лишь приснился.

Николай сел в машину, какое-то время был неподвижен, стараясь освободить сознание от путанных мыслей о странном происшествии на кладбище, а затем вынул из кармана куртки смартфон. Может, правда задержаться? Родной город все-таки. Тут столько воспоминаний гуляет кругом!

Вошел в «Яндекс», проверил по сайту университета. Все так — доцент Смидович завтра открытую лекцию о творчестве Вересаева дает. Почему бы не сходить? Нерядовое событие.

Внезапно его телефон зазвонил. От неожиданности Николай чуть не выронил его. Поднеся к уху, он еще больше удивился, ведь звонила Полина. Эх, как давно он не слышал ее голос! Примерно с того времени,

---

* Викентий Вересаев (1867 — 1945) – писатель и литературовед, уроженец Тулы. В городе есть его дом-музей

** Д. А. Романов — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ТГПУ им. Л. Н. Толстого, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований

как их школьный роман завершился. Расстались перед самым выпускным и с тех пор почти не общались.

— Не поверишь, но я сам хотел набрать тебя. Только, правда, у меня бы не вышло. Ты номер сменила? У меня этого номера нет.

— Это мой второй номер.— Голос Полины звучал ровно и спокойно, хотя Николай чувствовал, что она с трудом сдерживает эмоции.— Я им обычно по работе пользуюсь. Какой ужас, да? Я не думала, что Аркадий Павлович умрет. Я звонила ему за неделю, он хорошо себя чувствовал. Или, может, просто успокаивал меня. Ты же знаешь, он не считал нужным заострять внимание на своих проблемах. Все хранил в себе.

— Я тоже его видел недавно,— решил приукрасить кладбищенские события Николай.— Заезжал в Тулу по делам и встретил его возле Выставочного зала.* Поговорили с ним немного, тебя вспомнили. Может, встретимся, что скажешь? На похоронах неловко было подойти. Я задержусь в Туле на пару дней. На лекцию доцента Смидовича, может, схожу. Она о Вересаеве, кстати. Помню, он нравился тебе, когда мы учились. Я даже тебе на день рождения собрание его сочинений как-то подарил, помнишь? Не хочешь ли компанию мне составить?

— Давай,— легко согласилась Полина.— А после в кафе посидим, Аркадия Павловича вспомним. Я в шоке от его смерти, да и ты, думаю, тоже. Поделим горе на двоих.

Николай отвлекся от разговора и посмотрел через боковое окно своей машины на свежезасыпанную могилу Аркадия Павловича. На миг ему привиделось над могилой какое-то сияние, словно светлячки летают. Или, может, душа его учителя наблюдает за ним? И если разговор с Аркадием Павловичем не приснился ему, и мертвые действительно посещают живых, возможно, он вновь его встретит? В другом обличии, под псевдонимом, пусть даже через много лет, когда уже сам станет стариком. Николай хотел бы еще раз увидеть своего учителя и закончить свой с ним разговор.

Ладно, к чему думать об этом? Еще грустнее становится на душе. Лучше думать о том, что скоро он увидит Полину, посетит лекцию Вересаева-Смидовича и, может быть, напишет об этом рассказ. Возможно, только так, при помощи творческого осмысления, он сумеет примириться со смертью Аркадия Павловича. Хотя у Николая не было ощущения безвозвратной разлуки. Он чувствовал, что его учитель рядом, как невидимый ангел-хранитель. Ему не нужно слышать его голос, чтобы знать, что он сказал бы по тому или иному поводу. Он достаточно долго с ним общался, чтобы запомнить его главную мысль, которую Аркадий Павлович в разных словесных вариациях доносил до своих учеников. Звучит она просто — верить в себя и не сдаваться. Ведь пока все живы, ничего не бывает поздно.

— Эй, друг, отъезжай, пора кладбище закрывать, а то покойники разбегутся.

Николай от неожиданности резко повернул голову в сторону звука, да так, что заболела шея. Перед его машиной стоял долговязый старик, видимо, местный сторож.

— А что, бывает, убегали? — решил подыграть ему Николай.

— Конечно,— уверенно ответил старик.— Ты хоть из Москвы приехал, судя по номеру, а истины не знаешь. Кладбище — это не поле с мертвецами, как некоторые думают, а долина воспоминаний. Только помня прошлое, мы уверенно можем идти вперед. Наше прошлое — это почва, из которой мы, как дерево, прорастаем в будущие времена.

«Прямо философ,— подумал Николай.— Не удивлюсь, если тоже райский отпускник. Какой-нибудь писатель, вроде Вересаева. Или, может, чей-то учитель, как мой Аркадий Павлович».

Николай не стал спорить с местным философом. Вместо этого он включил фары и отъехал от ворот. Сторож защелкнул створки и закрыл двери на замок. На округу упала ночь, и в ее чреве утонули события загадочного майского дня. Теперь все, что было на Мыльной горе**, казалось Николаю далеким воспоминанием или, может, гласом из глубин его сознания. Николаю не хватало Аркадия Павловича — его доброты, оптимизма и чудачеств, и в то же время он не чувствовал себя сиротой. Ведь близкие люди не уходят безвозвратно. Они существуют в нашей памяти и живут и стареют вместе с нами.

Сторож проводил взглядом машину Николая, после чего его высокая фигура растворилась в окружающей кладбище мгле. Кто был этот старик, так и осталось загадкой. Ибо наутро в сторожевой будке, стоящей справа от ворот, пробудился настоящий кладбищенский работник — старый пьянчужка в потрепанном сером пиджаке и с заросшей густой щетиной физиономией. Увидев, что ворота кто-то ночью запер, он довольно крякнул и пошел в ближайший магазин опохмелиться. Там его уже поджидали друзья-алконавты. На кладбище начинался новый день.

13 — 17. 12. 2023

* Выставочный зал на Красноармейском проспекте — музейная галерея. Популярное место в среде городской интеллигенции. Около этого здания в последний раз встретил автор В. С. Харитонова

** Мыльная гора (другое название – Смоленское кладбище) – крупнейшее кладбище Тулы. Основано в 1969 году

Яков ШАФРАН
г. Тула

ДОМ РАЗУМНЫХ
Рассказ*

«Жизнь есть борьба <…>
Все миры на испытании.
«Надземное», (Живая этика), 799

«Налево пойдешь — врага там найдешь,
направо пойдешь в войне пропадешь.
Иди мирно по мосту».
Александр Казанцев. «Мост дружбы»

Экстренное сообщение круглосуточной службы новостей потрясло весь мир. По космовизорному каналу пришла неожиданная информация, что первая в истории человечества, столь долго и тщательно готовившаяся и столь многообещающая в плане непосредственного научного познания, в том числе и разносторонних знаний об объективных закономерностях развития планет Солнечной системы и всего Космоса, а возможно и для установления прямого контакта с внеземным разумом, разведывательная экспедиция на Марс внезапно прервалась. Прошло немногим менее двух суток с момента старта с земного космопорта, и вот космолет возвращается.

Что случилось, что помешало закончить запланированные комплексные исследования? — официальными органами планеты не сообщалось. Многие журналисты, как известно, при неимении достоверных данных, пытавшиеся что-то домыслить, предполагали и то и другое, однако серьезные люди, тем более имевшие отношение к фундаментальной науке, предпочитали хранить, по крайней мере, внешнее спокойствие и ждать правительственного сообщения Совета Земли.

***

А в тот час на стартовой площадке космопорта поднимался порывистый ветер. На чистом ярко-голубом небе только кое-где виднелись небольшие белые облачка. Рождалось раннее утро начала осени. Лучи восходящего солнца отражались яркими бликами в окнах дальних построек и создавали различные матовые оттенки на оболочке космического корабля.

Он был малогабаритным, хотя экспедиция направлялась к Марсу. Дело в том, что основной старт должен состояться с Луны, с большого селенопорта, на космолете, строившемся там же и снабженном всем необходимым специальным оборудованием и запасами для межпланетного полета и исследования красной планеты. Это вызвано более простым и легким стартом и, следовательно, значительно меньшим расходом топлива, а также непричинением вреда биосфере.

Наступил знаменательный день в многовековой истории Земли — *первая* экспедиция к Марсу. Потому, несмотря на ранние часы, на площадке обозрения — на значительном расстоянии от пусковой зоны — уже находилось много людей, любителей наблюдать событие непосредственно вблизи, съехавшихся сюда еще со вчерашнего вечера. Из космопорта велась и прямая трансляция, и еще больше жителей могли видеть старт по большим уличным и домашним визорам, создающим голографическое изображение.

Сколько было написано и сказано об этой загадочной планете, в том числе и в фантастических произведениях, сколько предшествующих поколений землян мечтало о покорении ее. И исподволь проводились целенаправленные научные и технические работы по успешной реализации будущего освоения — возникали обоснованные теории, смелые инженерные проекты и оригинальные конструкции, производились тщательные испытания.

И вот настал долгожданный момент. Со стороны отдаленного здания космопорта появился открытый кибермобиль, в нем сидело десять человек — семь космолетчиков и трое провожающих, видимо, непосредственных руководителей предстоящего полета. Недалеко от корабля они вышли из машины, коротко простились, и члены экипажа — пятеро мужчин и две женщины — вошли в космолет. Не участвующие покинули стартовую площадку, и через некоторое время аппарат поднялся, пару секунд зависал над ней и затем стал медленно набирать высоту, постепенно превращаясь в ослепительно яркую точку. Но и она вскоре исчезла.

***

Прилунившись в селенопорте, после трех часов полета, вместо четырех дней на ранней заре мировой космонавтики, надев скафандры, не воспользовавшись селенобусом, космолетчики легкой походкой, ибо си-

* Многое, сообщаемое в рассказе, является плодом фантазии автора.

ла тяжести на Луне в шесть раз меньше земной, перешли в городок, находившийся под гигантским прозрачным куполом, где их тепло встретили «селениты» — работники местной колонии. После отдыха и обеда, члены экипажа прошли через шлюзовую камеру в «Марс-1», и до запланированного на утро — по земному времени — межпланетного старта решили освоиться со своим кораблем, так как прежде они имели дело только со специальными тренажерами-имитаторами.

Начальником экспедиции был профессор Института галактических исследований, известный космолог Андрей Петрович Соколов. В его немногочисленную, но сплоченную команду входили: командир-навигатор, опытный, правда, в полетах по околоземному пространству, Олег Мележко, навигатор-инженер Стив Уилсон, физик-астроном Ганс Вебер, врач, китаянка Вен Сюй, биолог-химик Анастасия Оноприенко и лингвист Анри Бертье.

Космолетчики сняли скафандры, и тут их внимание привлекла потрясающая панорама Земли. Она висела полным шаром в абсолютно черном, но ярко звездном небе. И они, в том числе многократно видевший ее из космоса Мележко, прильнули к иллюминаторам. Ганс Вебер мягкого тембра голосом давал пояснения товарищам.

— Как наблюдаете, диск нашей планеты примерно в четыре раза больше полного диска Луны при виде с Земли и светит в несколько раз ярче ее, освещая весь безрадостный ландшафт голубовато-серым цветом.

Земной шар выглядел, действительно, впечатляюще: на фоне бархатно черного неба сквозь светло-голубую оболочку атмосферы и белый облачный покров просвечивали серо-коричневые материки и синие океаны. Однако не это более всего брало за душу, а чувство *милого, родного дома*, покидаемого ими в преддверии неведомого будущего. На глаза Насти Оноприенко навернулись невольные слезы, а Вен Сюй даже всплакнула, утираясь носовым платком, заботливо припасенным в кармане летного костюма.

Вокруг же корабля, насколько видно через иллюминаторы, простирался безжизненный, серый, с некоторыми оттенками от белого до черного, пейзаж, покрытый скальными образованиями и отдельными камнями, лежащими, казалось бы, на твердом грунте, но, как известно, в мелкой пыли.

***

Старт «Марса-1» прошел стандартно. И снова окрест раскинулся черный холодный Космос с далекими, горящими разноцветными огнями звездами. Полет не должен был занять много времени. После успешного выхода на лунную орбиту, навигатор перевел космолет с обычных двигателей на фотонные, действующие по принципу полной аннигиляции протонов и антипротонов с созданием фотонов. Высокая скорость должна была набраться быстро, затем тяга будет выключена и корабль станет двигаться по инерции. А на завершающем этапе, при торможении, корабль развернется на 180 градусов и полетит уже «кормой» вперед, когда включенный не на максимальную мощность двигатель, к тому же с постепенным ее уменьшением, доведет скорость до нуля, и космолет временно станет искусственным спутником Марса. Потом, после двух-трех витков корабль сойдет с орбиты, и при работе простого двигателя, на компенсации силы притяжении планеты, совершит посадку.

***

«Царствие Божие внутрь вас есть».
Евангелие от Луки,17: 21

Не ищите Бога вовне, Он внутри каждого.
Только некоторые об этом не догадываются…

Так все успешно, как заслуженный триумф земной прикладной науки и космической техники, и произошло. Минуя полярную ледяную шапку, космолетчики приземлились в средней полосе, между северным полюсом и экватором. Надев скафандры, они вышли. Перед ними раскинулся марсианский пейзаж — песчаные дюны с темными пятнами на них, являющимися, как они знали из предварительной подготовки к полету, следствием таяния снега — замерзшего углекислого газа и воды,— в этом полушарии уже стояло лето. Температура воздуха после замера оказалась плюс пятнадцать градусов по Цельсию, что вполне соответствовало дню этой поры. Вообще, средняя температура на Марсе — минус шестьдесят. Зимой, однако, она доходит до ста двадцати пяти, а в летнее время воздух прогревается до плюс двадцати, хотя ночью опускается до минус семидесяти. В общем же, вокруг была бесплодная пустошь с россыпью камней пурпурного цвета, с которых ветер сдувал пыль.

— Это глиняные камни, они и горные породы из них образовались в результате древних речных и озерных отложений,— сказала Анастасия, по совместительству познакомившаяся с геологией Марса накануне полета по данным автоматических станций.— Помните, с орбиты мы видели сухие русла бывших рек, впадавших в низины, видимо, бывшие моря. Но есть и *«действующие реки»* — мутные потоки соленой жидкости, появляющиеся в середине местного лета.

Стоял день. Небольшое солнце в желто-коричневом небе находилось достаточно высоко над горизонтом.

После отдыха космолетчики определили состав разведывательной группы. В нее вошли Соколов, Уилсон, Оноприенко и Бертье. На корабле вместо начальника экспедиции остался Мележко. Взятые еще автоматическими станциями пробы воздуха говорили о 95,3% углекислого газа, 2,7% азота, 0,13% кислорода и других малых составляющих. Потому, не теряя времени для дополнительных исследований, группа в скафандрах в выгруженном из космолета униплане отправилась на облет планеты. Предполагалось совершить его в широте места посадки. Вид сверху позволил рассмотреть тут и там мертвые старые вулканы, кратеры от падения крупных метеоритов и некоторые возвышенности.

Все было спокойно. Но *вдруг* они заметили возле одного из кратеров живых существ в неземных скафандрах и с чем-то, напоминающим оружие, в руках. Произошло все неожиданно, так как ни автоматические станции — хотя их имелось и немного,— ни данные радиотелескопов не сообщали о какой-либо разумной хозяйственной деятельности на поверхности планеты. Однако космические разведчики быстро оправились от непредвиденной встречи.

— Может, это приборы, а не оружие,— засомневался Бертье.

— Сейчас узнаем, и все же приготовим защиту,— сказал Соколов.

Космолетчики надели щиты от стрельбы бластеров, предусмотрительно взятые на борт униплана, и подготовили свои бластеры. После чего они стали снижаться, намереваясь сесть. Однако, заметив яркие вспышки и острые струи огня, направленные в их сторону, Андрей Петрович немедленно отдал приказание Уилсону прекратить дальнейшее снижение, и тот, включив защитную сеть вокруг машины, перевел ее в состояние зависания на данной высоте.

— Ого! Не вступив в контакт, ничего не выяснив — *и стрелять*! — воскликнула Оноприенко.

— Да, выходит: либо сверхагрессивная цивилизация, либо почему-то изначально настроенная именно против нас,— резюмировал Соколов.

— Ваши дефиниции, простите — определения, верны,— перешел с научного языка на обычный Бертье.— Но, может, все же следует войти с ними в какое-то общение. У нас ведь есть дистанционный передатчик-приемник мысли,— высказал он предположение.

Начальник экспедиции согласился. И они передали марсианам: *«Мы на вашей планете с сугубо мирными целями. Никакого вреда вам не причиним!»* Любое высокоорганизованное разумное существо должно внутри собственного сознания получить точный и полный перевод посланного сообщения на свой язык, так как язык мысли един для всей Вселенной. И результат не замедлил проявиться. *«Убирайтесь! Мы хорошо знаем, кто вы и зачем здесь, и не допустим колонизации нас вами!»* — услышал каждый член группы в своем уме.

— Понятно. Они не дадут нам проводить какие бы то ни было исследования, а делать это в военных условиях и рискованно, и нереально, потому что не известен их общий потенциал, с которым можем столкнуться. Экспедиция в опасности, в лучшем случае она станет экстремальной туристической прогулкой,— заключил руководитель.

— То есть улетать к Земле ни с чем…— проговорил Бертье.

— Продолжать контакт с этими «туземцами», значит: тратить время и энергию на защиту, а они между тем свяжутся со своими, и придет более мощное вооружение! — ответил Соколов.

— Получается, нужно оборвать контакт, и, возможно, надолго, если не навсегда…— промолвила Настя.

— Можно, например, взять *«языка»*,— сказал Стив, любитель старых художественных произведений эпохи войн на Земле.

— Языка? — поднял брови начальник экспедиции.

— Ну, одного из них, с целью добывания большей информации, а потом вернуть его обратно,— предложил навигатор.

— Каким образом вы намерены это сделать? — поинтересовался Анри.

— Как? У нас есть *лапа* — рука-захват для забора образцов породы. Можно мягко прихватить кого-то, ну, скажем, того, судя по знакам различия, более похожего на старшего,— продолжал развивать свою идею Стив.

— Да, как говорят французы: *on ne fait pas d'omelette sans casser les œufs — не сделаешь яичницы, не разбив яйца*,— согласился Бертье, переведя пословицу на общепланетарный язык.

— Это же грубое насилие! — вскричала Анастасия.

— Да, но только насилие первыми проявили они, причем безапелляционно, и неизвестны подлинные причины такой агрессии и какого-то «знания» их о нас. Помните выражение, переданное ими мысленно: *«Мы хорошо знаем, кто вы…»*? Что сие значит? Все очень темно, но нам нужно выяснить,— сказал Андрей Петрович.

— И предпринять это получится только на Земле с помощью особого, специализированного оборудования. Хотя возможно попробовать и в полете кое-что узнать,— добавил лингвист.

Другие члены группы согласились с доводами товарищей.

Униплан, ведомый навигатором, вновь, кружась по плавной спирали, начал снижаться. Защитная сеть справлялась с выстрелами марсианского оружия. И вдруг из открывшегося на поверхности планеты большо-

го люка показались какие-то машины.

— Вот и подкрепление! — сказал Уилсон и, выпростав в бреющем полете *«лапу»*, быстро, умело и мягко схватил ею намеченного в *«языки»* марсианина. От полной неожиданности тот выронил свой бластер и дергаясь пытался вырваться из «нежных», но цепких «объятий». Его «сослуживцы», вначале опешившие, снова стали стрелять, а вновь прибывшие — приводить машины в боевое состояние, однако униплан, вбирая механическую руку с «добычей» в люк, мгновенно набрал высоту по вертикали и был таков.

— Филигранная работа! — похвалил начальник экспедиции.— А теперь к космолету! — И он сменил у пульта управления Уилсона, дав ему отдохнуть.

— Так закончилась наша первая и последняя разведка Марса…— печально констатировал Анри Бертье.

— Еще не закончилась,— мрачно проговорила Настя, показывая на визор.

Все взглянули на голограмму. Тяжелая марсианская техника стала стрелять по униплану. Но тщетно, достать его у них уже не получалось…

«Язык», успокоенный бережным к нему отношением и проявленной особой тактичностью, сидел в кресле, в скафандре, так как не имелись еще данные о составе воздуха, приемлемого для него, и только жестко посверкивал сквозь стекло шлема узкими и удлиненными глазами, видимо, стоически смирившись со своей неизбежной участью.

Разведчики быстро подлетели к космолету и, перейдя с пленным в него, проведя предварительно тщательную дезинфекцию, и не объясняя пока ничего, вместе с остальными членами экипажа привели корабль и себя в состояние старта. С помощью обычных двигателей они вышли на орбиту. И тут Олег Мележко заметил, как с поверхности планеты поднимается другой, марсианский корабль.

— Что делать? — спросил он.— Ждать пока начнет стрелять?

— Нет,— ответил Соколов.— Воевать не входит ни в цели, ни в правовой статус экспедиции. Поэтому будем стартовать к Земле!

— А марсианин? — спросила Вен Сюй.

— Плохого мы ему не сделаем. Наша человеческая цивилизация, в отличие от них, гуманна. Разберемся, что к чему, и вернем его домой, это не проблема.

— На какое время рассчитан его дыхательный баллон? — вдруг обеспокоилась Анастасия.

«Надолго ли хватит вам воздуха?» — мысленно задал вопрос марсианину Андрей Петрович.

«На сутки!» — сообщил тот.

— Если учесть, что марсианские сутки только тридцатью шестью минутами больше земных, то волноваться нечего, так как мы долетим домой за восемнадцать часов. Прибавьте сюда два-три часа необходимых маневров при посадке,— вычислил командир корабля.

— Да, это понятно. Ну, а дальше, на Земле? Скорее всего, сразу после приземления воздух у него закончится, ежели ранее не случится что-то непредвиденное? — спросила Оноприенко и тут же сама себе ответила:— Думаю, необходимо взять пробу из его баллона и сообщить в селенопорт состав, чтобы там приготовили нужную смесь для дыхания.

— Хорошо,— согласился начальник экспедиции.

Они рассказали марсианину, что нужно сделать. Тот согласно кивнул. Стив отвернул гибкий шланг, быстро наполнил пробник и также быстро ввернул шланг обратно.

Проведя анализ Настя воскликнула:

— Удивительно! Практически, за исключением некоторых небольших дополнений, не отличается от нашего!

— Можно попросить его снять скафандр,— сказала Вен Сюй.— Конечно, под дальнейшим нашим постоянным наблюдением,— добавила она.

«Как вас зовут?»,— спросил пленника Соколов.

«Аэль»,— ответил тот.

Андрей Петрович поочередно представил всех членов экипажа и, объяснив все, предложил ему разоблачиться.

Марсианин явился в темно-синем облегающем, какой обычно надевают и земляне под скафандр, костюме. Цвет лица его был белый с голубоватым оттенком, волосы темные, почти черные, глаза большие, синие, острый нос и тонкие, плотно сжатые губы.

Дискуссию по поводу агрессивного поведения марсиан, а тем более прямой допрос, в условиях полета, решили не проводить. В вопросе о питании рассудили так: кормить вначале в небольших дозах и под присмотром Вен Сюй.

Аэлю разъяснили планы касательно него, и он вел себя спокойно, внешней враждебности будто и не бывало, а относительно внутреннего его душевного состояния, то оно космолетчиков сейчас не интересовало — на Земле во всем разберутся.

***

Перелет, с промежуточной посадкой на Луне, о чем уже говорилось, занял непродолжительное время. Аэль свободно дышал воздухом космолета, только, как и прежде, глазами посверкивал. Марсианина накормили и через пару часов провели полное медицинское обследование. Было удивительно, насколько анатоми-

ческие и физиологические характеристики близки к человеческим. Настоящее привело космолетчиков к некоторым размышлениям… Каких-либо жалоб на неважное самочувствие не последовало, поэтому полученные показания его организма приняли за приблизительно нормальные для него.

После короткого отдыха — Аэль в эти часы находился в охраняемых апартаментах — все участники первой экспедиции были приглашены на экстренное совещание смешанной Комиссии, образованной из нескольких членов Совета Земли, Академии наук и других общепланетарных организаций. Им представили Аэля. С обстоятельным докладом выступил профессор Соколов. Он вкратце рассказал обо всем, что выяснилось, о практических результатах некоторых проведенных исследованиий, продемонстрировал голограммы видов планеты и всего происходившего при «контакте» с ее обитателями (*релевантность*[*] чего была не то что минимальной, а со знаком минус), автоматически снятые голокамерами униплана.

Членам Комиссии была предоставлена возможность опросить Аэля. Естественно, весь безмолвный разговор происходил на мысленном уровне, но, чтобы присутствующие могли слышать, о чем шла речь, информация, обработанная в усилителе, транслировалась через громкоговорители.

Марсианина опросили. Тот держался с подчеркнутым достоинством, на поступающие вопросы отвечал спокойно, однако назвать его словоохотливым не представлялось возможным. Впрочем, все же удалось узнать, что их цивилизация находится под поверхностью Марса, во внутренней полости. Оказывается, не только Земля, но и все планеты имеют одинаковое устройство: они располагают твердой внешней корой и достаточно глубокой подкоркой, а в недрах этой подкорки, на определенной глубине, по всей сфере, есть полость, весьма пригодная для жизни. Видимо, мудрая природа разумно предусмотрела естественную возможность своевременного спасения человечества в том крайнем случае, когда станут совершенно неприемлемыми условия существования на внешней стороне. Так и внутри Марса в ней обустроены многолюдные города и сельскохозяйственные поселения, автоматизированные заводы с роботами, вузы и школы и социальные организации. С наружной поверхностью, где у них есть наблюдающие камеры, они связаны лифтами. Кроме того на обоих полюсах есть естественные зоны прямого входа в глубинную полость планеты.

При дальнейшем опросе: что произошло, почему так и каковы приоритетные цели последующего развития марсиан? — Аэль отделывался либо упорным молчанием, либо путаными объяснениями и неопределенными междометиями. Правда, один раз проскочило слово *«катастрофа»*…

Был объявлен небольшой перерыв, после которого беседу продолжили, но более ясным ничего не стало. Аэля поблагодарили и проводили в его апартаменты.

— Добытые данные далеко недостаточны. Что нужно сделать для получения бóльших знаний о состоянии Марса, об истинных причинах, породивших это *ненормальное состояние*, о причинах агрессивного поведения и о целях их цивилизации? — обратилась Председатель Комиссии Эбере Зулỳ к ее членам.

— И еще о том, как они узнали о полете нашего космолета и оказались приблизительно в месте предполагаемой посадки? Ради обстоятельных ответов на эти экзистенциальные вопросы, считаю, что необходимо считать содержимое его не только оперативной, но и долговременной памяти,— сказал, руководитель нейротехнического отдела Академии Виктор Петров.

— А может быть, и бессознательной области личности,— добавил Артем Гиносян, глава ноосферного отдела.

— На том и порешим. Тогда требуется создать компактную исследовательскую группу. Прошу высказаться *pro et contra*[**] и какие будут конкретные предложения?..

После непродолжительного, но конструктивного обсуждения группа была сформирована. Ее возглавил академик Петров. В нее вошел один из членов Совета Земли, некоторые специалисты Академии и по настоянию Соколова все участники марсианской экспедиции.

— Думаю, следуя гуманным принципам нашей цивилизации, нужно сообщить Аэлю о проведении с ним соответствующей работы, без причинения ему какого-либо возможного вреда, после чего он будет возвращен на родину,— заявила Эбере Зулу.

Существенных возражений не оказалось. Заседание Комиссии было завершено, и исследователи собрались для составления подробного плана необходимых и слаженных действий.

***

«За добро — добро, за зло по справедливости»
Конфуций.

В результате ряда многочисленных сеансов, с использованием устройств перевода содержимого всех областей памяти и бессознательного Аэля на общепланетарный язык, картина прояснилась. Несколько миллионов лет тому назад действительность планеты Тиамат была такова: видная, самая красивая в Солнечной системе, с развитой цивилизацией, она из-за всеобщего и чудовищного зла, охватившего ее обитателей, разрушилась. Когда карма Тиамат стала непоправимой, Иерархи Света, длительное время курировавшие ее и до

[*] В широком смысле — мера соответствия получаемого результата желаемому результату.
[**] За и против (лат.)

последнего часа устремлявшие мышление и поведение ее жителей к Свету и Добру, до последнего часа пытавшиеся изменить тяжелое положение дел, в силу Космического Закона ненарушения свободной воли людей, предоставили планету и ее население неминуемому действию естественной закономерности. Ибо, если народ, несмотря на постоянно даваемое Высшее Знание и несмотря на неоднократные настойчивые и грозные предупреждения — массовые эпидемии, губительные засухи, магнитные бури и разрушительные ураганы, наводнения, землетрясения, извержения вулканов и так далее, упорствует во зле, все более наращивая его, приходит неотвратимое справедливое воздаяние как *следствие*, вытекающее из известных причин, потому что несоблюдение Космических Законов может иметь место только до определенного *критического порога*. И Светлые Силы оставили Тиамат и помогли всем высоким духам из жителей уйти в ближние высшие миры.

Перед самим моментом гибели на Тиамат царили постоянные беспощадные войны с применением нарастающей мощности разрушительного оружия, вплоть до всесильного: последнего изобретения — смертоносных излучений, пронизывающих всю толщу планеты и могущих достигнуть другого тела Солнечной системы. И это ради безграничного увеличения власти отдельных государств, отдельных финансовых групп, отдельных личностей над иными странами, народами и людьми — для полного удовлетворения беспредельно возрастающего потребления, бесконечного стремления к собственной наживе за счет других. Что вело к безмерному нагнетению непримиримых ненависти и зла, безудержных лжи, коварства и предательства. Они могли, используя новейшие завоевания в технической сфере, пронестись из одного конца в другой конец мира единственно ради того, чтобы только обмануть кого-то. Стремительная эволюция науки, достигшей высочайшего уровня, сделавшей возможным извлекать внутреннюю энергию зерна ради создания движения различных машин, вплоть до космических кораблей, была применена, прежде всего, в целях колониальной экспансии, в том числе и в Космосе для закабаления разумных существ всех планет. Даже из обычного обихода исподволь исчезли фундаментальные представления о любви, добре, честности, преданности, верности… В социуме наблюдалось сплошное распутство, господствовали лжемессии и лжепророки, царило всеобщее морально-нравственное одичание. Научные учреждения и храмы стали настоящими рассадниками несомненного зла, моральных и интеллектуальных махинаций, многочисленными очагами организованных акций против Иерархии Света Солнечной системы. На место подлинной духовности пришло бессмысленное механическое исполнение религиозных догм и культовых ритуалов. Обитатели отвращались от Светлых Знаний, бесконечно и бескорыстно даваемых им. Считалось: действующее зло — единственная сила развития.

Непроглядная мгла повисла над Тиамат, и она сама стала *непроглядной мглой*. Ее «элита» отказывалась замечать представляющие явную опасность неблагоприятные и неординарные обстоятельства и карала смертью всех, говорящих о них и призывающих жить согласно Светлым Знаниям.

Были среди тиаматцев люди праведного поведения, старавшиеся направить их на единственно верный путь Истины, изменить их негуманные межличностные взаимоотношения. Вначале некоторые отзывались, организовывались даже единичные группы, исповедующие деятельное добро и социальную справедливость. Однако они, под губительным воздействием столь агрессивной окружающей атмосферы, в конце концов распадались.

И вот разгорелась война, какой еще не знали анналы цивилизации — чудовищно беспощадная *всеобщая термоядерная война*.

Все это разрушило гармоничное равновесие планетарных сил. Активными деяниями, вызывающими дезинтеграцию, были пробуждены деструктивные силы, силы хаоса, стало совершаться разновесие природных стихий. И в ответ произошел *коллапс*.

И Тиамат пала. Одновременно произошедшие термоядерные взрывы, в том числе и глубоководные (цивилизация их существовала и под водой), суммировались с падениями огромных болидов и с притяжением очень близко пролетающей планеты Немезиды. В результате началась цепная реакция в огромных океанах, и Тиамат в течение суток *развалилась* на куски. Бóльшая часть населения погибла. Однако часть жителей, поверившая провидцам, заблаговременно покинула обреченный мир. Это были богатые люди, собравшие некоторых видных интеллектуалов и специалистов в разных областях, а также породистых женщин и мужчин, соответственно, для продления рода. Улетели они к только недавно колонизированной планете в созвездии Вега*. Часть успевших взлететь в частных или захваченных космолетах, равно как находившиеся в космосе тиаманитяне, переселились на Марс, где они с проживающими там колониальными служащими и разными спецами в дальнейшем основали местную цивилизацию, в которую, так или иначе, инкорпорировались коренные обитатели и метисы от смешанных браков. Туда же Служителями Кармы была перемещена часть незримого *надтиаматского мира* (основной перекочевал вслед за поселенцами на Вегу), соединенного причинно-следственными связями с ними. Часть заблудших душ, в целях перевоспитания, оказалась в Надземной сфере, породив в будущем *темные слои* населения Лемурии и Атлантиды. Притом небольшая часть тиаматцев, сразу попала в плотный слой Земли и, вступив в половой контакт с представительницами

* Здесь и далее использованы привычные для землян названия, естественно, соответствующие полученной от марсианина информации о четвёртой и третьей от Светила планетах.

одного из первых народов Атлантиды, передали ему свои «жестокие» гены. Их потомки впоследствии сильно влияли на поступательное движение цивилизации в сторону крайней агрессивности и бесчеловечности.

В тонком плане часть темных душ тиаматцев вместе с их известными соблазнителями до сих пор обитают на обломках Тиамат. Останки планеты, в виде кольца астероидов между Марсом и Юпитером, для всех жителей Солнечной системы и Вселенной являют собой *нерукотворный памятник* той глобальной и непоправимой катастрофы и ее действительных причин.

***

В результате взрыва Тиамат было сметено электромагнитное поле ближайшего к ней Марса, и потому начала «испаряться» его атмосфера и внешняя поверхность вскоре стала абсолютно непригодной для жизни. К тому времени тиаматцы освоили подкорковую полость планеты и развили космонавтику. Бóльшая часть марсиан перешла внутрь, а часть — внутрь Луны, Плутона и самой Земли, на которой основали также и несколько подводных городов. Под оболочку они ушли, как и ныне желающие уходят, через прямой вход в коре в Антарктиде. И везде создавались государства, и не с *tabula rasa*[*], а сходные с бывшим марсианским.

Марсиане заимствовали от своих предков тиаматцев «идею», что только они настоящие люди, а с остальным населением Солнечной системы можно делать все, вплоть до полного уничтожения, убивая их будто животных. К тому же они генетически были лишены эмоциональной и чувственной сферы, владея всего лишь чисто логическим мышлением. И на нашей планете, благодаря очередным воплощениям определенных душ тиаматцев, в прошлом имелись народы и группы жителей, исповедовавшие подобные человеконенавистнические взгляды и претворявшие их в жизнь.[**]

Тогда перед рассеянной таким образом марсианской цивилизацией встала первоначальная цель — вместе со всеми обитателями внутренней полости: жителями *анти-Земли* (низкорослыми и щуплыми серозелеными существами, считающими себя истинными землянами, а человечество — сборищем глупых «насекомых»), потомками некоторых спасшихся *темных магов Лемурии и Атлантиды* после их гибели и жителями *Новой Швабии* (потомками переселившихся туда гитлеровских нацистов вслед за их поражением во Второй мировой войне) — овладение внешней сферой Земли. Планировалось сделать это через полное порабощение землян, путем захвата их общего экономического потенциала и людского ресурса, исключительно для рабского труда на благо марсиан. (Не так ли европейские колонисты осваивали новые пространства в Америке и Австралии, по сравнению с которыми Гитлер видится просто сопляком?) Намечалось и освоение наружной поверхности Луны с космическими целями. Но основной их, вожделенной задачей было восстановление атмосферы Марса, восстановление биосферы и последующее превращение планеты в главный центр своей цивилизации, с сохранением Земли и ее спутника как развитых доминионов. А в дальнейшем — колонизация всей Солнечной системы.

***

Информацию, полученную путем считывания памяти Аэля, проверили несколькими находящимися изолированно друг от друга *слиперами*[***]. Присутствующий при каждом из них эксперт-оператор, должен был направлять слипера через его подсознание во сне по нужному вектору и потом обрабатывать добытые данные. Все являлись высшими мастерами в сем деле. Им давалось одно и то же конкретное задание — сконцентрироваться на внутренней оболочке Земли. Эксперту предоставлялась возможность выбрать наиболее значимое и интересное, помочь слиперу настроиться на любое из них и далее считать из него как можно больше информации. Такие сеансы проводились в течение семи дней. Добытые сведения суммировались, обобщались, и происходил выбор самых важных лиц, фигурировавших в них. После этого каждый слипер с помощью эксперта-оператора настраивался поочередно на эти лица, вступал с ними в энергоинформационное взаимодействие, используя «левую» и «правую» части своей сущности, проникая в сознание и подсознание их, и переписывал без анализа все из их памяти в собственную. Это происходило путем ментального давления и ловкого манипулирования в астрале. Соответствующий субъект выводился из психологического равновесия, раскрывался, и слипер входил с ним в резонанс. Считывание происходило без каких-либо специальных приборов, без каких-либо препятствий и независимо от расстояния. Прибор, подобный использовавшемуся в случае с марсианином, применялся лишь для записи знаний из памяти на материальные носители. И вновь, вслед за очередным обобщением, она изучалась расширенным советом экспертов с подключением других специалистов.

---

[*] tabula rasa (лат.) — (филос.) чистая доска, т. е. чистый лист.

[**] Об этом говорят древние книги Земли, в том числе и Священные. Но, в результате преобразований на нашей планете, человечество убедило таковых отказаться от своих убеждений, и сейчас, при Новом строе, их не существует (примечание исследовательской группы).

[***] Слипер — это сенситив, использующий себя в разных состояниях для вхождения в любой образ, независимо от того, предмет это, человек или какое-то животное, получая при этом возможность полностью овладеть предметом вхождения, полностью контролируя предмет, в который он вошёл, сочетался. Он способен проникать в память другого человека, причём настолько глубоко, что может найти в ней ту информацию, о которой человек, находящийся в обычном состоянии сознания, даже сам не помнит. При этом для слипера не является помехой ни расстояние, ни физические преграды, ни даже факт насильственной блокировки памяти исследуемого человека.

***

После проведенной работы, был снаряжен космолет в целях специального рейса на Марс, не только по гуманным соображениям — возврат Аэля,— но и ради полетного испытания многих новых частей и систем корабля. Участниками этого полета стали все члены прошлой экспедиции, кроме Соколова. Начальником назначили командира-навигатора Олега Мележко.

Когда космолетчики достигли расчетной орбиты Марса, встал вопрос: садиться ли, воспользоваться ли снова рукой-захватом или опустить Аэля с помощью небольшого автоматического, управляемого дистанционно космоплана. Большинство, в том числе, естественно, и сам марсианин, высказались за последний способ, хотя, по известным причинам, и был риск аппарат потерять.

Космолет выпустил из внутреннего ангара космоплан, который после непродолжительного полета завис над тем местом, где произошел первый «контакт», и затем сел. Кругом царил покой. Аэль в своем скафандре, снабженном баллоном с местным — по составу — воздухом, благополучно сошел на поверхность. Через некоторое время появились марсиане. Видимо, марсиане четко отслеживали происходящее, начиная с орбиты. По их решительным и целенаправленным действиям стало понятно, что они пытаются захватить аппарат.

— Смотрите, пытаются войти! — вскричал Уилсон, показывая на голограмму творящегося внизу.

— Немедленно закройте люк и дайте команду стартовать к кораблю! — приказал Мележко.

Закрытие и старт последовали с разницей в секунду. Марсиане — Аэль стоял в стороне — в испуге отскочили и принялись стрелять в космоплан из бластеров, но он был таков — учет опыта предыдущего контакта с агрессивными жителями не прошел даром.

Все испытания частей и систем космолета происходили в полете, поэтому участники экспедиции с чистой совестью могли возвращаться на Землю. Что они и сделали.

***

«Умный человек найдет выход из любой отрицательной ситуации,
а мудрый ее не допустит».
Жан Поль (Иоганн Пауль Фридрих Рихтер)

По итогам информационных исследований был созван Совет Земли. С докладом выступила Председатель Комиссии по изучению марсианских проблем член Совета планеты Эбере Зулу. Реакция слушавших сообщение оказалась различной.

— Все это — собственные фантазии уважаемых исследователей или обманчивый сон мозга объекта,— заявил один из них.

— Нет, сведения, полученные из глубинной памяти и бессознательной сферы, что уже доказано наукой, не являются сном, оттого к ним нужно относиться серьезно,— возразил ему другой.

— Может быть, сие только благие пожелания марсиан. Ведь реально, сколько долгих веков, они не в силах чего-то добиться. Ну и пусть мечтают, а мы будем жить, как хотим, и двигаться к своим приоритетным целям, не оглядываясь ни на кого и ни на что,— высказал мнение еще один из членов Совета.

— Полагаю, надо не только относиться серьезно к этой информации,— предложил профессор Соколов,— но и предпринимать действенные, в том числе и предваряющие, меры защиты. И потому что марсиане научили «подземных» многим научно-техническим разработкам — в частности, особым излучениям гибельных частот с помощью мощных передатчиков, влияющих на психику людей, и созданию мощных приемников, позволяющих питаться негативными мыслями, эмоциями, чувствами, страстями и желаниями землян,— то, поскольку их планы явно агрессивны, хотя прямой агрессии с нашей стороны быть не должно, нам следует сопротивляться им. Необходимо, чтобы такое организованное сопротивление простиралось вплоть до полного освобождения от их власти внутренней полости Земли и Луны и практического освоения данных областей, но без какого-либо притеснения, оттого что в дальнейшем возможно определенное сотрудничество.

— Да и как можно заниматься дальними космическими исследованиями, если мы не являемся полными хозяевами своей собственной планеты,— заключила Председатель Комиссии.

Большинство участников совещания поддержали Соколова и Зулу.

В конце концов Совет решил свернуть все работы по изучению и колонизации не только Марса, но и других тел Солнечной системы и отдаленного Космоса, по крайней мере, до овладения своим миром и окружающим его пространством.

***

«Всякая причина имеет свое следствие,
всякое следствие имеет свою причину»
Закон Кармы

Основываясь на *Учении Света — Единой Религии как синтеза духовного и научного Знания* и исходя из полученных сведений, было понято происходившее и происходящее ныне в изучаемой сфере и Советом Земли было сделано окончательное умозаключение, что Тиамат разрушилась не случайно, что это не сти-

хийная катастрофа, а произошло все *закономерно и целесообразно*, в силу воцарившегося абсолютного зла межпланетного масштаба. В правоте этого вывода убеждают подробные исследования четырехкратного крушения Атлантиды: восемьсот тысяч лет тому назад — погибло около двенадцати миллиардов людей — 99% тогдашнего населения планеты; двести тыс. лет т. н. — сильнейший потоп; восемьдесят тыс. лет т. н. — взрыв чудовищной силы и исполинский удар магмы привели к полному исчезновению многих центровых островов; и двенадцать тыс. лет т. н. — последний, библейский потоп на Земле. Об этом говорит и считывание в прошлом памяти у наиболее отъявленных американских «ястребов», как было доказано, перевоплощенцев из темной Атлантиды. Оказалось, что души значительного числа темных атлантов в недалеких временах совершенствовались, длительно перевоспитываясь — правда, на практике, не все с положительным результатом,— путем воплощения в личностях западной* «элиты» среди всего остального человечества.

Полученные знания еще раз подтвердили правильность принятого решения: заниматься собственной планетой, ее полным овладением и дальнейшим совершенствованием людей.

— Мы не изучили и не освоили еще вполне свои безжизненные пустыни и не менее пустынные горные районы, морские и океанские глубины, а водные просторы составляют почти семьдесят процентов внешней поверхности земного шара. К тому же последние являются огромным ресурсом полезных ископаемых, растительных и животных продуктов, энергии — за счет бóльшей близости дна к центру Земли,— археологических фактов, широких возможностей в научных исследованиях, в создании поселений как на дне, так и плавучих в глубинах и на поверхности океанов, возможностей в туризме и искусстве, возможностей в грядущем развитии человека,— заявил академик Гиносян.

— Совершенно верно! *«Земля родная — колыбель золотая»*,— говорит русская пословица. Кстати, и во внутренней полости, что показали наши изыскания, проведенные через слиперов, имеются плодородные почвы с лесами и иной растительностью, абсолютно земной воздух, небо, наполненное электрическим фосфоресцирующим светом, моря, озера и реки, водная и сухопутная живность. То есть вторая Земля с температурой атмосферы, приемлемой для обитания, с городами, промышленностью и сельским хозяйством. Правда, без времен года и без смены дней и ночей. Возможно освоить эту полость Земли, а также ее спутника, при определенных отношениях с их обитателями.

К тому же мы можем далее осваивать и околоземное космическое пространство. Например, построить орбитальное кольцо-тор, расположив там НИИ, обсерватории и космопорты в целях приема кораблей с планеты и полетов к ее спутнику. А сама Луна? Ведь не запрещается создать искусственную атмосферу на ней, создать многолюдные города, специализированные заводы и плантации, развести обширные парки и сады, организовать добычу полезных ископаемых,— добавил профессор Соколов.

— У нас и у себя дома, пока этот имеющийся потенциал не отобрали наши озабоченные *«соседи»*, хватит кропотливой работы, вместо того, чтобы тратить драгоценное время и созидательные силы на овладение другими мирами Солнечной системы и дальнего Космоса, да и у каждого из них вместе с тем есть свои владыки. Это более правильный путь! — заключила глава Комиссии Эбере Зулу.

— А еще: ведь современная наука приблизилась к непосредственному познанию *Надземного мира*,— продолжил Гиносян.— И к тому, что таковой имеется у любой планеты, даже если в плотном слое и нет разумных существ. *«В доме Отца Моего обителей много»*[**]. Притом существует древняя теория о периодическом переходе жизни, по мере достижения определенного уровня развития и для дальнейшей эволюции, с одного *планетного глобуса* на другой. Конечно, вы можете сомневаться и отрицать, но она также находит все больше научных подтверждений.

— И как хорошо, что у нас теперь иной общественный строй, иной, чем ранее, когда существовали недобрые капиталистические отношения, основанные на материальной выгоде и безграничном потребительстве, и когда могли возникнуть те или иные интриги с использованием непосредственных связей с марсианами в целях агрессии друг против друга ради победы и доминирования над противником, а пожалуй и уничтожения его, примеры чего в достатке видны в прошлом нашего мира. Ныне же мы, объединившиеся на совершенно иной основе, будем в силах многого достичь для человечества и его Дома,— подключился один из членов Совета Земли.

— Ради полного, пусть и постепенного, восстановления атмосферы Марса, по данным вышеуказанных исследований, им нужно черпать воздух нашей планеты. Помочь им в этом могут только человеконенавистники. А таковыми являлись гитлеровские нацисты. Известно, что остатки их высших чинов, кого не арестовали, кто не бежал в Латинскую Америку или кого не вывезли в США, скрылись, как теперь знаем, в подземном мире. К настоящему времени их потомки расплодились там и прошли соответствующее воспитание. И, по-видимому, они все-таки имеют тайную сеть секретных агентов — своих *«спящих»* воплощенцев в нашей цивилизации. К тому же не все семьи бывших олигархов почили естественной смертью на уединенном острове-резервации, будучи переселенными в райские условия вслед за окончательной победой Нового строя во всем мире. Нескольким семьям, вероятно, с помощью той самой сети агентов, удалось скрыться, и, несомненно, туда же, куда скрылись и иные главари нацистов, оставившие после себя двойников.

---

* Здесь использована политологическая терминология исторического периода, предшествовавшего Новому строю на Земле.

**Евангелие от Иоанна 14:1-4.

Для осуществления собственного долгосрочного плана реставрации им необходимо установить тоталитарную диктатуру земного крупного капитала, свергнув Новый общественный строй.

При прошлом строе нашлись бы «денежные мешки», кто с великим удовольствием стали бы сотрудничать с «подземными» и марсианами с целью установления их власти, пусть и в роли приказчиков — простите, других эвфемизмов подыскать не могу. И таковые находились. Но, слава Богу, у нас Новый строй, и если сыщутся *потенциально* этакие, то они будут легко выявлены и подавлены. Хотя наша история со всей убедительностью доказала, что и при длительном существовании справедливого общества найдутся отдельные индивидуумы, могущие стать такими олигархами,— высказал свое мнение ноосферолог Гиносян.

— Однако марсиане хотят, пусть и целенаправленно, и успешно, но без лишнего для себя напряжения добиться своего, ибо имеют, несмотря на явную агрессивность, достаточно тонкую, чувствительную организацию. И они, в свете добытой нами информации, не намерены полностью лишать земной шар атмосферы, ибо планируют сделать его, как и Луну, собственной колонией, и брать из нее, и восстанавливать, брать и восстанавливать. Земля у них весьма приемлема для жизни в качестве теплого и благодатного места обитания. Устроить же ее таковой можно только в условиях единого диктаторско-олигархического строя, при котором продавать землянам пресную воду, воздух и все иные средства существования. Но они получили недвусмысленное предупреждение от Иерархии Светлых Сил, что неудержимое стремление достичь своих эгоистических целей через уничтожение нашей цивилизации приведет их к *самоуничтожению*.

В середине двадцатого столетия *«подземными жителями»* была предпринята активная попытка, как обычно, чужими руками,— руками *темной иерархии внешней Земли* и ее акторов: владельцев денег и взращенной ими нацистской Германии через ликвидацию СССР стать полными хозяевами всей планеты. Вместе с тем, на Тибете существует *«Черный орден»*, бывший тесно связанным с гитлеровскими нацистами, представители которого как тайные идеологи, так и военные монахи находились в Берлине вплоть до его падения. В частности, они, подчиняясь космическому злу, использовали специальные методики лишения людей воли.

Кроме того, после капитуляции гитлеровцев, в 1949-м году планировалась безумная атомная бомбардировка СССР с самолетов, остановленных Светлыми Силами на их аэродромах. И далее происходило множество локальных конфликтов, с определенной целью разжечь мировую войну, множество рукотворных повальных эпидемий и пандéмий, и в довершение — варварское разрушение СССР и социалистического лагеря, а также неприкрытая агрессия объединенного Запада против России в начале XXI века,— закончила свое выступление экскурсом в прошлое Зулу, историк же по специальности.

— Если говорить об истории, следует упомянуть о том, что их тайными агентами в первом *провозвестнике* Нового общественного строя — Советском Союзе взращивались одновременно националисты, либералы и бандиты как будущие разрушители социалистического государства. А приснопамятные личности: Горбачев и Ельцын, и иже с ними были прямыми акторами этих последовательных деструктивных акций. И *на некоторое время* им удалось обратить развитие вспять…— сказал Соколов.

— Мы можем оставить все как есть, не вмешиваясь в ход текущих событий. Однако это, рано или поздно, исходя из полученной информации и медленной активности марсиан, ввергнет в результате в неминуемый крах нашу цивилизацию. Мы можем начать активные действия против них. Но хватит ли у нас достаточного общего потенциала для этого, учитывая их возможности с Луной и самим Марсом, анти-Землей и Новой Швабией, вернее уже Новейшей после стольких десятилетий непрерывного развития. Вместе с тем, если нам, подобно марсианам, начать делать зло, в конечном счете наше зло обернется против нас же. И так может происходить многократно, по принципу бумеранга.

Но есть еще один, *альтернативный путь* — помочь им восстановить свою планету, включая, кроме магнитного поля и атмосферы, еще и биосферу, и города, и водные артерии с морями, объединив усилия свои и теперешних потенциальных противников. Таким способом из заклятого врага нам в силах сделать, ну, если и не друга и союзника, то *нейтрального соседа* точно. А возможно в дальнейшем и *друга*. И похожие примеры есть в истории передовой части Земли, которая привела наш мир к Новому строю, в истории России,— добавил Андрей Петрович.

В итоге большинством членов Совета был принят к реализации альтернативный путь, предложенный Соколовым.

***

«Истинно говорю — ногою человеческою <…>
Истинно рукою человеческою».
(Ж. Сент-Илер. «Криптограммы Востока»

Несмотря на все взаимопримиряющие и взаимовыгодные предложения и действия, эта тотальная и беспощадная война все же разразилась и вширь и вглубь как на Земле, так и на Луне и Марсе. Никто не хотел уступать противной стороне. Однако усилия каждого из лагерей преобладать и победить были тщетны.

Он шел по отдаленно знакомому месту, ранее бывшему городом. Вокруг царил непроглядный серый сумрак, сквозь низкое небо, окутанное сильным смогом, едва-едва просвечивало тусклое солнце, дул ветер ураганной силы, срезая ветви с деревьев, поднимая пыль и мусор и неся удушливую гарь пылающих окрест

лесов. И все же стоял холод — где-то несколько градусов тепла, и это в середине лета. Сильно хотелось есть — он изрядно голодал уже до того, как пришел в город и стал бродить среди мрачных развалин.

Массового мародерства: грабежей магазинов и складов, тирании сильных над слабыми не было — долгое существование Нового общественного строя дало позитивный результат. Большинство людей старались помочь другим, только считанные единицы думали лишь о себе и о своих семьях.

Он остановился перед ступеньками под вывеской ресторана, ведущими вниз, и с надеждой поживиться чем-либо съестным спустился по ним. На противоположной стене тускло мерцал экран чудом уцелевшего визора. Пройдя в подсобку, он нашел здесь пищу, и, хотя холодильники не работали, видимо, кабель оборван, потому что стена тут разрушилась, она была достаточно свежей. Поев и набив небольшой рюкзак консервами и хлебом, он вернулся в зал, подошел к визору и стал набирать номера каналов на сенсорной панели настройки. Из сотен их работали лишь два: один земной — диктор призывал к спокойствию, говорил, что все будет налажено, исходя из существующих реалий; и один подземный — он демонстрировал потрясающую панораму катастрофических разрушений и гибели глубинного города, находившегося в кромешном мраке и удушающей атмосфере.

Он выключил аппарат и вышел на улицу, ранее ведущую к центральной площади, а ныне в никуда…

Соколов отложил книгу. «Да, автор нарисовал правдивую картину возможного, если разразится война на уничтожение»,— подумал он, прочтя, как обычно, начало и конец романа. Ведь середину можно было домыслить, тем более что он много читал о термоядерных сражениях, много читал и футурологических произведений. «А такой алармистский исход вполне реален. Поэтому нужно сделать все сверх осуществимого, чтобы избежать данного сценария!» — решил Андрей Петрович.

****

Наилучшее — это нерушимый мир на Земле
и широкая кооперация всех разумных существ.

После возвращения второй марсианской экспедиции профессор Соколов пригласил ее участников к себе и ознакомил их с последним заседанием Совета Земли. В заключение он сказал:

— Приоритетной целью жизни является гармоничное и всестороннее развитие души *до уровня духа и слияния с Творцом*. Для этого необходимо осознать, что каждое человеческое существо имеет Божественную Суть, осознать, что безусловная свобода индивидуальной воли есть абсолютное универсальное право и личная ответственность любого, независимо от того, нравится нам сие или нет…

Мы со своей стороны предпримем все возможное, а дальнейшее будет обусловлено поведением наших нынешних скрытых противников: либо они согласятся на предлагаемый долгосрочный многообещающий проект и это даст хороший результат для обеих цивилизаций, либо нет, и тогда — или длительная, но горячая война, или быстрое взаимоуничтожение в неминуемом взрыве тотальной и окончательной катастрофы, *в которой не выйдет победителей.*

Во всяком случае, нужно предложить им такую *спасительную альтернативу*, предложить вместо гибридной войны, длящейся уже десятки и сотни тысяч лет, мирное сосуществование и мирное цивилизационное соревнование во всех областях. Что станет хорошим стимулом для общего развития, раз уж на Земле возникли два сообщества — земное и подземное. Быть может, они не поверят нам, не поверят нашему разумию, памятуя о истории противостояний человеческих народов и их агрессивности друг к другу. Они агрессивны, жестоки и едины со всеми обитателями внутренней поверхности. Потому мы обязаны доказать им *обратное* и, кроме восстановления их планеты, предоставить возможность желающим остаться жить в подкорковой полости. При упорствовании же в явной агрессии против нас, нужно будет выселить их на реанимированный Марс вместе с *«нашими» «подземными» и Новой Швабией*. Ибо *«свершить великое может тот, кто дерзает»*.

Однако при любых условиях, чем бы давнее и непреклонное противостояние не закончилось, победителями станут Светлые Силы: *эпистемология — достоверное знание* о Вселенной со всей убедительностью говорит об этом. Тьма Солнечной системы уничтожит сама себя, пусть и достанется это дорогой ценой нашей гибели. Свет одержит верх, от иерархии тьмы эта часть Галактики очистится. Но мы, как говорили древние римляне, *viribus unitis* — объединенными усилиями обязаны сделать все допустимое, чтобы земная, человеческая цивилизация продолжила свое светлое развитие. В противном случае потомки ее уничтожения нам не простят! — завершил Соколов.

(февраль — май 2024 г.)

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Белоруссия

Павел Подзоров родился в 1975 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске. Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Рассказы переведены на ряд языков. Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет сертификат творческого работника Министерства культуры Республики Беларусь. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЖАР ИССУШАЮЩИЙ

Беда пришла неожиданно.

Сверху подул ветер. Сперва он был чуть теплый. И то, что он дул не вдоль поверхности, а почти перпендикулярно ей не мешало получать нам — обитателями этого мира — определенное удовольствие. Влажный климат был привычен для нас. Множество поколений предков с древних времен жило в этих холмистых долинах, сплошь покрытых озерами, болотами и ручьями. Мы привыкли к влаге и сырости, Это была наша привычная среда. Но, с приходом теплого ветра климат улучшился. Появилось больше суши, водоемы стали теплее, благодаря чему пища созревала быстрее. Население стало интенсивно увеличиваться.

Длилось это довольно долго. Сменилось несколько поколений пока в один момент ученые (а были среди нас и такие) не заметили, что при той же интенсивности ветер постепенно становится жарче. Пока это было не страшно, но прогнозы на будущее были неутешительными.

Прошло время. И для нас наступили тяжкие времена. Жаркий ветер почти иссушил почву. Часть водоемов просто высохло, ручьи перестали струиться, реки иссякли. Наступил голод.

Черное время нашего мира. Население сократилось до небольших колоний, разбросанных у прудов и луж, бывших ранее полноводными озерами.

И вот настал момент, когда жаркий ветер высушил все водоемы.

И, по прошествии некоторого времени, внезапно стих.

Однако увидеть это было уже некому. Вокруг была безжизненная сухая пустыня. Мы исчезли…

***

Николай Петрович высушил руки под мощным потоком теплого воздуха сушителя, поправил галстук и, весело насвистывая, вышел из кабинки с надписью: «Туалет».

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района
Нижегородской области

Гросс Магдалина Вячеславовна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1991 г. окончила Нижегородский госпединститут иностранных языков (в настоящее время — Лингвистический университет). Репетитор английского и немецкого языков, переводчик. Литературным творчеством занимается с 2006 г. Дипломант и победитель областных и всероссийских конкурсов. Имеет Благодарность Государствен-ного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» за участие во Всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины», посвященном 200-летию со дня памяти Марии Алексеевны Ганнибал (2018 г.). Постоянный автор нашего альманаха.

ОБЩЕНИЕ НА РАВНЫХ

Получить у «Павлушки» даже четверку на экзамене считалось большим счастьем. Когда студенты находились на занятиях или встречали Павла Панкратьевича Мельниченко в институтских коридорах — они чинно называли его по имени-отчеству.

Или, обращаясь с вопросом, прибавляли ученое звание:

— Вы говорили, что умлаут характерен для немецкого языка, как представителя западногерманской группы индоевропейской семьи, — начинал какой-нибудь студент из отличников. — Но на днях я совершенно случайно нашел в библиотеке информацию о том, что в турецком языке тоже есть понятие умлаута. А ведь насколько известно, турецкий входит в тюркскую юго-западную подгруппу. Что же могло стать причиной появления умлаута у таких совершенно разных языков? Как вы думаете, профессор?

Это считалось нормальным и даже более уважительным по сравнению с обращением по имени-отчеству. Но выговаривать его было и долго, и для языка неудобно. Поэтому вот уже более двадцати лет в студенческих кругах он оставался «Павлушкой». Шли годы, менялись студенты, незаметно менялся и Павел Панкратьевич. Но мягкое и безобидное «Павлушка» так и осталось за ним. Осталось с незапамятных времен, с той самой поры, как он получил профессорское звание, а вместе с ним и должность заведующего кафедрой немецкой филологии.

Интересным он был человеком. Легким в общении настолько, что студентам порой казалось, что они беседуют с кем-то, кто ненамного старше их самих. Бывший спортсмен, он иногда рассказывал про то, как в молодости увлекался боксом. Молодые ребята и девушки покачивали головами, в которых не укладывалось то, что худощавый профессор с неизменным «Паркером» на лацкане пиджака когда-то надевал на руки массивные кожаные перчатки. Еще сложнее было представить его победителем на ринге. Но иногда Павел Панкратьевич проводил занятия прямо у себя дома (он жил в соседнем от института квартале). И если ему случалось по уважительной причине пропустить занятия в стенах родного ВУЗа, он приглашал студентов к себе домой. И тогда, рассевшись кто на стулья, кто прямо на ковер, они могли видеть дипломы и грамоты, полученные тогда, когда Павел Панкратьевич был еще совсем молодым. А массивные кубки, которые виднелись через стеклянные дверцы шкафа, гордо подтверждали честность получения этих дипломов. Рассказывая во время занятий о том, что его так захватило в молодости, профессор мог сильно увлечься. И тогда объяснение правил по грамматике сокращалось на пятнадцать минут, а то и на все полчаса. Это было невиданным для других преподавателей, которые дорожили каждой минутой, явлением.

Впрочем, такое отношение к учебному времени было для профессора Мельниченко не характерным. К концу семестра все темы были пройдены. Самые сложные и не поддающиеся пониманию материалы во время практических занятий объяснялись с легкостью. На простоту изложения был способен только «Павлушка».

Улыбающийся какой-то то ли полудетской, то ли наивной улыбкой, Мельниченко был всеобщим любимцем второкурсников и третьекурсников. Тех, кого ему доводилось учить, неизменно называл «лапочками» и «зайчиками». Ни один профессор, тем более, зав. кафедрой, не позволял себе такого! Но «Павлушке» прощали все. Декан факультета при встрече на улице в знак уважения приподнимал шляпу. Ректор, который когда-то сам овладевал немецким языком на занятиях тогда еще старшего преподавателя Мельниченко, галантно раскланивался, если сталкивался с ним на широкой лестнице. Студенты прилагали максимум усилий, чтобы выучить сложный предмет. Но старались не потому, что он мог понадобиться им в будущем, а потому, что обожали профессора.

Он любил теоретическую грамматику и, видимо, хотел, чтобы студенты знали ее так же хорошо, как он сам. Несмотря на то, что на экзаменах Мельниченко был строг, студенты всегда чувствовали его доброжелательный настрой. Он словно беседовал на интересную тему, незаметно задавая вопросы один за другим. Привычно улыбаясь, он гонял по всему пройденному курсу так, что после экзамена студенты выходили красными и вспотевшими. Покинув аудиторию, они бежали к автомату с газировкой и, подобно Шурику из хорошо знакомого всем фильма, выпивали сходу два, а то и три стакана шипучей воды. Но если все круги грамматических мытарств были с достоинством пройдены, и в зачетке появлялась «четверка» за подписью зав. кафедрой, это вызывало уважение остальных преподавателей. Всех без исключения. «Раз уж сам Мельниченко поставил вам “хорошо”, меня это обязывает поставить “отлично”»,— часто слышали студенты, когда отвечали по другим предметам.

«Павлушка» пятерок почти не ставил. И все же в студенческой среде обид на него не держали. Довольствовались либо имеющейся четверкой, либо добровольно соглашались на повторные мучения и пытались пересдать теорию немецкой грамматики. Иногда бывало так, что явный претендент на красный диплом, не мог получить пятерку, как ни старался. Тогда куратор группы лично шел к профессору в кабинет и беседовал с ним. После этих бесед в зачетке у какого-нибудь условного Иванова все-таки появлялось заветное «отлично». Но по большому счету это было не так уж важно. В красном дипломе допускалось иметь пять или даже шесть четверок. Поэтому одно «хорошо» на получение диплома с отличием никак не влияло.

Мало, кто знал профессора с другой стороны. Но она была, эта сторона.

Павел Панкратьевич даже немного боялся себя другого. Боялся и даже ругал, но поделать ничего не мог.

Все началось с рождения у дочери первенца. Тогда еще они жили все вместе, но мужчина, который разменял седьмой десяток, чаще и чаще ловил себя на мысли, что он не испытывает того щенячье-радостного восторга, который характерен для большинства людей, когда их повышают в семейном статусе.

Первой на это обратила внимание супруга, которая была психологом не только по образованию:

— Павел, скажи, ты не любишь Максимчика?

Тогда он смутился, начал бормотать что-то уклончивое. Но обмануть Марию Васильевну было делом

сложным. И неожиданно для себя самого он решился:

— Понимаешь, Машенька, ты правильно заметила. Я люблю Максима, но… как бы тебе это сказать…

Павел Панкратьевич помедлил и довел мысль до конца:

— Я не смогу любить кого-нибудь сильнее, чем Танечку.

Жена продолжала внимательно глядеть на него, и Павел Панкратьевич, полагая, что она ждет от него дальнейших объяснений, извиняющимся тоном проговорил:

— Молодой был — куличики готов был строить с ней часами. Гулять, купать, кефиром из ее любимой чашки поить. Потом, когда подросла, с уроками то и дело ей помогал. Неужели ты не помнишь, Машенька?

— Как не помнить? — отозвалась жена,— на родительских собраниях только ты один из отцов и присутствовал. А к Танюше во дворе приклеилось прозвище «папенькина дочка».

— Да-да, так и было,— радостно закивал Павел Панкратьевич от мысли, что жена поняла его правильно.— Любил дочурку больше жизни, души в ней не чаял… И Максимку должен любить так же сильно, если не еще сильнее, но…— он тяжело вздохнул,— не могу.

— Ну, не могу я! — вдруг закричал он со всей силы и вскочил с табуретки.

— Павлуша, Павлуша,— жена тоже поднялась и схватила его за обе руки,— не кричи. Не нервничай, такое бывает. Подожди, пройдет время — все наладится. Мужчины, в особенности, если это отцы взрослых дочерей, иногда трудно отпускают от себя мысль о том, что дочки их сами могут обзавестись детишками. И потом эти детки также станут взрослыми. Дай срок, все еще наладится.

…Когда вот только он придет, этот срок? Уже пять лет минуло после того разговора. У Тани появился второй сын, она уже давно не жила с родителями, навещая их только по выходным дням. Много, что поменялось в жизни. Не изменился лишь Павел Панкратьевич.

Максим и Илюша, которых привозили только на субботу и воскресенье, не вызывали у него восторженных эмоций, какие неизменно возникали у Марии Васильевны. Единственное, от чего он никогда не отказывался — это от прогулок в парке. Там внуков можно было отпустить побегать, покататься с горки.

Он приветливо махал рукой мальчикам, которые, оказавшись в парке, принимались прятаться друг от друга в деревянных домиках. Улыбался, глядя на детей своей давно ставшей взрослой Танечки, но…

На что-то большее его не хватало.

Он честно отбывал на прогулке ровно два часа. Иногда на обратном пути заходил с ребятишками в магазин и к их радости покупал им самые большие пирожные. Потом возвращался домой — и скрывался в своей комнате. Чаще садился работать над какой-нибудь научной статьей. Просил Марию Васильевну принести ему стакан чая покрепче и углублялся в работу.

Со стороны это могло показаться странным, но он с удовлетворением слушал, как их дом наполнялся детским смехом и визгом. Потом все стихало — значит, Машенька начинала читать мальчикам их любимую книжку про хомяка Борьку. Или стихи, которые очень любил слушать ее любимчик — младшенький Илья. И он, Павел Панкратьевич, ловил себя на мысли, что он всем доволен и даже почти счастлив — но это счастье он мог ощутить только тогда, когда его отделяла от находящихся в квартире домочадцев, толстая кирпичная стена.

Если мальчишки врывались к нему в комнату, он выдерживал их присутствие не больше десяти минут. Больше всего на свете он любил и ценил аккуратность. Его стол всегда бы воплощением порядка, который соблюдался неукоснительно. Профессор сам протирал стол, лампу, стакан с письменными принадлежностями. Расставлял и раскладывал вещи так, как будто это была витрина. Но как только Максим или Илья хватали ручки, передвигали часы или нечаянно ломали тонко отточенные карандаши, на лице Павла Панкратьевича появлялось несчастное выражение.

— Маша! — звал он из комнаты,— возьми детей! Я не могу работать!

Супруга помогала слезть с кресла Илюше и брала Максима за руку. При этом она произносила: «Пойдемте, мои родненькие. Видите, дедушка занят? Не мешайте ему писать». Дверь закрывалась, в комнате снова становилось тихо. В стакане остывал недопитый чай. Павел Панкратьевич делал глоток, брал ручку и принимался что-то писать размашистым почерком. Слушая детские голоса, которые доносились из-за закрытой двери, он снова улыбался. При этом ловил себя на мысли, что он был вроде как со всеми и в то же время один. Его это устраивало. Он любил свободу.

Он всегда ждал именно понедельника. Представлял, как придет на работу, как проведет на кафедре собрание — «пятиминутку». Дальше, как по накатанной дорожке, пойдут занятия со студентами. Если позволит время, он непременно поведает им о чем-нибудь интересном. Последнее время он увлекся орнитологией, знал названия таких птиц, о существовании которых раньше даже не помышлял. Ему доставляло ни с чем несравнимое удовольствие рассказывать о перелетающих через Атлантический океан полярных крачках. Летящие в Арктику маленькие птички, только в одну сторону преодолевали расстояние около восемнадцати тысяч километров. Внутренняя сила этих птиц одновременно удивляла и восхищала Павла Панкратьевича.

В глубине души он искренне огорчался, что у него не получалось найти правильного подхода к малышам-внукам.

— Надо же,— упрекал он сам себя,— целых два языка знаю, а с Таниными мальчиками не могу поговорить ни на одном!

Но только на работе, где его окружали взрослые, серьезные люди, он чувствовал себя как рыба в воде.

Наступал понедельник, и он знал, что на ближайшие пять дней жизнь снова войдет в привычную колею. Жизнь, где не надо сюсюкать и разговаривать притворно-сладким детским языком. Где на надо придумывать какие-то игры, попеременно изображая то кошку, то собачку, то лошадку. Ему было проще разговаривать с теми, кто уже закончил школу. С теми, с кем он мог общаться практически на равных.

— Студенты,— думал он в такие минуты,— это ведь тоже дети, но, по счастью, дети взрослые.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Евгений Иванович Асташкин — журналист, писатель, поэт. Родился в Уральске. Выпускник факультета журналистики КазГУ. Публиковался в изданиях: «Литературная Россия», «Истоки», «Муза», «Паровоз» (Москва), «День и ночь», (Красноярск), «Невский альманах», «Приокские зори», «Ковчег» (Тула), «Нива» (Целиноград), «Крылья», «Параллели» (Самара), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Алтай изумрудный» (Усть-Каменогорск), «Складчина», «Пилигрим», «Преодоление», «Тарские ворота» (Омск) и др. Автор более двадцати художественных книг. Дипломант областного конкурса «Лучший рассказ XXI века» (2008), Купринского конкурса «Гранатовый браслет» (2021), шорт-лист Международного конкурса «Центр Европы» (2018), финалист Международного литературного конкурса «Чистая книга» им. Ф. Абрамова (2019), лауреат 7-го международного конкурса «Они сражались за Родину» (II место, 2020), лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2021). Зам. редактора омского художественного альманаха «Тарские ворота». Зав. отделом прозы журнала «Приокские зори». Член Союза российских писателей. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Постоянный автор нашего альманаха

СУМКА С НЕВИДИМОЙ СМЕРТЬЮ

Рабочий день был на исходе, когда Михаила вызвала к себе заведующая райотделом образования Валентина Ивановна. Запирая свою комнатушку на станции юного техника, он гадал, к чему бы это? Может быть, опять на него нажаловалась директриса музыкальной школы, что располагалась на втором этаже их Дома творчества. Слоняющаяся без дела детвора испишет стены в коридоре цветными мелками или грифелем — сразу все сваливают на его кружковцев. А метят в него, сколько раз пытались лишить его должности. Снова гадай, с какой стороны ждать подвоха. В любом случае такой экстренный вызов в неурочное время совсем не настраивал на оптимистичный лад.

Идти всего-ничего — один квартал по бетонке, разделенной посередине кленовой аллеей с трубчатым сплошным барьером, по которому летом раз в неделю подается поливная вода. Зайдешь на бетонку справа по движению авто, и вдали за перекрестком уже виден густой палисадник РайОНО. Кого только не привечало это добротное вытянутое строение из самана. Сначала в нем было общежитие для командированных, потом обосновался финотдел. Когда появились первые «кооператоры», опустевшую постройку заняли под мебельный цех. Спустя пару лет благолепия, так придавили налогами предпринимателей, что все они дружно побросали свои некогда кормные места. Вот и отдали эту постройку для нужд народного образования. При этом каждый новый владелец перекраивал планировку под свои запросы. Переселенческая чехарда явно не закончится на этом, уже циркулируют приглушенные разговоры, что с развернувшейся в полную силу оптимизацией школьного образования его чиновников переведут в более компактное помещение, хватит им и трех кабинетов вместо восьми. Объективно смотрящая на вещи Валентина Ивановна не удерживалась поиронизировать на планерке: «Скоро дооптимизируемся до самой ручки…»

Очередная миловидная секретарша (других не держат) предупредительно кивнула на дверь заведующей: ждут-с! Валентина Ивановна, как всегда, сидела в дальнем торце длинного стола, за которым по понедельникам собирала своих подчиненных. Михаил частенько пропускал эти планерки — без всяких уважительных причин. Ему прощалось многое, не только это. Справедливая по жизни заведующая благоволила к нему, несмотря на самые изощренные козни. Сама удивлялась этому, видя, сколько он умудрился нажить недоброжелателей.

Валентина Ивановна умела экономить время и сразу деловито приступила к делу:

— Завтра с первым автобусом надо отвезти в Аркалык и сдать на нашу товарную базу вон тот пакет с лабораторными экспонатами. Их изымают из школ. Дорогу ты знаешь. Не забудь взять бумагу о том, что приняли у тебя все это…

— Но завтра же суббота, — напомнил удивленный такой спешкой Михаил, присматриваясь к пластиковому пакету, лежавшему на одном из стульев, выстроившихся с правой стороны вдоль стены. — На базе никого не будет…

— Должны оставить дежурного, я созванивалась…

Отверчиваться и искать предлоги в его положении совершенно недопустимо, он и так ведет себя барином, своевольничает. Бывало, возьмет и в рабочее время на целый день укатит в совхоз, где договорился со съемкой всех классов, а заодно и детсада. Заведующая закрывала на это глаза, зная, что он задумал переезжать в другие места, собирает на дом. Зато ему приходилось выполнять самые щекотливые поручения.

Но почему нельзя спокойно поехать в понедельник, это совсем непонятно. Однако лишних вопросов задавать не следует, на это и рассчитывают. Значит, так надо…

Михаил взял довольно увесистый пакет, послышался звук притирающихся друг к другу приборов и еще каких-то штукенций.

На улице не удержался и запустил руку в пакет. Действительно какие-то мудреные приборы в старомодных эбонитовых корпусах. Но почему их изымают? Слово какое-то…

Он стал перебирать приборы, попались даже часы с люминесцирующими цифрами. Вдруг на самом дне пакета увиделось нечто очень знакомое — круглая стеклянная коробочка наподобие жестяных, в которых продают ваксу для обуви. Он сразу узнал эту толстостенную липкую стекляшку с остатками желтоватой жидкости.

…Урок физики в их девятом классе. Лаборант, что обосновался через стену в своей каморке со штабелями, приносит наглядные пособия. Учительница открывает эту самую баночку, намазывает жидкостью какой-то стержень. Просит занавесить окна. И тут в наступившем полумраке все заворожено видят, как засветилась в ее руке эта палочка, словно фосфорная бусинка, если ее подержать у яркой лампочки. В детстве даже раскручивали на нитке в темной комнате такие бусины, наблюдая, как образуется в воздухе светящийся обруч.

Михаил вспомнил все до самых мелочей. Эта учительница двадцать лет назад наглядно объясняла им, что такое радиоактивность. Стержень в ее руке светился от нанесенной на него жидкости с солями радия. Теперь все ясно, значит и остальное в этом пакете тоже зело не полезно для здоровья, потому ли это срочно изымают из школьных лабораторных кабинетов. В приборах, скорее всего, установлены аккумуляторы на изотопах. А он еще, помнится, позавидовал тому лаборанту, вчерашнему выпускнику этой же школы. Хорошую работку нашел для начала, можно целый день рассматривать и изучать всякую всячину. Как раз по его натуре. Но сюда берут только по знакомству.

Можно было бы сразу отправиться домой с этим чертовым грузом, но что-то подсказало Михаилу, что завтра не исключены в областном центре разные форс-мажоры, у нас не могут без этого. Не первый день живет на белом свете. Мысль усиленно заработала: у директора Дома пионеров Сауле Талгатовны на той базе работает старшая сестра Шолпан.

Он снова зашагал в Дом творчества. Одногодка, старая знакомая Саулешка, как он ее привык называть для себя, без отчества, еще была на месте. Он расслышал ее голос в танцевальном зале. Но ничего не надо показывать. Быстро спрятать пакет в своей подсобке…

На смуглом лице Сауле светился неподдельный интерес: что за аврал такой, если посылают в область в нерабочий день? Михаил туманно объяснил, что есть срочное дело на базе. Они вместе туда не раз ездили на ведомственной автолавке, получали пачки бумаги для печатной машинки, материал для кружковой работы. Однажды даже загрузили два компактных токарных станка по дереву. Между делом Михаил попросил у Сауле адрес старшей сестры. Визави сразу насторожилась:

— Зачем тебе?

— На всякий случай. Вдруг на базе никого не окажется. Хотя бы позвонить по домашнему телефону начальнику…

Сауле нехотя продиктовала адрес, пытливо изучая его лицо: не ловчит ли коллега? Вечно к нему имеют претензии. Михаил поспешил откланяться. Больше ему ничего и не требовалось.

Встав утром засветло, он прикинул: придется прихватить с собой наплечную дерматиновую сумку, в которой он носил свои фотопринадлежности. Жаль с ней расставаться, но что поделаешь: вдруг автобус будет переполнен, и пакет порвется. Надо и здесь подстраховаться.

По пути на автостанцию зашел в Дом творчества, благо у него были необходимые ключи. Переложил в сумку все приборы. Боже мой, собрали со всех школ района, а теперь ему нести на себе эту бяку. Заведующая даже не захотела, чтобы все это фонящее хозяйство на выходные оставалось в ее кабинете, словно он впитает в себя приличную долю гамма-лучей.

На автостанции, естественно, было не протолкнуться. Простоишь в очереди больше часа, а потом перед самым твоим носом объявят, что кончились билеты. Лучше идти на поезд. Он будет полусонно тащиться и придет в Аркалык попозже, но все равно вполне можно успеть сделать все дела.

В оба общих вагона поезда тоже были проданы все билеты, но Михаил привычно сунул проводнику рублевку,— все хотят заработать. Правда, придется толкаться в проходе, но он не один такой. Зато облегченно снял с плеча и закинул на третью полку свою сумку — подальше от себя. Мог бы поехать и в понедельник, в рабочие дни народу шатается меньше, было бы посвободнее. Но в понедельник уже надо будет идти на эту планерку и отчитаться перед Валентиной Ивановной.

Если бы мог, как Архимед, просто найти точку опоры в качающемся хвостовом вагоне, было бы терпимо — ноги выдержат два с половиной часа тряски. Но пассажирам вольно челночить взад-вперед — то покурить в тамбур, то в буфет, то помыть руки. Только примешь удобное положение, надо снова кому-то очередному уступать дорогу.

Взгляд подсознательно всякий раз выискивал за окном хоть какую-то зацепку для рассматривания, но и тут все безнадежно — ни раскидистого шишкинского дуба, ни одинокого домика, лишь неаппетитное однообразие степей — с пылью и выжженной солнцем травой. Изредка прогремит мосток через пересохшую речушку, не удостоившуюся даже названия, да проплывет хилая лесополоса. Всего три остановки в мелких селах на сто с лишним километров пути. Если бы вдруг за откосом полотна появился какой-нибудь с неба свалившийся валун, это стало бы целым событием и украшением местного безлюдного ландшафта.

От скуки в голове заелозили разные ассоциации вкупе с клочками спонтанных воспоминаний. На Дом творчества еще продолжали выписывать, хотя и в сильно усеченном виде, прессу. Центральные газеты Сауле Талгатовна самолично подшивала от избытка свободного времени. Подшивками был занят сдвоенный стол в углу танцевального зала. Михаил убедился, что только он утруждает себя чтением, больше никто из сотрудников к газетам не прикасался. В лучшем случае рассматривали картинки в «Мурзилке». На некоторых детских загадках, где надо было найти правильный путь в лабиринте, оставались неряшливые линии от шариковой ручки. Наверняка все здесь считали страшными занудами тех, кто с полной серьезностью вникал в газетные статьи.

Вообще-то Михаил тоже издавна недолюбливал почти гуртом центральные газеты за ярко выраженный идеологический окрас. Все эти напыщенные передовицы с громкими призывами и непременными цитатами из решений очередных съездов вызывали стойкое отторжение,— как шутили некоторые продвинутые, невыполнимость правительственных решений нивелируется необязательностью их исполнения. Лозунги навязли у всех на зубах. Одно только это — «Экономика должна быть экономной» — чего стоило. Однако Мишкины коллеги даже не догадывались, что в перестройку пресса стала не в пример интересней, более открытой. В «Комсомольской правде», не пожелавшей сменить название, стали попадаться удивительно острые публикации, которых раньше даже нельзя было представить,— цензор выглядывал из-за каждого плеча. Вот и Михаилу попались на глаза довольно ценные заметки на тему допускаемой халатности в деле радиационной безопасности. Информация откладывалась в голове, как раз сейчас это и пригодилось. Например, в одном материале повествовалось о том, что в каком-то панельном доме существовала проклятая квартира, в которой поочередно загибались без всяких видимых причин все очередные жильцы. Кто-то, наконец, догадался вызвать радиометристов, и они обнаружили в бетонной стене крохотную ампулу с цезием. Оказалось, что это геологи в свое время выронили из прибора в карьере ампулу, а потом никак не могли найти ее в гравии. Так и попала смертоносная штука в бетонный раствор и наделала столько бед.

А эти елочные игрушки. Казалось бы, что может быть безобиднее? Но в послевоенные годы на них вручную наносили узоры, которые светились на новогодней елке без всякого электричества. В краску добавляли те же соли радия, пока не спохватились. Сколько художниц-оформителей заработало лучевую болезнь, никто не подсчитывал. Додумались же! И это после того, как сами первооткрыватели радия со звучной французской фамилией, выуживая его по крохам из груды руды, печально закончили свои дни…

По аналогии вспомнилась чета соседей, живших напротив через дорогу, ближе к перекрестку, в новом двухквартирном доме, что равномерной чередой тянулись дальше до самого ремзавода. Хозяин работал в милиции замполитом, супруга учительствовала. В тот год, когда случилась чернобыльская авария, оба гостили в Белоруссии у родственников, от атомной станции не очень далеко. После невиданного ЧП, покруче хиросимского, вишни в саду родственников стали необычно сильно плодоносить, степняки никогда не видели таких крупных плодов. Он их каждый день поедал прямо с дерева в неимоверном количестве и никак не мог насытиться.

Вскоре после этого замполит ушел на пенсию, служивые это заслуживают гораздо раньше обычных смертных. И у него обнаружился рак щитовидной железы. Он на глазах сдавал, потом совсем слег и скоропостижно ушел из жизни. Спустя три года и супруга заболела. У нее началась водянка, не поддающаяся лечению. Кожа на теле лопалась, все с нее текло. Она уже не появляется на улице, лишь медсестра регулярно приходит поставить обезболивающий укол.

Как все это страшно, особенно если коснется самого тебя!..

Прибыв в Аркалык, Михаил хоженой дорогой пешком отправился на околицу, где за дамбой в раскинувшейся низине находился складской комплекс базы для школьных нужд. Припекало на все сорок в тени, Михаил испарился, изнывая от самого вида загородной трассы, ведущей к дамбе: желтеет с боков глина, ни одного кустика по обочинам, без полива они сразу сохнут. Единственный искусственный водоем, очень неглубокий, но широко растянувшийся, питает весь областной центр. Все живут в режиме жесткой экономии: воду подают в квартиры лишь дважды в день по часу — утром и вечером.

Хорошо хоть ворота базы не запирались. Их просто не было. Вместо них был натянут трос, который Михаил легко перешагнул. Так и есть — все помещения заперты, его никто не ждет.

Но должен же хоть кто-то оставаться на хозяйстве в неурочное время, хотя бы сторож. Ничего, напоминающего сторожку, на всей территории с глинистой притоптанной почвой не наблюдалось. Может быть, в

кочегарке найдется живая душа? Михаил увидел, что в типовых двустворчатых воротах кочегарки обнадеживающе приоткрыта встроенная узенькая дверка. Уже хорошо, просто так ее не оставят без замка…

Заглянул внутрь и возле котлов с вынутыми для замены чугунными нагревателями справа у стены увидел тускло желтеющее окошко подсобки, в которую вела железная лесенка с перильцами. По этим ступенькам стал спускаться человек в спецовке, едва ли старше нежданного визитера. Михаила всегда смешило, когда приезжавшие в эти дикие края издалека, особенно из Центральной России, затруднялись с определением национальности местных встречных, принадлежащих к мусульманскому или кавказскому миру. Ладно, грузина с армянином трудно спутать, но не отличить таджика от азербайджанца? Если трудно по внешности, то подскажут сами имена или особенности выговора. С некоторыми легко найти контакт, другие будут только поддакивать в ответ, умудряясь ничего по существу не сказать, хоть битый час допытывайся. Это от того, что опасаются не угодить собеседнику или попасть впросак. Действительно тонкая сфера, масса нюансов, в которых научишься разбираться, только если бок о бок поживешь с разными народностями. Лично для Михаила не было с этим особых проблем, он с ходу определял, кто перед ним. Этот мужичок имеет явные башкирские корни, и говорить будет несколько вкрадчиво.

Мужичок в спецовке ничего не спрашивал, выжидающе молчал. Видел, что заглянул не праздношатающийся, раз на плечо нагружена сумка.

Михаил в таких случаях не мешкал с прояснением ситуации, чтобы не томить незнакомца.

— Больше никого нет?

— А кто нужен? — действительно вкрадчиво спросил мужчина, непонимающе моргая.

— Из начальства…

— Так нерабочий день сегодня…

Михаил понял, что придется сконцентрировать всю свою изобретательность, чтобы выполнить возложенную на него миссию. Хорошо, что вовремя увидел у одного приятеля потрепанную, очень дефицитную книжку Владимира Леви «Я и мы» и попросил на недельку почитать. Из нее он почерпнул массу таких тонкостей, до которых вряд ли бы дошел своим умом. Например, как сразу расположить к себе нужного незнакомца? Для любого человека самое желанное — звучание собственного имени.

— Извини, друг, как тебя зовут? — по-свойски спросил Михаил.

— Зиннур,— несколько растерянно прозвучало в ответ.

— Зиннур,— намеренно повторил Михаил не часто встречающееся имя.— А я из Типчака. Послали сюда в командировку, сказали, что будут ждать, а никого нет. Мне надо сдать вот эти школьные приборы…

Он шевельнул сумку на своем плече. Это заметно успокоило хозяина кочегарки: все-таки хотят что-то отдать, а не взять…

— Я не в курсе,— пожал плечами Зиннур.

— Ты здесь сторожем? Может, тогда я тебе оставлю эту сумку, а ты потом передашь по назначению?..

— Мне никто ничего не говорил,— неожиданно заупрямился Зиннур, хотя на вид показался сговорчивым.

— Я здесь оставлю, ваш начальник все знает…

— Нет, нет! — замотал головой сторож.— Я не могу, мне это не положено…

— А что тогда делать прикажешь? Не везти же все назад…

Зиннур упорно молчал. Пришлось перейти к другой тактике.

— Мне тут дали один адресок на всякий случай…

Михаил полез в карман брюк и вынул обрывок бумаги.

— Адрес вашей сотрудницы Шолпан Тулегеновны, кстати, она наша землячка...

— Да, есть такая,— с явным облегчением подтвердил Зиннур и позволил себе расслабиться.

— А далеко эта улица?

— Нет, совсем рядом. Пойдем, я покажу…

Сторож, удовлетворенный, что спроваживает проблемного посетителя, показал рукой вдаль дамбы:

— Вон, вторая пятиэтажка…

— А если Шолпан Тулегеновна не захочет сюда прийти?

— Ну, тогда не знаю…

— Если что, я попрошу ее написать тебе записку. Пойдет?

— Ну, если будет хотя бы записка,— начал сдавать позиции «маленький человек» в иерархии базы.

Михаил обрадовался: хоть какая-то зацепка. Он опять потопал на дамбу. Хорошо хоть в прохладном здании немного пришел в себя от неимоверной жары.

Минут через двадцать он поднялся на третий этаж указанной пятиэтажки. Позвонил в дверь. Ему сразу же открыли. В дверном проеме показалось знакомое лицо старшей сестры Сауле. Она визуально знала его, ведь частенько заглядывала в Дом пионеров, когда бывала в родных местах. Однако в квартиру не пригласила, а недоуменно смотрела на него: уж этого она совсем не ожидала и предвидела нечто неудобоваримое.

— Оказия получилась,— с ходу стал оправдываться Михаил.— Вы, конечно, в курсе, что из школ изымают некоторые наглядные пособия…

— М-м,— неопределенно прозвучало тощее междометие, но по крайней мере ничего не отрицают. Зна-

чит, в курсе…

Взглянув на его сумку, Шолпан без сомнения сразу все поняла, но продолжала отмалчиваться. Пришлось опять пускаться в объяснения, тиражируя уже отзвучавшие оправдания.

— Заведующая срочно послала на базу сдать вот эти приборы, а там никого нет…

— Надо было в понедельник приехать…

Шолпан явно не желала входить в его положение.

— Я тоже так думал, но меня заверили, что будет дежурный…

— Таких указаний не было.— Землячка строго придерживалась внутриведомственных рамок.

— А, может, позвонить вашему шефу?

— Зачем? — Сразу зачугунела ликом сотрудница-буквоедка.— Дамир Булатович собирался поехать к матери, его все равно нет дома. Да если бы и был, нам запрещено тревожить его в выходные…

— Тогда бы вы дали мне какой-нибудь бланк, чтобы я мог оставить все это у сторожа…

Он не стал, проявив дальновидность, просить черкнуть записку, видя, что разговор получается с нулевым коэффициентом действия.

— Нет, я не имею права превышать свои полномочия. Тем более, что все бланки хранятся на работе, зачем мне их приносить домой? — отчеканила она.

— Что же делать?

— Ничем не могу помочь! — закруглила она разговор.

Дальше было глупо препираться и тратить драгоценное время. Он поразился полному отсутствию сочувствия с ее стороны, несмотря на то, что ходили в одну и ту же школу. Еще потом наверняка все выскажет сестрице: зачем кому попало раздает ее адрес?..

Михаил опять оказался на солнцепеке. Стал раздумывать, что предпринять дальше. Нет, он просто так не уедет отсюда. Он не может сорвать поручения заведующей. Раз послали — выполни! Наверняка надеются на его предприимчивость, хотя сильно преувеличивают его способности.

Сколько же будет он мотаться с этой сумкой? Уже выступила соль на безрукавке. Как же избавиться от навязанной заразы? Сколько он, интересно хватанул уже этих самых зивертов? Если одна баночка с солями радия опасна, то ее излучение надо помножить на пятнадцать сельских школ, поучаствовавших в сдаче вредных приборов. Уже и так начинается звон в голове — то ли от жары, то ли еще от чего-то…

Из их поселка тоже несколько добровольцев ездило в Чернобыль, когда там рванул четвертый энергоблок. Зазывали по всей стране ликвидаторов, обещали приличные деньги. Двоих таких ликвидаторов из поселка он хорошо знает. Теперь у них какие-то коричневые лица, оба принимают йодистые препараты. С одним Михаил даже слегка подружился — общительный и легкий на подъем частник Толик, держащий в центре поселка будку по ремонту обуви. Толик рассказывал между делом, чем занимался месяц в Чернобыле. Сразу всем выдали накопители, похожие на стержневые ручки, держали их в нагрудном кармане спецовки. Но никаких защитных площей им не полагалось или просто не хватило. Добровольцы в основном собирали разлетевшиеся обломки реактора. Иная смена укладывалась в пять минут,— снимешь с крыши обломок, и можешь отправляться к себе в общагу, уже заработал суточную дозу…

Толик беспробудно пьет, впрочем, и раньше пил не меньше. Но теперь у него вполне уважительное объяснение: «Если я перестану употреблять, то очень скоро умру…» Недавно он продал свою будку, даже не продал, а обменял на пару ящиков водки, которую разводит из привозного спирта одна предприимчивая особа, даже наклеивает на бутылки настоящие этикетки. Толику все нипочем, лишь бы не переводилось зелье. Якобы спирт выводит из организма нуклеиды. Но кто это проверял?..

Во рту опять стало спекаться. Надо было на вокзале купить бутылочку колы. Не думал, что дело так затянется и он окажется в таком безвыходном положении. А вот он что сейчас сделает! Он сейчас от имени Шолпан нацарапает записку этому Зиннуру. Не догадался прихватить с собой листочек с авторучкой. Придется отыскивать ближайший киоск канцтоваров.

Пришлось углубляться в сторону областного центра. Оказалось, что многие примелькавшиеся киоски за это время успели позакрывать, везде сокращения. А он полдня таскает на себе эту заразу. Лишь на проспекте с административными зданиями набрел наконец на нужный киоск. Купив блокнотик, Михаил тут же примостился на лавочке и на первой страничке начал выводить:

«Зиннур! Мне сейчас очень некогда, пусть этот человек оставит у тебя сумку — до понедельника.»

Он не знал, как подписать, одним именем или с отчеством. Лучше было бы поставить фамилию сотрудницы, но девичья не пойдет, а по мужу он не знает. Если просто неразборчиво расписаться, еще взыщут потом за подделку подписи. Или Зиннур не поверит, что именно Шолпан нацарапала записку. Наконец он подписал послание одним ее именем.

Целый час пришлось тем же извилистым путем добираться до дамбы. Хорошо, что он сразу поинтересовался именем сторожа, если бы он это сделал позже, когда озвучил свою просьбу оставить в кочегарке сумку непонятно с чем, наверняка сторож мог тогда прикрыться чужим именем. На всякий случай. А так он благополучно «проглотил» подделку, ничего не заподозрив. А если бы вместо его имени стояло придуманное, что было бы… Какие были бы у него глаза — подумать страшно. Итогом стал бы полный провал хитроумной комбинации.

До поезда оставалось часа три. Можно попробовать выйти на кольцо и остановить очередной рейсо-

вый автобус, которые отправлялись в рейс через каждые два часа. Так и сделал. Его все-таки взяли в переполненный автобус. На этом транспорте до Типчака всего полтора часа езды. Автобус не заезжает в эти три маленьких села по пути, а лишь останавливается ненадолго, чтобы выпустить сходящих, если таковые найдутся. А если нет таких, не снижая скорости, проносится мимо развилки с вылинявшим паспортом села.

Как назло, никто за все время пути не выходил, чтобы можно было рассчитывать на освободившееся место. Приходилось цепляться за верхний поручень под ощутимую тряску на трассе, полотно которой без преувеличения напоминало стиральную доску. Да еще встречались крупные выбоины, которые надо было объезжать, вылезая на встречную полосу.

Хорошо, что он не заходил ни в какую столовую — совсем не было аппетита. Сейчас бы в отяжелевшем желудке началась неуправляемая реакция. А водители междугородних автобусов очень не любят останавливаться по просьбе пассажиров, если кому-то станет плохо.

До Типчака оставалось километров пятнадцать, когда у Михаила совсем зарябило в глазах. Он не на шутку опасался потерять сознание, хотя такого с ним никогда не случалось. Но тут дело совсем швах, в мозгах работает наковальня, приподнятая рука онемела и обессилела, сама отвалилась от поручня. Пришлось цепляться за дужку кресла. В голову лезла всякая дрянь, какие-то странные, даже, можно сказать, крамольные мысли, недостойные порядочного человека. Все его существо стало буквально выворачивать наизнанку, тошнота подкатывала к горлу с настойчивостью прибоя.

Он попробовал делать глубокие вдохи, наверное, не хватает кислорода среди этих потных тел в замкнутом пространстве. Заслонки на окнах отодвинуты, но пользы от этого мало, снаружи жарит будь здоров — на самой обшивке можно запекать яичницу. Да что же это такое?..

Глубокие вдохи все-таки немного помогли, иначе он бы точно рухнул в этом проеме под чужие ботинки. Когда наконец подъехали к автостанции, и тряска прекратилась, он уже ничего не соображал и не видел. На ощупь добрел до выхода, наугад ставил ноги на ступеньки, пока не почувствовал встречно ударившую в пятки асфальтовую твердь.

Ног он совсем не ощущал, хорошо хоть не потерял равновесия. Через пару минут зрение вернулось, он доковылял до лавочки под навесом и опустился на нее, приходя в себя. Понадобилось минут двадцать, пока не перестало игольчато колоть в ступнях. Вернулись к нему ноги, но продолжало невыносимо звенеть в ушах и сдавливало виски.

Быстрее домой! Отлежаться. Хоть бы до понедельника прийти в норму…

Евгений ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск

Татарников Евгений Феликсович родился в Удмуртии в 1959 г. После школы в 1976 г. поступил МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1982 г. и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 г. окончил Высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Любимый жанр — юмористические рассказы. Любимые писатели: В. М. Шукшин и Н. В. Гоголь. Постоянный автор нашего альманаха.

«ПО НЕБУ ЛЕТАЛ КОСМОНАВТ… МОЖЕТ, ОН С БОГОМ ВСТРЕЧАЛСЯ?»

Из цикла «Громушка» 1968 г. (пацанские воспоминания)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем известна история о том, как Н. С. Хрущев аргументировал свои атеистические взгляды: вот, мол, Гагарин в Космос летал и никакого Бога не видел.

Однако друг Гагарина, летчик-космонавт Алексей Леонов, рассказывал об этом же совсем по-другому: «Вспоминается такой случай. На одном из приемов в Георгиевском зале, посвященном полету Гагарина, Хрущев спросил Юру, не видел ли он в космосе Бога. Тот, заметив, что Хрущев спрашивает шутя, возьми да и ответь: «Видел». Хрущев посерьезнел и сказал: «Никому об этом не говори».

«На острове моих воспоминаний,
Есть серый дом. В окне цветы герани,
ведут три каменных ступени на крыльцо.
В тяжелой двери медное кольцо.
Над дверью барельеф — меч и головка лани,
а рядом шнур, ведущий к фонарю.
На острове моих воспоминаний
я никогда ту дверь не отворю!..» (Тэффи)

Женька до десяти лет жил на окраине большого промышленного города, который славился на весь Советский Союз да и на весь мир своими автоматами Калашникова. Их выпускал местный завод и на нем трудилась почти половина населения города. Рядом с заводом был большой пруд с плотиной, с которой мужики с утра до вечера «таскали» на удочку мелкую рыбешку, крупная рыба это место обходила стороной. Женька любил свой город и свой двор, в котором он жил и лучшего места себе не представлял. Когда он оттуда уехал с родителями на новую квартиру в центр города, то из своего окна видел уже не грязный овраг, куда сбрасывали всякий мусор, а красивый городской пруд, который был как на ладони и летом светился в лучах солнца! Но все равно Женька долго тосковал по своему старому двору. Ведь там остались его друзья Сашка и Лена, его сверстники, с которыми он жил в одном доме.

«НЕКАЗИСТАЯ ДВУХЭТАЖКА…»

Это была неказистая двухэтажка, где было всего восемь квартир, но их жильцы были как родные… Рядом находился железнодорожный вокзал, где днем кипела своя таинственная жизнь, разгадать которую хотел Женька. Он частенько летом бегал на вокзал смотреть, как нарядные люди с большими чемоданами уезжали в дальные города, и по их счастливым лицам было видно, что они едут отдыхать к морю, которого Женька никогда не видел. На перроне играла бравурная музыка, дети в белых панамках и шортиках стояли у вагона и лизали эскимо на палочке, их лица были перепачканы шоколадом, с палочки капала морожка… Женька и сам мечтал когда-нибудь отправиться в далекое путешествие. Ночами он просыпался от паровозных гудков, а потом долго не мог заснуть, а когда наконец засыпал, ему снились города. Большие города…

Женька был из тех советских пацанов, кто мог с полным правом вспоминать о шестидесятых годах, потому что он их помнил очень дотошно, до мелочей, так как был тогда уже в сознательном возрасте и многое понимал и, как взрослый, все близко принимал к сердцу. Некоторые эпизоды из той жизни до сих пор стоят у него перед глазами. Ключевыми словами той эпохи были: космос, дорога, романтика, поиск, Селигер, коммунизм, физики-лирики, искренность, «Девять дней одного года», «Армия трясогуски», Хэмингуэй — «Старик у моря», Андрей Вознесенский с его «Антимирами». Помните у него:

«Живет у нас сосед Букашкин,
в кальсонах цвета промокашки.
Но, как воздушные шары,
над ним горят Антимиры!...»

Такие Букашкины и Бухашкины были в каждом дворе и в Женькином — тоже.

27 марта 1968 года трагически погиб Юрий Гагарин в результате катастрофы под Киржачом в возрасте 34 лет при выполнении тренировочного полета на самолете-истребителе МИГ-15.

В этот же день в Колонном зале Дома Союзов проводилось совещание руководства партии. Внезапно в Президиум вышел весь состав Политбюро ЦК КПСС во главе с Леонидом Ильичом Брежневым. И именно Брежнев сказал: «Товарищи! У нас произошел страшный несчастный случай. Потерпел катастрофу самолет, на котором летел Юрий Алексеевич Гагарин. Гагарин погиб». Все молча встали, почтили память. Потом очень долго не прекращались разговоры о том, почему за Гагариным следили так тщательно и при этом не смогли или не посчитали нужным оградить его от рискованных полетов, чтобы сберечь это национальное достояние. По выводам некоторых экспертов, самолет Гагарина вошел в «черное пике», выйти из которого уже не смог, а пилоты, судя по всему, потеряли управление. Тогдашний руководитель страны, Леонид Ильич Брежнев якобы запретил обнародование результатов и отправил 30-томный доклад комиссии в архив — во всяком случае, такие данные содержатся сразу в нескольких версиях трагедии. Следователям якобы запретили публиковать свои выводы под предлогом, которого не было... А вскоре дело и вовсе было забыто, поскольку советские танки вошли в Чехословакию — грянула «Пражская весна»…

Плакала вся страна, а сама не верила в гибель любимого Юрочки, как окрестили его бабы нашей страны. Женька тоже тайком за деревянными сарайками ревел, чтобы никто не видел его слез. Тогда он решил, что, когда вырастет, станет космонавтом. Был конец марта, кое-где кучками еще лежал грязный снег, по нему прыгал черный ворон и каркал: «Не быть тебе, Женька, космонавтом. Ревун ты!». А с крыши сарайки упрямо вниз сползали тонкие прозрачные сосульки, а с них, как слеза, капала холодная капель: кап-кап, прямо Женьке за

шиворот. Он даже не чувствовал эту капель, но слышал ее звон, он был такой же, как писал Борис Пастернак:

«Дробь капелей в середине дня, кровельных сосулек худосочье, ручейков бессонных болтовня…»

Бабы, как всегда, сидели на своей излюбленной скамейке и обсуждали главную мировую новость — гибель Юрия Гагарина:

— Слухайте, бабы, а может это не Гагарин погиб?.. Как могли такое власти допустить!.. Не-е, я не верю, что он погиб,— вся в слезах и соплях рассуждала Дуся, Сашкина мать.

— Он ведь, Дуся, не один погиб, передали по телевизору, еще его инструктор Серегин… От них практически ничего не осталось, как вот определить, кто разбился? Не, Дуська, я тоже не верю,— вторила Раиса, которая все и всегда знала, а тут стала сомневаться.

К ним подсел Алик из 5-й квартиры, он учился уже в институте на третьем курсе, и стал объяснять популярно бабам:

— Определить, что это они были, Гагарин и Серегин, можно… По одежде — синюю демисезонную куртку Серегина нашли там, а по фрагменту тела с родинкой на шее определили, что это Гагарин был…

— Алик, не болтай всякой чепухи… мало ли у кого какие родинки есть, вот у меня тоже в одном месте, показать тебе… и, что по твоему я — Гагарин,— не унималась Дуся.— Так что, Алик, родинка — это не аргумент.

— Да и синяя куртка — тоже не аргумент, у нас во дворе у каждого есть такая…— подержала ее Раиса.

Махнув на них рукой, Алик ушел домой что-то чертить, а эти бабы продолжали «чесать языками», не веря в смерть первого космонавта, да и никто не хотел в это верить, думая, что это какая-то страшная ошибка. Его портрет из журнала «Огонек», как икона, висел в каждой квартире и в каждом доме, и с него Юрий Гагарин, улыбаясь своей светлой улыбкой, как бы говорил каждому: «Все у тебя будет хорошо…». С той поры, как разбился Юрий Гагарин, прошло где-то месяца три. И вот наступил 214 день 1968 года, а какой это был день от Рождества Христова, сказать трудно. Да и надо ли? Целый день, как говорят наши умные бабки во дворе, будто бы по небу летал космонавт. Что он там делал, им было невдомек. Может, с Богом встречался, думали они, и при этом начинали креститься, глядя в небо, где пролетал истребитель, оставляя длинный белый след. Нет, это был не след гагаринского истребителя, который растворился в конце марта. Может, по причине, связанной с гибелью Гагарина, но в 1968 году в космос не полетел больше ни один советский космонавт, но самолеты летали «без проволочек».

«Проникло солнце утром рано…»

«Идет без проволочек,
И тает ночь, пока.
Над спящим миром летчик,
Уходит в облака.
Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани,
И меткой на белье.
Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда». (Борис Пастернак)

Ну, и конечно наши большие города…

Рано утром над страной взошло солнце. Один шустрый лучик солнца залез в Женькин круглый маленький аквариум, где плавала большая золотая рыбка, которая глядела все время в сторону, думая, как бы увеличить себе пространство. Лучик прыгал по Женькиной цветастой подушке, усеянной красными китайскими маками. Такие маки росли в палисаднике у Женьке. Лучик прошелся и по этажерке, где стояли зачитанные от «корки до корки» книжки Маршака, Агнии Барто, Корнея Чуковского. Лучик быстро скользил по ним, будто читал их взахлеб, прикасался к Женькиным молочным щечкам, пытаясь его разбудить. А Женьке снилось, что цветастая подушка, как лягушка, ускакала от него. А за ней и наш кот — задом наперед, а за ним и чайник — кружек всех начальник! Вот из книжечки Чуковского выскочил кривоногий и хромой Мойдодыр, в руках тазик у него с водой: «Умывайся, Женька, умывайся и во дворик к пацанам собирайся…».

Вот и у Бориса Пастернака нечто похожее тоже было в жизни:

«Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано.
Косою полосой шафрановою,
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,

Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой…»

Веселый, растрепанный ветром воробей резво скакал перед не такой уж старой бабой Катей, а она хотела, чтобы ее видели старой и жалели. Воробей исполнял перед ней какой-то шаманский танец и старался заглянуть бабе Кате в глаза, чирикая на весь двор:

— Ну, че бабуся, в такую рань соскочила? Думаешь, кто рано встает, тому Бог подает? Я вот рано встал, а маковой соломки еще во рту не держал. Ты, случаем, вчера пирожки с рисом не пекла? Нет? Жалко…

— Ну, че расчирикался, дуралей-воробей? В обед буду печь пирожки внучке Леночке, тогда и прилетай. А сейчас, кыш… бездельник этакий.

Баба Катя с утра своей «пятой точкой», которая размером была на пол лавки, давила на нее всей массой, пытаясь согнуть лавку в коромысло, та трещала, но не сдавалась. На ногах у бабы Кати были блестящие галоши с малиново-горящим нутром и шерстяные носки. А ее внучке Леночке в это время снилось: как медведи едут на велосипеде, а комарики летят на воздушном шарике, Айболит Тараканищу звонит: «Дайте мне А3-44-55…».

До 1968 года в Советском Союзе телефонные номера состояли не только из цифр. Первым символом комбинации являлась буква. В 1968 году в СССР полностью перешли на номера без букв.

Из Серегиного окна через открытую форточку вырвалась и начала гулять по двору песня Владимира Высоцкого, которого в то время мало знал народ. Серега недавно купил катушечный магнитофон «Маяк», который выпускал киевский завод «Маяк». Магнитофон был всему двору в диковинку, так как сам мог записывать песни. И сегодня с воскресного утра он включил свой «Маяк» «на полную катушку»:

«…Если вы в своей квартире
Лягте на пол — три-четыре!
Выполняйте правильно движения!
Прочь влияние извне,
Привыкайте к новизне,
Вдох глубокий до изнеможения!..»

Серега лежал на полу и крутил в воздухе ногами, изображая, что он едет на гоночном велосипеде «Чемпион», которого у него никогда не было, но о нем он давно мечтал.

«Если вы уже устали,
Сели-встали, сели-встали.
Не страшны вам Арктика с Антарктикой,
Главный академик Иоффе
Доказал: коньяк и кофе,
Вам заменит профилактика…»

В 60-е годы кофе в СССР, как говорил всеми любимый Аркадий Райкин, был в «ди-фи-ци-те», поэтому кофе заменял растворимый кофейный напиток под названием «Летний», так как в другие времена года его пить было невозможно. Правда была еще куча всяких напитков из этой серии, названия которых говорили сами за себя, выражая вкус напитка. Ну, вот они: «Желудевый» имел ярко выраженный вяжущий вкус, после которого, хотелось спать под дубом и хрюкать во сне; или «Арктика» — со вкусом льда, выпил и замерз.

Дядя Гена, Сашкин отец, не вытерпел Серегиной музыки и начал кричать на весь двор, чтобы тот перестал безобразничать и выключил свою шарманку, которая не дает в этот воскресный день после трудовой недели выспаться простому человеку.

— Выключай свою шарманку, иначе вызову участкового милиционера!

— Дядя Гена, он же в отпуске.

— Ну…Ну, тогда я сломаю тебе ногу..

— Зачем ногу? — со смехом спросил его Серега.

Дядя Гена и сам не знал, сказал просто так, для красного словца.

«ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ БЫЛО…»

Это было веселое счастливое время, когда Никита Сергеевич Хрущев, не построив еще в отдельно взятой стране ожидаемый коммунизм, чудил на просторах страны, выращивая кукурузу, из которой делали в стране все: кукурузную колбасу, вино, пиво, квас, хлеб, макароны. Хрущева сгубили четыре «К»: Китай, Куба, кукуруза и кузькина мать.

«Кукуруза, товарищи, это танк в руках бойцов, я имею в виду колхозников. Это танк, который дает возможность преодолевать барьеры, преодолевать преграды на пути к созданию изобилия продуктов для нашего народа»,— сказал Никита Хрущев. И пообещал сажать «танки» от Казахстана до Таймыра. Сын Хрущева,

Сергей, в книге «Никита Хрущев. Реформатор», вспоминает: «О том, что отец запускает руку в золотые кладовые, я узнал вскоре по возвращении его из отпуска. Он, в моем присутствии, обсуждал с кем-то из коллег выгоды совершенной с Гарстом сделки. Я возмутился…Отец меня выслушал благодушно и ответил цитатой из Евгения Онегина: «Как государство богатеет, и чем живет, и почему, не нужно золота ему, когда простой продукт имеет».

Уйдя в 1964 году на пенсию, Хрущев чудил уже у себя на подмосковной даче в Петрово-Дальнем. Там он сам соорудил из водопроводных труб теплицу, где выращивал ананасы. При этом он любил, чтобы на его плече сидел ручной грач Кава, которого он птенцом подобрал и выкормил, когда тот выпал из гнезда. Кава каркал ему в ухо, чтобы Никита Сергеевич посадил еще и бананы! Рядом с ними всегда ходила овчарка Арбат, которая очень любила Никиту Сергеевича, но «не долюбливала» Каву, особенно, когда грач что-то нашептывал хозяину. И Арбат начинал лаять. Придя на смену Н. С. Хрущеву, дорогой Леонид Ильич Брежнев еще не был «дорогим», так как у руля страны стоял меньше пятилетки. Он еще ничего толком не успел сделать, но был полон сил для создания промышленного потенциала страны. В это время он совершил большую ошибку, вмешавшись в «Пражскую весну». Эта ошибка потом и привела к разобщению соцлагеря. Август. Брежневская команда ввела войска пяти соцстран в братскую Чехословакию, спасая ее народ от перестройки Дубчека. Это называлось защитой социализма от праворевизионистских и антисоциалистических сил, поддерживающихся империалистическими кругами Запада.

Леонид Ильич мечтал построить «БАМ», «КАМАЗ» и другие стройки века, коим был и «Поворот сибирских рек». С помощью грандиозной системы каналов общей протяженностью более 2500 километров, во́ды Оби и Иртыша, Тобола и Ишима должны были уйти в раскаленные среднеазиатские пески и создать там новые плодородные оазисы. А план-максимум вообще потрясал своим размахом: в конечном итоге планировалось связать Северный Ледовитый и Индийский океаны единым судоходным путем, который изменил бы жизнь сотен миллионов людей. Был еще и секретный проект «Тайга», про который мало кто знал, кроме нашего дяди Коли, который жил на 2-м этаже, но об этом позже.

«ДВОР — МУРАВЕЙНИК. РАЗГОВОРЫ ЗА СТОЛОМ»

Это было время, когда реки еще были чистыми и полноводными, кишащие рыбой. Они разливались в рукотворные моря, по которым, не спеша, плыли белые многопалубные теплоходы, на них играла веселая музыка. Мимо них с ревом на подводных крыльях, как ласточки, летели «Ракеты», «Кометы», «Метеоры», бороздя, как во Вселенной, необъятные водные просторы страны. Красотища!

К обеду воскресного дня наш двор стал напоминать муравейник: мелюзга везде и в песочнике, и на качелях, пацаны постарше за сарайками в казаки-разбойники играют, скачут по крышам, как саранча. Мужики столы оккупировали, в карты режутся. А дядя Саша, филолог по образованию и большой любитель поэзии, с дядей Колей, как обычно, разыгрывали партейку в шахматы и неспешно вели свои мужицкие разговоры:

— Слышь, Александр, недавно прочитал в одном умном журнале, «Техника-молодежи» называется, что реку Печору, впадающую в Северный Ледовитый океан, хотят с рекой Колвой, что впадает в нашу Каму, искусственным каналом соединить на севере Пермской области. Это где-то в двадцати километрах от городка Чусовского. Это ведь недалеко от нас. Я там был, у меня тетка в Чусовском живет. Вокруг сплошные леса и болота, по которым разбросаны лишь исправительно-трудовые колонии с жилыми поселками при них, и полчища комаров.

— А зачем Печору с Колвой соединять, что это даст?

— Часть воды северной Печоры необходимо с помощью этого канала направить в Каму и далее на мелеющий Каспий. Саша, Каспий надо спасать. Начиная с 1933 по 1950 годы, уровень Каспийского моря падал как никогда и опустился до самой низкой за последние четыреста лет отметки на двадцать восемь метров. В дельтах Волги и Урала происходит обмеление. За счет уменьшения объема воды уровень солености Каспия увеличивается. Это отражается на рыбе. А рыба, там сам знаешь какая: белуга, осетры, стерлядь. Царская, короче, рыба, дающая к столу черную икру.

— Коля, я не люблю черную икру, предпочитаю кабачковую, ее моя жена знаешь как готовит, пальчики оближешь.

— Саша, ну, как ты не понимаешь, вода отступает от портов. С такими темпами северная часть Каспия может вскоре совсем исчезнуть. Каспий не всегда был закрытым водоемом, а был самым настоящим морем. И Обская губа — это бывшая часть водного пути, который соединял Северный Ледовитый океан с Каспием.

— Коля, а чем они канал рыть будут? Техники ведь мощной много надо будет.

— А рыть техникой не будут, серию из двухсот пятидесяти ядерных взрывов проведут, и канал готов.

— Коля… ядерных?!! Ну, дела. Как говорил Федор Тютчев:

Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить…

— Саша, этот Федор из какого подъезда будет?
— Коля, не из какого подъезда он не будет. Шах тебе и мат.
— Саша, почитай что-нибудь для души… Ну, Бродского, например..
— Ну, слушай тогда:

«Шум ливня воскрешает по углам
салют мимозы, гаснущей в пыли.
И вечер делит сутки пополам,
как ножницы восьмерку на нули,
а в талии сужает циферблат,
с гитарой его сходство озарив.
У задержавшей на гитаре взгляд,
пучок волос напоминает гриф…»

— Ну, как поэтично?.. Коля, я вчера новую «Волгу» видел «ГАЗ-24» около магазина «Громушка», совсем не похожа на 21-ю. Хозяин ее сказал, что это только опытная партия. Наш ижевский «Москвич» по сравнению с ней просто лягушонок.— И тяжело вздохнул, намекая, что такую технику ему никогда не купить.

Подавляющее большинство населения СССР не имело вообще никакого индивидуального моторного транспорта и передвигалось исключительно на общественном. И, что литр бензина А-76 стоил семь копеек, им до этого никакого дела не было, они лучше три стакана газировки на эти семь копеек выпьют: два с сиропом и один — без него.

— А я недавно читал, забыл где, в «Правде» или в «Известиях», что конструкторское бюро Туполева новый самолет придумало… сверхзвуковой во… Пишут, что он лучше американского Боинга… Это, что, Коль, мы выходит американцев обогнали? А еще он лучше французского «Конкорда»…

— А чем лучше-то? — спросил Николай, который ни шиша не разбирался в самолетах, а спросил так, чтоб не попасть впросак.

— Наш на большие расстояния летать может, а страна у нас огромная: на одном конце ночь, а на другом — утро. Или наоборот. А Франция что? Чуть больше нашей Удмуртии, полчаса хватит, чтобы ее всю облететь…

«БАБЬИ РАЗГОВОРЫ О ТОМ, О СЕМ…»

Бабы, наварив к обеду и ужину щей да борщей, тоже высыпали на улицу, чтобы потрындеть о том, о сем. И сидя на лавках, шептались о насущном бытие:

— Бабы, говорят, что где-то под Ленинградом скоро завод запустят, туалетную бумагу выпускать будет в рулоне, оторвал, сколько тебе надо… Че, Дуся смеешься, удобно ведь.

— Рая, я бы не купила ее. А зачем деньги на нее переводить? Кругом вон полно газет, журналов, порезал их, помял руками, чтобы мягонькая была, вот тебе и бесплатная туалетная бумага. Ну, а че, я не права что ли? Все так делают. Смеются они…

— В газете много свинца говорят, а он вреден для здоровья.

— Ничего… Веками им вытирали, никто еще от него не умер.

— А в Чехословакии посморите, бабы, что творится-то?

— А что там?!

— Бузят там во всю. Сами живут там, как «у Христа за пазухой». Чего его им там не хватает? Вчера туфли чешские в «Промтоварах» выкинули, так очередь была как в Мавзолей. Мне-то хватило… Ну, и хороши туфли, ничего не скажешь, красивые, добротные. Вот гады, умеют же делать. Я че, бабы, думаю, их руководитель страны с такой еще дубовой фамилией (Александр Дубчек — прим. автора) наведет у себя порядок, и все у них будет хорошо, и побегут у нас по городу чешские трамваи «Татра»… Сашка, слазь с крыши, она гнилая уже вся, провалишься еще в погреб чей-нибудь… Я кому сказывала?! — кричала Дуся.

— Дуся, покажешь потом чешские туфли?

Сашка неудачно спрыгнул с сарайки и кубарем покатился в жгучие кусты крапивы, высотой ему по пояс, обжигая оголенные руки, ноги и крича от боли. Услышав его крик, тетя Дуся перепугалась:

— Сашка, ну, че там у тебя случилось? Ногу что ли сломал?

— Нет, мам, вроде не сломал. Обжегся только малек крапивой. Больно кусачая она.

— Поделом тебе, сынок… Сашка, хватит разбойничать, лучше возьми бидон и за керосином в лавку сходи, скоро ужин воскресный готовить вам с папкой буду.

— Мам, а че?

— Суп харчо…

Сашка такого супа не знал, поэтому смолчал, дуя на руки, которые покраснели, начали покрываться волдырями, было больно.

— Дуся, а че газовую плиту не купишь и привозной баллон на двадцать литров?.. У нас его на месяц хватает. Да и газ не воняет, как этот керосин.

— Рай, дорого поди… Мне так с керосинкой сподручней как-то… ниче не взорвется,— ответила Рая и перешла к другой теме: — Бабы, я так ревела вчера… как белуга? — забыв про Сашку, начала рассказывать Дуся, надев на свое, и так некрасивое, лицо еще и печальку. Вот на нее посмотришь и самому плакать хочется.

— Дуся, что случилось? Генка опять напился, да?! — спросила Райка, которая всегда была в курсе всех событий двора, и хороших, и плохих.

— Да нет, Генка неделю как не пьет, получку все ждет… А я с подружкой с работы новый фильм недавно смотрела «Три тополя на Плющихе»,— сказала Дуся, достав из праздничного пиджака носовой платок, и долго на него смотрела. Как бы его всем демонстрируя, мол, смотрите, я «не лыком шита», а потом так громко по-мужицки высморкалась, что ворон, слушавший их россказни, чуть с тополя не упал.

— А че ревела-то и где смотрела фильм? — не унималась Райка, которой до всего было дело, поэтому бабы не больно ее любили.

— Смотрела в кинотеатре «Спартак». Там в фильме есть такой эпизод, когда Нюрку, ее играет Татьяна Доронина, закрыли в квартире, она выйти не может. А ее ждет таксист внизу у кафе «Три тополя». Его играет Олег Ефремов. Они понравились друг другу. Он долго ей сигналит, а она смотрит в окно и плачет. Потом он уехал…

— Ну, Дуся, не реви, слезами Дорониной не поможешь.

— Бабы, этот фильм как будто про меня сняли, в фильме еще песня такая слезливая есть, точно про меня и песня эта, и Дуся запела:

Опустела без тебя Земля,
Как мне несколько часов прожить.
Так же падает в садах листва,
И куда-то все спешат такси.
Только пусто на земле одной без тебя… а-а-а-а.

Вся скамейка баб сидела и ревела, как белуги, пугая мелюзгу своим воем, будто кто помер. Из дома вышел дядя Гена, Дуськин муж, и грозно спросил:

— Дусь, че ревешь? Какая земля опустела? Я здесь еще, не умер. Дуся, хватит лясы точить, Сашка керосин уже принес. Иди, вари уже супец…

Дуся встала и молча пошла варить на ужин рыбный суп из консервы «Килька в томатном соусе», Сашка этот суп просто обожал, а Генка терпеть не мог. Ну, а из чего еще варить в то время было?

Со второго этажа в открытое настежь окно кричала баба Катя, посмотрев передачу «В мире животных», которую вел лауреат трех Сталинских премий, артист, сценарист и режиссер научно-популярных фильмов Александр Згуриди:

— Леночка, слазь с качелей, домой иди, сказку-мультик новый сейчас смотреть будем, «Кот в сапогах» называется.

— Ба, я иду…

— Бабы, бабы, смотрите-ка, кто там идет! — показывая пальцем, злорадно закричала Дуся.— Борис из 3-ей квартиры «на бровях» по мостку идет… Ой бабы, ей Богу, сейчас упадет в канаву! — кричала Дуся, как-будто это было сверх событие сегодняшнего дня.

— А че у него на рукаве? Какая-то красная повязка? — спросила Рая, раскрыв от удивления рот.

Когда Борис, мотыляясь, поравнялся с ними, то бабы прочитали на красной повязке «ДНД» (добровольная народная дружина — прим. автора)

— Борис-ирис, откуда такой веселый ползешь? — съехидничала Дуся, хотя она всегда была ехидной.

— Че, бабы, совсем уже не видите? Глаза протрите спиртом... С дежурства я идю-уу… Хулюганов, дебуширов и пьяниц с музиками ловил,— заплетающим языком промолвил Борис, и тут же получил оплеуху от жены, появившейся рядом чуть ли не из-под земли.

ЭПИЛОГ

— Ну, что бабы, хватит «лясы точить», пошли по домам.

Двор постепенно стал пустеть. Воробей, что с утра голодным прыгал перед бабой Катей, сытым сидел на тополе и сверху смотрел на муравья, который на земле тащил веточку, для него не было выходных дней.

Ну, а завтра будет двести пятнадцатый день 1968 года, и 718535 день от Рождества Христова.

PS. Ижевск стал первым в стране городом, полностью перешедшим на чешские трамваи. Всего их было 300 штук. Они ездили в сцепках по два вагона, а в годы особенно мощного пассажиропотока и максимального развития даже по три.

Владислава ВАСИЛЬЕВА

г. Узловая Тульской области

Васильева Владислава Вячеславовна родилась в 1971 г. в Тульской обл. Окончила Тульский педагогический институт и Нижегородскую правовую академию. Работала библиотекарем, судебным приставом-исполнителем, юрисконсультом государственных учреждений. Публиковалась журналах «Приокские зори», «Сибирские огни», в сборнике тульских писателей «Тульское слово». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ТАКАЯ ЖЕНЩИНА
(О красоте)

Жену я разлюбил давно. Она еще дышала, двигалась где-то рядом, но мне это было уже до фонаря. Нет, я знаю, зачем люди женятся и, надо признать, дома было чисто. Рубашки она мне гладила. Но этот ее щебет... И вечный испуг на мордашке, когда я срывался от раздражения… Надоело. Да я и не слушал, что она там говорила. Ну, жена и жена. Суета одна. В доме вечно — то пирогами, то духами пахло, как будто бы я ее об этом просил. До смешного доходило, начитается этих женских журналов и давай ужины свечами портить. И все это с такой тоской собачьей в глазах. Ну, может нормальный мужик все это выдержать? Я не смог. Слава Богу, обиделась и ушла к маме. Ну, или куда там они все уходят.

Жить одному, это, конечно, класс. Сначала напрягала необходимость поддерживать порядок. Приличный внешний вид. Но я научился. Как друг мой говорит: «Для чего же еще Боженька дал тебе бытовую технику?».

Но, так-то вы правы, одиночество для молодого мужчины… одним словом, открыл я для себя сайты знакомств. Необременительные встречи — вот, чего не хватало в моей хорошо устроенной жизни. Там я и встретил Татьяну. Анкета ее была одной из немногих вполне искренних — возраст, предпочтения. Здорово, когда женщина ведет себя честно, как настоящий мужчина — вот, мол, я, прошу любить и жаловать. Какая есть, на базар не несть. И даже аватарки, хоть и были не без кокетства — лица не видно, то со спины, то ветер волосы взметнул, но я и сам фотографироваться не люблю. Да понятно же, что симпатичная. Мне сразу было понятно.

Короче, все как у людей, встретиться должны были в кафе. Она села спиной ко входу. Специально, наверное, чтоб показать, что не особо заинтересована, и вроде как уверена в себе. Я шел от двери и все смотрел на ее плечи. Волосы длинные на плечах лежали. Опять же, какая небрежность продуманная — ни прически, ни кудрей завитых. Не волнуется, что ли? Не женщина, а росомаха, как все тот же друг мой, юморист, их определяет.

И вот, подхожу я, значит, к столу, она голову подняла, а это, мама дорогая, моя бывшая! От неожиданности я прямо, как в былые годы, на нее заорал. «Ты, что,— кричу,— дура, следила, что ли, за мною?»

Она молчок. Хотя раньше оправдываться пыталась, меня ее лепет еще больше заводил.

А сейчас медленно на спинку дивана откинулась и челку поправила. Движением таким тягучим… как коньяк, который мне из Армении привезли. Глаза на меня уставила, а в них презрение плещется, как холодная водка в стакане. Ну, да, да... Были у меня проблемы по этой части. Небольшие, считаю. А у кого их нет?

И молчит. Смотрит и молчит. Ресницы щурит, будто все что-то понять пытается. А у меня мороз по коже. Я вида не подаю, ору себе дальше, а сам уже думаю: «Богиня! Как я не заметил-то, что с такой красотой жил?»

Посмотрела-посмотрела она на меня, сумку достала, из сумки кошелек, деньги на стол бросила и уходить собралась. Унизила меня, значит. А я сижу, как дурак, смотрю на волосы ее, на джинсы эти, вон как туго попу обтянули, и думаю: «Унизь меня, ударь. Такой можно. Богиня, все для тебя сделаю».

Она тем временем сумку собрала, шубку накинула, посмотрела на меня еще раз молча, будто все ей чему-то не верится, развернулась и пошла.

— Вернись! — закричал, не выдержал! — Я тебя прощаю!

Она аж засмеялась. Засмеялась и за дверь вышла.

Второй месяц пишу ей сообщения на сайте. Не отвечает.

Но я добьюсь. Такая женщина!

Юрий СЫЧЕВСКИЙ

г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США

Юрий Витальевич Сычевский родился 9.8.1936 г. в г. Куйбышеве (ныне вновь Самара). Учился и работал в ведущих НИИ и ВУЗах Москвы тридцать лет. С 1992 г. живет в штате Нью-Йорк, США. По профессии — дипломированный кибернетик. Действительный член, сенатор Европейской академии естественных наук. Русская литература — духовное увлечение, пишет рассказы, стихи, сцены, эссе, публикуется в периодической русской печати Канады, США, России, Дании. Член Клуба русских писателей Нью-Йорка, член Союза писателей Республики Крым. Участник и дипломант международных литературных конкурсов. Постоянный автор нашего альманаха.

БАЙКИ СТАРОГО ПАРИКМАХЕРА
Юмористический рассказ

Вот я сейчас смотрю как девочки, да и солидные дамы тоже, ходят с мальчишескими головами. А ты задумывался почему? И кто это посадил их на хрупкие женские плечи? Я — мужской мастер! Ну, не сам, конечно, лично на всех, но первым начал я. А знаешь, как было дело? Нет? Тогда послушай.

Было два крупных скандала. Работал я тогда в модном столичном салоне. И вот однажды вызывает меня к себе директор и говорит: «Хочешь поехать за границу?» — «Чего ж не съездить, поглядеть как люди живут,— отвечаю я ему.— Никогда я там не был». А он: «Не глядеть я тебя туда отпускаю, а работать. Будешь обслуживать наших дипломатов и специалистов п о г о л о в н о. Работа ответственная. Хоть ты у меня и не “Победитель соцсоревнования”, но по анкете выходишь самый подходящий». Вот так я попал первый раз за кордон. В работу я вошел сразу: инструментами, материалами и парфюмерией, мы и дома-то пользовались для избранных клиентов иностранными. Так что, тут у меня никаких проблем не было. Но случилась однажды ситуация, когда в женском кабинете не оказалось мастера. Тот уехал домой, а замену ему все никак не присылали. А мастер он был, правду сказать, отменный. И бабник, кстати, тоже: три раза уложит клиентке прическу и, слышу, уже он с ней на ты. Мой новый начальник ходит как туча: женская часть нервничает, их мужья, понятное дело, тоже. А к иностранным мастерам никто из наших ходить не хочет: деньги экономит. Что там говорить, бедными были наши специалисты: рестораны обходили, в театры не заманишь, в гости к себе не приглашали, сигареты друг у друга «стреляли»!

Значит, заходит он ко мне и говорит: «Выручай»! А я ему: «Это как же? Женская голова не мужская. Ты, говорю, что разницы не понимаешь?» — «Пока ты будешь объяснять мне их разницу, нас с тобой уволят. Понял? Завтра я пришлю к тебе первую клиентку, делай что хочешь, но, чтобы она ушла от тебя довольная. Понял?!» — «Да»,— отвечаю я, а у самого руки опустились и колени свились от страха. Но не столько от того, что уволят, а от стыда перед людьми и за свою репутацию. Короче говоря, как сейчас помню, вошла молодая, смелая дамочка, из комсомолок, наверное, им хоть в огонь, хоть в воду. Положение дел она уже знала, но выхода у нее, похоже, тоже не было: торопилась на какой-то там прием. Не успел я открыть рот, а она улыбнулась и говорит: «Ничего, пробуйте. Только очень постарайтесь». У меня от сердца отлегло, и весь я, как говорят мои знакомые артисты, будто вошел в новый образ. Ну, я и постарался: убрал все завитки, подровнял, сзади укоротил. Она перед зеркалом глазками заморгала, заморгала, головкой потрясла, как будто ее только что из воды вынули, и застыла снегурочкой. А потом и говорит: «Покажусь я сначала мужу, если живая останусь, приду к вам опять, а вечером у нас встреча с французами». И упорхнула. Не успела дверь за ней закрыться, влетел разъяренный мой босс и сразу с порога: «Ты что натворил?! Ты зачем из девки пацана сделал?! А?! Я тебя спрашиваю?! Нас с тобой теперь уж не уволят. Не-ет! Теперь нас с тобой просто убьют!! Понял?! Все! Испарись! Понял?!».

Это был первый скандал. Пришел я в свой гостиничный номер, собрал вещички и стал ждать встречи с Родиной и с родными «Березками» тоже. Кстати сказать, кому-то пришло в голову называть валютные магазины у нас именем этих нежных деревьев! Обрить бы башку этому сукиному сыну «под зека» за такое кощунство!

Второй — не заставил себя долго ждать. Оказывается, как только моя дамочка появилась перед французами, те сразу: «Ах-ах-ах! Ох-ох-ох! Тре бьен, шарм, модерн!» и все такое прочее. На следующее утро все «наши жены» выстроились в очередь у моего кабинета. А он закрыт! Мастер — уволен! И вот тут-то разразился настоящий скандал! Ну, ты знаешь наших баб: они, коли что не по-ихнему, не только коня, они и танк на ходу остановят, выставив впереди себя своих мужей. А те, чтобы угодить им, своей горячностью расплавят это самое железо. Так что отъезд домой мне в тот раз пришлось отложить. А потом были газеты, журна-

лы, показы, конкурсы и пошло-поехало по всему цивилизованному миру, то есть то, что ты и сам теперь видишь. Началась новая мода женской прически: «под мальчика». Дорогая «наша половина» страх как стала довольна: хлопот у нее поубавилось со своей головой. Раньше ведь как было: с вечера идет спать вся голова в бигудях. Ночью они беспокоят, спать не дают, а утром на работу! Прямо как в том романсе: «На заре ты ее не буди: у нее в голове бигуди». А сейчас они вроде и не нужны стали: причесала волосы и — аллюр «три креста»! Так раньше в кавалерии называли быструю скачку. Под мужскую голову и мода пошла соответствующая: пиджаки, там, рубашки, галстуки, штаны, туфли без каблуков, а в них и шаг стал аршинным, строевым. Вот только груди они свои убрать не смогли. Хотя у некоторых их и так уже не видно. К тому ж стали курить, пить, играть в футбол, да что там говорить, боксоваться стали! И смех, и грех, право! А в некоторых странах их и на службу в армию стали брать без полового разбора! Оденут в военную форму, под ней ведь все «шито-крыто», и поставят в один ряд с парнями. Не отличишь их: боец к бойцу! Вот до чего они доигрались! Весь мир изменился! А ты говоришь: парикмахер неприметная профессия! Делай дело, которому Бог тебя посвятил, и тогда результат будет виден всем. А так тебе ни вспомнить, ни рассказать о себе что-то другим нечего будет. Ты молод еще и не знаешь, что все хорошее в памяти человека жизнь ему продлевает! К тому же, возьми-ка и убери нас, и что мы увидим: бродят по земле не поймешь кто: то ли люди, то ли медведи! В любом деле выдумка нужна, творчество! Кстати сказать, один композитор, не наш правда, целую музыкальную оперу сочинил про нашего брата, брадобрея-цирюльника, шустрого такого малого: «Фигаро — здесь! Фигаро — там!». Да это и понятно: потому как умелые мастера везде нарасхват! Понимал он, что в человеке главное — голова, а не ножки, как многие теперь считают. Отсюда и получается, что мы с композиторами родня в искусстве, одним делом занимаемся: они работают вовнутрь головы, а мы ее снаружи оформляем. Без нас она так, простой предмет, каких кругом полно…

***

Расскажу тебе еще один случай, который был у меня на войне. Приезжает как-то раз в наш батальон капитан из штаба, а с ним взвод бойцов. Нас тогда отвели в резерв. Вызвали меня к командиру: знали, что я до войны парикмахерничал. Да и пока воевал, со своей бритвой не расставался. Она у меня вроде талисмана была: как надежда, что вернусь живым. Так вот, капитан говорит-приказывает: «Завтра приезжают к нам союзники, нужен почетный караул. Чтобы к утру мои молодцы были как “огурчики”. Сказал и уехал, я и рта не успел открыть. К тому же приказ на фронте не обсуждают, сам понимаешь. А «молодцы» — прямо из окопов усталые, на ногах не стоят. Я говорю своему командиру: «Мне мыло нужно, чтобы пена была. Как я их брить-то буду?». А он: «Мыла нет, сам знаешь, что хочешь делай. Приказ слышал? Кругом, шагом марш!». Вышел я от него, а у самого ноги подкашиваются. Хлопцы на меня смотрят, так они заросли: только одни глаза на лицах видны. Но приказ к утру я все-таки выполнил. Нашел выход. Ты спросишь какой? Фронтовой! Подобрал я из трофейных безопасный для тела огнетушитель, посадил солдат в ряд и говорю им: «Глаза и рты закрыть!». И по их головам из него ра-а-аз! Вот уж где была пена! Ну, а дальше, дело свое я знаю. Капитан тот благодарность мне передал. Стало быть, угодил я союзникам…

***

В газетах о нас мало пишут, хотя много пишущих голов прошло через мои руки. Запомнился мне редактор одной крупной «русскоязычной» газеты. Было это уже здесь, по эту сторону «бугра», то есть в Новом Свете. Он забегал ко мне стричься. Разговаривали. Клиент пока у меня сидит разговорится. Мужики, они только на вид вроде бы молчуны, а как ты с ними войдешь в контакт, все расскажут: кто, где, когда, с кем. Поэтому мы знали то, о чем в газетах даже и не писали, а если писали, то врали безбожно. А запомнилось мне лицо того редактора не столько потому, что он у меня бывал, а по его газете: ну, страсть до чего ж он любил фотографироваться! Как развернешь ту газету: одну, две, три! его фотографии найдешь точно. То он один, то в обнимку с какой-нибудь государственной шишкой, то к смазливой артисточке головку склонит, чтобы читатели о нем не забыли, так я понимаю. Сам-то он писал мало. Все жаловался мне: — «Времени совсем не хватает. Да еще эти встречи с разными деятелями. Обязательно фотографируемся. Иногда по нескольку раз за день! К тому же у меня правило: просматривать все новые материалы перед выпуском. Ты представляешь, когда мне пора бриться, я теперь узнаю не от зеркала, а из моих фото к материалам для публикации. Удобно». Долго потом мы с сослуживцами смеялись! Пошутил он или нет? Не знаю. Но газета, не хочу врать, была неплохая — популярная была газета. Скажу больше, она делала свое святое дело: в чужом краю строка родимой речи нам русским, да и не только русским людям, была как глоток свежего воздуха, как огонек надежды, предтеча чему-то светлому, доброму. А как жить без этого?

Листаю однажды ту газету, батюшки! Мало себя — жену свою стал выставлять! А у нее при такой радости улыбка «от берега и до берега», как поется в той песне, или говоря проще — «от уха и до уха». Только, думаю, зачем ее-то он все показывает: дома не насмотрится что ли? А может сам дома редко бывает? Вот так и видятся они друг с другом через газету. Ну, да ладно, это их личное дело. Мне, по правде сказать, и самому нравятся женские лица, потому как всегда, в любое время дня или ночи, они выглядят чисто выбритыми. Вот, любуюсь я, глядчя на них,— идеальная работа!

Рагим МУСАЕВ

г. Тула

Мусаев Рагим Гашамович, драматург, помощник худо-жественного руководителя Тульского академического теат-ра драмы. Более пятидесяти постановок в театрах России, Беларуси, Украины, Луганской народной республики, Казахс-тана, Великобритании. Лауреат Международной литературной премии «Славянские традиции», Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, национальной премии за доброту в искусстве «На благо мира». Член Союза театральных деятелей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Наш постоянный автор.

ДАР БОГОВ

козлиная песнь в 1 действии по мотивам вечного сюжета

Действующие лица
Хор
Зевс, *громовержец*
Аполлон, *тоже бог*
Ворон
Лисица

ДЕЙСТВИЕ I.
Олимп.
Хор, Зевс, Аполлон.

Хор. Слушайте, жители славных Афин,
Что в театре сегодня собрались,
Песнь о прекраснейшем даре, что боги
Людям неумным послали на грешную землю.
Слава великому Зевсу! И сыну его Аполлону!

Зевс-громовержец сидел на Олимпе однажды.
Думал о важном: какую бы нимфу похитить.
Вдруг его слух поразил резкий звук некрасивый.
Звук исходил из афинской оливковой рощи.

Зевс. Кто это смеет мой слух своим криком…

Аполлон. То Ворон! Птица из свиты моей.

Хор. Аполлон ему молвил несмело.

Аполлон. Птица красива, как ночь, но, к несчастью, совсем бесталанна.

Зевс. Что же ты свиту свою не украсишь талантом достойным?

Аполлон. Я собирался, но занят был сильно работой серьезной.
Я не один на Олимпе, богов очень много.
Только все в праздности дни свои глупо проводят.

Зевс. Что ж, тогда мне наградить эту птицу талантом,
Коли ты занят так сильно делами большими?
Пусть она съест этот сыр и да будет отныне
Слух услаждать наш изысканной песней и дарить

Богам, героям и людям — всем, слышащим глас ее, счастье!

Хор. Слава великому Зевсу! И сыну его Аполлону!

ДЕЙСТВИЕ II.

Где-то в Древней Греции.
Хор, Ворон, Лиса, Зевс.

Хор. Сыр получивши с Олимпа, задумался Ворон.

Ворон. Может быть я богоизбран, раз так меня дарят?

Хор. В пору ту мимо бежала плутовка лесная:
Голод терзал ее третьи ужасные сутки.
Рыжая шубка ее совсем уж клоками повисла,
Но запах сыра ее вдохновил на попытку!
Так речь свою повернула Лисица, мечтая о сыре:

Лиса. О, кого вижу я, щедрые боги Олимпа!
Это ль тот Ворон, что славен умом и рассудком?
О, как прекрасно обличье его цвета ночи!
Странно, что звери его не признали доселе
Первым царем над собою, премудрым бесспорно!

Впрочем, причина ясна и понятна, коллеги.
Песен его до сих пор не звучало у нас почему-то.
Может быть, он слишком скромен, что клюв зажимает?
Или же нас недостойными песен волшебных считает?

Что ж, подождем. Если он так велик, как об этом болтают,
Песен его мы дождемся с усердьем прилежным
И наречем его именем царским мгновенно!

Хор. Ворон, внимавший речам хитрорыжим бездумно,
Так о себе самом много неумно стал мыслить,
Что, позабыв, дуралей, о зажатом во рту своем сыре,
Каркнул. Да так, что завяли в оливкой роще оливки.

Лиса. Сыр прямодушно упал прямо наземь сырую.
Тут же в зубах оказался он рыжей плутовки.
В тот же момент обернулась Лиса грозным Зевсом,
И засмеялся над птицей дурной громовержец:

Зевс. Боги тебя одарили, дурында, талантом!
Ты же умом оказался убог, к сожаленью.
Больше ничем помогать тебе я не намерен,
Ты все равно не оценишь мой дар так, как должно,
Ибо талант без труда и мозгов бесполезен!

Хор. Слава великому Зевсу! И сыну его Аполлону!

ЭПИЛОГ

Те же, там же.

Хор. Зевса увидев так близко, уверился Ворон:

Ворон. Я богоизбран, я равен богам и героям!
А без таланта жить можно, коль Зевс — твой приятель.
Слава великому Зевсу! И сыну его Аполлону!

Занавес.

Евгений СКОБЛОВ

г. Москва

Евгений Маркович Скоблов — прозаик, член СПР, главный редактор литературного альманаха «Московский Парнас». Автор двадцати семи книг художественной прозы, руководитель четырёх проектов коллективных сборников публицистики. Участник более ста российских и зарубежных литературных периодических изданий. Лауреат российских общественно-литературных премий и дипломант отечественных и международных литературных конкурсов. Обладатель ряда литературных наград Московской городской организации СПР. Наш постоянный автор.

ЖИРОБАС

Он приходил к нам в гости, разваливался в кресле у книжного шкафа (это было «его» место у нас дома еще со школьных лет), болтал, вальяжно курил, потом кому-то звонил. Потом снова курил, пил кофе и зажигательно рассказывал о всякой чепухе. Мастер разговорного жанра, он знал массу всяких историй, анекдотов (особенно пошловатых анекдотов) и абсолютно все о каждом из наших одноклассников. Потом выпивал водки, закусывал пельменями, которые нам подавала моя мама, потом хохотал, затем снова выпивал, закусывал и снова кому-то звонил. И все болтал, болтал, болтал…

«Врун, болтун и хохотун» — таким он был всегда: и когда нам было по тринадцать, и потом, через три с лишним десятка лет. Он всегда называл себя «Большим Другом», имея ввиду свои габариты, которыми особенно гордился в школе (вес — 90, рост — 183) и еще больше в последующие годы. С теми, кого как следует не знал, он вел себя осторожно (после того как однажды неудачно выступил и получил два раза по роже), а вот с теми, кого знал хорошо, кто был меньше и слабее и кто не мог ему как-то навредить, он особенно не церемонился. С годами он стал намного циничнее и беспринципнее. Вел себя высокомерно, а порой хамски, все еще полагая, что с одноклассниками (тем более, состоящими в «дружеских» отношениях) и нужно держать себя именно так, чтобы таким образом обозначить свое «верховенство» в отношениях…

Жиробасом, вот кем он был.

И все же, несмотря ни на что, я поддерживал с ним связь, поскольку с годами все меньше оставалось тех, кто знал меня подростком, потом юношей… Этот никуда и никогда не пропадал, не исчезал, не растворялся, а постоянно околачивался где-то поблизости. Наверное, мне на каком-то этапе, следовало прекратить с ним общение, поскольку с возрастом его личность, образ мышления, манера поведения и все остальное совершенно не вписывались в мое представление о дружеских отношениях.

Шли годы, и я уже давно жил в Москве, а в Южнобужске у мамы бывал лишь в отпусках. В каждый мой приезд Жиробас (который после двадцати лет скитаний то там, то сям окончательно осел в Южнобужске) наносил свои визиты, все так же, по традиции, важно занимал «свое кресло» у книжного шкафа и травил свои байки. Если честно, кроме общих воспоминаний (порой не очень для меня приятных, но он всегда давал понять, что помнит все, о чем мне хотелось бы забыть), нам говорить было не о чем. Тем не менее моя мама считала, что я должен дорожить отношениями со «старыми друзьями», хотя я в этом уверен не был.

В тот летний день 2010 года Жиробас (который стал еще «солиднее» килограммов на пятнадцать, не меньше) «заскочил на минутку» и задержался часа на полтора. Он вел себя так, словно сделал нам большое одолжение своим визитом: развязно, высокомерно, и я ощутил, как неуютно чувствует себя мама в его обществе. Для начала он не без удовольствия выпил кофе с коньяком (точнее коньяк с кофе, предварительно отослав меня на кухню сполоснуть рюмки, хотя они и так сверкали от чистоты) и основательно закусил шоколадным тортом. Потом снова рассказал одну из своих бесконечных историй (по моему мнению лишь наполовину правдивых). Ему было весело и вольготно, он общался со старым другом, которому, впрочем, не давал и слова вставить в разговор. Он считал, наверное, что я и так ему обязан за то, что он тратит на меня время.

Я тоже угощался коньяком, был расслаблен и благодушен. Поэтому совершил глупость.

Я сказал маме, которая сидела вместе с нами, что неплохо бы на предстоящий день рождения (в декабре) и в честь нашей многолетней дружбы подарить Жиробасу собрание сочинений Александра Грина. Шеститомник Грина был в нашей библиотеке, а я помнил, что в школьные годы Жиробас зачитывался его произведениями, о чем мне постоянно рассказывал. Общеизвестно, что привязанности юности остаются с человеком на долгие годы, будь то книги, первая (или вторая) влюбленность и некоторые другие увлечения.

Я, однако, не учел того обстоятельства, что это собрание сочинений доставал не я. Книги начал собирать мой папа, когда появилась возможность подписываться на собрания сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы, что было повальным увлечением в 70—80-е годы, а после его смерти библиотеку продолжила собирать мама… используя старые связи.

Однако мама согласилась, и Жиробас весело хихикнув, без лишних условностей быстро запихнул книги в пухлый, как и он сам, портфель и с громки щелчком закрыл замки. После этого он рассиживаться на стал, вспомнил, что у него имеются неотложные дела и убежал.

Мама очень переживала утрату Грина. А для нее это была безусловно утрата, потому что слишком много воспоминаний было связано с книгами из нашей домашней библиотеки. И хотя сама она с возрастом стала читать совсем немного, Грина ей было очень жаль. Очень-очень! А еще ей было неприятно поведение Жиробаса, который принял подарок как должное. Мама полагала, что как порядочный человек, он должен был, хотя бы для вида, сначала отказаться или что-то сказать в благодарность. Но он поступил по принципу «дают — бери, бьют — беги» без лишних, по его мнению, церемоний.

Забегая вперед скажу, что позже, по просьбе мамы я разыскал в Москве точно такое же собрание сочинений Грина и вернул его в нашу библиотеку. Это был и мне урок — никогда нельзя распоряжаться тем, что тебе не принадлежит или принадлежит лишь частично…

С того случая прошел год, и наступил 2011-й — год нашего с Жиробасом пятидесятилетия. Однажды на моем мобильнике раздался звонок, и определитель показал, что звонит Жиробас. Я был немного удивлен, поскольку всегда звонил ему сам, в основном по пятницам и с домашнего телефона с тем, чтобы избавить Жиробаса от лишних трат на междугородные звонки. Поболтать по телефону он любил, но платить за разговоры не любил. Звонок, однако, оказался странным. Я бы сказал, очень странным. С номера Жиробаса звонила жена Жиробаса.

Безо всяких там «здрасьте-как-дела», она непосредственно перешла к делу, так сказать, взяла быка за рога. А чего там, собственно, разводить «тары-бары»? Разговор денег стоит, а Жиробас, как я догадался чуть позже, сидел рядом и руководил разговором. Жена сказала, что приближается большой юбилей — 50-летие Жиробаса (он на полгода младше меня, и я, конечно, об этом помнил). А в подарок Жиробас хотел бы получить от любимой жены полное собрание сочинений Джека Лондона (у меня защемило в груди). И не знаю ли я, где в Южнобужске можно приобрести такое собрание сочинений. У меня защемило еще больше, потому что я знал, где в Южнобужске в 2011 году можно достать псс Джека Лондона. Это собрание 1976 года с буквами в золотом тиснении на синем фоне обложки в количестве 13 томов стояло на полке книжного шкафа у моей мамы. Того самого, у которого стояло кресло, в котором любил сидеть (а также жрать-пить-болтать-курить) Жиробас, когда на протяжении без малого сорока лет бывал у нас в качестве «Большого Друга» и почетного гостя. Было совершенно очевидно, что и звонок, и вся эта тема — идея Жиробаса, потому что он уже давно присмотрел Джека Лондона в шкафу моей мамы. А после того, как получил Александра Грина, он решил, что самое время действовать. К тому времени полные собрания сочинений классиков мировой литературы уже почти не издавались. Во всяком случае, несмотря на богатство выбора самых разнообразных книг в книжных магазинах, собрания сочинений классиков в том виде, в котором они издавались в 70—80-х годах прошлого века, на полках книжных магазинов (в том числе магазинов Южнобужска) практически не было.

Я ответил жене Жиробаса, что *не знаю*, где в Южнобужске можно достать Джека Лондона. В конце концов, кто постоянно живет в Южнобужске, если на то пошло — я или Жиробас со своей женой?

Честно говоря, меня заколотило от злости, от того, насколько в своей подростковой простоте и от этого безобразности заключалась хитрость Жиробаса. Он рассчитывал, что я отвечу, мол, забирай то, что стоит у мамы, а взять за него деньги мне не позволит принцип… как же, брать деньги за подарок другу (!), хотя этот подарок будет якобы от жены. Едва сдерживаясь, чтобы не сказать что-то прямое и грубое, я сказал, что насколько мне известно, у памятника А. В. Малюхину в парке им. А. В. Малюхина каждое воскресенье собираются коллекционеры, букинисты и прочие торговцы предметами Прошлого. Поэтому, возможно есть смысл сходить туда и поинтересоваться, может быть, что-то подобное там можно будет отыскать.

Жена Жиробаса замялась. Такого поворота в их маленьком предприятии ни она, ни Жиробас не предусмотрели. Ведь основная идея состояла в неожиданности маневра, нахрапе и грубости намека. Но сразу не получилось. Видимо там Жиробас шепотом диктовал жене, что она должна отвечать. И она отвечала, что к памятнику А. В. Малюхина и ходить не стоит, потому что Джека Лондона там нет и быть не может, и что он *точно* может быть в каком-нибудь другом месте славного города Южнобужска. Позже, вспоминая обо всем этом деле я думал, что проще всего было посоветовать ей задать в поисковике интернета запрос: «Джек Лондон. Полное собрание сочинений. Купить». И в ответ на запрос, без сомнения, высветилось бы сразу несколько сайтов с соответствующими предложениями. Книготорговля в интернете уже тогда шла полным ходом. Но в тот момент я не додумался до этой простой мысли. Тем временем жена Жиробаса говорила о том, что пятидесятилетие бывает лишь только один раз в пятьдесят лет, о том, что желания друга друзья обычно стараются исполнить и что Жиробас очень любит Джека Лондона, особенно его произведения «Белый клык» и «Зов предков», а главное, если не я, то никто другой не сможет выполнить эту просьбу… Бедный Жиробас, как же это он без полного собрания сочинений Лондона?..

Я устал от этого мутного разговора. Как иногда бывает, когда вы вынуждены общаться с напористыми и совершенно бессовестными людьми (у меня нередко случалось такое общение в дни моих трудовых свершений). «Ладно,— сказал я,— постараюсь в Москве поискать и, если попадется, постараюсь приобрести книги».

Когда разговор, наконец, закончился, я задумался. Пришла мысль, что ни Жиробаса, ни его жену та-

кой вариант решения дела не очень устроил. Они ведь, скорее всего рассчитывали на то, что я сначала уговорю маму отдать нашего Лондона, в качестве подарка от жены, а затем, когда приеду в декабре, то сделаю подарок Жиробасу еще и от себя лично.

Книги я нашел в интернете в тот же день. Предлагались: полное собрание сочинений издания 1961 года в четырнадцати томах, издания 1954 года в восьми томах (это было мне не по карману), большой двухтомник с избранными произведениями 2010 года. Правда, такого, как у мамы, 1976 года из библиотеки журнала «Огонек» в тринадцати томах я не обнаружил. А если честно, то мне не очень хотелось его найти. Потом пришла еще одна, более тягостная мысль о том, что Жиробас в силу абсолютной безнравственности и цинизма рассчитал, что моя мама уже в достаточно преклонном возрасте, мало ли что может произойти... А если это «мало ли что» произойдет, то вряд ли я буду возиться с перевозкой библиотеки в Москву. А тут (по его мнению) и «Большому Другу» можно угодить и не иметь потом проблем с реализацией книг.

Примерно через два часа после заказа, продавец привез книги на мою станцию метро — четырнадцать томов 1961 года издания, в довольно приличном состоянии.

Я вернулся домой, набрал мобильный номер Жиробаса и не удивился, когда снова услышал в трубке голос его жены. Я сообщил, что книги к юбилею ее мужа (и моего друга) мне удалось достать. Поскольку на том конце было лишь молчание и сопение, я продолжил. Я сказал, что собирался подарить Жиробасу определенную сумму денег, как раз ту, в которую мне обошелся Джек Лондон. Так вот пусть она, жена, передаст эту сумму Жиробасу как подарок от меня, его друга, а книги я привезу, когда приеду через полтора месяца.

Молчание и сопение продолжились, видимо телефон был включен на громкую связь и Жиробас, который находился рядом (уж если играть, то играть до конца), все слышал и обдумывал ситуацию. Наконец жена отозвалась. Она сказала, что это, конечно, очень хорошо, что я купил Джека Лондона. Но будет гораздо лучше, если я его не привезу, а отправлю по почте и как можно скорее, чтобы успеть как раз к юбилею. Наверное, она собиралась выложить книги на праздничный стол в ресторане, как *самый дорогой подарок*...

Я не удивился, все это было в общем-то в характере наших взаимоотношений, особенно в последние несколько лет, в которые Жиробас впутал и свою нынешнюю жену. Разумеется, пересылка такого объема требовала затрат времени и дополнительных расходов, но если честно, то мне хотелось поскорее выйти из этой «липкой» истории. Поэтому я пообещал, что на днях отправлю посылку, прекрасно понимая, что глупо ждать от жены Жиробаса обыкновенных слов благодарности, как это принято между порядочными людьми, которых связывает не просто знакомство, впрочем, как и от самого Жиробаса. Он ведь понял, что я догадался о том, что эту буффонаду затеял он и только он: вроде, по сценарию, вся эта затея — инициатива жены, воспользовавшейся телефоном Жиробаса, который он случайно оставил на журнальном столике, когда выходил в магазин за копченой курицей... Но, по его мнению, шоу должно было продолжаться по «ранее утвержденному плану», несмотря ни на что.

Когда в декабре я приехал в Южнобужск и в один из дней оказался дома у Жиробаса, я спросил у него, как ему понравился мой подарок. В ответ он промямлил что-то невразумительное о том, как замучилась тащить «этот ящик» его крошка — жена. Я не стал уточнять, что книги, следуя логике его затеи,— это не мой подарок и что жена должна была передать ему кое-какие деньги — якобы подарок от меня. Было нетрудно догадаться, что никаких денег она ему не отдала, потому что у них вообще не было принято отдавать деньги, тем более те, которых не было изначально. Я лишь, пристально глядя в глаза Жиробасу, выразил предположение, что, наверное, он хотел такого же Джека Лондона, который стоит на полке в книжном шкафу моей мамы. Я не без удовольствия наблюдал, как Жиробас напрягся, изменился в лице, затем отвел глаза, а после и вовсе встал и повернулся ко мне спиной, изображая, что что-то ищет в подвесном кухонном шкафчике. И я продолжил свою мысль о том, что к моему большому сожалению, точно такого же Лондона не оказалось, а тот, что я им прислал еще лучше, потому что он 1961 года выпуска и ему столько же лет, сколько и нам.

Больше к этому делу мы не возвращались, и я не знаю, перечитывал ли он подарочное собрание сочинений, и, вообще, брал ли в руки книги, из-за которых произошла вся эта странная история.

После этого мы общались еще примерно три года, но теперь мне кажется, что лучше бы все прекратилось тогда, в декабре 2011-го. Потому что выходки подобного и иного рода начинали становиться обычным делом и отношения делались все напряженнее от встречи к встрече. Читателю, может быть, интересно, почему, несмотря на все это, я продолжал общаться с Жиробасом. Что поделать, я свято верил в традиции крепости и надежности «старой дружбы», продолжавшейся со школьных лет, закрывал глаза на ложь и мелкие подлости «Старого Друга», но, главное, мне не хотелось расстраивать маму, которая знала Жиробаса еще подростком.

Читателя может заинтересовать еще один вопрос. Почему же, все-таки Жиробас? Точно ответить не могу. Относительно недавно я услышал это слово из обрывка разговора в какой-то молодежной телепередаче и вдруг в памяти, в мельчайших подробностях, цветах и красках всплыла и вся история с собранием сочинений Джека Лондона (кстати, среди тех немногих изданий, которые я все же перевез в Москву из Южнобужска после смерти мамы, имеется и это собрание), и еще кое-какие, не очень приятные события последних лет нашей «дружбы». Я также вспомнил, что таким людям, не в силу их физических данных, но в силу морально-нравственных качеств, а скорее — отсутствия таковых, мы в детстве часто присваивали прозвища вроде Жирдос или Жиртрест.

Вот, собственно и все. *12 — 13 января 2024 года*

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Вячеслав Викторович Михайлов родился и вырос на южной окраине СССР, живет в Москве. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Печатался в «Литературной газете», газете и журнале «День литературы», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника прозы «Вызов». Постоянный автор нашего альманаха.

РОМКА-БУЯН

Мишка уговорил Витьку — третий год уже дружно жили с ним в одной комнате студенческого общежития — сходить в другой корпус на вечеринку по случаю дня рождения своего одногруппника Ромки Санина. Парня этого Витька знал мало, шапочно — Мишка познакомил в институте. Потому идти поначалу отказался, но Мишка соблазнил упоминанием, что один из парней Ромкиной компании получил с оказией из Сахалина большую посылку-чемодан с рыбными деликатесами. «Навалом будет копченой кеты, красной икры, крабы даже будут,— пообещал он, зная, как обожает приятель подобные вкусности, и прибавил: — Да, мы долго не задержимся, жахнем грамм по двести водочки, полакомимся, потанцуем малость и отвалим, если только девчат не будет таких, чтобы очень-очень».

Встретил их Артем, сосед Санина по комнате,— его Витька знал получше, вместе играли, бывало, в футбол на близлежащем стадиончике. Он довольно жестко и полезно действовал в защите, нарасхват шел, когда делились на команды. Как и Ромка, и многие ребята его круга — сибиряки в основном,— Артем был крепким, рослым.

Всего собралось десять человек, включая трех девушек из Ромкиной и Мишкиной группы.

Вечеринку устроили, как обычно: в комнате именинника сдвинули в ряд и накрыли три письменных стола, подтянули музыку — магнитофон и проигрыватель, разместились на кроватях и стульях, своих и заимствованных на этаже, у входной двери выделили небольшой пятачок для танцев.

Сначала, как водится, была раскачка: скупые, скучные поздравления и тосты, церемонные предложения передать рыбку красную или салатик, натужные танцы, лишенные каких бы то ни было экзотических и легкомысленных па. По ходу застолья и возлияний — парни, кроме Санина, пили водку, а девчата и Ромка — шампанское,— обстановка наладилась. Тосты пошли изобретательные, озорные, затанцевали легко и раскрепощенно, хохмили, травили анекдоты, дымили у открытого окна, и довольный Витька думал: «Вот дурак — идти не хотел: компания-то приятная, веселая, рыбка и прочее из Сахалина — бесподобные. Роман лишь сидит пасмурный, как на лекции нудной — скорей бы конец. Водку надо было пить, а не шампусик».

Скоро Ромка отлучился ненадолго: покурить на воздухе или до ветру — мало ли. Вернулся совсем иной: глаза счастливые, блестят, улыбка торжествующая в пол-лица. А минут десять-пятнадцать спустя голос его за столом и вовсе зазвучал громче других — тон развязный, нахальный местами, безапелляционный, очевидно стало всем, что хряпнул он прилично, когда отходил и не шампанского, а явно чего-то покрепче. За столом стали тревожно переглядываться, насторожившийся больше остальных Артем даже открыто погрозил Санину кулаком, а тому хоть бы что. Один Витька не придал значения перемене в Ромкином поведении: ну, хватил парень лишнего, ну, заносит малость — вот невидаль. Только мелькнуло в голове: «Почему за столом не пил — водки полно?».

Немного погодя тихонько слиняли по домам девчата, предупредив одного Артема, а между парнями тем временем зашел разговор о школьных временах. Санин принялся зычно бахвалиться своими тогдашними успехами в боксе: он-де и тренировался почти ежедневно, и занимал не раз призовые места в своем весе на соревнованиях региональных, и выигрывал частенько нокаутом, и за юношескую сборную региона выступал.

Витька недоверчиво улыбался, это заметил Ромка и задиристо спросил:

— Ты что, сомневаешься?

— Совсем чуть-чуть,— сказал Витька, продолжая улыбаться.

Ромка бешено вскочил и через головы двоих гостей саданул сомневающемуся в лицо. Расстояние ослабило немного удар, а Витька, опешивший на секунды от такой коварной, необъяснимой агрессии, ринулся в ярости на обидчика, невзирая на сильную боль в скуле. Опередил его Артем, попытавшийся треснуть агрессора своим тяжелым кулаком. Тот умело увернулся, выбросив в ответ точный апперкот, и зубы Артема лязгнули так, что слышно стало, наверное, на улице, а языку его сильно повезло, что не оказался между нижними и верхними зубами. Еще двое ребят кинулись к буяну, цепляя его за руки и плечи, оттесняя в угол комнаты. Он легко стряхнул их, выдав каждому хорошего тумака, и стал неистово отбиваться от всех, старав-

шихся ударить его, заломить руки за спину, повалить на пол — словом, усмирить. Кровили уже нос, губы Санина, припухла щека, кровь сочилась и по лицам усмирителей — земляков-сибиряков, друзей-товарищей, а буян продолжал упорно сражаться с ними.

Наконец Артем подобрался к нему сбоку, обхватил его шею рукой и придавил так, что тот перестал почти сопротивляться. Получив еще несколько ударов, Санин совсем обмяк. Но разъяренный Артем ревел, не отпуская его: «По морде еще, по морде! Чтоб места не было без фонаря!». Обозленные земляки — кто с подбитым глазом, кто с расквашенным носом, кто с ушибленной ногой — добавили по морде, ничуть не щадя. Потом уложили избитого буяна на кровать, ремнями пристегнули к ней его руки, ноги, не обращая внимания на еле слышные, сбивчивые угрозы Ромки покарать всех жестоко и первым залетного Витьку, с которого все началось.

А что же Витька? Пораженный развернувшейся на его глазах неравной битвой с откровенной расправой в финале, он забыл про ноющую скулу и совсем потерял желание отомстить Санину, жгущее его нестерпимо несколько минут назад.

Ромка почти затих в плену у своей кровати, Витька с Мишкой, не встревавшим в жестокую разборку, собрались уходить. Артем провожал их к лифту и оправдывался, обращаясь к Витьке:

— Извини, что так вышло. Не доглядели — перебрал говнюк. В туалете нашли бутылку водки — всю почти выжрал.

На обратном пути Витька, после недолго молчания, мрачно спросил приятеля:

— И что это было?

— Я думал, ты догадался,— нехотя сказал Мишка.

— В общем-то догадался, и все же?

— Что говорить…— замялся приятель.— Как переберет Роман, так слетает с катушек. В драку непременно лезет, бугай. Всем достается, кто рядом, а своим особенно: они его унимают, он еще больше распаляется. Сам же видел, как это происходит и чем заканчивается… На пирушках парни его ограничивают, как могут: то двумя-тремя рюмками крепкого, то на шампанское сажают, запрет даже вводили. Присматривают за ним по очереди. Несколько вечеринок без эксцессов, а потом срыв. Наутро мало что помнит.

— Он что, вообще не может себя контролировать?

— Почему, может,— возразил Мишка и тут же ухмыльнулся: — Не всегда.

— Ты знал и не предупредил,— процедил сердито Витька.— Хорош, нечего сказать. Ты ж меня подставил.

— Прекрати,— заволновался приятель.— Мне Артем твердо обещал, что будет порядок, предупредили, мол, строго Романа. Не посмеет, ручался, на своей днюхе чудить… Обещалкин хренов.

— Ты давно мог мне рассказать.

— Да в том-то и дело, не мог! — воскликнул Мишка.— Страсть как хотел, но не мог. В группе парни просили очень, чтоб не распространялся насчет буйства Ромкиного во хмелю.

Молчком прошли еще полсотни метров и Витька, недоумевая, покачал головой:

— Как они его терпят? Почему не турнут, не отселятся, отношения не порвут? Живут как на вулкане. Мазохизм какой-то.

— Свой он,— помедлив, вымолвил Мишка.— Он, ты знаешь, парень добродушный… пока не переберет. Ну, это ж не часто случается… Между прочим, отлично петрит в математике, физике, первый в группе по точным предметам. Не ломается, помогает, кому что неясно. Как это уживается с его дурью, не знаю!

Уже на подходе к общаге Витька неожиданно рассмеялся:

— Повезло нам с тобой, Мишаня.

— Потому, что я цел после этого вечера, а ты слегка только потерпевший — да? — хихикнул приятель.

— Да нет,— продолжал смеяться Витька.— Повезло, что мы с тобой от перебора всего-навсего чушь всякую несем и к девчатам пристаем, в крайнем случае блюем да с ног валимся.

— Точно,— захохотал Мишка.

Назавтра Ромка-буян заявился к Витьке — невозможно было смотреть на него, хоть и пришел в больших темных очках. Каялся, прощения просил, подставлял, сняв очки, опухшее лицо, покрытое разноцветными синяками,— предлагал врезать в порядке компенсации. Помирился с ним Витька.

Людмила БРАГИНА

г. Белгород

Брагина Людмила Петровна родилась в 1967 г. в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского госуниверситета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г) молодежной литературной студии «Младость». Председатель Белгородской общественной организации литературного творчества «Мир писателя». Редактор литературного журнала «Дрон». Автор 4-х поэтических книг, сборника песен, многих коллективных сборников. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член СЖР и СПР. Публиковалась во многих литературных журналах России. Наш постоянный автор.

МУЗЫКА В ЦЕРКВИ

Молитва друг о друге есть лучшее из общений.
Святитель Филарет (Дроздов)

Завозилась до полуночи с кормежкой своих питомцев, коих у меня, может, ненамного и меньше, чем было у Ноя. Куда плывем и где наше пристанище, думала я, раздавая попеременно то мясо, то сено… Дальнейших подробностей не будет, потому как уснула, лишь коснувшись головой подушки, так и не вспомнив про свой ужин.

Под утро мягко пушились маленькие шиншиллята, я собирала их, как грибы, в самых неожиданных местах и складывала в туесок, который держала в зубах моя собачка-чихуашка Есения, неотступно следовавшая за мной…

В сладком полусне я потянулась за смартфоном и подскочила, как от разряда дефибриллятора. Чтобы ответить на важное сообщение, оставалось меньше трех минут, потом его адресат будет не в сети, а мой день безнадежно испорчен. Пальцы были ватные, непослушные, а мысли неповоротливые и ленивые, лишь высоким напряжением воли мне удалось их синхронизировать.

Только и успела я улыбнуться один разочек. А затем, лавина нового дня, спустилась и расплющила. Лежала я под ней и страдала. Потом стала потихоньку утаптывать снег под ногами. Фигурально и буквально. Взяла лист бумаги, выписала все свои обязанности перед людьми и совестью на сегодня, обозначила цифрами их значимость. Надела сапоги, пуховик и выскочила из дома воплощать намеченное.

Что может быть иллюзорнее и пленительнее январской метели? Проходя сквозь наклонную стену летящего снега, всем своим существом подчиняясь магии строк юного японского поэта-миролюбца Такубоку, ощущала себя сразу в двух ипостасях:

Летел навстречу мокрый снег,
И по равнине Исикари
Я в этом северном просторе
Роман Тургенева читал.

Как поезд, это, наверное, громко сказано, но как пригородная электричка по снежным заносам, малопомалу я двигалась вперед. А как читателя Тургенева, разобрала меня застарелая дорожная тоска по чаю с лимоном и мягкому пледу, да так основательно, что хоть возвращайся.

Первой в списке, который я умудрилась забыть дома, стояла церковь. Все пути нужно начинать от истоков или возвращаться к истокам, верно ведь? Путь к храму давался гораздо труднее, чем процесс движения по снежному месиву еще не расчищенной дороги, навстречу летящим в лицо и залепляющим глаза густым и крупным хлопьям снега.

В детстве я много раз видела и слышала, как молится моя бабушка по утрам, на сон грядущий, перед едой и началом любого дела. По воскресеньям и праздникам она покрывала голову чистым платком, надевала лучшую одежду и ехала на другой конец города в единственную действующую церковь. Меня с собой она не брала никогда, у них с мамой была договоренность.

У нас в школе периодически проводились антирелигиозные беседы: на классных часах, пионерских сборах, даже на уроках природоведения. Переодеваясь перед физкультурой, ни у кого из одноклассниц я не видела на груди крестиков, да и говорить об этом было как-то стыдно. Но из любви к бабушке, ни в какие споры и диспуты я никогда не вступала.

Хотя не только поэтому. Если совсем честно, не особо меня интересовала эта история. Молитвы, которые бабушка иногда горячо и сосредоточенно шептала, иногда пела, на два-три простых мотива, для меня отождествлялись с фольклором и не вызывали ни отторжения, ни принятия, как, например, существование

параллельной реальности со своими законами и событиями.

И эта Евклидова аксиома была незыблема даже после первых серьезных потерь: в тринадцать лет меня не взяли на похороны дяди, который был единственным и настоящим мужчиной в нашем семействе, чтобы оградить от переживаний.

Но жизнь за забором не удержишь, а тем более смерть.

Когда не стало бабушки, я была уже совсем взрослой и горе накрыло и сомкнулось над головой, как темная, тяжелая и холодная вода. Несколько лет я не могла удержать слез при виде чужих, отдаленно похожих силуэтом, интонацией, какой-то деталью одежды, бабушек. Душа болела так сильно, что не верить в ее материальное существование было невозможно.

Бабушка продолжала жить во мне не в воспоминаниях, а почти в той же полноте восприятия, как и при жизни. Чем больше выцветали ее фотографии, тем ярче она распознавалась всеми пятью чувствами: в уютных запахах утренних оладушков, сочном цветении вышитых роз на моей кофточке, дробном звуке быстрых шагов и поскрипывании паркета, отражении в зеркале в новых подаренных мной сережках, ласковом голосе, произносящем мое имя так, как больше никто и никогда…

Молитвы, которые творила бабушкина душа, вдруг зазвучали с первым утренним лучом, как общее дыхание: Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас.

Память крови, то, что не обозначишь словами.

Спустя некоторое время дети неспокойных атеистов, которые на «общих собраниях педагогического института, асбошиферного комбината, завода железобетонных конструкций, котлостроительного и консервного заводов» решали вопрос о закрытии Преображенской церкви, открестились от опыта отцов и начали собирать подписи с требованием перенести музей из собора и вернуть храм верующим. В извечном споре отцов и детей опять-таки, читай Тургенева, победила молодая энергия, ибо младших по традиции не слушали, не слышали, не любили… Время такое было суровое.

Областной краеведческий музей собрал кости мамонта, чучело медведя и пушку времен Полтавской битвы, посадил каменную бабу на трактор, на котором в тридцатых годах Петруша катал односельчанок, распевая «соберем, и посеем, и вспашем», и перегнал на новое место. Музейные залы окропили святой водой, окурили ладаном, освятили молитвой и, сделав очередной виток, все вернулось на круги своя.

Ренессанс отличался удивляющим разнообразием: на коммунистических дрожжах взрастали причудливые формы: свечная мода «элиты», отрекшейся от материализма, штурмы монастырей восторженными неофитами, младостарцы и «чудотворцы».

Столбы и заборы, как коростой, покрылись листовками с точными датами конца света, в подземных переходах белели «братские» балахоны, по выходным в городском парке начали кучковаться свидетели всевозможных чудес с гитарами и бубнами, раздававшие красочные журналы и буклеты. Они культурно отдыхали, распевая гимны, привлекая любознательных граждан, и вдохновенно работали с возражениями. На их лицах было написано единственно истинное Знание, которое их постигло. Романтика…

У меня дома на книжной полке появилась сначала детская Библия, потом с иллюстрациями Гюстава Доре, но чтение вызывало больше вопросов, чем ответов, и картина мира становилась зыбкой, размышления напоминали блуждание по лабиринтам с множеством дверей, а порой заводили в глухие тупики.

Как-то у бабушки все это стройно и гармонично укладывалось в понимании, одушевлялось и приобретало силу в ее поступках. А я не могу ни буквально, ни образно принять то, что Творцу, у которого сочтены даже волосы на нашей голове, нужны бессмысленные страдания невиновных.

Как соотносятся миллионы гибнущих в войнах людей и признание старушки на исповеди о греховном кусочке масла в каше, съеденной в пост? Просьба «верующего» в молитве о материальном благе или «пятерке» на сессии?

Размышлять о животных, обладающих живой душой, которой не коснулась печать греха, было еще беспросветнее и больнее. Разве для бесконечных и страшных мучений они были созданы такими разными и прекрасными?

Все эти мыслительные усилия приводили к ожесточению сердца. И неизменно заканчивались новыми вопросами: если это не бессмысленная, случайная вспышка во Вселенной, то для чего был создан этот мир? А если человек имеет свободную волю, значит, никто нами не руководит и ничего от нас не ждет… И мы здесь один на один друг с другом, а вокруг пустота и молчание.

Переехав в новую квартиру, я обнаружила, что в доме живут два священника, а один даже в моем подъезде. Мне казалось, что давнее стремление обрести духовного наставника вот-вот осуществится. Но я все же сомневалась, удобно ли подойти к моему особенному соседу, смущалась и обдумывала как наладить контакт.

Вдохновляла известная всем переписка Пушкина и Филарета, но аналогия получилась кривая с обеих

сторон. Гаврилиаду я не писала, в день рождения стихов о случайном даре от служителей культа не получала, но, встретив во дворе отца Игнатия в светлое пасхальное утро, несказанно обрадовалась.

Приняв это за добрый знак свыше, я шагнула ему на встречу.

— Христос воскрес!

Отец Игнатий был задумчив. Он медленно произнес:

— Здравствуйте.

И прошел мимо меня к подъезду.

Да что ж такое… Это прекрасно — здравствовать, но как же великий Праздник? Разве так можно? Наверное, да. А может быть, мне послышалось.

Смиряя «гордости жестокой исступленье», я призывала себя к снисходительности. Приближался день поминовения двух самых дорогих мне людей, и ради их светлой памяти шла я сквозь снежную стену к небольшой церквушке, расположенной в конце моей улицы.

Кстати, вспомнила один факт, ее строили в память о тех, кто защищал город во время Великой Отечественной, мирных жителей, погибших во время оккупации, и воинов, освобождавших его от фашистов в 43-м. Сначала был заложен камень с табличкой, потом место строительства окружили забором, и в один из дней, а скорее темных вечеров, на нем появилась черная надпись, сделанная маркером или баллончиком: «Бог и эльфы, святые и феи, это из мира фантазий».

Вот и еще одна генерация, и новый виток спирали — внуки безбожников, дети верующих, очередной выплеск протеста, но уже без той бешеной одержимости, сопровождавшей взрывы и снос церквей… Ванильный такой бунт.

Храм рассчитан на пятьсот прихожан, но сейчас здесь почти пусто. Внутри уютно, воздушно и светло. Стены и купол украшены голубыми и золотисто-коричневыми фресками удивительных оттенков, которые, как я думаю, олицетворяют небо и землю. Я где-то читала, что православные росписи заключают в себе идею связи времен и выход в вечность, а храм являет собой модель Вселенной.

Из глубины времен смотрят сверху неземные лики святых-защитников Георгия Победоносца, Иоанна Воина, Александра Невского, и каждый часть неделимого целого, построенного по непостижимым законам… Недавно появилась новая икона, перед которой я останавливаюсь и задумываюсь. Это икона флотоводца Федора Ушакова, причисленного к лику святых в начале третьего тысячелетия. В руке у него свиток с надписью: «Не отчаивайтесь! Сии грозныя бури обратятся к славе России». Я смотрела про него советский фильм, сидя на привычном диване дома, в один из обычных вечеров, где главную роль исполнил Иван Переверзев, и теперь мне смятенно-радостно, что труды, ум, доблесть великого человека так высоко почитаемы. И невообразимо странно, как будто я краешком своей жизни, коснулась сверхъестественного, великой тайны.

Поставив пакет с продуктами на поминальный стол, поднесла фитилек свечи к огоньку горящей как продолжение общей молитвы за усопших, коснулась троеперстием лба, чтобы осенить себя крестным знамением и тут…

Очень тихо, но внятно, в храме зазвучала музыка.

Слова молитвы рассыпались, словно жемчуг с порванной нитки.

Мысли закружились в голове: православное богослужение не предполагает инструментальное сопровождение. Помнится, еще из институтских лекций, Стоглавый Собор запретил в догматах *всякую* музыку: «И егда начнут играти скоморохи гоудцы и перегноудцы они от плача переставша начноут скакакати и плясати и в долони бити и песни сотонинские пети и те жалейщики обманщики и мошенники». Когда на третьем курсе экзамен сдавали, в нашей группе считалось шиком выучить и с выражением прочесть сей текст времен Ивана Грозного. У католиков да, орган и вполне себе громко и звучно. У американских протестантов вообще дискотека: блюз, рок, барабаны.

Но у нас-то? Здесь, на земле, где происходило и происходят сражения за правое дело? Странные новшества. Вот же книжники и фарисеи…

Музыка настойчиво преследовала, не давала сосредоточиться, и я отошла от кануна в правое крыло, но и возле иконы Николая Чудотворца, взглянув в лицо святого, излучающее доброту, снова услышала назойливый мотив.

О чем был звук? Какая-то электронная композиция, кажется знакомая, но не имевшая ни малейшего отношение ни к месту, ни к ситуации.

Мне стало жарко. Толстый пуховик давил на плечи, сердце часто билось от возмущения. Я раздраженно осматривала стены церкви, пытаясь найти динамики, производившие этот морок. А может быть, это дьякон в перерывах между службами слушает приемник, какое-нибудь Радио Энерджи. Вот как так можно?!

Пока я расхаживала между алтарем и притвором, за мной все время недобро следили немногочисленные прихожане.

Откуда-то сбоку неслышно подошел молодой батюшка, наклонился к уху:

— Девушка, если уж вы не отключили вовремя телефон, так хотя бы ответьте на вызов!

Александр АЛЕКСАНДРОВ-КАСЬКИНСКИЙ

г. Санкт-Петербург

Александр Григорьевич Александров, родился в 1938 г. в Татарстане, в д. Каськи, в большой крестьянской семье. Окончив экстерном школу, поступил в Саратовский политехнический институт, после окончания которого долгое время работал на севере Тюменской обл. в крупном проектном институте главным инженером проектов. Позднее окончил институт марксизма-ленинизма с отличием, но, к сожалению, не был коммунистом. Начал писать примерно в 2000 г. Выпустил пять книг, печатался: в белгородском общественно-политическом литературно-художественном журнале «Звонница», «Невском альманахе», «Петербургском прозаике», литературно-художественном журнале «Крым», литературно-художественном журнале «Союз писателей», литературном журнале «Северо-Муйские Огни», литературно-художественном журнале «Изящная словесность», альманахе поэзии и прозы «Голоса Петербурга», Международном литературном альманахе «Чувство без границ» и во многих других журналах России. За рубежом: в Международном историческом журнале «Что есть Истина» и «Русскоязычная вселенная» (Англия), в литературном журнале «Чайка» и в «Экспресс Детройт» (США), в альманахе «Литературная Канада». Является членом МСП. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВОЛКИ

«Казалось, что слова людей забыл я…»
М. Ю. Лермонтов

Зимние ночи наступают неожиданно. Огромный свинцовый купол небосвода, низко опустился над ночным заснеженным пространством. Сквозь тонкую завесу облаков мерцают тлеющие угольки звезд. Ближе к полуночи на прогулку вышла Луна.

Все это время матерый волк метался по полям, ожидая свою небесную подругу, и вот она появилась, с любопытством сверху взирая на хищника. Выбрав открытое, хорошо продуваемое место, чтобы лучше видеть друг друга, зверь уселся на задние лапы, задрал морду вверх и начал выть. Жутко воет! На призыв вожака, сбежалась вся стая. В морозной тиши по полям разносятся раздирающие душу волчьи голоса, словно все вместе они просят у ночной скиталицы сигнала к действию. И вот вожак встал, за ним, повинуясь инстинкту, поднялись остальные. Еще мгновение — и, сорвавшись с места, они бегут в сторону деревни Косулино, и не дай Бог в такие минуты одинокому путнику повстречаться с этой стаей!

С высоты холма деревня, освещаемая бледным лунным светом, как на ладони. Вожак останавливается, жадно обнюхивает пространство, словно нащупывает самое слабое место для нападения. Затем снова садится на задние лапы и грустно смотрит на Луну, словно ожидает от нее совета перед решающей атакой. Позади полукругом уселась стая. Дома, утонувшие в снежных сугробах, погрузились в сон.

Волки приготовились к нападению, их мускулы напряжены. Последний раз окинув взглядом окрестность, матерый сорвался с места и устремился к ближайшей колхозной кошаре. Стая, гонимая голодом, не отставая от своего предводителя ни на шаг, мчится к выбранной цели.

В военное лихолетье нашествие волков явление было нередкое. Но в деревне одни старики, бабы да пара собак, случайно уцелевших от частых набегов хищников. Все мужики на фронте, отстреливать их некому и нечем. Жители против серых разбойников бессильны, и звери с каждым разом становились наглее. В поисках добычи они выискивали слабые места, нападая в основном на колхозную живность. Почуяв опасность, овцы заметались по небольшому загону, а затем, скучившись в угол, стали ожидать неизбежной участи. Овчарня под самую крышу занесена снегом.

Неимоверной силы прыжок — и ведущий у цели. Остальные следуют его примеру. Звери уже чувствуют запах легкой добычи. Работая когтями и мощными челюстями, волки в неистовстве разгребают и грызут промерзший слой соломы. Их конечная цель — через крышу проникнуть в сарай и потом начать резать и пожирать свои жертвы. Волки, если даже и насытятся, все равно не остановятся, пока не перережут всю живность — такова их сущность.

***

Шурка, по прозвищу Кузнечонок, спал крепким сном в небольшой подсобке скотного двора. Никто из жителей деревни точно не знал причины, почему так часто оставался он ночевать в нежилом, плохо отапливаемом помещении. Возможно, втайне от всех испытывал особую любовь к животным, попутно выполняя функции добровольного сторожа, то ли молодая душа требовала уединения, или таким способом зарабаты-

вал на жизнь, чтобы прокормить больную мать и сестру. Но как бы там ни было, а к его странной привычке скотницы привыкли и к этому относились вполне снисходительно, не требуя от него никаких объяснений.

По характеру нелюдимый, он большую часть свободного времени любил проводить наедине с природой, доверяя ей свои сокровенные тайны. Вот и сегодня, как только бабы закончили работу и разошлись по домам, Шурка набросал в печку изрядно отсыревших дров, прилег на лавку и не заметил, как крепко заснул. Проснулся ближе к полуночи от доносившегося с улицы какого-то непонятного шороха.

«Приснилось»,— подумал он и, поправив полено, которое вместо подушки клал под голову, перевернулся на другой бок, но не успел закрыть глаза, как рядом послышался звериный рык. Шурка насторожился: «Неужто собаки? Но в деревне этой живности почти не осталось, а здесь, кажется, их много. К тому же каждая хозяйка свою собаку на ночь от волков забирает в избу. Нет, здесь что-то не так». Кузнечонок стал прислушиваться. Чуткий слух улавливал малейшее движение. Когда же рядом с подсобкой раздался протяжный вой, сомнения отпали — волки! Сон сняло как рукой!

Теперь перед ним была колхозная скотина, нуждающаяся в защите, и непрошеные ночные гости, в схватке с которыми он должен выйти победителем или погибнуть. То, что на скотный двор пожаловали хищники, он уже не сомневался. В голове мгновенно возник единственный вопрос: «Как спасти скот?.. Кажется, волки боятся огня, надо срочно разжечь факел!»

Но когда вновь повторился многоголосый звериный вой, сторож понял, что на скотный двор пришла большая беда. На раздумья не остается ни одной секунды — надо действовать!

Он быстро соскочил с широкой деревянной лавки, схватил то самое полено, которое с вечера положил под голову, в темноте у порога нашел валявшийся на полу косарь* и, засунув его за пояс, полураздетый выбежал на улицу.

О страхе перед волками он не думал. На это просто не оставалось времени, к тому же еще не знал их количество и где они в данный момент находятся. Покидая подсобку, понимал, что обратного пути в это прокопченное и пропитанное смрадным запахом помещение у него может уже не быть. Бой предстоит не на жизнь, а на смерть!

В мерцающем свете луны на крыше овчарни парень увидел стаю волков.

Время, отведенное ему для принятия решения, спрессовалось в миг, нервы, натянутые в струну, переплелись в тугой жгут, а по венам жидким огнем пробежала кровь.

Сейчас все внимание Кузнечонка было сосредоточено только на кровожадной стае. Волков, как он прикинул, было штук пять, не меньше, и они, занятые работой, его пока не видят. В этом, у юноши, было небольшое преимущество перед серыми разбойниками.

Вдруг, словно по команде, звери остановились. Рядом они увидели почти голого человека со странным оружием в руках, от которого почему-то не пахло порохом. К тому же, к изумлению стаи, пришелец держался уверенно и на удивление смело. Звери просто не могли ожидать подобной дерзости от двуногого существа, которое в ночное время и без оружия осмелилось встать на пути голодной своры. Хищников возмутило и то, что этот странный безумец отвлек их от столь важной работы, когда добыча, казалось бы, так близка.

«Нет, этого они ему не простят! Не зря их глаза горят лютой ненавистью, а шерсть на загривках, как по команде, у всех встала дыбом!»

Смельчак не только посмел расстроить их планы, но и оказавшись на их пути, пренебрег вековыми законами стай, при встрече с которыми все трепещут.

Небольшое промедление хищников позволило Кузнечонку правильно оценить ситуацию на месте. Появись он на несколько минут позже, волки были бы уже в сарае.

По отношению к человеку стая занимала более выгодное положение. Находясь по склону крыши чуть выше, в прыжке любой зверь без труда мог сбить его с ног, и тогда с ними уже ему было бы не справиться.

Только успел он об этом подумать, как на него кинулся ближайший к нему зверь. В долю секунды Шурка успел опуститься на колени, чтобы занять более устойчивое положение, и точным, выверенным ударом снизу поленом в живот перекинул волка через себя.

Тот перевернулся в воздухе и рухнул за пределами крыши; у сторожа не оставалось времени проследить «за полетом» зверя.

Второй, с широко раскрытой пастью, бросился вслед за первым, готовый мощными, как ножи, клыками перегрызть смельчаку горло. Природа паренька силой не обделила. Увернувшись, он сумел перехватить шею нападающего, но разбойнику удалось все-таки вырваться из цепких рук человека, и, взвизгнув, тот трусливо отбежал в сторону. За ним отступила вся стая.

Это был всего лишь миг, когда хищники дали храбрецу маленькую передышку. Кузнечонок понимал: если в этой неравной схватке не удастся одолеть вожака, с волками ему не справиться. Наступит момент, когда они разорвут его в клочья, и, оценив ситуацию, он решил, во что бы то ни стало прорваться к матерому, на левом плече которого была видна большая рваная рана, видимо, от недавней жестокой схватки с со-

* Косарь (тесак) — большой тяжелый нож, предназначенный для щипания лучины и соскабливания чего-либо.

перником, возможно, за право обладания самкой.

«Рваный, я должен тебя уничтожить»! — мысленно дал ему кличку боец и метнул взгляд на волка.

Зверь, словно разгадав замысел человека, отделился от стаи и, решив дождаться удобного момента для нападения, занял выжидательную позицию. Не желая оставлять вожака одного без охраны, к нему присоединился второй.

«Волчица»,— успел подумать Шурка, и тут же оставшаяся свора с еще большей яростью кинулась на него.

Они готовы были все вместе и каждый в отдельности мстить храбрецу, посмевшему вступить в смертельную схватку с целой стаей. Волки наседали со всех сторон.

Человек, насколько позволяло ему поле сражение, вынужден был немного отступить, чтобы взять выпавшее из рук полено. Отступая, он не заметил, как к оставшимся двум волкам присоединился третий, похоже, тот самый, который в самом начале боя был выброшен за пределы крыши. Ударив ближайшего хищника поленом и яростно отбиваясь от второго, боец постепенно подбирался к вожаку стаи, который, находясь чуть в стороне, злобно наблюдал за сражением. Продвигаясь Кузнечонок боковым зрением успел заметить, как один из волков в коротком прыжке попытался со спины вцепиться ему зубами в шею.

Когда же волк оказался на расстоянии вытянутой руки, Шурка резко выбросил свое тело в сторону зверя, и полено, которое находилось в правой руке бойца, вошло в ракрытую пасть зверя. Запах мертвячины, идущий из утробы волка, резко ударил в нос Кузнечонка и отвратительным смрадом повис в морозном безветренном воздухе.

Волк жалобно взвизгнул и, перевернувшись на спину, попытался освободиться от болезненного предмета, чтобы потом взять реванш. Но тут герой вспомнил про косарь. Выхватив свободной рукой нож, он нанес нападающему смертельный удар и, отбросив труп на растерзание его собратьям, шагнул в сторону Рваного.

Почуяв запах крови, звери бросились на поверженного собрата, а вожак, издав угрожающий рык, отпрянул с волчицей в сторону.

Взгляды зверя и человека схлестнулись лютой ненавистью. Кузнечонок никогда не ругался матом, но в пылу сражения не заметил, как в сторону матерого выпустил крупнокалиберный заряд крепких слов и, продолжая смотреть в кровожадные, горящие огнем глаза зверя, он глухо прохрипел: «Ну что, паскуда, испугался?!»

Сейчас ему казалось, что с вожаком и волчицей он разговаривает на их языке. Человеческий язык остался где-то там, за чертой другой жизни. Поэтому, отступая, предводитель волчьей своры люто ненавидел своего противника и одновременно восхищался его смелостью. В то же время Рваный ненавидел и свою стаю, которая не может справиться с двуногим безумцем.

Вожак ждал удобного момента для нападения, когда силы человека будут на исходе, тогда он вонзит острые зубы в плоть своего врага и на глазах у всей стаи начнет рвать его на куски, один, пока не убедится, что тот повержен.

Рваный понимал, что должен доказать свое превосходство над двуногим бойцом, иначе свора его отвергнет, перестанет ему подчиняться, а это — одиночество и смерть!

Пока волки расправлялись со своим же собратом, у Кузнечонка появилась небольшая возможность полной грудью вдохнуть морозного воздуха. Ощутив приток силы, он постепенно стал продвигаться к вожаку. Взгляды человека и волка вновь сплелись в тугой узел.

«Ну что, зверина, иди же сюда!.. Или будешь прятаться под хвостом волчицы?! Может, сразимся один на один, если ты не трус?!» — не то сказал, не то прохрипел боец, обращаясь к хищнику.

И нервы зверя не выдержали. Прыжок Рваного был настолько стремительным, что человек не успел среагировать. Волк с лету зубами вцепился в левую ногу своего противника, надеясь затем схватить его за горло.

Но Кузнечонок не растерялся. Перевернувшись, он ухватил своего врага за задние лапы, лишив того маневренности, и, сплетясь клубком, оба скатились с крыши вниз, оказавшись в узком глубоком ущелье между стеной деревянного сарая и огромным сугробом, который доходил почти до самой крыши. Это, возможно, и спасло смельчаку жизнь, так как остальные звери, лязгая на морозном воздухе зубами, вынуждены были ожидать результата поединка наверху.

Наступал переломный момент смертельной схватки. Шурка потянулся к ножу, но его не оказалось, вероятно, в пылу борьбы где-то выронил на крыше.

Из глубины ущелья до ожидающей стаи доносилось лишь злобное рычание человека и волка. В эти решающие минуты Кузнечонку казалось, что он и хищники — единое целое. И сейчас, в борьбе за лидерство, ему ближе язык волков, а сам он такой же кровожадный, как эти звери.

Там, наверху, стая ждет победителя, а значит, один из них в этом поединке должен погибнуть.

Оба противника устали. Победит тот, кто правильно распределит последние силы, у кого окажутся крепче нервы. Рваный оказался на спине. Упираясь всеми четырьмя лапами и распарывая острыми когтями рубашку и кожу человека, волк попытался сбросить врага с себя. Но Шурка опередил матерого.

Мощный кулак человека опустился между ребер зверя и окончательно сбил ему дыхание. Тело хищ-

ника обмякло. Юноша, насколько хватило сил, обеими руками сдавил матерому горло.

В последний раз волк грозно глянул на победителя, а затем глаза его стали заволакиваться пеленой, лапы неестественно дернулись, и, перестав сопротивляться, он навечно затих в объятиях человека.

Истекая кровью, парень лежал на дне ущелья в обнимку со зверем, прислушиваясь к тревожной тишине. Наверху от многочисленных лап голодных волков, ожидавших исхода боя, хрустел снег. От еще неостывшего тела вожака исходило тепло. Когда же Кузнечонок с трудом выбросил зверя наверх и вылез сам, стая отступила к дороге. Казалось, они еще не верили, что их грозный повелитель мертв.

Увидев окровавленного, еле державшегося на ногах человека, стая, подчиняясь инстинкту самосохранения, снова отступила. Человек стоял на плохо укатанной санной дороге и с полным равнодушием смотрел на волков, словно перед ним были не хищники, с которыми он только что сражался, а случайные прохожие. Такое противостояние длилось несколько секунд. Вначале Кузнечонок никак не мог понять, почему ночью он отважился выйти один к кровожадной стае?

И, нападни они на него сейчас, у него не было бы больше сил защищаться. К счастью, звери медлили. Возможно, они приняли его за своего нового вожака, которому с этой минуты следует подчиняться.

Шурка медленно стал отходить. Словно очнувшись от спячки, волки со всей звериной яростью набросились на поверженного предводителя, раздирая его на куски, мстили ему за неудавшуюся ночную охоту.

Пока волки были заняты своим вожаком, Кузнечонок, осторожно ступая на израненную ногу и прижимая окровавленную руку, похоже, в пылу сражения, задетую клыками волка, к телу, пятился к подсобке, не выпуская из поля зрения хищников.

Оказавшись в помещении, парень разжег от еще не остывших углей лучину, взял валявшуюся на полу тряпку, смочил ее остатком керосина, что находился в лампе, и, намотав лоскут на палку, стал разжигать. Подсобка наполнилась угарным дымом. Когда в руках юноши заполыхал огонь, он снова вышел на улицу. Увидев в руках человека яркое пламя, волки, щелкнув зубами, бросили своего растерзанного собрата и убежали в сторону чернеющего леса.

Вслед за волками спешно убралась с небосвода и Луна, хотя свет ее все еще продолжал полоскать предрассветное небо, уступая место зарождающемуся метельному утру…

***

В подсобке скотного двора стоял смрадный, отталкивающий запах. Тяжелый туманный пар, клубившейся над большим чугунным котлом, встроенным в кирпичную кладку, медленно, сероватой спиралью поднимался вверх и в виде серебристых капелек, конденсатом оседал на почерневшем от копоти потолке.

Всю ночь из мелко нарезанной ржаной соломы, замерзшей картошки и еще черт знает какой жуткой смеси, в котле для молодых поросят к утру готовилась еда.

В промежутке между сном, поддерживая слабый огонь, Кузнечонок подбрасывал в печь заготовленные с вечера поленья, изредка помешивая большой деревянной палкой зловонное варево. Палку он держал в левой руке и, чтобы не потерять равновесие, слегка опирался на культю правой руки. Правую руку выше кисти в прошлом году ампутировали в районной больнице, но, несмотря на увечье, он по-прежнему выполнял работу сторожа, порою сутками пропадая на скотном дворе.

На вопрос односельчан: «Что с рукой?» — Шурка обычно отвечал молчанием. А особо любопытствующим, чтобы не приставали, неохотно бросал: «Ночью в темноте косарем щепал лучину, порезался, отсюда получилось и заражение».

— Порезался, с кем не бывает,— рассуждали между собой скотницы,— никто от этого не застрахован! Вона в страду, во время жатвы, Матрена серпом палец себе оттяпала, однако, слава Богу, от трудовой раны не умерла, и про заражение крови никто не слыхивал. Лечилась своими подручными средствами.

— Но похоже, раз на раз не приходится, вот городские духтора и обкорнали нашему молчуну руку!

— Все-таки, бабы, жалко бедолагу, от какого-то завалящего косаря парень остался без руки.

— Ничего не поделаешь, все мы под Богом ходим! —подытоживал кто-нибудь из них.

От таких пересудов Шурка старался держаться подальше, и, зная нелюдимый характер сторожа, его особо ни о чем и не расспрашивали. Разве кто так, мимоходом…

В ту злополучную зимнюю ночь, перевязав раны, он снова вышел на улицу и, сбросив в «ущелье» трупы двух волков, вернулся в подсобку. К утру поднялась сильная метель и от людских глаз надежно укрыла следы смертельной схватки человека с волками.

***

К однорукому постояльцу быстро все привыкли, к тому же военное лихолетье не щадило никого, почти в каждую семью с фронта приходили печальные известия. Вот и нашего сторожа-добровольца беда не обошла стороной.

Однажды, придя домой, он увидел мать без признаков жизни. Она лежала на полу посреди избы на соломенной рогоже, а возле нее, сложив ноги калачиком, сидела Пелагея — сестра Кузнечонка.

— Вот, поесть вам принес— невпопад произнес брат, вынимая из кармана рваных штанов несколько мерзлых картофелин.

— Маме уже еда не понадобится,— не поднимая головы, ответила сестра.

Через день, как и полагается, покойную по-христиански предали земле на деревенском кладбище. А когда наступило лето, Пелагея, не известив своего брата, положила в узелок исподнее белье, взяла пару картофелин из домашних запасов, крынку родниковой водицы, перешагнула порог родного дома, ушла из деревни тихо и незаметно искать свое девичье счастье. Только разве мотыльки были свидетелями ее ухода. Не желая с нею расставаться, они проводили ее за околицу и, на прощание помахав полупрозрачными крылышками, вернулись обратно в свои, только им известные, обжитые жилища.

***

Узкая лента дороги, прогретая летним солнцем, повела босую одинокую путницу вдоль бирюзовой зелени хлебов все дальше и дальше от деревни, постепенно оставляя ее за еле заметной черточкой горизонта. Еще несколько шагов, и навсегда порвется невидимая кровная цепочка двух близких людей, разбросав в разные стороны непрочные родственные звенья.

Узнав об уходе сестры, брат не побежал догонять и уговаривать, чтобы та вернулась. Мысленно пожелав Пелагее доброго пути, в последний раз взглянул он на осиротевший дом и босиком неторопливо пошел в сторону скотного двора. В том, что сестра ушла, Шурка никого не винил. Каждая семья ложилась спать с одной лишь думой: сможет ли завтра выжить?

…Полуденная жара к вечеру схлынула. Легкий ветерок лениво раскачивал тяжелые, налитые соком тополиные листья. Со стороны «гнилого» небесного прислона на деревню медленно наползали тучи. Прокатились чуть слышимые раскаты грома. Словно призрачные, крытые соломой дома, под тяжестью чернеющего небосвода, выглядели игрушечными, и казалось, вот-вот расплющатся. Еще мгновение — и они сольются воедино с земной твердью, образуя сгусток энергии двух противоположных стихий — земли и неба. Раскаты грома повторялись все чаще, предвещая большую грозу, и она не заставила себя ждать. Ослепительная молния, разрезая бездну, полоснула в брюхо нависшей тучи, и над деревней с оглушительным треском грянул гром. На улице стало почти темно, таинственно и вязко. Скотина, мыча и блея, торопливо заходила в свои обжитые сараюшки, а хозяева поплотнее закрывали ворота и ставни.

Гроза набирала силу. После каждой вспышки в округе на мгновение все затихало, в воздухе слышалось легкое потрескивание, словно в гигантской печке, догорала сухая, кем-то зажженная лучина. Гром обрушивался с такой мощью, будто небо разламывалось на две половинки. После короткого затишья на чернеющем небе, как бы соревнуясь, кто быстрее, одна за другой вспыхивали ослепительные молнии. На землю робко упали первые крупные капли дождя, поднимая фонтанчиками слежавшуюся на дороге пыль. За ними, вперемежку с грозою, обрушился теплый проливной ливень. Повеяло успокоительной свежестью. Наслаждаясь влагой, на лугах, под обжигающий всплеск молний, паслась мягкая ласковая тишина, ярко зазеленели травы. Темное облако чуть отодвинулось от края небосвода, горизонт и прилегающие поля окрасились в медно-золотистый цвет. Кузнечонок стоял возле скотного двора, на берегу речки Ирни, не замечая, как водяные прутья безжалостно хлестали его по лицу. Вглядываясь в пустоту сквозь дождевую завесу, он думал о сестре: «Где она сейчас?».

Скупая слеза выкатилась из глаз и незаметно упала к его ногам. Казалось, вместе с ним плакала и природа. Время, просеянное сквозь струи дождя, сократилось для него до размера роковой точки.

Деревня, окрестные поля с редкими лопочущими между собой березками, пение жаворонков среди необозримых нив, говорливая речка — все, что когда-то ему было так дорого, ушло от него навсегда в безвозвратные дали. Беспросветная, доведенная до крайности беднота, смерть матери, уход сестры, потеря руки, навсегда утраченная надежда уйти на фронт — все это навалилось на него тяжелым, непосильным грузом. Да и мало ли было других причин у одинокого человека!

В этот дождливый вечер с ним осталась лишь костлявая сумасшедшая старуха по имени Судьба, заманив его в тот самый сарай, где однажды в холодную зимнюю ночь он смело вступил в неравную схватку с волками.

Она молча накинула ему на шею конопляную веревку и безжалостно толкнула в неведомую ему вечность. Даже речка, с которой Кузнечонок ежедневно делился своими мыслями, не смогла остановить его от рокового шага. Лишь на секунду на вираже замедлила свой бег, простилась с человеком, которого часто видела одиноко сидящим на своем берегу, и снова устремилась в свой бесконечный путь.

На другой день люди молча отнесли Кузнечонка на деревенский погост и как большого грешника похоронили за кладбищенской оградой без креста и без имени. Словно человек и не жил рядом с ними, не дышал одним воздухом, не любовался луговыми цветами, не пил родниковую воду, бьющую маленькими фонтанчиками из чрева земных глубин.

Люди быстро забыли его могилу, где не оставлено было даже чуть заметного холмика. Разве только в зимнюю стужу одинокий волк, пробегая мимо застывшего погоста, ненадолго остановится, чтобы почтить память смелого человека, и снова побежит в заснеженные поля на свой кровавый промысел. Да певчая птица в летний полуденный зной сядет на давно исчезнувшую с лица земли могилку и своим не умолкающим пением напомнит живущим, что все мы являются детьми Ее Величества Природы.

Февраль 2007

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

Владимир Николаевич Вещунов публикуется в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег»

КОМПЬЮТЕРЩИК
Рассказ

Со старостью приходит мудрость, но иногда старость приходит одна. Мария Федоровна подтрунивала над мужем:

— Тебе, Вань, до старости еще четверть века, до ста расти.

Молодка может так шутковать, на целых семь лет моложе. Сам же Иван Степанович тихо печалился: чем старее, тем глупее. Ничего не разумел в жизни, особливо в последние годы. Жидобандеровцы стравили братьев до гражданской войны. Теперь СВО: конфликт, линия соприкосновения. Телеящик битком набит проходимцем Зеленским. Клоун раздухарился, разгуливает по всему миру, требует миллиарды долларов и эшелоны оружия. А Не Та Ньяха запретил трогать соплеменника… Российские ребята, погибая, держат линию соприкосновения вопреки и несмотря ни на что. А на новостных каналах один ведущий косит под правдоруба и бахвалится: он, особой национальности, человек небедный, у него вилла за рубежом. Другой «патриот», внук сталинского наркома, помалкивает, что его отпрыски учатся за бугром... И опять наводнения, затопления. Каждый год одно и то же!..

Однажды Малевка, речка-переплюйка, встучнела, взбеленилась и набросилась на правый берег, не низкий, высоконький. Но изрядно пострадали дюжина подворий. Порешил сельский сход новые избы поставить на высоком левом берегу. Срубили добротные крестовые избы-пятистенки.

Плечом к плечу со взрослыми плотничал и отрок Ванятка. И колодец рыл, и мост через Малевку перекидывал. Левобережную улицу назвали Новой, а ее жителей новожилами. Перед получением паспорта председатель сельсовета нарек выдающегося строителя Ивана Малевкина Новожиловым. Так и записал в документе.

Приобщился паренек к плотницкому делу, строил коровники, фермы, овощехранилища. Обустраивал Малевку: клуб, изба-читальня, мостил тротуары. Культура, чистота и порядок!.. Женился, от Ивана пахло духмяной стружкой, от Маши, доярки, парным молоком, а порой наземной кислотцей. Неповторимый совместный дух. Корова бывает комолой, а баба нерожалой, и земля комолой бывает, нерожалой. Обозвали так-то, комолой, Марусю. И перебрались Новожиловы в город на излечение. Достижения современной медицины помогут. Авось сжалится судьбинушка, подарит ребеночка. Не сжалилась. Смирились.

Мария на швейной фабрике в передовицы выбилась. Иван в строительном тресте плотничал, леса сооружал при возведении небоскребного элеватора, в ударниках числился. Крепыш, безотказный в работе, Двужиловым работяги навеличивали.

И вот двужильный Новожилов — старожилов… Как и заведено у них, у чаек, точно в срок явились — четвертого апреля. Перелет совершили с низовьев Волги, с астраханских болот и озер. Стоя у окна, подслеповато вглядывался Иван Степанович в близкое, треть километра, озеро. Нет, не видит уже серебристых даже в сильных очках, только слышит. Ослабели глазоньки. Словно жалея его, чайка, как серебряная стрела, чиркнула крылом по окну… Утиная тяга к озеру. Кряквы тоже сроки соблюдают. Долог их путь на родину: из Средней Азии, из тугаев Тигровой балки, с берегов Пянджа и Вахша. И вот они дома! Какая радость горожанам и детворе! Потчуют исхудавших, утомленных, но счастливых булками, батонами. И чайкам перепадает. Обильная трапеза! Кормное озеро — Отрадное.

В Малевке пернатое царство приумножилось изрядно, возвратились родненькие с чужбины. Скворец хлопочет, обихаживает свой уютный домик на березе, плачущей слезами радости. Полаивает на крадущуюся вороватую кошурку: мой дом — моя крепость! Мастак подражать домашней живности. И даже самому хозяину: е-мое! О сколько жилья понастроил Иван для милых птах! Все малевские скворушки обзавелись дворцами-скворечниками.

Провозгласили скворцы весну. И вот уже грач важно, как агроном, вышагивает по жирно лоснящейся пахотной борозде. Парной дух родимой земли! И зяблик не зябнет. Чирки чиркают крыльями по речной водице. Чибис у дороги вопрошает: чьи вы, чьи вы?.. Жаворонок трепещет в синем небе, журчит ручейком. Добродушная лысуха со тщанием обустраивает гнездо в камышах. Зарянка воспевает первую народившуюся зарю после возвращения. Вторит ей дрозд, прочищая голос, охрипший после долгой дороги. Ласточки-береговушки нашли свои норки на глиняном откосе, снуют, аж рябит от их мельтешения. В тальниковых кущах заливаются соловьи, захлебываясь от счастья. Песенный рай на берегах Малевки!

В конце мая распары над малевскими просторами, теплынь. Стрижи прошивают небушко. Кукушка

гулко считает время в сосновом бору. Иволга чарует трелями «на флейте». Родная сторонка, наезжает чета Новожиловых в родное село. Да все реже узнаются они — иные новожилы в Маевке…

Затуманился взор Ивана Степановича, запотело окно от дыхания. «Слеза» стекает на подоконник. Едва разглядел эту «жемчужину»… Не садится уже за ноутбук, не различает курсора на мониторе. Маша воссела на его место. В синем халатике в горошек с «крылышками» на плечиках. Провела пальчиком по глазонькам, разбудила полусонные. Встряхнула озорную челку — девчонка девчонкой! Иван Степанович провел ладонью по ежику седых волос. Попросил читать жену новости внятно, не торопясь. Прокашлялась, начала с погоды:

— В двенадцать пасмурно, плюс двенадцать. В пятнадцать облачно, солнышко, плюс тринадцать…

Монотонный голос ее начал стихать.

— Громче! — подбодрил дикторшу слушатель.

— В двадцать один плюс восемь. Ветер: три, четыре, три, штиль. Осадки: в виде жидкого эквивалента — ноль.

Новожилов расхохотался:

— Контора пишет!..

Мария Федоровна невозмутимо продолжала синоптить:

— Давление 746, 749 к вечеру. Геомагнитная активность — двойка, а в девять — четверка! — воскликнула она и объявила: — Все, с погодой закончено!

— Письма есть? — поинтересовался Иван Степанович.

— Тут какая-то Овсянникова на имейле.

— Вот настырница! Из года в год предлагает печатать кандидатские диссертации с тиснением на обложке. А что, «осадки в виде жидкого эквивалента» — это же целая докторская!

— Остряк-самоучка! — оборвала его жена.— Тут еще «Перекресток» письмо написал, скидка у них на двадцать процентов по вторникам.

— Объявят внуки предкам о такой льготе, ринется старичье — а там облом. Скидка действует только в первой половине дня, до двенадцати. Дурят нашего брата!.. Дальше, мать, Газета ру.

Эта новостная лента предпочтительнее других: буквы большие, разборчивые. И Мария наносила четкие метки цветными нитками на одежке слабовидящего мужа: на трусах, трениках, футболках, дабы не перепутал зад с передом. А в телевизоре, ежели выступает певец какой, фамилию пишут мелконько, серым по серому, вообще ничего не видно! Да там и смотреть нечего, завиральщина! В интернете тоже врут, хотя в сети дерзкий стишок гуляет. И Новожилов, как Маяковский, начал рубить строки:

Березы в бешенстве ударят в барабаны,
Осинки яростно привстанут в стременах,
И ели двинутся в поход: аты-баты!
И справедливые наступят времена,
И сковырнут лишайники-коросты
Из толстосумов, выжиг и рвачей!..
Роняет лист печальная береза,
И осыпается осинка рядом с ней…

— Вот так вот!.. — горестно вздохнул и безнадежно махнул рукой…

— В России задержали бывшего служащего СК за намерение вступить в ВСУ,— произнесла Мария Федоровна и с негодованием стукнула кулаком по столу: — Вот дрянь продажная!.. Отделка стен «Крокуса» могла способствовать стремительному развитию пожара.

— На жизнях людей сэкономили барыги, сволочи!

— Войны, разрушения, руины… В какие страны вторгался НАТО?

Иван Степанович начал загибать пальцы:

— За последние тридцать лет этот агрессивный блок совершил свыше тридцати военных операций против других стран, погибли десятки миллионов людей: Ливан, Лаос, Вьетнам, Афганистан, Сирия, Ливия, Ирак, Югославия… Не помогли мы братьям славянам, струсили! Искоренить бы гнездилище ротшильдов-рокфеллеров, не было бы ни войн, ни революций, ни ковидов! И Гитлер их выкормыш, и натовцы у них на содержании. Православная Россия у них как кость в горле. Не будь ее, давно бы подмяли весь мир под себя.

— В России вернулись к идее построить дико дорогой мост на Сахалин. Эксперты не разделяют этого энтузиазма.

— Деревни утопают в грязи, бездорожье: ни «скорая» не пробьется к больным старикам, ни автолавка с продуктами.

— «Очнитесь, ребята! Всевышний дал шанс!» — глава региона призвал бизнес защищаться от дронов.

— Страшный зверь — жаба! Задавила богатеньких. От дронов спасутся в куршевелях.

— Анита Цой едва не рассталась с мужем…

— Какое эпохальное событие, достойное пера Шекспира!

— В Москве задержали пенсионера с игрушечным автоматом.

— Весело! — рассмеялся Новожилов.

— Вань, смотри, предупреждение о хакерской атаке . Не могу выйти из сети. Все, экран потемнел!.. Что делать?

— Придется компьютерщика вызывать.

Мария Федоровна спустилась к почтовому ящику. В него запихивали «подкидыши»: газеты с объявлениями, бумажные полоски с предложениями: евроремонт, москитные сетки, балконы и лоджии под ключ, пластиковые окна, натяжные потолки… Порылась, нашла четвертушку с изображением компьютера. Бумажный ворох выбросила в урну для макулатуры.

Начали с мужем читать «подкидыш»: «Уважаемые соседи! Ремонтирую компьютеры и ноутбуки. Удаление вирусов, установка программ, настройка и ремонт. Удаление пыли и грязи. Качественно, недорого». Новожиловых многое привлекло в этой рекламке: со вкусом оформлена, грамотно написана. Сосед, по-соседски обойдется, по-честному. Телефон, умилительная, душевная подпись: Даня.

До ноутбука у них уже побывало четыре компьютера. Разные приходили мастера при неполадках. Все супер-пупер! Хаяли предшественников. Раздражались на «чайников», когда те просили объяснять свои действия. Тараторили, смакуя, сыпали мудреными терминами. Меняли «виндоузы» на более совершенные, вставляли в дисководы дискетки, компакт-диски с какими-то программами, антивирусы лаборатории Касперского.

В докомпьютерные времена язвили: «Хочешь разорить друга, купи ему фотоаппарат». Иван щелкал «Сменой». Величиной с портсигар, она требовала кучу причиндалов: фотоувеличитель, ванночки, проявитель, закрепитель, пинцет, фотобумагу, фотопленку. В последний раз проявлял в ванной. Там влага, коротнуло до огненной вспышки, чуть лицо не опалило… Ныне иная шутка: «Хочешь разорить друга, купи ему компьютер». Дорогое удовольствие! Ростелеком ежемесячно плату взимает, компьютерщиков приходится вызывать. Первые из них по-божески брали, посоветовали заменить громоздкий компьютер на компактный ноутбук.

Позвонили Новожиловы ноутбукщику. Шибко занят был. Явился на следующий день. Крупный, мрачноватый мужчина. Исподлобья оглядел бедную обстановку квартиры, заказчиков пенсионного возраста. Достал из «дипломата» Lenovo:

— У меня на складе все схвачено: б/у, недорогой, но надежный, с десяток лет прослужит.

Стал скачивать данные с компьютера, настраивать ноутбук.

— Какой «виндоуз» вы ставите? — робко спросил угрюмца Иван Степанович.

Тот недовольно проворчал:

— Win 7. Не мешайте, я знаю свое дело. У меня высшее образование, я университет закончил!

— Сколько мы вам должны? — спросил Новожилов, когда образованец завершил работу.

— Вам повезло, на складе оставалось последнее Lenovo, всего за тринадцать тысяч. Время — деньги. Мой академический час, сорок пять минут, стоит две с половиной тысячи. У вас я трудился полтора часа, стало быть, с вас я возьму пять тысяч. Итого восемнадцать тысяч. Цена вполне приемлемая, не правда ли?

Новожиловы согласно закивали, расплатились и рассыпались в благодарностях. Этот самодовольный «академик» вызвал у них неприязнь, да и за работу взял многовато. Его предшественник за это же время попросил всего три с половиной тысячи. Во сколько же обойдется визит соседа Дани? Позвонили Дане, обещал приехать через два часа. Приехать?.. Где же живет соседушко?

— Мать, сколько у нас денег осталось? — встревожился Иван Степанович.

— На картах двадцать пять тысяч и наличными семь.

— Сходи-ка в банкомат, сними еще десять.

Понурился в кресле. Слепошарый, редко выходит на улицу. Очки уже не помогают. Все сильнее становились, прилаживался к ним. Нужда в них отпала. Хрусталики поменял на искусственные. Поначалу четко все видел, да шибко резво махал топором, а врачи запрещали. Снова глазоньки потускнели… Что-то Маша задерживается. Глянул на наручные часы. Хоть склонен был к техническим новшествам, но предпочитал заводные часы. Надежные, зависят от хозяина, а не он от них. Обзавелся в Малевке модными, на батарейке. В урочный час расписываться должны были с Машей в сельсовете. А батарейка сдохла. Чуть не опоздал на сочетание брачующихся. Усмехнулся, даже не «ходкие» часы дважды в сутки показывают правильное время. А у него «живые», даже дома носит их. Чтобы не захиреть, нуждаются в жизни. Вот и заводит их каждое утро. Сколько часиков прослужили на его веку: «Заря», «Чайка», «Пенза», «Эра», «Марс»… И вот «Полет»! Лет пятнадцать честно отсчитывают времечко. Посмотрел на часы, что-то Маша долгонько банкоматит. Секундную стрелку уже не различал. Приложит часы к уху и слушает, как они стрекочут, словно кузнечики на лугу… Вот и Маша наконец вернулась, румяная с апрельского воздуха, но озабоченная:

— Ваня, я все сняла, на всякий случай.

— О-хо-хошеньки!..— вздохнул он.

Принялись ждать. Ждать — это долго. Иван Степанович то и дело поглядывал на часы. Компьютерщик объявился в срок, как и обещал. Молоденький совсем, лет двадцать. Чернявый, рассыпчатые волосы на пробор затеняют глаза с прищуром. Синяя толстовка в рунических знаках с капюшоном, черные узкие джинсы, белые кроссовки с красными шнурками, серебристый кейс. Тихо поздоровался, аккуратно повесил толстовку на спинку стула в прихожке, снял обувь. Движения бесшумные, мягкие, кошачьи. Носки телесного цвета издали вонький запашок. Казалось, кроссовки он носил на босу ногу. Иван Степанович, сидевший в кре-

сле, невольно поморщился, поднялся, подал руку для приветствия.

— Как ваше здоровье? — любезно поинтересовался компьютерщик.

— На улице гуляет,— отшутился старик.

Мария Федоровна сидела на диване, нервно поглаживая думку, подушку с вышивкой цветов и птиц. Рукодельница подобными творческими изделиями густо населила квартиру. Крадущимися шагами компьютерщик подошел к ноутбуку, положил на стол кейс, щелкнув замком, открыл его, включил ноутбук. Принялся колдовать, мурлыча:

Горит свеча, стекает воск,
Посеребрила жизнь височный лоск…

Новожиловы прыснули, едва сдерживая смех. «Ну и ну, вот это уровень развития!» — засомневался про себя хозяин в мастерстве певуна и вопросительно посмотрел на жену. Та приложила палец к губам: помалкивай, дескать.

Компьютерщик взорвался:

— Ваш жесткий диск грохнулся, вирус сожрал его! Такого я еще не видел!..

— И что делать? — испуганно спросила Мария Федоровна.

— Надо новый ставить.

— Сколько будет стоить? — открыла она бумажник.

— Где у вас тут ТЦ?

— Да вы же написали, что сосед! — удивился Новожилов.

— Это для рекламы,— отмахнулся «сосед».

— Вам дать деньги на покупку? — предложила Мария Федоровна.

— Не надо, потом за все заплатите.

Прозвучало это как-то многозначительно, не по-доброму.

Старик повторил эту настораживающую фразу. Они опять стали ждать. Томительное ожидание. Утешали друг друга, что все обойдется. И денег хватит. Вернулся через час, снова запахло носками-паренками.

— Гаишники остановили, документы потребовали, а я у вас их оставил. Откупился, опять расходы: машину в кредит взял, за аренду квартиры приходится платить,— жалился бедняжка Даня, пытаясь растрогать хозяев.

Те внимали его сетованиям, не слишком доверяя: «уважаемые соседи» для рекламы. «Горемыка» сел за ноутбук, намурлыкивая уже другой «шедевр»: «Пусть мужчины лежат у женских ног, подставляя крепкое плечо…»

«Камасутра какая-то»,— усмехнулся про себя Новожилов. Мария Федоровна по-прежнему поглаживала думку:

— Вы хоть прейскурант покажите, а то мы и знать не знаем, во сколько обойдется ваша работа.

— Я тоже не знаю, какие будут дальше неполадки и проблемы,— уклончиво ответил компьютерщик и ни с того ни с сего разоткровенничался: — Я Вике своей не изменяю, я и первой жене не изменял.

«В порочащих связях был, но не замечен»,— съязвил про себя Иван Степанович.

— Стерлядь с тяжелым характером, но легкого поведения. Красивая, как елочная игрушка, но пустая внутри.

«Зато у тебя вон какое глубокое содержание,— подумал Новожилов,— «височный лоск»!»

— Мужчина для глупой женщины проблема, а для умной — решение проблем,— продолжал умничать счастливый супруг.— Вика у меня умная, домохозяйка, ни в чем не нуждается. Парикмахерша, как и первая жена. О своем салоне красоты мечтает. Я ее всем обеспечиваю. Не-ет, я ей никогда не изменял. А вот мой друг Жека,— продолжал разглагольствовать верный супруг,— ни одной юбки не пропустит. Бабка его говорила ему: «Внучок, чтобы найти принцессу, надо целовать одну лягушку, а не переспать со всем болотом!» А я ему сказал: «Не можешь девушку сделать счастливой, уступи другому!» И забрал Вику себе. А он все изменял. Одна девушка не выдержала его измен, напилась и выбросилась из окна. Я не тако-ой!

«Речист — на руку не чист»,— вспомнил народную мудрость Новожилов.

— И на сколько, на сколько вы наработали? — с боязнью спросила Мария Федоровна.

— Сейчас закончу чистку, посчитаю,— умиротворяюще произнес говорун и попросил: — Принесите какую-нибудь посудину.

Мария Федоровна принесла тазик. Он смахнул в него пыль и показал старикам:

— Вот видите, сколько пыли и грязи!

Никакой грязи там не было, лишь небольшая кучка пыли. У обоих сжались сердца от недоброго предчувствия.

— И сколько все это будет стоить? — дрожащим голосом спросила Мария Федоровна.

— С большими проблемами я столкнулся, сложные задачи пришлось решать: убитый диск расшевелил, достал из него частями содержимое вашего ноутбука. Установка нового диска, переустановка программ, чистка от пыли и грязи — пятьдесят тысяч.

Стариков будто оглушило, оба осунулись, низко склонили головы, как бы втугодумье, не понимая происходящее. Онемели, не в силах выдавить слово. После тягостного безмолвия Иван Степанович проговорил:

— Взялся за гуж, не говори, что не дюж,— и добавил: — Сходи, мать, к Ковалевым, Алексей из Нефтеюганска с вахты вернулся.

Мария Федоровна ушла занимать деньги. Компьютерщик холодно произнес:

— Я делаю все качественно! Востребован. Пацанва триста тысяч рекламок разнесла по домам. А надо бы шестьсот тысяч! Я и по принтерам профи. Ремонтировал «Ксерокс» одной женщине. Ее мать, старушка, обратилась ко мне: телевизор не показывал. Взял я пультик, заменил батарейку, и все о̓кей! А вчера у одних два компьютера ремонтировал на сто двадцать тысяч. Я делаю все качественно, с гарантией!

Старик кивал и повторял:

— Да-а, время такое,— как бы говоря, что парень не при чем, что он не виноват за дороговизну.

Однако этого «качественного» спеца на кухню на чай не пригласит. Вот были мастера в недавнем прошлом! Сам, умелые руки, справлялся с домашним хозяйством. Шкафчик сладит и повесит. Дрель — зверь, победитовые наконечники на сверлах стенопробивных. А с электричеством связываться побаивался после того, как шандарахнуло током в «фотолаборатории» в ванной. Не понимает, как электрический ток по проводам бежит. В Малевке деревенский философ дедко Егор часами сидел на мосту, не мог понять простоту речную. Пуще академий знал природу, исходил все заповедные места. Неделями без ружья хаживал в тайге, ведал жизнь зверей, пернатых, растений: росомаха, вяхирь, краснотал… Про все ведал, а с водой не разобрался. Так и умер на мосту. Ушанка набекрень. Прилег у калинова куста под переливы речных струй и пение птиц…

И Новожилов с током не разобрался, и с компьютерными цифрами, как из них цвета складываются. Ослабли глазоньки, мастеров стали вызывать: электропроводку починить, змеевик в ванной дал течь. Местный сантехник-сан Леха заменил его на нержавеющий. Степаныч предпочитал кофе, Леха чай. Порешили полакомиться водочкой да с пельмешками… Тихо, сам с собою, пространно рассуждал он, отвлекаясь от гнетущих мыслей.

Компьютерщику какой-то Рашид позвонил. Обыск в офисе в связи с делом «Крокуса». И тут Даня проговорился: полицейские его остановили по этой же причине, фейс подозрительным показался.

— Да есть кое-что, Рашид! Жди, скоро буду,— закончил он разговор по телефону.

Старик хотел посмотреть ему прямо в глаза, но он занавесил их своими космами. Деньги не пахнут. И для этого рвача деньги не пахнут стариковским горем. Мария Федоровна вернулась:

— Добрые у нас соседи! Без всяких слов Алеша одолжил.

С какой-то радостью компьютерщик сообщил:

— Я у вас тут в ноутбуке двадцать пять вирусов обнаружил! Они не дадут вам работать, а потом и всю программу съедят.

— Да у нас же антивирус Касперского! — возразил Новожилов.

— Касперский — это фуфло! Я вам надежную защиту поставлю, я делаю все качественно!

— Что, удалять вирусы придется? — упавшим голосом спросила Мария Федоровна.

— Ну, это, как хотите.

— Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! — мрачно пошутил Новожилов, как бы соглашаясь.— Давайте, удаляйте.

Пальцы компьютерщика радостно забегали по клавишам. Минут через десять торжественно объявил:

— Все, ноутбук ваш полностью защищен, в полной безопасности. Я делаю все качественно!

— И сколько?..— спокойно, отрешенно спросила Мария Федоровна.

— Тридцать тысяч.

— Да-а!.. Настоящая пытка! — процедил Иван Степанович.— Ну что, мать, опять к Алексею сходи.

— Второй раз неудобно как-то.

— Неудобно на потолке спать, одеяло сваливается! — едва сдерживая раздражение за унижение и покорность, грубовато пошутил он.— Ну тогда к бабке Черкашихе, у нее денежки водятся.

— Скряга она, не пойду к ней. Схожу к Чекмаревой Антониде. Помнишь, мы с ней на швейной работали. Она постояльцев пустила.

— Да она в другом доме.

— Больше не к кому. Все в нашем возрасте, безденежные, от пенсии до пенсии перебиваются.

Она ушла. Компьютерщик, подогнув ноги, по-кошачьи устроился на диване и начал мять подушку с цветами и птицами. От носков телесного цвета разило. Иван Степанович поморщился:

— У нас пенсии всего-то по двадцать тысяч, на лекарства много уходит, на гробовые копили.

— Да рано еще вам,— как бы подбодрил старика компьютерщик.

— Да вот такие загонят,— вполголоса проговорил старик.

Тот как бы не слышал:

— А у моей мамы семнадцать тысяч, и то на нашу свадьбу подарила сто тысяч.

Отвлечение внимания — верный способ избежать остроты положения:

— В Орске заявили, что дамбу прорыли грызуны.

— Все на грызунов свалили. И снега у них виноваты,— неохотно поддержал тему Новожилов.— Реки не чистят, не углубляют. Выделенные миллионы себе хапают. Грызуны — и грызуны.

Иван Степанович пристально посмотрел на компьютерщика. Тот увел глаза в сторону, терзая подушку…

Старик сидел в кресле, опустив голову. Руки его, как плети, лежали на коленях. «Ты тоже грызун! Крыса в кошачьей шкуре. Терпение — сильное оружие, но лучше огнестрельное! “Березы в бешенстве ударят в барабаны!..”» Ярость вспыхнула в нем, но он осадил себя: «Как бы не наделать глупостей, не прибить эту крысу. Спокойно, спокойно, Иван…»

Гробовая тишина длилась, казалось, вечно. Старик сидел как бы в забытьи. Вернулась Мария Федоровна, расплатилась, подписала какую-то бумагу с перечнем проделанных работ на сумму восемьдесят семь тысяч четыреста рублей. Филькина грамота обозначила обдираловку стариков. Пришел, увидел, обобрал! Старик вспомнил малевскую частушку:

Сидел Ваня у ворот,
Широко разинув рот.
А народ не разберет,
Где ворота, а где рот.

Компьютерщик ушмыгнул, оставив после себя истерзанную подушку и дурной запах. Иван Степанович надел полуботинки, ветровку и перчатки. С отвращением засунул злосчастную подушку в пакет. В лифте едва нащупал кнопку спуска. В подъезде наткнулся на уборщицу.

— Иван Степаныч, что это у вас в пакете такое вонючее? Неужто крыса? Да их в нашем доме вроде нет.

— Завелась одна.

Он с омерзением выбросил «крысу» и перчатки в мусорку. Пошатываясь от головокружения, пошаркал, как в тумане, к излюбленной лавочке в тенечке за домом. Сел, окаменев.

Мария Федоровна встревожилась долгим отсутствием мужа. И нашла его на любимом месте.

— Прости, мать,— он приобнял ее.

И столько боли было в его словах. Он как бы каялся за обиды, причиненные ей; за бездетность, в которой винил себя; за сегодняшнее поругание. За немощность свою, за слепоту. Да, он ослеп. Из невидящих глаз его текли слезы:

— Видишь, мать, я слепой. Не из-за денег. Гадко!

— Не переживай, Ваня. А ну их, эти деньги! Будет день — будет пища. Посиди, я домой за хлебцем схожу. Покормим голубей, ты же всегда их потчуешь. Ишь, у ног твоих крутятся, воркуют. А вон и галки подлетели.

— Слышу, щелкают, как провода в деревне на ветру.

Виктор БОРИСОВ

Арсеньевский район Тульской области

Виктор Борисов — фермер Арсеньевского района, гвардии сержант в отставке (Воздушно-десантные войска), член Российского Союза ветеранов Афганистана.

МУЖСКИЕ ХИТРОСТИ

Вождями правят их страсти, желания и обстоятельства — Легошевым управляла супруга. Она была значительно крупнее Алексеича, находилась в категории «тяжеловесов» и частенько в семейной жизни этим злоупотребляла. В детстве она мечтала встретить принца. В юности — чтобы принц не пил, а в зрелом возрасте — чтобы принц пил не больше пол-литра крепких напитков и закусывал не рукавом. Но увы: от загад не будешь богат. Умом Бог ее не обидел, поэтому женский «статус кво» в целом благоприятно влиял на совместное проживание этой пары.

С годами Легошев отрастил «мичуринское» (огромное) чувство юмора, которым Алексеич с успехом защищался от супруги и насмешников, пытавшихся его подколоть ролью подкаблучника. Приняв за воротник чуть больше «живой воды», гордо восклицал:

— В моем доме курица не будет петухом петь!

При этом он упирался руками в бока, чуть наклоняя голову, орлиным взором оглядывал зевак и собутыльников, выпячивал при этом вперед грудь, по всем параметрам сопоставимую с петушиной.

Как гласит народная молва устами Папанова, «за чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники». Язвенные болезни обошли Легошева стороной. Возможно благодаря тому, что Алексеич пил все, что горит, все жидкие лекарства на спирту.

По жизни Алексеич находился около власти: то весовщик, то учетчик, то бригадир; поэтому часто от его закорючки в ведомости зависела сумма заработка рядовых «строителей коммунизма». При таком «козырном» расположении на работе, сами понимаете — трезвый образ жизни был противоестественным. Глав-

ное, для себя любимого на сей продукт он финансов не жалел. Да и руками мог заработать — плотничать, валенки валять. Хоть плохонько, но быстро. Другими словами, заработать, скалымить, или, на худой конец, — купить водки, вина — у Алексеича вариантов — сотни, а вот сохранить напиток от супруги в целости-сохранности и пользоваться по своему усмотрению — супер-задача. Основная часть «малопьющих» мужчин (сколько ни пьют — все мало) с этой задачей справляются с блеском.

Алексеич — не исключение, скорее, шел в авангарде этой борьбы, но проколы случались. Алексеич прятал горячительное прямо на самом виду, то есть применял психологические методы маскировки с использованием «маскхалата» и военной хитрости. В магазине он приобретал «сорокоградусную» только в зеленых бутылках, затем переклеивал водочную наклейку на лимонадную, менял пробку тоже на лимонадную. Вот и весь фокус перевоплощения. Хочешь спрятать — ставь на виду, если учесть, что у супруги оказалась непереносимость лимонада. Все гениальное — просто.

Такая идиллия длилась годами, пока дочь не подкинула родителям четырехлетнего сынишку, улетев на юга.

Ребенок быстро осваивал территорию обитания и нравы местных аборигенов в лице Бабы и Деда. Он обратил внимание, что частенько Деда прикладывается к бутылочке лимонада, наливает себе стопочку, а ему — чай, после чего они чокались. Дед становился веселым, иногда пел песни; правда, при появлении бабушки с мокрой тряпкой и криком «вон из дома, пропойца несчастный!», исчезал подобно комариной слезинке в жаркий июльский день.

Вовка находился с бабкой на кухне; когда во дворе со страшной силой закудахтали куры. Она сломя голову бросилась из дома. Дверка шкафа, где стоял дедушкин лимонад, почему-то оказалась открыта. Ребенку не составило большого труда подставить стул и добыть лимонад. Вовка знал — лимонад пьют маленькими стопками. Он налил одну себе, другую Бабе. Но она все не появлялась, поэтому он поступил как делал иногда Деда,— чокнувшись с бутылкой, выдохнул, быстро выпил залпом. Напиток жутко не понравился. Но что поделаешь, взрослые так делают, а Вовка хотел быть взрослым. Он налил еще стопку себе и стал дожидаться бабушку; когда появилась бабушка, заставил ее чокнуться, показав, какой он взрослый, быстро выпил. Бабушка не хотела пить лимонад, но, пригубив, побелела и села на лавку.

Вовка делал попытки спеть, но язык его не слушался, точно как у деда. Песня не получалась, клонило в сон. Вовка сказал: «Пойду спать», с большим трудом слез со стула, сделал несколько неуверенных шагов и упал как подкошенный. Началась рвота.

Медсестра жила рядом; через несколько дней Вова твердо стоял на ногах. С Алексеичем — хуже: шерстяной берет несколько смягчил удар бутылкой с остатками водки, а вылившаяся водка сразу продезинфицировала рану на голове. Осколки от бутылки в рану не попали. Но в голове шумело долго.

Вовке скоро семьдесят. У него хороший голос, он выступает в самодеятельности — поет. Но «огненную воду» в рот не брал после того случая ни разу. Да и лимонад тоже.

«МЫ СИДЕЛИ, ПИЛИ ЧАЙ…»

После инцидента с «лимонадом» Легошев к своим нескольким народным кличкам получил новое прозвище «Лимонадный Джо». Но самое неприятное — за ним установили усиленный доскональный контроль на предмет винопития: отвратительный обыск и унизительные «таможенные досмотры» проводились после получки, с раздеванием до трусов, психологическими тестами с тщательным анализом ответов и консультациями у соседей.

Но жизнь шла своим крестьянским чередом, в трудах и заботах, где главным развлечением села поутру считались новости: где, кто, с кем, сколько выпил, где проснулся и что за это получил от жены. Гораздо реже — почему Тонька такая неаккуратная, о дверь ударилась, синяк поставила.

Весна в тот год оказалась ранней, ее, как всегда на Руси, никто, кроме райкома, не ждал. Там уже с Нового года частично сеяли, а уж пахали день и ночь, конечно, на бумаге и всевозможных совещаниях. Деревенских в общей массе мало интересовали глобальные колхозно-совхозные дела, а вот собственный огород: это — святое, это — главная забота жизни.

На огороде царица полей — не кукуруза, а картошка — культура трудоемкая, дающая корм скоту и деньги при ее реализации. Тем более на столе у хорошей хозяйки в двух-трех блюдах она присутствовала, не надоедая. Сажали картофель по сорок-пятьдесят соток; без трактора, лошади и помощи соседей и родственников дело не обходилось.

Кум Легошева, пользуясь первоочередностью в получении лошади как член колхоза, привел Легошеву лошадь для посадки картофеля. Он не забыл прихватить конфет для кумы и, конечно, «три бомбы» для кума и себя любимого, то есть портвейн «три семерки». Бомбы, припрятанные под рабочую одежду, незамедлительно доставили на кухню, под предлогом отдыха для лошади кумовья затеяли «чайную» церемонию. Предварительно вылив вино в электрический самовар, вооружившись чайными чашечками, веселились как дети. Отдых затягивался, родня нервничала, работа и лошадь стояли. Супруга, по заплетающемуся языку Алексеича и тираде: «уйди — убью, в моем доме курица не будет петухом петь!», поняла — кумовья припрятали где-то спиртное, но после тщательного осмотра кухни и карманов успокоилась. Видно, со вчерашне-

го развезло. Открыв окно, стали ждать пахарей, когда отдохнут они. Те продолжали «баловаться чайком» из крепко заваренного самовара. И тут супругу осенило (в критических ситуациях мозг работает как ЭВМ). Она подбежала к самовару — он оказался холодным и пустым, кумовья — полностью лишены двигательных рефлексов, но все-таки Алексеич успел одеть шапку раньше, чем ему на голову опустился самовар, со страшной силой и грохотом. К сожалению, работа — не волк, в лес не убежала. Кумовья и лошадь отдохнули по полной, но лошадь — лучше. У нее назавтра голова не болела.

Диву даешься насколько мы, русские, умнее американцев — мы свои три убойные «777» лет на тридцать раньше произвели, чем они свою гаубицу «777». Правда, и мы, и они почему-то бомбили и бомбят наш народ российский этим оружием…

СЛУЖБА СНАБЖЕНИЯ И ОПАСНА, И ТРУДНА…

Авиаполк недавно передислоцировался с российской территории в небольшой немецкий городок, мало пострадавший от авианалетов и артобстрелов. Только практически полное отсутствие зрелого мужского населения да наличие военных инвалидов косвенно подчеркивало — костлявая стороной не обошла это место.

Авиаполк, где служил Легошев, прибыл в город по морозу, но дыхание весны победы практически полностью прекратило авиаполеты с грунта. Твердая бетонная «взлетка» в авральном военном режиме ремонтировалась. Ремонт подходил к концу, и в полку ждали нового генерала для проверки взлетной полосы, и в целом проверки дисциплины, порядка и боеспособности. Ходили слухи, что новый генерал — любитель выпить и далеко не молока, мастер похохмить (приколы и шутки — его конек), молод, холост и смел. Как известно, кто смел, тот вдвое больше съел.

Летчики и весь персонал авиаполка готовились к последнему штурму цитадели фашизма — Берлина. Сами понимаете, бездеятельность личного состава повлекла снижение дисциплины. Почитатели Плиния «искали истину в вине», благо авиационный спирт всегда под рукой, да и хваленое немецкое пиво — бочками и в шаговой доступности. Большая часть молодежи, несмотря на строгие наказания, захаживала к молодым немочкам в гости. Фрау первое время дико пугались, лепетали, спрашивая:

— Что надо? Хлеб? Мильх? Яйко?

Но видя, что с питанием у русского солдата все гут, облегченно вздыхали, изрекая:

— О! Рус Иван, контрибуция! — И без лишних разговоров укладывались на диванчик или кровать, сняв верхнюю юбку и призывно освобождая местечко рядом.

Вот на таком «медовом» радушии местных аборигенок и погорел лейтенант, командир хозвзвода Неволяйло. Подвел, конечно, и немецкий педантизм соседок, привыкших «стучать» на своих соседей, тем более на тех, которым русский офицер несет презент за «красивые глазки», утром, кстати, не забывая расплываться в дружеской улыбке при встрече с этой самой соседкой.

Старшина, временно назначенный исполняющим обязанности командира взвода обеспечения, как, к сожалению, водится в войсках, имел фамилию, тоже заканчивающуюся на «о». Старшина к немецким фрау и их прелестям относился равнодушно — «слишком костлявые!», а к Ивашке Хмельницкому питал дружеские чувства и за день многократно с ним здоровался; при этом строго вещал:

— Сгинь, нечистая сила! — И крестил стакан со словами: — Останься только чистый спирт! — Блажен, кто верует…

Но через несколько дней его руководство пошло как-то не так, и он не стал доверять изгнание нечисти божественному провидению, а взял это дело в свои умелые и сильные руки. По истечении двух недель старшина допился до чертиков и оказался в психушке на излечении. Он отличался большой меткостью в стрельбе, и как только он прикончил последнюю муху в казарме из табельного ТТ, его с почетом отправили в госпиталь. Прибыв на место лечения, старшина сразу объявил, что в этом «дурдоме» он главный. Да, собственно, никто и не претендовал на это место; у каждого в голове гнездились свои тараканы, а у многих и металлические осколки.

И благодаря такому «волшебному» стечению обстоятельств Легошев и взлетел на вершину хозяйственной власти в полку на небольшой период времени. Сержант не первый год тянул хозяйственную лямку и хорошо разбирался в хитросплетениях этого «бермудского треугольника» — солдат, офицер, кладовщик. Если верить словам Легошева, славившегося кристальной честностью и математической точностью, то он с этой задачей справился блестяще. Правда, единственный свидетель его «образцового» руководства — только Господь Бог, а обращаться к нему по таким пустякам все стеснялись. Верили Алексеичу на слово.

В день проверки полка генералом неприятности сыпались на Легошева как из рога изобилия. Как говорят моряки: «жизнь как тельняшка — одна полоска черная, другая еще чернее». Легошев, получая новое постельное на вещевом складе у хитрого кладовщика, лопухнулся. Кладовщик, разорвав простыни пополам, аккуратно их сложил и впарил сержанту. В результате, расписавшись в ведомости за сто простыней, Легошев получил всего лишь пятьдесят. На продовольственном складе в некоторых ящиках вместо полных банок положили пустые, б\у, перевернув их открытой частью вниз. И это он обнаружил не сразу, почти доехав до расположения полка. Бросился сломя голову назад к дивизионным снабженцам — на разборке получил от ворот поворот. Его отослали туда, куда в силу своих габаритов он уже не мог протиснуться, пригрозили «гу-

бой» и трибуналом.

Постояв на перепутье этих трех дорог, прямо как богатырь на распутье, Легошев попылил домой, чудовищно опаздывая к обеду и предвкушая нагоняй по полной программе. На паромной переправе опять форс-мажор! Паром под завязку забит местными фрау и детьми. Легошев потребовал от паромщика срочно переправить его «полуторку» на другой берег и получил ответ:

— Найн! Очередь!

Наряд солдат, охранявший переправу, отсутствовал по уважительной причине. Тупик. Легошев пошел ва-банк. Выхватил пистолет и начал стрелять поверх голов. Женщины разбежались, и Легошев загнал свою машину на понтон. И вновь фортуна повернулась к сержанту Легошеву своим очаровательным задом. Не успел он опустить свой пистолет в кобуру, как к переправе бойко подкатили два «виллиса» с генералом с охраной. Генерал, немедленно вспомнив «чью-то мать», потребовал выгнать с парома полуторку Легошева, освободить место для него любимого. Паромщик исчез с понтона как летний туман.

Легошев вдруг стал капитаном парома. Высказав генералу свое «фи!» и забыв субординацию, отчалил от берега. На приказ генерала Легошеву сдать оружие и вернуться назад сержант ответил словами царя Леонида:

— Приди и возьми! — добавив от себя: — Генерал, целый полк голодный!

Справедливо считая, что гнев чужого генерала не так страшен, как гнев своего полковника. Как он просчитался!..

После сдачи на склады постельного белья и продуктов (причем без недостачи!), настроение у Легошева резко пошло в гору. Принятые на грудь «боевые» сто грамм с прицепом (и не один раз!) сделали его по русской традиции правым и смелым. Да и умственная работа его мозга стала на порядок выше современных «компов». Зайдя в расположение своей роты, обнаружил дивизионную проверку. Во главе ее — тот самый генерал с переправы. Судьба!

Генерал орал на всех и вся благим матом. Командир полка «тер все к носу» и молчал как рыба об лед. Генерала ждали больше недели. Служивые понимают, что в роте все блестело как одно место у котика. Но с начальством не поспоришь, у начальства свое видение проблемы. Войдя в роту, Легошев (по его рассказам) молниеносно принял решение. Если учесть смелость языка у Легошева и принятое «лекарство от страха», то так это и случилось. Легошев твердым строевым шагом подошел к генералу и настойчиво пригласил в каптерку (небольшое помещение роты для хозяйственных принадлежностей и одежды):

— Товарищ генерал, пройдите в каптерку, может у вас изменится представление о роте!

Генерал прервал разнос, судорожно напрягая извилины мозга — где же он видел этого наглеца?.. Тем не менее, проследовал за сержантом в каптерку, остановив жестом у двери остальных офицеров. Легошев, закрыв дверь, быстро налил генералу из большой бутылки стакан горилки и, отрезав шматок сала, предложил генералу выпить и закусить (и то и другое находилось у Легошева на ответственном хранении от предшественников). Генерал, хмыкнув, выпил, закусил сальцем и сменил гнев на милость:

— Молодец, сержант, в РОТЕ лучше! — И велел наливать скорей и полней. После второй в РОТЕ стало совсем хорошо. Генерал похвалил сержанта и констатировал факт:

— Меня от авиационного спирта и тушенки уже тошнит!

После третьего стакана генерал вышел из каптерки и широко открывая рот, крикнул:

— В РОТЕ — замечательно! Проверка взлетки откладывается на завтра, а вот «залетку» и сегодня рад бы проверить!

Легошев тихо прошептал замполиту:

— Надо срочно бежать к парашютоукладчицам, искать «залетку».

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что через несколько секунд замполит скомандовал:

— Вперед, воин! — И отправил Легошева выполнять это нестандартное задание — подбор «залетки» для генерала, кстати, ставшей через пару месяцев его женой.

— Как иначе? Девку на качество,— встряхивая плечами и качая головой,— самолично проверял! — добавлял мечтательно Легошев, затягиваясь самокруткой.

Трудно судить, где у Легошева кончается правда, где вымысел, но демобилизовался из армии после Победы он одним из первых. Это — главный аргумент, говорящий о неординарных заслугах Алексеича перед ВВС.

КРЕСТЬЯНСКИЙ БАРОН

В глубине России, вдали от промышленных городов, до недавнего времени проживало большое количество уникальных самородков — сельских людей, непохожих своей индивидуальностью на общую массу земляков и тем более горожан. Из средств массовой информации относительной доступностью для них являлись радио и телевизор. «Говорящая голова» только-только начинала зомбировать людей, и то через призму коммунистической морали, относительного человеколюбия и по одному каналу. Кстати сказать, по прошествии тридцати с хвостиком лет, пожиная плоды организованной Западом «перестройки», стало ясно, что для

основной массы людей Советского Союза, это оказались действительно счастливые годы жизни. Была всеобщая идея, цель, стабильность и будущее. Самое главное — для маленького человека имелась возможность найти справедливость на местах. Ударить по рукам зарвавшегося чиновника и барина-руководителя.

Мои встречи с пенсионером, героем нескольких моих рассказов Легошевым проходили эпизодически. Сейчас понимаю: надо было записывать каждый его рассказ и каждое слово.

В близлежащих деревнях благодаря ему слово «не ври» почти отсутствовало. В лексиконе его заменяло более понятное для тех мест «не легоши́». Это когда человек в своем рассказе добавляет маленькую толику вымысла для интереса. В результате, повествования Легошева становились естественным продолжением рассказов барона Мюнхгаузена. Хотя не исключено, что он не слышал о таковом. Он с крестьянской простотой, абсолютно честным лицом и легкой лукавинкой в глазах повествовал о деревенской жизни.

Легошев для своих шестидесяти лет выглядел худощавым, не по годам шустрым, самое главное — за словом в карман не лез. И имел свое кардинально отличное от официальных источников мнение по любым вопросам искусства, политики и особенно жизни. Легошев прошел фронтовыми дорогами Великой Отечественной войны, имел награды и с удовольствием, в своем стиле, перетасовывая быль и небыль, рассказывал истории из фронтовой жизни. Вот одна «быль» из его боевой службы, очевидно связанная с авиацией, вернее, с ее обслуживанием.

«Вестовой срочно вызвал меня в штаб к командиру полка. Комполка приказал доставить пакет с важными документами вышестоящему начальству. Кому — не скажу, гриф секретности не снят, давал подписку о неразглашении. Нас строго учили — если в плен попал, разжуй язык и проглоти без соли! Дураку понятно, что с солью больнее. Да, было дело,— продолжал Легошев.— Ну, я под козырек, кругом марш! У-2 уже готов для меня, техники лестницу держат, взлетаю штатно. Небо в облаках, но видимость хорошая. Лечу как Бог! Вдруг со стороны солнца два “месера” на меня сваливаются, как ястребы на цыпленка. Я — туда, я — сюда, негде спрятаться! Даже леса нет! Фашистам — что? Им за “Уточку” и меня Крест железный дадут, потому как с моей скоростью им тоже меня сбить сложно. Секунда — и просвистели верст на пятьдесят мимо! Но не бросают меня, хотят дело закончить, педанты, мать их ети! Я — влево, вправо, кручусь как карась на сковороде. От двух атак увернулся. Что дальше делать? Вижу — река, мост. Я под мост — нырь! С меня пот ручьем. Гимнастерку — хоть выжимай. Пот, жара! Но изловчился, успел кружку водички зачерпнуть, ополоснуться и попить. Пока пил, вижу — опорный столб еле держится. Я его легонько автоматом ткнул, пролетая под мостом. Он не сразу упал, а аккурат когда первый “мессер” под мостом оказался. На него и рухнул. Капут фрицу! Как рвануло! Пацаны потом две недели глушеную рыбу собирали. Оглянулся — второй уже в хвост заходит. Я — форсаж и в облако! Фриц за мной, леший! Выбрал я, где облако погуще, спрятался и на ручник — бах! У немца в пять раз скорость больше, он мимо пролетел, покрутился около облака туда-сюда и — домой. Я с ручника самолет снимаю и в штаб бумаги доставляю. И — обратно домой, Командиру полка докладываю:

— Нет, хоть на лошади, хоть на мотоцикле — в самолете моей ноги больше не будет, и не просите!

Полковник пожал руку, поблагодарил, лично в приказ мою фамилию подписал для награды.Оссбисты с писарями потом вычеркнули. Фотографий сбитых самолетов нет, не засчитали мне две победы над гансами.

— Почему же две победы? Ведь ты один самолет под мостом, получается, сбил?

Легошев чуть задумался, бойко ответил:

— Второй тоже на нейтралке взорвался.

— С какого перепугу он на нейтралке-то взорвался? — спрашиваю я.

Легошев хитро улыбнулся и изрек:

— Чуть не забыл! Да, я в облаке когда прятался, чтобы меня немец совсем потерял, огромную самокруточку закурил — дополнительная дымовая завеса, после бычок бросил, прямо на бак попал. Он к своим летел — бычок ветром раздуло, фриц и взорвался на нейтралке».

Ответ — исчерпывающий, правдивый, как всегда.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ НА ВОЙНЕ

Идя к магазину, увидел Легошева. Поздоровавшись, спросил:

— Отоварился?

— Еще как! Пивка базарского и водочки прихватил!

Поговорив о пустяках, обратил внимание на кривой глаз и шрам под ним. Задал вопрос:

— Где не повезло с глазом?

— Знамо где! На войне с фашистом.

— Может, расскажешь, если не спешишь?

— Что таить? Расскажу,— притушив самокрутку, оживился собеседник.

— Наше наступление шло по всем фронтам, но фриц ядовито огрызался. Все рации не доверишь. Кому можно, кроме меня, серьезное дело в штабе поручить? Только мне! Вызывает в штаб командир полка:

— Распишись.— И пакет мне в руки сует.— Срочно в соседнюю часть с пакетом лети!

Я по стойке смирно стою и говорю:

— Никак нет. Полноте вам. Не полечу на У-2. На небе ни облачка, спрятаться негде, дайте мотоцикл или «Як» с полным боекомплектом.

Полковник руками-ногами затопал, заматерился, пообещал голым задом посадить не на «Як», а на рог зубра, который в Беловежской Пуще рядом с нами бегает. Я ни в какую! Полковник командует:

— Мотоцикл с люлькой, и — проваливай!

Я в седло — прыг, пулеметчик — в люльку. И — по газам. Только от штаба несколько километров отъехали — немецкая засада! «Языка» наверно штабного хотели взять. И по нам — та-та-та! Я по жизни парень шустрый, от пуль увернулся. Но и на старуху бывает проруха. На березу налетел. Мотоцикл — в одну сторону, люлька — в другую. Про себя думаю: «Пропал пулеметчик!» А он парень башковитый, с другой стороны люльки, где нет колеса, диск от «дегтяря» — щелк! И покатил под горку назад. Так до штаба и докатился. Живехонький. Пулеметчик — парень широкоплечий, ветер ему сильно помог —хороший в спину дул. Я засмотрелся на пулеметчика, и на сук-то и налетел! Лес кругом! Но успел глаз выбитый поймать! Одна рука за руль держится, а в другой глаз. И скорость — под сотню! Поэтому впопыхах сунул глаз на место, да видать не рассчитал — кривовато получилось. Но пакет доставил вовремя. Мне — сто спасибо и орден!

— Какой орден-то?

— Да леший знает! Орден, наверно, пришел, а части и меня — аллюр три креста — нету. Писаря пропили кому-нибудь, знаю этот народец, хуже колорадского жука! Ну, да ладно, Михалыч, вон старуха моя нарисовалась! Побежал я! Иначе люлей получу, да и шнапс припрятать надо, чтобы не конфисковал «опричник в юбке».

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

Осень, сухая и безветренная, меняла зеленый однообразный летний наряд и превращала окружающие деревья в красавиц царского бала, плохо придерживающихся бального дресс-кода. От реки не спеша продвигалась фигура уставшего человека. Я остановился, чтобы подвезти пешехода до села. И узнал в нем Легошева. Он обрадованно забрался в машину, держа в лукошке либо очень крупную мертвую дикую утку, либо очень мелкую домашнюю. Поинтересовавшись о предыстории этой дичи, услышал следующую правдивую, судя по выражению лица, историю:

— Вчера пошел на охоту, за крупным зверем — медведем, лосем или кабаном.

— Смело! — перебил рассказчика.— Ведь у тебя одностволка, «ижевка» шестнадцатого калибра!

— Я и патронов-то два только и нашел с пулей. Как корова языком слизала! Да я стрелок-то от Бога,— поправляя стекла с массивными линзами, парировал мой скепсис Легошев.— Я из своего карамультука на пятьсот метров бутылку бью! — не моргнув глазом, подвел итог дебатам Легошев.

— Вот я и говорю — вчера взял пару патронов на медведя — и в лес, за реку, целый день прошлындал, лягушку только и видел. Вечером прямо у переправы — бац! Семь уток взлетели гуськом, одна за одной! Взлетели прямо из-под ног. Это — последняя, самая неказистая,— показывая на утку, проговорил Легошев.

— Летели, как солдаты в строю на параде. Я — хвать за ружье! В ружье — пуля. Ах ты, лешóй! — думаю.— Тут мысль осенила — стреляю первого селезня, и стволом веду резко в сторону последнего — как на шампур всех семерых на пулю насадил! Вчера вечером шесть забрал, домой отнес. Этого — седьмого сегодня еле нашел, самого хилого. Вчерашние шесть — не меньше гуся! Да какой гусь!? Гораздо больше гуся! Всех сложить — тяжелей кабана потянут. Не зря пулю растратил! — высаживаясь, изрек Легошев.

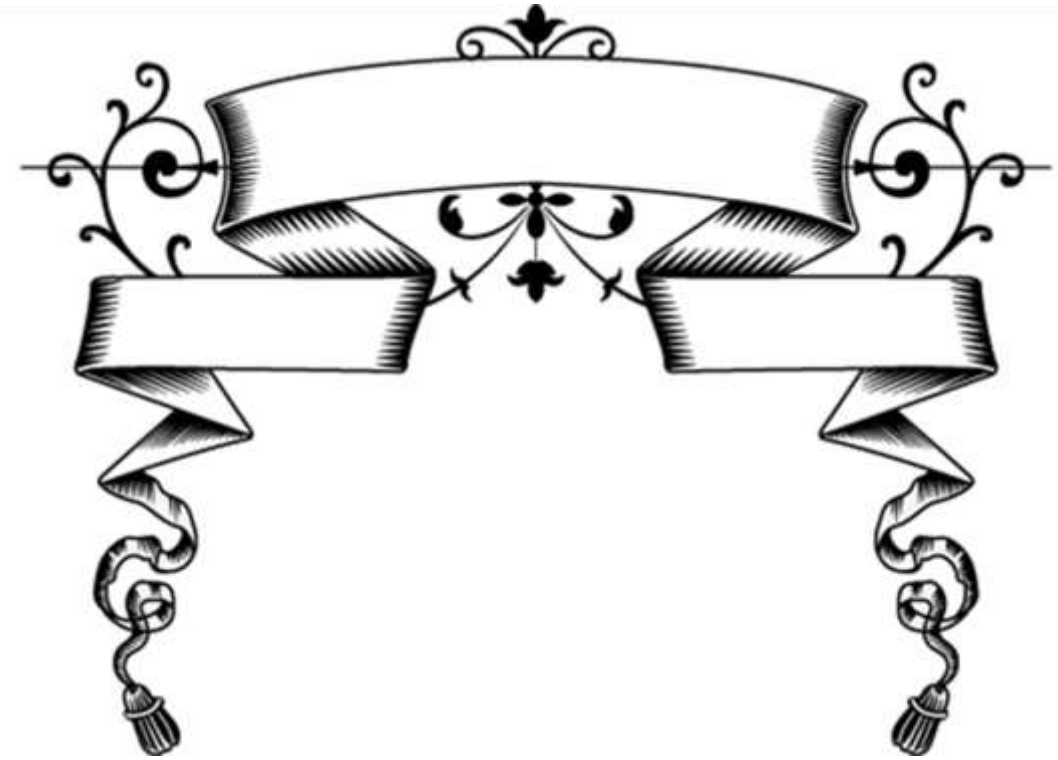
— Медведя-то тебе приходилось добывать? — спросил я.

— Конюшня,— исказив слово, констатировал он.— Но это — другой рассказ. Позже расскажу.

И быстро зашагал к своему полуразвалившемуся дому.

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР ПОРЯДОЧНОВ
ЕЛЕНА БАРАХОВА
ЯКОВ ШАФРАН
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА
ОЛЬГА АРТЕМОВА
ОЛЬГА ДЕВЯТКА
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЕНКО
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ТАМАРА ТЯБОКИНА
МАРИНА ЩЕНЯТСКАЯ
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ БУСОВ
ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ВИТАЛИЙ КУЗНЕЦОВ
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА (ВЕСИНА)
АНФИСА ТРЕТЬЯКОВА
АРКАДИЙ ПОЛЬШИН
КРИСТИНА АНАСТАСИЯ В. БРЗИН
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ
ВАДИМИР ТРУСОВ
ЮЛИЯ ЗИМИНА-КОНДАКОВА
АНТОНИНА АРИСТОВА
ВИКТОРИЯ ТКАЧ
ДИНА ЮДИНА
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
АНАТОЛИЙ ЯЛЬНИЦКИЙ
НИНА ГАВРИКОВА
ОЛЬГА БОРИСОВА
ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
ТАТЬЯНА ПАНОВА
ЕЛЕНА КУЛЕШОВА
ТАТЬЯНА УМНОВА
ТАИСИЯ СОЛОЖЕНЦЕВА
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
ЭЛЛА ЛИПЕЕВА
АННА БАРСОВА
БОРИС РЯБУХИН
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
МАКСИМ ТОРБИН
НАТАЛЬЯ ОКЕНЧИЦ

Владимир ПОРЯДОЧНОВ

г. Тула

Владимир Иванович Порядочнов — член Ассоциации социальных сподвижников Президента России, член Императорского палестинского православного общества, участник ВОО «Трудовая Доблесть России», заместитель председателя Пушкинского комитета, руководитель Тульского регионального отделения Пушкинского комитета. Туляк, с отличием окончил Тульский политехнический институт (ныне ТулГУ) и работал по специальности в КБ Приборостроения с 1978 по 1991 г. Прошел стажировку в МВТУ им. Баумана в Москве. Литературным творчеством за-нялся уже в зрелые годы. Номинант национальных литературных премий: «Поэт года» (2018, 2019, 2020, 2022, 2023), «Наследие» (2018, 2019, 2021, 2022, 2023), литературной премии им. Сергея Есенина «Русь Моя» (2018, 2019). Номинировался во все-российском конкурсе «Георгиевская лента», «Антология русской поэзии 2023» и участвовал со стихами в альманахе «75 лет Победы». От Российского союза писателей награжден: юбилейной медалью Маяковского в связи с 125-летием поэта, памятной медалью «Афанасий Фет 200 лет», памятной медалью «Федор Достоевский 200 лет», звездой «НАСЛЪ-ДІЕ» (2022). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ОРУЖЕЙНАЯ СТОЛИЦА

поэма

«Тула веками оружие ковала...»

Глава 1

1

В России городов немало,
гордится многими страна.
А Тула щит и меч ковала,
с Петровых дней себе верна
для дела ратного трудиться,
защитой стать, к тому стремиться
в часы военных битв и дней,
чтоб защищать страну верней.

2

Среди полей и мест полесных
от древних русичей времен
в берестяных записках местных
начало шло славян племен.
От речки вышло поселенье
где проживали поколенья
на берегах Упы-реки,
про то твердили старики.

3

Алешня, Тулицы протока,—
все малой Родины места.
Стоянки были здесь до срока
обжиты в предках неспроста.
Родная Русь, ты — светлоока,
хранима Господом с высока
и Богородице близка,
в молитвах с нею на века!

4

У вятичей был век тяжелым
от дани киевским князьям.
Леса питали их и долы,
стада гуляли по полям.
Престолом Рюрикович правил,
Чернигов дань себе добавил.
Всяк предков наших обирал,
а вятич жил, терпел, страдал.

5

Архива рукопись знакома
из летописных очерков.
Она от Никона весома,—
свидетель памяти веков.
Но в ней опущены моменты,
поскольку это сантименты,
красот природы в списке нет,
лишь для потомков есть ответ.

6

Поверьте, с вами мы не знаем,
как предкам, вятичам жилось,
довольно смутно представляем,—
на этом зиждется авось.
А первозданная природа
в вечерний час и в миг восхода
любила предков, как могла,
и поколений дни вела.

7

Леса давали им пушнину,
грибов и ягод урожай
в привычный день и битв годину
с трудов больших и невзначай.
Так Тула с века зачиналась,
а поселенье прирасталось,
из бревен сложен был острог,
туляк трудиться крепко мог.

Глава 2

1

Что означает слово «Тула»:
речушка Тулица течет,
с ней притулиться, притаиться
в укромном месте наперед
для предков местность помогала.
Врагов у вятичей немало,
дубовый тын всегда спасал,
когда враг к Туле подступал.

2

На поле грозном Куликовом
за Русь сражались туляки.
Вблизи Непрядвы с малым Доном
Орды повержены полки.
Мамая ждало пораженье,
тому есть факт и подтвержденье,
Колонна средь полей стоит
и помнить битву нам велит!

3

Так стала Тула бастионом
на подступах и рубежах,
где русский дух со славным Доном;
врагам запомнился их страх.
А дальше в княжестве Московском
на рубежах в строю славянском
лет меньше ста прошло времен
без грозных битв, татар имен.

4

Муравский шлях* — сама опасность,
оттуда враг вершил набег.
Отпор врагам,— свою причастность
в защите княжества навек
родная Тула оправдала,
врата от града закрывала.
Мамай, Батый, иль кто другой,
но в Тулу не вошел ногой!

5

Через Никитские ворота —
торговли первые дела.
Из года в год — одна забота,
охрану княжества вела,
стояла насмерть пред врагами
и с верой в Господа с мечами
опорой стала Тула-град
с знаменьем крестным в сорок крат!

6

Кирпичный Кремль стал центром града,
он крепко сложен, мастерски.
Посадским людям, вот отрада,
они в уменье велики.
А от Кремля велись дороги,
домишки и постройки многих,
так разрастался город мой
с державной Русью дорогой.

7

Девлет Гирей, с ним три тумена**
собрался Тулу осадить.
Пытался подкупом, изменой
в Кремле защиту победить.
И тяжела была осада,
О предках наших помнить надо;
Ивана Грозного дружина
в победе — главная причина.

Глава 3

1

В писцовых книгах есть отметки
о всех соборах и церквях,
что возвели на Туле предки
на свято-избранных землях.
Так Тула строилась, мужала
печатный пряник выпекала;
из каждой новой слободы
велись по улицам следы.

2

С Указом в Тульский край, свершилось:
Царь Федор нам повелевал,
чтобы оружие ковалось,
от податей освобождал.
А чтобы дело процветало,
ковать потребно и немало
для обороны, ратных дел,
так тулякам Указ велел.

3

И позже Петр, Царь — добродетель
Казенный основал завод,
при нем Демидов как радетель
дела завел у местных вод.
С Упой Заречье процветало,
оружье Тула всем ковала.
Так повелось с Петровых дней,
Русь становилась тем сильней.

4

И стала Тула всем известна,
железо плавила, чугун.
Расцвел наш град, словно невеста.
В руках умелых много дум,
и среди прочих мастер Тычка,
он в подмастерьях Зычки, Лычки
научен многим был делам,
Петру пистоль отладил сам.

5

Мещанский городок старинный
Белев, век славен пастилой.
Град на Оке в церквях былинный,
он в сердце Родины со мной.
Талант Жуковского известен,
балладами он интересен.
При императорском дворце
Царевич был при нем в венце.

6

Землицы Тульской слова гений
был с юным Пушкиным знаком.
И в час последний от ранений
Жуковский просидел при нем.
При разнице в летах друзьями
делились искренне делами.
Была утрата велика,
и скорбь на сердце не легка.

---

* Шлях — дорога.

** Тумен, войсковая единица монголо-татар в 10 тысяч воинов.

7
О Туле многие писали:
Успенский, Салтыков-Щедрин.
Газеты, книги издавали,
и Вересаев не один,
свежа о нем в музее память,
в леченье дело мог поставить;
известен в Туле, он писал,
наследие для нас создал.

Глава 4
1
Известны в Туле век за веком
яснополянские края.
Каким Толстой был человеком,—
питала гения земля.
Просторы, русские березы,
река Воронка, летом грозы,
дворянство, быт простых людей,
зимою снег из-под саней.
2
Его рассказы и романы, —
любви трагический сюжет.
Психологические драмы
и нравы, их сегодня нет.
Его герои — патриоты,
Бородино и флеш высоты,
они — защитники страны,
конфликт душевной глубины.
3
В томах «Война и Мир» — признанье,
экранизации не счесть;
прочтенье вновь и пониманье,
Толстой велик, он в книгах есть.
Жива с ним Ясная Поляна,
известность в мире на все страны
и в интерьере кабинет,
хранит истории ответ…
4
В излучине Оки ретивой
На берегу ее крутом
Есть Дом-музей с лесною нивой,
Поленов жил когда-то в нем.
Известный русский живописец,
творец пейзажей и провидец
сюжетов жанровых картин,
но на устах он не один.
5
Вся в черном в сорок первом осень,
к столице враг несметный шел.
В пожарах и разрывах просинь,
рогатый сатана пришел.
Рычала танками армада,
земля Толстого, ты не рада
захватчикам далеких мест,
на танках их зловещий крест.
6
Волнянский — парень с батареей
нанес орудием удар.
Враг не прошел и не посмеет,
кулак наш — тульский самовар!
Земля горела, люди, зданья,
фашист имел одно желанье.
Мы знали: Тулу отстоим.
Совместно справились мы с ним.
7
Разгромлен, как француз когда-то:
конец фашизма был таков.
Победу вырвали солдаты,
чей обелиск у Трех Штыков.
Так город заслужил Героя,
чтоб им гордились мы с тобою
за ратный подвиг в дни войны
страны награды всем видны!

Глава 5
1
Земля родная, ты богата
талантами своих людей.
Есть место Тульского Арбата,
на Металлистов все ясней
шаги истории и града,
гостям, туристам Тула рада.
В брусчатке сложенных камней
дух старины всего сильней.
2
Живет России славный город,
веками трудится народ.
Хотя он стар, но снова молод
и гордо в будущность идет.
Не счесть построек улиц новых,
В нем зелень парков образцовых,
все краше Тула, город мой,
в плеяде городов — Герой!
3
В строю родной мой город мирный.
Назло врагам растет, живет
и, слыша Глас страны призывный,
кует оружье круглый год!
Он образцы вооружений
вершит для новых поколений.
России меч и щит нужны,
чтобы покой был у стран!
4
Чтобы с врагами Русь сражалась,
как в прежние ее века,
за Тулу гордость поднималась,
задача в этом нелегка!
Вновь медным тульским самоваром
боец громит врага на славу.
А если память коротка,
сталь вспомнит тульского штыка.
5
Снега зимы и час рассвета,
трудами город мой живет.
Пройдет зима, весна и лето,
наряд из зелени придет.
Музейный Шлем собою красит
район Зареченский. На трассе
Октябрьской улицы поток.
Кует оружие станок.
6
Перед заводом с наковальней
известный памятник Петру.

Когда-то здесь в дороге дальней
Царь посетил мой град, Упу.
И позабавил пистолетом
(я выше вам писал об этом)
умельцев Тульских напомах,
тем на вельмож навел он страх.
7
Но туляки не оплошали,
вернули копию царю,
при этом ствол сей починяли,
вот слава тульскому ружью!
Мы это помним и гордимся,
умельцы Тулы снова в лицах,
о том Верховный говорил,
Заводу Орден он вручил!

Вадимир ТРУСОВ

г. Санкт-Петербург

«ЕЩЕ ОДНО СЛОВО О СЛОВАХ»

Потратить слов
предельно мало,
Намеренно и против воли,
Но не писать о чем попало,
О чем ни попадя тем более.
Не голосить, чуть дрогнет воздух,
И голубь вдруг вспорхнет с карниза
О чувствах максимум серьезных,
Дремавших в недрах организма.
И ворохом ассоциаций
Реминисценций и аллюзий,
Себя уверить не пытаться,
Что лирика, как прежде, в плюсе
Поскольку ты, как прежде, в теме,
И верен истине подстрочной,
И так шарахнешь о системе,
(Насквозь прогнившей и порочной,
Где нет свободы вожделенной
Достойным личностям), что разом,
Как в лоб заехали поленом,
Очнется просвещенный разум,
И справедливость восстановит,
Хоть и не знал о ней доселе.
Но вкус и совесть, им не внове
Сидеть собаками на сене,
Всеядность пресекая в корне.
И чем настырнее коллега,
Тем беспощадней и упорней,
С тобою бьется альтер-эго,
Чтобы зазря не выть о мире,
Как те, которые совместно
И так, и сяк, войну клеймили,
Но не догнали ни бельмеса,
Что между двух огней, в трясине,
Гнилая нелюдь обитает,
И поклонится пришлой силе,
Придется, коль дремучей стае
Позволить выскочить в кликуши.
Трезвонить не желая вчерне,
Я предпочел молчать и слушать,
И доходя до изречений,
Не уронить ни слова мимо.
Тут тоже промахи опасны.
Да и слова, ну, те же мины…
Я берегу боеприпасы…

ВСЛЕД ЗА М. Ю.

«Выхожу один я на дорогу…»
М.Ю. Лермонтов

Я ландшафты эти знаю сроду,
Просто чудо, что за колорит,
Лишь ныряешь в здешнюю природу,
И дыра с дырою говорит
О всегда насущном, наболевшем,
Коль и нынче жизнь не шоколад,
Водяным, кикиморам да лешим,
Положили б хоть какой оклад,
Чтоб хватало, окромя пол-литра,
Залатать на прочее дыру!
Не при чем тут местная палитра.
Пусть березы шепчут на юру,
Ни тевтоны, мол, ни самураи,
Не прорвут границу у реки.
Нам же их хоромы, что сараи.
Хоть мы чохом на ногу легки,
Но туда дорога, непременно,
Ширь свою утратит и длину,
В тупике культурного обмена.
Ну, и я обратно поверну.

***

Саше Невской посвящается

Ты не сгорела, ты растаяла,
В тот роковой урочный час.
Теперь ты — призрачная тайна,
Непостижимая для нас.
Скорбь в безысходность обращая,
Коль скоро так совершено,
В плену осознанной печали
Не верит сердце все равно,
И разум держит под запретом
Все размышления насчет.
Что суесловить вслух об этом,
Ведь нужных слов не изречет
Никто, за неимением оных.
И вправду, лучше помолчим.

И на просторах незнакомых,
Вне огорчений и кручин,
В морях небесного эфира
Плыви, свободна и легка,
Княжна заоблачного мира,
Незавершенная строка.

***

Оделяя город сединой,
Может быть, зима его согреет,
Но, увы, не сделает мудрее…
Даже если встанет снег стеной,
Пусть не скоро, но когда-нибудь
Оттепель нам щедро явит лужи.
Здешний снег иных морей поглубже,
Как бы до весны не утонуть,
Пробуя развлечься иногда
Сказками о вожделенном юге.
Впрочем, повседневность злее вьюги,
Что заносит снегом города.
Не отменишь, сколь их не кляни,
Хлопоты насущных выгод ради,
Хоть бы и себя всего истратив
В сутолоке мелочной возни.
Оттого, идущих по пятам,
Удивить получится едва ли,
Как людей в нас будни убивали,
Как мы выжить ухитрились там.

Елена БАРАХОВА

г. Тула

СТИХИ

Было время и жизнь
закружила
В череде разноплановых дней,
Что стихи я писала — забыла,
В быте вся, поднимая детей.
Время шло и росли мои дети,
А душа начинала роптать...
Испытать все хотелось на свете,
И стихи душа стала слагать.
Обо всем, что узнала, что близко,
В сердце, прямо проникнув, зашло,
Что болело, что было, что низко
Или то, что навечно ушло.
Время лечит любые недуги,
Но в стихах остаюсь я собой.
Они мне как друзья и подруги,
Или Бог, что навечно со мной. *14—15.05.2024г.*

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Я не ищу вдохновенья в природе,
Хоть люблю и леса, и поля,
Мне главнее сказать о народе,
И о людях, их жизнях, любя.
Солнце, птички весенней порою,
Так прекрасно и нежно вокруг,
Но волнуюсь я правдой иною:
Про людские истории вслух.
Вижу подвиги, боль и утрату,
Слышу чувства, их внутренний звук:
«Выжить только б родному солдату...»
Молит мать, дочь, а может, и внук.
Мне важнее подобные строки,
Чей-то жизни касается лист...
Красота в ней, надежда, истоки,
Залихватский мне слышится свист.
Так я вижу предвестников счастья,
Жизни чьей-то не вышедший срок,
И пройти, пережить все ненастья
Кто-то смог — это важный урок.
04.04.2024г.

***

Бабушке Вере посвящается.

Уже давно тебя, увы, не стало.
Мир поменялся, я теперь взрослей,
И где-то в жизнь смотрю устало,
А где-то в память... и в душе — теплей.
Ты научила быть меня собою,
Любить людей, да просто все вокруг.
Я счастлива, что ты была со мною,
Моя бабуля — самый лучший друг.
Твое тепло, заботливые руки,
И сказки наши навсегда со мной,
Вязанье, как занятие от скуки,
Молитва есть для связи с вышиной.
Ты научила быть меня любою,
Смеяться, плакать или просто жить!
Как рада я, что ты была со мною,
Спасибо, что теперь могу любить!
27.01.2024г.

***

А.С. Пушкину посвящается.

Мой герой, бесконечно любимый
Русский классик — поэт дорогой.
Рада я, что к эпохе старинной
Путь нашла, увлекаясь тобой.
И теперь в моей жизни все славно:
Перемешаны сказка и быль.
И балы посещаю исправно,
И стихи я пишу. Знаю стиль.
Платья шью и прически ваяю,
И мазурку, и вальс я учу,
И стихи, и баллады слагаю
(про баллады, конечно, шучу).
С детства мы твои сказки читали
И о рыбке мечтали златой.
В школе часто учили, сдавали

И впитали в себя слог такой.
А теперь я медаль получила
С твоим именем — «вечный поэт»!
Знай, стихи я твои полюбила.
И продолжу любить много лет.
06—07.06.2024г.

Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА

г. Тула

22. 03. 2024

Он был в огромном Крокус Сити Холле —
Кровавый, жуткий, огненный «концерт»,
Случившийся по чьей-то адской воле...
Стреляли в спину... Жгли невинных жертв...
Не верится... Нам кажется, что небыль...
И над пожаром в дымной сизой мгле,
Как жаворонки, души взмыли в небо...
Тем людям жить и жить бы на Земле...
Конечно, палачи за все ответят,
Виновников трагедии найдут —
Пощаду они, подлые, не встретят:
Есть суд людской и высший Божий суд...
Но сколько же у нас в сердцах печали!
Молиться будем искренне за них,
Погибших в роковом концертном зале
И за убитых горем их родных;
За раненых, но выживших в больницах,
И за Россию милую свою,
Чтоб ей от потрясений не сломиться,
Чтоб выстоять в навязанном бою...

НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Вновь весна, и пришло Благовещение,
И открыта душа чудесам,
Словно птица, прекрасная, вещая,
Белый голубь летит к Небесам...
А Земля неспокойная вертится
В красной шали из войн и потерь,
Но в хорошее, мирное верится
В этот радостный праздник теперь,
Ведь смешался с истомой весеннею
Колокольный целительный звон,
Как надежду на свет и спасение,
Шлет нам звуки заветные он...
И придет благодать обновления
С нежной влагой апрельских дождей.
Верю: скоро сойдет просветление
На умы и сердца всех людей...

ВСЕМ СВЯТЫМ

Не знающие бренности святые,
Вы смотрите с церковных образов...
К вам наши просьбы, часто непростые,—
Людской надежды непрестанный зов...
Мы вам свои печали открываем,
О нас чтоб стали Господа молить,
Но только в суете вдруг забываем
За помощь вас порой благодарить...
Страданий в жизни знали вы без меры,
Но были в душах свет и высота —
Благая и негаснущая вера
Вас привела к обители Христа...
И в наши дни, где тени бед густые,
Где войн жестоких злобные черты,
Все молятся и молятся святые
За нашу Землю, чтоб ее спасти...

ПУШКИНУ

Бессмертие твои узнали строки...
Они, как полноводная река,
Текут неиссякаемым потоком
Из прошлого в грядущие века...
Они сердца и мысли освежают,
Приносят в будни свет и красоту
И суетный наш мир преображают,
Волнуют, учат, дарят нам мечту...
Ты мудростью нам в жизни помогаешь,
Поэт великий, лирик и пророк,
И в души благодать любви впускаешь
Звучанием своих нетленных строк!
И мы горды, что именно в России
Родился Пушкин, чтоб ее воспеть!
Наполнена его волшебной силой,
Россия сможет все преодолеть...

СНЕЖНЫЙ ЛЕС

Мне нравится лес после долгих метелей,
Когда затихает, весь в неге снегов,
Пушистым ковром беспредельным застелен,
Он спит, не проснется от быстрых шагов...
В чертоги свои меня сказка впустила,
Я вижу: на ветках деревьев, кустов
Огромное снежное царство застыло,
Где много причудливых белых цветов...
Как радостно здесь наслаждаться покоем,
Устав от проблем и пустой суеты!
Общение нужно с природой такое —
Пусть в сердце войдет благодать чистоты!
Приятно душой не спеша окунуться
В целебную свежесть заветных снегов
И в мир повседневный счастливой вернуться,
Наполненной светом лесных жемчугов...

АПРЕЛЬСКИЙ ПАРК

Пришла весна! Пустынный парк ожил,
Похорошел и сразу возродился,
Быть модным, привлекательным решил,
Как юноша, что в первый раз влюбился...
Костюм к лицу салатовый надел,
Украсил его ранними цветами,
Умыться свежим дождиком успел
И насладиться пылкими мечтами.
Стоит в объятьях девушки-весны,
Счастливый, с каждым часом все прелестней,
А птицы дарят, радостью полны,
Венчальные восторженные песни!

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Еще вдали кочуют холода,
Еще сентябрь наполнен духом лета —
Случается такое иногда,
Когда для нас у солнца много света...
И столько изумрудных панорам
Встречается, и с золотым отливом!
Но только неизменно по утрам
Туманится взгляд речки молчаливой...
У поздних, дорогих душе цветов
Порой заметен легкий трепет грусти,
Когда коснется ветер лепестков
И осени дыхание вдруг впустит...
Дни сентября, что Небо нам дало
В преддверии холодной зимней муки,
Как нежных чувств последнее тепло
Перед щемящей горечью разлуки...

ЛИСТОПАД ЗА ОКНОМ

Падают листья, падают листья
Вниз кружевным, золотистым дождем...
И вспоминаются милые лица,
Что позабыть мы не можем и ждем...
Жизнь или смерть разлучила нас с ними,
Часто следов в дымке лет не найти
Этих людей, что нам были родными —
Память хранит дорогие черты...
Падают листья, падают листья,
Больше их все на земле с каждым днем,
С ветром осенним уносятся лица...
Что наша жизнь? Листопад за окном...

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ

За что мы любим? Нежность? Красоту?
А может, за способности, успешность?
Нет, ни при чем здесь звания и внешность,
Характера не угадать черту...
Химической реакцией любовь
Серьезные ученые назвали,
Но понимают суть ее едва ли —
В ней элемент загадочен любой...
И ни один мыслитель не постиг,
Что за магнит в любви, какой природы,
Ведь может она смешивать народы,
Притягивать сердца в единый миг...
Здесь ни при чем физический закон,
А просто в нашем мире суетливом
Есть шанс у человека: стать счастливым,
Когда найдет родную душу он...

Яков ШАФРАН

г. Тула

***

Слезинкой дождинка
бежит по стеклу,
Задержится,
снова стекает.
Внизу во дворе ветер
клонит ветлу.
Безмолвно природа рыдает
В знакомом до боли углу.
Гляжу на дождинку и память моя
Всё будит, что было меж нами:
Слова и дела. Ничего не тая —
Стою, как в признании в храме.
Стою, ничего не тая.
Уйти? Но куда? Непогода — в душе.
Вовне ей в ответ и ненастье.
Теперь всё б отдал, и с тобой в шалаше
Нашёл бы искомое счастье.
Нашёл бы в простом шалаше.
Стою у окна, и удары судьбы
На сердце ложатся уроком.
Что было с тобой — ничего не забыть,
Какие б ни канули сроки.
Поверь, ничего не забыть!

***

Над нашей Россией суровые вновь времена.
Неужто не кончилась жизни наука?
И жаждет душа того прошлого — дивного сна,
Что раньше казался простою докукой.
Бывало нам злое вредило — ну, где-то, порой.
Сгубить же силёнок ему не хватало.
А ныне злодей и богач — телесказок герой,
Отрава кругом так и брызжет из жала.
И кто из живущих избегнул быть втоптанным в грязь
За то, что он зельем не смел отравиться?
И кто устоял, сам-один с наважденьем борясь,
Рискуя средь серых стать белою птицей?
И, знать, оттого очень редки улыбки и смех,
Печальны глаза и морщины на лицах,

И старости злой преждевременно выпавший снег,
И тяга к несущим добро нам провидцам.
Дороги России… Здесь жизни нелёгок так путь.
Заката лучи предвещают ненастье.
Зима впереди… Но я снова твержу наизусть:
«Страна дорогая, увидишь ты счастье!»

***

Вот и лето прошло.
Осень прячет тепло
За ветра, за дожди, за туманы.
Было всё — и жара,
И рассветов пора
Золотых, соловьиных, румяных,
Свежесть ягод в горстѝ,
Проливные дожди,
И безбрежность небесной лазури,
В тихой роще дрозды,
Луговые цветы…
И всё время магнитные бури!
Лето, стой, погоди,
Что нас ждёт впереди?
Видно что-то готовит нам осень.
Что нам сделать сейчас,
Пока свет не угас,
Пока видим ещё неба просинь?

***

Вероломство врага никогда
Не имело предела.
Для России не но́ва беда
Получать вражьи стрелы.
Но под Курском безжалостный бой
Стал ударом по сердцу.
Ведь десятки уж лет как войной
К нам не шли иноземцы.
И хоть это не вермахт идёт,
Да и речь их родная,
Не берём то сегодня мы в счёт,
Их дела отмечая.
А они и коварны, и злы,
По-фашистски жестоки,
То плоды геноцидной войны,
То нацизма дороги.
Там по жителям мирным стрельба,
Везде зверства, насилье.
Наших жён, малых деток мольба
Не слышна бандерилье*.
Там расстрелы и пытки парней,
Повсеместно глумленье.
Что же лучше для «русских свиней»,
Как не их истребленье?
Но с Россией извечно Господь,
С русским воином предки.
Мы за землю — российскую плоть
Бить врага будем крепко!

**Бандерилья — образное название бандеровской орды.*

***

Снова песня звучит, она есть в Интернете,
Та, советская песня, что чарует меня.
И кто скажет сейчас: «Всё двулико на свете!»,
Понапрасну былое что есть мочи кляня?
Всё же знаю, что есть и такие в народе,
Кто и крикнет, и плюнет, добавит и «мать».
Но та песня звучит, и назло всей невзгоде
Чистым светом свечи на душе благодать.
Этим летом опять так пленительны зори.
Соловьёв уж по рощам сменили скворцы.
И советским бы песням звучать на просторе
И нестись им, как в прошлом, во все бы концы.
И пускай говорят, что кому там угодно,
Только радостны будут те людям простым.
Наши песни звучат! Что с того, что не модно?
Хорошо и природно, созвучно живым.
Вот и сердце поёт в унисон этим песням,
И незримо друзья мои вторят словам.
И я верю, что с ними Россия воскреснет,
Потому никому их порочить не дам!

***

День августа зелен, но вот желтизна,
Сквозь трепет ветвей — увяданье.
Ещё ведь недавно блистала весна! —
И с осенью скоро свиданье.
А вечер так дивен, и звёзды влекут,
Мне сердце спокойствием полня.
Но бег ежедневный часов и минут
Тревогой о долге напомнит.
О, память… Вчера я с ватагой ребят
Всё бегал по саду играя…
Вот юность промчалась… Уж виден закат…
То времени суть роковая.
Однако добиться так хочется мне,
Хоть давит тоска ностальгии,
Как можно верней и как можно ясней
Увидеть величье России!

***

Слышу шалые песни — за ними тоска неизбывная,
Слышу громкие речи — смолчит им душа.
И у встречных в глазах замечаю печаль непрерывно
я,
В них улыбку тяжёлые мысли глуша́т.
И не зря ведь, наверно, магнитные бури на солнце
Что ни день, что ни ночь нас тревожа гнетут.
Видно, там недовольны и ждут, что планета очнётся,
Отведёт от себя роковую беду.
Но не выйдет она, свою душу — Россию — отринув,
Сколь одежд ни надень, сколько слов ни скажи,
Из запутанных, гибельных, ложных путей-
лабиринтов
Геноцида, насилья, незнанья и лжи.
Потому пусть Россия вернётся к себе по всей сути,
Пусть планета поверит и сольётся с душой.
И очистятся лица людей от потёмок и мути,
И тогда назовут Землю светлой мечтой.

***

В том миру, где любить тяжело,
Где всё кличет к добыче, к наживе,
Где награды даёт только зло,

Где призывы к гуманности лживы,
В том миру лишь и нужно любить,
Утверждать, что добро ещё живо,
Не казаться, а истинно быть,
Несмотря на ошибки и срывы,
Не боясь вдруг посмешищем стать,
И для всех быть родными, друзьями,
Им с теплом отдавать благодать,
Получая огнями, корнями.
Но небесный не явится луч,
Не очистит от слякоти души,
Где сомненье косматое туч,
Где духовные царствуют стужи,
Где нет милости, вечный где плач,
Где прощения нет и в помине,
Где и мысли проносятся вскачь,
И где тонет душа, как в трясине.
Потому моё сердце болит
В беспощадном жестоком терзанье.
Ведь в Любви только Божье призванье,
Ведь в Любви постоянный магнит.

***

Не уходит никак из судьбы темнота.
Лишь просве́тишь одно, как другое на страже.
Но стучится в окно октября красота
И хорошее снова в душе будоражит.
А октябрь идёт, разжигая пожар
Многоцветья листвы по лесам и по рощам.
Темнота ж и на это досадливо ропщет,
Рваных туч и ветров нагнетая кошмар.
Выхожу в непогоду, по первости морщась.
Но родная развеет невзгоды все роща.
И, не глядя на сырость, промозглость и дождь,
Золотого убранства поспешный падёж,
Нестеснённо и вольно иду и дышу,
Охраниться стараясь от мыслей ненужных,
Бесконечной шеренги занятий досужих,
И только о свете на сердце прошу.
Но две мысли при том не дают мне покоя,
Заставляя забыть даже о красоте:
Униженье, чем Родину мир весь покроет,
И безмерная гибель российских людей.

***

Испытания вечны, как вечен и мир —
Может статься, объявят злодеем,
Несмотря на поступки, слова и идеи,
Станет рядом с тобой конвоир.
Может статься, и люди поверят всему
И плеваться начнут вслед осанне.
Но печаль лишь на миг прилепи́тся к гортани —
Ты ведь брату простишь своему.
Может статься, до Бога мольба не дойдёт,
И повиснет в пространстве молитва.
И, возможно, родные твои в этой битве
Приумножат тебе невзгод.
Будет тяжко, но веры своей не утрать,
Не сломайся во мгле и у стенки,
Ни за что не позволь, чтоб дрожали коленки.—
Далеко не всесильна та рать.
Будет суд, но иной, что в надземных слоях,
Там весы неподкупны, не лживы.
Там и сам приговор себе дашь справедливый —
На земле же терпи, но в боях.
Испытания вечны, сколь длится и век,
Но не вечна в нём не́справедливость.
Не забыть мне страну, где царила правдивость,
Где советский царил человек!

***

Возрастали стихи мои в рощах, в лесах,
Средь деревьев и трав, среди утренних птах,
Под осеннюю песню дождей,
Под снежинок ласкающий тихий полёт,
Под морозы и вьюги лихих непогод,
Средь потока весенних вестей.
Возрастали в местах, где родился и рос,
И в Москве, где трудиться и жить довелось,
И на Тульской родной стороне.
Возрастали на книгах о жизни страны
И на самом хорошем седой старины,
И в заботах о нынешнем дне.
Возрастали на песнях Великой войны
И на знанье о зверствах невиданной тьмы,
На познанье коварных их планов.
Возрастали они среди боли потерь,
Среди крови людей, когда западный зверь
Раздирал нас Каширкой, Бесланом.
Возрастают и ныне средь тягот и бед,
Средь желания нужных и важных побед,
Средь всего, о чём сердце болит.
И теперь регулярное войско стихов
Крепко бить очумелых извечных врагов
Свой поход наступательный длит!

***

Небесны, как чудо, цветы
В садах, во дворах, полевые.
Они красоты постовые
И знаки святой чистоты.
В них Ангелы тихо поют.
Легко колыханье листвы
Берёз белобоких, кудрявых
И лип медвяных, величавых,
И росной травы-муравы.
В них Ангелы тихо поют.
Плывут в вышине облака,
Парят легкокрыло пушистые,
Белы, серебры, золотистые.
Художника ви́дна рука.
И Ангелы тихо поют.
Пленительно пение птиц,
Недальнее и отдалённое,
Спокойное и оживлённое,
Талантливых наших певиц.
И Ангелы с ними поют.
Скажите, Безгрешные, мне,
Когда же Земля освятится,
От зла и от тьмы исцелится,
Поставит преграду войне?
Но Ангелы тихо поют.
Прислушался к песне я той
И понял, о чём Они пели —

«Добиться лишь можно на деле
Всего человечьей рукой!» —
Так Ангелы вечно поют.

***
Душа зарыдает от жизненных тягот,
Потянется в вечер печальной дворнягой
В осенний берёзовый лес.
А там тишина, и в листве тихий ветер,
И месяц высокий средь веток в просвете,
И звёзд золотых полонез.
Пропела спросонок вдруг поздняя птица.
Душа ищет в сладостной неге забыться,
Найти безмятежный покой.
Но вдруг одна звёздочка в небе блеснула,
И сердце мгновение то встрепенуло.
И тяготы все стороной.
Серебряной нитью в меня её сила
Тотчас же вошла, и душа пробудилась
В Высоком Небесном Огне.
Гляжу на неё, и стремленье бороться
С неправдою, ложью, со злом и уродством
Вновé возродилось во мне.

Антонина АРИСТОВА
Киреевский район Тульской области

Антонина Аристова родилась в г. Рязани. После окончания Рязанского Медуниверситета в 1977 г. получила распределение в Тульскую обл. Стихи пишет с юности. С 2009 г. участница обл. МЛитО «Муза» при Доме-музее Вересаева В. В. (руководитель Ткач В. Ю., член СРП). Имеет авторский сборник «Провинциалка» и более тридцати публикаций в разные годы в изданиях Тулы, Тульской обл., Москвы и Санкт-Петербур-га. С 2019 г. член РСП. Творчество представлено на сайте Стихи.ру.

СКАЗ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Край мещерский — глухие боры.
Там столетним соснам нету счета,
Где растит несметные дары
Мать-земля, души своей щедроты.
Там озера на небо глядят,
Глубину небес стократно множа,
Но не сине-голубой их взгляд —
Светло-карий, на янтарь похожий.*
Есть деревня в тех лесных местах.
Жизнь меняет поколений лики,
А молва несет из уст в уста
Быль-легенду о любви великой.
Там жила века тому назад
Не простая дева — разум мудрый.
К ней приехал, недугом объят,
Многославный князь из града Муром.
И, врачуя тяжкую болезнь
Да здоровье князю обещая,
Заводила речь она, как песнь,
На Господню волю уповая:

***
«Жизнь прожить — не поле перейти.
Понимаю, сердцем понимаю.
Неспроста судьба свела пути,
И, каков ты есть, я принимаю.
Ты не зря проделал долгий путь
Из краев, прославленных Ильею.
Я прошу, мне мужем добрым будь,
Буду верною тебе женою.
Разделю с тобой судьбу твою,
Вешний цвет и зимнюю порошу,
Обогрею сердцем, окрылю,
И в лихой беде тебя не брошу.
А недуг твой тяжкий исцелю,
Уврачую травами, медами
И с молитвой ложе устелю
Луговыми нежными цветами.
Пусть смиренье обретет душа,
А взамен мне ничего не надо.
Лишь бы ты, дела свои верша,
Знал, что Бог всегда с тобою рядом.
Мы родим и вырастим детей.
Вместе будем горевать иль княжить.
Став корнями множества ветвей
В одночасье вместе в землю ляжем...»

***
Голос так пленительно звенит
И из сердца льет слова простые,
Песней устремляется в зенит,
Что бы стало слышно всей России.
Ведь любовь — не значит плоти страсть.
Это свет, что наполняет души,
Чтобы грех не взял над миром власть
И очаг семейный не разрушил.
И, пройдя сквозь сотни зим и лет,
Тот очаг потомков обогреет.
На земле святой оставит след
Только тот, кто так любить умеет.

**Взгляд светло-карий, на янтарь похожий — цвет воды обусловлен торфяной почвой.*

МОЛИТВА

Ты есть Любовь от века и до века.
Я — человек — мгновение дышу.

Нет времени и сил у человека.
Услышь меня, молитвенно прошу.
Дай мне семь нот и бесконечность линий,
Чтоб нанизать мелодию мою
И в предрассветном небе темно-синем
Восславить в мир пришедшую зарю.
Дай семь цветов от радуги беспечной.
Палитру дай и пусть не дрогнет кисть,
Чтоб красота царила в мире вечно
И вместе с ней не иссякала жизнь.
Дай мне слова и силы для признанья,
Последнее, о чем тебя молю,
Чтоб на моих скрижалях покаянья
Запечатлеть, как я Тебя люблю.

ПАМЯТИ В. В. ЛИХАЧЕВА

Чтобы в этом мире быть не лишним,
В суете стремительного дня,
Помолюсь за ближнего, чтоб ближний
Тоже помолился за меня.
Раскидала нас судьба когда-то
От намоленных родимых мест,
Но она ли в этом виновата,
Что тяжел единственный мой крест.
Опустилась мгла на склоны Мары.
Господа и ангелов молю,
Чтобы отступили злые чары
От земли, которую люблю.
Не страшны метелей перебранки,
Не остудят сердце все равно.
По весне, под трели коноплянки,
Распахну я в мир свое окно.
Зацветет черемуха неробко —
Белый саван русских деревень.
Не забуду гору я Покровку,
И тропу к шиповнику в Кибень.*
Где черемух крыльями касаясь,
Осенив просторы отчих нив,
Ангелы уходят не прощаясь,
Путь к добру и вере осветив.

** Кибень — одна из деревень Киреевского района Тульской области, ушедшая в небытие.*

Виктор Васильевич Лихачев (1957—2008г.г.) — известный российский писатель, уроженец г. Киреевска Тульской обл. Автор ряда романов и сборника рассказов «Молитесь за меня».

***

Есть лихие слова,
Перемелют все в прах,
Как круги-жернова,
А не звук на губах.
А еще есть слова —
Исцеленье несут,
Как живая вода
Наполняют сосуд.
Не подумав сперва,
Говорить не спеши,
Подбирая слова
Для озябшей души.
Чтоб сумела она
Все обиды простить,
Возродиться сама
И других воскресить.
Добру слову звучать.
С ним не будешь убог.
В нем начало начал
И оно было — Бог.

НЕ ОТКАЖИ МНЕ В ПРАВЕ БЫТЬ СОБОЙ!

Не откажи мне в праве быть собой —
Веселой, беззаботной, озорной,
Когда бушует и цветет весна,
Когда душе вселенная тесна.
Позволь мне быть такой, какая есть.
Не принимать мирскую ложь и спесь.
Судьбу свою никак не укорять,
Чужих ролей себе не примерять.
Любовь дарить, как воздухом дышать,
И солнечным лучом стихи писать.
Прожить светло, достойно даждь мне днесь,
Пока хоть капля жизни в сердце есть.
Кружит моих желаний хоровод.
Мелькают дни и год сменяет год.
О, Боже! В час любой и день любой
Не откажи мне в праве быть с Тобой.

Наталья АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Наталья Викторовна Артемова — член СПР; лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лес-кова «Левша», Международного литературно-педагогического конкурса (Премия педагогического признания) «Добрая лира», дипломант общественно-литературной премии «Тэффи»; победитель Всероссийских конкурсов «Парус одинокий», «Пуская в свет мои мечты»; призер Всероссийских конкурсов «Хозяин земли», «Школьная пьеса», «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ»; лауреат Международного конкурса современной духовной художественной литературы «Молитва», Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы», Международного литературного конкурса им. С. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков; дипломант Меж-

дународного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», Всероссийского поэтического конкурса «Голоса цветов»; победитель ряда областных конкурсов. В соавторстве с сестрой вышло двенадцать детективов, книги «Мальчики, прославившие Россию» и «Девочки, прославившие Россию». Награждена дипломом Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии», Благодарственным письмом и Почетной грамотой правления СПР, Благодарственным письмом Государственной Думы РФ, медалью К. Д. Воробьева. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Последние крохи свои
Уже раздаю:
Безмерную жалость к живому,
Цветов полевую зарю.
И мир удивительных фраз,
Отделивших меня,
И с Родиной проданной связь
До конечного дня.
И ночи, и ночи без снов
Подуставшей души,
Давно ожидающей слов:
«За тобою пришли».
И ту, протянувшую руку,
Как солнечный свет,
И детства целебные звуки
Над маревом лет.

***

И грезятся до боли мне, до слез
Январские трескучие морозы,
И на дворе поджавший лапы пес,
И как из камня белые березы.
И тонкая в линеечку тетрадь
Исписана нескладными стихами,
И хочется тебе нарисовать
Морозный день не краской, а словами.
И маленькое сердце бьется в такт
Веселых рифм, кружащихся, как птицы,
И все не получается никак
За этот день слепящий ухватиться.
И все же, все же он ушел со мной
Тот сказочный, из мрамора и света,
И детскою начертано рукой:
Январский день в сплошной тулуп одетый.

***

Вот когда-то зацепило слово
И не хочет отпускать досель.
И кричит в тебе, и бьется словно
Маленькая птичка коростель.
А оно уже почти не нужно,
А оно не в силах изменить
Темный мир, в котором было вьюжно,
Хмурый день, который не размыть.
А оно в тебе поет и плачет
Сумасшедшей жизни вопреки.
Может, это что-нибудь да значит,
Если нас на песни обрекли.
Если в безысходности суровой,
От которой только сжать виски,
Приходило наважденьем слово
И рождались, как дитя, стихи.

Виктория ТКАЧ

г. Тула

Виктория Юрьевна Ткач — поэт, переводчик. Автор статей, посвященных жизни и творчеству В. В. Вересаева, и статей по литературному краеведению и истории Тулы. Также пишет эссе и прозаические миниатюры. Переводит французских поэтов-символистов. Член СРП. Автор двенадцати сборников стихотворений. Составитель книги-билингвы «Тула поэтическая» на русском и польском языках (Люблин, 2017). Имеет многочисленные публикации в литературных журналах и альманахах Тульской обл., Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга и дальнего зарубежья. Стихотворения переведены на польский и французский языки. Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы», дипломант областной литературной премии им. Л. Н. Толстого. Отмечена наградами литературных конкурсов Подмосковья, Москвы, Санкт-Петербурга. Награждена памятной медалью «Год Литературы. За особый вклад в книжное дело». Зав. Домом-музеем В. В. Вересаева, филиалом ГУК ТО «Тульское музейное объединение». Руководитель обл. МЛитО «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева. Член-корреспондент Международной общественной организации «Международная академия детско-юношеского туризма и краеведения имени А. А. Остапца-Свешникова». Постоянный автор нашего альманаха.

***

Есть Вешняя Небесная Река,
Что белопенна лепестками вишен.
Она цветет, безбрежная, пока
В ней говор пчел трудолюбивых слышен.
Пыльцовы глубина и аромат,
Тычинный ряд совьет единый профиль
Того, Кто Свет,
Того, Кто был распят,
Того, Кто Жизнь восславил на Голгофе.
И Он плывет — неспешно и легко,
Руками отводя атлас воздушный

Цветов, молитв, молчания икон —
Всего того, что ценится на суше.
Ах, Божий Сон!
Дыханье не прерви!
Теченье вспять не повернет мгновенье.
Цветут Сады Твоей Святой Любви.
И будет завязь!
И придет Спасенье!

***

Что зацвело — то думает о чуде.
Цветенье — неизменно чудо есть!
Не будет сна, безмолвия не будет.
А будет весть, восторженная весть,
Что жизнь — пришла!
Что небо опьяненно
Глядит в нектарный омут лепестков.
И солнца свет, бескрайний и бездонный,
Нисходит в душу пряно и легко.
И потому вдыхаем, осиянны,
Как будто вдруг открылась счастья суть,
Тот аромат весенний, Богом данный,
Что может в рай — всего на миг — вернуть.

***

Все мне кажется — кто-то ходит…
Или ветер стучит в окно?..
Вечерами наплыв мелодий:
Стук, шаги и рефреном «но».
По-земному бессвязны ноты
И коротки, не обессудь!
Слушать…
Слышать, не зная, кто ты —
В этом странная блажь. И суть.
Узнавать в отголосках плача
Свое сердце, что вторит в такт,—
Это что-то, наверно, значит,
Или только и надо — так?
Не чужим. И родным едва ли
Станет тот, кто зовет, зовет…
Забывали, и вырастали,
И молчали — ну кто поймет?!
Только омутно, вечерами,
Различаем и стон, и вздох…
Слушай…
Слышишь, а это с нами
Говорит бессловесно Бог.

***

Я сегодня должна посадить цветы.
Они ждут слишком долго в тугих ростках.
Землю, небо, Вселенные — создал Ты,
Мне — выращивать малое. Из песка
Строю запахи, ветер, минуты, сны.
По крупицам ссыпаю в один сосуд.
Грани точны, предельно обнажены,
Словно помнят: по срокам они умрут
И воскреснут, в гнездо свивая тепло,
И родятся другие из них слова.
Будут птицы взлетать, осенив крылом,
Будут дети играть, и расти трава.
Я не много могу. Но проходят дни,
Наполняя быстро мои закрома.
Только, нет, не богатством! Хранят они
То, что с легкой душой отдала сама:
Равновесие, теплый весенний дождь,
В каждой капле — надежда на светлый дом.
Знаю сердцем, что Ты посмотреть придешь
И останешься в малом… большом… во всем!
Потому и сажаю опять цветы.
Скоро в них, словно солнце, взойдет бутон.
…Во Вселенной, которую создал Ты,
Только если взрастишь — будешь сам рожден!

Ольга АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Ольга Викторовна Артемова — член СПР, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», Международного литературно-педагогического конкурса «Добрая лира», Международного литературного конкурса им. С. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков, дипломант общественно-литературной премии «Тэффи», победитель Всероссийских конкурсов «Парус одинокий», «Пуская в свет мои мечты», «В каждом человеке солнце», Международного конкурса «Преодоление»; призер Всероссийских конкурсов «Хозяин земли», «Школьная пьеса», «Человек доброй воли», «Vita. ТЮЗ», дипломант Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы», «Голоса цветов». Награждена дипломом Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии», Почетной грамотой правления СПР, Благодарственным письмом Государственной Думы РФ, медалью К. Д. Воробьева. В издательстве «Эксмо» (Москва) в соавторстве с сестрой вышло двенадцать детективов, книги «Мальчики, прославившие Россию» и «Девочки, прославившие Россию» и др. Наш постоянный автор.

***

Прибегут ручьи ко мне, как дети,
Скажут на библейском языке
Те слова, что сотни раз пропеты,
И уйдут к взволнованной реке.
Превращая зиму в бездорожье,
Не пугаясь, впрочем, ничего,
Породнятся, с чем только возможно,
Истово, открыто, горячо.

Через сердца снежные завалы,
Как по деревенской колее…
Так порою радость оставляет
След солено-острый на щеке.
***
Мы, усталые марафонцы,
Отправляясь в далекий путь,
С птицей в сердце бежали на солнце.
Не мечтали присесть, отдохнуть.
Поначалу мы даже не ждали
За большую скорость наград.
Просто радостью утра дышали
И бежали так, наугад.
Но потом мы узнали про смыслы,
Но потом замаячила цель.
И бежать недостаточно быстро
Стало просто стыдно теперь.
Мы спешили. Нас обгоняли.
Мы опять вырывались вперед.
Мы все лишнее побросали,
Чтобы сделать стремительней ход.
За победным призрачным греком!
За сиянием вечных Фив!
А уходим обычным следом,
Никого так и не победив.

***
Ты идешь. Просто так, без дела,
Ни грохочущих мыслей, ни слов.
А вокруг — красота без предела.
Здесь, наверно, гуляла любовь.
Здесь сильнее и сладостней запах
Свежих далей. И льется заря
Там, где осень сбросила наспех
Кружева под цвет янтаря.
Все пронизано светом волшебным.
И нельзя здесь до боли грустить,
Притворяться остывшим и бедным.
Ты же можешь еще любить.
Ты способен еще открываться,
Подмечать дорогие черты,
Как легко на огромных пяльцах
Вышивается лик красоты.
Горечь злых поражений, усталость —
Все смывает чувства прибой.
Ничего у тебя не осталось?
Но любовь ведь осталась с тобой.

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина (Дина Владимировна Марканчева) родилась в г. Щекино Тульской обл. Получила в ТулГУ высшее юридическое образование. Произведения опу-бликованы в ряде сборников и альманахов г. Тулы и г. Москвы. Автор трех сборников стихотворений «Рифмы повседневности» (2019 г.), «Рифмы путешественника» (2021 г.) и «Рифмы поколений» (2023 г.). Третья премия в рамках 4-го международного литературного тургеневского конкурса-фестиваля «Бежин луг» в номинации «Поэзия» в 2021 г. Участница ЛитО «МУЗА» при Доме-музее В. В. Вересаева. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***
Я в храме. Хор поет. Мне тридцать пять…
Во мне смешалось все и устояло:
И русский папа, и татарка мать,
И в них двоих советское начало.
Свобода девяностых и развал —
Наш город был тогда иного рода…
Во мне живет и будет жить вокзал,
Где ветер носит мусор в непогоду.
Петь песни на английском языке
И разговаривать на нем свободно,
С глобальным миром быть накоротке —
Я помню, как считалось это модным.
И окончание Поста, и Первомай,
И День Победы — все сплелось так сильно…
Как хочешь, так меня и понимай,
Ведь я такая же, как вся Россия!
Я в храме. Хор поет. Мне тридцать пять,
И это только половина жизни…
Молюсь о том, чтобы успеть понять
Все о моей святой Отчизне.

«БАБУШКИН ДОМ»

Бабушкин дом умирал постепенно.
Днем было тихо и обыкновенно.
Мята несорванной сохла под солнцем,
Лейка, цветы на белом оконце,
Книги, на стенах ковер и картины.
И не варился кисель из малины…
В память все заново будто врезалось.
Радио в кухне уже не включалось.
Дом покидали песни и звуки,
Сами себе чайник ставили внуки,
Хмурились дети — носили таблетки,
Тумбочка, вата, платки и пипетки…
Запах лекарств вместо запаха хлеба.
И голубиное крылышко неба.

«ОТ ПОТОМКОВ»

Война…
В сорок третьем первый салют
В Москве, над Площадью Красной.
Это был знак, что люди живут —
Пролита кровь не напрасно.
С тех пор родилось много людей,

Ветвятся потомков дороги…
С приходом в сознание новых идей
Остался ли шанс у Бога?
Да, непроста жизнь и у нас —
В сердце по-прежнему колко.
В лучшее верим. Здесь и сейчас
Живы. С любовью, потомки.

Ольга ДЕВЯТКА

г. Сельцо Брянской области

ОБНИМАЙТЕ ДЕТЕЙ ПОЧАЩЕ

Обнимайте детей почаще,
Согревайте любовью и лаской.
Нет объятий на свете слаще.
Только дети нам дарят сказку.
Неизвестно, как сложится дальше,
Будьте рядом, когда — непросто.
Берегите детей от фальши
И прощайте порой упорство.
Озаряйте их путь добрым светом,
Не держите в душе обиды.
Помогайте мудрым советом
Покорять им свои орбиты.
Обнимайте детей почаще,
Согревайте любовью и лаской.
Дети — чудо, желанное счастье!
Только с ними все в жизни прекрасно!

МЫ ВМЕСТЕ

Как уберечь от боли дочерей,
Укрыть крылом от злобы и ненастья,
Как отыскать средь тысячи дверей
Ту, за которой ждать их будет счастье?
Как объяснить, что мир несправедлив,
А то, что хочешь, часто невозможно,
Что могут бросить их, недолюбив,
Все обещанья станут просто ложью.
Что надо жить всем бедам вопреки,
Ценить мгновенья, радоваться свету,
Не оттолкнуть протянутой руки,
Беречь друг друга и свою планету.
Укрою дочек ласково крылом,
Все хорошо, мы рядышком, мы вместе.
Пусть наше счастье не покинет дом,
И радуга не тает в поднебесье.

ВЕРНИСЬ К ИСТОКАМ

Когда порой на многое нет сил,
Бредешь один, пытаясь скрыть тревогу.
Скорей вернись к истокам ты своим
И поклонись родимому порогу.
Когда вся жизнь несчастна и горька,
А слез следы теряются в подушке,
Умойся ты водой из родника
И помолись в заброшенной церквушке.
Пускай сейчас безжалостна судьба,
И кажется: все рухнет в одночасье,
Ты вспомни, что есть старая изба,
Где мама ждет, а вместе с нею счастье,
Где вкусно пахнет хлебом с молоком,
Где лодки спят, как птицы, у причала…
И сразу станет просто и легко.
Настанет день — ты все начнешь сначала.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Играет дождик нежный блюз,
Пьянит нас осени багрянец.
Не знала я, что так влюблюсь,
Скорее пригласи на танец.
В осеннем парке, под дождем,
Под шепот листьев с фонарями
Закружимся с тобой вдвоем,
И осень вальс станцует с нами.
Мой тихий вздох и сердца стук,
Души к душе прикосновенье,
И сладость губ, и щедрость рук…
Прошу! Остановись мгновенье!
Пусть терпкий у рябины вкус,
И ветер листья вдаль уносит…
Под нежный мелодичный блюз
С тобой нас обвенчает осень.

РУССКИЕ БЕРЕЗЫ

Опять сентябрь. И в золоте верхушки
Молоденьких, хохочущих берез,
Что обнялись, как близкие подружки,
Красавицы, во власти нежных грез.
Взъерошенные ветром-ловеласом,
Березоньки зарделись у реки,
О чем-то размечтались, о прекрасном,
Как трепетны они и как тонки!
Наш старый клен залюбовался ими,
Хранил от бед, пока хватало сил:
«Вы оставайтесь юными такими,
Без вас, поверьте, белый свет не мил.
Вы красота и гордость всей России,
Невесты наши, как вы хороши.
Святыни, что растут под небом синим,
Частицы русской пламенной души!».

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

ВРЕМЯ ПОКАЯНИЯ (Духовные бдения)

Отрывок из третьей книги поэтической пенталогии «Колесо жизни»

«Покайтесь и веруйте
в Евангелие»…
(Марк 1; 14)

«Вот, теперь время благоприятное.
Вот, теперь день спасения».
(2 Кор. 6; 2)

«Смотри в душу свою.
Бди над своею душою»…
(Святой Антоний Великий)

СТРАШНЫЙ МИР. РОКОВЫЕ ЗНАКИ.
«Страшный мир! Он для сердца тесен»…
(А. А. Блок)

***
Приблизилась пора ухода
От дел мирских, от суетни.
Какая в Вечности погода?
Какие там горят огни?
Как светят звезды во Вселенной?
Сквозь наше небо не видать.
Здесь, на земле, в юдоли тленной,
Как обрести мне благодать?
Приблизилась пора расплаты
За все безумства и грехи.
А покаянья нет. И взяты
Страстями темными стихи.
Вещественные силы мира
Сильнее духа моего.
Молчи, болезненная лира!
Ты не докажешь ничего.
Огонь прольется с небосвода
И все живое попалит.
Приблизилась пора ухода.
Знак алый в небесах горит!

***
Сейчас не время слов. Слова
Теряют смысл свой и значенье.
Но и немым есть утешенье:
Ты, музыка, всегда права!
Гуляет по России грех.
Нам кровь и дым затмили солнце.
И что слепым нам остается?
Молиться и рыдать о всех!
Оглохли мы. Орудий гром
Все заглушил для нас на свете.
О, дни безжалостные эти!
В них мы, как мертвые, живем.
Душа темна. Душа пуста.
Куда идем? Не знаем сами.
Не видим мы за небесами
Земными вечный Свет Христа…

***
Теперь уже откладывать нельзя:
Горят над миром грозные виденья.
Мы гибнем, в адской пропасти скользя,
И с каждым днем стремительней паденье.
Мы в чертовом вертимся колесе,
Себя забыв, осатанев от буден…
И, если не покаемся, то все
Погибнем. И спасителя не будет.
Наш дом разрушен. И зарос наш сад
Травою запустенья и забвенья.
Вот,— ангелы суровые стоят,
Чтобы низринуть нас во тьму и тленье.
Все, все на свете покорилось им!
И только мы в житейской круговерти
Куда-то все бежим, бежим, бежим…
Как будто можно убежать от смерти!

СОЗЕРЦАНИЕ

Люблю я сумрак октября
И ноября, и декабря…
Он осязаем, словно тьма
Египетская. Но с ума
Способен тысячи свести
И потому-то не в чести.
Все пусто: и поля, и лес.
Темны угодия небес.
И воды, скованные льдом,
Спят тяжким и холодным сном.
Во всей округе лишь одни
Мерцают желтые огни.
И чьи-то души бродят тут,
Вздыхают, плачут и зовут.
И обострился взор души.
Я вижу многое в глуши:
Народы, страны, времена…
Мне сущность Сущего видна.
Вот — созерцанье, вот — покой.
И Светоч Вечности святой!

НОЧЬ — ПЫТОЧНОЕ КОЛЕСО

Ночь — пыточное колесо —
Меня ломает, тянет, вертит,
Показывает призрак смерти
И дух, и тело — страждет все!
Ночь — пыточное колесо:
Внизу — черно, вверху — светила.
Вверх — вниз! Неведомая сила
Меня бросает и несет!
А палачи — мои грехи.
Они суровы, неустанны.
Начнут пытать — и не отстанут
Полны безумия стихий.
Как счастлив тот, кто просто спит
Спокойно, глубоко, до света…
Меня ж минуло счастье это.
Вот и опять, казня, скрипит,
Сон отнимая, жизнь и все,
Ночь — пыточное колесо!

***
Порою так противен мир!
До тошноты, до нервной дрожи.
Загажен он, затерт до дыр.
А вместо лиц лишь рожи, рожи!
Тут не помогут алкоголь
И наркотические грезы
От них чернее тьма и боль
Острее. И все слезы, слезы…
И страхи быта тут да тут.
Молчит испуганная лира.
Все песни, прозвучав, уйдут,
Рассеются в стихиях мира.
Теперь уж нет пути назад.
Иди, изнемогай от стужи.
Зачем смотреть на циферблат?
Он мертв. И календарь не нужен.
Отслеживать часы и дни —
Занятье праздное, мирское
Угасли ясные огни.
Душа охвачена тоскою.
Зажгу свечу. Отхлынет жуть.
И мрак житейской круговерти.
И вот: я в Вечность ухожу,
Где нет ни времени, ни смерти.
Хоть пусто и темно в груди.
И кажется, что нет исхода,
А все ж борись, молись, иди
И верь: отступит непогода!

ЯВЬ

В глубокой ночи, когда спит
Весь мир этот суетный, косный,—
Меняя окрестностей вид,
На землю спускается Космос.
И мир этот словно потух.
Утихло житейское лихо.
Зато пробуждается дух
И с Богом беседует тихо.
Оставив до времени плоть,
Цветет он. И в эти мгновенья
Порою являет Господь
Святые Свои откровенья.
Все сущее по именам
Назвав и изъяв нас из буден,
Показывает Он нам,
Что дальше в судьбе нашей будет.
Кружится отринутый прах,
А дух в сладкой жути и дрожи
Летает в иных небесах,
На наши совсем не похожих.
И реку бездонную вплавь
Без робости переплывает.
И эту высокую явь
Ошибочно снами считают.

ПРИЗРАЧНАЯ СТРАНА

Это было когда-то давно.
А, быть может, и не было вовсе.
Я не помню.
Я все забываю теперь.
Холодеет душа,
Погружается в вечную осень.
И начнешь исчислять —
Не сочтешь всех болезней, потерь…
Это было давно…
Но не в мире озлобленном нашем,
А в далеком,
Ином…
Но в него мы не можем войти.
Ведь забита душа
Грязно-серою снежною кашей.
И в сияющий мир
Мы навек потеряли пути.
Это было давно…
Откровенье. Небесная милость.
И стихи, и цветы,
И сияние душ в тишине.
Это было давно.
Это все мне когда-то приснилось.
И порою живу
В этом ярком, загадочном сне.

УХОД

Наши внуки уходят от нас.
Наши дети ушли уж давно.
И смотреть невозможно подчас
Страшноватое это кино.
Наши дети… Глаза их мертвы.
Наши внуки… В их душах — зима.
В диких зарослях горькой травы
Мы остались. И сходим с ума.
Плачь не плачь и кричи не кричи,—
Нас вовек не услышат они.
В этой черной, бездонной ночи
Бродят лишь колдовские огни.

Нет уже матерей и отцов,
Нет родных. Где же совесть и честь?
Только толпы живых мертвецов
Да невиданных чудищ не счесть.
Достучаться до теплых, живых
Невозможно на этой земле.
Тут бессильны молитвы и стих,
Даже музыка глохнет во мгле.
Видно, нам не дожить до утра.
И зачем? Что нам делать без них?
Это враг к нам пришел и забрал
То, что выше сокровищ земных.
Вот и все. Еще слышны вдали
Голоса. Но уж свищет беда.
Наши дети и внуки ушли.
И домой не придут никогда.

МНЕ МУЗЫКА СКАЗАЛА

Мне музыка сказала: «Если ты
Вдруг заболеешь, то лечись полями,
Лесами, водами, колоколами.
Забудь про мир. Уйди от суеты».
Мне музыка сказала: «На земле
Нет ничего достойного печали.
Все отойдет и скроется во мгле.
А ты один останешься. В начале.
Уже не будет ни забот, ни бед.
И ты услышишь ангельское пенье.
Настанет радость. Вспыхнет Вечный Свет.
Лишь надо все перенести с терпеньем.
Не сетуй на людей, на эту жизнь.
О тленном мире горевать не стоит.
Живи лишь проще. Господу молись.
Он все тебе подаст и все устроит».
И я, узрев святую высоту,
Небесные сияющие дали,
Душой воспрянул и пошел к Христу
На Свет Его из глубины печали!

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

Три часа. Петухи прокричали.
Занимается летний рассвет.
О, душа! Отдохни от печали.
Почему в тебе радости нет?
И душа отвечает: «Не в силах
Из тяжелой тоски я восстать.
Поздно! Чувствую холод могилы.
И ушла из меня благодать.
А жестокая давняя распря
Разрывает и жжет. Грязь и прах.
Не могу сосчитать, сколько раз я
От Христа отрекалась в грехах.
Отрекалась делами своими,
Пребывая в угодиях зла.
Сколько раз я Святейшее Имя
С лицемерием произнесла!
Чтобы светлую жизнь не начать мне,
Вспоминая молитву и стих,
Запечатаны вечной печатью
Все грехи. Не отмыться от них.
В этом мире, жестоком и странном,
Не омоет святая вода
Мои раны. Глубокие раны.
Им уже не зажить никогда».
Я ответил: «Унынья не надо.
Покаянья настала пора.
Чтоб не стать тебе пленницей ада,
Вспомни вечные слезы Петра.
Страх напрасен. Сомнение ложно.
Будет все: и прощенье, и свет.
Человеку сие невозможно.
Для Христа невозможного нет».

ЧИТАЮ ПСАЛТИРЬ ПРИ СВЕЧАХ

Читаю Псалтирь при свечах.
Читаю Псалтирь при лампадах.
Из сердца уносит прах,
Уходит дух смерти и ада.
И жизнь воцаряется в нем,
И Свет. И в возвышенном свете
Горит все небесным огнем,
Как мир наш в багряном рассвете!
И близко к душе благодать,
И радостна тяжесть страданья.
И сердцу отрадно рыдать
В сладчайших слезах покаянья!

ГРОЗА ПРОШЛА

Гроза прошла. В природе тишь.
Не вздрогнет ветка и листок
Не шелохнется. И молчишь
И чувствуешь: не столь жесток
Весь этот мир земных красот
И бурь, и гроз, и синевы…
Порой он радость нам несет,
Чтоб духом не слабели мы.
Недаром полная луна
Дозором ходит по дворам…
В душе такая тишина,
Что слышен ангельский хорал.
И больше нечего желать.
Дела мирские подождут.
А ныне — свет и благодать,
Хоть и на несколько минут.

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

Евгений Викторович Шепеленко родился 15.02.1958 г. в Белгородской обл. Детство и юность прошли в Мурманске. Окончил Самарский аэрокосмический госуниверситет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литжурналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат Третьего Международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013 г.), дипломант Пятого международного конкурса, посвященного С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы. Член РСПЛ. Стипендиат Министерства культуры РФ. Наш постоянный автор.

Я ОСТАНУСЬ

Небеса оставались голубыми,
облака — кудрявыми, лебеди
били воду красными лапами,
а люди рождались, ожидая смерти.
Анна Матвеева, «Небеса».

Все умрут, а я останусь —
Думал мальчик в десять лет,
Но к нему подкралась старость
Завернувшись в старый плед.
Ходит старость по квартире
С перекошенным лицом,
Навалилась старость гирей,
Спину выгнула кольцом.
Хрипло стонут половицы,
Ждет холодная кровать,
Страшно мальчику ложиться,
Но еще страшней вставать —
У него на лбу морщины,
И царапины в душе,
Уж не мальчик он — мужчина,
Только старенький уже.

ВАНЬКА ЖУКОВ

А Ванька Жуков взрослый парень,
Легко подковы может гнуть.
Он сам теперь селедкой в харю
Любому гаду может ткнуть.
Все так же бегает на почту
И ждет от дедушки ответ,
А ночью, в скважине замочной,
У Ваньки виден тусклый свет.
Он пишет деду, что приеду,
Вот только денег подкоплю,
И адрес: «На деревню деду»,
Скучаю очень и люблю.

КОЛЬКА

Ледяев Колька в пятом классе,
Он стал совсем уже большой.
У Кольки мать капусту квасит,
И ни копейки за душой.
К ним в гости ходит дядя Петя,
Он знаменитый эскулап,
Он самый лучший врач на свете,
но больно уж охоч до баб.
Он маме делает подарки,
И просит Кольку погулять,
А в коммуналке всем кухаркам
Слышна скрипучая кровать.
Гуляет ветер в подворотне,
И сидя ночью на крыльце,
Держа подаренную сотню,
Мечтает Колька об отце.

Анатолий ЯЛЬНИЦКИЙ

г. Брест, Белоруссия

Анатолий Петрович Яльницкий имеет высшее техническое образование. Публиковался в коллективных сборниках, литературных альманахах «Параллели», «Крылья», «Царицын». Финалист литературных конкурсов «Центр Европы», «Мгинские мосты» и др. Гран-при конкурса «Под небом Рязанским — 23».

ПОКЛОНЮСЬ НИЗКО ОТЧЕМУ ДОМУ

Поклонюсь низко отчему дому
И за все попрошу я прощенья,
Не выходит мне жить по-другому:
Без падений и без восхожденья.
Иногда схватит чувство досады,
Острой в сердце вонзится занозой.
Все ли делалось в жизни как надо?
И менять в ней не слишком ли поздно?
Черствым был или слишком жестоким

Для того, кто любил бескорыстно,
А быть может признания строки
В небытье уходили неслышно?
Под мечтанья и светлые думы
Позабудутся мрачные лица.
Я так счастья просил у Фортуны,
А оно в отчем доме таится.

ЗАСКУЧАЛ

Пусть резвится судьба непростая
Пока лучшая песня не спета.
Прогони, снегириная стая,
Эту зИму в объятия лета!
Запляши озорными огнями,
Не стесняйся исполнить свой танец,
Мне давно уж короткими днями
Надоел снега хрусткого глянец.
Заскучал я по краскам весенним
И по майским раскатистым грозам,
Все равно скоро зиму заменит,
Март заменит по точным прогнозам.
Снегири унесутся на север,
Возвратятся в родные пенаты,
Надо искренне в лучшее верить,
Ну, а вера — она ведь крылата.

ЦЕРКОВНЫЙ ХОР

И понял я с недавних пор,
Нет лучше пения на свете,
Когда поет церковный хор
И подпевают ему дети.
Мотив захватывает дух,
Душа потухшая светлеет,
И хочется молиться вслух,
На веру уповать сильнее.
Как будто сотни сильных рук,
От зла тебя хранят, лелеют,
И как прекрасно все вокруг,
Слова простые сердце греют.
Несутся мысли плавно вдаль,
Обходит стороной унынье,
И мира бренного печаль
Волной гнетущей не нахлынет.
И верю — слышит святый Бог,
Дает надежду на спасенье.
И в написанье данных строк
Дано Его благословенье.

ЗА ТЕХ, КТО В ПУТИ

Не изводит пусть сердце тревога,
Помолитесь за тех, кто в пути,
Кому выпала снова дорога,
Без падений ведь жизнь не пройти.
Кто-то ищет счастливую долю,
Кто бежит от терзаний судьбы.
И бредут по бескрайнему полю
Пилигримы под шепот мольбы.
Охладит ли порыв непогода,
Полыхнет ли несносно жара,
До заката идут от восхода,
Позади оставляя «вчера».
Пожелайте добра и удачи
На изгибах колдобистых трасс,
Пожелайте успехов, а значит:
Добрым словом отметят и вас.

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Олеся Ивановна Маматкулова родилась 19 февраля 1980 г. в г. Щекино Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор четырех сборников стихотворений:«Волшебный лепесток», «Почерк души», «Мысли и чувства», «Заповедная тропа» и сборников песен: «Серебряный родник» и «Звонкие капельки». Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член обл. МЛитО «Муза». Член СПР и АРЛ. Награждена медалью им. И. А. Бунина «За верность отечественной литературе». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Лето бродит по пряным покосам
И по травам считает часы.
На тропинках, пропитанных солнцем,
Легкий запах июльской росы.
Сумрак шьет на ветвях темный ситец,
Шелест волн на реке поутих.
Вот и все — осторожная птица
Осмелела в ладонях твоих!
И теперь — ни свобода, ни ветер —
Пусть и пугана прежде людьми —
Не нужны! Рук теплом обогрета!
Так уютен ей маленький мир!
Так надежды светлы и реальны!
Не обманешь — душа не соврет!
Вечер крошкой алмазно-хрустальной
Осыпает седой небосвод…

***

Укроюсь шалью синего заката,
Обуюсь в летний шелк зеленых трав,
Пойду тропой, где ночь луной распята,
Гулять одна, до самого утра.

Вперед! Туда, где сеет сумрак звезды,
Где волны расшивает канитель,
И благостью пропитан свежий воздух,
Где ключ надежд еще не оскудел.
Пойду искать, ведь ищущий — обрящет! —
Тот светлый храм доверчивой души,
Где прошлое не спорит с настоящим,
А будущее сбыться не спешит.
Пойду сказать негромкое «спасибо»,
На сердца тихий, но упрямый зов,
За то, что огоньком неугасимым
Горит моя заветная любовь.

РУСЬ БЕСКРАЙНЯЯ

Из ромашек и донников соткана
Даль искрится в плетенье лучей.
Гладит ветер изящные локоны
Синеокой России моей.
В небо вьется тропа косогорами,
Мягкий мятлик щекочет ступни.
Все здесь близко мне, свято и дорого,
Все свободе и счастью сродни.
Все пронизано светом и памятью…
Растревожено сердце до слез.
Русь бескрайняя, домики-ставенки
В кружевах белоствольных берез.
Лягу в травы, в их бархат особенный,
Окунусь в ароматы цветов.
Рассказать о любви к своей Родине
Не хватает мне ласковых слов…

НА КАРТИНУ И. ШИШКИНА «РОЖЬ»

Солнце плавит сусальное золото —
Тяжелеют ржаные колосья.
Что-то шепчут друг другу взволнованно
Васильки — синеокие гости.
Зерна пышут, лучами налитые,
Нынче год на хлеба плодоносный!
Землю эту родную, великую
Стерегут богатырские сосны.
Им надежно из мягкого бархата
Изумрудные сшиты кафтаны,
Воздух терпким, настоянным запахом
Вдаль зовет за собой неустанно.
На дороге, что травами выстлана,
Где ромашек рассыпался бисер,
Постою да пойду в даль искристую,
Улыбнусь чистоте добрых мыслей.
Затеряюсь в соломенной озими,
Надышусь так, чтоб врезалось в память.
Ясным днем, вечерами ли поздними
Дорожу я родными местами.
Поле-полюшко! Нива безбрежная!
Тонет взгляд, затерявшийся в море!
Знать, к тебе всякий раз неизбежно мне
Возвращаться и в счастье, и в горе…

***
А на обед сегодня август
Готовит зной в тарелке дня,
Где даже солнце шепчет: «Плавлюсь…»,
Янтарным отблеском дразня.
А на второе — снова лето!
И запах скошенной травы,
Со звездным привкусом рассвета,
И радуг ливней грозовых…
А на десерт опять послаще —
Воздушный яблочный пирог,
Ганаш с рисунком птиц летящих
И астры розовый цветок.
А из напитков нынче брага
И на губах горчащий мед.
Сегодня легкий хмель во благо,
Так пусть же солнце его льет!
Сегодня все, как по старинке —
Тепло уходит на постой…
И август сердцем материнским
Нас одаряет добротой.

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол Вологодской области

ДОБРА ОРИЕНТИР

Осень-целительница,
Покраснела рябина,
Посинела вода.
С. Есенин.

Засмотрелась рябина
В заводь сонной реки,
Серебрит паутина,
Золотят огоньки,
От созвездия Лебедь
Отражается крест.
Полумесяца гребень
Освещает окрест.
Из чернильного мрака
Выплывают дома.
Шепчет ветер-бродяга
— Скоро, скоро зима.
Закружит и завьюжит
Затяжная пурга,
Равновесье разрушит,
Спрячет в снег берега.
Дней безжалостный жернов
Перемелет в труху

Ком натянутых нервов,
Лишних слов требуху.
Осень шлет исцеленье,
Отпускает грехи,
Душ заблудших спасенье
От невзгод и тоски.

ПОДРУГА ОСЕНЬ

Холодный вечер. В сумраке туманном
Уюта хочется, сердечной теплоты,
Поразмышлять о чем-то самом главном,
Поговорить бы обо всем без суеты.
Объятья Осень нежно приоткрыла,
Вела неспешно разговор о том, о сем.
Душевностью невольно покорила,
Вот так бы рядышком сидела день за днем!
Судьба моя, как книжные страницы,
Сюжет петляет гладью по канве.
Мгновенья счастья — мелкие частицы,
Как зв»здочки в небесной синеве.
Бушует время — век наш суматошный,
А нужно ли кому-то объяснять,
Что гены нитью будущего с прошлым
Переплетаются, как Инь и Янь.
И тем желанней радости мгновенья,
Природа исцеляют без лекарств!
Неповторимо мироощущенье
И ценится дороже всех богатств!

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Затерялась где-то деревенька
На просторах северных страны.
Снится дом родительский частенько,
Будто бы смотрю со стороны:
Самовар, начищенный, у печки,
А в окошке ветреный закат.
Плот привязан колышком у речки —
Пацанов бессменный экспонат.
Крики журавлей, летящих клином,
Стрекотание сверчков в овсе
И в жужжанье громком комарином
Детство предстает во всей красе.
В деревеньку съездить на денечек
Мне мешает множество преград.
Душу греет детства уголочек,
Память дарит доброты заряд.

Тамара ТЯБОКИНА

г. Сельцо Брянской области

Тамара Ивановна Тябокина родилась 5.10.1957 г. в г. Жигулевске, Самарской обл. В возрасте четырех лет переехала с семьей в п. Сельцо. Поэзия для нее — это способ выразить свое видение жизни, красоту нашей природы и прекрасные мгновения любви. Публиковалась в газетах «Сельцовский вестник», «Брянский рабочий», альманахах «Литературный Брянск», «Белые паруса». Автор книги «Космеи нежный свет». Член МСПМИ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

До чего прекрасна русская земля:
Колосится нива, широки поля,
Скирды из соломы цвета янтаря,
Яркие подсолнухи солнышку родня,
Лентой синей вяжется реченьки петля.
Как же ты прекрасна, русская земля!

***

Пусть кто-то крутит пальцем у виска,
Смотрю я ввысь влюбленными глазами,
Природа мне отрадна и близка —
Часами я любуюсь облаками.
Дождинки пробую горячими глазами,
Кровь будоражит жгучая метель.
И пусть зима укутана снегами,
Но дома ждет уютная постель.
Из космоса поддержку ощущая,
Нет, не боюсь всегда идти вперед.
Я на земле — как посредине рая,
Душа невзгоды все переживет!

СТИХИ О МАМЕ

Я помню руки теплые твои
С коричневою огрубевшей кожей.
Как далеко остались детства дни,
Но ничего на свете нет дороже.
С тобой спасались летом от грозы,
Ты нам рассказывала на ночь сказку.
Все дети были для тебя равны,
Дарила щедро нам любовь и ласку.
Ты нам пекла на Пасху куличи —
Я ничего вкуснее не едала!
А пироги румяны из печи,
Мы ели их, и нам все было мало.

Ты нас водила за черникой в лес,
Нам говорила, что для глаз полезно.
В лесу том сосны были до небес,
И было нам все это интересно.
Мы делали ошибки не со зла,
Прости, родная, если обижали,
Ведь это просто молодость была,
Мы многого тогда не понимали.
Пишу, и слезы лью из глаз ручьем.
Теперь я у тебя прошу прощенья.
Уроки жизни снова извлечем,
И это будут слезы искупленья!

МЫСЛЕННЫЙ РАЗГОВОР

С упреком смотрят на меня твои глаза,
Читаю сердцем я вопрос немой.
И сразу катится отчаянья слеза —
Стоит портрет под траурной каймой.
Ты знаешь сам — всегда тебя любила...
Но жизнь, родной, на месте не стоит.
Я ничего, ты верь мне, не забыла,
И этому судьба благоволит.
Живу за нас, чтоб радовались внуки.
Они твердят порой: «Ты не умрешь!».
Боятся дети на земле разлуки,
От их вопросов пробирает дрожь.
С тобою в них уже мы повторились:
Два ангела живут на радость нам.
Их волосы на солнце золотились,
А я делила радость пополам.
И о тебе так много говорили!
В вопросах неподдельный интерес.
Не упрекай, тебя мы не забыли —
И мыслей путь до самых до небес!

ПОД СЕНЬЮ ЛИПЫ ВЕКОВОЙ

Под сенью липы вековой
Стояла дивная беседка.
Здесь Овстуг Тютчева родной
И край его далеких предков.
Гостил подолгу наш поэт,
Россию воспевал стихами.
Прошло уже немало лет,
Но Тютчев и поныне с нами!

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Листья разноцветные падают кружась,
Золотыми буквами пишет осень вязь!
В изумрудной озими русские поля,
Как красива осенью матушка-земля!
Только дней погожих нынче мы не ждем:
Паутинки рвутся под косым дождем,
Клинья журавлиные тянутся на юг,
Люди в ожидании первых зимних вьюг.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Ольга Михайловна Борисова — поэт, переводчик, писатель, публицист, общественный деятель. Организатор Международного фестиваля «ЛитКузница», Международной литературной конференции «Слово», член СПР. Автор 18 книг поэзии, прозы и публицистики, а также на ее стихи издан сборник романсов (ком. Г. Разбаева). Победитель и призер многих международных и российских фестивалей и конкурсов. Песня на ее стихи стала победителем в конкурсе на радио «Новая песня — 2023». Книга рассказов «Калиновка и ее обитатели» стала серебряным призером на Международном конкурсе «Лучшая книга года —2023». Лауреат шести международных литературных премий. Дважды стипендиат Министерства культуры РФ. За заслуги в литературе и культуре награждена медалями и грамотами. Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Переводит с восьми европейских языков. Кроме России публикуется во многих странах дальнего и ближнего зарубежья. Член Европейского конгресса литераторов, руководитель Самарской РО РСПЛ, главный редактор литературно-художественных и публицистических альманахов «Параллели» и «Крылья», журнала «Параллельки», член редакционного совета журналов «Белая скала», «Царицын». Член ЛИТО «Точки» при СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

КРЫША

А крыши любят не людей, а птиц
И весны, что с кошачьими глазами.
Сегодня день на радости когтист,
И мир измерен точными весами.
Не слышно птиц и вязка тишина,
И, кажется, все движется к началу.
И только где-то вздорная жена
О чем-то неразборчиво кричала.
Но гул взорвал над крышей край небес,
И самолет промчался серебристый.
Он всем ветрам летел наперерез —
Стрелою к цели — яркий и лучистый.
И птицы закружили во дворах,
Вспорхнули в выси, вспомнив, что крылаты.
«Ну, здравствуй, крыша!» —
прячу в сердце страх. —
Кто ближе к небу, те душою святы.

ДРАКОН

В себе дракона побеждать
Учили нас пророки.
Мои признания, тетрадь,
Держи в себе до срока.
Огонь и звуки медных труб
Пройти и мне настало.
А мир жесток и часто груб,
И радости в нем мало.
Скрипите жизни жернова,
Перетирайте память.
Все — пыль и сорная трава,
Их скроет жизни замять.
Драконье семя в каждом есть,
С корнями вырвем всходы.
Взрастим в себе любовь и честь,
И пронесем сквозь годы.

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Я вышиваю жизни полотно,
Над ним корплю с иголкой ежедневно.
Беленый холст — в таинственность окно,
Где полнится рисунок вдохновенно.
Зеленой нитью вышила луга,
Леса, долины и вершины сосен.
Стежками разукрашу берега
И в желто-красный цвет одену осень.
Мелькают иглы в пальцах быстрых рук.
Ложатся тени темно-серой краской
На линии дорог и малый круг,
Где всех путей находится развязка.
Я гладью вышиваю все цветы.
Синеет василек на поле сжатом.
В сторонке — мак, погост и в ряд — кресты
На островке, со всех сторон зажатом.
По полотну плетется жизни нить.
Здесь все цвета, лишь красного немного.
Осталось мне сюжет соединить
Во все концы изменчивой дорогой.

СНЫ ПТИЦ

А птицам снится небо.
На зов неясный слепо
летят в бездонность выси,
себя над всем возвысив,
и пьют они свободу,
как рыбы в море воду.
А птицам снится воля,
необозримость поля
и васильки, ромашки,
и малые букашки,
цветущий сад у хаты,
у будки — пес лохматый.
Не снятся птицам зимы,
и вьюги злые мимы,
холодные рассветы,
мерцание планеты.
Им снится крошка хлеба
и снится снова небо.

УМЕЮТ СЛУШАТЬ

А травы умеют, и слышать, и слушать,
И многое знают они.
Открой перед ними усталую душу
И небо ни в чем не вини.
Ведь травам известны страданья земные,
Им выстоять срок нелегко.
Кропят их весною дожди проливные,
И солнце от них высоко.
А травы умеют и слышать, и слушать,
Но мы их не можем понять.
Открой перед ними усталую душу,
Чтоб с ними едиными стать.

ЗЕМНАЯ

Я земная, земная, земная!
Говорила себе всякий раз,
Но дарована жизнь мне иная,
Неземною я стала сейчас.
Я теперь улетаю в рассветы,
Поднимаюсь над краем земли.
Не шагаю — лечу по планете,
Провожаю в закат корабли.
Наслаждаюсь мгновение каждым,
Вижу промысл Божьей руки.
Мне придется ответить однажды
За свои и чужие грехи.

У БАБУШКИ

Петух горланит. Петка, друг, молчи!
Еще я нежусь в ласковой постели
И слушаю, как буйствуют ключи
У девственной природной колыбели.
И бабушка еще плетет косу,
Укладывая ловко на затылке.
И точит дед во дворике косу,
Собака разбрехалась на развилке.
Сейчас затопит в кухне баба печь
И будет хлеб ваять в тазу зеленом.
И свет румяный будет с неба течь
По стенам, по печи и по иконам.
И молоком наполнится стакан,
Он — для меня, накрытый полотенцем.
Скулит привычно у окна Полкан,
Нетерпеливо вглядываясь в сенцы*.
И нет проблем, и мир, как Божий храм,
И, кажется, такое будет вечно.
Но сердце разорвется пополам,
Когда былое скроет бесконечность.

**Сенцы — помещение между жилой частью дома и крыльцом*

Марина ЩЕНЯТСКАЯ

г. Белгород

Щенятская Марина Александровна родилась в 1984 г. в Белгороде. Окончила Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова; кандидат экономических наук, доцент того же вуза. Автор книг стихотворений «В сети волшебных лабиринтов», «Из солнечных ладоней». Стихи публиковались в литературных журналах: «Москва», «Молодая гвардия», «Александръ», «Приокские зори», «Краснодар литературный», «Звонница», «Южная звезда», в альманахах: «Чаша круговая», «Ковчег» и других изданиях. Лауреат литературных конкурсов и фестивалей. Член Союза литераторов Белгородской обл. Постоянный автор нашего альманаха.

***

Все быстротечно. И все отцветает.
Что же останется мне? —
Отблески звезд и земля золотая
в солнечном раннем огне…
Славная песнь соловья на рассвете
радость прольет и печаль.
Искренний ветер мне тихо ответит:
«К Богу душою причаль!»

***

Расскажите мне, травы, мои ковыли,
как мы, люди, неправы на просторах Земли.
Жить бы людям, как птицам, не ведая зла,
в милосердное небо окуная крыла —
над родными полями, где песня нежней,
покоряясь свободе стремительных дней.

АХ, ПЕТЕРБУРГ!

Ах, Петербург! Ты лекарь, друг и брат;
приют душе, печалью опаленной.
Пусть совпадут — мой предосенний взгляд
и твой характер, с осенью сплетенный.
Позволь сквозь ночь беззвучно прошагать
под стук сердец, мостами разделенных,
свою тоску на волю отпускать
в твой Летний сад на тропах утаенных.
По мостовым восторженно ступать —
где Пушкин шел — задумчивый, влюбленный
и лирой, вдохновенной, окрыленный,
смотрел на невскую взволнованную гладь.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

г. Тула

ИЗ КНИГИ «ПОХОЖАЯ НА ОБРАЗА»

ЛЕБЕДЬ С ДЕВИЧЬИМ ЛИЦОМ

Стены дома, что напротив,
залиты косым дождем.
Но — весна! Уже на противень
рукодельных птиц кладем.
Мама жаворонков лепит,
любы ласточки сестре.
Ну а я — ваяю Лебедь!
С жемчугами на пере!
Чтоб во лбу звезда горела,
месяц косу золотил!..
Говорит сестра: «Ва-ре-ла!
Ты все тесто захватил!..»
Ты прости меня, сестренка —
я иначе не могу:
скоро-скоро жаворонка
я услышу на лугу,
скоро ласточки, ликуя,
пронесутся над крыльцом.
Но вот встречу ли такую
Лебедь — с девичьим лицом?..

ПОДЗОРНАЯ ТРУБА

Подзорной трубы непонятная магия,
необъяснимое свойство:
Меж линз раздвижных и, казалось, предельно
простых
Весь мир помещая, внушать и внушать
беспокойство,
Что важное — скрыто и главного — я не постиг.
Вращал окуляр я — и видел все, как на ладони:
далекие рощу и поле,
Еще переезд станционный, и насыпь, и рельсы,
дорогу, шлагбаум, избу.
И два силуэта… И все мне казалось, что там
от отчаянья, горькой обиды и боли —
Моя одноклассница Люба, красивая добрая
Любушка, плачет, свою проклиная судьбу.
А, может, не плачет уже — а задумала
страшное что-то: как ей не казниться?
Ведь сам рассказал мне хвастливый ее ухажер,

Как вел ее в рощу, клянясь, говоря, что она —
лучше всех, что навек полюбил, обещая жениться,
А после смеялся: «Плевал я на этаких жен!».
Ходил он в героях, не вскакивал ночью с постели
От сдавленных стуков, рыдающих стуков колес,
А я просыпался и видел в трубу мою, как под луной
станционной избушки той окна блестели,
Как будто бы это глаза милой Любушки,
бедной обманутой Любы — за миг до трагедии
полные ужаса, полные слез!
И странно мне было наутро, и страшно мне было,
что нужен, как прежде, ей он лишь — предатель,
Чьи речи бесстыдны, поступки жестоки, коварны,
нахально — грубы!
А я — посторонний, а я — третий лишний, увы,
я всего лишь влюбленный в нее наблюдатель,
К тому ж обладатель, к несчастью,
отличной подзорной трубы…

ПОДАРОК

Может, просто ты была рассеянна,
может, разлюбив — не отвечай! —
мой подарок в томике Есенина
возвратила вдруг и невзначай.
Мы расстались. Ты другого выбрала,
и была другому ты мила…
Но однажды медуница выпала
и легла на зеркало стола.
И рукою, вздрогнувшей и робкою,
я к цветку притронуться боюсь —
будто, отраженный полировкою,
как и он, внезапно раздвоюсь.
И опять с тобою рука об руку
в царство фей, берез и медуниц
мы пойдем, беспечные, по облаку
песенных есенинских страниц.
И опять — все кончится: рассеянна,
не сказав последнего «Прощай!»,
медуницу в томике Есенина
возвратишь ты — вдруг и невзначай…

КОЛОКОЛЕНКА

Восемь дней мы гребли без устали,
и рубеж загаданный взят.
С колокольни Ниловой Пустыни
мы оглядываемся назад.
Вспоминаются дали дальние,
песни долгие у костра,
вспоминаются Богом данные
селигерские вечера…
Дым струится, стирая лица,
но отчетливо вижу ту —
на какую перекреститься
захотелось мне — красоту.
И мне кажется: не случайно я
ждал и нежность приберегал
для очей твоих цвета чайного,
цвета сосен по берегам.
Все — родное, и все — в диковинку,
и я знаю: навек уже,
будто звонкую колоколенку,
унесу я тебя в душе!
Унесу я тебя, высокую,
с песней щедрою и простой,
камышом и речной осокою
выводящую на простор.
Чтоб в моей Одинокой Пустыни
свет сосновых очей светил,
чтоб идти мне всегда без устали
на надежный ориентир.

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ БЛОНДИНКА

Как забыть, скажите, Вас
если каждою весною —
миллионом Ваших глаз
листья блещут надо мною?!
Если у любой из рощ
Ваш черемуховый локон!
И, как я с цветами, дождь —
с радугой у Ваших окон!
Если правите давно
миром этим, солнце застя,
Вы одна — и зелено,
белокуро в нем, глазасто!..

В УСАДЬБЕ ГРИНА В СТАРОМ КРЫМУ

Наконец-то! Вот мне и награда:
я в усадьбе Грина, я в Крыму!
Пару слив из гриновского сада
в Тулу я, на родину возьму.
Говорят, что это на удачу,
на любовь и нежность, на стихи!
Может быть, я жизнь переиначу,
может, отмолю свои грехи.
И всего добьюсь: в большом и в малом —
и для той, из мира «Майкрософт»,
стану наконец-то самым алым
из невиртуальных парусов.
Знаю: ей, компьютерной особе,
часа нет — взглянуть по сторонам,
но она — из гриновских Ассолей,
из его Бегущих по волнам.
Ночью просыпается и грезит:
Грэя ждет иль Грина самого.
Будет она верная, как Дэзи —
Нина Николаевна его.
С ней, с такой, и в бурю я не сгину,
и коль все случится, как хочу,
всей семьею мы приедем к Грину —
и сорвем для дочки алычу!
Боже мой, как просто стать счастливым! —
верить ветру, верить небесам,
верить алыче и верить сливам,
верить своим алым парусам!!!

ЗЕРКАЛА

Чья-то ласковая дочка.
Чья-то верная подруга.
Чья-то страсть.
Но в этом зале, где сверкали зеркала,
в этом городе и мире, где не встретили друг друга,
ты была моей мечтою, ты надеждою была.
И антракт уже кончался — жизнь дошла
до середины,
и когда устал я верить, обнимая пустоту,
пошептались мрак со светом, и зеркальные глубины,
перебрав свои запасы, вдруг явили мне мечту!
Я не знаю, что мне делать с неожиданным подарком:
страстью, дочкою, подругой и мечтою, что искал, —
что вдруг стала мне всем сразу!
И тревожно в мире ярком
щедрых пьес и карнавалов и смеющихся зеркал.

ДОМИК ТВОЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ ОТ УГЛА

Будто старичок подслеповатый,
Вот же он, четвертый от угла,
Домик голубой, где ты когда-то
Маленькою девочкой жила.
Добрые доверчивые бревна,
Не отдайте стуже и грозе
Память дорогую, где подробно
Все о той далекой стрекозе:
Где ее любимая дорожка —
Бегать в зацветающем саду,
Где ее заветное окошко,
Чтобы любоваться на звезду.
Вы храните, милые, храните
Даже гвоздь, где вешали белье,
И тяните, бережно тяните
Нити снов безоблачных ее.
Тает лет шагреневая кожа.
Но дождемся, может быть, мы дня —
Рассказать все той, что так похожа
Будет на нее и на меня.

ДНЕВНИК

Людмиле

Я нашел его случайно
среди старых школьных книг,
и не понял я сначала,
что тетрадка та — дневник.
А когда прочел запоем
чью-то юность, чью-то грусть —
в смысл вник, стихи запомнил,
что встречал там, наизусть
повторяя — зарябило
вдруг в глазах, и обомлел:
это — жизнь моей любимой,
где — ни слова обо мне!
Устыжусь: читал! Но каюсь
в той нечаянной вине.
Да и что дневник твой? — Казус,
где — ни строчки обо мне!
В нем — чужие люди жили,
милой думы полоня,
и нисколько не тужили,
что не знают про меня...
Наконец, припомнив даты,
смог я истину извлечь:
был закончен он когда-то
в предэпоху наших встреч!
Почему же то пустое,
что, быть может, в дневниках
и описывать не стоит, —
не забудется никак?
Тени тайного укора
закрывают небосвод:
переплет из коленкора —
мой невольный переплет!
И, растерянный, ревную —
к тем, к далеким временам,
где судьбу свою иную
ты звала по именам...

ЗАМЕЛО ДЕРЕВНЮ

Замело деревню: избы, риги,
света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
круглые, большие, из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый, важный,
ждущий: ну когда же пировать.
Обрядили бабушку в обновы
смертные, отпел ее собор —
и такого вкусного, ржаного
не едал я хлебушка с тех пор…
Замело поселок — лишь церквушки
светятся высокие кресты.
Пироги румяные и плюшки
вынимала мама из плиты.
Смазывала маслица кусочком,
ставила на стол их остывать.
И сидел я дорогим сыночком,
ждущим: ну когда же пировать.
Обрядили мать. Душа — как пустынь,
где спьяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
я уже, конечно, не едал…
Замело Заречье и Зарядье:
город весь — как в праздничной парче!
Вынимает милая оладьи
из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра еще не евши,
подожду, пока им остывать,
посижу я мужем постаревшим,
вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу: «Небесной манны —
вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
и боюсь я траурных обнов…

Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ

г. Тула (04.05.1937 г. — 10.05.2025 г.)

Эдуард Павлович Георгиевский — поэт, прозаик, член СПР, член-корреспондент Международной академии российской словесности (МАРС-Австралия), гл. редактор альманаха «На крыльях «Пегаса» и его приложения «Пегасик». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заслуженный врач РФ. Наш постоянный автор.

НЕЗАБУДКА

Раскололось будто небо на кусочки,
Разметало ветром по полям, лугам —
Эти небольшие милые цветочки
Вижу я повсюду: тут и там, и там.
Как они похожи эти незабудки,
Синевой своею просятся в глаза.
Я лишь полюбуюсь — собирать не буду —
Соберу букетик по пути назад.
А пока пройдусь я медленно по тропке,
И дойду до пляжа — загорать пора,
И одно желанье загадаю робко,
Сбудется уж если — буду очень рад.
Я собрал букетик незабудок синих,
И его по тропке нежно я несу,
Я собрал кусочки той небесной сини,
Что видны средь сосен в вековом лесу.
Вижу: мне навстречу грациозным шагом
В легком сарафане девушка идет,
Подошла поближе — не поверил даже:
В сотнях незабудок сарафан цветет.
Я ей улыбнулся, и она мне тоже,
А в глазах лучистых неба синева.
Ведь на незабудку вся она похожа,
Отдал тот букетик, и она ушла.
Вышло, что сбылóсь то мое желанье,
Все равно я счастлив, если же она,
Может быть, уходит с милым на свиданье,
Словно незабудка, нежности полна.

ПОЛЯНА ЛЮБВИ
(из цикла «Диалоги»)

Она: «За рекою Окой, где шумит темный лес,
Ты мне как-то сказал: есть немало чудес.
Ну, хотя бы одно ты из них назови»:
Он: «Это чудо — Большая Поляна Любви.
В золотой листопад, в пору солнечных дней,
Собирает Поляна на свадьбы лосей.
Далеко-далеко слышен их трубный звук
И лосиных рогов боевой перестук.
Третий — лишний всегда, третий — в роли врага,
И стучат, и стучат в этой схватке рога,
И совсем неспроста, и, конечно, не вдруг
Эти лоси себе выбирают подруг.
На Поляне Любви запоют соловьи,
На Поляне Любви признаются в любви,
Зарождается жизнь на Поляне Любви»…
Она: «На Поляну Любви ты меня позови!»

НАД САНАТОРИЕМ ГРОЗА…

Стояла сильная жара —
От зноя люди изнывали,
Смолой янтарной, как свеча,
Стволы деревьев оплывали.
И в санатории с утра
Молили Бога — все впустую,
Жара и в Африке жара,
И все старанья вхолостую.
А небо синее кругом,
На небе солнце полыхает.
Молю, чтоб вскоре грянул гром
В июле, а не только в мае.
Похоже, Бог услышал все ж
Мольбы людей и их страданья:
И к вечеру заветный дождь
Накрыл поля, леса и зданья,
Ходили тучи косяком,
Хлестали струи накосую.
И вдруг… девчонка босиком,
И все увидели босую:
Она идет и не спешит,
Она лишь нежится под ливнем,
И пузырями мельтешит
По лужам дождь картиной дивной.
И счастьем светятся глаза —
Дождь, словно снегом запуржило,
Над санаторием гроза,

Чтоб лето чуточку остыло.
И снова дышится легко,
И кружит голову озоном,
Заулыбались широко
Вдруг все пионы на газонах

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

К 100-летию со дня рождения поэта в Белоусовском парке Тулы состоялось открытие памятника Сергею Есенину. Надпись золотыми буквами — «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла» органично вписалась.

С любовью вознесен на мраморные плиты
Из камня, но живой любимый мой поэт,
Ведь память о тебе в народе не забыта,
Хотя прошло уже с рождения сто лет.
Не надо мне теперь в Ваганьково поехать —
Теперь я буду здесь стихи твои читать.
То, что из камня ты, мне вовсе не помеха —
Ведь оба живы мы, друг друга нам попять.
Нельзя в своей судьбе местами переставить
Поэзию и жизнь — один ведь это путь,
Ты смотришь, как стоит навечно Вересаев,
Тебе ведь до него лишь руку протянуть.
К поэтам на Руси любовь не угасает,
Народная молва сама тебя нашла —
Ведь «более всего любовь к родному краю»
Тебя «томила, мучила и жгла».

Татьяна ПАНОВА

г. Красноярск

Татьяна Сергеевна Панова — автор нескольких поэтических сборников, член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Все — к лучшему. И дождик поутру,
Блистающий серебряною пряжей,
И то, что громко падает в саду
Налившихся плодов тугая тяжесть,
Что благодатью сходит в тишине
Замедленного времени звучанье,
Как предисловье к первой седине
И предисловье к разочарованью.
О, мой Сентябрь, я в твоих слезах,
В твою печаль укутываю плечи,
Прислушиваясь к стрелкам на часах,
Где просчитался Август скоротечный.
Все — к лучшему. И даже этот дождь,
Что дома удержал. Что запоздало
Я поняла, чем этот день хорош…
А тем хорош, что лето миновало.

***

Сквозь туман над тайгой эвенкийской
Ни рассвет не видать, ни закат.
А морозы бывают такие,
Что деревья, сжав зубы, скрипят.
Тишь такая, что слышно, как дышат
Печки, ввысь выдыхая дымы
Сизым-сизым по белым по крышам.
Нет там красок других у зимы.
Только свет, только ночь, только тени,
И по речке равнина чиста,
Где еще русский код неизменен
И распахнуты настежь сердца,
И в запóлночь с тоскою и скукой,
И с молитвою, и без нее
Бродит ветер в пустых переулках,
Словно ищет дыханье мое.

***

А ветер, выдохнув с истомой,
Прервал движение листа.
Я вдруг сошла в местах знакомых —
На остановке, у моста.
Вдруг потянуло нестерпимо
Неодолимое умом,

Как будто кто-то мое имя
Там тихо вышептал тайком.
И захотелось мне поверить
И в этот шепот, в этот зов.
Видать, во мне другое время
И год, и месяц, и число,
Другие улицы и тропы,
Другая мера и аршин,
И сговор с осенью особый
Истосковавшейся души.

***

Среди сосен и мхов бродит запах тайги
И в вершинках лучи заблудились играя.
Здесь холодные зимы и ночи строги —
В этом диком раю бесконечного края.
Здесь брусника зарей брызжет из-под земли,
Разжигая под осень сухие болота.
И приводят сюда своих жен журавли,
Как в святые места, для продления рода.
Ранит небо закат и звериной тоской
Поит всех, чтоб дорогу сюда не забыли,
Чтобы вылечить душу над быстрой рекой,
Что в больших городах всю до дыр износили.

Владислав БУСОВ

г. Кашира Московской области

Владислав Сергеевич Бусов родился в 1946 г. в г. Мариуполь. Автор «Зодиака» — каширского ЛитО. Стихи и переводы публикует во многих коллективных сборниках, литературных журналах и альманахах в России и за рубежом. Лауреат литературного конкурса «Звездное перо» им. Георгия Кольцова, дипломант Восьмого международного поэтического конкурса ПАНИ, номинант IX международной поэтической премии «Образ», финалист премии им. Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» (2021 г.) в номинации «Переводы». Занимается переводами на русский язык из украинской и болгарской поэзии. Постоянный автор нашего альманаха.

ОН СТИХАМИ ЗА РУСЬ ОТБОЛЕЛ

ПРИКОСНОВЕНИЕ

«Несказанное, синее, нежное...» —
Я держу поэтический клад.
А поля нынче зеленью свежею,
Как и прежде, мой радуют взгляд.
След поэта в пронзительной строчке,
След поэта в родимом краю,
В той избе, где с душою он ночью
О собаке пел песню свою.
За поэтом погнать бы вдогонку,
Где он «ранью» стремглав проскакал,
И увидеть бы мне жеребенка,
О котором с любовью писал.
Посмотреть бы с холма на излучину
Той реки, у которой он рос,
Чтоб в душе отозвался созвучием
Тихий шелест рязанских берез.

* * *

«Гой ты, Русь, моя родная...»
Сергей Есенин

Я сегодня встану рано,
Чтоб увидеть ширь полей.
Солнце мне блинов румяных
Испечет погорячей.
В небе жаворонок вьется
С песней звонкою своей.
Славно так ему поется,
От нее в душе светлей.
Я сегодня утром рано
«Божьей дудки» слышу грусть.
Так поэт золотоглавый
Воспевал родную Русь.

* * *

На крыльцо зайду и в сени
Дома твоего,
Я приду к тебе, Есенин,
Постучусь в окно.
Ты откроешь мне калитку,
В сад с тобой пройду,
Там, где белые накидки
Яблоней в цвету.
Постоим мы у сарая,
Вспомним сеновал,
На котором ты, мечтая,
О любви писал.
И пойдем на луг, Есенин,
Ты покажешь мне,
Где пасутся в час весенний
Кони на заре.
Сколько лет пройдет, не знаю,
Но скажу, поэт,
Ты в душе моей оставил
Неизбывный след.

* * *

«Отговорила роща золотая...»
Сергей Есенин

Поговори со мною, роща,
«Веселым языком» берез.
Как ты с Поэтом, дольше, звонче,

Капелью серебристых рос.
Прощальных дней златая россыпь
Подарком станет дорогим.
С тобою повстречаю осень,
С тобою быть хочу другим.
Чтоб на душе светлее стало,
Ушла сердечная печаль,
Чтоб в жизни и в большом, и в малом
Мне было б ничего не жаль.

Елена КУЛЕШОВА

г. Сельцо Брянской области

Кулешова Елена Владимировна родилась 30.11.1980 г. в г. Сельцо. Она окончила Сельцовскую школу №3 и Психолого-социальный институт в Москве. По образованию психолог. Поэзией увлекается с семнадцати лет. Публиковалась в городских и региональных изданиях, коллективных литературных сборниках: «Белые паруса», «Зеленый свет. Молодая брянская поэзия», «Литературный Брянск». Член Международного Союза писателей и мастеров искусств. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КОРАБЛЬ

Пусть мысли как волны, слова как туман,
А жизнь как корабль-странник.
И сам ты на том корабле капитан.
И время как многогранник.
Дрейфуешь по ветру и компаса нет,
А берега все не видно.
Хотел ты уплыть от несчастий и бед,
А вышло вот так обидно.
Увы, нет уж больше команды твоей,
Одни только крысы остались.
Зато на пути нет закрытых дверей,
Чего все мы так пугались.
В пути не боишься ни гроз и ни бурь,
Безмолвного штиля в полночь.
Ты веришь в свой берег, в рассвета лазурь,
Что ветер спешит на помощь!
И если исправно корабль ты вел,
Не лгал и не лицемерил,
То берег счастливый, считай, нашел.
Такой, как мечтал и верил.

НАРЦИССЫ

Тонкий, нежный плывет аромат
В чистом воздухе, тихо звенящем.
Три цветка одиноко стоят
В прошлом, будущем и настоящем.
Красота и гармония в них,
Простота и творения сила.
Три в одном и один в троих —
Так природа их сотворила.
Три нарцисса стоят на столе.
Ветерок лепестки их колышет.
Много тайн рассказали бы мне,
Но, увы, я их слов не слышу!
Может, в жизни какой-то другой
Я прекрасным нарциссом стану,
Подарив красоту и покой,
Через несколько дней завяну.
Но потом вспомнишь ты, как весной
Пели мне заливаясь птицы.
И поймешь, что в цветок простой
Можно так же, как в жизнь влюбиться!

ДАЛЬ

В серо-зеленых тонах
Молча плещется даль.
А нерешительный страх
Гонит тоску и печаль.
Он толкает идти
В холод и только вперед.
Искать, чтобы найти,
Слышать, что кто-то зовет.
И в тысячный, кажется, раз
Ты преступаешь порог.
Так было и будет сейчас,
Иначе ты жить бы не смог.
И заново жизни своей
Рисуешь ты смысл затем,
Чтоб стала дорога длинней,
Да было б куда и с кем.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Я не знаю о том, что будет.
Я не помню того, что было.
Через переплетенья судеб
Продираюсь, что есть силы.
Этих криков никто не слышит,
Этих страхов никто не знает.
Тень в ночи беспокойством дышит.
Память верно все забывает.
Раздирают сомненья муки.
И боюсь окунуться в веру.
Я с ума бы сошла от скуки,
Если б был у меня первый.
Все открытия — это прозренье.
Наша жизнь — это вечный опыт.
Вот и пишутся стихотворенья
Под секундной стрелки топот.

И в моменты счастливой грусти
Понимаю четко и ясно,
Что мои обостренные чувства
Означают, что жизнь прекрасна!

Татьяна СКВОРЦОВА

п. Нетьинка Брянского района
Брянской области

Татьяна Ивановна Скворцова (Лескова) родилась в п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл. Активный член литературного объединения «Парус» (г. Сельцо). Полуфиналист Всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь», посвященного 200-летию И. С. Тургенева («Поэзия»); призер (2 место) IV международного конкурса-фестиваля «Живой родник». Член МСПМИ. Публиковалась в периодических изданиях, альманахах: «Ковчег», «Дороги той невиданной войны», «Литературный Брянск», «Территория слова» и др. Автор пяти поэтических книг: «Родник моей души», «Вместе будет веселей», «Осенний вальс», «Лучшие друзья» и «Почитайка». Постоянный автор нашего альманаха.

РОДИНА ЛЮБИМАЯ МОЯ

Мне дышится на Родине легко
Под небом синим, солнышком согретым.
Раскинулись просторы широко,
Леса и рощи соловьем воспеты.
И где бы ветер вольный не бывал,
Он подтвердит, что нет на белом свете
Прекрасней места — где ты рос, мечтал,
И где на свет родились твои дети.
Пусть шелестят березы у реки,
Нам напевая песню о России.
Всем бедам и напастям вопреки
Цвети мой край и становись красивей!

СОН

Настигла меня в дороге
Шальная, как зверь, метель,
Бросалась в лицо и в ноги,
Мела зимы карусель.
Дрожали в лесу осины,
И слышался волчий вой.
Теряла свои я силы,
Но приняла этот бой.
Как льдинки, замерзли руки,
Не чуяла ног своих.
Шалила пурга от скуки.
Остаться бы мне в живых.
Просила я Бога: «Сжалься,
Так помощь твоя нужна».
А он мне в ответ: «Покайся,
И будешь ты спасена».
Молилась, хоть не умела.
И ветер утих почти.
Увидела лучик белый —
Как ангел был впереди.
Закончилась злая вьюга.
Открыла глаза — не сплю,
В кровати сижу — пичуга
И Господа все молю,
И вижу — светло в окошке,
Не верю — звенит капель,
Гостей намывает кошка:
Весна к нам стучится в дверь.
А в горле комок колючий,
И холод зажал, как зверь.
Помог мне Господь — не случай.
Я верю в него теперь!

ОВСТУГ

Посвящается Ф. И. Тютчеву

В стихах родное все воспето:
Приход весны, зима и лето,
И осень в золоченом царстве,
Любовь в страдании, коварстве,
Дорожки, где ходил, мечтая,
Душой болел об отчем крае.
Был очарован он рекою,
С холмов любуясь красотою.
Вдали от Родины томился,
Ночами Овстуг часто снился
С прудом и парой лебединой,
Беседкой, домом с мезонином.
Он знал всегда — вернется снова
К своим корням, где был дарован
Ему талант неугасимый:
Слагать стихи и быть любимым.

НЕТЬИНКА ЛЮБИМАЯ МОЯ

Нетьинка любимая моя,
Здесь давала мать свои советы,
С детства влюблена была, как я,
В русские просторы и куплеты.
Вот дрожит алмазная роса,
Томно испаряясь на припеке.
Рядом мы не видим чудеса,
Стали равнодушны и жестоки.
Ветер над рекою над Десной
Ласточек гоняет над водою —
Значит, будет дождик проливной…

Родину люблю я и такую.
Снова манят песней родники,
Лес своей зеленою прохладой,
Гроздьями — калина у реки…
Что еще для счастья в жизни надо?!
Падая в духмяную траву,
Я увижу голубые дали,
Жаворонка спеть мне позову —
Грусть пройдет, уснут мои печали.
Низко поклонюсь своей земле,
Людям, что живут на ней с любовью,
Край родной он в сердце, он во мне
С молоком и материнской кровью…

КРАЙ РОДНОЙ

Край родной с синеокими далями
И с зеленою шапкой лесов —
Лучше места еще не встречали мы,
Хоть прошли много дней и часов.
На лугах с незабудками нежными,
Вдоль реки, где сидят рыбаки.
Я любуюсь ромашками снежными —
Ни печали в душе, ни тоски.
Та земля, где мы стали все взрослыми.
Сколько видано звездных ночей.
Здесь влюблялись, страдали мы веснами,
Песни пел по утрам соловей.
Не забудем рассветы багряные
И жемчужные росы в лугах.
Мы от запаха трав были пьяные,
Кровь, как молот, стучала в висках.
А туманы, какие над речкою,
Будто облако пало с небес
И пушистою белой овечкою
Пробежало по полю и в лес.
Я люблю тебя, малая Родина.
Друг без друга не сможем никак.
Родилась и росла на свободе я.
Нам с тобой по пути. Только так!

Татьяна УМНОВА

г. Нефтегорск Самарской области

Умнова Татьяна Юрьевна родилась в 1972 г. в п. Погорелое Городище Калининской (ныне Тверской) обл. По образованию экономист. Работала в банковской сфере, на промышленном предприятии. В настоящее время — корреспондент районной газеты. Член СЖР. Стихами увлекается с юности. Поэт, член РСПЛ. Имеет публикации в коллективных сборниках и альманахах «Крылья», «ЛитКузница», «Перо и слово», «Как с белых яблонь дым», автор книги «Возвращение». Награждена дипломами I и II степени регионального конкурса-фестиваля «ЛитКузница» (Самара 2023 г.), дипломом I степени новогоднего блиц-конкурса Международной литературной ассоциации «Творческая Трибуна» (2023 г.), дипломом лауреата I степени Международного конкурса им. Уолта Уитмена, лауреат Всероссийского конкурса «Бессонная любовь».

НАЧАЛО

Такая тишина, что, Боже мой!
Как будто за окном начало мира,
Приютом однокомнатным квартира
Пустила нас сегодня на постой.
И нет пространства. Временной отсчет
Завис мгновеньем в нулевой отметке,
Оконное стекло линуют ветки,
Развесив гроздья переспелых нот.
Но нет еще ни музыки, ни слов,
Податлива в гончарном круге глина,
И лепят руки нас, как половины
Единого чего-то. Но чего?
Так выльется из мякоти нектар,
Так хлынет звук водой, рождая чувство,
И мы с тобой влюбленное безумство
Вселенной отдадим бесплатно, в дар.
Метнется стрелка в круг по часовой,
Вздохнут пружины древнего дивана,
В оконной имитации экрана
Несется мир по музыке живой.
И набирает время оборот,
Височное биенье учащая,
Ладонь его, как лодка золотая,
Нас бережно в бессмертие несет.

ДВЕ ТЕНИ

Свет ночника, но тени на стене
Отброшены не мной и не тобою,
И на старинном вытертом сукне
Не я тебя от холода укрою.
Монеты две, как плата за проезд
Тому, кто в лодке перевозит души,
Ты помнишь тот залатанный подъезд?
Мы прятались, и ливень бил снаружи,
И грохотало, и косой разряд
Все озарял, и остановкой кадра
Твое лицо, окна пустой квадрат,
На стеклах струй линейная эскадра.
И целовались, и клялись вовек
Не умирать, любить, не разлучаясь,
Теперь одну из миллиардов рек
Не переплыть, монеткой откупаясь.
Там лодочник, угрюмо сжав ладонь,
Уключин скрип напевом заглушая,
Поведает, что у двоих тихонь
Была любовь. Наверное, большая.

Две тени: ты и я. Дверной проем,
Дощатых половиц шершавый шепот,
На цыпочках беззвучные идем
И слышим волн речных далекий ропот.

***
Поймай меня у бездны на краю,
Не дай сорваться, вдребезги разбиться.
Я руку на лету твою ловлю.
Любовь моя, мы две большие птицы.
Над кронами, над крышами домов,
Над путаницей улиц и проспектов
Летим, как дым и как обрывки снов,
Как письма в треугольничках конвертов.
Цепляемся за шапки облаков,
За горы залежалой белой пыли,
За эхо недовысказанных слов,
Которые по небу рядом плыли.
По безупречным линиям стихов,
Без боли, сожалений и печали
Стремимся в самый дивный из миров,
Где и до нас давным-давно летали.
И остаются где-то города,
И вены рек штрихами голубыми,
И нет беды. Но не найти следа
От нас с тобой под звездами слепыми.

***
Возьми сегодня кисть и карандаш
И золота плесни из лунной чаши,
Я приходить хочу как можно чаще,
Такая у меня сегодня блажь.
Рисуй моря, каналы, города
И профили кокетливых натурщиц,
Рисуй как голубь пьет из синих лужиц,
Я не уйду сегодня никуда.
Возьми у солнца рыжие лучи,
Лиловости займи у темной тучи,
Сегодня я себя вчерашней лучше,
Но ты об этом только не молчи.
Рисуй любовь по линиям руки,
По скулам, по штриху изящной брови,
У страсти попроси карминной крови,
Рисуй стихи набросками строки.
И в этой мнимой хрупкой простоте
Вдруг станет так привычно и уютно,
Я захочу встречать с тобою утро
И навсегда останусь на холсте.

***
Бессонницей придет, сыграет блюз
На черном лоске старого винила,
Черкнет три слова: «Я еще вернусь»,
Перо макнув в янтарные чернила,
Осеннее смешное существо
С веснушками и слишком длинной челкой.
Занесено опавшею листвой
Мое родство с осеннею девчонкой.
Несла мне гроздь коралловых рябин,
Смотрела в душу чайными глазами
И заводила, разгоняя сплин,
Мои часы пустынными песками,
По вечерам просила молока
Топленого с коричневою пенкой,
И отдавали горечью слегка
Ее волос кофейные оттенки.
Смеялась над моею простотой,
Учила слишком ярко красить губы.
Бессонницей по комнате пустой
Она пройдет, подсчитывая убыль
От ненаписанных пока стихов
И от того, что отпустила осень,
Свою записку из коротких слов
Она, простившись, мне в окно подбросит.

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

Пенькова Людмила Аркадиевна имеет высшее психологическое образование. Является членом РСП. Автор более двадцати книг для детей и взрослых, а также пяти песенных сборников, созданных в творческом союзе с автором музыки Ириной Шулуповой. Стихи и прозу публикует в литературно-художественных альманахах Тулы. Принимала участие в различных российских журналах, альманахах и сборниках, газетных изданиях, на страницах электронных ресурсов. Неоднократно становилась победителем и призером международных и всероссийских литературных конкурсов и педагогических конкурсов методических разработок. Постоянный автор нашего альманаха.

В данном выпуске Людмила Аркадиевна представляет стихи на белорусском языке — языке своей малой родины.

ТЫ МАЯ РАДЗІМА, БЕЛАРУСЬ!

У тваіх вачах — васількоў святло,
Ты мая лагода, ты мае цяпло!
І цябе кахаю усім сэрцам я,
Ты мая радзіма, Беларусь мая!
Беларусь мая ты, ты зямля бацькоў!
Калі я с табою, маладзею зноў!
Ты адзін такі, мой пяшчотны край!
Ты зямны мой лес і зямны мой рай!
Да цябе лячу на агенчык твой!
Ты зауседы есць у душы маей!
Прыгажосць твая дапамагае жыць,
Верыць і кахаць, і дабро тварыць!
Да цябе лячу быццам на крылах,

Ты мае сябры, мой шчаслівы шлях,
Родных мне людзей мілыя сэрца!
Беларусь квітней, слаўся бясконца!

ВАСІЛЬКІ

Усім сэрцам абдымаю васількі,
Счаслівая у вочы іх гляджуся!
Яны ўзышлі пад сонцам ля ракі,
Гляджу на іх, гляджу, не нагляджуся!
Ах, васількі, вы цуд мой, васількі —
Блакітныя праменчыкі удачы!
З дзяцінства вас кахаю, васількі,
Прымаю пацалунак ваш гарачы!
Сустрэча з вамі радасць дарыць зноў,
Я быццам сонца над Зямлею ззяю!
Гляджу на вас, як на сваіх сяброў
І разам з вамі ярка расцвітаю!

НОВЫ ДЗЕНЬ ПРЫЙШОЎ ДА НАС

Новы дзень прыйшоў да нас з мараю нябеснай,
Ен жадаў нам шчасце даць, стаць цудоўнай песняй!
Дзень прыйшоў, як лепшы сябр, як цвіценне лета!
Хто хацеў, той і прымаў падарунак гэты!
Шчасцю кожны толькі сам адчыняе дзверы,
І знаходзіць шчасце тых, хто ў яго паверыў!
Хто к яму насустрач ішоў не праз лес і рэчку,
А ў сабе яго шукаў, у сваім сардэчку!
Сустракайце новы дзень, як пасланне Богава,
І адчыніцца тады прыгажосці многа вам!
Як па нотах шчасця мір вакол вас зайграе!
Вы пачнеце адчуваць, што душа спявае!

Таисия СОЛОЖЕНЦЕВА

д. Яблонево Каменского района
Тульской области
(23.02.1946 — 27.09.2011)

ВРЕМЯ ГРУСТИ

Прощальный клин! Он ранит душу
И за собой меня зовет,
Когда вдруг на заре услышу
Я ваш торжественный полет.
О, птицы гордые, простите,
Что провожаю снова вас
Я вдаль, и вы с собой возьмите
Полей осеннюю печаль.
Ведь осень — время тихой грусти,
Печалится твой светлый взгляд.
Легко ты в душу ее пустишь,
Но не вернуть тепла назад.
И снова клин летит осенний.
Все позабыто невпопад.
И от волненья рифмы скачут...
В душе осенней — листопад...

ПТИЦЫ ГРУСТЯТ О РОССИИ

Ну, вот и все… Окончен бал...
Метелит вьюга золотая.
Но ни о чем не забывает,
Хоть все прошло, окончен бал.
Уже сквозит холодный ветер
Меж грустных, ласковых берез.
Он клин грустящих птиц под вечер
В страну далекую унес.
Туда, где дали голубые
И не бывает холодов,
И где о Родине любимой
Лишь песни носятся ветров.
Издалека доносит ветер
Их еле слышное: «Прости!»
На черной пашне паутина
Еще заметнее грустит.
Они летят далеко, к югу,
Родных полей неся привет.
Там есть тепло и много солнца.
Вот только Родины там нет.
А поле музыкой печальной
Им вслед вдали отозвалось.
Душе еще больнее стало,
И что-то в ней оборвалось.
И сквозь длину тех расстояний,
Что им пришлось преодолеть,
Там птицы помнят о России!
И выше счастья в жизни нет.

ОТЗВЕНЕЛО ЛЕТО ГОЛУБОЕ

Отзвенело лето голубое
Пеньем птиц, черемухой душистой,
Облаками белыми над полем
И пшеницей тучной, колосистой,
Плеском речки, шумом переката,
Лунною полоской серебристой,
Красотой волшебного заката
И тропинкой узкою росистой,
Криком журавлей в высоком небе,
Сказкой-сном в березках белоствольных
И мечтой о счастье настоящем
В песнях задушевных и раздольных.
Ничего мне от судьбы не надо.
Лишь тобой, земля, хочу гордиться!
В шуме ветра, в утреннем тумане
Я хочу навек с тобою слиться.

В ЦАРСТВЕ ПРИРОДЫ

Осенняя погода на дворе…
Холодная, ненастная погода.
Тепло ушло — ему возврата нет.
Вовек едино царствует природа.
Приду сюда, восторга не тая,
Не лицемеря и с душой открытой.
Не знаешь, что ты значишь для меня?
И что стоит за тайною сокрытой?
Природа-мать! Колени преклоня,
Готова каждый день тебе молиться.
Нет в жизни счастья выше для меня —
К тебе всегда единственной стремиться.
С одной тобой я чувствую покой,
Всю красоту твою и совершенство.
Люблю тебя поистине такой!
Ты — моя радость, счастье и блаженство.
Я приношу признание в любви
Тебе одной! И в восхищенье таю.
Как можно жить, не видя красоты,
Не чувствуя тебя, не понимая?
С тобою быть? Не надо громких слов,
В тиши полей я молча созерцаю.
Боюсь спугнуть мгновенье волшебства
И все твои укоры принимаю.
Как часто мы бесцельно торопясь,
Ведем себя с тобой неосторожно,
Не зная,что, за призраком гонясь,
Счастливым быть без счастья — невозможно.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь идет лесами и полями,
Багряной веткой просится в окно.
И кажется, что сам Сергей Есенин
Поет нам Осень, как давным-давно.
Все так же журавли летят печально
И не жалеют больше ни о чем.
Но знаю я, что здесь берет начало
То, что своей мы Родиной зовем.
То, отчего и радостно, и грустно
Порой бывает в сердце у тебя,
Когда летит цепляясь паутина
За волосы ржаные на полях.
Когда вдруг взгляд нечаянный, украдкой
В душе мятежной свой оставит след.
И долго будешь темными ночами
На все вопросы ты искать ответ.

ВАРВАРСТВО

Пылают пожары, и дымом запахло.
И плач раздается — то стонет земля:
«Скажите мне, люди, за что эти пытки?
В чем стала виновной пред вами вдруг я?
За что, обезумев, вы жжете мне тело?»
И мечется в страхе зайчонок в огне.
Наполнено дымом широкое поле
И стало вдруг мертвым, как будто во сне.
А вы, агрономы, спокойно следите,
Дотла чтоб сгорело повсюду жнивье.
Неужто ночами спокойно вы спите?
Огнем полыхает все поле мое.
Обуглилось поле, лишь ветер летает
Да мертвые звери повсюду лежат.
Откуда такая жестокость, о люди?
И грудь леденеет, и руки дрожат...
Черное поле — грустное поле.
В нем нет больше жизни — все стало мертво.
О полюшко-поле, широкое поле.
Прекрасное поле мое!

ДОРОГИ ЮНОСТИ

Перед нами дорог бесконечных:
И широких, и узких — полно!
А пройти по ним, жизни навстречу,
Ведь любому из всех нас дано.
Но тропинок не любим мы узких —
По душе нам широкий простор.
В этом виден характер наш русский,
Всем известный уже с давних пор.
Любим ширь мы дорог, на которых
Знойный ветер в ушах бы свистел
И о наших бескрайних просторах
Нам он песни звенящие пел.
Беспокойные, любим мы слушать,
Как колеса по рельсам стучат.
И звучат они музыкой лучшей!
Коль в пути, то не будем скучать.
Не до этого в жизни кипучей,
Что для юности нашей дана.
На дорогах труда быть могучим —
Вот что юным велела страна!

РОДИНА МОЯ, БОЛЬ И ГРУСТЬ!

Родина моя, боль моя и грусть!
Может, навсегда я к тебе вернусь.
Без меня цветешь, без меня грустишь
И зимой холодной на ветру дрожишь.
Не умела раньше счастьем дорожить.
Трудно мне на свете без тебя прожить.
Зашумят сады, зацветут цветы,
Лишь мне одиноко. Родина, где ты?
Может, навсегда я к тебе вернусь!
Родина моя, боль моя и грусть…

Виталий КУЗНЕЦОВ

г. Новочеркасск Ростовской области

Кузнецов Виталий Владимирович родился в г. Таганроге Ростовской обл. 24.02.1955 г. По отцу он донской казак из станицы Вешенской — родины М. А. Шолохова. По матери — туляк. Образование: Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Долгие годы работал по оборонной и космической тематике в ОКТБ «Орбита» (г. Новочеркасск). С начала 21-го века работал в области электросвязи в филиале компании «Ростелеком». Стихи начал писать поздно — в зрелые годы. Печатался в нескольких сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске, Гомеле, Северо-Муйске. В 2013 г. в Новочеркасске вышел сборник стихов «Прощание с миром». В 2014 г. вышло повторное и расширенное издание. Наш постоянный автор.

СНЫ ОСЛЕПШЕГО

Слепые тоже видят сны:
цветные, яркие, живые.
И небеса в них голубые,
и красок улицы полны.
Там словно не было войны
и ослепляющего боя,
и было небо голубое,
ушедшее в цветные сны.
При пробужденьи — чернота
и боль от встречи с настоящим.
Увидеть мир опять блестящим —
недостижимая мечта.
А ночью снова яркий свет.
Ты зряч во сне, ты снова молод!
Затменья утреннего холод
далек еще. И боли нет!

НОВОЧЕРКАССК

Эти улицы, эти дома...
Здесь впечатана в камни история.
Память прошлого сводит с ума —
С настоящим бываю в раздоре я.
Здесь булыжник асфальтом залит —
Не услышать вновь цока копытного.
Но Собор полон звуков молитв
Как и прежде — в года незабытые.
Пусть нелепый турецкий фонтан
Встал на площади, кровью умытою,
Город мой не забыл страшных ран —
Раны ведь не бывают забытыми.
Город мой — милый Новочеркасск.
Знаю все я о нем с ранних лет его.
Дорог мне от родительских ласк
До приюта земного, последнего.
...На прогулку идет детский сад.
Взгляды ясные, светлые, чистые.
Я спокоен, я счастлив, я рад:
Город жив, и в него верю истово.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Никогда не виданный свет.
Никогда не виданной лампы…
Словно жизнь была — жизни нет,
Словно к черту попал в лапы!
Будто я остаюсь во сне,
И другой просто не было жизни.
Только кажется, чудится мне,
Смотрит Бог на меня с укоризной.
Смотрит Бог, говорит: «Чудак,
Ты проспал свою жизнь напрасно.
Ты — Никто и зовешься — Никак».
…Светит лампа кроваво-красно.

ВНУЧКА ЧИНГИСХАНА

Ты, спящая, как внучка Чингисхана:
Чуть смуглы холмики высоких скул.
Я здесь, я рядом — только не уснул.
Быть около тебя и спать — так странно!
Тобой любуюсь молча. Не привык
К волшебной близости, к шальному взрыву.
Подвластны мы внезапному порыву.
Сказали все глаза, а не язык.
Представить даже странно, что давно
Сраженье шло на поле Куликовом...
Там бились предки наши. Все равно
Теперь нам это — что же здесь такого?!
Мы разные и схожие с тобой:
Хотим друг друга — этим мы похожи.
Нас поле ссорило — сближает ложе.
Проснешься ты, и снова грянет «бой»!

МОЛИТВА

Ветер в душе стих.
Мертвенным стал покой...
Перечеркнул стих
дрогнувшей чуть рукой.
Но почему так?!
Я ведь покуда жив.
Раньше любой пустяк
рвал, нервы обнажив.
Не о чем мне писать.
Темы ушли прочь.
Строк полегла рать.
День обращен в ночь.
Ну зазвени, рассвет!

Ветер, верни вновь
силу былых лет!
Новую дай любовь…

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

Евгений Иванович Трещев — член СПР. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Награжден десятью медалями и «Знаком ордена Доброты». Почетный гражданин Чернского р-на Тульской обл. Автор 32 книг, в том числе первых в Тульской обл. муниципальных учебников «История родного края» для 7 и 8 классов. Лауреат литературных премий им. Л. Н.Толстого, В. Г. Лаврика, Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ТРО СПР, лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Постоянный автор нашего альманаха.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Посвящается светлой памяти моей жене Валентины Ивановны Трещевой

В четвертый «А» ты к нам пришла
И гордо села у окна.
Я на тебя смотрел всегда —
Ты первая любовь моя!
Никто тоски моей не знал,
А я любил, а я страдал.
Стихи тебе одной писал,
Но никогда не отдавал.
Стоял в сторонке тихо я,
А ты взрослела и цвела.
И в нашем классе, вот беда,
Скромнее не было меня.
Потом свой страх преодолев,
Тебе в любви признался я.
Ты вышла замуж за меня.
Вчера мечта. Теперь жена!
Невзгоды тихо обойдя,
Сложилась крепкая семья.
И все прожитые года
Мы были вместе: ты и я.
И знай, родная,
Навсегда,
Распорядилась так судьба:
Ты счастье и любовь моя!

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Ветер рыщет, завывая и свистя.
Вместе с ним приходят злые холода.
Ветки голые колышутся в саду.
Ждут морозов и трепещут на ветру.
Было лето, была радость. Но ушли.
Осень правит, и зима уже в пути.
Вот и молодость уходит в пустоту,
Оглянувшись, усмехнулась старику.
Я вскочил, кричу: «Постой, не уходи!
Подожди, побудь со мною. Не спеши!»
Нет, старик, прости, расходятся пути:
С летом я, ты к осени иди…
Дождь стучится беспрерывно по стеклу,
Навевает с серым небом грусть-тоску.

ДОБРО И ЗЛО

Не делай зла.
Оно к тебе вернется.
Бедою черною
Когда-то отзовется.
Как снег в горах,
Копится злобы Сила.
Настанет день —
Срывается лавина.
Твое добро
Имеет тоже Силу,
Способную
Остановить лавину!

У ОКИ

С берега крутого даль открылась,
Степь волнуется без края и конца,
А внизу течет, волной играя,
Славная, любимая река.
На воде играют солнца блики,
Воздух влагой напоен слегка,
Небо голубое-голубое,
А на нем пушинки — облака.
Розы над водой склонили ветки,
Шепчутся о чем-то у реки,
И под легким дуновением ветра
На волну ложатся лепестки.

В КОКТЕБЕЛЕ

Черная южная ночь.
Звезды играют.
Ярко сверкают они
И затухают.
Мирный земной уголок.
Горы и море.
Песни цикады поют
В тысячном хоре.

В ветках, смотри, огоньки
Вьются, сверкают.
Это для нас светлячки
В танце порхают.
Бьется морская волна,
Гребни все в пене.
Ветер ласкает лицо.
Мы в Коктебеле!

Елизавета БАРАНОВА (ВЕСИНА)

г. Тула

Баранова Елизавета Михайловна родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает на кафедре ТулГУ «Информационная безопасность». Стихи пишет с детства. Написано несколько сот стихотворений, венки сонетов и две поэмы. Изданы четыре книги. Пишет прозу, автор романа «Гармонические колебания». Публикуется в российских журналах и альманахах. Стихи переведены на польский и английский языки. Победитель многих конкурсов стихотворений. Награждена литературными медалями. Член СПР. Член НЛА «Московский Парнас». Секретарь редакции журнала «Приокские зори». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Бог никогда не говорил,
что путешествие будет легким,
но Он сказал, что конечная цель того стоит.
Христианский писатель, служитель церкви
в г. Сан-Антонио штата Техас Макс Лукадо

Сто ударов игольщика
не сравнятся с одним ударом кузнеца.
Русская-народная мудрость

I

Ты руки мои перековывал в крылья,—
ты вдруг уходил, а потом возвращался
и вешал на плечи мне легкие клинья,
сплетенные, будто, из стали тончайшей.
Ты крылья мои закалил и упрочил.
Но крылья не все еще. Крылья — полдела.
Я жаждала неба — открытого — очень,
но Бог с ним. Летать-то ведь я… не умела…
Но мы поднимались. Сначала над полом
в своей — с потолком — невысоким — квартире,
потом над чужим одиночеством — полным,
над церковью, что будто в высь вколотили.
Потом над горами. Над собственной тенью.
Все выше и выше: над былью, над… Римом…
…Но мне не хватало ни сил, ни терпенья
подняться — всех выше — подняться над миром…

II

…И пусть. Мне казалось достаточным то, что
я этих высот — неподъемных — достигла.
И где-то внизу, в еле видимом прошлом,
боязнь высоты рубцевалась, как стигма.
…Но мир был не тронут. Был девственен. Манок.
Мир не был доподлинно мною изведан.
Заря неразгаданной тайной вдобавок,
как кровь Иисуса, сочилась из неба.
…Ты вдаль меня — ту, что невидима глазу,
все звал и дарил поцелуи за храбрость,
но я не могла долететь туда сразу —
в разряженном воздухе я — задыхалась.
И мы опускались. И жили, как прежде,
от резких движений судьбы отдыхая.
Но в кузнице — в помощь последней надежде —
ковалось тобою второе дыханье.

III

И вот оно — это дыханье — второе:
Полет — тот же вздох, но без выдоха. Помни,
что высь для тебя никогда не откроет
секрета своих полыхающих молний!
Пока его сам для себя не откроешь!
Кто в небо не смотрит — тот шансов не видит.
Ведь настежь раскрытое ветром окно же —
икона с окладом в зеленом нефрите:
на ней — мирозданье. Не знаешь? — Знакомься!
Молись в эту вечность — цветущую страстно,
на этот смотрящий в тебя макрокосмос,
не верящий — вместо природности — маскам.
Как страшно в плену быть у стереотипа!
Пусть лучше — борьба. И, дойдя до предела,
я, целой Вселенной за дерзость простима,
вне всяких сомнений над миром летела.

IV

Я все, что случилось — все переборола.
Барьеры, преграды — их преодолела.
Реальность тогда к тебе будет сурова,
когда ни следа в ней любимого дела.
Спеши! Вдохновляй! Вдохновляйся! И пробуй!
Мечта — это только предлог, чтобы сбыться
идеям, задумкам, затеям, и доброй
дорогой взлетай с убежденьем всевидца.
Пусть вера железнеет в голосе кузниц,
пусть души — людские,— узорчато, тонко
расшитые армией Марий Искусниц,
не будут на тени похожими только.
…Подняться — над миром. Взлететь выше Бога.
Не все ли равно? Не одно ли и то же?
…А все же мечтающий долго-предолго
взлететь выше Бога когда-нибудь сможет?..

Элла ЛИПЕЕВА
г. Брянск

Липеева Элла Леонидовна родилась в п. Сельцо Брянской обл. 8.12.1969 г. Окончила Сельцовскую среднюю школу № 3. Увлекается резьбой по дереву, живописью, лепкой из папье-маше. Работает на «БХЗ им. 50-летия СССР». Стихи публиковались в газетах «Сельцовский вестник», «Брянский рабочий», литературных альманахах «Белые паруса» и «Литературный Брянск».

ЛАЗУРЬ РАЗЛИТА В НЕБЕСАХ

Лазурь разлита в небесах.
Мы улыбаемся счастливо
Лучам небесного светила,
Лежащего на облаках.
Летит вдогонку птичий звон,
Дурманят запахи сирени.
Нам под ноги ложатся тени,
Упавшие с зеленых крон.
В садах бушует яблонь цвет,
Метелью белой засыпает.
Земли касается, не тает
Воздушно-лепестковый снег.
Трепещет сердце, рвется ввысь
За белокрылой птичьей стаей —
Она за синевой растает,
Как наша прожитая жизнь.

ПРИЮТ ВЕЩЕЙ ЗАБЫТЫХ

Чердак — приют вещей, давно забытых,
Когда-то близких сердцу и родных,
Теперь пылятся в сундуках закрытых
Мечтая, чтобы вспомнили о них.
Мешок игрушек, детская кроватка,
Качалка-лошадь, поезд заводной…
Здесь детство притаилось в складках
Поблекшей старой шторы голубой.
В углу тихонько отдыхают санки,
На полке — лыжи, на гвозде — коньки.
Зима им снится, горки и ледянки,
Как сами мчатся наперегонки.
Чуть покосилась старая картина
С потрескавшимся, выцвевшим холстом.
Она висела раньше у камина,
Где собирались гости за столом.
Ненужный хлам, а выкинуть на свалку
Никак не поднимается рука.
Мне не вещей — воспоминаний жалко,
Что обитают в схронах чердака.

ОКУНУСЬ В ТИШИНУ

Я в раздольных лугах окунусь в тишину,
Васильковое море поглажу.
В голубой красоте с головой утону,
И никто мне здесь слова не скажет.
Посмотрю синеокому небу в глаза,
Словно облако, в нем растворяясь.
Упадет мне в ладони росинка-слеза,
По руке холодком растекаясь.
Я безмолвием здесь насладиться хочу
И цветов ароматом дурманным,
По траве шелковистой тропу протопчу,
Уходя за рассветом багряным.
Не ищите меня в белоснежных домах,
В городах из стекла и бетона.
Мне милей у природы в зеленых стенах
Под раскидистой крышею клена.

ИВА

Ветки тонкие свои ты к реке склонила,
Как невеста, скромная, плачущая ива.
Ты в воде прозрачной видишь отраженье.
Лист, опавший, принесет мне реки движенье.
Ты на левом берегу, ну а я на правом.
Глубока река бежит, нет здесь переправы.
Не грусти, не плачь, моя тоненькая ива.
Век смотрел бы на тебя — как же ты красива!
Не мила мне стройная, белая береза.
На листве блестит роса — утренние слезы.
На высоком берегу встану у разлива,
Лишь тебя одну люблю, плачущая ива.
Далеко бежит река и впадает в море.
Унеси с собой туда, ты, печаль и горе.
Ах, зачем я полюбил, сердце надрывая?
Никогда не быть вдвоем нам с тобой, родная.

ЛЕТО

Сквозь дымку сизую пробился луч,
Разлившись в лужах бликами игриво.
Едва ли вырвавшись из плена туч,
Меня в объятья заключил ревниво.
Играет свежий бриз волной волос,
Касаясь обнажившихся предплечий,
Украл незримо и с собой унес
Туман невзгод, обид, противоречий.
Волна ладонью стерла все следы,
Оставив на песке горчичный глянец.
И всплески от мерцающей воды
Под звуки ветра исполняют танец.
Теплом растекся, словно терпкий чай,
По берегам души остаток лета,
И расплескался, как бы невзначай,
В закатном небе бронзового цвета.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

г. Симферополь

Анфиса Сергеевна Третьякова родилась в г. Симферополе. Член СЖ Крыма, студентка Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). Участница семинаров Студии издательства «СТиХИ».

ВОЛЖСКАЯ НЕРЛЬ

Растянулась средь тверских земель,
Дивные раскинув берега,
Речка с непростым названьем Нерль —
Волжская красавица-река.
Скатертью зеркальной пролегла,
Чтоб в себе природу отражать,
Вод нерльских таинственная гладь,
Солнца погасившая пожар.
Расставляя снасти вдоль реки,
Чтоб хороший выдался улов,
Крестятся украдкой рыбаки
На кресты всесильных куполов.
Бог, молитвы будто услыхав,
Посылает с неба дождь грибной.
Варится душистая уха
С рыбой, что скрывалась глубиной.
Сколько можно мифов и легенд
Разузнать у памяти воды!
«Из варяг в арабы» по реке
Плыли те, чьи не найти следы.
Самым ранним был торговый путь
Через Нерль для Киевской Руси.
Может сможем мы когда-нибудь
У реки об этом расспросить...
В Балтику по Волге и Нерли
Шел монет тогда арабских ход.
Дождь с тех пор немало слез пролил
В толщу благодатных этих вод!
Мне во сне река приснилась Нерль,
Где теперь хочу я побывать.
Может только я увижу в ней
Летописи древней кружева...

С ДНЕМ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Хотят моряками быть наши студенты,
Чтоб ветер трепал их заплечные ленты,
Чтоб в белом костюме ходить на параде,
Хотят в ВМФ они Родины ради.
Красавцы в матросы, во флот Черноморский
Идут потому, что их манят полоски,
А также стихии морской отголоски —
Любимый обед, макароны по-флотски.
Попутного ветра! Семь футов под килем!
За вас, моряки, мы сто грамм опрокинем.
Любви вам, здоровья, удачи в делах!
Пусть Бог вас хранит и Андреевский флаг!

В ДЕНЬ ВМФ

Самим Петром Великим
Основан русский флот,
И радуются бликам
Морских соленых вод
Российские матросы.
В воскресный этот день
На набережной россыпь
Глазеющих людей,
Покинувших коттеджи
И пляжный отдых свой,
Приехавших, пришедших
Увидеть торжество —
Величие парада
В июльский выходной.
Людей, стоящих рядом,
С эмоцией одной —
Восторженных сограждан,
Гордящихся страной.
И в каждом жизни жажда,
Ведь новой стороной
Медали оказалась
История крымчан.
Одним она на зависть,
Другим она — печаль...
Спешат с сынами папы
(И их не сбить с пути)
На палубы по трапам —
Штурвалы покрутить.
Еще хотят пофоткать
Фонтаны на воде
И рассмотреть подлодку,
И кто во что одет.
А в десять, как стемнеет
На улице совсем,
Грохочет все сильнее
Салют во всей красе!
Еще совсем недавно
Так праздник проходил...
Теперь вопрос о главном:
Что ждет нас впереди?
Сегодня Севастополь,
Не чокаясь, с тоской,
Поднимет сотни стопок,
Ведь бой идет морской.
Чем дальше — тем тревожней
Становится сюжет.
К несчастью, невозможно

Войну вести без жертв.
Они не оживают.
В деньгах вся сила, брат.
В День ВМФ желаю
Всем мира и добра.
Ура! Ура! Ура!

СТАТУЯ

Стройная блондинка в бирюзе,
С ясными, небесными глазами,
Я бы Вас, как статую, в музей
Запер, чтобы там встречаться с Вами.
Длинных ног и узких Ваших плеч
Не забыть картинными ночами...
Регулярность наших тайных встреч
Заперта замком с тремя ключами.
Прямо из постели Вас, босой,
Понесу я задними дворами,
Чтобы этой неземной красой
Тайно восхищаться вечерами.

ТАВРИЧЕСКИЙ ВОЯЖ

Свершила прусская принцесса
Екатерининский вояж,
В итоге этого процесса
Мы можем говорить: «Крым — наш».
Мое сердечко под рубашкой
В восторге билось о нутро,
Читая Мориса Симашко.
Как восхищался ей Дидро!
Дворец царицы был ей тесен,
И при поддержке Дерибаса
Она решила: быть Одессе.
Как этот город-порт прекрасен!
Читала я совсем недавно —
Пять дней была она в Херсоне.
Херсон, не ставший Амстердамом,
О царской помнит все персоне.
Надев костюм императрицы,
И я пустилась в путь неблизкий
Из нашей северной столицы
Туда, где ждал Неаполь скифский.
Я, увлеченная романом,
Как археолог средь раскопок,
В такой же, от Кизикирмана,
Пустилась путь до Перекопа.
Рассказ о том, что Севастополь
Видал ее наверняка,
Быть может, серебристый тополь
Слыхал от предка-старика.
Вели императрицу тропы
В мой город — пользы собиратель,
В столицу Крыма — Симферополь,
Который добрый мой приятель.
Виднелась из окна кареты
Селений разноцветных горстка...
Искала ли она ответы
У скал премудрых Белогорска?
Свершила прусская принцесса
Екатерининский вояж,
В итоге этого процесса
Мы гордо говорим: «Крым — наш!»

Анна БАРСОВА

г. Екатеринбург

Анна Ашотовна Барсегян (Анна Барсова) — член СРП, АРЛ, Российской Академии естествознания, профессор, почетный доктор (филологические науки). Поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с вручением золотого знака, премии мэра г. Набережные Челны, премий С. Есенина, А. Грибоедова и др. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями: В. Шекспира, М. Ломоносова, М. Джалиля, В. Вернадского, Р. Казаковой, А. Навои и др. Лауреат и дипломант российских и международных фестивалей и конкурсов. Стихи и проза переведены на английский, французский, немецкий, японский, и др. языки. Наш постоянный автор.

***
Пахнет крепко крапивой,
зелена, зелена…
Черноглазые сливы,
бузина, бузина…
Осень дарит подарки,
сыплет щедро рукой:
кисть рябинушки яркой,
небосвод голубой.
И березы-царицы
в золоченой парче…
Мне сегодня не спится,
нету ярче ночей!

***
Не хочу унылых слов,
утренней тревоги!
Хочу терем средь лесов,
светлую дорогу…
Хочу встретиться с тобой
под березой белой
и под нежною луной
целоваться смело…

***
Плачут, качаются свечи,

тихо дрожит огонек...
Боже мой, пусть жизни вечер
будет не так одинок!
Пусть полыхают сияньем
осени теплые дни,
и погоди с увяданьем,
музыкой слов одари!

***

Ночь, улица, фонарь, аптека…
А. Блок

За окном рябина в серебре,
Кисти красные в ночи сверкают,
И снежинка птицей на стекле,
И береза головой качает…
Что-то там твердит все интернет
Про войну, политику и деньги…
Ну, какой бы я была поэт,
Если бы стояла в той шеренге?!
Знаю я все то, что в мире есть:
День приходит, ночь ложится следом,
И фонарь горит, аптека здесь,
Век сменяется за веком!..

***

Ушла она, как ветер, в никуда,
покинув дом, отеческие дали,
накинула на плечи холода,
в котомку бросила свои печали.
И поцелуи всех своих родных
взяла она в далекую дорогу,
и розу красную, и божий стих,
чтобы вернуться к отчему порогу!

***

Гроза, гроза седая,
мне пару молний расколи!
И побежит слеза святая
по полю черному земли!
Гроза, гроза седая,
мне душу молнией ожги,
чтоб загорелась огневая,
чтобы стихи были легки!

Аркадий ПОЛЬШИН

г. Лебедянь Липецкой области

Аркадий Олегович Польшин — член СПР с 1995 г., действительный член Академии литературной документалистики, автор пяти поэтических книг. Публиковался во многих литературных журналах и сборниках. Автор восьми поэм. На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» г. Данков. В настоящее время готовится к публикации ряд книг. Постоянный автор нашего альманаха.

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ

Лермонтов Михаил
Кавказ знал и любил.
Его Кавказ уважал,
Как благородный кинжал…
Каждый Измаил-Бей
Помнит вьюгу полей,
Помнит черкес доброту
Шагавших на Кабарду…
Под барабанный бой
По-волчьи живи. Стой!
Пушки лезгинку поют,
Штыки создают уют…
Создали! Посмотри:
Горы-поводыри,
Гордые есть города,
Звонкие здесь провода…
Каждый Измаил-Бей
(Призрак синих ночей)
Будто из нашенских мест:
В теле колышется крест.
В синих горах лежат
Кости русских солдат:
Голые и без креста…
Такие эти места.
Мечется средь могил
Лермонтов Михаил.
Средь гор дымит его след
Таков он — русский Поэт!
Каждый Измаил-Бей
Сегодня, как суховей,
Сквозь вьюгу под эполет —
Бурку уступит сосед.
Бьет горячая кровь,
Жалит звонкая бровь!
Встанет отважный берет,
Как Лермонтов, под пистолет.
Вместе… сквозь провода,
Закусив удила,
Летят под ракетный стон
Куда-нибудь за Херсон.
За Белгород, народ
Вновь положит живот.
Артемовска буй-кирпич,
Арты межгорловый клич.
В знамя, в красный атлас —
Нерукотворный Спас!
Рядом кряхтят казаки,
Перебирая штыки.
Вместе, в который раз,
Не дрейфит «контрабас»:
В глазницах Измаил-Бей

Сквозь завируху полей.
В касках Россия-мать —
Снова казаковать.
Всех первых опередил
Лермонтов Михаил!

ЕСЕНИН

Сергей Есенин! Есть такой соколик...
Он душу дьяволу, вестимо, не продал.
И не был он пропащий алкоголик,
А был живой, чувствительный кристалл.
Крутил его тот пугачевский ветер,
Родных хибар осиротевший дым!
Сергей Есенин был на белом свете
Такой хороший... честный гражданин.
Золотогривый... честным барабаном
Гремел про то, о чем молчал Господь.
И если был однажды коммунаром,
То для того, чтоб рифмами пороть.
Господь молчал, ну а потом ответил —
Смахнул с кудрей гнилую шелуху:
Все услыхали в золотом поэте
Сердечный гром. На нашем берегу!
На том брегу кудрявятся березы,
Его судьбы летящей за страной.
Его стихи идут, как паровозы,
Сквозь поколения чрез точку...
С запятой!

ПУШКИН

Он самый русский — не брюнет... Поэт!
Он вечно в бурях на лихой пирушке...
Всем Черноморам он поныне свет,
Наш Александр, не Македонский,— Пушкин!
Поднял он знамя западных славян,
Поднял он знамя всех славян полночных.
Он, как тайфун, как вольный ураган,
Строкой рассек доспех ближневосточный…
Руслан, Людмила, Всадник и Борис…—
Вся эта песня до конца не спета.
На запятой отчетливо повис
Очередной отъявленный Мазепа.
О, Александр — уже за шестьдесят,
Но также скор у этой колыбели!
Как и вчера, твой прогремел набат
Вдоль нашей неуклюжей параллели.
В полночных странах знают наперед:
Мы долго запрягаем по утряни,
Но верно мчим — не задом наперед,
А как стрела в худеющем колчане.
Тогда держись Мазепа или сэр,
Наполеон, кощеи и квакушки...
У нас есть Пушкин, а за ним в карьер
Летят незацелованные кружки...
Он добрый малый — дивный Горбунок.
Он был любим, и сам любил без сдачи!
Но если что, Руслан уже отсек
У колдуна бродатую удачу.
С небес ли грянет иль из-под коры —
Сподобится под самые румяна.
С ним Елисей и те богатыри
Из царства достославного Салтана!

Борис РЯБУХИН

г. Москва

Борис Константинович Рябухин (литературный псевдоним Борис Карин) — российский поэт, прозаик, драматург. Родился на Дону, вырос в Астрахани, окончил технический вуз и ВГИК. Член СП СССР с 1986 г. и СЖ с 1973 г. Работал редактором в Москве: в «Молодой гвардии», «Литературной газете», журнале «Юность», издательстве «Художественная литература». Автор более тридцати книг поэзии, прозы и драматургии. В настоящее время он вице-президент Международной академии литературы, науки, искусств «Русский слог». Постоянный автор нашего альманаха.

НА БАМЕ

Сто верст — на брата.
Крута работа.
Трудись до града
седьмого пота!
Трескучий холод,
а телу жарко.
И в горле комом
застряла жажда.
И все суставы
свело ломотой.
Но ждут составы
за поворотом.
Со звоном рельсы
Летят на шпалы.
И вьюга бесом
по трассе шпарит.
Доносит дальний
Турксиба грохот.
В соревнованье
мы с той эпохой.

Кристина Анастасия ВЕРАС БРЗИН

г. Любляна, Республика Словения

Кристина Анастасия Верас Брзин, русскоязычная поэтесса, родилась 9.07.1987 г. в Любляне, Республика Словения. Она инвалид с детства, передвигается только в инвалидной коляске. Свое первое стихотворение на словенском языке Кристина написала в десять лет. В 2013 г. она публикует стихи на двух словенских сайтах. В 2018 г. Кристина начала писать и публиковать на сербском языке. А в 2019 г. и по-русски. Публикуется в международных альманахах и журналах. В 2020 г. в России вышел ее первый сборник стихов на русском языке «Дорога к себе». Имеет еще восемь книг, в том числе сборник стихов в сотрудничестве с белорусской поэтессой — Наталией Жизневской. В данное время пишет стихи исключительно на русском языке. Это объясняется любовью к русскому языку и ее предкам, выходцам из Беларуси и России. Теперь она начала изучать белорусский язык, чтобы писать и на нем. Кристина Анастасия является членом Международной ассоциации писателей Болгарии, России, Сербии; Международной ассоциации литературных творцов и художников «Nekazano» и Академии российской литературы, Москва. Имеет многие литературные премии и награды из Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, России, Казахстана и Киргизии.

Я СЛАВЯНКА

Я славянка маленькая,
Моя душа мечтающая.
Сердце православное мое.
Родная, я молюсь за здоровье твое.
Я славянка миленькая,
Моя любовь невидимая.
Перед окном — наша береза,
Под окном цветет красная роза.
Я славянка хорошенькая,
Моя птица поет песни...
Летит эхо славянской песни
К тебе, милая, из березовой рощи.

ВСЕ В ОСЕНИ...

Мои руки молчат,
Мои руки молятся.
Уже нежный закат,
Ночью все светится.
Я никогда не одна,
С тобою тихо общаюсь.
Все как симфония сна,
С тобою нежно улыбаюсь.
Я жду тебя днем и ночью,
Только ты в моей жизни.
Ты сделала душу сильной,
Я верю во встречу нашу.
Ох, Ангел мой любимый,
Каждый день значимый.
Ты моя школа жизни,
Все в осени…

МЫ СЛАВЯНЕ...

Мы славяне,
Мы братья и сестры.
Нельзя забыть о крестьянах-
предках — их голос носят ветры.
Воспоминания о Пушкине будут вечными!
Его стихотворения самые красивые в мире.
Мы славяне,
Нам надо уважать друг друга.
Мы должны сохранить веру и деревни,
Давайте не будем терять нашего жемчуга!
Воспоминания о Есенине будут великими,
Его стихотворения самые нежные в мире!
Я славянка,
Я люблю славянскую землю.
Славянская душа — искрит, как серебрянка.
Сердцем я мыслю.

ТАНЦУЙ, ТАНЦУЕТ, ТАНЦУЮ...

Танцуй, танцуй, душа моя,
В ритме счастливого сердца.
На барабане играю я
И вижу лучи солнца.
Танцует с нами море,
В ритме природы.
С берега смотрю на горы,
Теперь хочу свободы.
Танцую я, танцую,
В ритме нежной любви.
Но я проживаю свою Радость большую,
В свете своей любви.

ДО СВИДАНИЯ АВГУСТ

До свидания август,
Конец лета послезавтра.
Осень перед дверью стоит,
Перед отъездом птица поет.
Осенний цветок вереска нас ждет,
Осенний дождь скоро придет.
Уже пахнет осень, и туман окутает нас,
Наш гость — холодный ветер сейчас.

Олег СЕВРЮКОВ

г. Москва

Олег Николаевич Севрюков родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Член СПР, АРЛ, творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат литературных премий. К. т. н., доцент НИЯУ МИФИ. Наш постоянный автор.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ В СТИЛЕ «КАНСИ» *

1.
Солнца шар в небесах подернут морозной дымкой,
Я могу, не моргая, в глаза посмотреть светилу
И спросить — не с ним ли мои родные,
Что покинули мир, увы, меня не дождавшись?
Не ответит — ну что ж, тогда буду ждать ночи,
Чтоб ступить без раздумья на мост сорочий небесный** —
Потому как хочу по нему до Луны добраться
И задать ей тот же вопрос, что меня тревожит.

2.
За снежинкой снежинка летит на холодную землю,
Чтобы лечь, шевельнувшись, к другой прижаться плотнее.
Их прохожий, не глядя, безжалостно в прах растопчет,
Ветерок, налетевший откуда-то, снежную пыль взвихрит,
И снежинки, недолго кружась, на землю опустятся снова,
Но не рядом с уютным, знакомым обжитым местом! —
Видно, так до весны кочевать придется снежинкам!

3.
Снег — примета зимы, весны же примета — Солнце,
Чье тепло, наконец, отогреет остывшую Землю,
Даст движенье Воде от корней по стволу до кроны,
Та ж, добравшись до спящих закрытых почек,
Растопырит облатки, в кои завернуты листья,
И они улыбаясь воспрянут навстречу Солнцу,
Затрепещут, на землю сбросив зимы одежду,
И наполнят округу веселым зеленым шумом!

4.
Жизнь цветка коротка, не в пример человечьей жизни,
Но и этого хватит, чтобы пройти дорогу
От начала к концу, замкнувши круг превращенья,
По которому движется все что ни есть живого!
Семя ж путь повторит, но уже от конца к началу,
Раздвигая пространство, собою продлив непрерывность
Мировой кутерьмы, той, что нами жизнью зовется!

5.
Что мы знаем о птицах, стремящихся осенью к югу? —
Только то, что весной они полетят на север.
Что влечет их туда, сюда — лишь теплота и пища?
Их бросает инстинкт в далекий путь многодневный,
Или тяга заложена в них к перемене мест обитанья?
А людей что толкает бродить по Земле бескрайней,
Неужели попытки поиска смысла жизни,
Когда он — как всегда! —находится где-то рядом?

6.
Кто мне скажет — зачем облетают с деревьев листья
И хвоя, даже с вечнозеленых растений многосотлетних?
И зачем вслед за летом приходит с дождями осень —
Для того ли, чтоб смыть остатки былого буйства
Красок, листьев, цветов — подарков летнего Солнца?
Иль ее назначенье — готовить ко сну Природу,
И расчистить дорогу зиме неизбежно грядущей?!..

7.
Для чего мы идем, повинуясь Судьбе ли, Року,
В направленьи, которого пункт конечный неведом,
От начала, которое тоже от нас сокрыто? —
Отвечаю: чтоб каждый нашел для себя возможность,
В превращения круге, означенном волей Неба,
Проложить свой Путь, отыскать лишь свою дорогу,
Что его приведет к одной из простейших истин —
«Все превратности мира — что облака в небе». ***

** Стихотворения японских поэтов на китайском языке XVII—XIX вв.*
*** Китайская мифологема: раз в году сороки строят небесный мост для встречи разлученных.*
**** Инок Рекан (1758 — 1831). Из стихотворения на канси в переводе Александра Долина*

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Николай Николаевич Тимохин — член СПР, член СЖР. Член казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. В 2020 г. Тимохин награжден СПР, алтайским отделением общероссийского литературного сообщества «Вологодский союз писателей-краеведов России» памятной медалью «Николай Рубцов». Автор многих книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Завотелом поэзии литературно-художественного журнала «Приокские зори» (Тула, Россия) и альманаха «Ковчег» (Тула, Россия). Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами журналов России, Беларуси и Германии. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ОДНАЖДЫ ЗАБЛУДИЛАСЬ КОРОЛЕВА

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.
Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Положил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.
...Ранним утром, заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.
«Принцесса» Н. С. Гумилев

1
Заблудилась в лесу королева…
В этой сказке начало такое.
Не спеша шла. И слышит вдруг слева —
Щебетание птиц небольшое.
Пригляделась: стоит перед ней
Неизвестный мужчина с ружьем.
Кто он? Это разбойник, злодей?
Что еще можно думать о нем?
Только это был бедный лесник.
Вышел на охоту, как вдруг —
Незнакомку увидел… И сник,
Лишь промолвил: «Не бойтесь, я друг!
И не сделаю вам ничего
Я плохого. Пойдемте со мной!
Лучше станет вам лишь оттого,
Что не будете в чаще одной!»

2
И привел королеву он в дом,
Уложил на простую кровать.
А себе выбрал место со мхом
Во дворе, и ушел вскоре спать.
Королева промучилась ночь,
Не могла долго сразу уснуть.
Все гнала мысли грустные прочь,
Представляя обратный свой путь.
На заре он ее проводил,
Напоив молоком на дорогу.
Пожелал ей удачи и сил,
Дал картошки и хлеба немного.

3
Королева пришла во дворец,
Слуги ждали ее у дверей.
Тут у сказки быть должен конец…
Королева не спит много дней.
Жестко ей на кровати одной,
Вспоминает в лесу старый дом.
Жизнь была в нем особой, другой.
Двор, заросший травою и мхом.
И пошла королева вновь в лес.
И с собою взяла молока…
В сказках множество разных чудес.
Я свою приукрасил, слегка.

***

Встреча двух сердец.
Так давно я ищу тебя,
И ко мне ты стремишься тоже,
Золотая звезда, любя,
Из лучей нам постелет ложе.
«Песня Дриады» Н. Гумилев

Проходит встреча двух сердец,
В них много тайн и теплоты.
Печалям всем настал конец —
Собой украсишь вечер ты!
Твои глаза — как свет в окне,
А губы — словно ложки мед.
Судьбой подарена ты мне
И счастье нас обоих ждет.
Укрась собою этот вечер,
Печалям всем пришел конец!
Сегодня ласковая встреча —
Соединенье двух сердец!

***

«Куда ты — туда и я! —
Говорила ты мне раньше.—
Наша дружная семья,
Без обмана и без фальши.
Много впереди дорог
И камней на них немало.
Полюбить меня ты смог,
Жизнь у нас счастливой стала».

Но года промчались птицей,
Не сбылись мои мечты.
Стоило ли торопиться,
Говорить: «Где я — там ты»?
Без обмана и без фальши,
Наша где теперь семья?
За тобой ходил я раньше —
Куда ты, туда и я…

Максим ТОРБИН

г. Москва

Максим Сергеевич Торбин, родился 31.08.1988 г. в г. Москве. Окончил юридический факультет в Институте Управления и Права. Осознанно стихи стал писать с 2011 г. Кубизм, футуризм, имажинизм — каждое направление выделялось чем-то интересным, что повлияло и на его творчество. Свободная форма так же интересна. Печатался в сборниках и журналах: «Третья столица», альманах «Русский колокол», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Огни над Бией», «Edita», на портале «Золотое руно», в сборниках литературной премии «Поэт 2014 г.» и «Лирика 2014 г.».

В РУССКИХ ДАЛЯХ СВЕТЛЫЙ ВЗОР

***
Вечер тихий, поле нежное,
Звезды в небе, как роса,
Озаряет свет иссини
Путь мой тихий неспеша.
Словно ветра ласка нежная,
Волны трав качают штиль,
И березка, как невестою,
В полутьме хранит свой стиль.
Слышишь, звуки ночи звонкие,
Песнь кукушки вдалеке.
Эхо лет разносит тонкою
Шум листвы в моем окне.
Я влюблен в поля игристые,
В русских далях светлый взор,
В простоту и щедрость дивную,
В каждый миг, судьбы такой.
Здесь мой дом, моя природа,
Здесь живет моя душа.
Словно реки гладь и воды,
В вечном мире, не спеша.
Пусть же ночь пройдет безмолвно,
Пусть согреет теплотой,
Вновь проснется день покорно,
Жизнь исполнит глубиной.

***
В саду осеннем, где печаль,
Летит на крыльях тихий вечер,
Шумят деревья в пустоте,
Как тихий вздох, как сердца встреча.
Туманы стелются ручьем,
Затихли песни летней ночи,
И мрак клубится серебром,
Скрывая тайны, слезы, очи.
Взгляни, как листья в золотом
Ложатся у подножья кленов,
Того, что было, не вернем,
Как не вернем ушедший звон их.
Любовь и грусть, печаль сердец,
Запечатлелись в каждом вздохе.
Идя, оставлю я венец
На старом троне одиноком.
Мой друг, у времени во власти
Стоять, задумчиво молчать,
Ведь в каждом миге жизни счастье —
Так вечно будем мы мечтать.

***
В тенистой роще, где любви сиянье,
Где шепот ветра нежно так звучит,
Там скрыта тайна сладкого мечтанья,
Там сердце трепетно опять грустит.
Любовь — звезда, что нам с тобой подвластна,
И в ночи темной путь наш озарит,
Сквозь бури чувств, где страсть и грусть опасна,
Ты, заблудившись, вновь к ней попадись.
Под сенью крон, листвой обвиты ели,
Там птицы гимн поют любви святой,
И в каждом звуке страсти мы узрели
Небесный свет, дарованный судьбой.
О, нежность встреч, мгновений тех волненье,
Где душу согревает каждый взгляд,
Там обретем мы вечное смиренье,
В объятьях, где ни страха, ни преград.
Так пусть же сказкой будет это лето,
Пусть чувства свет овеет все вокруг,
И, словно с музою воспеты,
Мы в жизни вновь найдем свой луг.
В тенистой роще, где любви сиянье,
Где шепот ветра нежно так звучит,
Там ждет нас Eden, радостью питая,
Там сердце вновь любовью тормошит.

Наталья ОКЕНЧИЦ

г. Михайловск Ставропольского края
и г. Геленджик Краснодарского края.

Наталья Владимировна Окенчиц родилась в 1955 г. в Киргизской ССР, в семье офицера. Ветеран труда Ставропольского края. Автор пяти по-этических книг, в том числе и для детей. Стихи публиковались в литературных журналах и альманахах: «Нева», «Дон», «Невский альманах», «Нижний Новгород», «Арина Н Н», «Южная звезда», «Рукопись», «Традиции & Авангард», «Бийский Вестник», «Дарьял», «Нана», «Северо-Муйские огни», «Под часами», «Полярная звезда», «Литературное Ставрополье», а также в литературных интернет-изданиях:«Литературная газета», «Невечерний СВЕТ/INFINITE», «Причал», «Современная всемирная литература» и других. Член Союза писателей России

ПУСТЫЕ КАРМАНЫ

Живу не зря на белом свете,
Ныряя в счастье с головой.
А по карманам шарит ветер —
Веселый, южный, молодой…
А мне то весело, то грустно,
Душа то плачет, то поет.
Уже в карманах стало пусто…
В душе все золото мое.

ДОВЕРИЕ

Моя жизнь пронеслась со свистом.
То ли явь, то ли сладкий сон…
Доверяла ее таксистам
На загруженной трассе «Дон».
Доверяла врачам и скальпелям,
Доверяла учителям
И случайным мужчинам, мальчикам,
И заснеженным поездам.
Доверяла, казалось, многим.
Но, поверьте, в тяжелый час
Доверяла всецело Богу.
Доверяю Ему сейчас.

ВПЕРВЫЕ

Я обласкана щедрой судьбой.
Удручающий ветер затих.
Захотелось просить для других
Перед ликом Матроны святой.
Что за слезы из радостных глаз?
Я смешною кажусь. Ну, и пусть!..
За Россию впервые молюсь:
Все когда-то у нас в первый раз…
— Дай нам веру, здоровье, покой…
А еще… ты, Матрона, прости…
Уголька бы к зиме привезти
Бабе Вале — старушке одной.

ПОВЕРНУ НАЗАД

Кто встретит время? Где ответ?
Его уносит дикой стаей.
И я по-птичьему взлетаю,
Когда дороги больше нет.
У горизонта есть закат.
И есть рассвет, как чудо света.
Я снова полечу к рассвету,
А значит — поверну назад.
«Куда? Зачем?» — кричат вослед.
Я светлых слез своих не скрою,
Опять спешу за добротою
Туда, где зародился свет.

ВОЕННЫЕ ЛЕТЧИЦЫ В ГЕЛЕНДЖИКЕ

Тонкий мыс. Ходят волны морские.
Наши летчицы в небе войны.
Называли их «ведьмы ночные»,
И они были духом сильны.
Знают звезды, но те не расскажут,
Что творилось на этой Земле.
Как стояли девчонки на страже,
Сколько было тем летчицам лет.
Как им верили, как провожали
Прямо в небо, красивых таких,
Что они перед смертью кричали,
Как хотели остаться в живых.
На врага сеял ужас небесный
Каждой летчицы смелый полет.
И летел самолет легковесный
В сорок пятый решающий год…

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

День памяти и славы
Приветствует страну.
Наш мир и наша правда…
И не забыть войну.
Мы помним всех погибших.
Раскат войны умолк.
Но вся планета слышит:
Идет бессмертный полк.
Страны великой знамя…
И все бойцы в строю.
Жива святая память.
Над Родиной — салют.

Спасенная держава…
Рассвета тишина…
Единство… Верность…Слава…
Победная весна...

СОЛНЕЧНЫЕ МЫСЛИ

Хочу тонуть в лучах рассвета
На самом красочном лугу.
Я стану солнечным поэтом.
Я по-другому не могу.
Не обману и не обижу.
Хочу летать над всей страной,
Стать к небу ближе, к Богу ближе,
Стать поэтической волной.
И донести слова простые,
Которые легко понять,
Что сыновья нужны живые,
Чтоб можно было их обнять…

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОЙНУ

Получил надгробный камень
За чужую глупость-злость
Парень с добрыми глазами.
Так на свете повелось.
На плите могильной даты
И слова, в которых жуть.
Было двадцать лет солдату.
Не вернется… не вернуть…
Здесь навеки обвенчался
Он с могильною плитой.
Не знаком и не встречался,
Но до горечи родной.

СОСЕДКА ПО КОЙКЕ

Опять лежу в большой палате.
Соседка принесла попить.
Одной слезы порою хватит,
Чтоб сердце чье-то растопить.
Она сама едва живая.
Она за счастьем не гналась.
Работа, дом, семья большая…
Старалась… вот надорвалась…
Я благодарности не скрою.
Моя соседка так добра…
И я зову ее сестрою.
Мы познакомились вчера.

СЧАСТЬЯ МНОГО

Счастья много или мало?
Запишу в свою тетрадь:
Я бы душу постирала,
Только боль не отстирать.
Снег искрится в белом поле,
Словно скатерть бытия.
Не могу прожить без боли.
Мысли тучами стоят.
Эти тучи не измерить…
Сколько душу не трави,
Ей бы только людям верить,
Жить по совести-любви.

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Расскажи мне метель
Сказку весны,
Где лучей канитель
В созвездьях листвы.
Где качаются тени
На юной траве
И мчатся мгновенья
Надо мной в синеве!
Любовь где смеется
И песни поет,
Где пташечка вьется,
И счастье живет!
И завыла метель,
Свой рассказ повела,
Зазвенела капель,
Вслед сирень зацвела.
Убаюкала сказкой
Да согрела мечтой,
Томною лаской
Качала сон мой.
В порыве метели
Мелькали те сны,
Вот и птички запели
В преддверье весны.
И устала метель
За окном завывать,
Двери с петель
Стараясь сорвать.
Я теперь весь в веселье —
Наслаждаюсь весной
И гляжу в изумленье:
Не сон ли тот мой?
Нет не сон и не сказка —

Просто солнечный день,
И листочков в нем ласка
Сплетается
В тень!

***
Жасминовые гроздья,
под моим окном,
Вы печали бросьте,
позабудьтесь сном,
Сном начала лета,
Запахом цветов,
радостью рассвета
В свете золотом!

ЗВУКИ

Играю вновь арпеджио,
Мечтой кружусь в адажио,
И погибаю заживо,
От музыки разнеженный!
Да, не всегда прилежный я,
Но все ж трудолюбив,
Случалось, и рассерженный,
Да, в общем, не злоблив.
Ах, ноточки, ах, звуки,
Ах, звонкий звукоряд,
Ах, творческие муки,
Восторженейший лад!
Вот, оживаю заживо —
Беру другой аккорд,
Не понимаю даже я,
Что стал собою горд!
Но это ж не убожество,
Мечтатель не урод,
Мечта моя размножится,
Забвение придет!
Какое же все ж множество
Сменил профессий я,
Но все же не ничтожество —
Из разных смесей жизнь моя…
И била эта жизнь меня,
Средь городов и весей,
Среди процессий бытия…
Но стих пришел из поднебесий,
И вниз мотив слетел тогда —
Лишился я регрессий,
Беда мне стала не беда!
Ах, эти творческие муки,
Ах, этот бес в моей крови,
Какое счастье слышать звуки,
Какое ж море в них Любви!!!

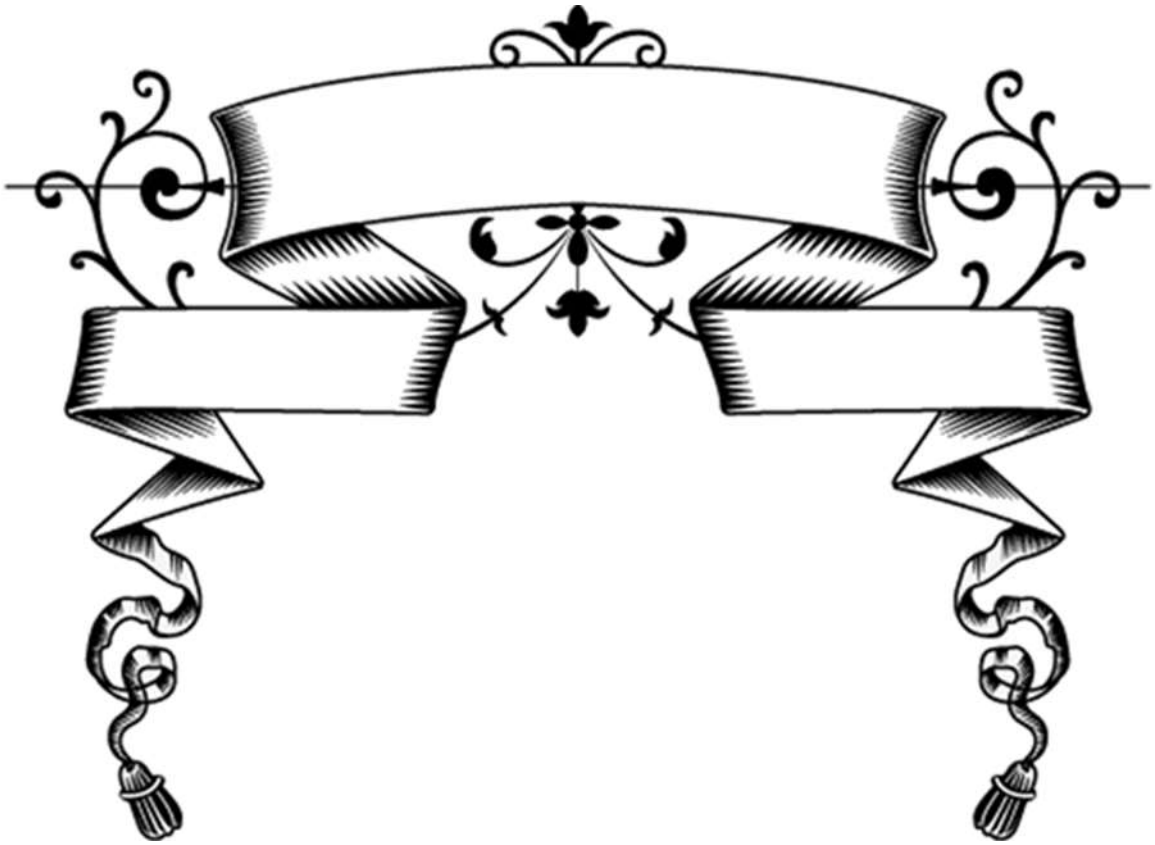
***
Там в краю взросления
Мысли все мои,
Радости мгновения,
Сказки о любви.
И конечно мамочка,
Мамочка моя —
Без нее какие же
Детские края?
Лишь с годами ясно —
Слабо дорожил,
Сколько дней напрасно
Так вот я прожил?
Что ж свою я маму,
Маму не ценил?
За заботу мало
Так благодарил?
Я вздохну устало
Да сотру слезу,
Мамочки не стало…
Как-то… Поутру.

***
Вот солнца луч упал на траву,
Трава колышется шумит,
Пришелся лучик ей по нраву:
«Пускай на мне он погорит!
А я с лучом тем поиграю,
Напьюсь весельем и теплом,
Под ветром теплым повздыхаю
В сиянье света золотом!
Уже немного зацвела,
И людям стала так мила
Моя зеленая забава
И песня благостного нрава!
Ну, а с лучом цвести сильнее,
Пахуче и красивей стану,
Шуметь я буду веселее,
Качаться не устану!
Играй, играй же луч со мной.
И летом, осенью, весной
Мы будем лучшими друзьями —
Пускай любуются все нами!»

***
У Черного Саши чернейшая сажа,
А у беленькой Маши белесый рассвет,
Синяя птица крылом мне помашет,
А небо подарит лазоревый цвет!
И зарекаясь любить все живое,
И Сашу, и Машу, и ласковый свет,
Пью у солнца вино золотое,
Птице синей пошлю свой привет!
И приветы вернуться сторицей,
Из бурлящей столицы,
И прочих любимых, не забытых мной мест…
И улыбнутся приветливо лица,
И зазвучит над землей благовест!!!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

ЛЮДМИЛА ВОРОБЬЕВА
ЮЛИЯ ЗИМИНА-КОНДАКОВА
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
НАТАЛЬЯ ПОЗДИНОВА

Людмила ВОРОБЬЕВА

г. Минск, Белоруссия

Людмила Анатольевна Воробьева — член СП Беларуси с 2017 г. Академик Международной литературно-художественной академии Украины (2019). Лауреат многих международных премий, в том числе литературной премии им. М. Булгакова (2020), Международного литературно-художественного конкурса им. Де Ришелье (2020) и «Славянский калейдоскоп — 2018», награждена дипломом за высокие помыслы и духовный аристократизм — Золотой GRAND (Германия, 2020), дипломом за большие заслуги в области литературной деятельности — Золотой GRAND (Германия, 2020). Автор трех книг литературной критики. Литературно-критические статьи публиковались во многих российских и белорусских журналах и газетах, а также на ряде интернет-порталов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

«БЛАЖЕН, КТО ПОСЕТИЛ СЕЙ МИР…»

Философская лирика Федора Тютчева и русская изящная словесность: штрихи к современному поэтическому портрету

«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир».

Автор этих волшебных, влекущих к познанию тайн бытия строк — русский поэт Федор Иванович Тютчев. Глубинное трепетное тютчевское слово раскрывает целый мир мыслей и чувств, корнями своими связанных с родной землей, природой и человеком. Проходит время, но не перестает поражать его почти пушкинская красота — гармония сочетания содержания и формы стиха. Сегодня возвращение к поэзии мирового классика стало заметно и в литературе, и в различных публикациях, и в книгоиздательстве, и в обществе. Значит, абсолютно прав философ и лирик Тютчев, который в афористичной формуле определил истоки своего творчества, доподлинно зная, «чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле».

Родился поэт в российском селе Овстуг, на Брянщине, в чудном историческом крае. Но так уж сложилась его жизнь, что буквально по пальцам можно было пересчитать годы, когда он посещал свое родовое гнездо. Федор Тютчев избрал судьбу блистательного дипломата, поприще служащего иностранной миссии. Невероятно и парадоксально: литература не была для него профессией. При всем при том ему удалось совершить невозможное, будучи вдали от России,— сохранить себя для Родины и для русской культуры. Тютчевская поэзия принадлежит к числу лучших созданий поэтического гения.

Тютчева любили именно как поэта за жар и искренность его души. Высота поэтического слова, неисчерпаемое богатство русского языка, насквозь пронизанного тончайшими оттенками, и в новом тысячелетии привлекают к себе широкий круг литераторов и читателей, благодарно отдающих дань творчеству гениального лирика.

Не секрет, что выдающийся поэт влияет на другого поэта. К тому же такой, нисколько не теряющий своей современности, чародей слова, как Тютчев. В русле нашей темы хотелось бы через призму волшебства художественной речи — Федора Тютчева — представить поэтическое слово наших достаточно известных современников: Анатолия Аврутина, Дмитрия Мизгулина, Андрея Шацкова. Прежде всего в сравнениях, параллелях и точках пересечения мы будем искать определение не жанровое, но смысловое. Здесь играет существенную роль эстетика мгновенности или, быть может, искра Божья — почувствовать настоящую поэзию. Ведь при всех различных вариациях поэтического голоса и звука — подобие наблюдается. На фоне центральной творческой личности — Тютчева,— дополняя общий портрет поэтов,— проявляется личность двоякого художника-метафизика — Аврутина, оригинального романтика свежего и образного пера — Мизгулина, метафорически насыщенного лирика-импрессиониста — Щацкова. Вероятно, вы увидите некое тайное соответствие, поймете, что границы творчества прозрачны, что неизъяснимая тютчевская тайна живет в каждом из них, а значит, она есть и в каждом из нас.

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ…»

Слова, поставленные нами в заглавие, сказаны Тютчевым именно о природе поэзии как таковой. Вспо-

миная произведения русских классиков, понимаешь, почему их книги вне времени и вне пространства, почему они воспринимаются как нечто вечное. Классик — тот, кто преодолевает эпоху. Гул вечности слышится в стихах большого поэта-философа Анатолия Аврутина, для которого превыше всего — традиция реализма в искусстве, вобравшая в себя огромный духовно-исторический опыт народа. Во всем ощущается новое и бесконечное начало. Классики бессмертны, и автор ведет с ними свой нескончаемый в веках диалог:

Раскрытый Тютчев… Смятая кровать.
Четвертый день раздумчивого мая.
Опять «умом Россию не понять…» —
Так и живем, ее не понимая.

Здесь прошлое живет в настоящем — как одна нескончаемая тайна… Как будто сами по себе текут слова, непринужденно складываясь в довольно грустные и напряженные строки,— многое узнаваемо и действительно, и многое проецируется из былого в наше реальное и в грядущее.

Раскрытый Тютчев… Старый, с буквой «ять»,
Предтеча огнедышащего Блока,
Когда «умом Россию не понять…»,
И оттого — светло и одиноко.

Один поэт читает другого: читает самозабвенно, ночь напролет, одолеваемый горестными и просветленными думами. Неразрешимая проблема экзистенциального одиночества, когда «страдающий о вечном и любимом» кому-то вновь «не ко двору».

Однако тот же Тютчев благодаря своей поэтической интуиции открывал собственный закон философии — мир единого целого: «Все во мне, и я во всем!..». Его страстно влекли глубина Вселенной, человеческая Душа. Не зря уже в сорок четыре года он выразится так: «Я жил свой век и… у меня ничего нет в настоящем». А почти двадцать лет спустя напишет незабываемое гениальное четверостишие:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить. (1866)

Разве есть сегодня в России человек, не знающий этих философско-лирических строк, которые вот уже более двух столетий убедительно говорят о неизменных противоречиях, происходящих в нашей стране?! Непостижимо, но находясь в Европе, Тютчев не стал ни убежденным космополитом, ни квасным патриотом. Обладая проницательным умом, свободой мысли, не в пример оным, он искренне любил свою многострадальную Россию.

Уникальный художник философской двойственности и Анатолий Аврутин, стихи которого притягивают к себе ощущением раздвоения, энергией антитезы. Говоря о сокровенном, автор по сути говорит об общем, глобальном. Поэзия Аврутина отличается ярким эпическим звучанием, преодолением непостижимых внутренних коллизий, совмещением двуполярного единства. В его стихах содержится много скрытой боли. И этот дисгармоничный мир надо принять и осмыслить. Он показывает весь трагизм исторического бытия XX — XXI веков — веков всеобщего нравственного кризиса. Некоторые произведения приобретают страдальческий и одновременно просветленный отсвет, и наше далекое прошлое проясняется.

Который день, который год,
Труд не сочтя за труд,
И в урожай, и в недород
Их сумрачно ведут.
Штыками тени удлиня,
Ведут, как на убой.

Анатолию Аврутину характерен метафизический подход к постижению тех или иных крупных событий, присущи глобальные лирико-философские обобщения — широкая историческая ретроспектива. Мимолетность человеческого бытия, время и пространство, жизнь и смерть, боль и страдание…

Обращаясь к воспоминаниям «Ф. И. Тютчева», мы так же понимаем, насколько близко к сердцу принимал поэт людское горе. Он слыл мастером экспромта, и первое чувство — самое истинное и верное — никогда не подводило Федора Тютчева:

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...

Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,—
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

И не только ненастная, дождливая погода всему виной. Душа его плачет и сострадает, полнится сочувствием ко всем отчаявшимся, вероятно, ко всем обездоленным, ко всем тем, кто так нуждается в милосердии.

Очевидно, что Анатолий Аврутин ставит задачу: попытаться приблизиться к пониманию мыслительных гениев, интеллектуалов XIX — XX веков, исследователей человеческого духа, всецело познавших истину. Тут подключается логика парадокса. Он мистический поэт, которого влечет неизведанное — случай — рок — фатальность, значит — он и мыслит метафизически: «Что велено роком, / То, значит, и велено роком, / И сбудется все, / здесь не нужно казаться пророком». Всесильна испепеляющая близость рока, и молох дара обуревает художника, сжигая его изнутри.

Собственно, эта близость прослеживается и у Тютчева, который писал: «Две силы есть — две роковые силы, / Всю жизнь свою у них мы под рукой, / От колыбельных дней и до могилы,— / Одна есть Смерть, другая — Суд людской» (1869). Поэт смело глядит в лицо смерти, ибо она «честней — чужда лицеприятью», когда тот же свет: «… Он там бесчеловечней, / Где человечно-искренней вина». Какой сильный и высоко критический ум, предопределяющий неизвестное, что дается человеку Свыше.

Обретая духовное родство и целостное поэтическое пространство, и наш современник Аврутин будто вступает в мысленный диалог с Тютчевым, ясно осознавая извечную парадоксальность русского бытия:

Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осыпаются несмело
На сердце поздние цветы.
<…>
И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля…
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?

Драматизм противостояния и принятия неизбывного противоречия неба и земли. У Аврутина, как и у Тютчева, поэзия полна тревожных предчувствий, вряд ли ее назовешь оптимистичной. Драматургия его поэтических сюжетов охватывает существенный отрезок времени, коему характерно пограничное пересечение эпох и столетий. Говоря о себе, автор говорит за всех и о коллективном, поднимаясь в художественном мышлении до всечеловеческого и надмирного восприятия бытия: «Я в этот мир пришел в свое число, / Меня сюда случайно занесло. / Я не спешил сюда… Меня не звали». Да, такая поэзия трагична, и герой этой поэзии — трагический герой, болезненно переживающий трагедию раздвоения. «Много боли» — драматический разрыв и прозрение одиночества. Пожалуй, на рубеже конца XX и начала XXI веков Аврутин еще более одинок, чем в своем XVIII веке Тютчев. Стоит заметить, поэтический космос Аврутина заключает в себе целый универсум, представляющий многомерность различных событий, явлений, вещей и предметов. Сохраняя глубину традиции, он показывает не просто роль личности в истории, но и ставит задачу — высветить истинную роль Поэта, его предназначение и место в истории. Поэт и власть, Поэт и общество — темы непреходящие. Эта неоднозначная ситуация представлена автором весьма оригинальным произведением:

Кто — временщик иль Павел
Царством правил? —
Размыты даты, спутались года.
Но всякий царь, шута встречая лаской,
Стихам внимал с тревогой и опаской
И не любил поэтов никогда.

Тут же приходят на ум строки Тютчева из «Цицерона»: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!..». И обнажаются исторические бездны, над которыми, по слову русского мыслителя, «хаос шевелится» и видится «закат звезды… кровавый!..». Поистине — противоречивая дилемма героя, политика и государственного деятеля, наделенного властью, и в то же время личности творческой, философа, поэта:

Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —

И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил! (1829 —1830)

Мы имеем дело с художественным открытием: точный ключевой образ — гениальный уровень и совершенно волшебные стихи. Бессмертие и величие творческого гения.

Впрочем, и Аврутин умеет найти сакраментальную фразу, умеет сопоставить жизненные и творческие параллели, чтобы доподлинно раскрыть самоценность художника-творца:

Кого же свет хвалил и так, и этак,
Тот никогда и быть не мог в поэтах,
Пусть был он государю трижды мил.
И чтобы ни творила воля злая —
Не Пушкин жил в эпоху Николая,
А Николай при Пушкине царил.

Оказывается, не все на свете существует вневременно — только Слово. «И если за стихи казнят при этом, / То это настоящие стихи»,— таково исчерпывающее заключение поэта. Это — почти магическая — воля одним мановением, одним росчерком пера — суметь обозначить в поэзии главное. Автор этих строк аналогично Пушкину и Тютчеву — поэт-историк. Подобная ипостась просто обязывает достигать определенных высот. Именно Россия для поэта — надежда и утешение. И он — русский поэт. Эта страна не пропадет и не сгинет, она, по мнению автора, хранит в себе еще не выявленную мощь и энергию.

Такими же преданными своему родовому началу были и убеждения Федора Тютчева, принимающего поэзию — как высший Божественный дар. «Она с небес слетает к нам»,— не переставал поэт восторгаться Словом. Слово торжествует как для Тютчева, так и для Аврутина, побеждая тьму, бездну, хаос, оно утверждает свет, жизнь, творчество.

«О, КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ!»

Русские классики оставили нам немеркнущие лирические шедевры, содержащие уникальный опыт любви. Великий литературный критик Н. А. Добролюбов находил, что таланту Ф. И. Тютчева доступна «и знойная страстность, и взрывная энергия, и глубокая душа…». Творец гармонии и красоты, поэтическое достоинство которого даже спустя столетия несомненно, вдохновенно и страстно писал: «О вещая душа моя! / О, сердце, полное тревоги…». Он — чуткий тайновидец человеческого сердца, довольно своеобразный, неповторимый лирик. Пожалуй, трудно представить, кто не слышал бы его романс «Я встретил Вас…»! Нет необходимости напоминать эти стихи полностью, но все же — последние строки воскрешают вновь забытые чувства, говорят о том, что время над ними не властно, что дивная песнь любви побеждает и время, и пространство:

…Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Но и здесь загадка, поскольку существуют две версии посвящения этого столь пленительного произведения: юной красавице графине Клотильде фон Ботмер, которую 66-летний поэт встретил почти после полувековой разлуки, либо таинственной Амалии Лерхенфельд (будущей баронессе Крюденер). Любовь — тончайший источник поэтической энергии. Да, дорогой читатель, перед нами — исключительная творческая натура, обладавшая талантом любви, чувственным волнением, горением страсти. Неудивительно, что так бесконечна музыкальная судьба многих стихов художника, ставших настоящими шедеврами искусства.

Непреходящая красота природы и бесконечная сила любви — эти две темы — составляют главное содержание лирики и нашего современного поэта Дмитрия Мизгулина, строка которого по-своему созвучна музыкальной тютчевской строке. Поэтические приметы собственной полярной колыбели детства, жизни и любви — целой Северной Ойкумены — автор прежде всего вписывает в русскую православную духовность:

Доверься неизбежному теченью,
Не умножай сомнения ума,
Внимай природы мудрому движенью;
Вернется все — и осень, и зима.
Душа летит под голубые своды,
Ведь жизнь твоя — а ей ведь нет конца,—
Частичка торжествующей природы,—
Бессмертное создание творца.

Природа и любовь, соединяясь в своем едином восхитительном порыве, поднимают душу над землею, над мирозданием и пространством. Мизгулин, как и Тютчев, проникнут родовыми корневыми связями, к тому же оба они афористичны, интеллектуально удивляя своими выразительными максимами. Невольно проводишь художественные параллели и вспоминаешь, какой чудесный свет излучают и стихи Федора Тютчева. Их звездное сияние просто ослепляет: «Еще томлюсь тоской желаний, / Еще стремлюсь к тебе душой — / И в сумраке воспоминаний / Еще ловлю я образ твой...». (1848)

Все в мире содержит в себе свои противоположности. Ничто не может существовать без своей обратной стороны, как свет без тени, как правда без лжи, как иллюзия без реальности,— эти понятия не только связаны друг с другом, но и неотделимы друг от друга, как жизнь и смерть. Два полюса — отрицательный и положительный, — то отталкивающий, то притягивающий один одного. Оглядываясь на два столетия назад, мы понимаем, как неимоверно много было дано замечательному поэту Тютчеву. Он проникал в глубины Вселенной и в самые потаенные уголки человеческой души. Ибо тонко чувствовал красоту, видел совершенную гармонию Божественного неба:

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

Недосягаемая звезда, подобная вечной любви… Пожалуй, сегодня способен поразить читателя и такой поэт, как Дмитрий Мизгулин,— художник духовной свободы, живой свежести языка, красочной и оригинальной образности. Художник, который не перестает удивлять парадоксальностью жизненных и поэтических сравнений. Ему, как и Тютчеву, тоже человеку государственному, дарован острый, восприимчивый и независимый ум, чувствительный к всяческому воздействию извне, ум, не мешающий высказываться начистоту. А его душевная экология, бытие земное и небесное — сакральный ореол Божественного и холодного Севера, связь с которым он чувствует почти физически,— предстает во всей своей суровой красе. Коль скоро речь пошла о глобальных вещах: Мире, Природе, Космосе, то всякий сразу сообразит: в центре здесь стоят категории Вечности и Бога. Он сам и его лирический герой живут в необъятных владениях Севера, там, где «впалются звезды в лед», казалось бы, что может быть у него общего с неуловимо утонченным Тютчевым? Всеобъемлющая философия любви — Бог и Космос. Эта «непогодь» — Небо и Земля — одна Вселенная на двоих! Внутренние токи, идущие от его неослабевающей лиры, остро ощутимы, как это было ощутимо у лучших поэтов-лириков XIX века. Устремления поэта к высшим духовным сферам открывают ему целый огромный Космос. Мир един. Мы — лишь частицы бескрайнего небесного пространства, лишь песчинки вечной Тайны Бытия.

Стихи Дмитрия Мизгулина о любви проникнуты просветленным смирением и светом. Многие произведения поэта — это маленькие пьесы с сюжетами для двоих, где пронзительность образов, жизнь, любовь, творчество сливаются воедино. Вот, к примеру, одно из них, будто вобравшее в себя некую тютчевскую таинственность:

Снег под утро сонно летит,
Занавесил плотно окно,
Женщина любимая спит,
Я уже не снюсь ей давно.
……
Я теперь обид не коплю,
Не держу разлук про запас,
Просто безответно люблю
Звездное мерцание глаз.
Снежная звенит тишина,
Мир ошеломительно прост,
И плывет во мраке луна
В озаренье сумрачных звезд… (2014)

Все здесь заколдованно и, вероятно, волшебства этой зимней и чистой, как белый снег, спустившейся с небес музыки нам не разгадать. Абсолютно непостижимая тишина, словно сошедшая с полотен гениальных художников, тишина, излучающая что-то нежное, теплое. Образы женщин в поэзии Мизгулина сияют подобно путеводным звездам, вселяя тихое, странное состояние души:

Не надо со мной говорить ни о чем,
А просто прижмись ко мне крепко плечом,
Не будем ни следствий искать, ни причин,

А просто вот так, в тишине помолчим.
Нужны ли теперь объясненья, слова.
Любовь, как известно, вовеки права.
Снежинки и звезды кружатся во мгле,
Поземка метет по уснувшей земле. (2013)

Но превыше всего, даже звезд и небес,— излияние духа Любви. Вот почему среди превратностей судьбы всегда есть твердая краеугольная основа: наш Бог — Любовь, и Его Солнце светит вечно. Обретение подлинной любви невозможно без веры в Бога. Лишь в Нем и заключается сила высокого чувства. Но оно, так же как и время, необратимо.

Вместе с тем надо признать, по чистоте и проникновенности искусства художников равных Тютчеву — отыскать сложно. Поразителен мир художественного творчества этого неповторимого мастера, где человеческий дух достигает самого высшего проявления непревзойденных вершин. А тайна сия прежде всего в его личности. Ему, баловню фортуны и блистательному дипломату, были свойственны и любовные взлеты, и горькие потери, и вместе с тем мучительные философские поиски. «Вот бреду я вдоль большой дороги / В тихом свете гаснущего дня... / Тяжело мне, замирают ноги... / Друг мой милый, видишь ли меня?» («Накануне годовщины 4 августа 1864 года», 1865). Стихотворение посвящено Елене Александровне Денисьевой. Немеркнущий свет этой любви вопреки всему освещал ему путь даже тогда, когда любимой не стало. Но для Тютчева смерти нет! Очень личное произведение — как исповедь, как крик души! Три светлых имени проходят через его судьбу: Эрнестина, Елена, Амалия. Елена Денисьева — последняя любовь, быть может, наиболее сильная драматическая страсть поэта.

Любая культурная эпоха, завершаясь, продолжает свое существование, сочетаясь с новой, ее сменившей. Как личность творческая Дмитрий Мизгулин в первую очередь живет душой и поэзией, ведь вопреки всему остается память, а вместе с нею — «небытие» любви, когда лишь разлука «волнует сердце до сих пор». Да, с любовью неразрывно ходит разлука. Так было у Тютчева, когда разлука с Еленой Денисьевой, стала для него вечной. У Дмитрия Мизгулина она отражается сквозь призму долгих расставаний и коротких встреч. Быть может, прав поэт: «Предвосхищенье будущей разлуки / Порой важней предчувствия любви». Разлука в отличие от любви подобна «погасшей звезде»: «… Разлука — вечна, / Разлука — навсегда…» Автор, тонко воспринимающий все времена года, тягостный момент прощания передает не только на фоне прозрачной красоты природы, но чаще всего в тревожную непогодь: «Разверзлись и хляби, и воды / Мир тонет во мраке и мгле. / Ужаснее этой погоды, / Наверное, нет на земле… / Но утром холодным и ранним / Луч солнца не тронет окно, / Уж если и ждет расставанье, / Без му́ки минует оно» (2016). И не успеть уже произнести торопливые слова любви в той давней истории, спустя годы ставшей стихами: «И расстались навсегда. Забыли / Эти клятвы, лодку и причал, / Разлетелись в снежно-звездной пыли / Все концы, начала всех начал» («Не забудь меня…»). Возможно, поздно любить и прощать. Понимать — не поздно. Любовь и вечность, они стоят рядом. Это, как никто другой, хорошо знал Тютчев, пережив смертельную разлуку с любимой женщиной. Все преходяще, кроме любви и поэзии. Вопреки всему герой Мизгулина верит, что однажды, преодолев проклятье беспощадного времени, к нему придет одна из многих — та единственная любовь, которую он выберет для себя «навек — в поводыри». Поэт-романтик любит русскую жизнь, а она, заметим, никогда не бывает скучной. Ты отчетливо понимаешь, что всякая его вдохновенная строка вплетена в непрерывную русскую поэтическую линию.

Впрочем, тут невозможно не вспомнить и знаменитое «Предопределение» — бессмертную тютчевскую формулу любви:

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

Любовь — как «поединок роковой». Здесь еще крайне важен и сам момент влияния того или иного поэта на чувства других. Безысходность, трагичность жизни и любви, то, о чем пишет Тютчев, особенно обостренно ощущается с годами. Сегодня мы вновь постигаем и пушкинское, и тютчевское знание, талантливо рассказывающее нам о природе человеческих чувств, уже в стихах, созданных в новом тысячелетии. Всякое состояние человека изменчиво, как никто иной, знал Тютчев. Действительный статский советник и верноподанный женской прелести и красоты понимал все несовершенство человеческой природы: «О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!» (1851). Читая Федора Тютчева, находим мы утешение в нашем полном прозрении относительно себя. Ничего по сути не меняется в человеке. Проходят времена, а он прежний. Сменяются лишь одежды, антураж, предметы.

Непредсказуемы парадоксы любви и в стихах Дмитрия Мизгулина. Автор чувствует в себе эту божественную драматургию жизни, так же открыто, как это делал Тютчев, он с верой и любовью идет навстречу

новому дню. Мизгулин — неподражаемый мастер пронзительной лирики, художник искусного психологического рисунка. Почему мы предаем любимых? Только ли изменчивая природа человека тому виной? У меня лично — ответа нет, собственно, как нет ответа и у нашего современника, тоже испытывающего душевное опустошение с уходом чувства любви. Забыв о скудеющем времени, его лирический герой сквозь годы забвения силится разглядеть собственные ушедшие ощущения некогда с ним случившегося: «Неумолимо тает время… / Всему свой срок — всему свой час. / И встреч былых пустое время / Уже обременяет нас» (2011). Мне представляется, что лирическая поэзия должна быть от начала и до конца исповедальной. А каждое выбранное слово должно впечатлять своей колоритной выразительностью и быть, как у Дмитрия Мизгулина, верным. Но ощущается совсем иной ход и пульс времени. Стоит ли удивляться внезапному признанию неутомимого человека-романтика в том, «Что жизнь моя — / железная дорога, / Извечное движение вперед», которое заканчивается мудрым и парадоксальным выводом: «От нас уходит тот, кто нам не нужен. / А тот, кто нужен,— не приходит к нам» (2014). Думаю, не стоит, ведь в его словах столько обыденной справедливости. Дорога создает ритмичный рисунок стиха, вносит обостренное, экстремальное отображение ситуации: преодоление великого русского пространства, когда размеренный стук колес уносит к заветным мыслям. Это ли не будоражащее воображение — то заветное тютчевское, когда Россию не дано объять и не дано измерить? Кому из нас незнаком беспечно играющий с жизнью русский герой, бесстрашно идущий на риск? «Я, жизнь расплескивая, пил / Не разбирая, с кем попало, / И — не допел, не долюбил, / Хотя и получил немало...» — испытывает он сладость надежды и горечь разочарования. Если в эпоху потребления и нужно о чем-то сожалеть, сравнивая ее с эпохой тютчевской, так лишь о катастрофической нехватке любви, о жгучем дефиците чувств.

Интуитивно им движет какая-то подспудная идея, тайное сознание родства с человеком и с миром, словно в какой-то миг озаренным связывающим нас общим чувством божественного начала. Дмитрий Мизгулин говорит свое драгоценное слово о жизни, о бесконечной любви к ней. И сама жизнь лучше всяких заумных теорий. Вот и в произведении «Я давно не летаю во сне…» (2019), какое смело можно назвать автобиографическим, автор представляет собственную жизнь во всей ее полноте, во всех своих проявлениях и противоречиях. Это примечательное стихотворение образует целостную систему человеческого круга бытия, включающего в себя мир детства, мир семьи, мир любви, мир безграничного космоса:

Я давно не летаю во сне,
Да и спится не очень-то мне.
В беспросветной ночной тишине
Не приходят видения мне.
(Так, как раньше, в немых облаках,
Словно кто-то носил на руках…)

В нашем воображении возникает нечто величественное, вольное и прекрасное. Философская идея всеединства, духовного просветления и преображения человечества тут приобретает конкретные черты любви, данной нам от рождения, любви, которая бессмертна: «Сколько было по жизни всего — / А не снится почти ничего,— / Только санки под горку летят, / Только мамы встревоженный взгляд». Бесстрашная искренность интонации и некой последовательности судьбы, когда тоска по временно утраченной вечности отступает перед притягательной силой родной земли. Все стихотворение проникнуто трагической правдой о человеке и в то же время надеждой на лучшее. Автор верит в то, что наше завтра будет отличаться большей любовью и человечностью.

Поэзия и Федора Тютчева и Дмитрия Мизгулина возвышает душу, дарует радость, так как в ней заложена потаенная жажда жизни и любви. Господь дал каждому поэту по его вере... Лирическая поэзия — это обращение, звучащее обращение, что сродни заклинанию, молитве. И сама любовь сродни божественному состоянию. Она так же захватывает всего тебя целиком и не отпускает, дает новый интенсивный импульс творческому и преображающему началу — великому поприщу художника. Любовь и искусство — вечны. В них — единственное оправдание нашему пребыванию на земле. Ведь основная и самая большая цель всех поэтов — разгадать Божественный замысел, тайну о человеке, тайну жизни и бессмертия, любви и творчества.

«ВОТ ЭТОТ МИР, ГДЕ ЖИЛИ МЫ С ТОБОЮ…»

Чем мне близок Тютчев? — пришло время задаться и таким вовсе не однозначным вопросом. Наверное, тем, что он одаренный певец природы. Что же я ищу в нем? Прежде всего — сочувственный отклик одинокой душе, отраженной в мире природы, в которой веками хранится вся сила человечества. Этим неизбывным мотивом пронизано все творчество русского поэта. Тютчев вошел в сознание читателей именно как вдохновенный художник природы. Природа — тоже возвышенное существо. «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык»,— ведь природа, как считал Федор Иванович Тютчев, содержит в себе целую философию мира.

Есть в осени первоначальной

Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера…

Тайна несказанная… Гармония мягкой, нежной ясности. Прощальная нота осени. Прозрачно-невесомые акварельные краски. Спокойные и светлые думы пронизывают это стихотворение, сравнимое если только с выдающимися пейзажами художников-передвижников. Для Тютчева поэзия вступает в соревнование с самой природой, без которой, вероятно, она не знала бы цену своей первозданной красоте.

Так бывает, что поэзия и фигура автора окружена ореолом таинственности. Пожалуй, нет ничего интересней и увлекательней, чем открывать тайны мироздания и искать во всем символические смыслы. Вот и современный поэт Андрей Шацков, пронзительный певец славянского мира Древней Руси, обладает особым даром — одиноко, по-своему заглянуть в таинственный мир самой Вселенной. Одически-возвышенные интонации, царственное слово — изумительная русская речь. Как же мы отвыкли от подобного творчества! Отвыкли от поэтов, духовный мир которых сродни загадкам Вселенной. И вдруг — перед нами мастер философско-классического стиха, обладающий голосом А. Толстого, А. Пушкина, А. Фета, А. Блока — поэт-продолжатель тютчевской традиции. Прежде всего восхищает обращенность души поэта к природе: невероятное изобилие природы, причем о чем бы Андрей Шацков ни писал. И, если Тютчев хрустально-тонко пишет об осени, то Щацков, «завороженный кистью января», фантастически-сказочно рисует зиму:

Пейзаж в оконной раме: «Руза спит...»
Морозной вязью — на стекле названье.
И даже вьюга — Божье наказанье,
Затворницей ушла в еловый скит.

Его поэтический «Ночной пейзаж» наглядно показывает ярко-индивидуальные черты художественного мира поэта-творца. Неистощимая светоносность — признак духовной принадлежности к светлым слоям Небесного мира. Откуда нисходит этот образ загадки и тихого света? «Я эту ночь, что минула без сна / С бесшумною повадкой снежной рыси, / Возьму с собой в заоблачные выси, / Когда придет последняя весна!» — некая неисповедимая тайна «белого пространства», быть может, alter ego самого автора, взывающее к чувству, воле, разуму... Необходимо попутно заметить, что и для Тютчева в подобной тайнописи художника одинаково важны как разлад человека с природой, так и согласие между ними: «Певучесть есть в морских волнах, / Гармония в стихийных спорах…». Человек, испытывая горести, отчаяние, бросается в объятия природы, которая так милостиво и благословенно открывает ему свои исцеляющие секреты.

Исключительно воспринимает русскую природу и Андрей Щацков. Она для него — тоже живое и возвышенное существо со своей душой, своими чувствами, своим голосом. Однако у каждого художника собственная палитра, собственный характер, собственный стиль. Пейзажные стихи Шацкова невероятно красочные, метафорически насыщенные. Он как всегда отдает предпочтение древним истокам и мифическим образам: его поэтическое сказание «Журавель» — языческая тайна, содержащая в себе трагизм бытия, природы, человеческой жизни и в то же время — это одухотворение бытия.

Мне в ночь приснился серый журавЕль.
Один, среди змеиного болота —
Случайной цели звездного полета...
У каждого своя судьба и цель.

Человек и природа в своем единстве составляют символико-аллегорическую форму взаимосвязи. Поэты словно соревнуются друг с другом. Вслушайся, дорогой читатель, теперь уже в стихотворение Федора Тютчева «Вечер»:

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной,—
И в шуме листьев замер он.

Сколько здесь изящных черт, тонкой прелести… Едва-едва осязаемого, таинственного… В тютчевском человеке есть что-то экзистенциальное, чувство затерянности во Вселенной. При всем при том он наделен удивительным качеством восхищения красотой и царственностью природы, жаждой своего единения с нею. Светлой грустью веет от его легко парящих осенних строк. Вероятно, таков путь Тютчева к чуду, к благодатному свету, заключенному в природе и в человеке.

Между тем исключительную чуткость ко всему вокруг происходящему проявляет и Андрей Щацков. Поэт в моменте и неизменно возвышается над моментом. Свежая кисть художника третьего тысячелетия впитала любомудрие прошлых столетий.

Неизведанный поэтический космос… Слово Шацкова, как и тютчевское, проникнуто глубинным, трепетным пробуждением природы, оно раскрывает целый мир мыслей, чувств, корневую связь с родной землей. Как личность оригинальную, особенную, поэта волнует и влечет к познанию окружающего мира бесконечный круговорот явлений, происходящих в природе: «Но снова дороги скрипят под полозьями / Влекомыми в белой попоне конями… / Лишь пес на крыльце, под холодными звездами, / Все цедит весенние ветры ноздрями». Космизм поэзии Шацкова вобрал в себя планетарность Тютчева, обогащенную достоверностью и детальностью картин Фета. Многовариантность ассоциаций — свидетельство высокого художественного мастерства в творчестве любого художника. Мелькают в круге бытия знакомые образы-символы: весна, лето, осень, зима…

Но спокойная мудрость, которая приходит к иным лишь на излете лет, у Тютчева, как ни странно, присутствовала всегда. Поэт жил предчувствием тайны, космоса. Необъяснимым образом художника влекло безмолвное и торжественное Небо. Во второй половине XIX века в русскую словесность начинает входить новое философское понятие — так называемое космическое сознание. К небольшому числу избранных — высокоинтеллектуальных людей, обладавших «космическим» сознанием,— причисляли и поэтов, среди которых одно из главных мест отвели Ф. И. Тютчеву. Сегодня, особенно в наши дни с их триумфальной космической устремленностью, великий русский поэт нашел наконец своего массового читателя. Совершенно космическое произведение «Как океан объемлет шар земной…»:

Есть некий час в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Мир и человек, художник и творчество — прекрасны в своей бесконечности. Что пытается отыскать там гениальный поэт, одолеваемый тайными надеждами? Быть может, идеальную гармонию — как спасение от реального хаоса.

Космизм Тютчева нашел свое отражение и в творчестве Щацкова, так же связанного с планетарным, космическим взглядом на мир. Бытует мнение, что интуиция — это некое мистическое состояние сознания человека.

Как хорошо глядеть в небесный свод.
И, на щеке почуяв солнца ласку,
Знать — в горней выси бабушка живет,
Которая тебе читала сказку.

Материя жизни истончается и возникает ощущение сквозящей метафизики. Вот так же и человек Тютчева врастал в природный и исторический мир, противоречивый, как и вся бескрайняя Россия. Смирение и отчаяние, бездна и свет приятие и чуждость. Он — человек служилый, не будем забывать. Но являясь поэтом-гением, Федор Тютчев воспринимал мир и человека на уровне гениальной поэзии. Не зря в XXI веке Андрей Шацков напишет убедительные строки: «Нам не прожить без тютчевской России, / И ей, наверно, не прожить без нас». Нас всех объединяет одна славянская земля, одна православная культура. По мнению литературоведа и публициста Вадима Кожинова, написавшего книгу о Федоре Тютчеве, русский художник слова благодаря его вере в Россию не мог не стать подлинным всенародным поэтом.

Такая мысль имеет свое яркое продолжение и в творчестве Андрея Шацкова. Историю Руси творили личности эпохальные и значительные. Небо и былинные легенды Древней Руси зажгли искру Божью, а вместе с ней и Дух Православия. Его поэзия имеет корни, уходящие в культуры Древней Руси, имеет свой собственный художественный язык. Чувственную эмоционально-смысловую насыщенность, надмирное, совершенно неземное состояние создает у читателя многогранное произведение «Лебеди Тютчева» — триптих — выражение глубокого почтения к великому русскому поэту и дипломату:

Над Овстугом властвует Брянска зима.
Осталось в минувшем дождливое лето.
Как странно: здесь «Горе» живет «от ума»,
Родившись в усадьбе другого поэта...
Хозяина нет. Он уехал давно
И вряд ли до срока прибудет обратно.

Размышления Щацкова в Овстуге еще на 215-летие великого поэта полны тревожных сомнений. Ведь и тот же Тютчев при всей своей афористичности: «Умом Россию не понять», или его «природа — сфинкс»,— соединяет в себе космос и хаос. Литературный критик Вячеслав Лютый в очерке «Ностальгия по России», говоря о триптихе Андрея Шацкова «Лебеди Тютчева», замечает, что историко-философская грань биографии и судьбы Тютчева как бы соприкасается с важнейшими вехами на пути России во времени и пространстве. И личность самого Шацкова, и его лирический герой здесь стоят рядом, неся какой-то оттенок тютчевского трагизма бытия. Вот из таких оттенков и рождается образ: «Тяжеле вериги — поэтов судьба / В России, покрытой морозною пылью... / Но гордо в щите родового герба / Распластаны лебедя белые крылья!».

Какое трепетное отношение к святыням! Грациозные лебеди, обитавшие в живописном пруду возрожденной дворянской усадьбы Тютчевых. Емкая и твердая композиция, олицетворяющая связь с другими искусствами: музыкой, живописью, скульптурой и архитектурой. Размышления государственного деятеля и дипломата о Западе и Востоке, об особом историческом предназначении России, поэта-мыслителя и гражданина, проявившего самоотверженность и верность русской земле, до сих пор напоминают заколдованный круг — и все никак не могут реализоваться позитивно. Именно за душу человека, за ее чистоту и возвышение боролся он. Что любопытно: и у Тютчева и у Шацкова повсюду — тайна:

Их выводок плещет в заветном пруду
И ходит эскадренным строем по кругу...
Я к ним попрощаться с поклоном приду
И горького хлеба отрежу краюху.

Как видим, Андрей Шацков — тоже поэт поразительной культуры ушедших XVIII — XIX веков. Пусть, дорогой читатель, ты там никогда не бывал — и вдруг ты почувствовал в кончиках пальцев забытый, далекий трепет тайны. Но повсюду угадывается промысел Божий, прав поэт Шацков, и посему сомнения уходят, ибо человек жив верой:

И внес летописец уставную запись в тетрадь.
«Воскреснет Господь, и его расточатся враги.
И встретит со славой, вернувшихся в пору, посад...».
На Рузское поле ложатся былого шаги,
И реют хоругви шелковые воинства над!

Вот и сам Тютчев пытался отгадать, в чем же сила ратного стоянья русского человека, когда писал: «Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа!..». В той провиденциальной миссии, что выпала на долю России, он видел нечто большее, предопределенное свыше. «Поэт-воин, боец, трагически идущий навстречу катастрофам в самое пекло хаоса, ибо только собственным участием в борьбе можно определить, хотя бы и ценой собственной гибели, исход этой борьбы» — эти эмоционально мощные слова посвятил любимому народному поэту — Федору Тютчеву — писатель, литературовед Юрий Селезнев. Да, только собственным участием в борьбе можно определить ее исход. Но и жизненное кредо поэта Андрея Шацкова, и магистральная идея его бытия, вдохновенно звучащая в триптихе «Лебеди Тютчева», целиком и полностью подчинены этой идее.

К тому же поэзия интригует непривычностью своей мысли, необыкновенными контрастами. Пожалуй, самое время для сравнения обратиться к стихотворению Тютчева «Лебедь» (1828—1829):

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией Божество.

Две птицы: орел и лебедь — два выразительных противопоставления, в которых скрыта дуальность самого художника. Поэт уходит от рационального, не столь ощутима для него и роль немецких романтиков. Отдавая предпочтение лебедю, он выбирает русский национальный космос, созерцательность и покой, уподобив своего лебедя чистоте души русского человека. Всплывают в памяти размышления о Западе и Востоке, об особом историческом предназначении России. «Дни настают борьбы и торжества»,— вот он, вещий тютчевский афоризм, до сих пор актуальный. Величие России, оно повсюду, кажется, из далекого былого зовут нас тревожные лебединые голоса, напоминая о том, что поэзия Тютчева жива, что все бесконечное — свершится.

Завершая эссе, к общему поэтическому портрету сделаем лаконичные штрихи: Анатолий Юрьевич Аврутин — главный редактор литературно-художественного журнала «Новая Немига литературная», Дмитрий Александрович Мизгулин — глава Ханты-Мансийского банка, президент литературного фонда «Дорога жизни», Андрей Владиславович Шацков — государственный советник III класса Российской Федерации, главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Подчеркнем существенное: его авторы-герои подобно Тютчеву — поэты-государственники и подвижники русской культуры. Все они — продолжатели отечественной классической традиции. Таков портрет современных русских поэтов, в центре которого сияет звезда Федора Ивановича Тютчева, высвечивая дар и подвиг художника-творца, высоту человеческого призвания. От ее сияния расходятся лучи яркого поэтического огня, вселяющие веру в будущее, дающие надежду не только освещать, но и согревать грядущие поколения.

Литература:

Тютчев, Ф. И. Полн. собр. соч.— Л., 1987.
Тютчев, Ф. И. Лирика.— М., 2007.
История русской литературы XIX века в 3 ч.— М., 2005.
История русской литературы XIX века (вторая половина).— М., 1991.
Благой, Д. Литература и действительность.— М., 1959.
Аврутин, А. Ю. Временная вечность: избранные произведения.— Минск, 2022.
Аврутин, А. Ю. Просветление: книга поэзии.— Минск, 2016.
Мизгулин, Д. А. Избранные стихотворения: (2005 — 2019).— СПб., 2019.
Мизгулин, Д. А. Утренний ангел: сборник стихотворений.— М., 2009.
Шацков, А. В. Лебеди Тютчева: триптих.— М., 2020.
Шацков, А. В. Лествица в небо. Избранное.— М., 2012.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы. Наш постоянный автор.

В ОЖИДАНИИ СЧАСТЬЯ…

Достойное место в истории отечественной литературы занимают святочные и пасхальные рассказы Антона Павловича Чехова (1860—1904).

В настоящее время возрождается, поистине — воскресает! — классический жанр пасхального рассказа, который долгое время пытались замалчивать, скрывать от читателя. Однако глубоко прав оказался в своем пророчестве Н. В. Гоголь, из «Шинели» которого, по известному образному выражению Ф. М. Достоевского, вышла вся русская литература: *«Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — праздник Светлого Воскресения воспразднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»*. (1)

Светлое Христово Воскресение — сердцевина русской пасхальной словесности, впитавшей главнейшие идеи праздничного мироощущения: спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также единение и духовное сплочение, братство людей как детей общего Отца Небесного. Как писал Гоголь о Пасхе, «день этот есть тот Святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него человека».

В пасхальной идеологии ведущее место принадлежит идее свободы во Христе, освобождения человека от рабства греха и от ига страха смерти. В послании святого Апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, *«дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9), «И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству»* (Евр. 2: 15); *«Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа»* (Гал. 4: 7).

Таким образом, событием Христова Воскресения утверждается ценность, достоинство и духовная свобода человека, который уже не является узником и рабом собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание. В Богочеловечестве Христа сквозь телесное естество сияет неизреченный Божествен-

ный Свет: *«Одеялся светом, яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту ударения принят от рук, их же созда»*.

В Пасхе заложена также идея равенства, когда словно сравнялись, сделались соизмеримыми Божественное и человеческое, небесное и земное; утверждается полнота величественной гармонии между миром духовным и миром физическим.

Праздничный эмоциональный комплекс радостной приподнятости, просветления разума, умиления и «размягчения» сердца составляет ту одухотворенную атмосферу, которая в пасхальном рассказе становится нередко важнее внешнего сюжетного действия. Внутренним же сюжетом является пасхальное «попрание смерти», возрождение торжествующей жизни, воскрешение «мертвых душ». Лейтмотивом в русской пасхальной словесности звучит торжественно-ликующий православный тропарь:

«Христос воскресе из мертвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав!»

Идеи русской классической словесности: «духовное проникновение», «нравственное перерождение», прощение во имя спасения души, «восстановление человека», воскрешение «мертвых душ»,— приводят к мысли о том, что *«если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным»* (2).

По своему смысловому наполнению, содержательной структуре, поэтике чрезвычайно схожи святочные и пасхальные рассказы. Не случайно в XIX столетии они нередко публиковались в единых сборниках под одной обложкой (3). «Одноприродность» пасхальной и святочной словесности проявилась в их взаимопроникновении и взаимопереплетении: в святочном рассказе проступает *«пасхальное»* начало, в пасхальном рассказе — *«святочное»*.

Так, например, главное событие святочного рассказа Н. С. Лескова (1831—1895) «Фигура» (1889) происходит под Пасху; лесковский «рождественский рассказ» «Под Рождество обидели» (1890) содержит пасхальный эпизод. В пасхальном рассказе А. П. Чехова «Студент» (1894) воспоминания о событиях Страстной Седмицы (отречение Апостола Петра) представлены на фоне почти святочном, по-зимнему морозном: «Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха» (4). В то же время в чеховском рассказе «На святках» (1900) явственно проступает возрождающее пасхальное начало.

Ярко самобытные художественные миры Лескова и Чехова имеют немало точек пересечения. Для Чехова Лесков — «любимый писака», «Человечина, стоящий внимания» (5). Курьезная ситуация святочного рассказа Лескова «Рождественская ночь в вагоне (Путешествие с нигилистом)» (1882) нашла отклик во многих рассказах Чехова: «В бане», «Шило в мешке», «Ночь перед судом» и др.

Вслед за Лесковым Чехов вскрывает истинную суть «маски», марионетки. Чеховские святочные «вещицы» населяет целая толпа «ряженых». Этот традиционный образ выносится в заглавие, объединяющее серии сценок и зарисовок, которые заполнили январский номер журнала «Зритель» за 1883 год. А в 1886 году (кстати, год этот — целый всплеск святочного творчества: выходят лесковский сборник «Святочные рассказы», «Рождественская сказка» Салтыкова-Щедрина и др.) в новогоднем номере «Петербургской газеты» появляется новый ряд чеховских рассказов под тем же названием — «Ряженые».

Писатель переосмысливает святочный обычай ряжения. В его миниатюрах маскарад, розыгрыш с переодеванием открывается своим вторым — страшным, неприглядным — планом. Герой одной из сценок — адвокат — страстно защищает в суде невинную женщину: «Глаза адвоката горят, щеки его пылают, в голосе слышны слезы. Он страдает за подсудимую, и, если ее обвинят, он умрет с горя!..» (С 2, 8). «Он поэт»,— шепчут слушатели. Но экзальтированные чувства, возвышенный пыл его речи имеют вовсе не поэтическую, а самую тривиальную подоплеку: «Дай мне истец сотней больше, я упек бы ее! — думает он.— В роли обвинителя я был бы эффектней!» (С 2, 8).

«Пьяное умиление» деревенского мужичонки, который все время приплясывает и «визжит на гармонике»,— тоже маска. «Ему весело живется, не правда ли? Нет, он ряженый. “Жрать хочется”,— думает он» (С 2, 8). Мы видим даже «храм ряженый» (С 2, 8).

Автор убеждает читателя не верить внешности, позе и в доказательство снимает маски с героев, открывая их сокровенные мысли. Важно, что в этой серии не только писатель, но и сами герои, устраняя самообман, выносят приговор: «Я ряженый. Наедет ревизор, и все узнают, что я только ряженый!..» (С 2, 8). «Я ряженая,— думает нарядно одетая барыня.— <…> Завтра или послезавтра барон сойдется с Nadine и снимет с меня все это…» (С 2, 7).

Есть в данном цикле рассказов и настоящие ряженые — зарисовка любимого народного развлечения. Но у Чехова это отнюдь не бытовой эпизод. На «маленького солдатика в старой шинелишке» набрасывается унтер: «Ты отчего же мне чести не отдаешь? <…> А? Почему? Постой! Который ты это? Зачем?

— Миленький да ведь мы ряженые! — говорит бабьим голосом солдатик, и толпа вместе с унтером закатывается звонким смехом…» (С 2, 7). Эта крохотная сценка наполнена актуально-общественным смыслом, отражает «время и нравы» «пришибеевской» России. В косноязычных выкриках представителя власти слышится другой чеховский «унтер» — Пришибеев — зловещий символ эпохи.

Так, в маленьких, «меньше воробьиного носа», зарисовках, призванных развлечь и позабавить читателя юмористических журналов, Чехов обличает черты социального зла: всеобщую продажность, позерство, лицемерие. Здесь «ряжение» — то же, что «хамелеонство», приспособленчество, бесовство.

Чеховская выставка «ряженых» 1886 года очень напоминает «население» повести Гоголя «Невский проспект». В сходном стилистическом ключе: «Выходите на улицу и глядите на ряженых» (С 4, 276) — Чехов нашел оригинальный поворот темы, показал гротескное «ряжение наоборот»: не люди оделись в маскарадные костюмы, а звери вырядились людьми, маскируя свою животную сущность. «Вот солидно, подняв с достоинством голову, шагает что-то, *нарядившееся человеком.* Это *"что-то"* толсто, обрюзгло и плешиво <…> Говорит оно чепуху <…> Это — *свинья*» (С 4, 276). В «нарядившемся рецензентом» «по бесшабашному лаю, хватанию за икры, скаленью зубов нетрудно узнать <…> *цепного пса*» <курсив Чехова. — А.Н.-С.> (С 4, 277).

В этом перевернутом мире «закройщик модной мастерской» вырядился драматургом; рядом стоят талант, загримировавшийся забулдыгой, и «нарядившийся талантом» (С 4, 277); пробегает *«лисица»*; мчится в роскошных санях *«чертова перечница»* в костюме *«дамы-благотворительницы».* Из тысячи тринадцати рублей сорока трех коп., собранных «"для страждущего человечества", бедные получат только сорок три копейки, остальное пойдет на расходы по благотворению» (С 4, 276).

Стихия чеховского смеха, как и у Гоголя, Лескова, Салтыкова-Щедрина, вбирает в себя не только веселую шутку, но и сатиру, сарказм, гротеск — «невидимые миру слезы».

Чехов не просто раздвигает устоявшиеся жанровые рамки святочного рассказа, он иронизирует над самой праздничной традицией, превратившейся в бессмысленный и бездуховный обряд: новогодние поздравления-«приневоливания», выматывающие визиты, непременный бокал шампанского и т.п. Традиционно умилительная атмосфера зимних праздников рисуется у Чехова совсем не поэтично: «На улицах картина ада в золотой раме… Если бы не праздничное выражение на лицах дворников и городовых, то можно было бы подумать, что к столице подступает неприятель. Взад и вперед, с треском и шумом снуют парадные сани и кареты… На тротуарах, высунув языки и тараща глаза, бегут визитеры…» (С 4, 279). А затем ошалевших визитеров — «новогодних великомучеников», которые падают прямо на улицах «без гласа и воздыхания», городовые толпами свозят в полицейский приемный покой, где те постепенно приходят в себя.

В рассказе «Шампанское» Чехов пишет: «… При встрече Нового года с бокалами в руках кричат ему "ура" в полной уверенности, что ровно через двенадцать месяцев дадут этому году по шее и начихают ему на голову» (С 4, 282).

В том же ключе молодой Чехов составил «Завещание старого, 1883 года» и «Контракт 1884 года с человечеством»: «Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, января 1 дня, мы, нижеподписавшиеся, Человечество, с одной стороны, и Новый 1884 год — с другой, заключили между собой договор, по которому:

1) Я, Человечество, обязуюсь встретить и проводить Новый, 1884 год с шампанским, визитами, скандалами и протоколами.

2) Обязуюсь назвать его именем все имеющиеся на Земном шаре календари.

3) Обязуюсь возлагать на него великие надежды.

4) Я, Новый, 1884 год, обязуюсь не оправдать этих надежд <...>

Нотариус: Человек без селезенки. М. П.» (С 2, 306).

Подобный взгляд на будущее в преддверии Нового года высказывал молодой Чехов в № 1 журнала «Осколки» за 1884 год: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...».

И все же, несмотря на скепсис, страдание от несовершенства жизни, Чехов, испытывая острую тоску по идеалу, сохранил поэтическое ощущение Рождества и святок. «Поздравляю Вас с Рождеством,— писал он Григоровичу в 1888 году.— Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы <…> самым красивым временем года. Это время, когда, кажется, что сам Бог ездит на санях» (П 3, 102).

Явно несправедливы те, кто в приснопамятные советские времена безоговорочно записал Чехова в стан атеистов. В конце XX века этот взгляд стал понемногу пересматриваться: «Какое это соблазнительно простое и какое неверное решение вопроса — называть Чехова атеистом. Без веры, без духовных ценностей, которые всегда назывались святыми, поскольку другого слова для них нет, без мысли о прошлом и надежды на будущее, без боли за ближних жить нельзя, как нельзя жить без совести» (6).

Сам Чехов писал В. С. Миролюбову: «Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью…» (П 10, 142). С особой силой звучит чеховская мысль: «Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога...» (П 11, 106).

Художественное подтверждение этой писательской позиции — в пасхальном шедевре «Святою ночью» (1886), где очевидно нравственно-эстетическое воздействие «рождественского рассказа» «Запечатленный Ангел» (1873) Лескова. Особая тема лесковского рассказа — отношение к русской иконе и иконописа-

нию. «Запечатленный Ангел» — уникальное литературное творение, в котором икона стала главным «действующим лицом».

Рассказ Лескова был книгой для семейного чтения. Интересно сообщение Чехова редактору Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери “Запечатленного Ангела”» (П 1, 81). Таким образом, лесковский «Ангел», был у Чехова «на слуху», что не могло не отразиться в его творчестве, а именно — в создании пасхального рассказа «Святою ночью».

Бесспорно, этот рассказ создан в художественной манере Лескова. Как лесковский шедевр снискал всеобщее признание, так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был упомянут в материалах о присуждении Чехову Пушкинской премии.

Духовно-эстетическое начало чеховского рассказа связано не с иконописью, как у Лескова, а с красотой церковной поэзии, святого слова. Но в произведениях обоих авторов явственно проступают христианские идеалы истины, добра и красота. Только Христос «мог установить между истиною и красотою тот союз мира, из которого потом возникло христианское искусство» (7),— подчеркивал профессор богословия Ф. Смирнов.

Чеховский герой иеродиакон Николай — простой монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел» (С5, 96),— обладал Божественным даром создавать акафисты. «Радуйся, древо светлоплодовитое, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози!» (С5, 97),— воспевается в хвалебном гимне Богородице. Сложные, многокорневые слова, усвоенные православной гимнографией из греческой традиции торжественной церковной риторики, выражают чувство благоговения перед святыней, и в какой-то мере чувство бессилия достойно воспроизвести святой образ на человеческом языке.

В рассказе «Святою ночью» словно слышен лесковский рассказчик с его удивлением перед чудом ангельского лика: «Лик у него <…> самый светлобожественный и этакий скоропомощный» (8). Чеховский герой также стремится передать святую красоту иконы в святой фразе — теми же многокорневыми словообразованиями, свойственными церковным песнопениям, которые, как сказано у Чехова, вмещают «много слов и мыслей» в одном слове. «Найдет же такие слова! Даст же Господь такую способность! — дивится чеховский рассказчик таланту сочинителя акафистов.— Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово <…> “Светоподательна”! <…> Слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем» (С5, 98).

Устами своего рассказчика — молодого послушника Иеронима — писатель развивает теорию жанра и стиля русского религиозного искусства: «Кроме плавности и велеречия <…> нужно еще, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого» (С5, 98), «надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость, нежность <…>. Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил» (С5, 97).

Здесь отчетливо различима та «очарованность» — душевное свойство изумляться открывающейся взору святой красоте, молитвенная способность к тончайшему духовному и эстетическому переживанию, характерная для любимых героев Лескова — праведников, «очарованных странников». Наличествует не только слуховая, но и зрительная, живописная, как в «Запечатленном Ангеле», образность. Стиль этих художественных творений Лескова и Чехова можно определить, как словесную живопись.

Оба писателя настойчиво подчеркивают, что создание такого искусства, по Лескову,— «редкого отеческого художества» (9) (1, 417) — возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Так, с болью видит рассказчик «Запечатленного Ангела», как цинизм и корыстолюбие, «обман и ложь бессовестные» разрушают «отеческие предания»: «Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует» (10). Но теперь «это люди не того духа»: «как черные цыгане лошадьми друг друга обманывают, так и они святынею <…> что становится за них стыдно и видишь во всем этом один грех да соблазн и вере поношение. Кто привычку к сему бесстыдству усвоил <…> даже <…> хвалятся: что-де тот-то того-то так вот Деисусом надул, а этот этого вон как Николою огрел, или каким подлым манером поддельную Владычицу еще подсунул» (11).

В рассказе «Святою ночью» Чехов пишет, что подлинного благообразия нет и в монастыре: «народ все хороший, добрый, благочестивый, но … Ни в ком нет мягкости, деликатности» (С5, 99), «некому вникать» в слова пасхального канона, и кроткий поэтичный человек — безвестный творец акафистов — остается непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова — «Архиерей» (1902).

Главный герой рассказа — представитель высшего церковного духовенства, викарный архиерей. Нареченный в монашестве Петром, при крещении в младенчестве он получил имя Павел. Так в имени и судьбе архиерея соединяются имена новозаветных апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

Сюжетное действие разворачивается на фоне прогрессирующей болезни архиерея. Но перед самой кончиной ему ниспослано утешение, точно он скидывает с себя тяготивший земной груз, тяжкое телесное

бремя и становится бесплотным, невесомым, готовым раствориться в небесных сферах, в милосердии Божием. Преосвященный Петр «в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех, что все то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже более не повторится, не будет продолжаться.

“Как хорошо! — думал он.— Как хорошо!”» (3, 361).

Герой уже не ощущает себя высшим церковным иерархом, наоборот — он один «из малых сих», дитя Божье, дитя своей матери. А старуха-мать — вдова бедного сельского дьячка, которая стеснялась и робела перед высоким саном владыки, не знала, как вести себя с ним,— только теперь увидела в преосвященном Петре свое дитя — сыночка Павлушу: «она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного.

— Павлуша, голубчик,— заговорила она,— родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!» (3, 361).

Любовь, жалость, сострадание острее проявляются к слабому, незначительному, беззащитному. Любовь соединяет человека с Богом и с людьми, а все остальное, в том числе служба, карьера, чины,— разъединяет, подавляет душу, приносит страдание, одиночество.

На пороге инобытия преосвященному привиделось, что он стал простым богомольцем: «он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (3, 362).

Отлетающей душе открылась истинная суть человека, который в своей земной юдоли — только путник к Богу. Герой испытал чувство необъятной свободы — той, что даруется свыше, но люди, придавленные материальными попечениями, забывают об этом даре, не умеют ценить его. И лишь душа, от Бога исшедшая и к Нему отходящая, освобожденная от гнета земных забот, способна постичь эту свободу сполна.

Событийный ряд рассказа «Архиерей» разворачивается в течение Страстной Седмицы и завершается в праздник Пасхи. Автор преднамеренно точно указывает вехи развития действия во времени и в пространстве. «Под Вербное воскресенье в Старо-Петровском монастыре шла всенощная» (3, 348) — это точка отсчета. Развязка основного действия происходит с наступлением Светлого Христова Воскресения: «А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей; гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило» (3, 362).

Очевидно, что у Чехова представлено религиозно-философское понимание времени и пространства. Эти категории в рассказе «Архиерей» пасхальны, христиански сакрализованы. События Священной истории прочными духовными нитями связаны с православной верой, богохранимой землей русской.

Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего, православного чаяния «жизни будущего века». Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русских пасхальных рассказов, представлена в чеховском пасхальном рассказе «Студент» (1894).

Убедившись на живом примере, что новозаветные пасхальные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский — студент духовной академии — испытал небывалую, захватившую дух радость: «и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. “Прошлое,— думал он,— связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого”. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» (2, 511).

Действие рассказа происходит в Страстную Пятницу — трагический день распятия Христа. Подводное течение внутреннего лирико-символического сюжетного плана движется от ощущения вселенского холода и мрака, людского одиночества и отчаяния, сиротского чувства богооставленности: «казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрей, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» (2, 508) — к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с ее высоким таинственным смыслом: «Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <…> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им <героем. — А.Н.-С.> мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (2, 511).

Здесь очень важно синергийное «сотрудничество Божественного и человеческого, благодати и свободы твари» (12), сочетание Божественного отклика на свободное человеческое усилие по стяжанию благодати, ибо, как говорил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы возлетать к Богу: свобода и благодать».

Художественное время русских пасхальных рассказов не ограничено календарными рамками. Настоящее и прошлое сливаются воедино с грядущим в поистине евангельской «полноте времен», проповеданной Апостолом Павлом: *«Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <…>, Чтобы*

искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4: 4 — 5); *«В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединились под главою Христом»* (Ефес. 1: 10).

Так, в русских пасхальных рассказах устанавливается диалогическая соотнесенность с христианским новозаветным контекстом. Праздник Пасхи является мощным импульсом, уводящим в метафизические глубины художественного текста; придает ему религиозно-философскую универсальность, позволяет обратиться к вечным вопросам бытия.

Особое эмоционально-психологическое состояние радостной просветленности, изумления перед непостижимостью Божественного Промысла, характерное для пасхального мироощущения отечественной словесности, передано у Чехова так, что «плакать хочется», «дух захватывает» (С5, 99). В произведениях русских классиков открывается необозримая духовная перспектива. Это истинное чудо, и не случайно оно является в чеховском пасхальном повествовании ключевым: «Чудо, Господи, да и только <…> Истинное чудо!» (С5, 96).

Подлинно пасхальным становится также знаменитый финал пьесы Чехова «Дядя Ваня» (1896). В ставших поистине крылатыми словах о «небе в алмазах» словно воспаряют на ангельских крыльях Истина, Добро и Красота — в христианских упованиях верующих душ на беспредельное милосердие Божие: «Мы отдохнем! Мы услышим Ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...».

Финал чеховской пьесы созвучен Символу Православной веры: *«Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым»*, пасхальным его чаяниям: *«Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь»*.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т.— М.: АН СССР, 1937—1952.— Т. VIII.— С. 409—418.
2. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр.— Петрозаводск: ПетрГУ, 1994.— С. 252, 256.
3. См., например: Баранцевич К. С. Чудные ночи. Рождественские и пасхальные рассказы и очерки.— М., 1899.
4. Чехов А. П. Избранное: В 3-х т.— М.: Векта, 1994.— Т. 2.— С. 510. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома и страницы арабскими цифрами.
5. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Письма.— Т 1.— С. 88. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием соответствующей литеры: С — сочинения, П — письма; тома и страницы.
6. Громов М. П. Книга о Чехове.— М.: Современник, 1989.— С. 126—127.
7. Смирнов Ф. Общий богословский взгляд на историю древнецерковной иконографии.— Киев, 1879.— С. 7.
8. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т.— М.: Правда, 1989.— Т. 1.— С. 400.
9. Там же.— С. 417.
10. Там же.— С. 428.
11. Там же.— С. 429.
12. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии.— СПб.: Алетейя, 1994.— С. 310.

Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА

г. Тула

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ ЛЮБИМЫМ И ЛЮБИТЬ
О книге Валерия Савостьянова «Похожая на образа»

Сегодня, во Всероссийский день семьи, любви и верности, хочу рассказать читателям о книге «Похожая на образа» известного в России и, конечно, в нашем городе и области поэта Валерия Савостьянова.

В книгу вошли сто стихотворений о любви... И каких! Таких мелодичных и поэтичных, что хоть песни пиши!

Стихотворения читаются легко, они написаны доступным языком. Начинаешь читать и не можешь оторваться! В каждом стихотворении — интересный сюжет, связанный с каким-то эпизодом из жизни поэта, фактически сто маленьких повествований о любви в стихах.

В книге «Похожая на образа» Валерий Савостьянов отразил свои впечатления, начиная с детства и до настоящего времени, в которых гармонично переплетаются явь и мечта, реальные люди и Муза в различных образах. Часто в строчках присутствует недосказанность, которая будит воображение:

...Все понять — не в нашей власти,
в нашей власти — не забыть
ослепительное счастье
быть любимым и любить...
«Грачиный лес»

Да, главное для поэта в жизни — любить! И творить!

Я заметила, что названия некоторых стихотворений — это названия цветов: «Ландыш», «Незабудка», «Флоксы», «Тюльпаны», «Лилии», или названия деревьев: «Верба», «Черемуха», «Лозина», «Антоновка», «Алыча». Часто встречающиеся цветы или деревья связаны с чувствами поэта к какой-нибудь девочке, девушке, женщине. Вот, например, непосредственны и очень милы стихотворения, написанные по воспоминаниям детства и юности.

...Ах, Наденька, вот оно, средство
От чар твоих — в этом лесу:
Тебе не поможет кокетство —
Я ландышем сердце спасу...
«Ландыш»

Поэт черпает вдохновение порой в самых обыденных вещах: в посадках на школьном огороде («Саженцы»), на концерте в пионерлагере («Строка в небесах»), в приготовлении теста, из которого он хотел сделать не жаворонка или даже ласточку, как его мама и сестра, а пушкинскую и врубелевскую птицу Лебедь («Лебедь с девичьим лицом») ... Все повседневные события окрашиваются романтическими грезами и юношеской влюбленностью, превращаясь в очаровательные строки:

...Мама жаворонков лепит,
любы ласточки сестре.
Ну а я — ваяю Лебедь!
С жемчугами на пере!
Чтоб во лбу звезда горела,
Месяц косу золотил!
Говорит сестра: «Ва-ре-ла!
Ты все тесто захватил!..»
Ты прости меня, сестренка,—
Я иначе не могу:
Скоро-скоро жаворонка
Я услышу на лугу,
Скоро ласточки ликуя
Пронесутся над крыльцом.
Но вот встречу ли такую
Лебедь — с девичьим лицом?
«Лебедь с девичьим лицом»

Сделать, вылепить Царевну-Лебедь, сказочную Мечту, чтобы потом всю жизнь искать ее и верить, что найдешь!..

Но иногда на поэта находят и тревожные минуты, связанные с драматическими любовными переживаниями. И тогда ему вдруг открывается порой неожиданная, обратная сторона любви, когда такое, казалось бы, прекрасное чувство — не столько счастье, сколько беда и трагедия. Это хорошо показано в стихотворении «Подзорная труба», где его, юного поэта-школьника, сильно ранит подлость парня, обидевшего влюбленную девушку:

...А я просыпался и видел в трубу мою,
как под луной
станционной избушки той
окна блестели,

Как будто бы это глаза милой Любушки,
бедной обманутой Любы —
за миг до трагедии
полные ужаса, полные слез!..
«Подзорная труба»

Обратите внимание на то, какое интересное сравнение находит Валерий Савостьянов: окон станционной избушки с глазами девушки, полными слез...

В стихотворениях поэта часто слышится ностальгия по ушедшим временам, по подругам детства. Вот как он с нескрываемой нежностью говорит об одной из них в стихотворении «Домик твой, четвертый от угла»:

...Добрые доверчивые бревна,
Не отдайте стуже и грозе
Память дорогую, где подробно
Все о той далекой стрекозе:
Где ее любимая дорожка —
Бегать в зацветающем саду,
Где ее заветное окошко,
Чтобы любоваться на звезду…
«Домик твой, четвертый от угла»

Автор книги на всю жизнь сохранил в душе трепетную память о школьных годах и своих одноклассницах:

…Фамилии. Эти зарубки
горят за строкою строка,
и времени жадные руки
над ними не властны пока...
«Девичьи фамилии»

Несомненно, Валерий Савостьянов — поэт-романтик. Для него любая встреча — это прежде всего постижение красоты: природной, женской, поэтической:

…И опять с тобою рука об руку
в царство фей, берез и медуниц
мы пойдем, беспечные, по облаку
песенных есенинских страниц…
«Подарок»

Умение видеть женскую привлекательность и одухотворять ее прекрасными строчками поэт пронес через всю жизнь. Он черпает вдохновение везде, даже в случайно встреченных симпатичных девушках, которые талантливы, заняты каким-то серьезным и важным для них делом. Поэт с особой душевной теплотой пишет о спортсменках, потому что сам в недавнем прошлом — любитель бега и спортсмен-марафонец, о туристках, потому что и сам турист: пешеходник, байдарочник и конник. А также о юной танцовщице, о флейтистке, виолончелистке и просто об умных, общительных, доброжелательных, скрашивающих трудную дорогу жизни попутчицах. А еще о тех, кого видит в своих снах... О ком мечтает... И возникают стихотворения, которые волнуют, радуют, живут в сердцах людей:

Чья-то ласковая дочка.
Чья-то верная подруга.
Чья-то страсть.
Но в этом зале, где сверкали зеркала,
в этом городе и мире, где не встретили друг друга,
ты была моей мечтою, ты надеждою была…
«Зеркала»

Очень интересны и необычны сравнения женских глаз, волос с листьями, деревьями, когда красота женщины и природы сливаются в прекрасную мозаику строк:

Как забыть, скажите, Вас,
если каждою весною —

миллионом Ваших глаз
листья блещут надо мною?!
Если у любой из рощ
Ваш черемуховый локон!
И, как я с цветами, дождь —
с радугой у Ваших окон!..
«Зеленоглазая блондинка»

Много стихотворений у поэта навеяно путешествиями, туристическими поездками, походами. И даже названия у этих стихов такие же, походные: «День рождения на Селигере», «В усадьбе Грина в Старом Крыму», «Осень в Щелкино». И в каждом месте, как будто бы с Божией помощью, находится прекрасная девушка, которая вдохновляет поэта. Вот, например, одну из них, встреченную на Селигере, у древнего монастыря Нилова Пустынь, он сравнивает с колоколенкой:

...Все — родное, и все — в диковинку,
и я знаю: навек уже,
будто звонкую колоколенку,
унесу я тебя в душе!..
«Колоколенка»

Во всех стихотворениях поэта чувствуется благородство, рыцарское отношение к женщине, готовность защищать Прекрасную Даму, которой он посвящает чудесные строки:

Жил я счастливо вполне —
знать о том не мог,
что вдруг мало станет мне
сердца, рук и ног.
Но вонзилось до тоски,
что теперь и впредь
у меня лишь две руки —
твои руки греть...
«Жил я счастливо вполне»

Но встречаются в стихах поэта и драматические моменты. И не только с участием людей. Для поэта — все вокруг живое! Очень трогательно Валерий Савостьянов пишет о «синеглазом чучеле» в парке, которое сжигают накануне весны. Это для поэта не просто чучело, олицетворяющее уходящее время года, как для всех других, а девушка по имени Снежана. Столько души вложил в ее образ талантливый художник, от лица которого ведется повествование:

Синеглазое чучело в парке,
Снежана —
мой образ прошедшей зимы,
Лучезарен твой лик,
стан по-девичьи гибок и строен…
«Сжигание чучела»

Стихотворение получилось философское. Раскрашенное, любовно сделанное чучело — по сути, настоящее произведение искусства — должно сгореть, но, увы, вместе с ним сгорит и красота... А это страшно...

Размышляя о смысле жизни, Валерий Савостьянов пишет про поиск «счастья вечного»:

...Вечен поиск наш
счастья вечного!
Видишь: путь к нему прочертил
верб, огней и звезд
Чуда Млечного
за собой зовущий пунктир...
«Верба»

И вот наконец в последней четверти книги мы видим, что этот поиск «счастья вечного» увенчался успехом: поэт встретил свое счастье — ту единственную, которая стала его женой. И ей, его суженой и его избраннице, в книге посвящено много замечательных стихотворений. А сама книга «Похожая на образа» как

раз и заканчивается этим циклом семейной лирики, за который Валерий Савостьянов был награжден в 2013 году в Москве литературной премией, которая так и называется «За сохранение семейных ценностей в поэзии».

Стихотворения, посвященные жене Людмиле, написаны поэтом с особенной нежностью:

...Ах, как же я люблю
варить наш клейстер вместе
И резать вдоль рулон
на двадцать пять полос,
И в нынешней, в тебе —
увидеть, что в невесте
Когда-то разглядеть
мне, к счастью, удалось...
«Заклейка окон»

Очень трогательно читать строчки, посвященные жене! Супруги настолько стали половинками друг друга, что Валерию непонятно, как же могло получиться, что когда-то в жизни Людмилы не было его... Это видно из интересного стихотворения «Дневник», фрагмент которого я привожу здесь в его новой редакции, взятой мною со страницы автора на сайте «Стихи.ру». Также в новой редакции я цитировала выше фрагменты стихотворений «Лебедь с девичьим лицом» и «Зеленоглазая блондинка» и печатала недавно на сайте «Тула литературная» замечательное стихотворение «Волшебная просьба». Как видим, работа над совершенствованием произведений продолжается, и, как знать, возможно, второе издание книги, о котором поэт пока лишь мечтает,— сказано по секрету,— станет еще лучше.

...А когда прочел запоем
чью-то юность, чью-то грусть —
в смысл вник,
стихи запомнил,
что встречал там,
наизусть
повторяя —
зарябило вдруг в глазах,
и обомлел:
это — жизнь моей любимой,
где — ни слова обо мне!..
«Дневник»

Есть в книге и стихотворения, посвященные родным поэту женщинам, давшим жизнь, воспитавшим поэта. Остались дорогие сердцу воспоминания о бабушке, маме, о том, как они согревали внука, сына теплом своей души, готовили любимые им блюда, которые сегодня уже так не сможет приготовить никто. И вот в стихотворении «Замело деревню» Валерий Савостьянов пишет о них, родных, к сожалению, уже ушедших, размышляет о быстротечности жизни и о том, что нужно ценить близких людей, пока они рядом... И как хорошо, что сегодня рядом есть любимая и любящая женщина, жена, которая окружает теплом и заботой:

...И жене скажу: «Небесной манны —
вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки,
без мамы —
и боюсь я траурных обнов…
«Замело деревню»

Когда читаешь книгу Валерия Савостьянова «Похожая на образа», то кажется, что ты путешествуешь по неповторимой галерее поэтических образов его знакомых девочек, девушек и женщин. Они различного возраста, общественного положения, местожительства, но у них у всех есть общие черты: женственность в лучшем смысле этого слова, прекрасная русская душа, одухотворенная красота:

Тебя разглядывают модницы,
А я гляжу во все глаза.
Ты — как с иконы Богородицы,
Похожая на образа!
И на тебя молиться хочется...

И поэт чутким сердцем почувствовал это, поэтому и назвал свою книгу, отталкиваясь от названия этого важного в его творчестве стихотворения, «Похожая на образа».

Осталось лишь добавить, что книга ста стихотворений о любви «Похожая на образа» — кстати, сакральное для поэтов число стихотворений — вышла у нас в Туле, в издательстве «Аквариус» в 2022-м году. И в ней, кроме стихов, еще и замечательные иллюстрации тульского художника Вадима Волгина и очень доброе и добротное послесловие-эссе литературного критика и поэтессы Нины Гейдэ, коренной москвички, закончившей кафедру «Литературной критики» МГУ, но ныне живущей в Дании.

И в том же 2022-м году книга была успешно представлена Валерием Савостьяновым в нашем Тульском клубе православных писателей «Родник», членом которого поэт является со дня его основания, и все члены клуба получили эту его новую книгу в подарок.

А потом была поездка в Крым на литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон — 2023». И в рамках его была совершенно уникальная презентация книги в феодосийском музее Марины и Анастасии Цветаевых, где наш тульский поэт оказался единственным, кому доверили представить свою книгу в этом,— думаю, что не ошибусь, если скажу,— уже знаменитом ныне крымском литературном Музее. И книга, конечно, была подарена автором и этому Музею, а также Музеям Грина в Феодосии и в Старом Крыму, потому что в книге есть стихи, связанные с именем Грина.

А еще раньше поэт, приехавший в Крым в апреле 2022 года на вручение ему литературной премии имени Николая Гумилева, подарил эту свою книгу главной библиотеке Крыма в Симферополе имени Франко и главной библиотеке Феодосии имени Грина, а также Музею Волошина в Коктебеле.

Смело можно сказать: любимый поэтом Крым не был обделен вниманием поэта.

Наконец состоялась главная презентация книги «Похожая на образа» в нашей главной тульской областной библиотеке в октябре 2023 года на вечере, посвященном 60-летию творческой деятельности поэта Валерия Савостьянова, где я была, подарила поэту букет цветов и сфотографировалась с ним на память.

В этом вечере по приглашению автора принимала участие и группа школьников из города Узловая Тульской области. Все они воспитанники литературно-художественного клуба «Книжкин дом» под руководством опытного и заслуженного педагога Надежды Александровны Григорьевой. Их выступление — это незабываемый литературный спектакль, на котором талантливые дети не только выразительно и проникновенно читали стихи Валерия Савостьянова из книги «Похожая на образа», но и даже танцевали: такими мелодичными и музыкальными, видимо, показались им выбранные ими самими из книги стихотворения. Это было чудесно: подрастающее поколение познает жизнь и любовь по произведениям Валерия Савостьянова и делает это с удовольствием!

Я думаю, что книга «Похожая на образа» понравится еще очень многим читателям, как она сегодня нравится мне. А прочитать ее можно не только в ее бумажном виде, взяв в нашей областной библиотеке, но и в электронном виде. Теперь она есть и на сайте тульской областной библиотеки, и на сайте тульского клуба православных писателей «Родник».

Я очень рада, что книгу «Похожая на образа» оценили и профессионалы: она вошла в «длинный список» XV международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Хотя это, по большому счету, пока лишь аванс знаменитого литературного форума, лауреатом которого Валерий Савостьянов становился уже дважды: в 2011-м и в 2019-м годах. А что будет дальше, посмотрим и пожелаем удачи, долгой и счастливой жизни новой книге нашего земляка, тульского и всероссийского поэта Валерия Савостьянова!

После чтения книги «Похожая на образа» у меня родились такие строки:

Сто образов и сто стихотворений,
Где оживают женские черты:
Сто мастером написанных творений,
Где светит лучезарность красоты...
То гимн любви, над суетой звучащий!
Остаться равнодушными нельзя:
Там женщина в мечте и настоящем,
Похожая на образа...

8 июля 2024 года.

Наталья ПОЗДИНОВА

г. Смоленск

Поздинова Наталья Борисовна — член Смоленского областного ЛитО «Родник» им. Ю. В. Пашкова с 2002 г. Автор восьми книг для детей и взрослых. Участник, финалист и дипломант нескольких литературных конкурсов. В 2012 г. придумала, разработала и осуществляет проект «Литературные путешествия», основная цель которого — привлечение детей-дошкольников к чтению через знакомство с писателем. Участниками проекта за десять лет стали более восемнадцать тысяч детей, живущих в двадцати пяти больших и малых городах России. Наш постоянный автор.

О ПОЭМЕ Д. ПЕТРОЧЕНКОВА «ГОРОД НАД РЕКОЮ»*

Смоленск — город с тысячелетней историей. За время своей жизни он пережил немало событий, оставшихся в памяти нашего государства. Крепостная стена, являющаяся сейчас частью города, когда-то целиком окружала его и давала защиту смолянам. Ее возводили как военное укрепление и Стена не подводила.

Город рос, и постепенно Стена, утратив свое оборонное значение, превратилась в каменное сооружение, красоту и величие которого перестали ценить. Не считая ее памятником культуры и историческим архитектурным наследием, часть стены разобрали. Но она живет до сих пор, напоминая смолянам о тех временах, когда была необходима и значима для горожан и для всего русского государства. Дмитрий Петроченков в своей поэме «Город над рекою» повествует о событиях, которые имели большое значение для нашего народа.

Размеренный стихотворный ритм поэмы настраивает читателя не отрываться от рассказа, а глубже проникаться содержанием. Чувствуется погружение автора в эпоху, о которой он ведет рассказ. Описание ночи таково, будто Дмитрий сам находится в том месте, дышит тем же воздухом, слышит те же звуки. Читателю легко настраиваться на образ и представлять описываемое автором пространство.

Точность мазков, которыми создается стихотворное произведение, сродни искусству художника.

«Но словно потеряв во тьме друг друга,
Кузнечиков стотысячный оркестр
Звучал возвышенно с нескошенного луга»…

«Спал город, позабыв тревоги дня,
Устав от визга пил и топоров ударов.
Устал, как устает дитя
Боярина от суматошных нянек».

Мастерство выбора слов, создающих образ, просто восхищает. Взяв всего два слова — боярин и няньки,— Д. Петроченков открывает картину определенного времени, социального общественного строя, соответствующих человеческих устоев и укладов. И мы представляем людей далекой эпохи 17 века в характерных костюмах, занятых своими делами.

Особенно хочется отметить умение, с которым ведется рассказ о каждодневных природных явлениях. Описание восхода солнца включает в себя все стадии: и появление всплеска на востоке, и динамику изменения утреннего неба, и кратковременность наблюдаемого явления, и всеобщее объединение тех, кто наблюдает и участвует в рождении дня.

«Плеснуло солнце алым через край,
В лучи разбившись, бойко побежало
По переулкам по заборам, по дворам,
Все то, что живо, то, что дышит, пробуждая».

Читатель конечно же заметит, что поэма дает представление о процессах жизни смолян, о ходе событий. В тексте много движения. Оно привязано как к естественным суточным изменениям, так и имеет отношение к историческим событиям, отражается в человеческих ежедневных заботах.

* Дальний край. Стихи.— Смоленск: Издательство «Смоленская городская типография», 2010.— 240с. ISBN 978-5-94223-558-1

«Скрипели оси, громко ржали кони…»
«Росла стена…»
«Россия укрепляла рубежи»…
«Лес уходящее благословляет лето»…
«Дышала ночь прохладой полной грудью»…
«Бой кипит»…

Дмитрий уважительно относится к своим литературным героям. Читатель вместе с автором преклоняется перед их подвигом. В поэме описаны времена, когда общество объединяется для выполнения сложной миссии. Смолянам предстояло не только защитить себя, но и проявить свое мужество в веках, благодаря чему возник и остался в исторической памяти народа пример русского национального служения высокой цели, бесстрашия, жертвенности и героизма.

Люди, возводившие стены, очень важны для нашей истории. Дмитрий Петроченков пишет о них: «Их простые руки за великое в ответе». Кто-то попал на строительство крепостной стены в поисках лучшей доли. Но в основной массе это были великие труженики и виртуозные мастера.

А вот у захватчиков были иные цели. Автор пишет: «… Мечта поживы гонит в чужие земли, принося разор…».

Об объединении ради высокой цели автор говорит: «Смоленск готовится». Дмитрий Петроченков дает понять читателям, что сила человеческого единения была такова, что город превратился в личность, восприняв от своих граждан всю мощь их воли и чистоту каждой человеческой души. Смоленск превратился в богатыря, сражающегося с полчищами врагов. Такое одушевление происходит не только с городом, но и с крепостной стеной. Мы читаем: «Смоленская стена спит» и начинаем воспринимать иное качество этой постройки, наделенной силой и чувствами.

Такое же авторское видение проявления чудесного мы находим и в некоторых других строках: «Часовые превратились в слух». Напряженность момента Дмитрий Петроченков выражает, опираясь на исторические факты, человеческие чувства и то, что объяснимо лишь с точки зрения эзотерики. Сила идет на силу: биться будут не только воины, но и человеческие мировоззрения.

Приведу пример таких строк из поэмы.

«Смоленск стоял. Он должен был стоять,
Превозмогая боль, теряя силы».
…
«И твердостью сердец прочнее стен
Он выполнял свое предназначенье».
…
«Пусть обречен, но силу ломит дух!»

Боевые действия сопровождаются звуками, пороховым дымом, гибелью защитников и мирных жителей. Хотя можно ли было найти мирных жителей в осажденном городе! Динамическая картина батальных сцен не отпускает внимание читателя, и эмоциональное напряжение нарастает от сопереживания героям.

Читая текст, ощущаешь, что напряжение достигло невероятных размеров! То же происходило и с защитниками города, а мы, читатели, лишь соприкасаемся в поэме с тем эмоциональным полем благодаря мастерству поэта Дмитрия Петроченкова.

Не имея больше сил сражаться, горожане принимают решение избежать плена. И тогда на самой высокой точке города происходит вспышка: взрывается собор, погребая под развалинами смолян. Их души устремляются к Небесам.

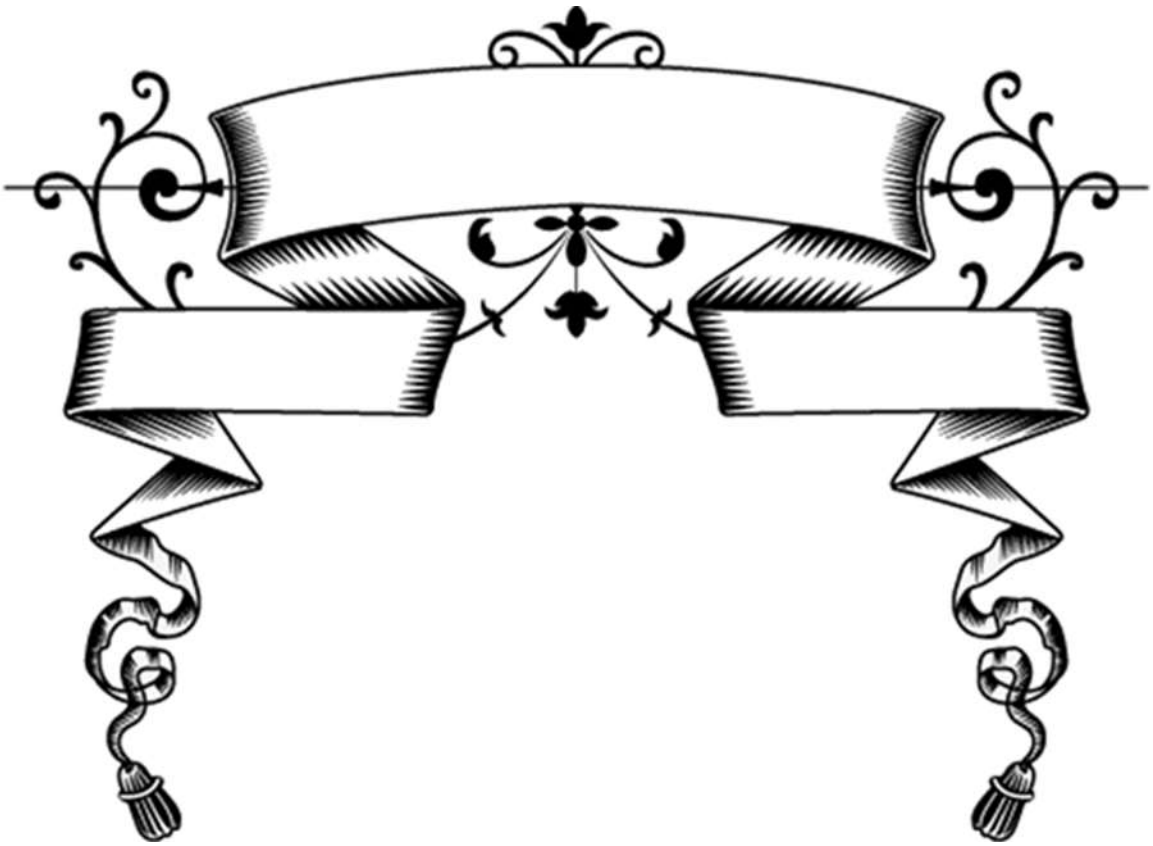
Читатель на миг замирает, прислушивается к себе и еще некоторое время всматривается в образ, постепенно рассеивающийся в воображении…

Смоленск залечит раны и продолжит свою жизнь в веках, шагая по историческим эпохам, давая укрытие и пристанище тем, кого встречает на своем пути. Потомки чтят память защитников Смоленска.

Автор повторяет в финале те же строки, которыми начинал повествование: «Качала ночь речные берега». Река времени стремится вперед, а город Смоленск наблюдает за бегом волн со своих холмов.

«Чтобы смотреть с днепровских берегов,
Как часовой, на пост однажды вставший».
……..
«…И верится, что будет так всегда:
Река и город — город над рекою».

ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
ГАЛИНА РАЗБАЕВА
ЯКОВ ШАФРАН

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ИГОРЬ ЕГОРОВ
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕНТИН ОГНЕВ

Геннадий МАРКИН
г. Тула

Алексей ЯШИН
г. Тула

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

К Юбилею Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»

В начавшийся, юбилейный для журнала, 2025-й год руководитель творческого совета журнала Геннадий Маркин взял интервью у литературного шеф-редактора (главного редактора) «Приокских зорь» Алексея Яшина.

Г. М. *Алексей Афанасьевич, в наступившем 2025 году литературно-художественному и публицистическому журналу «Приокские зори» исполняется двадцать лет. Это тот, хотя бы и скромный, юбилей, когда можно подвести определенные итоги. Скажите, с каким багажом пришел журнал к своему юбилею?*

А. Я. С обширным, Геннадий Николаевич. Это всероссийский его статус, о чем говорит издание под эгидой Союза писателей России, который включил журнал в список изданий, публикации в которых засчитываются при приеме их авторов в члены Союза писателей России, и одновременно Академии российской литературы; известность не только в нашей стране, но и среди русскоязычных его авторов и читателей в ближнем и дальнем зарубежье; наконец, «Приокские зори» являются несомненным лидером среди российских и зарубежных русскоязычных журналов по обширности своей инфраструктуры. Под его патронажем выходят альманахи журнала «Приокские зори»: ежегодник «Ковчег» — главный редактор Яков Наумович Шафран, ежегодный же литературный и публицистический альманах «На крыльях Пегаса» — главный редактор Эдуард Павлович Георгиевский, а Сергей Владимирович Сенин редактирует и издает музыкально-поэтические альманахи «На лирической волне» и «Тульская сторонка», выходящие по нескольку раз в год.

К таковой же инфраструктуре относим серии авторских книг «Библиотека журнала «Приокские зори», вышло порядка 80 книг, и «Приложение к журналу «Приокские зори», вышло около полусотни книг. Упомянем в данном качестве и ежегодную Всероссийскую литературную премию «Левша» имени Николая Семеновича Лескова, вручаемую за лучшие публикации в журнале, учрежденную пятнадцать лет назад. К настоящему времени лауреатами «Левши» стали шестьдесят авторов «Приокских зорь» в номинациях художественной прозы, поэзии, литературоведения и литературной критики, литературной публицистики. Среди лауреатов — хорошо известные в России писатели: Владимир Бояринов, Игорь Нехамес, Александр Субетто, Виктор Буланичев, Леонид Иванов, Владимир Федоров, Владимир Корнилов, Николай Еремин, Александр Балтин, Эдуард Побужанский. И русское литературное зарубежье имеет своих лауреатов: Игорь Карлов, на тот момент — Монголия, Наум Ципис — Германия, Игорь Герасимов — Донецкая Народная Республика, 2013-й год, Анатолий Аврутин — Белоруссия, Тимур Зульфикаров — Таджикистан, 2016-й год, Ефим Гаммер — Израиль, Людмила Воробьева — Белоруссия. Награждено лауреатством и юридическое лицо: Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», с которым наш журнал связывают долголетние братские отношения, в частности, выпуск трех «белорусских» номеров «Приокских зорь».

Понятно дело, не обижены и тульские авторы: «награды нашли своих героев», хотя бы мы и не страдаем местничеством: журнал издается в Туле, но он — *всероссийский*! Кстати, первым почетным лауреатом стала старейшая на тот 2008-й год советская и российская писательница Наталья Деомидовна Парыгина, одна из основателей Тульской писательской организации Союза писателей СССР.

… Но все же главное содержание нашего «багажа» — это, вне всякого сомнения, та роль, которую исполняет наш журнал на сегодняшний день: его признанные роль и место во всероссийском литературном процессе, свое литературное «лицо» и фактор консолидирующего печатного органа для тульских литераторов.

Г. М. *Давайте обратимся к двадцатилетней давности. На дворе 2005-й год. Вы — набирающий известность советский, а затем и российский писатель, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,*

дважды доктор наук, дважды профессор, автор нескольких десятков художественных и научных книг, вдруг решили создать «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал. Или все же не вдруг? Как все начиналось?

А. Я. Как говорится, нам чужого не надо — своего хватает. Это к тому, что идея создания выходящего в Туле литературного, тогда межрегионального — с авторами из соседних «по Оке» областей,— журнала и начальный старт его «материализации» принадлежит Николаю Николаевичу Минакову, известному в нашем городе подвижнику литературного просвещения, талантливому писателю-публицисту и поэту, умелому движителю литературного процесса. Окончив Ленинградскую высшую партийную школу по специальности организации печати, с соответствующим литературно-издательским образованием — «конек» Ленинградской высшей партийной школы! он долгое время, до разрушения мировым империализмом сверхдержавы СССР, работал в Тульском обкоме КПСС завсектором печати. И не просто руководил, но, что называется, не в службу, а по своей приязни к русской словесности всячески поддерживал тульских писателей, Тульскую писательскую организацию Союза писателей СССР, которая после хамски обставленного бегства в 1969-м году в Англию Анатолия Кузнецова, «прописанного» в Туле, члена редколлегии «Юности», «травмированного ранней славой» — определение одного его коллеги, оказалась под пристальным надзором и ограничениями «сверху». Честь и хвала за то Николаю Николаевичу!

… Другое дело, что бережно опекаемые им тульские писатели весьма холодно относились к нему в «новые времена». Меня он сразу выделил из их среды, стал мне старшим другом. И как-то во время прогулки по Центральному тульскому парку огорошил меня, предложив возглавить давно задуманный им «толстый» литературный журнал. Пояснил: уже является главным редактором издаваемой им тульской литературной газеты; дескать, уверен в моих организаторских и творческих способностях... опять же выпускник Литературного института имени Алексея Максимовича Горького Союза писателей СССР — таково было официальное название. Согласился, особо не раздумывая, памятуя слова Пушкина о ведущей роли журналов в литературном процессе.

На следующую встречу я принес лист бумаги, исписанный где-то тремя десятками возможных названий планируемого журнала. Николай Николаевич пару десятков вычеркнул, а из оставшихся предложил выбрать «автору» — с соответствующим обоснованием.

«Приокские зори» обосновал следующими соображениями. Ока — самая русская река. Почти вся русская классическая литература вышла из окрестностей ее верхнего течения. Тула стоит не на Оке, а на ее притоке Упе. Но граница нашей области наполовину очерчена Окой. Весь запад области от Белева до Алексина, с небольшим «мыском» на Калугу, идет по Оке — это историческая «страна князей», где за два века проходила граница между двумя русскими государствами — Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским,— в их противоборстве за право стать новой, после Киевской, Великороссией. А от Алексина до Серпухова Ока — северная сторона Тульской области. Да и на востоке, от Коломны до Рязани, река течет не так уж далеко от нас...

Таким образом, мы живем *при Оке*, туляки есть жители *приокские*. И *зори* мы видим утренние и вечерние за Окой.

… Бесконечно благодарен Николаю Николаевичу за воспитательный урок по образцу: хочешь кого научить плавать — забрось его в воду, дескать, плыви, малец, иначе и не научишься. Сформировав и сдав в издательство первый, пробный номер, сказал он мне: «С меня все. Дальше делай журнал сам и находи все нужное для этого сам. Да-а, и не забудь заплатить в издательстве за пробный номер!»

Так и появились «Приокские зори».

Г. М. *С какими трудностями столкнулись при создании журнала, его оформлении и регистрации, кто Вас поддержал, и были ли такие люди, которые, скажем так, вставляли палки в колеса?*

А. Я. Из пространного ответа на Ваш предыдущий вопрос понятна стремительность создания и начала выпуска журнала. Как ни странно, но трудностей не оказалось. За пробный номер, то есть его тираж в 100 экземпляров, заплатил из своего кармана. Благо трудился тогда первым заместителем, замом по науке директора государственного научно-исследовательского института… даже с припиской «… и зам. главного врача», при техническом образовании! Мог себе позволить. Дальше еще проще. И в Тульском госуниверситете не последним человеком был, все же единственный в нем по совместительству двойной доктор наук, двойной же профессор, заслуженный и почетный и так далее. Опять же председатель сразу двух диссертационных советов — все «дважды», только оклад не двойной, а половинный.

Но — не имей сто рублей… Идею издавать свой литературный журнал горячо поддержал хорошо знавший меня проректор ТулГУ по финансам Самуил Давидович Фейгин, душевнейший человек! И ректор Эдуард Михайлович Соколов благословил на доброе дело. Без малого десятилетие не знали мы забот и хлопот: типография Издательства ТулГУ исправно, в срок выдавала на-гора́ тираж в 200, потом и в 250 экземпляров, это когда столичные «мастодонты» едва за тысячу-другую переваливали…

С официальной регистрацией и вовсе без хлопот: соответствующая служба в пяти минутах ходьбы от нашего учебного корпуса — минимум нужных бумаг и никаких проволочек; пишу с оговоркой: так было двадцать лет тому назад.

Самое длительное, но во многом и привлекательное — это формирование работающих: не *honoris causa*[*]! редколлегии и редакции — это различные журнальные органы. Отчасти метод «проб и ошибок» имел место быть. Так введенный в редколлегию достаточно известный писатель из «русских американцев», профессор, вскоре и покинул ее: не устроило упоминание имени Сталина… Но все же основной подход, длящийся уже два десятилетия,— это постепенный отбор кандидатур. То есть попалась на глаза добротная публикация — запомнил фамилию автора. Далее уловил его интерес к журналу — поощрил добрым словом — материально нечем… Через год — другой — третий уже свой человек в журнале. А то и вовсе удостоен «Левши» за свои опубликованные у нас произведения. Наконец, предложение войти в редколлегию или в редакцию. Отказов не припомню.

Полагаю, что к настоящему времени эти органы журнала — фамилии не перечисляю — возьмите любой свежий номер, сформированные указанным образом, суть работоспособны, профессиональны и искренне преданы «Приокским зорям» с их идеологемой классической русской направленности, истинного патриотизма, устремления к высокой образности, художественности печатного слова.

Особая признательность членам редколлегии — заведующим отделами, на плечи, головы разумеется, которых взвален огромный объем работы по знакомству с вновь поступающими материалами. Исполать им! И, конечно, техническим работникам редакции, обеспечивающим высокопрофессиональную редактору, корректуру, обработку заказов на номера журналов. Опять же — низкий поклон Издательству Тульского государственного университета, печатающему журнал. Сам себя не похвалишь, но похвалу высшей степени отнесу к ответственному редактору-секретарю Якову Наумовичу Шафрану, к которому сходятся все нити и рычаги механизма под гордым названием «Приокские зори».

«Палки в колеса», как вы, Геннадий Николаевич, говорите, нам никто не вставляет: поискать еще надо такие палки! А иным и дела нет до литературы. Но администрации всех уровней к нам равнодушны. Особый вопрос о наших взаимоотношениях с Тульской писательской организацией Союза писателей России. Возможно мы далее в интервью и вернемся к этому… а может и нет. Ибо тулякам и так все известно, а нетулякам малоинтересно…

Г. М. *Да, многим тулякам известно взаимоотношение между нашим журналом и Тульской писательской организацией. Мы обязательно поговорим об этом, а пока мне хочется спросить Вас вот о чем. Помню, в Год литературы, в 2015 году, Тульская писательская организация пережила два неприятных момента. Первый из них — это потеря своего исторического здания на улице Каминского в Туле, и второй — журнал «Приокские зори» оказался без государственной финансовой поддержки. Расскажите об этом периоде жизни журнала. Как вышли из положения?*

А. Я. «Как мужик двух генералов прокормил»,— сразу вспомнился Михаил Евграфович. Кстати, руководивший в Туле Казенной палатой, то есть губернским бюджетом, и много взявшего из той жизни города для своих сатирических произведений. Вот и мы, безлошадные, «кормим» если не генералов, то уж точно хиреющий литературный процесс: области, страны? — это неважно, все мы в одной лодке плывем…

Конечно, потеря «Дома Каминского», маленького дворца в самом центре города, бывшей городской усадьбы, сильно ударила по писательской организации. Как ни сражался за это здание Валерий Яковлевич Маслов, ранее и создавший здесь «Дом творчества», но — против лома нет приема. Нет, мол, такой профессии писатель! Не забывайте, что в свое время и Литературный институт им. А. М. Горького, мою *alma mater*, всерьез собирались прихлопнуть, как «экономически нерентабельный»… или что-то в этом роде. С потерей же «Дома Каминского» прекратилось и живое, творческое общение тульских писателей. Все перешло в холостую виртуальность и редкие, раз в год, дежурные «общие собрания». В данную взамен, словно в насмешку, берлогу в разваливающемся рабочем бараке первых послевоенных лет постройки, сами ноги не несут…

Геннадий Николаевич! Употребленные Вами слова «государственная финансовая поддержка», к сожалению, к нашему журналу даже отдаленного, символического отношения не имеют. Отвечая на Ваш предыдущий вопрос, я уже пояснил: издание тиража журнала в первые десять лет его существования — это не госфинансирование, а добрая воля руководства Тульского госуниверситета. А тот момент, что прекращение такого печатания пришлось по времени на смену этого руководства, вовсе не означает чью-то «злую волю», те же, уже упоминавшиеся «палки в колеса». Тем более, что и при новом ректоре добрый гений нашего журнала Самуил Давидович остался советником по финансовой части. Как он мне сам объяснил причину прекращения печатания, все дело в наступившем устрожении в части контроля за расходованием бюджетных средств в стране… напомним, ТулГУ является «федеральным государственным бюджетным учреждением высшего образования».

Расходы же таких учреждений полагаются оправданными и целесообразными, если они соответствуют *профилю* подготовки специалистов. Увы, литераторов-писателей-поэтов ТулГУ не взращивает. А вот журналистов, будущих «акул пера», наш университет готовит; имеется соответствующая кафедра. Потому-то ей и разрешили издавать в нужном числе экземпляров свой журнал, весьма полиграфически скромный, тетрадного образца. Мы же не вошли, понятно с чем, в калашный ряд.

[*] Почета ради, почетный (лат.). — Прим. А. Я.

… И вот уже десять лет, как «Приокские зори», и раньше-то не имевшие ни копейки, даже гроша и полушки, чьей-либо поддержки, не позволяют роскоши бесплатной — для журнала — печати сколь-либо крохотного тиража.

Г. М. *Как-то в Ясной Поляне я познакомился с ректором Литературного института имени А. М. Горького Варламовым, и в разговоре Алексей Николаевич посетовал, что журнал «Литературная учеба», в котором он был главным редактором, перестал существовать после того, как лишился государственной финансовой поддержки. Наш журнал «Приокские зори», оказавшись в таком же положении, хотя и в электронной форме, но все же продолжает жить. Скажите, как удалось сохранить редколлегию журнала, его авторов и читателей?*

А. Я. Позвольте Вас поправить, Геннадий Николаевич. «Приокские зори уже двадцать лет как выходят в двоякой форме: «бумажной» и электронной, размещаемой на сайтах журнала и Тульской писательской организации Союза писателей России, а также на всероссийском портале «Журнальный зал». Просто первое десятилетие, как выше говорилось, ТулГУ печатал за свой счет тираж в 200—250 экземпляров, а сейчас, уже десять лет, экземпляры выходящих номеров «Приокских зорь» печатает по индивидуальным заказам авторов и читателей Издательство ТулГУ, за что наша глубокая признательность директору Издательства, члену редколлегии журнала Олегу Викторовичу Пантюхину. Понятно, что заказчики оплачивают работу по печатанию номеров.

… «Америки-европы», конечно, нам не указ, но такая гибкая форма издания литературных, научных и иных журналов давно принята в мире. В наше время полномасштабного «оцифровывания» всего и вся, а наряду с этим и предельного сужения круга читателей, особенно в части литературно-художественной, это является наиболее оптимальным: как с позиции издающих журналы, так и их авторов и читателей. Действительно, подумайте безэмоционально и взвешенно: стоит ли ломать копья, ходить по инстанциям, тратить уйму времени и нервов, годами сочинять «просьбенные» письма, идти на нежелательные компромиссы, наконец, заранее обрекать свое издание под навязчивый административно-бюрократический контроль… и все это только для возможности печатания тиража в сто — сто пятьдесят и уж совсем немыслимо — в двести экземпляров! Которые к тому же осядут мертвым, ни разу не прочитанным грузом в учреждениях по предписанию административных субсидаторов…

И кто возразит? Действительно, получается горькая пародия на прежние времена, когда журналы издавались тиражами, начиная от сотни тысяч, и по отлаженной подписной сети доставлялись — за неполный рубль стоимости! — этим же сотням тысяч жаждущих читателей, а у тех еще родственники, соседи и коллеги по работе и учебе в очередь на прочтение становились…

Итак, в наших реалиях: читай повземшарно на экранах, а если эстет книжный — заказывай бумажный вариант вновь выходящего номера журнала. На том и стоим. Надеемся, не безосновательно.

Другой момент в Вашем, Геннадий Николаевич, вопросе: почему так быстро «сдался» Литинститут? Кстати, заметим, что его «Литературная учеба» как раз являлась изданием, стопроцентно отвечающим профилю института литературного! То есть никакие бюджетно-финансовые устрожения здесь не висели дамокловым мечом. Или бритвой Оккама в философической образной терминологии. А уж как было не поддержать электронное издание «Литературной учебы»?

Скорее всего, дело здесь в особом «столичном менталитете», сложившемся в советские времена … а что говорить про нынешнюю Москву с ее социальной, финансовой и прочей обособленностью? Таковой «менталитет», в кавычки заключаю из-за своей неприязни к порче русского языка потоком «импортных» словечек, включает в себя определенные «потребительские» настроения: дали что-то — замечательно, не дали — не огорчимся особенно, биться и добиваться себе дороже. И так хорошо живем. Надеемся, не обидное для своей *alma mater* сказал…

Другое дело советская периферия или нынешняя провинция — как язык-то изменился! — где люди привыкли с упорством держаться, в том числе и в части издания литературных журналов.

… Все же, Геннадий Николаевич, возвращаясь к ранее сказанному, не удастся избежать щекотливой темы истории и нынешнего взаимоотношения «Приокских зорь» с Тульским региональным отделением Союза писателей России. Но и здесь следует расставить все *point sur les* «*i*», коль скоро наше с Вами интервью хотя и юбилейное, но вовсе не «парадно-показательное». Опять же сложное мое воспитание — военно-морское за Полярным кругом в потомственной старообрядческой семье — располагает к полной искренности и вдумчивому анализу.

Все же многоопытный в административном и литературном политесе Николай Николаевич Минаков, основывая «Приокские зори», совершил непоправимую ошибку стратегической значимости: сам не будучи тогда членом Союза писателей России, принципиально не ввел в состав руководства и редколлегию журнала никого из мэтров Тульской писательской организации, даже тогдашнего ее председателя Виктора Пахомова. Дескать, будем, Лексей, выпускать журнал высокопрофессиональным и не зависимым ни от кого!

И хотя вскоре, «взяв в свои руки» «Приокские зори», исправил эту ошибку, а с позапрошлого года и вовсе, сохранив ранг всероссийского, обозначил журнал как печатный орган Тульского регионального отделения Союза писателей России, но — все тщетно, «проклятие рода Баскервилей» осталось. К сожалению, действие психологического закона сдвига мотива на цель обратной силы не имеет...

Г. М. *Алексей Афанасьевич! В чем же и как проявляется упомянутый Вами «холодок» в отношениях между «Приокскими зорями» и Тульской писательской организацией?*

А. Я. А это вроде как воздействие конспирологического «Тайного мирового правительства» на все дела и события нынешнего, «успешно» глобализующегося мира — при всех его противоречиях и взаимной нетерпимости. Здравым умом ясно понимая, что «вживую» такого сверхоргана управления миром нет и не может быть, тем не менее таковая направляющая рука очень даже чувствуется. Так и в мельчайшей песчинке мира, то есть в отношении Тульского писательского объединения Союза писателей России к нашему журналу, такое виртуальное целеуказание мы, «приокскозоревцы» не менее явно ощущаем… хотя бы, как уже сказал, журнал де-юре орган Тульской писательской организации Союза писателей России, чуть менее четверти состава организации — члены редколлегии и редакции журнала, таковые же составляют половину Правления Тульской писательской организации… А при всем при этом, если поприсутствовать на нашем писательском собрании, словно «Приокских зорь» и в природе не существует. Если ваш покорный слуга не напомнит собравшимся о журнале, то никто и слова не скажет! Прекрасный сюжет для гофманиады...

За двадцать лет сменилось все руководство писательской организации, на три четверти состав ее, но… печать отчуждения все так же лежит на ее отношении к журналу. Мистика? — можно и на этом успокоиться. Ведь два десятилетия обходились без опеки славного Тульского писательского отделения Союза писателей России и далее прекрасно обойдемся. Так что, Геннадий Николаевич, вопрос «как удалось сохранить редколлегию журнала, его авторов и читателей?» — заданный Вами чуть ранее, оставим по разряду риторических. Все сохранилось усилиями членов наших редколлегии и редакции и высоким литературным уровнем «Приокских зорь», а это тот самый «магнит», что сохраняет прежних авторов и читателей и притягивает все новых и новых.

Итак, журнал живет и крепнет его высоким литературным реноме и трудами той «великолепной десятки», не «семерки» как в японской, советской и американской киноклассике, что на профессиональном уровне, но сугубо на общественных началах делают наш журнал. И еще один маленький штришок: все двадцать лет и все необходимые финансовые издержки — платная верстка, оргтехника, почтовая рассылка и прочее — несет ваш покорный слуга … с более чем мизерными доходами — где-то под десять тысяч на каждый номер. Ну-у, это, как говорится, назвался груздем… Вроде как вся историческая картина с положением журнальным дел обрисована. Пора перейти к делам на злобу дня.

Г. М. *Ну что же, Алексей Афанасьевич, давайте поговорим на злобу дня. Когда в 2014 году на Украине начался вооруженный конфликт между киевской властью и жителями Донбасса, журнал продолжал публиковать авторов, находящихся по разные стороны баррикад. Помню, Вы потребовали от нас, членов редколлегии журнала, при отборе произведений для публикаций, усилить контроль и не принимать к публикации те произведения, в которых разжигался бы конфликт, либо же высказывались неодобрения сомнительного характера. И постоянные наши авторы как жители центральных регионов Украины, так и Донбасса еще не один год продолжали мирно сосуществовать на страницах журнала. Сегодня ситуация совершенно иная: Донбасс и ядро Новороссии стали частью России, а на Украине наша страна проводит специальную военную операцию. В этих условиях продолжает ли журнал быть открытым для украинских авторов?*

А. Я. Геннадий Николаевич! Хотя скоро минет три года военным действиям, а само с нашей стороны ее название СВО, то есть без всеобщей мобилизации и других мер, подпадает под принятую терминологию «военная кампания», но сам затяжной характер военных действий, их ожесточенность, а главное — это военное противостояние со всем НАТО во главе с США: с их оружием и руками, головами обреченными, правильнее, украинцев — свидетельствует: на фоне многочисленных гибридных войн современности противостояние России и Запада на полях и в степях Украины самое ожесточенное. А если учесть, в чем-то ведь можно и СМИ доверять, хотя бы они ангажированы и политизированы — так во всех войнах бывает, обусловлено госинтересами, сегодняшнее внутреннее положение на Украине, крайнюю запуганность населения, то какое же может быть участие украинских авторов в российских журналах? Нет, с начала СВО мы не получаем предложений таких авторов. Перефразируем известные слова: когда говорят пушки, то и музы становятся участниками войны. Так говорит опыт всех предшествующих войн, тем более двадцатого и начала нынешнего столетия. Слишком многое поставлено на карту…

Г. М. *Алексей Афанасьевич, раз уж мы коснулись такой горячей темы, как СВО, не могу не продолжить этот разговор. Сегодня на наших южнорусских землях идет смертельная схватка со странами НАТО. Естественно, что победа будет за нами, за Россией, я в этом даже не сомневаюсь. Как Вы считаете, Россия и Украина смогут прийти к каким-то мирным соглашениям?*

А. Я. Геннадий Николаевич! Мы несколько выходим за рамки нашего разговора, посвященного делам литературным. Но ведь тема действительно горячая, де-факто касающаяся каждого из нас, граждан нашей страны. Понятно, что сам журнал, в том, уже далеком, 2005-м году, в первом пробном номере сформулировавшем идейную свою направленность — художественное отображение прошлого, настоящего и будущего Русского Мира с позиций истинного, не «квасного» патриотизма, ни в коем случае не остается в стороне от главного события последних трех лет: СВО — следствие втянутости натовцами, «глобальным Западом» России в противостояние с ним, как все большего развертывания глобального, гибридного военного конфликта… да что там осторожничать в терминологии — очередной по счету мировой войны. Россия во всей своей

истории была страной обороняющейся. Поэтому ее втягивание в войны «за Европу» в XIX и XX веках — Наполеоновские войны, «Священный союз», многие русско-турецкие войны, наконец, Первая мировая, империалистическая — дело рук «англичанки» — стал отработанным ходом. Но сегодня, как и в Великую Отечественную войну, Россия воюет за себя. А ее победа — это сохранение самой страны, русской цивилизации в ее самостности. Наше дело правое, и вклад журнала — это публикации, отражающие военную тему, что мы из номера в номер и делаем.

А мирные соглашения? — но ведь они могут иметь место не собственно же с Украиной, страной ныне управляемой Западом?

Г. М. *После захвата киевской хунтой части территории Курской области, многие наши сограждане, в том числе и некоторые политики, в порыве ярости стали призывать сбросить на Киев ядерную бомбу. Ну, тут чувства людей понятны. Вы как считаете, смогут ли сегодня правители великих мировых держав, играющие важную роль в системе международных отношений, спасти человечество от ядерной катастрофы?*

А. Я. С институтских лекций по политэкономии запали крепко в голову слова Карла Маркса из «Капитала», том первый, что специализация человека в его занятиях и мышлении началась: в науках — со времен первых, в Италии, университетов, а в ремесле — с возникновением мануфактур. Так и по сей день. Однако с практической обязательностью среднего образования, расширением сферы высшего, а главное — с мощнейшим информационным шумом, производимым СМИ, особенно телевидением и интернетом, вдруг объявились отрасли знания и <словесного> их практического применения, в части которых все полагают себя специалистами. Это медицина, школьное образование, внешняя политика и военная стратегия — не тактика и оперативное искусство! В части последнего круглосуточно вещает телевидение, часами показывая многословные беседы групп — на каждом канале своя! — «ведущих политологов, выдающихся аналитиков» и прочих высокоученных людей. Это их профессия, в чем-то и полезная в наши дни.

Так я отвечу, Геннадий Николаевич, на репризу в части «порыва ярости». Опять же не литературно-журнальная это тема. Но бомба — слишком серьезное дело, чтобы поддаваться эмоциям, тем более на всю страну. Один такой политик, «волюнтарист и пробебелист», едва не довел дело до ее применения. Но вот Сталин, наоборот, после взрыва бомбы на Семипалатинском полигоне, своей выдержанностью не дал США осуществить план «Немыслимое». Выдержка и умелое военно-политическое руководство позволят избежать ядерного катаклизма. Однако, пора и к делам журнальным вернуться?

Г. М. *Разумеется, Алексей Афанасьевич, политика, СВО — это темы для отдельного разговора и давайте об этом подробнее поговорим в следующий раз. Сегодня же разговор о журнале «Приокские зори», который, напомним нашим читателям, в нынешнем 2025-м году отмечает свой двадцатилетний юбилей. Алексей Афанасьевич, в середине 2000-х годов между журналом «Приокские зори» и Литературным институтом имени Горького существовало определенное творческое соглашение. Журнал предоставлял свои страницы студентам института; была даже постоянная рубрика «Тверской бульвар, 25», а институт, в свою очередь, на факультативных занятиях со студентами — в институте имел место быть «Клуб прозаиков» — изучали произведения, опубликованные в «Приокских зорях», даже устраивали критические разборы по ним. Расскажите об этом содружестве, почему сейчас такое не практикуется?*

А. Я. Я сам выпускник Литинститута советских времен, когда горьковские традиции, авторитет этого учебного заведения, его мировая «единичность», качество обучения, первоочередно творческого на семинарах выдающихся и видных писателей-прозаиков, поэтов, драматургов и критиков,— полностью оправдывали его принятое поименование: кузница писательских кадров. Поэтому и гадать не надо: почему, став «у руля» «Приокских зорь», я незамедлительно начал налаживать творческие связи со своей *alma mater*. То есть, несмотря на младенчество журнала, пошли вопреки пословице: «Звонок бубен, да страшен игумен». Но пошли «окольным путем», который тотчас вывел на торную дорогу.

Дело в том, что с самого начала издания «Приокских зорей» мы начали тесное сотрудничество с Академией российской литературы и издаваемым ею альманахом «Московский Парнас», возглавляемыми известнейшим в литературных кругах Леонидом Васильевичем Ханбековым. С ним мы так сдружились, что с десяток моих книг прозы предварены его пространными предисловиями... А я был избран членом Правления академии.

Понятно, что члены Академии потянулись к нашему журналу, активно публикуясь в нем. Среди авторов была и Галина Николаевна Дубинина, член академии и редсовета «Московского Парнаса», а главное — работавшая помощником ректора Литинститута.

Дальше все просто. В рамках своих полномочий и заинтересованности тогдашнего ректора, она активно взялась за практику дела налаживания творческих связей между Литинститутом и «Приокскими зорями». Отсюда и появление многолетней, действовавшей из номера в номер рубрики «*Тверской бульвар, 25*», по адресу института — с памятником Александру Ивановичу Герцену и наименованием главного корпуса «Домом Герцена»… хотя бы тот только родился в этом доме, но никогда там не проживал. И в каждом номере под этой рубрикой помещались 2—3, иногда и более, публикаций студентов Литинститута. А его «Клуб прозаиков», в котором Галина Дубинина исполняла роль организатора, и видный советский и российский поэт Валентин Сорокин, в то время проректор Литинститута по Высшим литературным курсам, окончатель-

но закрепили наше творческое содружество. Оба они вошли в редколлегию «Приокских зорь». А рекомендованные ими для публикации в журнале авторы — студенты и слушатели Высших литературных курсов — не пропали в дальнейшем с литературного горизонта. Просматривая литературные журналы и газеты, нет-нет, но натыкаюсь на знакомые имена: из тех же авторов рубрики «Тверской бульвар, 25».

А почему такие славные творческие связи распались? — Это не в нас причина. Менялись в Литинституте ректоры, проректоры, их помощники… Я не совсем его себе представляю — когда на смене эпох он перешел из структуры Союза писателей СССР под юрисдикцию Минвуза… или как там оно сейчас именуется?

… Как память о тех годах сотрудничества с Литинститутом, продолжаю посылать в его библиотеку все вновь выходящие номера «Приокских зорь». А когда беру в руки медаль «К 75-летию Литературного института», которой был награжден, то живо вспоминаю ту самую рубрику журнала.

Г. М. *Но, тем не менее, журнал идет в ногу со временем. Сегодня в нашей стране на различных уровнях много говорят о развитии творческой личности в среде подрастающего поколения, и «Приокские зори» в этом направлении не остаются в стороне. В августе 2023 года Вы меня, уже как руководителя творческого совета журнала, откомандировали для работы с молодежью в Ясную Поляну, где в то время в рамках Международного проекта «Территория успеха: Пегас», проходило мероприятие под названием «Литературная смена». По итогам работы данного международного мероприятия в журнале были опубликованы произведения победительниц литературных конкурсов: Милены Боровцовой и Светланы Жмуровой. Это две школьницы-старшеклассницы из города Зеленогорска Красноярского края. Пожалуй, это самые молодые авторы нашего журнала за всю его двадцатилетнюю историю. Скажите, пожалуйста, будет ли продолжена работа в данном направлении?*

А. Я. Замечу вначале, что не эти школьницы самые молодые авторы журнала. Недавно мы опубликовали рассказ мальчика, по возрасту еще меньшего, из Средней Азии, сейчас ее «по-западному» переименовали в наших СМИ в Центральную, судя по фотографии и имени — киргиза или узбека, но пишущего на русском языке. Но — это к слову. Что же касается нашей установки на всемерное поощрение, в смысле первоочередную публикацию юных и молодых авторов, то это одна из прерогатив «Приокских зорь». Ведь начинающие, юные и молодые литераторы — единственное будущее этого вида творчества. А без какой-либо надежды на такое будущее весь нынешний литературный процесс обречен.

Иначе пропадет предмет литературы
И будут изучать ее как лигатуру —
Отжившее старье — предбывшие таланты…

— так говорит самодеятельный учрежденческий поэт — персонаж нашего первого романа «В канцелярии», вышедшего в окончании советской эпохи, то есть еще подпавшего под ностальгические времена гонораров и всесоюзного распространения по книготорговой сети 1/6 части земной суши…

И когда для меня раз в квартал наступают дни священнодействия — окончательного формирования очередного номера журнала, то первым делом, что называется начерно, по каждому журнальному разделу — прозы, поэзии, публицистики — в отдельную стопочку — интернетом-уманетом не пользуюсь, к «компу» ближе полутора метров не подхожу — укладываю материалы молодых авторов — по их данным в творческо-биографических справках.

Понимая, что обычно путь в литературу молодых авторов лежит через неформальные, местные творческие литобъединения, в первое десятилетие нашего журнала мы из номера в номер публиковали в специально созданной рубрике подборки материалов таких литературных объединений. Начали с тульских — города и области — объединений, охватив почти полтора десятка таковых. А продолжили литературные объединения других городов и областей России: Москва, Кострома, Красноярск и другие. Здесь нам большую помощь оказали тогдашние члены редколлегии «Приокских зорь»: Людмила Авдеева, руководительница двух столичных литобъединений; Сергей Прохоров из Красноярского края — зав. отделом литературы Сибири; Сергей Лебедев из Тольятти — зав. отделом литературы Поволжья. Большое число авторов из Израиля представил для публикации в журнале Ефим Гаммер из Иерусалима.

«Улов» наш оказался удачным: некоторые молодые ЛИТОВцы теперь постоянные авторы нашего журнала; другие, по мере литературного «взросления», стали членами писательских союзов, в том числе Тульского отделения Союза писателей России, а иные удостоились звания лауреата «Левши». Есть и входящие ныне в состав редколлегии и редакции журнала. Так что, Геннадий Николаевич, не только «коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым». Литература — вечная молодость!

Г. М. *Сегодня у нас в стране не так, как хотелось бы, обстоят дела во многих сферах государственного управления и развития. Это, на мой взгляд, и неумелая миграционная политика, приводящая к росту преступности в стране, и коррупционная составляющая; в критическом положении находятся наше образование, здравоохранение, культура. Какие пути выхода из создавшегося положения видите Вы?*

А. Я. Коснусь только литературы, как предмета нашего интервью. И отвечу словами моего любимого после Игоря Северянина поэта Серебряного века Максимилиана Волошина:

Я мысленно вхожу в ваш кабинет…
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен…
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептичный Франс, святой сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканщики Гонкуры…
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик…
Я верен им…

Здесь ключевые слова: «Я верен им…», — как выражающие само существо творческого феномена художественной литературы. Могут сказать: толстовство! Дескать, начни с самого себя, а сумма таких «себя» даст всемирность… Но рассудите здраво: в век торжествующей глобализации, всеохватывающей гибридности, угнетающей разум цифрофрении и прочее и прочее, только личность, осознавшая себя творческой, в частности литературно-творческой, может быть движетелем изящной, как некогда говорили, словесности.

И поверьте, совсем не та эпоха «на дворе», чтобы циркулярно создать новый «золотой» или «серебряный» век в русской литературе. Хотя и нельзя не приветствовать определенный позитив в этом отношении в последние годы…

Г. М. *Любые культурные явления всегда отражала литература, а потому она всегда была и остается частью культуры любого государства, тем более России. А вот писатели, создающие эту самую литературу, их творческие сообщества, у нас в России к «культуре не относятся», они сегодня при Минцифре. Какие, на Ваш взгляд, нужно принять меры, решения, чтобы писатели вновь стали частью российской культуры?*

А. Я. Меня в восторг приводит термин «Минцифра»! Здесь, в части словотворчества, нас обогнало только… скажем так — сопредельное государство, имеющее «Министерство цифровой трансформации»… Но — к существу вопроса.

Русские литераторы XIX — начала XX века не состояли при департаментах, комитетах и министерствах. У них наличествовали только неформальные объединения. Как у нас сейчас упомянутые выше литературные объединения. Начиная с новиковских группировок при российском масонстве XVIII века, далее «Арзамаса» пушкинских времен, расширенных редакций-кружков некрасовских «Современника» и «Отечественных записок», знаменитых «Сред» Николая Дмитриевича Телешова 1880—1900-х годов, объединений горьковского «Знания» и московского «Книгоиздательства писателей», а еще далее «Серапионовых братьев», университета Шанявского и завершая Пролеткультом.

Но вот Горький создал — «с подсказки товарища Сталина» — Союз писателей СССР, который, вместе с его членами-писателями, тоже не подчинялся департаментам, народным комиссариатам и министерствам. Признаться, Ваш вопрос о нынешней подчиненности писателей какому-то министерству несколько озадачил меня. Дело в том, рассуждая логически, всякая подчиненность кому-то или чему-то всегда имеет два взаимокомпенсирующих фактора: неприятный — «служебность» с ее администрированием и бюрократией; приятный — минимально-достаточное финансовое обеспечение подчиненных. Увы, у нашего брата даже намека на это нет. Значит и нет подчинения. Как мы распевали в хулиганском детстве: «Гуляй, Ваня, ешь опилки, пока есть на лесопилке».

Г. М. *Турецкий писатель Орхан Памук в одном из интервью сказал: «Не верьте людям, которые говорят: человечество в упадке. Человечность человечества сохранится, люди будут хотеть писать и продолжат писать, независимо от технологической революции. Так мы выражаем себя. Человечество продолжает существовать потому, что есть тексты, и это так просто — бумага и ручка, чтобы выразить себя. И есть желающие, которые никогда не перестанут это читать». Ваша статья «Горькое послевкусие культуры», опубликованная в «Приокских зорях» и на ряде интернет сайтов, вызвала заинтересованную дискуссию среди людей пишущих, думающих, людей неравнодушных к происходящим в стране и мире событиям. Статья страшная по сути своей, но в то же время актуальная как никогда, предупреждающая об опасности глобализации, перешедшей в стадию расчеловечивания и обескультуривания народонаселения Земли. Но в то же время, в этой статье Вы пишите: «но ведь пока держимся, ребята». Орхан Памук считает, что человечность человечества сохранится, а Вы как считаете: технологическая революция и глобализация победят, или все же мы удержимся?*

А. Я. Спасибо, Геннадий Николаевич, за внимание к статье, она же «Колонка главного редактора» в №3-м, 2024 года «Приокских зорь»… кстати говоря, это одна из существенных специфик нашего журнала: предварять каждый его номер обстоятельным очерком на злободневную — или вечно живую? — литературную тему. Так и это, наше с Вами, Геннадий Николаевич, интервью открывает первый номер журнала за

2025-й год. И этот очерк очередной в их серии, что уже который год публикуется в «Приокских зорях» в разделе «Колонка…»

Самое существенное, что тема расчеловечивания — раскультуривания — «умозамещения» — наш термин, и ее раскрытие в литературно-философских очерках, что называется, «не с кондачка взяты». Будучи «двуликим Янусом», то есть профессионально — надеемся на это! — совмещая в себе занятия литературой и естественно-научными исследованиями, естественно, не могу не переносить в сферу литературы, в ее публицистическом ареале, свои же системные научные воззрения. На протяжении полутора десятков лет развиваю в самосогласованную теорию концепцию нашего великого ученого, академика Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы Земли в ее новое биогеохимическое — термин Вернадского, качество — ноосферу, «мыслящую» земную оболочку. Наше видение такого перехода в итоге вылилось в основание научной школы «Живая материя и феноменология ноосферы», в рамках работы которой нами задумана и осуществляется, издается продолжающаяся серия монографий с тем же общим названием[*].

Данный труд получил признание научной и литературно-философской общественности, отдельные тома удостоены научных и литературных премий. А в 2022-м году за двухтомник «Универсальная эволюционная регуляция» — в составе «Феноменологии ноосферы», посвященный созданию обобщенной теории вирусов, биологических, технических, социальных и прочих, автор был удостоен старейшей в России — с 1880-х годов — престижной Макариевской премии — вручали в Президиуме Российской академии наук Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, президент Российской академии наук Геннадий Яковлевич Красников и мэр Москвы Сергей Семенович Собянин в номинации «Научные исследования в области естественных и точных наук, имеющие высокое общественное и гражданское значение».

… Сказанное «не корысти для», говоря языком одесских классиков, но чтобы подчеркнуть: с естественно-научных позиций развиваемая нами теория биосферно-ноосферного перехода, участниками которого население Земли сейчас и является, возражений научного и социального характеров не имеет — только признание и понимание.

Поэтому питаем надежду, что и готовящийся сейчас к изданию очередной, двадцать третий по счету, том серии с подзаголовком «Глобальное расчеловечивание» не вызовет каких-либо возражений научного, социального и иного характеров.

Расчеловечивание следует понимать как резкое снижение традиционных гуманитарных черт характера и мышления человека. Это не чья-то «злонамеренная пакость», но сугубое требование императива эволюции человека: перехода биосферной сущности человека разумного биологического в ноосферную сущность человека биотехнического информационного. Надеемся, общий посыл ясен, а заинтересовавшиеся могут обратиться ко многим томам указанной выше серии книг.

Обнуление художественного мышления есть одно из стратегических направлений расчеловечивания. И тот обвал нашей литературы в 90-х годах, что мы с изумлением и непониманием восприняли как гуманитарную катастрофу — есть всего лишь *status quo* действия разрушившего СССР западного империализма — глобализма. Ведь на Западе литература, как наиболее препятствующая целям расчеловечивания, уже в 60—70-е годы потеряла свои прежние позиции. У нас же она традиционно поддерживалась и развивалась.

Потому-то в «лихие девяностые» империализм Запада «до основания разрушил» не только основу современной технической мысли — вычислительную электронику и тонкую химию[**], но и «упразднил» массовость литературного процесса, заменив его переводом интересов на злободневную публицистику, а сейчас и вовсе перелистывания «фоток» на экранах смартфонов… Это и есть умозамещение в действии.

Синтоистская, то есть японская, мудрость гласит: прошлого уже нет, а будущего может и не быть — живите настоящим. Против действия законов эволюции, в том числе эволюции человека, увы, кто-либо что-либо ничего сделать не может. Но не следует особо огорчаться за будущее — которое может и будет — человечества. Ибо человек есть самый адаптивный животный вид в эволюции по Дарвину и Ламарку, тем более — разумный вид. Посмотрите на своих детей, внуков — огорчает ли их нынешняя жизнь? Вряд ли, а ведь они, представители молодых генераций, уже в значительной степени продвинулось в тот самый ноосферный, информационно-биотехнический мир.

Вот Вы, Геннадий Николаевич, упомянули мои завершающиеся слова в очерке «Горькое послевкусие культуры»: «*Но ведь пока держимся, ребята*». А это ведь легкая степень оптимизма: нас позже всех европамерик, тем более насильно, начали расчеловечивать, поэтому и посейчас литературный наш процесс не остановлен. Это значит, что и окончательно Великий глобализатор доберется до нас тоже в последнюю очередь. Нет худа без добра, но и нынешний разрыв с Западом — хотя бы и по его инициативе — поможет еще

---

[*] На сегодняшний день издано 22 тома, опубликованных в различных издательствах Москвы («Московский Парнас»), СПб («Астерион» и «ЦСЛК на Васильевском»), Твери («Триада»), Тулы (Изд-во ТулГУ, «Тульский полиграфист») и др. В электронной форме размещены на ведущих научных сайтах России (см. по поисковику: ФИО автора и название серии).— Прим. А. Я. для печати.

[**] Тулякам это хорошо известно — по стремительному и полному уничтожению ВНИПИМ'а — Всесоюзного научного и проектного института мономеров, а мономеры — это основа всей высокомолекулярной (пластмассы и пр.) химии. Доселе во всем мире имелись только два научных центра данного направления: ВНИПИМ и профильный институт во Франции. И еще в Румынии велись такие же исследования под руководством известного ученого-химика Елены Чаушеску, супруги руководителя Румынии. … Потому ее и убили вместе с Николае Чаушеску. — Прим. А. Я.

более оттянуть наше расчеловечивание. Вот на чем рекомендовал бы сосредоточиться писателям, нашим авторам в особенности.

Г. М. *Алексей Афанасьевич, Вы ученый биофизик с широкой известностью, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеете два ученых звания профессора, Почетный радист России, много других отличий имеете. А еще Вы автор 38 книг великолепной художественной прозы. В связи с этим у меня к Вам два вопроса. Первый: как Вы совмещаете научную работу и литературное творчество? И второй: кто же Вы в большей степени, в душе — физик или лирик, ученый или писатель?*

А. Я. … Словом, в поле жнец и на дуде игрец. Или как в эпоху Пролеткульта говорили: попашешь, попашешь, попишешь стихи. А если серьезно, то таковое двуединство научных и художественных устремлений в одном человеке вовсе не редкое сочетание. Во! и новый термин сразу в голову пришел: *леонардизм* … таким был Леонардо да Винчи: великий ученый-изобретатель и не менее значимый художник. А Гете? — наиболее выдающийся немецкий поэт и ученый-натурофилософ. Его «Морфология» и «Учение о цветах» опередили естествоиспытательскую мысль его современности более чем на век, а с анализа «Учения…» и по сей день начинаются все исследования по биофизике и психологии зрительного цветовосприятия. Впридачу Гете и веймарским премьер-министром служил…

А наш академик Обручев, выдающийся ученый-палеонтолог и автор высокохудожественной «Земли Санникова»? Еще более яркий пример — Иван Ефремов. Классик литературы XX века, русско-американский писатель Владимир Набоков не только автор «Дара», «Ады», «Лолиты», «Камеры обскуры», «Короля, дамы, валета» и других значимых произведений, но и энтомолог-систематик практически профессионального уровня. Если же брать почти «родственные» совмещения, как-то историк и писатель, путешественник и писатель и так далее, то впору энциклопедический том составлять… Так что, Геннадий Николаевич, есть у кого учиться!

Вот и общий ответ на Ваши вопросы: совмещаю с удовольствием, а в душе — равностепенность того и другого занятия.

Г. М. *У Вашего постоянного литературного персонажа Николая Андреяновича есть хобби: в свободное от работы время он мастерит передатчики, транзисторные приемники и электронные телеграфные ключи. Он радиолюбитель и связист. Вы — Почетный радист России. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: цикл Ваших книг «Рассказы Николая Андреяновича» в какой-то степени автобиографичен. Скажите, пожалуйста, а есть ли хобби у Вас, в свободное от научной работы и литературного творчества время? И есть ли у Вас оно — это свободное время?*

А. Я. В чем-то этот вопрос созвучен с предыдущим, если «импортное» слово хобби однозначно перевести на русский язык: увлечение. Попробую развить возникшую — в ответ на Ваш вопрос, вернее на этот и предыдущий вопросы — мысль.

Само понятие увлечения, увлеченности принято понимать как нечто дополняющее основное, базовое, так сказать, занятие конкретного человека. Только сразу исключим из ареала рассмотрения спорт с физкультурой, увлеченность «злодейкой с зеленой наклейкой» и «шерше ля фам».— Это все по части оздоровления организма, физиологического и психологического. То есть жизненная необходимость — кому какая по вкусу.

Приведенное выше пролеткультовское «попашешь, попашешь…» наиболее четко дают обоснование увлеченности на фоне базового занятия человека. И другое известное утверждение: лучший вид отдыха — смена рода занятий.

Принято считать, что такая смена полагает переход от умственной деятельности к физическому труду. Намного реже — наоборот. В пример обычно приводят Менделеева; мол, Дмитрий Иванович, приустав от химических опытов, вывода закона Клайперона—Менделеева, написания диссертации на тему разведения спирта водой — $C_2H_5OH + H_2O$ — и обоснования 40-градусной крепости пищевой или питьевой? водки, обдумывания периодической таблицы химических элементов своего имени, написания докладной записки царю о росте народонаселения России и много чего другого, переключался на любительское выделывание кожаных чемоданов…

А вот пример из категории «наоборот»: Иосиф Дицген, современник Карла Маркса, немецкий ремесленник-кожевенник — снова кожа? — чем-то она привлекает, затем перебравшийся в Петербург, а после в Америку, по вечерам, отдыхая от тяжкого труда по обработке телячьих шкур, совершенно самостоятельно, не ведая о «Капитале» Маркса, «Диалектике природы» и «Антидюринге» Энгельса, которые были еще «в работе», создал основы диамата и истмата — параллельно с Марксом—Энгельсом. Оба они, а далее и Владимир Ильич Ленин, очень хвалили Дицгена…

Конечно, у вашего покорного слуги были увлечения: от традиционного во времена оно коллекционирования марок и монет, радиолюбительства «высшего полета», изучения самостоятельно латыни и даже начатков французского — в школе и далее — немецкий, и даже изрядное освоение переплетного книжного мастерства — причем уже в инженерные годы.

Но вот, пройдя «мои университеты», то есть радиотехнический факультет Тульского политеха, матмех ЛГУ и Литинститут, попал в третий разряд «леонардистов»: сочетание, причем профессионального уровня,

научных исследований и литературного творчества. И смысла здесь нет разбираться: что базовое и что увлечение? А таковая «разнорядка» выпадает человеку, у которого — от природы разумеется — в равной степени развит творческий потенциал обоих полушарий головного мозга: левого, ответственного за логику мышления, и правого, генерирующего стимулы художественного творчества. Наука психология, в частности французская школа Пиаже, даже указывает на внешний признак такого «равноправия»: у ребенка до начала школьных упражнений в письме нет отличий в функционировании правой и левой рук. Новейшие же исследования, в том числе и наши, добавляют стойкое отвращение к цифрофрении и интернету-уманету…

Свободного же времени у меня предостаточно, ибо что-то делаю почти на автомате — сама голова выдает, поскольку в это самое свободное время обдумывает то, над чем затем работаю.

Сказанное — совершенно серьезно и, опять же, обдуманно.

Г. М. *Спасибо Вам, Алексей Афанасьевич, что нашли время и ответили на мои вопросы. Я желаю нашему журналу и Вам — бессменному главному редактору журнала — идти уже проверенным курсом. В заключение нашего интервью задам Вам традиционный вопрос: что бы Вы пожелали авторам и читателям журнала «Приокские зори»?*

А. Я. Отвечу столь же традиционно: не подведем, курс не изменим, оправдаем доверие читателей, а авторов журнала и без того полагаем равноправными участниками нашего общеполезного дела: поддержания всероссийского литературного процесса. Согласитесь, насколько скучна и тосклива была бы жизнь без художественного слова? Тем более в нашей стране, достаточно поздно — по европейским меркам с их античной предтечей — пришедшей к массовой словесности и познавшей восторг творческого самовыражения: как стороны творящей, писательской, так — и во многом особенно! — стороны воспринимающей, читательской. Но особенно писателям, нашим авторам, пожелаем неиссякаемого вдохновения и того постоянного одушевления творчеством, о котором гениально сказал Федор Михайлович Достоевский в своей повести «Хозяйка» — на то он и всемирный гений: «*Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее:творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!*»

… Для надежно построенного корабля двадцать лет — не срок! Особенно при подборе славной команды и верно взятом курсе. Было бы куда идти этому кораблю в нынешнем океане неизведанных доселе бурь и волнений.

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

Валерий Яковлевич Маслов — член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, член общественного совета министерства культуры Тульской области. Заместитель председателя Тульского отделения Союза писателей России. Автор сорока художественных книг, изданных тиражом более одного миллиона экземпляров в России и за рубежом. Кавалер медали Ордена «За заслуги перед Отечеством». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЖИВЕТ, КТО ЖИЗНЬ ТВОРИТ!

Это личное убеждение знаменитого писателя, русского прозаика, литературоведа, поэта-переводчика Викентия Викентьевича Вересаева стало символом его творческой жизни. Оно во многом созвучно убеждению Льва Толстого, что «Живут лишь те, кто творит добро». И такое совпадение взглядов двух писателей, связавших значительную часть своей жизни с Тульским краем, лишь подчеркивает их духовную связь.

Викентий Вересаев родился в семье известных тульских подвижников. Его отец, врач Викентий Игнатьевич Смидович, был основателем Тульской городской больницы и санитарной комиссии, создателем Общества тульских врачей, одним из первых детских врачей Тулы, общественным деятелем. Не меньшую известность получила его деятельность по изучению и улучшению санитарного состояния города. Мать, Елизавета Павловна, организовала у себя в доме первый в Туле детский сад.

Юный Викентий начал писать еще в гимназические годы. Его первым произведением было опубликованное в 1885 году стихотворение «Раздумье». Для этой публикации Вересаев выбрал псевдоним «В. Ви-

кентьев», но затем напечатал очерки «Подземное царство» (1892), посвященные труду и жизни донецких шахтеров, которые подписал псевдонимом «Вересаев».

Всероссийская известность к нему пришла после издания в 1901 году «Записок врача». Это, во многом, была биографическая повесть, описывающая проблематику взаимоотношений врача и общества. Недаром, что она только при жизни автора переиздавалась четырнадцать раз и была переведена на многие иностранные языки, а в 1943 году автор получил за нее Сталинскую премию.

Русско-японской войне и событиям 1905 года писатель посвятил цикл рассказов и очерков, составивших сборник «На японской войне». Заметный интерес в России и мире вызвали его разносторонние работы о немецком философе Ницше и величайшем русском поэте под названием «Пушкин в жизни».

Кстати, об А. С. Пушкине писатель написал еще одну интересную книгу под интригующим названием «Пушкин в воспоминаниях современников — друзей, врагов, знакомых…».

В. Вересаев известен и как талантливый переводчик. Он сделал переводы сборника древнегреческой поэзии »Гомеровские гимны» («Гомеровы гимны») — тридцати трех гимнов, исполнявшихся в честь отдельных богов, а также знаменитых «Илиады» и «Одиссеи».

Писателя остро интересовали многие нравственно-философские вопросы. Например, в 1910 году вышло его литературоведческое произведение «Живая жизнь. О Достоевском и Льве Толстом». В ней он приводит интересные факты, в частности, о своей встрече с Львом Толстым.

«В августе 1903 года у меня была в Ясной Поляне беседа с Толстым, и тогда она меня очень поразила. Разговор зашел о трагизме, когда человек сознает, что, скажем, счастье любви есть высшее счастье, но он не способен отдаться ему, нет в нем этой любви, которая единственно дает счастье.

Толстой в недоумении пожал плечами.

— Не понимаю вас. Если человек понял, что счастье в любви, то он и будет жить в любви. Если я стою в темной комнате и вижу в соседней комнате свет, и мне нужен свет,— то, как же я не пойду туда, где свет?»

Этот разговор двух гениев литературы не только дает представление о понимании смысла величайшего счастья в жизни человечества — любви, но и показывает видение этого важнейшего постулата жизни человека Вересаевым и Толстым.

В. Вересаев считал эту книгу самой дорогой в своем творчестве. В то время она вызвала большую полемику в обществе. К примеру, далеко не все литературоведы того времени были согласны с таким мнением автора книги:

«Трудно себе представить живого человека, у которого могла бы лежать душа одновременно к Достоевскому и Толстому. Всякий, конечно, “отдаст должное” гению обоих. Но кому дорог Толстой, тому чужд будет Достоевский, кому близок Достоевский, тот равнодушен будет к Толстому».

Викентий Вересаев в своих произведениях дал широкий срез жизни русского общества на рубеже двух столетий, позволил нам узнать интересы и чаяния русского общества в ту переломную эпоху.

Познавательны и интересны его размышления о расслоении интеллигенции в царской России в повести «На повороте». Шедевром художественной литературы является его рассказ «Конец Андрея Ивановича», который высоко оценил Лев Толстой. О жанровой разносторонности писателя говорят написанные им драмы «В священном лесу» и «Последние дни» (в соавторстве с Михаилом Булгаковым).

Для туляков особенно интересны произведения писателя, в которых он оставил описания дома родителей, в котором провел детство, других мест, связанных с его именем.

В этом плане, конечно, необходимо напомнить о первых двух частях — «В юные годы» и «В студенческие годы» — его автобиографической книги «Воспоминания» (М., Гослитиздат, 1946). В третью часть книги вошли «Литературные воспоминания» о деятелях культуры и отдельных фактах и событиях литературной жизни.

Писатель в этой книге подробно описывает улицу, на которой находился дом его родителей:

«Тихая Верхне-Дворянская улица (теперь Гоголевская), одноэтажные особнячки и вокруг них сады. Улица почти на краю города, через два квартала уже поле. Туда гоняют пастись обывательских коров, по вечерам они возвращаются в облаке пыли, распространяя вокруг себя запах молока, останавливаются каждая у своих ворот и мычат протяжно.

Внизу, в котловине — город. Вечером он весь в лиловой мгле, и только сверкают под заходящим солнцем кресты колоколен. Там дома друг на друге, пыль, вонь сточных канав, болотные испарения и вечная малярия. У нас наверху — почти полевой воздух, море садов и весною в них — сирень, гулкие раскаты соловьиных трелей и щелканий. У папы на Верхне-Дворянской улице был свой дом, в нем я и родился».

Сам дом родителей окружал огромный сад, о котором юный Викентий также оставил множество чудесных воспоминаний, связанных с его детством:

«Сад вначале был, как и все соседние, почти сплошь фруктовый, но папа постепенно засаживал его неплодовыми деревьями, и уже на моей памяти только там и тут стояли яблони, груши и вишни. Все росли и ширились крепкие клены и ясени, все больше ввысь возносились березы большой аллеи, все гуще делались заросли сирени и желтой акации вдоль заборов.

Каждый кустик в саду, каждое деревцо были нам близко знакомы; знали мы, что в мрачном углу под стеною соседней конюшни Бейера растет кустик канупера, что на кривой дорожке — неклен, а на круглой куртине — конский каштан.

Да не только кусты и деревья и не только в саду. Все закоулки в саду, на дворе и на заднем дворе были близко знакомы, обгляжены до всякой щели в заборе, до всякой трещины в бревне. И были превосходнейшие места для всяких игр; под папиным балконом, например: темное, низкое помещение, где нужно было ходить, нагнувшись, где сложены были садовые лопаты, грабли, носилки, цветочные горшки и где в щели меж досок ярко светило с улицы солнце, прорезывая темноту пыльно-золотыми пластинами. Много в этом подземелье было совершено злодейств, много укрывалось разбойничьих шаек, много мучений пережито пленниками...»

К чести туляков и городских властей надо отметить, что они бережно сохранили и этот дом, и сад, и в настоящее время это одна из наиболее сохранившихся в Туле городских усадеб.

Оставил знаменитый писатель и описание дома купцов Конопацких на улице Каминского (бывшей Площадной), куда юный Викентий нередко заходил в гости, увлекшись одной из трех дочерей инспектора народных училищ по имени Катя. Благодаря его воспоминаниям мы теперь можем представить, как выглядели интерьеры этого здания-памятника в то далекое время:

«Очень большая, темноватая гостиная с полированными восьмигранными деревянными колоннами. Колонны на середине высоты охвачены венками из резных дубовых листьев. Стрельчатые окна, вверху их — разноцветные мелкие стекла, синие, красные, зеленые, желтые».

Конечно, сейчас многое в этих местах Тулы изменилось. Перестроились помещения старинного особняка на улице Каминского, не все в бывшей усадьбе родителей писателя выглядит так, как было в те времена. Улицы получили новые названия. Рядом с мемориальным музеем писателя возник коммерческий новодел в три этажа.

Но все-таки тульский литературно-мемориальный Дом-музей В. В. Вересаева стал не только местом памяти великого писателя Викентия Викентьевича Вересаева, но и центром культурной жизни нашего города и России, объединяет важные составляющие русской культуры — наследие, историю, литературу.

Дом-музей живет плодотворной творческой жизнью. Здесь работает литературное объединение, проводятся встречи с писателями в рамках проекта Министерства культуры Тульской области «Тульские среды», собираются неравнодушные к литературе туляки.

И потому память о «насквозь тульском писателе» В. В. Вересаеве остается не только в литературно-мемориальном Доме-музее его имени в Туле (1992), в его величественном бронзовом памятнике у входа в Центральный парк имени П. П. Белоусова (1958), а также в названии в его честь одной из улиц города.

Но и в многочисленных знаках памяти писателю по всей России и за границей. Это — присвоение имени В. Вересаева городской больнице в Москве (2016), выпуске памятной почтовой марки ГП «Почта Донбасса» (ДНР) (2017), увековечивании имени писателя в названии села в Сакском районе Крыма (1948), в названиях улиц в Москве, Пензе, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Феодосии и в других городах.

За годы жизни нашего знаменитого туляка и впоследствии, было опубликовано восемь собраний сочинений писателя, в том числе наиболее значительное из них — «Вересаев В. В. Полное собрание сочинений: в 16 т.— М.: Недра, 1929—1930».

Все это говорит о том важном месте в истории России, в ее литературе, которое занимает наш знаменитый земляк — писатель Викентий Викентьевич Вересаев.

Игорь ЕГОРОВ

г. Омск

Игорь Владимирович Егоров — коренной омич (родился в 1951 г.). Окончил омскую СОШ №19 (в настоящее время гимназия № 19), Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Работал в научно-исследовательских институтах Омска, на кафедре физики в Омском технологическом институте (вел курс термодинамики и теории теплообмена), был сотрудником издательств. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Серебряный лауреат XV и лауреат XVI международного литературного конкурса «Золотое перо Руси». Лауреат премии губернатора Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства» им. Л. Н. Мартынова. Дипломант II всероссийского литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского. Дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры (при участии Омского отделения Союза российских писателей) «Лучший рассказ XXI века». Некоторые стихи переведены на болгарский язык современным классиком болгарской литературы Красимиром Георгиевым и на украинский язык талантливым украинским поэтом и переводчи-

ком Петром Голубковым. Стихи также переводились на английский язык (переводы Ольги Сумановой и Бориса Духона). Член Союза российских писателей. С 2011 г. главный редактор литературно-художественного издания-тандема: журнала «Иртышъ-Омь» и альманаха «Тарские ворота». В марте 2022 года избран членом Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

ПОМНЮ КАЖДУЮ ВСТРЕЧУ…
Очерк об известном российском писателе Александре Лейфере*
(1943 — 2017)

Помню, в начале 1980-х я принес свои первые рассказы в «Вечерний Омск». Именно Александру Эрахмиэловичу Лейферу, он тогда работал литературным консультантом в этой газете. Он очень внимательно просмотрел-пролистал мои коротенькие рассказы и, выбрав один из них, сказал, что его можно опубликовать. Для меня это была, можно сказать, своеобразная и неожиданная похвала от известного писателя! При этом он загадочно намекнул, что в рассказе есть «рискованные моменты». Тогда я не придал значения его проницательным словам. И вот проходит немного времени — и через друга, работающего в «Вечерке», узнаю, что рассказ мой набран и уже должен был пойти в печать, но цензура его «зарубила».

Сегодня, наверное, это покажется нелепым и даже смешным, но, тем не менее, «зарублен» мой рассказ «Возчик мебели» был из-за того, что его главный персонаж (пенсионер Николай Терентьич) сетовал на маленький размер пенсии. Да плюс к этому — высказывалось сожаление, что на месте омского старого Казачьего кладбища (когда-то мемориального!) полным ходом идет стройка…

Позже, в «Пушкинке» (Омская областная государственная библиотека им. А. С. Пушкина), мы случайно встретились с Александром Эрахмиэловичем, и он выразил мне сочувствие. Я был ему очень благодарен, он все сделал, чтобы рассказ пошел в печать, но «Лито» оказалось неумолимо. Казалось бы, это всего лишь эпизод, но он, право же, о многом говорит. Зная о «рискованных моментах» моего рассказа, Лейфер не побоялся рекомендовать его в газету и сам переживал за его судьбу.

Знаю, что в те же годы он поддерживал, и не только морально, но и материально, бездомного (теперь уже признанного даже выдающимися представителями литературы гениальным) поэта Аркадия Кутилова, которого отовсюду гнали и которого многие чурались.

А скольким литераторам он помог, будучи председателем Омского отделения Союза российских писателей!.. Думал о себе всегда в последнюю очередь (гранты, стипендии — прежде всего своим товарищам по перу!).

Мне было всегда с ним радостно и приятно встречаться. Интеллигентный, обаятельный, тонкий собеседник. Что же касалось литературы, художественного слова,— здесь Александр Эрахмиэлович был всегда строг, принципиален. Не терпел никакой халтуры, слабины и мог высказать прямо в глаза автору свое нелицеприятное мнение.

Без литературы, без редакторской работы он не мыслил свою жизнь. Как-то раз об этом он мне сказал, когда мы с ним шли в библиотечный центр «Культура Омска» (в настоящее время это уже муниципальная библиотека им. А. Лейфера) на собрание нашей писательской организации: «Отними у нас то, что мы с тобой делаем,— и жизнь потеряет для нас смысл. Верно, Игорь?». И я с ним абсолютно согласен!

Помню каждую встречу с Александром Эрахмиэловичем. Обычно мы встречались с ним в его уютном домашнем кабинете. И разговоры наши были очень теплые, доверительные, душевные. А как он радовался за меня, когда родился мой долгожданный внук Ванечка!..

Я всегда рассматривал с интересом книги на полках его уникальной библиотеки. Однажды, спросив у него разрешения, просмотрел несколько книг, заинтересовавших меня. Это оказались подарочные издания выдающихся мастеров прозы, поэзии, литературоведения с их дарственными надписями! Александр Эрахмиэлович всегда был в курсе всех литературных событий, в его кабинете на письменном столе неизменно лежали свежие номера «Литературной газеты»…

Встречались мы с ним по разным вопросам. И каждый раз он расспросит, отнюдь не формально, а заинтересованно, как у меня дела, что пишется, как идет редакционная работа над очередным номером альманаха «Тарские ворота» или журнала «Иртышъ-Омь», поможет мне как редактору-составителю добрым советом. Надо сказать, он никогда не воспринимал эти издания, выпускающиеся на основе самофинансирования, как некую конкуренцию альманаху «Складчина», а наоборот: считал, что вот он — еще один хороший выход из положения для литераторов, старающихся донести до читателей написанное что-то новое или долго не публиковавшееся, но наверняка интересное! Я так ему благодарен за понимание! И в этом тоже проявлялась мудрость Александра Эрахмиэловича, величие его личности. Более того, он обращался не раз за помощью к нашим изданиям с целью своевременной публикации молодых авторов, чтобы они смогли стать участниками

* Александр Эрахмиэлович Лейфер — талантливый прозаик, публицист и краевед, видный общественный деятель, сопредседатель Союза российских писателей с 2009 г., создатель и председатель Омского регионального отделения Союза российских писателей (более 20 лет), член русского ПЕН-клуба, Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

ежегодного литературного конкурса на соискание премии имени Ф. М. Достоевского. Такие ситуации возникали в случае «перерывов» между выходами в свет номерами «Складчины» из-за трудностей с ее финансированием. До сих пор для меня загадка: как Александру Эрахмиэловичу удавалось доставать средства для очередного выпуска замечательного альманаха? В наше непростое время такое равносильно чуду!..

Но ведь он не только был талантливым редактором альманаха и организатором литературной работы в нашей писательской организации, а и сам писал так, что трудно было читателю оторваться от его статей, очерков, книг! Да вот хотя бы вышедшая в свет летом 2017-го книга — сборник стихов Николая Разумова «Душа моя, угомонись!..» с великолепным предисловием Лейфера! Это написано необычайно тонко, глубоко, донесены до нас, читателей, ценнейшие «живые детали» общения с талантливым омским поэтом!.. Предисловие в «разумовском» сборнике оказалось последней прижизненной публикацией Александра Эрахмиэловича…

С большим нетерпением и волнением ожидал Лейфер выхода в свет книги «Бессмертный полк. Омские авторы — Великой Победе». И я с благодарностью вспоминаю, как он мне (как одному из создателей этого издания) дал несколько ценнейших советов при подготовке сборника к печати… Интереснейший материал «Непобедимые и непобежденные» в книге «Бессмертный полк» оказался первой посмертной публикацией Александра Эрахмиэловича…

…Не могу не написать: летом и осенью 2017-го я получил очень много писем от авторов журнала «Иртышъ-Омь» и альманаха «Тарские ворота»: с огромным сочувствием они откликнулись на нашу боль — уход из жизни дорогого омичам (да и не только омичам!) замечательного писателя и человека Александра Лейфера…

Александр Эрахмиэлович родился 27 декабря. Коренной омич. Окончил отделение журналистики историко-филологического факультета Казанского университета.

Печататься начал в 1962 году в университетской многотиражной газете «Ленинец» и казанской областной газете «Комсомолец Татарии». Начиная с 1967 года, работал в СМИ Омска. В этом же году вошел в состав областного литобъединения при Омской писательской организации. В начале 1980-х стал одним из основателей Омского литературного музея им. Ф.М. Достоевского.

Автор художественно-документальных книг «Сибири не изменю!..», «Прошлое в настоящем», «…Буду всегда жива», «”Вокруг Достоевского” и другие очерки», «Мой Вильям», «На добрый вспомин…», «Разгадать замысел Бога…», «Жить вместе. Избранные очерки и эссе» и других.

Александр Эрахмиэлович, много лет возглавляя Омское отделение Союза российских писателей, проводил большую организационную работу, помогал писателям, оказавшимся в трудном положении.

Лауреат премий Омской областной организации Союза журналистов СССР, Омского филиала Российского фонда культуры, премии администрации Омской области «За развитие культуры и искусства». Занесен в «Книгу почета деятелей культуры г. Омска».

Александр Эрахмиэлович был также членом редколлегий альманаха «Лед и пламень» (Москва), журнала «День и Ночь» (Красноярск), главным редактором альманаха «Складчина» (Омск) (печатного органа Омского отделения Союза российских писателей).

Галина РАЗБАЕВА

г. Самара

Галина Валерьевна Разбаева родилась в 1960 г. в г. Куйбышеве (ныне Самара), в семье инженеров. Окончила Самарский госинститут культуры (с отличием), по специальности «Руководитель академического хорового коллектива». Ее эссе и рассказы печатаются в самарской газете «Благовест» и издании «Православная народная газета». В 2012 г. вышла первая книга — сборник рассказов «Дорога», в 2018 — вторая, «Отблески. Записки экскурсовода». Обе книги иллюстрированы автором. Имеет дипломы за литературные работы: 2018 г.— диплом полуфиналиста и диплом финалиста Всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь», посвященного 200-летию И. С. Тургенева, г. Орел; 2014 г.— диплом обладателя гран-при межрегионального конкурса «Содружество. Евразийские ART — Диалоги в области искусств», г. Самара; 2006 г.— диплом лауреата за I место в обл. конкурсе «Святые символы России», направление «Публицистика»; 1998 г.— диплом лауреата за I место в обл. конкурсе профессионального мастерства «Учитель года» (за литературно-музыкальные композиции), г. Самара. Член Самарского отделения РСПЛ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА.
СТЕПАН ДЕГТЯРЕВ — СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ОРАТОРИИ

Во дворе графа Николая Петровича Шереметева разгорался огромный костер. В нем исчезали рукописи. Рядом стоял молодой человек и молча взирал на языки пламени, которые превращали в прах его музыкальные труды. Молодого человека звали Степан Дегтярев. Он получил паспорт, позволяющий уехать от своего господина и самостоятельно заниматься творчеством, но тех денег, что выдал граф, не хватило даже на дополнительную подводу для нот. Вот и горят они, никому не нужные листы с хоровыми концертами и многочисленными пьесами. Грустно взирает на пепелище хозяин былого музыкального богатства. Ничего, он еще напишет! Только быстрее уехать отсюда, от неволи, от прихоти графа, хоть и образованного, но своенравного и гневливого. Сколько он обещал вольную своему образованному слуге, но так и не выдал…

Единственная подвода с нехитрым скарбом отъезжает от графской усадьбы. Степан догоняет ее и пристраивается рядом с беременной женой и маленьким сыном. Что ждет Дегтяревых в Москве? Невеселы мысли отца семейства. Ему уже сорок два года. Позади годы учебы и труда, стажировка в Италии, работа в графской капелле, выступления с Прасковьей Жемчуговой, главной актрисой графского театра, триумфальные премьеры и скромное существование в маленьком флигельке хозяйской усадьбы.

Монотонно поскрипывают полозья. Эта нехитрая музыка действует успокаивающе. Степан кутается в полушубок, вздыхает. Что там впереди? Не лучше ли было остаться на хозяйских харчах, писать музыку и не думать о хлебе насущном!

— Агафа, ты книгу мою в сундук положила? — Степан обращается к жене. Молодая женщина поднимает заплаканные глаза.

— Как не положить, положила. Только что с нее, с книги этой? Вон сколько нот сгубили, продать можно было бы в издательство. А книга эта, кому нужна?

— Ты не понимаешь, это учебник. Он — хлеб наш. Вот отдам его в издательство, деньги нам заплатят. Всем музыкантам нужна такая книга.

Степан опять замолчал. Он вспомнил, как вместе с учителем Джузеппе Сарти ездил в Италию. Так же вот они тряслись в бричке по дорогам России. А в Италии… В Италии снега нет, тепло, солнечно. Степан вздохнул.

Тихо падал снег. Неяркое солнце роняло лучи на дорогу. Искрились снежинки, делая путь веселее и спокойнее. «Déjà vu» — подумал музыкант. Он часто в мыслях переходил на французский или итальянский языки. Барин Николай Петрович был человеком образованным, но мало общительным. В свет выезжал нечасто. Не с кем было по-французски изъясняться в усадьбе, вот и выучил он своих наиболее смышленых слуг языкам. Наиболее способным оказался Степка Дехтярев, привезенный из курской глубинки. Одаренный сверх меры, голосистый и не по летам развитый, он быстро освоил французский, следом — немецкий, а для музицирования — итальянский. На всех языках бойко болтал, забавляя хозяина.

«Déjà vu», опять вздохнул Степан. Как в тумане выплыли картинки детства: вот он маленький, по зимней дороге в возке едет вместе с сестренкой и чужим дядькой в подмосковное имение барина Кусково. Сестрица вертится, ей все интересно: и дорога, и возок, в котором едут, и зимний лес в инее — как в сказке! Он, Степка, младший, никуда из своей Борисовки не уезжал, страшно ему, да и мамку жалко. Как плакала она, отпуская в неизвестность своих детей. Степка всхлипывает. Провожатый просыпается, поворачивая голову к малышу, говорит: «Ничего, пообвыкнешь, петь в киятре будешь, все лучше, чем в земле работать». Неловко прижимает малыша, заботливо кутает.— «Я тоже вот, переживал, сейчас попривык — тепло, харчи всегда есть — думать не надо, где достать. Да, так-то». Он замолкает, утомленный дорогой.

Степан вспоминает свое появление в графской усадьбе. Все изумляло мальчика: огромная территория, цветники и дорожки, большой летний графский дворец, мраморные скульптуры и фонтаны, музыкальные флюгера. Мальчик не переставал удивляться. Сколько людей вокруг, и никто землю не пашет. Все чем-то другим заняты. Это потом он, «пообвыкнув», понял логику движения здешних людей. Одни бегут на репетицию в капеллу — партии к спектаклю разучивать, другие на кухню — кушанья готовить, третьи — дорожки убирать от листьев и кусты фигурно стричь. Много народу в барской усадьбе. Одних артистов — человек сорок, а еще певчие в церкви, роговой оркестр, там тоже не одна дюжина музыкантов. И все при деле.

А еще вспомнил Степан, как учиться начал. Приводил его слуга вместе с другими ребятишками в специальный флигель, там классы были. С утра «аз» да «буки», арифметика, потом нотная грамота. А главное — никаких розог. Не то, что у них в Борисовке, чуть что — на колени или розги. Правда, Степан и в Борисовке, в школе певчих, и здесь, у графа Шереметева, учился легко, отвечал уроки бойко. Скорее играл, чем учился. Вот и определили его, как самого способного на учение к иностранному музыканту — Иоганну Фациусу, другу Бетховена, осваивать скрипку, клавесин, а на гуслях научился играть самостоятельно. Вокалу обучался у самого настоящего итальянца — Барбарини.

Долгая дорога давала возможность многое вспомнить. Разговаривать не хотелось. Да и не хотелось будить спящую жену. А может, она только делала вид, что спит. Много натерпелась молодая женщина с мужем за два года семейной жизни. Нет, он не бил, не пил, но был странным, многие его поступки были непо-

нятны Агафоне, и она тайком плакала, не смея перечить и не умея объяснить логику поступков мужа: барин разрешил Степану в университет ездить, лекции по истории и словесности слушать, а потом и преподавать дозволил. Казалось бы, радуйся, да барина благодари, а он — темнее тучи ходит — вольную ждет…

… Через три часа пути бричка медленно въезжала в Москву. Вид величественных монастырей и древних кремлевских башен вернули Степану хорошее настроение. Ему вдруг показалось, что все еще наладится: ему всего сорок два года, у него молодая жена, есть наследник, скоро будет еще ребенок, он блестяще образован, свободно говорит на четырех языках, в музыке для него практически нет тайн. А еще — он свободен, ну, почти свободен… Да, это «почти» подтачивало хрупкую нервную систему композитора, съедало его изнутри, не давало покоя: паспорт барин выдал, а вот бумагу с гербовой печатью, о даровании свободы крепостному так и не дал.

…Дегтяревы остановились на постоялом дворе. Обежав несколько доходных домов, Степан выбрал дом, где недорого сдавались небольшие квартиры с кухонькой и двумя маленькими комнатами.

Вот и началась эта свободная жизнь. Не такой она представлялась композитору. Беготня по дешевым урокам, хлопоты об устройстве на небольшие роли в театре. И совсем нет никакой композиторской работы. Она оказалась никому не нужной, его композиторская работа. А тут еще подкралась болезнь, коварная и страшная — чахотка. Болезнь, которую нельзя было излечить.

С некоторых пор Степан Дегтярев был одержим одной идеей, которую торопился претворить в жизнь, пока были силы. Он задумал написать ораторию. Текст подходящий нашел — драма Николая Горчакова «Минин и Пожарский, или освобождение Москвы». Настроение в обществе патриотическое, возвышенное — борьба с узурпатором Наполеоном. Это настроение и уловил писатель Николай Горчаков, это настроение претворил в оратории и композитор Степан Дегтярев.

Нужно убрать все, что мешает работе над главным сочинением его жизни. Степан решил жену с детьми отправить в Борисовку. Там — родительский дом, там брат, который поможет. Здесь — нищета, постоянная нехватка средств.

Предстоял непростой разговор с супругой. Неожиданно она согласилась на переезд. Только поставила условие: по окончании работы, Степан должен приехать на лето в Борисовку. На том и порешили.

С отъездом семьи для композитора началась новая жизнь. Он жил только ораторией. С самого утра, чуть позавтракав, садился за сочинение. Редкие друзья, навещавшие композитора, находили его в лихорадочном состоянии, в постоянном возбуждении. Он как-то весь осунулся, но глаза блестели, а руки постоянно были в действии, то записывая возникшие мелодии, то дирижируя невидимым хором.

Однажды в дверь комнаты, где творил композитор, зазвонил колокольчик. Он звонил требовательно и громко, заставив композитора бросить работу. Открыв дверь, Дегтярев увидел немолодого человека, хорошо одетого.

— Степан Аникеевич, простите за внезапное появление.— Незнакомец склонил голову и продолжил:— Моя фамилия вам ничего не скажет, впрочем, меня зовут Иван Никифорович, я по поручению комитета Благородного собрания.

Незнакомец поднял глаза на своего визави, словно оценивая эффект, произведенный его словами. Увидев легкую досаду, оторванного от любимого дела человека, собеседник продолжил:

— Мы наслышаны о вашей новой работе, зная вас как необычайно талантливого музыканта, предлагаем вам исполнить новое сочинение в большом зале благородного собрания.

«Вот оно, свершилось!» — мелькнуло в голове композитора. После непродолжительной беседы, договорившись о сроках и проводив гостя, композитор вновь принялся за сочинение музыки. Если до появления «заказчика» Дегтярев позволял себе некоторые паузы в работе: отдых, прогулки по парку, редкие встречи с друзьями, то теперь он полностью погрузился в творчество, забыв, казалось, и про еду, и про нормальный сон, прогулки и прочие маленькие радости. Чтобы сократить время, потраченное на собственные нужды, композитор переехал жить в странноприимный дом графа Шереметева. Казалось, он не замечает, что ест, в чем одет, что происходит вокруг. Для композитора Степана Дегтярева важна была одна музыка!

Изредка, словно придя в себя, он замечал за окном сначала дождь, а потом с удивлением видел кружащиеся снежинки — оказывается уже зима!

К февралю 1811 года партитура оратории была готова. Премьеру назначили в Доме Благородного собрания на дни поста. В пост театры не работали, можно было исполнять только музыку духовную или сугубо церковную.

И вот уже партии тщательно разучены под руководством самого автора. Подсвечники начищены, паркет блестит, кресла выбиты от пыли, занавеси отглажены. Все готово к премьере!

В день премьеры, 9 марта 1811 года, казалось, вся Москва собралась в громадном зале Дома Благородного собрания.

Степан Аникеевич предстает перед оркестром и хором в новом фраке, подаренном по случаю премьеры барином, графом Шереметевым. Оркестранты замечают лихорадочный блеск глаз дирижера и яркий румянец, но относят это к волнению. Есть от чего волноваться! Вся знать на премьере!

Взмах рук, и началась увертюра. Руки Дегтярева, точные и пластичные, уверенно дают вступление каждой группе инструментов. Музыка, такая непохожая на все то, что когда-то здесь звучало, но вместе с

тем, напоминающая на уровне подсознания что-то будто давно слышанное, впитанное с молоком матери, но забытое, всколыхнула слушателей. Каждый номер, начиная с героической увертюры и, заканчивая сольным или хоровым, встречался шквалом аплодисментов.

Это был настоящий триумф! Непостижимым образом композитор попал в самые глубины сознания каждого слушателя, проник в сердце каждого присутствующего, захватив не столько сюжетом, сколько магией звуков, мелодическими линиями, в которых чудесным образом переплелись интонации родного народа, переработанные в классические формы.

Долго еще Москва шумела, обсуждая необычную премьеру. Фактически, это была первая в России оратория, к тому же созданная на отечественный сюжет.

Дегтярев не ждал особых милостей, но был уверен, что теперь-то уж непременно получит вольную… Не дождался. Он умер через два года после премьеры, в теплый апрельский день, когда по всей Москве журчали ручьями истаявшие снега.

Премьера оратории в северной столице прошла с триумфом уже после смерти композитора. Жена и дети композитора не получили за отца семейства никаких денег и вынуждены были почти два года побираться.

Все семейство Дегтяревых, в том числе и Степан Аникеевич, получило вольную летом 1815 года. Но на что она была им. Покойному — абсолютно без надобности, а семейство лишилось возможности хоть изредка получать какие-то деньги от графа. Видимо, поэтому жена композитора вместе с сыновьями отказались от вольной и вернулись в графское имение — работа, какое-никакое питание, жилье и одежда были им гарантированы.

Несмотря на то, что оратория после смерти композитора через несколько лет была исполнена в северной столице, музыка его звучала не так часто.

Так бы и пропало имя талантливого музыканта Степана Дегтярева, если бы не соотечественник его, родившийся за год до кончины композитора, еще один музыкант-самородок, из той же слободы Борисовки, крепостной Шереметевых — Гавриил Ломакин. Ему пришлось возрождать пришедшую в упадок хоровую капеллу Шереметевых, которой некогда руководил Степан Дегтярев. Среди нот, доставшихся ему по наследству, оказались и ноты хоровых концертов Степана Дегтярева. Гавриил Ломакин возродит не только славу хоровой капеллы Шереметева, но вернет к жизни многие сочинения Степана Дегтярева.

Мы не знаем, как выглядел выдающийся композитор — не сохранилось ни одного его прижизненного портрета. Память о нем — в его музыке, которая обретает новую жизнь, и в книге — перевод труда итальянца Винченцо Манфредини «Правила гармонические и мелодические для обучения всей музыке…», которой пользовалось несколько поколений музыкантов. Уже в 20 и 21 веках, вспомнив о заслугах композитора, его именем назовут улицы: в родной Борисовке, в Курске и Белгороде. А еще Белгородскому музыкальному училищу присвоят имя Дегтярева, а перед входом в него установят памятник. Это памятник композитору, дирижеру, руководителю хора. Для нас Степан Дегтярев такой, каким его представил наш современник, скульптор А. Смелый,— вдохновенный, трепетный, талантливый музыкант, отдавший жизнь искусству без остатка.

Август-октябрь 2023 года

Геннадий МАРКИН
г. Тула

Яков ШАФРАН
г. Тула

«ПРОЩЕНИЕ — ЭТО ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ЗАВЕЩАЛ НАМ ГОСПОДЬ!»

К пятнадцатому юбилейному выпуску литературно-художественного альманаха «Ковчег»

Руководитель творческого совета журнала «Приокские зори» ***Геннадий Маркин*** *взял интервью у главного редактора «Ковчега»* ***Якова Шафрана****.*

Г. М. *Яков Наумович, мы с тобой знаем друг друга уже больше десяти лет. Не один год вместе служим нашему журналу «Приокские зори», в жизни общаемся друг с другом на «ты». Если не против, давай и в нашей сегодняшней беседе будем общаться на «ты»?*

Я. Ш. Конечно, не против, Геннадий Николаевич! А если точнее, то познакомились мы с тобой на одном из занятий в «Пегасе» у Марка Самойловича Дубинского, где я читал свое стихотворение «Шестьдесят пять», посвященное 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Г. М. *Да я помню то занятие и первую нашу встречу. Я всегда с теплотой в душе вспоминаю своего учителя писательскому делу Марка Самойловича Дубинского и всех наших сокурсников по литературному объединению «Пегас»! Яков Наумович, сегодня наш с тобой разговор приурочен к юбилейному — пятнадцатому по счету — номеру литературно-художественного альманаха «Ковчег». Ты — главный редактор и составитель альманаха, но это, во-вторых, а во-первых, ты его создатель. Расскажи, как и когда пришла идея создания альманаха, с какими ты трудностями столкнулся при его создании, и какие изменения пережил альманах за годы своего существования?*

Я. Ш. Да, ты прав, альманах — мое детище. Мечта о создании подобного издания жила в моей душе давно. В 1991-м году я познакомился с одним человеком, вхожим в тульские комсомольские верхи. И предложил ему обратиться к ним, с целью создания журнала. Для образца я напечатал на пишущей машинке, на серой бумаге, единственно продававшейся тогда в канцелярских магазинах, примерный «оригинал-макет» предполагаемого издания. Включил туда, естественно, вступление — почему и для чего оно необходимо,— несколько небольших работ Николая Константиновича Рериха — сейчас уже не упомню каких,— свои рассказы и стихи, а также несколько работ других авторов, опять же память подводит кого. Знакомый согласился и отнес. Ответ не заставил себя ждать: «Их это сейчас не интересует!»,— сообщил мне он после своего визита «в верхи». Естественно, рукопись осталась у них. Как говорится, «купец читать не должен, купец считать должен». К чему они тогда стремились, мы теперь хорошо знаем. Но не будем о грустном…

Вторично идея создания сборника пришла ко мне в процессе общения с литераторами, собиравшимися на литературных вечерах в Тульской духовной семинарии, со временем вылившихся в создание клуба «Ковчег». В частности, помню, что увлеченно общался на эту тему с Людмилой Дмитриевной Алтуниной, поддержавшей идею.

Трудностей в создании альманаха не было. Поскольку финансирования со стороны Тульской духовной семинарии не последовало — на этот счет образно выражается главред наших «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин,— то единогласно решили издавать за счет авторов. А Алексей Афанасьевич ускорил дело, быстро договорившись с руководителем Издательства Тульского государственного университета Олегом Викторовичем Пантюхиным, чтобы было дешевле. Для чего меня научили сделать такой оригинал-макет, чтобы с него можно было сразу распечатывать на ризографе и не подбирать листы для сшивки. Таким образом, в октябре 2011-го года вышел в свет 1-й выпуск альманаха «Ковчег».

В отношении изменений. Да, они произошли. Во второй выпуск альманаха я поставил предложенный Алексеем Афанасьевичем Яшиным его рассказ «Второе воскрешение Лазаря». «Ковчег» тогда выходил одновременно как орган Тульского православного литобъединения при Тульской духовной семинарии и журнала «Приокские зори». Главный редактор журнала полностью доверил мне формирование альманаха, а в

семинарию я отдавал макет для утверждения. Означенный рассказ вызвал протест, последовало предложение исключить его из сборника.

Нужно сказать, что рассказ, кстати, опубликованный и в №1 за 2008-й год журнала «Приокские зори», мне очень понравился и своим художественным мастерством и своей направленностью против лжи и стремления к наживе любой ценой, пронизывающих наше общество особенно тех лет. В начале повествования автором приводится шутка, в которой Христос, якобы желая помочь бедным и несчастным больным, страдающим от «корыстолюбивых врачей-выжиг», приходит на Землю и устраивается врачом-терапевтом в городскую поликлинику. На первом же приеме он сталкивается с «профессиональным больным», на коляске вкатившемся в кабинет. Из жалости он говорит тому: «Встаньте, больной, с кресла и идите». Больной встает и недовольный выходит за дверь, жалуясь, что с него теперь снимут инвалидность… Далее в рассказе повествуется о студенте-медике, мечтающем не о помощи людям, а об обогащении на их болезнях и страданиях. И вот такой рассказ вызвал негодование.

Один проповедник — правда, не православного вероисповедания — однажды в разговоре сказал, что, мол, Каиафа — первосвященник в Иудее в годы проповедей и казни Иисуса — не мог поступить иначе. Да, Каиафа был главным фарисеем среди фарисеев и книжников, то есть ставил форму и догму выше содержания, выше истины, что и доказал на деле.

В случае с рассказом Алексея Афанасьевича Яшина я столкнулся с тем же фарисейством: сущность поднимаемых в рассказе тем была отставлена в сторону в угоду форме и догме. А я не фарисей и не предатель, я не мог лгать, даже боясь потерять поддержку семинарии и Епархии, и не мог предать человека, который поддержал меня, как писателя и издателя. Но «супротив ветра не подуешь», и в итоге альманах стал выходить со второго выпуска под эгидой только «Приокских зорь».

Однако будем прощать, ведь **прощение — тоже любовь, которую завещал нам Господь!**

Г. М. *Слово Ковчег имеет несколько значений. Это ящик, короб, сундук, вместилище для хранения чего-либо, а еще Ковчег — это судно, в котором по библейскому сказанию, спасся от всемирного потопа Ной с семьей и животными. В контексте альманаха «красной нитью» обозначена его духовная составляющая. Именно поэтому ты назвал свой альманах «Ковчегом» или в названии заложен другой смысл?*

Я. Ш. Да, ты прав, Геннадий Николаевич, название «Ковчег» имеет духовный смысл. И подзаголовок альманаха — «Православие в наших душах»,— заимствованный из «Приокских зорь», в котором ранее, до появления издания была одноименная рубрика, говорит о том же. Ведь духовность понимается мною не в атеистической интерпретации, не как антиправославие, не как следование какому-то одному, узко понимаемому направлению, и тем более не как фарисейство, а именно как внутреннее, сердечное следование Истине. А она выражается просто: где Любовь и Правда, там и Бог!

Слово «ковчег» является символом спасения. Потому оно и было взято в название альманаха. Спасение же видится в отказе от лжи, от мздоимства, от фарисейства на всех уровнях, а, напротив, — в Истине как Учении Света, в служении ей, в любви к Богу, к людям и к своей Родине, в том, чтобы ставить духовное выше материального, сущность выше формы и общее выше частного. Вот это и есть истинная религия, живущая в сердцах истинно верующих в Бога, во Владыку всего и вся. Этому, в силу своих скромных способностей и сил, я и авторы и стараемся следовать в «Ковчеге».

Г. М. *Альманах «Ковчег» принято считать — тульским, хотя в нем публикуются авторы не только из Тулы и области, но и других российских регионов и ближнего зарубежья. Расскажи о географии авторов альманаха.*

Я. Ш. Вначале в «Ковчеге» публиковались авторы только из Тулы и Тульского края. Однако уже с 3-го выпуска к ним стали добавляться пишущие из Москвы, Серпухова, Тольятти и даже болгарского Тырнова. Далее, по принципу расширяющихся кругов, по мере распространения информации, авторами стали уже люди из других тульских городов, из Самары и Волгоградской области, а в 5-м выпуске — из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Красноярска, Братска, Горно-Алтайска и даже Дании…

Не буду утомлять тебя перечислением мест проживания авторов каждого выпуска, приведу лишь данные нынешнего, юбилейного выпуска, выписанные мною в процессе подготовки к интервью. В него вошли писатели и поэты Тулы и Тульской области: из Щекино, из Архангельского и Яблонево Каменского района, из Узловой, из Киреевского района, из Алексина; а также из Москвы и Каширы Московской области, Калининграда, Санкт-Петербурга, Смоленска, Архангельска, Сокола Вологодской области, Брянска, Сельца и Нетьинки Брянской области, Белгорода, Орла, Медвенки Курской области, Лебедяни Липецкой области, Симферополя, Новочеркасска Ростовской области, Ижевска, Самары и Тольятти с Нефтегорском Самарской области, Пензы, Нижнего Новгорода и Истомино Нижегородской области, Стерлитамака Башкирии, Омска и Красноярска; кроме того, уже по сложившейся традиции, из ближнего и дальнего зарубежья: из Баку Азербайджана, Минска, Бобруйска и Бреста Белоруссии, Семипалатинска Казахстана, Любляны Словении, Стамбула Турции и Рочестера США.

Таким образом, ты видишь: ареал авторов «Ковчега» широк, как и, пользуясь словами известной и любимой песни, «широка страна моя родная» — имею в виду территорию Советского Союза, который считаю своей большой Родиной. Авторы из стран дальнего зарубежья, участвующие в каждом выпуске альманаха, значительно расширяют его ареал.

Г. М. *Яков Наумович, альманах «Ковчег» намного моложе некоторых тульских альманахов, но, тем не менее, он нашел свое место в культурной, литературной и духовной жизни России. В чем на твой взгляд заключается особенность судьбы альманаха?*

Я. Ш. Ну, начнем с того, что возраст не играет определяющей роли ни в жизни известных литераторов, ни в жизни журналов и альманахов. Так, например, многие великие поэты проявили свою гениальность в ранние годы. Пушкин плотно взялся за поэзию в возрасте 13—15 лет. Лермонтов опубликовал известное стихотворение «Весна» в 16 лет, в 1830 году. Знаменитую «Березу» Сергей Есенин написал и напечатал в 18-летнем возрасте.

В конце 1824 года начал выходить в свет издаваемый Антоном Дельвигом альманах «Северные цветы». И уже с первых выпусков, по мнению современников, единодушно был признан его высокий авторитет. В те же годы стал выходить альманах «Полярная звезда», который выпускали Алексей Бестужев и Кондратий Рылеев. Только три его номера увидели свет. Однако он стал одним из самых успешных у читателей начала XIX века. В 1894—1895 годы Валерий Брюсов выпускал альманах «Русские символисты». И символизм, благодаря всего только трем тонким сборникам, получил широкое признание.

Таких доказательств можно привести с избытком. Извини за экскурсию в прошлое, но это просто очень характерные примеры независимости популярности от возраста как автора, так и издания.

Что же касается «Ковчега», то, думается, его популярность, не только в Тульском крае, но и далеко за его пределами, связана с его духовностью, понимаемой как Свет Любви, а не как цитатно-догматическое учение какой-либо религии или философии. Любви, а не какой-либо формы. Это и есть духовность, ее высшее проявление. В доказательство этого в выпусках приводятся высказывания многих духовных подвижников. Потому альманах не стал уподобляться некоторым изданиям, декларирующим: «Мы публикуем такой-то направленности произведения такой-то направленности авторов в такой-то направленности издании».

Может быть, популярность «Ковчега» связана и с его культурной ориентацией, основанной на творчестве таких известных деятелей Русской культуры, как Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи, Александр Иванович Субетто и многие представители русской и советской классической литературы. Ведь, в том числе, в нем приводятся высказывания их и о литературе, о творчестве и о нравственности, что представляет немалый интерес для авторов.

Большое значение для популярности играют и разделы альманаха, посвященные обороне Тулы, Победе в Великой Отечественной войне, подвигу наших российских воинов в СВО, а также разделы «Родословие» и «Детям и о детях».

Имеет значение, наверное, и оформление альманаха. Так на обложке изображен храм Покрова на Нерли, каждый раздел предваряется изображением на духовную тему. Да и само название «Ковчег», и девиз его «Православие в наших душах» играют свою роль.

А может быть, альманах популярен и потому, что авторы и читатели чувствуют лежащее в основе доброе отношение к ним, к их творчеству как исповеди души.

Однако главное все же, видимо, благословение Свыше.

Г. М. *В альманахе постоянно публикуются такие популярные и именитые авторы как: Евгений Скоблов, Алексей Яшин, Ирина Кедрова, Валерий Савостьянов, драматург Рагим Мусаев и другие. А кому из начинающих авторов альманах дал путевку в литературную жизнь?*

Я. Ш. Я бы хотел немного расширить рубрику «другие» из твоего вопроса. Из известных литераторов, печатающихся в «Ковчеге», хотелось бы отметить, плюс к названным тобой, авторов из Тульского края: Валерия Ходулина, Валерия Маслова, Николая Жукова, Викторию Ткач, Сергея Овчинникова, Геннадия Маркина, Сергея Крестьянкина, Николая Макарова, Эдуарда Георгиевского, Евгения Трещева, Валентина Огнева, Людмилу и Вячеслава Алтуниных, а также Аллу Новикову-Строганову из Орла, Ольгу Борисову из Самары, Лидию Довыденко из Калининграда, Игоря Егорова и Евгения Асташкина из Омска, Александра Субетто из Санкт-Петербурга и Валерия Сухова из Пензы. Боюсь, что я не всех назвал по памяти, прошу их простить…

Что касается начинающих, для которых публикация в «Ковчеге» стала дебютом в их литературной жизни, то следует сказать о следующих авторах. Это Светлана Шинко из Тулы, на то время студентка Тульского государственного университета. Ее первая публикация — эссе «Лестница» — в периодическом издании была в первом выпуске «Ковчега» 2011 года. Первая публикация стихов туляка Даниила Артамонова, ученика 8-го класса, в периодическом издании состоялась в выпуске втором, 2012 года. У Зои Пыряевой из села Большой Толкай Похвистневского района Самарской области, самодеятельного сочинителя песен и исполнителя их, ноты и текст песни впервые напечатаны в литературном издании, в выпуске втором, 2012 года. Также Людмила Резвякова из Тулы, самодеятельный поэт, первая публикация ее стихов была в выпуске четвертом, 2014 года, и Элина Иванова из Тулы, 1993 года рождения, на тот год студентка Санкт-Петербургского университета, первая публикация стихов состоялась в пятом выпуске альманаха в 2015 году. Еще первая публикация в периодическом издании была у тулячки Ольги Андреевой, народного мастера России, занимающейся возрождением тульской игрушки, члена Союза художников России. Это ее сказ для детей в пятом выпуске, 2015 года. Следует отметить и Милену Сухорукову из города Армавира, семнадцати лет, в 2018 году учащейся 10-го класса лицея, с первой публикацией ее эссе в восьмом выпуске; и Елену Сапроно-

ву из деревни Михайловка Каменского района Тульской области, первая публикация стихов которой в периодическом издании была в восьмом выпуске, 2018 года.

Г. М. *Сегодня многие литературные альманахи и журналы, в том числе и некогда именитые, находятся в жесточайшем кризисе, к сожалению, «Ковчег» не исключение. Как обстоят дела с изданием альманаха в бумажном варианте?*

Я. Ш. Да, журналы, и вообще издательское дело, находятся в кризисе. И он не мог не коснуться и «Ковчега», как говорится, альманах не мог остаться в стороне. Поскольку он не имеет финансирования, а издавался сугубо за счет авторов, то резкое увеличение и постоянный рост стоимости печатания экземпляров привели к тому, что бумажное издание стало не по силам участникам альманаха. Тогда было принято тяжелое решение отказаться от традиционного тиража и перейти на электронный вариант. С 2024-го года, то есть с 14-го выпуска, «Ковчег» стал размещаться только в Интернете: на сайте журнала «Приокские зори», альманахом которого он является, и на сайте Тульского отделения Союза писателей России. Кроме того оригинал-макет выпуска высылается каждому его автору и информация о нем, со ссылкой на его электронное издание, размещается на моих веб-страницах в «ВКонтакте» и «Одноклассниках», а также на страницах: «Академия российской литературы», «Тула литературная», «Российский писатель», «На крыльях “Пегаса”» и «Русь литературная».

К слову сказать, нет худа без добра, переход на электронный вариант издания позволил размещать цветные фотографии авторов, цветные иллюстрации и делать цветные внутренние стороны обложки, что ранее было невозможно из-за большой стоимости размещения цветных изображений в печатном варианте.

Однако, тем не менее, я с постоянной ностальгией смотрю на бумажные выпуски альманаха и с удовольствием держу их в руках. И думаю, может быть, когда-нибудь произойдет чудо и станет возможным типографское напечатание «Ковчега».

Г. М. *В электронном варианте альманах читают?*

Я. Ш. Да, читают. Знаю об этом по обратной связи, по письмам, присылаемым авторами. Как ни любим мы печатную книгу, однако нельзя не отметить того, что люди все больше читают и слушают аудиокниги в Интернете. Сам грешен, занимаясь хозяйственными делами, включаю что-нибудь из классики.

Г. М. *Сейчас почти вся литературная жизнь — в интернете. Как думаешь: бумажная книга выживет?*

Я. Ш. Думаю, выживет. Ведь, как ни удобен Интернет, держать в руках печатную книгу — праздник. Любую книгу всегда можно взять в руки с полки, полистать, почитать и вновь бережно поставить на место, чтобы через некоторое время снова пообщаться с ней. Книгу мы держим в руках, она хранит тепло наших рук, внимание нашего взгляда. Бумажная книга живая, она изменяется с течением времени, как и тело человека. Каждый, читающий ее, привносит в нее себя, свою личность. Этого всего нет с интернет-страницей.

Г. М. *Яков Наумович, ты не только редактор и составитель альманаха «Ковчег», но и прекрасный прозаик и поэт. Ты — автор таких книг: «Любимая, прости», «Спасение рядом», «Жизнь, как один день», «В пути» и других. Скажи, пожалуйста, работа редактора альманаха не мешает литературному творчеству?*

Я. Ш. «Прекрасный» — это преувеличение, Геннадий Николаевич, но стараюсь совершенствоваться… Мною издано десять книг стихов и прозы, а написано, по общему объему материалов, плюс еще около пяти-шести за последние четыре года, только вот средств для напечатания их уже нет…

Конечно, труды ответственного редактора-секретаря нашего общего с тобой журнала «Приокские зори», а также переписка с авторами, составление, верстка и редактирование «Ковчега» отнимает много времени. Однако, памятуя, что общее выше личного, ставлю указанную работу на первое место. И все же для творчества — поэтического, художественной прозы и публицистического — нахожу достаточно времени, благо нахожусь в золотом пенсионном возрасте, когда не нужно тратить часы на иную деятельность. К тому же, при свободном планировании, техническую работу можно выполнять, когда музы на время покидают тебя.

Г. М. *Расскажи, как и когда ты пришел в литературу? Какое твое слово было вначале: поэтическое или прозаическое?*

Я. Ш. Первое стихотворение я написал в 1968-м году в возрасте восемнадцати лет у Вечного огня на площади Победы в Туле. Далее было поэтическое посвящение Сергею Есенину и любовная лирика. Кстати, на то стихотворение о Есенине, уже в нынешний век, написано три песни: Глорией, Марией Михайловой и Зоей Пыряевой. Потому вначале были стихи.

Первые же мои публикации статей, стихов и рассказов были в газете «Молот» завода «Штамп», в «Молодом коммунаре» Тулы и в «Социалистической индустрии» в 1986-м году. В 2007-м году в Москве я участвовал в коллективных поэтических сборниках Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» «Планета “Душа”», «Времена года» и других. В том же году я стал размещать свои стихи на сайте «Стихи.ру» и прозу на сайте «Проза.ру» и на других ресурсах в Интернете. Первыми моими авторскими книгами стали «Любимая, прости» в 2008-м и «Спасение рядом» в 2009-м годах. Кроме этих публикаций, все годы я писал, так сказать, в стол.

В 2009-м году я познакомился с Алексеем Афанасьевичем Яшиным и нашим журналом «Приокские зори» и со второго номера журнала, 2010 года, стал постоянно публиковаться в журнале. Наверное, это и следует считать приходом в литературу. Кстати, благодаря этим публикациям в период с 2011-го по 2020-й годы увидели свет еще восемь книг: «Жизнь как один день», «В пути», «Льется жизни стих», «Круг замкнулся», «Человек человеку», «Ностальгия», «Так чувствует сердце» и «Восхождение».

Г. М. *В социальных сетях встречаю цикл твоих публикаций об ученике Николая Рериха — Борисе Абрамове и его книге «Грани Агни-йоги». Скажи, пожалуйста, духовно-философские темы тебя, скажем так, поглотили полностью, или все же писатель Яков Шафран еще порадует своих читателей замечательными литературно-художественными произведениями?*

Я. Ш. Спасибо, Геннадий Николаевич, что ты затронул эту тему, ибо для меня духовное имеет большое значение. Да, я много публикую на своих страницах в Интернете отрывков из книг Бориса Николаевича Абрамова, кстати, последние одиннадцать лет своей жизни проживавшего в Веневе Тульской области.

Борис Николаевич Абрамов родился в Нижнем Новгороде в семье военного и потомственного дворянина. Во время Первой мировой войны, после военного обучения, он вначале служил старшим офицером роты в батальоне артиллерии Приморского фронта, а весной 1918 года был командиром этого батальона. Во время Гражданской войны Абрамов вместе со своей воинской частью оказался в составе армии Колчака, трагически вместе с ней прошел весь ее путь и в итоге оказался в Маньчжурии. В эмиграции, в Харбине он работал помощником лаборанта, лаборантом, был служащим, преподавал. Там же он женился на Нине Ивановне, родившейся в Харбине и ставшей его единомышленницей и спутницей до конца жизни.

С молодости Борис Николаевич находился в серьезных духовных поисках. В середине тридцатых годов он познакомился с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерихами, посетившими Харбин во время своей Маньчжурской экспедиции. Это событие стало ключевым для дальнейшей жизни Абрамова. Он был посвящен в Учение Живой Этики — в вопросы бесконечной эволюции Вселенной и человечества, в их многоуровневом и многомерном взаимодействии; в наличие единых космических Законов, руководящих развитием всей Жизни; в то, что основные сферы деятельности человека — это его духовно-нравственное совершенствование, расширение познания, творчество и труд на общее благо. Данные идеи стали очень близкими Борису Николаевичу, и он всей душой признал Николая Константиновича Рериха своим духовным наставником. Все годы до ухода из жизни Николая Константиновича Рериха в 1947-м году и Елены Ивановны Рерих в 1955-м они переписывались с Абрамовым, именуя его «духовным сыном».

После этой встречи длительное время Абрамовы ждали возвращения на Родину как выполнения завещания Рерихов: ехать именно в Россию, в будущую Новую страну, страну будущей Новой культуры. Это осуществилось, и в 1959-м году семья Абрамовых переехала в СССР.

По переезде Борис Николаевич посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, поклонился и совершил молитву перед мощами преподобного Сергия Радонежского. Он, как и Рерихи, всем сердцем чтил его — великого духовного Покровителя, Заступника и Водителя, основополагающе повлиявшего на духовную культуру и государственность России.

В Веневе Абрамов занимался преподаванием английского языка на вечерних курсах, репетиторствовал для поступающих в вуз и помогал реставрировать колокольню Николаевского храма.

Основным же трудом всей жизни Бориса Николаевича стало ведение духовно-философских записей, начавшихся в 1940-м году, продолжавших в развитии положения и темы Учения Живой Этики и определяющих наиболее реальный и эффективный путь самосовершенствования, по которому он постоянно и упорно шел всю жизнь вплоть до 5 сентября 1972 года, когда ушел из жизни. Всего в период 1951—1972 годов был составлен 31 том записей.

Прошу прощения за довольно длительный ответ на первую часть твоего вопроса. Теперь о том, полностью ли поглотили духовные занятия время и внимание писателя Якова Шафрана. Отвечу так: как ты правильно понял, Учение Живой Этики имеет для меня большое значение и, безусловно, влияет на мое творчество. Если ты сравнишь мои рассказы, статьи и стихи, написанные лет семь-восемь тому назад, с вышедшими в течение данного периода, то убедишься в этом. Кроме того, и количество произведений, выходящих, если так можно выразиться, из-под моего пера, увеличилось. Так что, если Бог даст, «еще не вечер»…

Г. М. *Не могу с тобой не затронуть такую горячую на сегодня тему как СВО. Сегодня наша страна на своей исконно южнорусской земле ведет бой с войсками НАТО. В том, что Победа будет за нами, за Россией, я не сомневаюсь. Сегодня — война другая. Если, например, военные корреспонденты и писатели времен Великой Отечественной войны могли смело написать о героях, не скрывая их фамилии, имена и воинские звания, то сегодня такое можно не всегда, слишком опасно! Пример: имевшие место случаи террористических актов, совершенных против наших военных в российских регионах и Москве. Как современному писателю сегодня писать литературные произведения о героях СВО: вместо имен указывать позывные или изменять имена? Боюсь, в таком случае получится пародия на литературное произведение. Хотелось бы узнать твое мнение и, может быть, рекомендации для писателей?*

Я. Ш. Да, согласен, уже много столетий продолжается агрессия западной цивилизации, в том или ином составе и качестве, против России во всех ее ипостасях — Древней Руси, Русского царства, Российской империи, Советского Союза и нынешней страны. На эту тему написаны мои статьи: «Западная цивилизация

— антипод Русской цивилизации», «Ударный механизм западной цивилизации», «Русофобия — это нацизм и расизм», «Доморощенные чужеземцы», «Чума во время пира» и «Страна сплетенных рук».

Все дело в трех аспектах. Первый заключается в принципиальной разнице двух цивилизаций, Запад — это каинитская общность, а Россия — авелическая, потому западный мир и старается уничтожить Русский мир как духовную угрозу своего существования. А второй заключается в существовании, так называемого в западной терминологии, Хартланда, который практически совпадает с территорией бывшего СССР, и владение которым есть ключ к полному управлению миром. Ну и, наконец, богатейшие запасы всего перечня полезных ископаемых не следует сбрасывать со счетов. Поэтому нынешняя агрессия НАТО и нацистской Украины как прокси государства против России — «бездна бездну призывает» — является продолжением все той же «бесконечной истории».

Завершая небольшой экскурс в историю, хочу сказать, что наша страна во всех войнах против нее, за исключением некоторых сражений, всегда одерживала победы или через некоторое время брала реванш за недавнее поражение. Поэтому я также уверен, что Победа и ныне будет за нами!

Относительно твоего вопроса об именах и позывных, то, думаю, в военной публицистике необходимо использовать позывные, если мы говорим о конкретных бойцах — таково веление нынешнего времени. В романах, повестях и рассказах, а также в стихах, можно писать как о реальных людях, так и представлять читателю вымышленные персонажи — правоту этого доказывает вся предыдущая русская и советская литература. Возьми, например, «Войну и мир» Льва Толстого, где присутствуют и те и другие. В современной литературе, посвященной СВО, конечно, чтобы не было путаницы, именуя героев, нужно использовать или только позывные, или только вымышленные имена. Повторяю, когда это художественная литература.

В своем рассказе «Добровольцы», написанном в 2018-м году и посвященном событиям 2013—2014 годов на Донбассе, я писал о вымышленных героях: Артеме, Викторе, Сергее и Марии. Тем не менее, рассказ был признан и напечатан в ряде журналов, таких как: «Дальний Восток», «Врата Сибири», «Голос эпохи», «Приокские зори» и в «Российском писателе». А в этом году, через шесть лет после написания, я неожиданно узнал, что он вошёл в сборник «За что любят Родину», вышедший в издательстве «Родина» в серии «СВО».

В стихах же о спецоперации я пишу либо от своего имени, например, «Под Херсоном на сером рассвете / Я в дозоре, за мною страна…», «Рядом фронт, я у самой границы…», либо использую местоимения «ты» или «он»: «Ты пал бойцом сраженным…», «О чем ты задумался, русский солдат…», либо использую имя нарицательное — «Но боец свой окоп не покинет». А иногда и позывной, если речь идет о конкретном человеке — «Целился враг и коварно, и подло — / Именно «Нику» сразить наповал…».

Г. М. *Яков Наумович, нынешний 2025 год — это не только год выхода пятнадцатого номера литературно-художественного альманаха «Ковчег», но и год твоего 75-летнего юбилея, но не буду заранее поздравлять тебя с этим праздником, как говорится: всему свое время (интервью готовилось до юбилея Г.М.). За плечами — большая жизнь и огромный литературный багаж! Скажи, пожалуйста, что еще не сделал из задуманного? Если не секрет, поделись литературными планами.*

Я. Ш. Каждый человек в конце своей жизни пересматривает ее от самого начала. Мой жизненный маршрут был извилист, я метался от одной тропы к другой, блуждал, падал, поднимался и снова искал. Сейчас, найдя Истину, стараюсь, прежде всего, ежедневно возрастать духовно и вносить духовные знания в мое творчество.

Кроме того, находясь, так сказать, в достаточно большом возрасте, считаю, что недостаточно любил свои малые родины — Брагин, где родился и провел свое детство, и Тулу, где рос и развивался,— и большую Родину; недостаточно заботился о них и служил им. А также недостаточно любил и заботился об ушедших родителях и своих близких. Поэтому сейчас творчество также стараюсь посвятить тому, чтобы хоть как-то наверстать упущенное, хоть словом, памятью, сердечной благодарностью, душевным участием и уважением; и помочь стране своей гражданской позицией — всем, чем могу, чем в силах.

С этими же целями делаю публикации на своих страницах в «ВКонтакте» и «Одноклассниках» и публикую материалы на страницах «Сражающееся слово!» и «Тула литературная».

Отсюда и планы мои — сколько сил хватит продолжать начатое! Как говорил один тренер оздоровительного бега: «Хочу умереть не в постели, а на беговой дорожке!».

Г. М. *И в заключение нашей беседы, хочу тебе задать мой традиционный вопрос: что бы ты пожелал авторам и читателям альманаха «Ковчег»?*

Я. Ш. В наше трудное время хочу пожелать каждому человеку, несмотря ни на что, радости, оптимизма и не быть пассивными, а, напротив, принимать самое активное участие, каждому на своем месте, в деятельности для, во-первых, победы нашей Родины в отражении западной агрессии в нынешней гибридной войне, и во-вторых, для того, чтобы Россия становилась страной Света и Процветания. А авторам, памятуя о значении Слова, посвящать свои произведения не только чистой поэзии и чистой прозе, но, прежде всего, данным темам. Другими словами, описывая розы, не забывать про морозы…

Валентин ОГНЕВ

г. Щекино Тульской области

Огнев Валентин Михайлович родился в 1956 г. в д. Вишневой Становлянского р-на Липецкой обл. По образованию юрист. Полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Член ТРОПО «Знание», награжден медалью «Профессор В. Н. Ашурков. Подвижник просветительства». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Печатается в СМИ Тульской и Липецкой обл. по краеведческой тематике. Был участником IV областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме "Родословная Огневых"». Является автором книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское», «Край родной дикого поля, «Край родной. С. Ламское. Голицыны», «Край родной. От Смутного времени», «Край родной. Великая Отечественная война». Принимал участие в проекте «Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд». В сборниках № 2, 3, 4 «Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской духовной семинарии», напечатаны работы на православную тематику. Участник Международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященного 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «Город-герой». В двухтомнике, изданном по итогам этого мероприятия, «Мы помним …», напечатана работа Валентина Михайловича «Увековечим память». В составе рабочей группы как исследователь и автор подготовил справку на соискание почетного звания Тульской обл. «Ефремов — город воинской доблести». Опубликованы рассказы: в сборнике Становлянского краеведческого музея Липецкой обл. «Юность комсомольская моя» — «Время становления комсомолии Волынского района»; в книге «Тульские усадьбы. Времена и нравы» — «Село Ламское. Голицыны»; в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова напечатана работа «Современные краеведческие находки "Память о М. Ю. Лермонтове"». Участник III всероссийской научно-практической конференции с международным участием по теме «Наследие М. Ю. Лермонтова как часть региональной культуры Липецкого края». Печатается на страницах журнала «Приокские зори», литературно-художественного альманаха «Ковчег», альманаха Тульской региональной общественной просветительской организации «Знание» «Дым Отечества. В поисках утраченного». На собственном сайте http://kraeved71-48.ru/ публикует материалы краеведческого и генеалогического характера. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЗАРОЖДЕНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЩЕКИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Город Щекино Тульской области до закрытия шахт считался городом шахтеров, а в настоящее время его называют городом химиков. Но химическая и угольная промышленность развивались параллельно со второй половины 19 века. Мы остановимся на становлении химического производства в 19 и начале 20 веках в населенных пунктах Новая Колпна и Старая Колпна. Первое химическое производство начало работать в д. Новая Колпна, на улице Южной современного города Щекино. Основную роль в этом сыграло обнаружение полезных ископаемых: во-первых, колчедана для производства продукции — кислот.

Родионом Родионовичем (Ричардом Ричардовичем) Гилль (так записано в источнике ф. 4 оп. 2 д. 159) 26 мая 1869 года был запущен стеклянный завод, который проработал всего полгода. Производство оказалось не выгодным и предприятие было остановлено. Но Гилль не прекратил свою деятельность. В 1870 году был запущен химический завод, на котором производилась серная и соляная кислота. Под выражением запущен надо понимать начато строительство. Из дела 407 описи 1 фонда 743 Тульского архива видим, что оформление отдельных документов по заводу и подготовка к пуску производства происходили в 1873 году.

23 октября 1873 года на основании доверенности «Торгового дома Гилля и К» прусский подданный Франц Васильевич Геннике на имя Государя Императора Александра Николаевича писал прошение (ГАТО ф. 743 оп. 1 д. 407). К прошению прилагались проекты на устройство завода выработки серной кислоты и железного купороса, стеклянного и кирпичного заводов. В документе говорилось, что необходимо было утвердить представленные чертежи и разрешить «доверителям устройства заводов, на принадлежащей земле купцу Гилля, находящейся Тульской губернии, Крапивенского Уезда 2-го стана при селениях Озерки и Колпне».

8 ноября 1873 года прошение рассматривает Губернское Правление и издает Указ № 742. В Указе оно ссылается на решение строительного отделения и утверждает чертеж на введение зданий заводов для производства серной кислоты и железного купороса, а также стеклянного завода для производства бутылок для

серной кислоты. При утверждении были даны и рекомендации: о проведении испытаний паровых котлов с получением клейма, помещения в которых располагались котлы согласно технических правил должны были быть каменные или кирпичные, рекомендации необходимо занести на чертежи. Также в решении было сказано, что наблюдение за точным возведением построек и исполнением изложенных условий возлагалось за Крапивенское Уездное Полицейское Управление. И последним условием для производства колчедана и серной кислоты, химических предметов являлось особое разрешение Губернского начальства.

Как видим из документов, что завод на 1873 год готовую продукцию еще не производил и только готовился к пуску. Это подтверждается и другими документами Тульского государственного архива (дело 31687а опись 1Т39 фонда 90). В «ведомости о химическом заводе, состоящем Тульской губернии, Крапивенскаго уезда 2-го стана в деревне Новой Колпне и принадлежащем купцу Ричарду Ричардовичу Гилль и К» обозначены «заводские принадлежности»: свинцовые камеры, свинцовые котлы для выпарки, платинный котел для выпарки, паровые котлы. В разделе ведомости «В 1873 году сработали» указано, что « описываемый завод только что устроен и работа в нем еще не открыта». А в разделе о мастеровых указано: «На заводе находится для устройства его: 15 человек чернорабочих из русских и 2 смотрителя из немцев». После указания выше перечисленных данных объясняется, что завод помещается в двух деревянных зданиях и что « изделие будет производиться из колчедана, добываемаго из каменнаго угля, в своих рудниках». По доверенности «Торгового дома Гилль и К» ведомость оформлял прусский подданный Франц Васильевич Геннике.

Далее обратимся уже к материалам архивного дела 1874 года (ГАТО ф. 90 оп. 1Т39 д. 32150). В ведомости о химическом заводе, находящемся в имении купца Гилль и К Крапивенского уезда, 2-го стана при деревне Новой Колпне за 1874 год указано, что уже начато производство продукции. Было выпущено 40 000 пудов кислоты на сумму 45 000 рублей и купороса 8 000 пудов на 4000 рублей. При производстве продукции использовались заводские аппараты: 18 посуд баков, обложенных свинцом, 2 чана, платиновый котел с холодильником, 28 свинцовых котлов, 6 свинцовых камер, 2 машины паровых котлов, водокачальная машина. На заводе работали 30 рабочих и мастеровой. Все они были вольнонаемные, мастеровой из иностранцев, а рабочие русские. Также указано, что завод помещается в деревянном здании, крыт тесом.

Сырьем являлся колчедан, разрабатываемый в собственном имении, а селитра — из города Москвы, покупалась у разных лиц. Готовая продукция завода серная кислота и купорос сбывались в город Москву и другие города. Директором предприятия на тот период был Геннике.

Таким образом из архивных документов видим, что производство продукции на химическом заводе «Торгового дома Гилля и К» при деревне Новая Колпна начато в 1874 году.

Химический завод, расположенный в имении купца Гилля при деревне Новая Колпна, продолжал работать и в последующие годы. В 1876 году (ГАТО ф. 90 оп. 1Т40 д. 32643) было произведено 28 000 пудов серной, 8 000 пудов купороса на общую сумму 30 000 рублей. На заводе работали вольнонаемные: 24 человека рабочих из русских и мастер иностранец. Франц Иосифович Геннике вышел из руководства завода. В 1880 году на заводе увеличивается количество используемых аппаратов, количество рабочих и увеличивается производство продукции (ГАТО ф. 90 оп. 1Т41 д. 34204). Было выпущено 10 000 пудов купороса на сумму 5 000 рублей, серной кислоты 74 000 пудов на сумму 51 800 рублей. На заводе уже работало 35 человек из русских, и он располагался в двух деревянных зданиях, крытых тесом.

Из этих же документов мы видим, что в Ясенковской волости Крапивенского уезда заработал и химический завод по выпуску краски, который принадлежал Прусскому подданному Францу Васильевичу Геннике. Он был расположен по соседству с деревней Новая Колпна — при деревне Старая Колпна. Его строительство было начато в 1877 году. На заводе производилась краска из глины. На производстве использовалась паровая машина, сушилка. В 1880 году было произведено 5 000 пудов краски на сумму 5 000 рублей (цена краски от 40 копеек до 1 рубля 50 копеек за пуд). На заводе работало 10 человек. При производстве краски для отопления использовался каменный уголь — 20 000 пудов на сумму 1200 рублей в год. Помещение завода было расположено в одном деревянном корпусе, крытом тесом.

1 апреля 1883 года Государь Император утвердил устав «Товарищества каменноугольных копей и химических заводов Р. Гилля». Товарищество было образовано Московским купцом Ричардом Ричардовичем Гиллем и потомственным почетным гражданином Московским купцом Иваном Карловичем Прове. Товариществом руководил совет директоров, состоящий из 3-х человек. Но по месту расположения каменноугольных копей и химических заводов руководство ими осуществлял управляющий.

Согласно устава имение Гилля и заводы при деревне Новая Колпна были переданы в собственность «Товариществу каменноугольных копей и химических заводов Р. Гилль». Кроме устава это подтверждается другими архивными документами. Так существует «Ведомость о химических заводах в имении Товарищества Родиона Родионовича Гилль Крапивенского уезда за 1883 год (ГАТО ф. 90 оп. 1Т42 д. 35323). Из этой ведомости видно, что химическое производство развивалось. Приведу указанное оборудование: 50 чанов для купороса, 4 аппарата платиновых котлов с холодильниками, 11 свинцовых сковород для испарения, 3 свинцовые камеры, 5 машин паровых котлов, водокачальная машина, 25 железных чанов для выпаривания соды и котел. На заводах для производства соды, кислоты и купороса работало 80 человек, из них 3 иностранца, выпускалось 12 000 пудов купороса на сумму 6 000 рублей, серной кислоты 120 000 — на сумму 84 000 рублей, соды 7 000 — на сумму 7000 рублей. Продукция сбывалась в Москву, Серпухов и другие города. Производ-

ство располагалось в 5 деревянных зданиях, крытых тесом. Сырье — колчедан добывался на собственных каменноугольных шахтах, селитра — покупалась в Москве. Управляющим химическими заводами был Павел Густавович Бурсиан.

В документах, да и в названии Товарищества Р. Гилль химические заводы пишутся во множительном числе. Это можно понять следующим образом, что при деревне Новая Колпна находилось несколько химических заводов. Но если сравнить с современностью, то это можно сопоставить с цехами, производившими различную продукцию на одном предприятии. Находились они на одной площадке и располагались в двух зданиях

Остановимся на описании этих химических заводов на 1899 год как указано в архивном деле (ГАТО ф. 4 оп. 2 д. 159).

Завод серной кислоты: печь кирпичная для сжигания колчедана, вся печь разделена на 22 камеры, которые состояли из собственной камеры, вращающихся колосников с поддувом; боров кирпичный для прохождения газов из печи в камеры; круглая, свинцовая башня Гловера; круглая, свинцовая башня Гей-Люссана; 2 деревянных, выхолощенных бака; 2 свинцовые камеры разных размеров для охлаждения из газов серной кислоты; печь кирпичная с 1 топкой и 6-ю свинцовыми противнями для выпаривания серной кислоты; несколько деревянных баков различной емкости для серной кислоты.

Завод азотной кислоты: печь кирпичная для разложения селитры.

Завод соляной кислоты: печь кирпичная для добывания кислоты; кирпичная печь для приготовления сульфата; 2 кирпичные камеры для очистки газов соляной кислоты; деревянный бак, выложенный свинцом для кислоты; аппарат для конденсации соляной кислоты.

Как вспомогательные службы при химических заводах Товарищества Р. Гилль были задействованы: лаборатория, котельная, паровозное депо, складские помещения, навесы, казармы. Имелись ремонтно-слесарная мастерская, кузница, водокачка. В мастерской находилось следующее оборудование: приводная самоточка, токарный ножной, ручной настольные станки, слесарные тиски. При мастерской также имелась паровая машина в 4 силы, которая приводила в движение самоточку. В кузнице использовались 2 горна, 2-е голландских мехов, 3 наковальни. Имелась водокачка и водонапорная башня. Вода сначала выкачивалась из шахт и по естественному руслу текла в пруд, откуда насосом закачивалась в водонапорную башню на химический завод. Потом развозилась в баках по железной дороге на остальные заводы. Эта вода использовалась только для производства. Для питья вода подвозилась на лошадях из деревни за 7 верст. В водокачке находился приводной двойной насос с забором воды до 600 ведер.

На химические заводы Товарищества были проложены железнодорожные подъездные пути от железнодорожной ветки: от станции Ясенки (Щекино) до шахт Товарищества Р. Гилль. Железнодорожная ветка также принадлежала акционерному обществу (ГАТО ф. 4 оп. 5 д. 546).

На химических заводах работало 50 человек в 2 смены. Их труд оплачивался поденно — 70 копеек. В работе химических заводов был перерыв с 1 апреля по 15 мая для ремонта. На заводах Товарищества Р. Гилль существовали правила внутреннего распорядка. Они разрабатывались в соответствии с действующим в России законодательством, которые за подписью управляющего П. И. Селивановым утверждались Старшим Фабричным Инспектором Тульской губернии.

Далее приведем сведения из справочника, вышедшего из печати в 1897 году «Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов».

Отдел XII. Производства химические.

№ 23418. Товарищество каменноугольных копей и химических заводов Р. Гилль, уезд Крапивенский, при ст. Ясенки, Московско-Курской ж. д. (1870). Производство минеральных кислот и солей. В год работало 365 дней. Два паровых котла, поверхность нагрева в квадратных футах — 360. Употреблялось минеральное топливо на сумму 7821 рубль. На производстве работало 67 мужчин и 8 женщин. Выработано серной, азотной и соляной кислот, сульфата и мумии на сумму 101718 рублей.

В этом же справочнике указаны данные на химическое производство завода Геннике.

№ 23420 Геннике Франц Васильевич, уезд Крапивенский волость Ясенковская д. Старая Колпна (1877). Производство железного сурика. Завод в год работал 180 дней. Для выработки продукции использовались 2 паровых двигателя и конная тяга. Употреблялось минеральное топливо на сумму 240 рублей. На производстве работало 10 мужчин. Выработано железного сурика на сумму 1 600 рублей.

Но обратимся к архивному делу «Правила внутреннего распорядка и табель взысканий химических заводов Александра Францевича Геннике (в Крапивенском уезде» (ГАТО ф. 89 оп. 1 д. 10). 30 марта 1897 года Александр Францевич Геннике старшему фабричному инспектору Тульской губернии пишет письмо: «Настоящим имею честь довести до сведения Вашего, что заводы, находившиеся во владении покойного отца моего В. Ф. Геннике, перешли ко мне, вследствие чего все бумаги покорнейше прошу адресовать на мое имя. Ответственным лицом, во время моих отлучек заводах состоит Андрей Вас. Сурначев …». Но в деле находится и другой документ от 10 ноября 1897 года. Старший фабричный инспектор писал письмо в канцелярию Московского Обер-полицеймейстера. В письме указывалось, что прусский подданный Александр Францевич Геннике выехал в г. Москву после 15 июня 1897 года и от него требовалось отобрать объяснение, что навсегда или временно прекращена работа на его химическом заводе, находящемся в Тульской губернии

Ясенковской волости при д. Старая Колпна. Но в деле ответ отсутствует. Отсутствуют сведения о химическом заводе Геннике и в справочниках о заводах и фабриках, выпускавших в царской России после 1899 года.

Химическое предприятие «Товарищества Р. Гилль» в этих справочниках продолжает фигурировать. Так выпускался справочник «Фабрично-Заводские Предприятия Российской Империи (исключая Финляндию). Составлен под руководством Редакционного Комитета, состоящего из членов Совета Съездов Представителей Промышленности п Торговли. Петроград, октябрь 1914 г.». В нем указано:

Фабрики лаков, красок и химических продуктов:

№ 757 … Основной капитал — 600 000 рублей. Запасной капитал 5 000 рублей. Местонахождение: с. Колпна Крапивенского уезда. Почтовый адрес завода: Ясенковское почтово-телеграфное отделение Тульской губернии. Телеграфный адрес завода: Щекино — Гилль. Управляющий: П. И. Селиванов. Правление: г. Москва Фуркасовский переулок 6. Телеграфный адрес правления : Москва — Жар. № телефона: 10-87. Директор-распорядитель С. С. Лоренц. Двигатели: 10 паровых общею силою в 180 л. сил. Рабочих 500. Изделия: серная, азотная и соляная кислоты, купоросное масло, суперфосфат и сухие минеральные краски. Годовое производство на 900 000 рублей.

В годы 1-й Мировой войны (1916 год) из архивных документов мы видим, что «Завод химический работает на оборону — выделывает серную кислоту» (ГАТО ф. 90 оп. 6 д. 758). Химическое производство работало на артиллерийское ведомство. Это подтверждает переписка Товарищества Р. Гилль о снабжении материалами и производстве отравляющих веществ. Переписка осуществлялась с химическим комитетом Главного артиллерийского управления, 2-м отделом — отдел удушающих средств (РГВИА ф. 507 оп. 3 д. 200).

Произошли революционные события 1917 года. Управление химическими заводами оставалось в ведении Товарищества Р. Гилль (МКУ «Архив Щекинского района» ф. 322 оп. 1 д. 185). 15 марта 1918 года по личному распоряжению директора-распорядителя Товарищества Р. Гилль было объявлено, что через две недели работы на химическом заводе будут остановлены за неимением у Товарищества средств на уплату рабочим.

В начале 1919 года заводы были конфискованы, а земельные угодия Товарищества Р. Гилль были конфискованы уже ранее — в 1917 году (ГАТО ф. Р-552 оп.1 д. 88). Предприятия были переданы в ведение Тульского губсовнархоза. На заводах пытались произвести ремонтные работы и восстановить производство. Несмотря на предпринимаемые усилия пустить производство в состоянии всеобщей разрухи не удалось. Было много проектов и предложений. Предлагалось на базе заводов Гилля производство искусственных удобрений, и в августе 1919 года они были переданы в ведение Центрального правления государственных заводов основной химической промышленности при Высшем совете народного хозяйства. 21 сентября 1920 года на специальном заседании Центрального правления Химосновы было принято решение ликвидировать заводы из-за абсолютного технического несовершенства и полного разрушения. Ликвидация была поручена Тулгубсовнархозу. Техническую аппаратуру предлагалось передать другим заводам Химосновы, а строительные материалы Тулгубсовнархозу использовать для строительных нужд района. Приказ о ликвидации заводов был подписан председателем Высшего совета народного хозяйства Алексеем Ивановичем Рыковым 26 августа 1920 года.

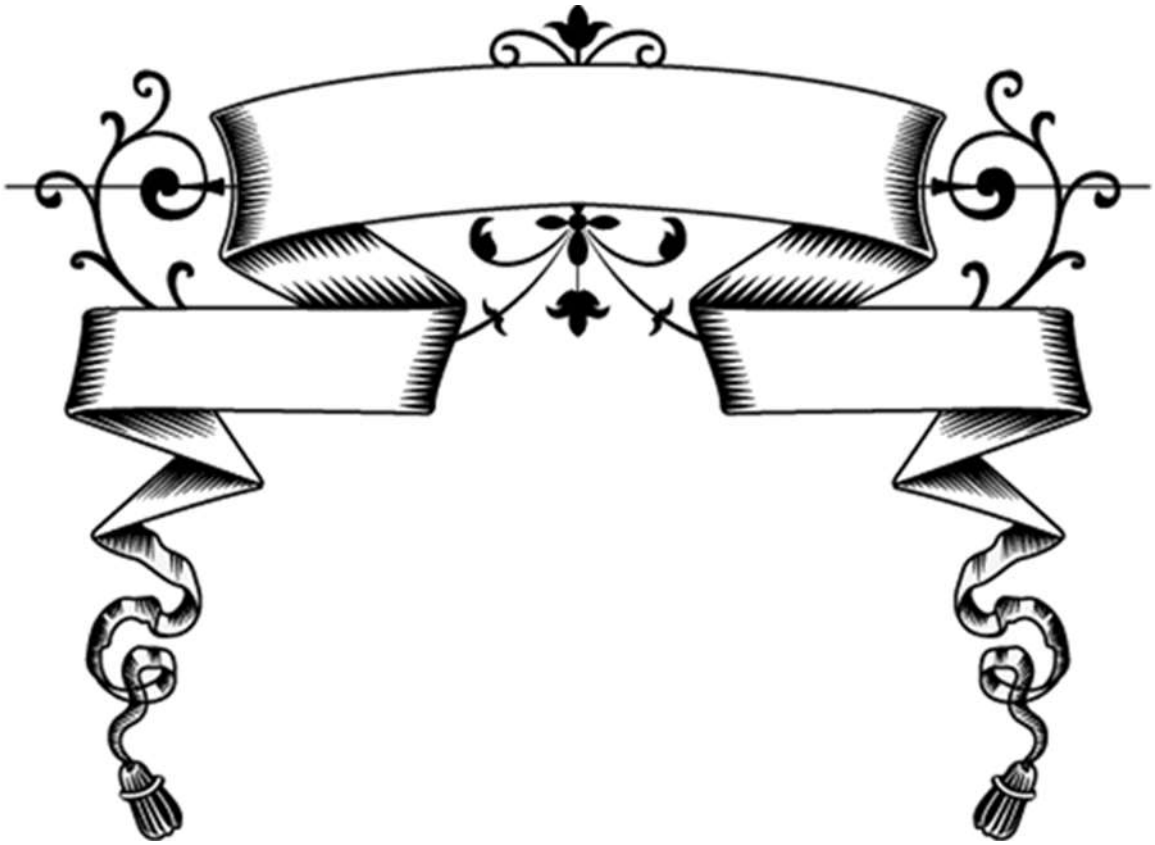
В настоящее время от зданий завода сохранилось одно, которое переоборудовано под жилое помещение. Из последних уничтоженных зданий была водонапорная башня, что снесена в 1977 году.

Из выше сказанного видим, что химическое производство на территории Ясенковской волости Крапивенского уезда прекратилось в конце второго десятилетия 20 века. А как произошло развитие химической промышленности в середине 20 века и как она развивается в настоящее время в Щекинском районе — это уже другая история.

(В цитируемых материалах сохранена оригинальная орфография и оригинальный синтаксис).

РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ

ЕКАТЕРИНА ЩИГОЛЬ

Екатерина ЩИГОЛЬ

г. Москва

Екатерина Дмитриевна Щиголь родилась в 2002 г. Во время обучения в школе многократно принимала участие в соревнованиях по управлению БПЛА, а также занимала первые места в ежегодном городском конкурсе «Поиск-НИТ», проводимым Дворцом пионеров. Окончила НИУ «МЭИ» по специальности «Инженер-робототехник». Является участником ежегодной научно-практичес-кой конференции «История энергетики», проводимой в Политехническом музее при поддержке Московского энергетического института. Автор 8-ми научных статей, среди которых работы по исследованию механических конструкций, истории энергетики и медицине.

МОЙ ДЕДУШКА, Ф. А. ЩИГОЛЬ, — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕРВЫХ ПЛАНАРНЫХ ТРАНЗИСТОРОВ

Начну с истории. С момента изобретения транзистора в 1947 г. тремя американскими учеными полупроводниковая промышленность остается крайне востребованной отраслью производства. В настоящее время ведущими мировыми производителями полупроводниковой продукции являются США, Южная Корея, Япония, страны ЕС и Китай. Основной объем мирового производства специализированного оборудования для полупроводниковой промышленности сосредоточен в пяти компаниях: Applied Materials, Tokyo Electron, ASML, Lam Research и KLA. Доля России в мировом производстве полупроводниковых приборов отнюдь не велика и составляет в районе 0,06%. Однако в середине XX века именно Советский Союз в лице А. В. Красилова, С. Г. Мадоян, А. Ф. Иоффе, А. И. Шокина, а также других ученых и государственных деятелей наперегонки с США разрабатывал и выводил в серийное производство различные виды полупроводниковых материалов, на основе которых разрабатывались приборы, обладающие улучшенными характеристиками по сравнению с предыдущими поколениями. Создание первого триода в СССР связано с именем советского ученого, доктора технических наук, профессора, лауреата Сталинской и Ленинской премий — Александра Викторовича Красилова. Однако следует отметить, что, говоря точнее, первый транзистор в СССР был спроектирован Сусанной Гукасовной Мадоян в феврале 1949 г. через совсем непродолжительное время после прохождения ею преддипломной практики. Она — советский электротехник, кандидат технических наук, выпускница Московского химико-технологического института (МХТИ).

В 1948 г. на кафедре «Технология электровакуумных и газоразрядных приборов» при распределении дипломных работ ей досталась тема «Исследование материалов для кристаллического триода». Получив задание, Сусанна Гукасовна отправилась в подмосковный город Фрязино, в НИИ-160, в лабораторию А. В. Красилова, который стал ее научным руководителем в рамках прохождения преддипломной практики. Спустя некоторое время, под его руководством она опубликовала статью «Кристаллический триод». Это была первая публикация в Советском Союзе о транзисторах. Спустя еще некоторое время, в феврале 1949 г., Сусанной Мадоян был создан макет первого точечного германиевого триода. За это изобретение С. Г. Мадоян называют «мамой» советской полупроводниковой промышленности. Научно-производственное предприятие «Исток» (ранее НИИ-160) было основано в 1943 г. Здесь проводились фундаментальные исследования в области СВЧ-электроники, а также разработка и выпуск электронных приборов для радиолокационной техники. В период с 1945 по 1953 гг. начальником научного, технического и измерительного отделов, а также заместителем директора по научной части являлся А. В. Красилов. С. Г. Мадоян — наиболее известная, но не единственная дипломница Красилова, чьи труды и разработки в будущем повлияли на советскую полупроводниковую промышленность. В 1951 г. во Фрязино, в НИИ-160, на преддипломную практику, как и С. Г. Мадоян, приехал студент Московского энергетического института им. В. М. Молотова, Феликс Анатольевич Щиголь — мой дедушка. Он был направлен в лабораторию Красилова. Впоследствии работа под руководством Красилова окажет существенное влияние на область научной деятельности Феликса Анатольевича. Ф. А. Щиголь родился 12 марта 1927 г. в Ленинграде. Его отец был инженером-химиком, мать работала экономистом в Министерстве Внешней торговли СССР. Коротко — о его биографии. В Ленинграде Феликс Анатольевич поступил в образовательную школу №7 Выборгского района. В 1936 г. вместе с родителями переехал в Москву и продолжил обучение в 341-й школе Бауманского района, где весной 1941 г. окончил 6-й класс. В годы Великой Отечественной войны окончил 7-й класс в капультационной группе Бауманского района. Спустя некоторое время поступил на работу в ГСКБ-47, где проработал с 1942 по 1944 гг. в качестве лаборанта электрофизической лаборатории и, одновременно учась в вечерней школе рабочей молодежи, окончил 8-й и 9-й классы. В 1944 г. окончил 10-й класс на подготовительных курсах МВТУ им. Баумана, куда затем и поступил, окончив два курса факультета точной механики. В 1946 г. Феликс Анатольевич написал заявление на имя М. Г. Чиликина, заместителя директора Московского энергетического института им. В. М. Молотова, с

просьбой дать ему разрешение на переход в МЭИ на электрофизический факультет. Дедушка поступил в МЭИ в 1946 г., на второй курс этого факультета, на специальность «Электронная и ионная механика». С 1945 г. дедушка также являлся членом Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), о чем свидетельствует его характеристика, написанная 25 апреля 1950 г. В 1951 г. он окончил вуз с отличием, но перед этим был направлен на прохождение преддипломной практики во Фрязино, в НИИ-160, в лабораторию Красилова, о чем я уже упоминала. В 1953 г. лаборатория Красилова была переведена в основанный в том же году первый в СССР отраслевой НИИ электронной промышленности, куда вместе с лабораторией перешел и сам А. В. Красилов. Сейчас это — НПП «Пульсар», хотя раньше называлось НИИ №35. Вслед за своим руководителем в «Пульсар» перешел и мой дедушка, где проработал до последнего дня. 21 апреля 1966 г. он был удостоен звания лауреата Ленинской премии за развитие полупроводниковой промышленности Советского Союза. Среди значимых достижений Ф. А. Щиголя можно выделить создание первых кремниевых сплавных транзисторов типов П501—П503, имеющих частоту 10—60 МГц. Также среди его заслуг — создание универсального кремниевого планарного транзистора 2Т312, который до сих пор производится на Воронежском заводе полупроводниковых приборов. 2Т312 также были разработаны в трех видах: 2Т312А, 2Т312Б и 2Т312В. Все они выполнены на основе кремния и имеют эпитаксиально-планарную структуру, соединение Э-Б-К выполнено по схеме n-p-n. Предназначены для применения в переключающих устройствах, усилителях и генераторах и используются для работы в электронной аппаратуре специального назначения. Выпускаются в металлостеклянном корпусе с гибкими выводами. Имеют массу не более 1,0 г

За свою жизнь Ф. А. Щиголь был удостоен многих наград: лауреат Ленинской премии — почетный диплом, золотая медаль и денежная премия. Коллекцию медалей Феликса Анатольевича дополняют золотая и серебряная, присужденные ему главным комитетом ВДНХ, тогда еще носившей название ВСХВ. Также мой дедушка получил нагрудный знак «Почетный радист Российской Федерации» и медаль «Почетный работник электронной промышленности».

Из рассказов моего папы, Дмитрия Феликсовича Щиголя, становится понятно, что Феликс Анатольевич был человеком, имеющим здоровый дух: «Он мне рассказывал, что в период работы в «Пульсаре» он каждый рабочий день во время обеденного перерыва выходил на улицу, шел на спортивную площадку в парке и с полчаса тратил на разминку на турниках: подтягивался, отжимался, висел на перекладине. Кстати говоря, к приему пищи папа относится по-особенному ответственно, что также заложено было дедушкой, который придерживался мнения, что еда является незаменимым источником здорового состояния организма и хорошего настроения. Дедушка часто повторял: «Когда я ем, я глух и нем» или «Когда я кушаю, я никого не слушаю»,— такого же мнения придерживаются и папа, и все в нашей семье. О немалом научном вкладе в полупроводниковую промышленность моего дедушки я делала доклад на недавней научно-исследовательской конференции студентов и аспирантов НИУ «МЭИ», проходившей под эгидой «Древо энергетики».

Возвращаясь в сегодняшний день, мы видим значительное ослабление в развитии полупроводниковой промышленности Российской Федерации. Такое положение дел можно объяснить, во-первых, застоем в развитии промышленности полупроводников после распада в 1991 г. Советского Союза, а, во-вторых, сложившейся в начале 2000-х годов конъюнктурой, вследствие которой приобретать готовую микроэлектронную продукцию было проще и дешевле у других стран, нежели развивать собственное производство. Осознавая настоящие реалии, нам, начинающим российским энергетикам, необходимо вкладывать все свои силы в укрепление технологической независимости и развитие внутреннего высокотехнологичного производства микроэлектроники. Мы должны помнить, что за нашей спиной стояли выдающиеся ученые — академики, профессора и доктора наук, которые в период Советского Союза доказали всему миру, что наш многонациональный народ, при должных стремлениях и упорстве, способен быть лучшим во всем, за что ни возьмется.

ПРИМ. АВТ.: 10 апреля 2024 г. в стенах НИУ «МЭИ» прошла первая научно-исследовательская конференция, посвященная исследованию генеалогического древа студентов Московского энергетического института. Ее основной задачей стало изучение истории развития энергетики в связи с семейной историей студентов, в частности, жизненного пути тех родственников, которые внесли вклад в развитие энергетики страны или отдельного региона. «Древо энергетики» стала первой конференцией в МЭИ, объединившей историю семьи с историей науки и техники. При подготовке докладов студенты использовали материалы из архивов научно-технической библиотеки и МЭИ, библиотеки Политехнического музея, Центрального государственного архива г. Москвы (Главархив), научную литературу Российской государственной библиотеки (РГБ), а также интервью членов своей семьи.

Литература:

1. Зеленский А. А., Морозкин М. С., Грибков А. А. Обзор полупроводниковой промышленности в мире и России: производство и оборудование // Изв. вузов. Электроника. 2021. Т. 26. № 6. С. 468—480.

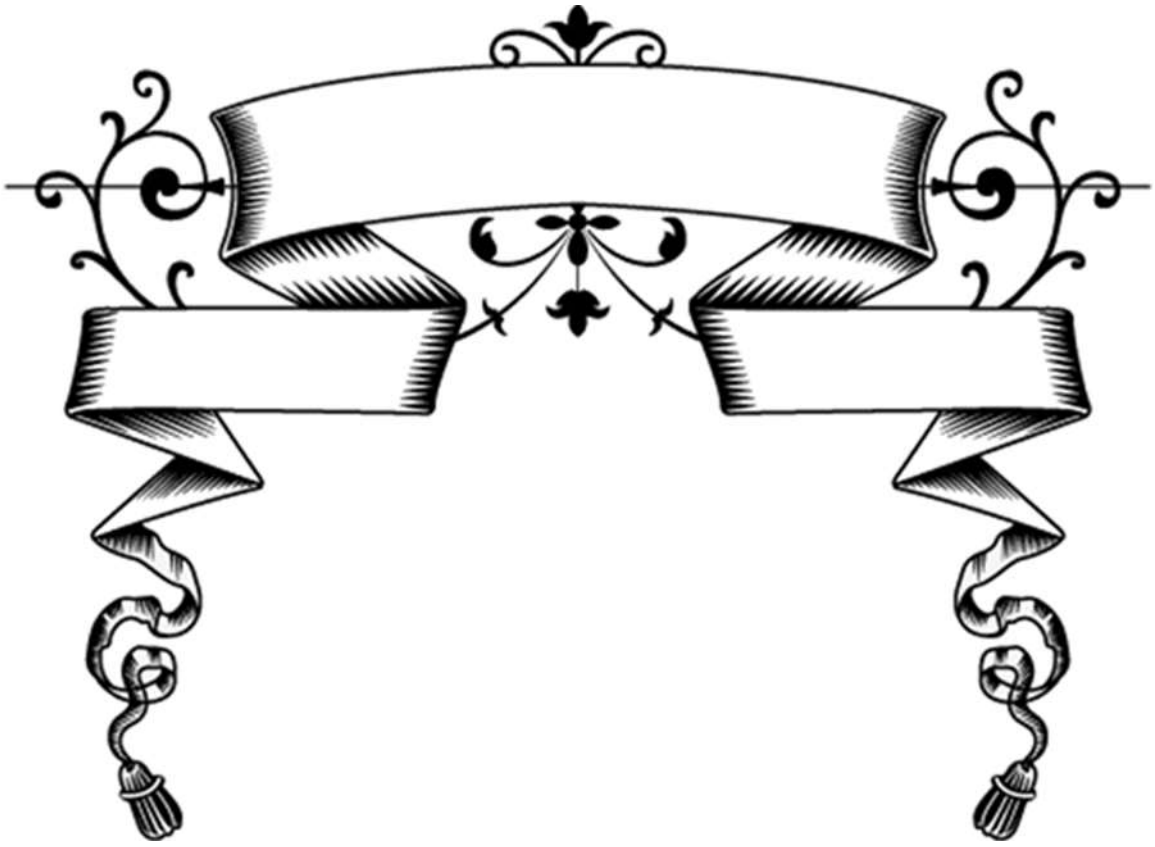
2. «Пульсар». Прошлое. Настоящее. Будущее: очерки об истории полупроводниковой электроники/ под ред. А. Г. Васильева.— 313 с.

3. Транзисторы биполярные 2Т312 // Ком. «Электроника и связь». URL: https://eandc.ru/catalog/?q=2Т312

4. Интервью Дмитрия Феликсовича Щиголя. Семейный архив автора.

5. История / А. В. Матюхин, Ю. А. Давыдова, Р. Е. Азизбаева, Е. Н. Кананерова; Под ред. А. В. Матюхина.— М.: Университет Синергия, 2019.—314 с.

ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ

ГАЛИНА СОЛОНОВА
СВЕТЛАНА МАКАШОВА
АННА ВОРОНИНА
ОЛЬГА КАРАГОДИНА
ОЛЬГА ДЕВЯТКА
СВЕТЛАНА ЧИГРИНЕЦ
АННА БАРСОВА

Галина СОЛОНОВА
г. Сельцо Брянской области

ЦЕНА ХЛЕБА
Рассказ

Мне, девчонке шестикласснице — двенадцать лет, а моей прабабушке Тане — восемьдесят один год. Однажды в выходной майский день она попросила проводить ее к обелиску, где на мраморном постаменте высечены имена героев нашего города, погибших в годы Великой Отечественной войны. Мы медленно шли по безлюдной дорожке парка. Мальчик лет десяти шагал нам навстречу с целлофановым пакетом. Он присел на скамейку и вынул булочку. Только надкусил ее, как появились трое мальчишек такого же возраста. Они с гиканьем, свистом и дразнилками стали задиристо кружить вокруг. Один забияка толкнул мальчика — булочка выпала из рук. Тут же сорванцы превратили хлеб в футбол.

— Пре-кра-тить! — неожиданно крикнула прабабушка резким голосом.

Недоумевая, «футболисты» притихли.

— Подойдите ко мне! — скомандовала опять моя прабабушка.

Не испугались, все подошли — любопытно стало.

— Устраивайтесь вокруг меня,— уже миролюбиво сказала старушка, усаживаясь на скамейку.— Историю одну хочу вам рассказать.

***

— Надеюсь, ребятки, вы знаете, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года началась Великая Отечественная война. На нашу землю напала фашистская Германия. Мужчины ушли на фронт. В деревне остались женщины, дети и старики. Радовало то, что в лесах начали формироваться партизанские отряды.

Очень хотелось Анне Матвеевне, медсестре деревенской больницы, уйти в лес к партизанам, чтобы мстить немецкой нечести, гнать их с родной земли. Но не могла она семилетнюю Танюшку, девятилетнюю Настюшку и больную маму — свекровь оставить одних.

— Не расстраивайся, Анна, ты нам и здесь пригодишься. Прислушивайся, присматривайся, что будет происходить в деревне. Способ связаться с тобой мы найдем,— так говорил на прощанье брат Анны Матвеевны, командир только что сформированного партизанского отряда. Увидев белесые детские головки и любопытные глазки из-за внезапно открывшейся шторки спаленки, улыбнулся и ласково произнес:— слушайтесь маму и бабушку…

Наступил октябрь.

— Мамочка! Идут по улице чужие страшные дядьки. Мы прислушивались, присматривались через щелочки в заборе, но ничего не поняли,— сообщили девочки…

Теперь в нашей деревне орудовали немцы. Они расположились в зданиях клуба, школы, сельского совета и чувствовали себя хозяевами. Отобрали у жителей припасенные на зиму зерно, картофель, муку. Та же участь постигала и деревенскую домашнюю живность…

— А тетю Феню немцы выгнали из ее нового дома,— шептала младшая Танюшка.— Феня живет теперь в старой времянке,— дополнила новости Настюшка.

— Дети, я разрешаю вам гулять только во дворе. Выходить за калитку очень опасно,— предупредила мама…

Темень окутала деревню. За деревней раздавалась стрельба, слышались взрывы. Анна Матвеевна подала детям и бабушке по вареной картофелине и загасила свечу.

— Жуйте неспешна. Это ваш ужин.

Все притихли. Только настенные часы-ходики отсчитывали время. Неожиданно послышался легкий стук в окно.

— Кто-то стучал, или мне послышалось? — прошептала бабушка.

— Кто-то свой. Чужой так аккуратно не стучал бы,— ответила тихо Анна Матвеевна.

Она накинула на плечи шаль, зажгла свечу и вышла.

— Тетя Аня, пустите, это я,— послышался у входной двери знакомый голос.

Анна Матвеевна поспешно отодвинула дверную задвижку и открыла дверь. У порога сидел Андрейка, пятнадцатилетний сын брата.

— Племяшка, милый, заходи.

— Ранили сволочи в ногу, поэтому заползу.

— Откуда?

— От железнодорожной станции,— чуть слышно прошептал Андрей.

Передав свечу матери, Анна расстелила старый овечий тулуп на деревянный диван и помогла Андрею лечь. «Хорошо, что сохранила с мирных времен кое-какие медикаменты и перевязочный материал».— Анна Матвеевна метнулась к комоду.

Заправленная в ботинок штанина на правой ноге была окровавлена.

— Не волнуйся, Андрейка. Сейчас сниму твою обувь и стяну брюки… Рана кровоточит. Наверное, пуля застряла в голени,— сообщила Анна Матвеевна, помогая племяннику перевернуться на живот.

Шприц с лекарством, скальпель, бинт — все наготове.

— Мама, поднеси свечу сюда поближе.

Приходилось Анне Матвеевне лечить раны односельчан. Получали они их на сенокосе, в поле при уборке урожая, в быту. А тут пуля впилась в голень. «Как не навредить? Как вынуть эту проклятую пулю? Пятнадцать лет — совсем мальчишка. Боевое задание выполнял вместе с товарищами? А с ними — что?» Мысли текут, время бежит, а руки делают. Дыханье затаила … Вот она, злая пуля!

— Все, Андрейка. Через несколько дней, надеюсь, будешь ходить. А пока отлежишься в чуланчике, подальше от посторонних глаз. Танюша, подай брату картофелину, в миске лежит. Пусть подкрепится.

Анна Матвеевна собрала все, что осталось после операции, закрутила в окровавленные брюки, вышла во двор. На ощупь в сарае нашла лопату и поспешила в огород. Круглолицая луна помогала своим бледным сиянием. Анна закопала улики и притоптала землю. «Вот так. Чтобы ничего и никто не заподозрил. А брюки Андрюшке?— сейчас найду рабочие дядины штаны. Будут чуть великоваты — не беда». Всю ночь слышалась стрельба, рев вражеских мотоциклов.

— Дети,— шептала в ночи Анна Матвеевна,— вдруг немцы придут с обыском, вы должны хорошо запомнить: Андрюша — ваш родной брат. Он очень болен. У него заразная болезнь — тиф.

Настало утро. Опять безрадостное. Опять тревожное. Голодное. Детские глазенки устремлены на небольшой чугунок, где снова варится в мундирах картофель.

— Ироды, всю муку выгребли. Даже, как говорится, «по сусекам поскребешь» и то не наберешь на лепешечку. Андрюшке бы надо хоть кусочек хлебушка, чтоб скорее поправлялся,— сетовала вслух Анна Матвеевна.

— А в огороде у тети Фени немцы хлеб пекут,— сообщила старшая Настя.

— Запах какой от того хлеба! — воскликнула Танюшка.— Слюнки текут!

— Я же вам разрешила только во дворе быть, чтобы могли мне быстро сообщить, вдруг немцы к дому будут приближаться.

— Да мы далеко от Фениного огорода за кустиками сидели и наблюдали,— попыталась успокоить маму и бабушку Настя,— перекатывая горячую картофелину с ладошки на ладошку.— Нас никто не видел…

— Пойду,— вздохнула Анна Матвеевна,— в огороде землю покопаю, может, картошку или морковку пропущенную найду. А вы, девочки, почитайте бабушке свою какую-нибудь книжку.

Пока Настя выбирала книжку, бабушка, присев на табурет, опершись спиной о теплую печь, задремала. Переглянувшись друг с другом, девчушки схватили свои курточки и, натягивая их на ходу, выскользнули из дому. Меж засохшим бурьяном по давно не хоженой узкой тропинке пробирались девочки к огороду тети Фени.

Большая брезентовая палатка занимала пол-огорода. Это была немецкая полевая пекарня. Дети по-пластунски проползли за кустами смородины, что росли по периметру огорода. Остановились ближе к палатке и притаились, распластавшись на земле. От палатки шли тепло и завораживающий хлебный аромат.

— Смотри, угол палатки ветром отдувает,— прошептала Настя

— Наверно, я смогу пролезть,— ответила Танюшка.

Неожиданно из палатки вышел немец с двумя буханками хлеба в руках и направился в дом тети Фени. По счастливой случайности другой охраны не было. Настя мгновенно стянула с сестренки курточку, и та быстро поползла к углу палатки. Танюшка просунула голову внутрь, огляделась. Стояли две металлические горячие печи, у входа на широкой скамейке лежали аккуратно сложенные кирпичики хлеба. Только Танюшка вползла в пекарню, у входа появился немец. Притаилась девчушка за печкой, дыханье затаила, печной жар охватил ее худенькое тельце. К счастью, вошедший немец взял еще одну буханку и тут же вышел. Опрометью бросилась Танюшка к скамейке, схватила хлеб и стрекозой порхнула к углу палатки. Свежий воздух ободрил ее. Прижав обеими руками хлеб, пригнувшись, стремительно двинулась к сестре. Настя накинула на плечи сестренке курточку, подхватила хлеб, сунула себе за пазуху. Обе девчушки, будто муравьи, поползли тем же путем к дому…

***

Молчали притихшие мальчишки. Наконец один из них спросил:

— А младшая Танюшка — это вы?

— Я… Та буханка хлеба помогла племяннику быстрее поправиться. Вскоре он вернулся в партизанский отряд. В тысяча девятьсот сорок третьем году наши войска вместе с партизанами погнали немцев из нашей деревни и дальше. А вы хлеб по земле футболите — обидно.

Опустили головы мальчишки, лица покраснели. Молчат — видно, стыдно стало.

— Надеюсь, дошло до вас, что такое хлеб, и какое значение он имеет для человека,— сказала двенадцатилетняя внучка и протянула прабабушке обе руки.— Вставай, бабулечка. Пойдем к обелиску. Хотите с нами? — взглянула девочка на мальчишек…

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

Ольга Геннадьевна Карагодина родилась в Москве. Окончила в 1981-м г. МБТ по специальности «Библиотековедение». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. С 2009 г. работает оргсекретарем в АРЛ. Член МГО СПР. Наш постоянный автор.

ЖИВОТНЫМ В ЗОНЕ СВО

КОТ-ДЕСАНТНИК

Это кто ползет шурша
С территории врага?
Растопорщены усы,
Длинные крутя хвосты.
Как прошли вы блокпосты
Возле лесополосы?
Иль за нашими продуктами
Ползете, вытянув носы?
Ай, да мыши, ай, хитры!
Только чуть не досмотри,
Вы же всю еду сгрызете,
И в другой окоп нырнете.
Не пройдете вы к складам,
Вам тушенку не отдам!
Кот-десантник на пути
Встанет грудью за сыры.
У него девиз простой —
Диверсантов выбить строй,
Заслужить звезду героя
И не допустить разбоя.

От десантников 76 ДШД с линии ЛБС

****

Боец Лебедь растет и уже начинает осваивать боевую подготовку. После прогулки успешно выполнил марш-бросок по пересеченной местности с общего старта и отработкой навыков маскировки. Утенка торжественно передали морпехам.

Не смотрите, что я маленький утенок
И что только вышел из пеленок.
Так судьба распорядилась, не иначе,
Быть мне частью боевой задачи.
Взрывы, мин прилеты, дроны,
Мамы нет и сломанные клены.
И пожить я не успел нисколько,
И собрался умереть тихонько.
Теплая рука меня накрыла,
И от пуль, и мин собой прикрыла.
Я за пазухой лежал дрожа,

Слушал сердца стук без скулежа.
Понял я, нет мамы, но есть папа,
Он меня с собой принес к начштаба.
Позывной мне дали громкий «Лебедь»,
Буду самым главным в синем небе!
Я теперь от папы ни на шаг,
От него бежит с позором враг,
Он десантник и защитник малых,
От утят и до совят бывалых.

Светлана МАКАШОВА

г. Самара

Макашова Светлана Вадимовна (г. Самара, Россия). Стихи были опубликованы в российских изданиях: альманахах «Параллели», «Крылья», «Ковчег», «Притяжение» и др., Международных литературных сборниках «Культура, просвещение, литература» Международного инновационного центра «Perspektiva plus» (Чехия), «Славянская лира» (Беларусь), «ЛитЭра», «Современные поэты мира, том 2» и др. Авторские книги: сборник философской лирики «И звезды под ногами» (2015, Самара, издательство «Инсома-пресс»), книги стихов для детей: «Разноцветные рифмы» (2016, Новокузнецк, издательство «Союз писателей»), «Весело о разном» (2016, Новокузнецк, издательство «Союз писателей»), «Рыжий дождик» (2017, Самара, издательство «Инсома-пресс»), «Сказка про Белую Лошадь» (2022, Новокузнецк, издательство «Союз писателей»). Является финалистом, лауреатом и призером Всероссийских и Международных литературных конкурсов: «Славянская лира», «Ковдория», «Центр Европы» (Беларусь), «Славянские традиции», призёр конкурса «Есе-нни щурцы-2017, 2022» (Болгария)). Обладатель премий «ЛитКузница-2021» и «Искусство слова-2023». Член РСПЛ, член РОО «Союз писателей Крыма». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПРО ЛУЖУ И КАТЮШУ

Вновь по лужице круги —
В ней танцуют две ноги!
Видишь — правая видна,
В пляс пустилась не одна!
С нею левая — смотри —
Вальс танцует: раз-два-три!
Как случилось так, что ноги
Пляшут в луже? Быть беде!
Не найдут назад дороги
И простудятся в воде!
Может, их хозяйка ищет?
Отвлеклась она на миг,
А коварные ножищи
С тротуара в лужу ПРЫГ!?
Все не так! Волнуясь, лужа
Расплескалась в берега.
Посреди нее Катюша
Пляшет в новых сапогах!
Резиновых!

СЛОНЫ НЕ ЛЕТАЮТ?

— Слоны не летают! — сказал мне Сережа.
И это на грустную правду похоже.
Ну разве слоновью вы видели стаю?

А все потому, что слоны не летают.
Они бы хотели кружиться над полем,
Но как, если весишь ты центнер и боле?
Нет крыльев с рожденья, а что это значит?
Что нету падений, но нет и удачи.
Я встретил Слона невеселого, братцы.
Бродил по земле он, легко догадаться.
Когда не пускает взлететь притяженье,
Невольно теряешь к себе уваженье.
Сказал я ему:— Ну ты что, в самом деле!
И мы разбежались и ввысь полетели,
Порхали и небо с ним пили глотками,
Махали ушами, махали руками…
Слон не сомневался с тех пор ни на йоту,
Что даже бескрылый способен к полету!
Хоть общества взгляд на проблему не нов,
Лишь нужно, чтоб кто-то поверил в слонов.

КРОКОДИЛ

Диван стоит, разинув рот,
А я, (такой вот поворот)
Напротив, рот открыв, стою
И свой диван не узнаю.
Он был спокойным, как удав,
Скрывал от нас свой хищный нрав,
Вдруг пасть раскрыл, как крокодил,
Я чуть в нее не угодил!
Как мне лежать теперь на нем???
Он добрым притворится днем,
А ночью — ам! — и нет ноги!
Хоть прочь из дома ты беги!
Я, чтобы даром не пропасть,
Ему сую подушку в пасть,
И одеяло, и матрас —
Ну, проглоти меня сейчас!
Он улыбнулся. Подмигнул.
Он тесно челюсти сомкнул
И прошептал, косясь на дверь:
— Спасибо, друг! Я сыт теперь.

ПРО КАРТОШКУ

Сказала бабуля:
— Андрей и Антошка,
Вас в синем ведре ожидает картошка,
Ее в огороде посадим мы с края
И будем до осени ждать урожая,
Полоть и окучивать, грядку за грядкой,
Вредителей с листьев снимать для порядка,
Картошки кусты к разрастанию склонны,
Мы осенью с них накопаем полтонны!
Но что-то не рады Андрей и Антошка.
В их планы, похоже, не входит картошка…
— Ну, если вареная — это понятно,
Тушеная вкусная невероятно,
А эта, в ведре??? От волненья вспотели…
Мы, кстати, давненько картошку не ели!
…Шипит в сковородке нагретое масло.
— Прибавь огоньку, чтобы вдруг не погасло!

— Как ваши дела?
— Уж поверьте, неплохо,
Мы жарим,
Мы жарим,
Мы жарим
Картоху!
Готово! Наелись. Осталась лишь малость.
А вот для посадки совсем не осталось!

ГЛАВНОЕ ВОЛШЕБСТВО

Скоро волшебником стану я
(Ночью приснилось мне),
Как же изменится жизнь моя!
Вижу: в чужие лечу края
С птицами в вышине!
К звездам подняться — такой пустяк,
Просто лишь захоти —
Словно ракета, врезаюсь в мрак,
Светит Луна, как большой маяк
Мне на моем пути!
Или с акулой на дно нырнуть —
Просто, как дважды два!
Я же волшебник, и в этом суть,
Горы любые могу свернуть,
Чуть захочу едва.
Комом застряли во рту слова —
Трудно с набитым ртом.
— Манную кашу доешь сперва! —
Бабушка наша всегда права.—
А волшебство потом!
Стать бы волшебником, мне уж шесть!
Так бы все ничего,
Разных мечтаний моих не счесть,
Только вот кашу, не морщась, есть —
Главное волшебство.

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Сползает с дивана
С утра Марьиванна
И, скушав последнюю шпроту,
С проклятой одышкой,
С очками подмышкой
Бежит впопыхах на работу.
Ах, как, в самом деле,
На прошлой неделе
Достали ужасные детки!
В саду воспитатель —
Как мин испытатель,
Как львов укротитель он в клетке!
Знакомый фасадик —
Восьмой детский садик,
Работать здесь трудно, но круто!
Вон дворник Аркаша
Метелкою машет,
Но тихо вокруг почему-то…
Так что же случилось,
Скажите на милость?
Затишье — плохая примета.

Где Женя и Оля?
Алеша и Коля?
Где Юля, где Миша, где Света???
Возможно, волнами
Их смыло цунами?
Спугнул ненавистный рассольник?
Сбежали в Карпаты?
Украли пираты?
Бермудский втянул треугольник?
А дворник Аркадий,
В глаза нежно глядя,
Сказал, позитив излучая:
— Какая работа?
Сегодня суббота,
Пойдемте попьем лучше чая!

ЮЛЯ И РЫБКА

Юля кричит, не скрывая улыбку:
— Мама, урррааааа! Я потрогала рыбку!!!
Рыбка за камешек спряталась пулей,
Радуясь:
— Уххх, я потрогала Юлю!

Ольга ДЕВЯТКА

г. Сельцо Брянской области

СЧАСТЬЕ В ВЕСНУШКАХ

Счастье мое ты в веснушках,
Солнышка луч золотой,
Плакса моя, хохотушка.
Как хорошо нам с тобой.
Пахнешь всегда шоколадкой,
Полем душистых цветов,
Спи, моя доченька, сладко,
Светлых тебе, нежных снов.
Ты земляничка лесная,
Искорка алой зари,
Тихо шепнешь, засыпая:
«Братика мне подари!
Станет пусть он капитаном,
Рыцарем славным моим.
С ним покорим океаны
И все моря покорим.
Ночь заметает поземкой,
Дремлет родное село.
Ты засыпай, фантазерка,
Счастье в веснушках мое.

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

– Что такое счастье? —
Доченька спросила.—
Новенькое платье,
Солнце в небе синем?

Аленький цветочек,
Голуби над речкой,
Сказка темной ночью
И сверчок за печкой,
Дождь порою вешней,
Спелая клубника?
— Ты права, конечно,
Счастье многолико.
Честная работа,
Верность и участье,
Нежность и забота —
Это тоже счастье.
С ним не будь беспечна,
Улетит, как птица.
Береги сердечно
И умей делиться.
Не забудь о главном,
Важно это очень,
Видеть чудо в малом —
Тоже счастье, дочка.

Анна ВОРОНИНА

г. Сельцо Брянской области

Анна Васильевна Воронина родилась в с. Бобрик Погарского р-на Брянской обл. Пишет стихи и прозу. Лауреат и дипломант различных литературных конкурсов, участник фестивалей и поэтических чтений. Стипендиат им. П. Л. Проскурина. Автор сборника «Смотри сердцем». Член Международного Союза писателей и мастеров искусств. Координатор Международного молодежного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы». Заместитель руководителя ЛитО «Парус». Создатель детской творческой студии «Мастерская словесности». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПРИВЕТ ОТ ЗАЙЧИКА

Дедушка сбрасывает валенки, снимает шубу, шапку, приглаживает серебристые волосы.

Я жду и притопываю от нетерпения. Дедушка всегда приносит угощение: конфету или яблоко.

— Смотри, что у меня есть.— Дедушка протягивает леденец на палочке и продолжает:— иду-иду, тут вижу, заяц бежит и в лапке что-то держит. Я за ним, он от меня. Я припустил, а он еще быстрее — никак не догнать. Изловчился, и ему «соли на хвост» — раз, зайчик остановился, смотрит на меня, а потом просит человеческим голосом, чтобы я его отпустил. Что же делать? Отпустил: ведь у него детки. Дальше побежал серый по делам и тебе гостинец передал.

Дедушка приговаривает:

— Кушай.

— Деда, а откуда у тебя соль?

— Как откуда? Я всегда в кармане ношу.

— А покажи!

Мы выходим в коридор, где висит дедушкина шуба. Он опускает руку в карман и достает белую горсточку.

— Это, чтобы зайчика поймать?

— И зайчика, и белочку, и сороку, даже медведя можно поймать, только соли побольше нужно взять,— улыбается дедушка.

ЕЖИК В ШУБЕ

После обеда дедушка везет меня в школу, где работают мама и папа. Потом у него дела по хозяйству:

коровка, лошадка, курочки и еще много всего.

Собираемся долго. Дедушка помогает мне надеть теплые колготки, толстые штаны, шерстяные носки, неприятную кофту с высоким горлом и еще одну — вязаную. На ноги — валенки, а на них — красные галошики. На голову — шапку черную, мохнатую, с завязками под шею.

Дедушка вытягивает рукава кофты, так что они становятся длинные-длинные и напоминает: «Держи крепко!». Я зажимаю пальцы в кулачки и старательно впихиваю в рукава шубы. Но, даже так, непослушная кофта вырывается и закатывается до локтей. Дедушка еще разбирается с рукавами, а я уже стою ладошками вверх, чтобы мне на руки надели варежки. Они свисают на резинках почти до самого пола и смешно подпрыгивают. Готово! Остается только шарф. Его нужно повязать правильно — до самых глаз, чтобы не замерзли щеки.

Выходим. Слышно еле-еле, видно чуть-чуть, тяжелая шуба тянет вниз, ноги в валенках не гнутся. У порога ждут санки, застеленные рогожкой. Заваливаюсь в них, дедушка усаживает меня удобнее и накрывает теплым шерстяным платком. Громко, чтобы я услышала, напоминает: «Дыши носом! Как ежик».

Дедушка тащит санки. Дорожка узкая, слева-справа сугробы, повернуться нельзя никак, можно разглядеть только дедушкины ноги, из-под них иногда вылетает снег. Жмурюсь и старательно дышу носом. Неудобно, жарко, но ведь я — ежик! Дышу и думаю, как же ежикам зимой тяжело...

Это потом я узнала, что ежики зимой спят, а во сне дышать можно как хочешь, даже ртом.

ВЕСНА ПРИШЛА

Прислушайся! Ты слышишь?

Едва уловимый звон первого ручейка, робкий щебет птиц в нашем саду, шелест прошлогодней травы под ногами. А недовольный скрип старой липы — белая шубка-то сброшена, а когда же подадут зеленое пальто?

Веселый ветерок пробегает по полям, лесам, обнимает березки, скользит по крыше и озорно стучит в ворота.

— Просыпайтесь, лежебоки! Весна пришла!

Ручеек подхватывает слова:

— При-шла! При-шла! При-шла!

Сонная вода ускоряется, уже самая настоящая река заливает дорогу, смывая последние следы зимы.

— Вес-на при-шла! Вес-на при-шла! — на все лады трубят пернатые глашатаи.

— Приш-ш-ш-шла! Приш-ш-ш-шла! — шепчет сухая трава, укрывая от морозов чуть проклюнувшиеся головки первоцветов.

Невольно улыбка трогает губы. Вдыхаешь, и отмечаешь, что воздух стал другим, особенным, весенним.

КОНФЕТКА ДЛЯ ТУЛИКОВ
Сказка

Танюшка внимательно рассматривала елочку. Высокая — макушка доходит до самого потолка. Красивые пушистые веточки торчат в разные стороны и оканчиваются серебристыми шишечками. Теперь наступит самый настоящий Новый год, будут угощения, поздравления и подарки.

Из кладовки принесли коробки с украшениями. Танюшка аккуратно доставала каждую игрушку, рассматривала ее и передавала маме. Вот домик Бабы-яги, Дедушка Мороз и Снегурочка, разноцветные шары и целая семья зайчиков. Девочке казалось, что все они оживают, просыпаются от спячки, чтобы вместе встретить Новый год.

Танюшка взяла ярко-зеленую коробочку и заглянула в нее:

— Шары! Красивые!

— Их подарил твой папа, когда мы только встретились,— пояснила мама.

Вскоре шесть больших толстощеких шаров разместились по соседству со сказочными героями, зверушками и шариками поменьше.

Мама принесла вазочку с конфетками. К каждой прикрепили серебристую ниточку и привязали к веточке.

— Теперь готово, можно и праздник в дом приглашать! — объявил папа.

Взрослые ушли по своим делам. Танюшка крутилась у елочки. Ей нравилось все, а в особенности мамины шары.

— Вот этот шар совсем плохо видно,— девочка потянулась, чтобы его перевесить на другое место. Елка зазвенела украшениями и начала заваливаться. Танюшка успела ее поддержать, но задела большой шар. Он упал и разбился.

Девочка очень расстроилась. Как теперь рассказать маме о своем поступке? Танюшка зажмурилась и загадала желание, чтобы мамин шар вновь был целым и невредимым. Потом открыла глаза и посмотрела на елочку.

И вдруг кто-то пробежал между иголочками. Девочка присмотрелась и увидела крошечных человеч-

ков. Один толкал тачку, а двое позади несли лесенку. Вот они остановились, что-то оживленно стали обсуждать и показывать на конфетку над ними.

Потом приставили лестницу, один человечек забрался на самый верх и принялся стучать по конфетке маленьким топориком. Кусочки шоколада падали вниз, и остальные человечки укладывали их в тачку.

— Вы кто такие? — девочка придвинулась совсем близко к веточке.

Маленькие человечки испугались и разбежались в разные стороны.

— Погодите, не бойтесь, я вас не обижу!

Но крошки уже попрятались. Остался только один человечек — он не успел слезть с лесенки.

— Погоди, я тебе помогу,— Танюшка аккуратно придержала лесенку.

— Спасибо,— послышался тихий голосок.

— Пожалуйста! Меня зовут Таня, а тебя?

— Я — Туль.

— Вы здесь живете? В нашей елке?

— Да, наш маленький народ называется тулики, и эта елка — наша, мы жили в ней еще в магазине.

— Пусть она будет общая? Нам — красота, а вам — домик.

— Хорошо,— неуверенно согласился Туль.

— А что вы делаете?

— Еду добываем. Повезло — такая вкуснота рядом!

— Это моя конфета,— надула губки девочка.

Человечек удивился:

— Так ее нельзя брать?

Девочка задумалась. Ей было немного жаль конфетку, хотелось съесть ее самой, но она ведь не жадина!

— Берите, я вам помогу ее перенести,— она аккуратно сняла с веточки угощение и перенесла туда, куда показал Туль.

Остальные человечки стали неуверенно выбираться из своих укрытий.

— Спасибо! Спасибо за помощь! — раздавались тоненькие голоса то с одной, то с другой стороны.

— Пожалуйста! — улыбнулась девочка.

— Мы живем здесь,— Туль показал на ствол елочки. Танюшка увидела крошечный домик. Его стены, крыша — все было зеленым.

Родители вернулись. Сели ужинать. Танюшка быстро все съела и взяла печенье, чтобы угостить своих новых друзей. Такой подарок пришелся туликам по вкусу.

После они долго разговаривали, девочка показывала свои любимые игрушки и книжки.

— Добрых снов! — пожелала девочка, когда пришло время отправляться в постель. Уснула она быстро.

Тулики же принялись за дело. Они решили отблагодарить Танюшку и сделать для нее сюрприз. Человечки спустились вниз, где лежали осколки маминого шара, и работа закипела: кто-то носил кусочки, кто-то клеил, кто-то красил. И скоро шар висел на прежнем месте. Совсем как новый!

Светлана ЧИГРИНЕЦ

г. Сельцо Брянской области

Светлана Юрьевна Чигринец родилась 25.05.1989 г. в г. Краснокаменске Читинской обл. В 6 лет переехала в г. Сельцо Брянской обл. Стихи и переводы публиковались в газетах и литературных альманахах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов. Обладатель стипендии Правительства Брянской обл. для одаренной молодежи им. П. Л. Проскурина.

ВСЕ ПРОФЕССИИ ВАЖНЫ!

В детском садике с утра
Расшумелась детвора!
Спор ведется под окном,
Кто кем вырастет потом?
— Стану главным я врачом!
Все болезни нипочем!
С Гиппократом наравне,
Всех людей спасу в стране!
— Если у врача пожар?
Кто примчит в беды разгар?

Кто из пламени спасет?
Врач пожарного зовет!
— Вдруг машину украдут?
Полицейский тут как тут!
Нарушителей найдет
И к закону призовет.
— Дам я вам такой урок,
Заучите его впрок!
Знания для всех важны —
Нам учителя нужны!
— Няня Маша, помоги!
Спор серьезный рассуди:
Чей важнее в мире труд,
Без кого все пропадут?
— Помощь разная бывает,
Все друг другу помогают,
Без профессии одной
Не бывает и другой!

***

Позвал на улицу сестренку,
Свою помощницу Аленку.
С утра Аленка хлопотала,
Уроки делать так устала!
Сидит, пыхтит и изнывает,
Задачу как решить не знает.
И пусть лучами солнце манит,
Сестру в беде брат не оставит!
«Давай скорее мне тетрадку,
Сейчас решу твою загадку!»
Никак задача не сдавалась,
Чуть без решенья не осталась.
Считали, спорили, делили,
Задачу все же мы решили.
Когда мы вместе − все отлично,
Ведь нам сдаваться непривычно!

НЕБОЛЕЙКА

Добрый доктор Неболейка
Важный дал такой совет,
Чтоб здоровья батарейка
Не садилась много лет:
Утро начинай с зарядки,
Как проснулся — не ленись,
С телом будет все в порядке!
Зубы чистить торопись.
Правильно всегда питайся,
Руки мой перед едой.
И почаще закаляйся —
Обливай себя водой.
А на улице раздолье:
Мячик, салочки, лапта —
Выбирай-ка, на здоровье!
Спорт полезен нам всегда!

ГАСТРОЛЕРЫ

Дома некогда сидеть,
Мы с сестренкой любим петь.

Чтоб талант не пропадал,
По дворам турне я взял.
Очень частые гастроли
Гарантировал я Оле:
С гонораром из конфет,
Сладкий тортик на обед.
Раз позвали в Дом культуры
Наши две кандидатуры.
Мы на сцене выступали —
В городе известны стали.
Нам на месте не сидится —
Принимай-ка нас, столица!

ПОМОЩНИЦА

Я на кухне помогаю
Маме чудеса творить.
С ней нисколько не скучаю:
Вместе любим суп варить.
А сегодня на работе
Мама трудится моя.
И хозяйничать на кухне
Непременно буду я!
И с заботой, как шеф-повар,
Приготовлю я обед.
Мама точно от восторга
Много-много даст конфет!
Обойдемся без рецепта,
Чтобы время не терять.
Я пирог в духовку рыбный
Скоро буду отправлять!
Рыба хвостиком торчала,
Не пропекся верхний корж...
И шедевр мой получился
На пирог и не похож.
Эх, немного подрасту я,
Испеку пирог другой.
Очень буду я стараться
Для мамули дорогой!

Анна БАРСОВА

г. Екатеринбург

ЗОВЕМ СОЛНЫШКО

Что ж ты, Солнышко, такое?
Ждем и день, и два… Пустое!
Загляни скорее в дом,
Мы гулять с тобой пойдем!
А не хочешь ты гулять,
Можем зиму мы позвать!
А она — всегда с ветрами,
Шубами и сапогами!

СОЛНЫШКО

Солнышко,
Солнышко,

Лучик твой
ярок!
Он,
словно перышко,
Все —
без помарок!

ДОЖДИК ПРОЛИВНОЙ

Дождик, дождик проливной,
Ты поговори со мной!
Мы с тобою погуляем,
По дорожке зашагаем!
Так до леса добежим,
Травку там поворошим!
На деревьях мы попляшем,
От души чего расскажем…
А потом вдвоем уснем
На полянке, под кустом!

У РЕКИ

На природе, у реки,
Прыгали ягнята.
Рядом дети-голубки —
Дружные ребята.
Кому травку пощипать,—
Хорошо на воле!
Кому мячик погонять
Здесь, на косогоре!

ДЕД ПИХТО*

Жил на свете дед Пихто.
Может, видел его кто?
В гости к нам он приходил,
О хорошем говорил.
Рассказал детишкам сказку
Про зайчишку и савраску,
Про зеленую лягушку
И красавицу-девчушку.
Мы за стол его позвали,
Накормили, услаждали...
Он, конечно, отдохнул
И куда-то упорхнул!
Может, видел его кто?
Приходил к нам дед Пихто!

МОИ ДРУЗЬЯ

У меня друзья: Ильнур,
Павел, Миша и Артур.
Есть еще — Иван и Коля,
Ричард и Марат... Не спорю!
И когда у нас игра,

* В детской литературе дед Пихто часто отождествляется с Лешим.

Все мы вместе со двора —
Спуску не дадим другим
И в футболе победим!

СТЕША

А у Стеши-хохотушки
Все в порядке,
Все игрушки:
И барбос,
И бегемот,
И длиннющий кашалот!
Всех зверушек она любит,
Сладости им завтра купит!

ЗАГАДКИ

***
Он зимой в берлоге спит,
Летом улья ворошит.
Любит мед он и малину,
А порою и рябину.
(МЕДВЕДЬ)

***
Что за зверь в дому играет,
Не рычит и не кусает,
Но зато клубок гоняет,
Коготки все распускает!
(КОШКА)

***
Удивительная птица,
Ни ворона, ни синица.
За тобой все повторяет,
Будто все на свете знает!
(ПОПУГАЙ)

***
С неба дождик насылает,
Листья желтые бросает.
Дарит овощи и фрукты —
Золотые все продукты!
(ОСЕНЬ)

***
Белоснежный и резной,
Мир накроет бахромой.
Под ногами он хрустит,
А весною убежит!
(СНЕГ)

Сокращения

СПР — Союз писателей России
СРП — Союз российских писателей
СЖР — Союз журналистов России
РСПЛ — Российский союз проф. Литераторов
МСПМИ — Международный союз писателей и мастеров искусств
ЛНР — Луганская народная республика
СП — Союз писателей
ИСП — Интернациональный союз писателей
ТГПИ — Тульский государственный педагогический институт (ныне ТулГПУ)
МААНОИ — Международной академии авторов научных открытий и изобретений
ЛО, ЛитО — литературное объединение
ТДС — Тульская духовная семинария
ТулГУ — Тульский государственный университет
ВИЖ — Всероссийский институт журналистики
МБТ — Московский библиотечный техникум
МОГИ — Московский обл-й гумманитарный институт
ТПИ — Тульский политехнический институт (ТулГУ)
МСП — Международный Союз писателей «Новый Современник»
РСП — Российский союз писателей
ОМЛО «Муза» — Областное музейно-литературное объединение «Муза»
АРЛ — Академия российской литературы
РМСП — Российский межрегиональный союз писателей
СЖ — Союз журналистов
РО — Региональное отделение
МПО — Московская писательская организация
ПАНИ — Петербургская академия наук и искусств
ТО — Творческое объединение
ЦИПК — Центральный институт повышения квалификации
МЛО «Клио» — Молодежное литобъединение «Клио»

РВИО — Российское военно-историческое обшество
ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический Университет
ДНР — Донецкая народная республика
СХР — Союз художников России
СПР — Союз писателей России

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА..... 4

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ)..... 5

Предисловие..... 5

Детство и юность..... 5

Начало профессиональной деятельности..... 6

Курская губерния..... 7

Переяславль-Залесский..... 8

Туркестан..... 8

«Доктор, вам надо быть священником…»..... 9

Исповедничество..... 10

Аресты и ссылки..... 11

Великая Отечественная война. Архиерейское служение в Красноярске..... 12

Тамбовская епархия..... 13

«Моя слава — большое торжество для Церкви…»..... 13

Крымская епархия..... 14

Блаженная кончина святителя Божия..... 15

Цитаты святителя Луки (Войно-Ясенецкого): 15

Пятнадцать высказываний..... 15

Цитаты из книг автора..... 16

О семье и воспитании детей..... 17

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О ДУХОВНОСТИ, КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ..... 19

Е. И. РЕРИХ и учение сердца преподобного СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО..... 19

Из наставлений св. Сергия-Строителя, данных Еленой Ивановной в «Криптограммах Востока»..... 16 23

Христианские ценности в наследии и жизненном пути НИКОЛАЯ и СВЯТОСЛАВА РЕРИХОВ..... 24

Мастер..... 24

Сын мастера..... 25

Александр Иванович СУБЕТТО…..... 33

Слово о русском народе и русском человеке..... 33

Михаил Николаевич ЗАГОСКИН..... 35

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ..... 36

Михаил Александрович ШОЛОХОВ..... 37

Валентин Саввич ПИКУЛЬ..... 38

Александр Александрович ЗИНОВЬЕВ..... 39

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ..... 42

Ирина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл…..... 43

Таисия СОЛОЖЕНЦЕВА (д. Яблонево Каменского р-на Тульской обл.) (23.02.1946 — 27.09.2011)..... 53

Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула)..... 64

Валерий ХОДУЛИН (г. Тула) (1937 г. — 2022 г.) 66

Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 66

Валерий СУХОВ (г. Пенза)..... 67

Любовь СЕРДЕЧНАЯ (г. Санкт-Петербург)..... 68

Сергей ЛЕБЕДЕВ (г. Тольятти Самарской обл.)..... 70

Ольга ДЕВЯТКА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 73

Людмила АЛТУНИНА (г. Тула)..... 73

ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ! ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОИНАМ СВО..... 87
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА (г. Брянск)..... 88
Людмила ПОПОВА (г. Москва)..... 91
Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ (г. Сельцо Брянской обл.)..... 93
Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 98
Михаил ДЬЯКОНОВ..... 102
Ольга МОРОЗОВА (г. Тула)..... 102
Оксана ТЮБЕЕВА (г. Стерлитамак)..... 103
Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 103
Надежда КУБЕНСКАЯ (г. Архангельск)..... 103
Вадимир ТРУСОВ (г. Санкт-Петербург)..... 104
Елена БАРАХОВА (г. Тула)..... 105
Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА (г. Тула)..... 105
Ольга ДЕВЯТКА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 106
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула)..... 107
Нина ГАВРИКОВА (г. Сокол Вологодской обл.)..... 107
Тамара ТЯБОКИНА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 107
Татьяна СКВОРЦОВА (п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл.)..... 108
Виталий КУЗНЕЦОВ (г. Новочеркасск Ростовской области)..... 108
ПРОЗА..... 111
Галина МАМЫКО (г. Симферополь, Крым)..... 112
Людмила ПОПОВА (г. Москва)..... 119
Николай МАКАРОВ (г. Тула)..... 126
Тамара ХАРИТОНОВА (г. Брянск)..... 132
Анатолий АГЕЕНКО (г. Омск)..... 136
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА (г. Брянск)..... 140
Ляман БАГИРОВА (г. Баку, Азербайджан)..... 143
Андрей ВОЛКОВ (г. Тула)..... 148
Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 153
Павел ПОДЗОРОВ (г. Бобруйск, Белоруссия)..... 164
Магдалина ГРОСС (д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл.)..... 164
Евгений АСТАШКИН (г. Омск)..... 167
Евгений ТАТАРНИКОВ (г. Ижевск)..... 172
Владислава ВАСИЛЬЕВА (г. Узловая Тульской обл.)..... 179
Юрий СЫЧЕВСКИЙ (г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США)..... 180
Рагим МУСАЕВ (г. Тула)..... 182
Евгений СКОБЛОВ (г. Москва)..... 184
Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Москва)..... 187
Людмила БРАГИНА (г. Белгород) 189
Александр АЛЕКСАНДРОВ-КАСЬКИНСКИЙ (г. Санкт-Петербург)..... 192
Владимир ВЕЩУНОВ (г. Нижний Новгород)..... 197
Виктор БОРИСОВ (Арсеньевский р-н Тульской обл.)..... 202
ПОЭЗИЯ..... 209
Владимир ПОРЯДОЧНОВ (г. Тула) 210
Вадимир ТРУСОВ (г. Санкт-Петербург)..... 213
Елена БАРАХОВА (г. Тула)..... 214
Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА (г. Тула)..... 215
Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 216
Антонина АРИСТОВА (Киреевский р-н Тульской обл.)..... 219
Наталья АРТЕМОВА (п. Медвенка Курской обл.)..... 220
Виктория ТКАЧ (г. Тула)..... 221

Ольга АРТЕМОВА (п. Медвенка Курской обл.)..... 222
Дина ЮДИНА (г. Тула)..... 223
Ольга ДЕВЯТКА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 224
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула)..... 225
Евгений ШЕПЕЛЕНКО (г. Самара)..... 228
Анатолий ЯЛЬНИЦКИЙ (г. Брест, Белоруссия)..... 228
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.)..... 229
Нина ГАВРИКОВА (г. Сокол Вологодской обл.)..... 230
Тамара ТЯБОКИНА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 231
Ольга БОРИСОВА (г. Самара)..... 232
Марина ЩЕНЯТСКАЯ (г. Белгород)..... 234
Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула)..... 234
Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ (г. Тула) (04.05.1937 г. — 10.05.2025 г.)..... 237
Татьяна ПАНОВА (г. Красноярск)..... 238
Владислав БУСОВ (г. Кашира Московской обл.)..... 239
Елена КУЛЕШОВА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 240
Татьяна СКВОРЦОВА (п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл.)..... 241
Татьяна УМНОВА (г. Нефтегорск Самарской обл.)..... 242
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула)..... 243
Таисия СОЛОЖЕНЦЕВА (д. Яблонево Каменского р-на Тульской обл. (23.02.1946 — 27.09.2011)..... 244
Виталий КУЗНЕЦОВ (г. Новочеркасск Ростовской обл.)..... 246
Евгений ТРЕЩЕВ (г. Щекино Тульской обл.)..... 247
Елизавета БАРАНОВА (ВЕСИНА) (г. Тула)..... 248
Элла ЛИПЕЕВА (г. Брянск)..... 249
Анфиса ТРЕТЬЯКОВА (г. Симферополь)..... 250
Анна БАРСОВА (г. Екатеринбург)..... 251
Аркадий ПОЛЬШИН (г. Лебедянь Липецкой обл.)..... 252
Борис РЯБУХИН (г. Москва)..... 253
Кристина Анастасия ВЕРАС БРЗИН (г. Любляна, Республика Словения)..... 254
Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва)..... 255
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан)..... 256
Максим ТОРБИН (г. Москва)..... 257
Наталья ОКЕНЧИЦ (г. Михайловск Ставропольского края и г. Геленджик Краснодарского края..... 258
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.)..... 259

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ..... 262

Людмила ВОРОБЬЕВА (г. Минск, Белоруссия)..... 263
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА (г. Орел)..... 273
Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА (г. Тула)..... 278
Наталья ПОЗДИНОВА (г. Смоленск)..... 284

ПУБЛИЦИСТИКА..... 287

Геннадий МАРКИН (г. Тула), Алексей ЯШИН (г. Тула)..... 288
Валерий МАСЛОВ (г. Тула)..... 298
Игорь ЕГОРОВ (г. Омск)..... 300
Галина РАЗБАЕВА (г. Самара)..... 302
Геннадий МАРКИН (г.Тула), Яков ШАФРАН (г. Тула)..... 306
Валентин ОГНЕВ (г. Щекино Тульской обл.)..... 312

РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ..... 317

Екатерина ЩИГОЛЬ (г. Москва)..... 318

ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ..... 321
Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 322
Ольга КАРАГОДИНА (г. Москва)..... 324
Светлана МАКАШОВА (г. Самара)..... 325
Ольга ДЕВЯТКА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 328
Анна ВОРОНИНА (г. Сельцо Брянской обл.)..... 329
Светлана ЧИГРИНЕЦ (г. Сельцо Брянской обл.)..... 331
Анна БАРСОВА (г. Екатеринбург)..... 333
СОКРАЩЕНИЯ..... 336

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» ВЫХОДИТ С 2011 Г.
С 2020 Г. — ПОД ЭГИДОЙ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

Яков Шафран *— основатель, главный редактор и составитель,* ***Сергей Крестьянкин*** *— зав. отделом прозы,* ***Николай Тимохин*** *— зав. отделом поэзии,* ***Людмила Алтунина*** *— зав. отделом публицистики и литературоведения,* ***Алексей Яшин*** *(от «Приокских зорь»),* ***Геннадий Маркин****,* ***Валерий Демидов***

АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД

12 +
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», альманах предназначен для людей старше 12 лет.

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Изданно в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):
стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.
стр. 110 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.
стр. 208 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.
стр. 261 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.
стр. 286 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.
стр. 316 — «Вознесение». Графика. Гравюра.
стр. 41— Площадь Победы. Мемориал героическим защитникам Тулы (авторы — Б. И. Дюжев, Г. Е. Саевич и Н. Н. Миловидов).
стр. 86 — скульптура «Защитник Донбасса» (авторы — А. Парамонов, А. Коробов и Р. Ганьшин)
стр. 320 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

2-я стр. обложки: сверху — Константин Юон «Парад на Красной площади в Москве 7 Ноября 1941 г.», 1942; внизу — Федор Богородский «Слава павшим героям»,1945.
3-я стр. обложки: сверху — Юрий Непринцев «Отдых после боя», 1951; внизу — Михаил Хмелько. «Триумф победившей Родины», 1949

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ВЫПУСК 15

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета
и дизайн обложки: Я. Н. Шафран
Оформление: В. В. Радько, Я. Н. Шафран
Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты гл. редактора: e-mail: bonyans@yandex.ru

Альманах выходит в электронном виде
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет: 10.07.2025 г.
Формат 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 20,0
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 12

9 785944 222091